

Записки

Ж. О. Бужакова.

Моя жизнь,

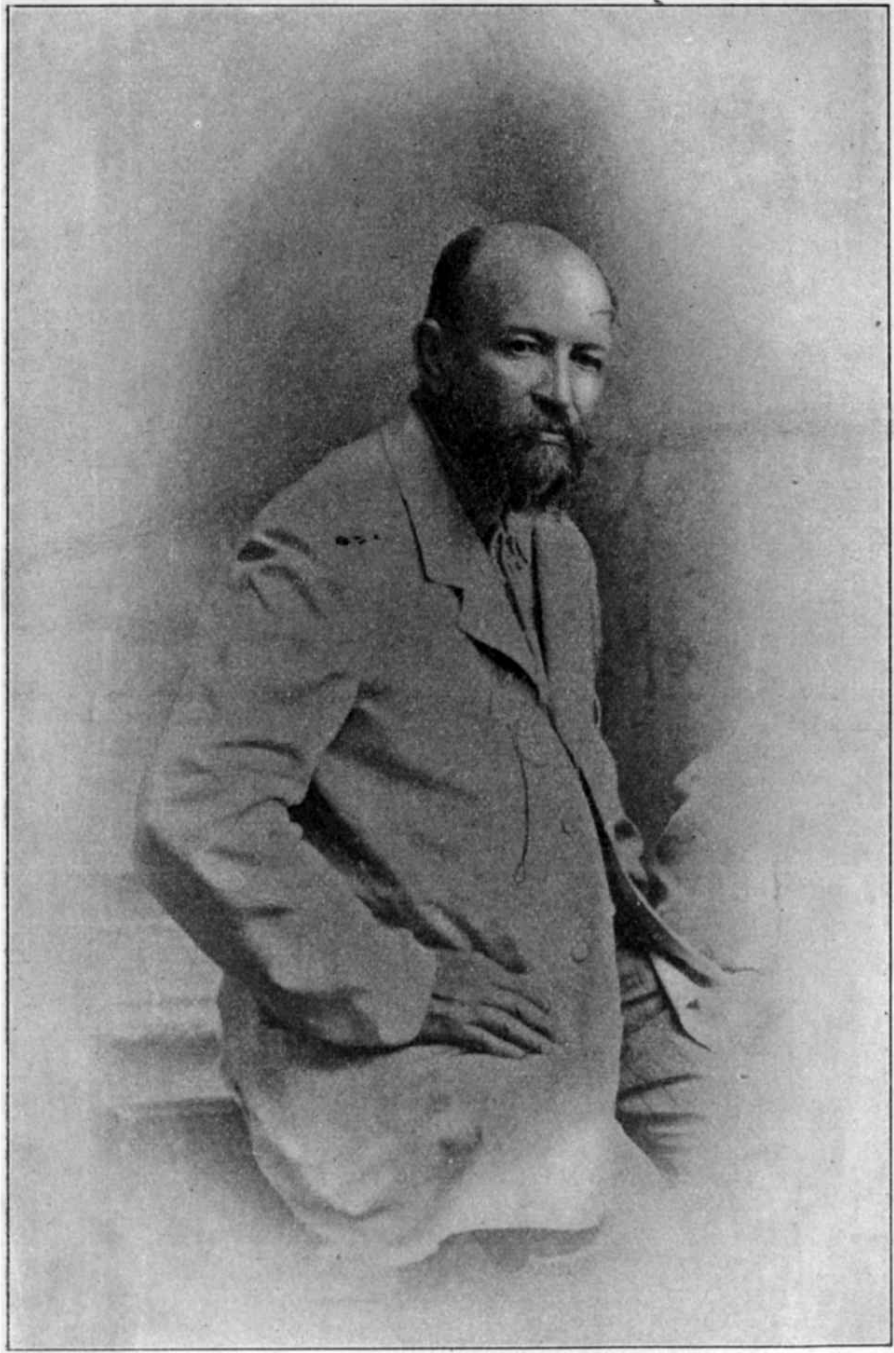
въ связи съ общерусской жизнью, преимущественно провинціальной.

1837 — 1905

Съ портретою и факсимиле.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія г-на „Общественная Польза“, Большая Подьяческая, № 35.
1909.

Хорошо, как всегда
улыбается, взыскание идеала
до мозга и печени и даже
своего имени. Опыта
личной жизни, своего
в жизни, что не так, ~~но~~
выражения Таланта, оги -
решительно и субъективно
своего видения мира, своего
и нежного сердца, веры и
важного решения несовер-
шенства человеческого
существования, провозглашая
духовно-нравственной пред-
ставление своей истин-
ности, в жизни своей жизни
и помыслив орудиями
души. Помыслив, увидев
своего существа в том
что не так и живем пред-
ставление своего
существования, помыслив
выражения человеческого
или человеческого существа
своей нравственной
жизни. Опыта
личной жизни, своего

Во избежание споров
лучше иметь, монополи-
стиальные - договор са-
мый бы энергетической
формой с расчетом
и своим путем.

Записки

Н. Ф. Бужакова.

Моя жизнь,

въ связи съ общерусской жизнью, преимущественно провинціальной.

1837—1905

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія т-ва „Общественная Польза“, Большая Подычская, № 39.
1909.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	СТР.
Предисловіе	XXIV
I. Годы ученія. Русская провинція въ 30-хъ, 40-хъ и 50-хъ годахъ. 1837—1853	4
II. Вступленіе въ жизнь. Конецъ 50-хъ годовъ въ русской провинціи. 1854—1858	25
III. На всѣхъ парусахъ по житейскому морю. Начало 60-хъ годовъ въ русской провинціи. 1859—1863	43
IV. На распутьи. 60-е годы въ Петербургѣ и въ провинціи. 1864—1866	58
V. У пристани. Конецъ 60-хъ годовъ въ Воронежѣ. 1867—1871	71
VI. Среди народныхъ учителей. Семидесятые годы въ провинціи. 1872—1874	92
VII. Пора невзгодъ и огорченій. Конецъ 70-хъ годовъ въ провинціи. 1875—1880	111
VIII. Опять среди народныхъ учителей. Начало 80-хъ годовъ въ провинціи	126
IX. Послѣдній годъ въ городѣ и переселеніе въ деревню	146
X. Въ народной школѣ. Конецъ 80-хъ годовъ въ русской деревнѣ	161
XI. Въ морѣ народнаго горя. Начало 90-хъ годовъ въ русской деревнѣ	194
XII. Итоги. Десятый годъ въ деревнѣ. 1894	208
XIII. Годъ „безсмысленныхъ мечтаній“. Начало новаго царствованія. 1895	222
XIV. Годъ горькихъ разочарованій. Попытное движеніе русской жизни. 1896	231
XV. Мнѣ стукнуло шестьдесятъ. „Ничего въ волнахъ не видно“. 1897	254
XVI. Годъ Бѣлинскаго. Пятьдесятъ лѣтъ со дня его кончины. 1898	276
XVII. Годъ Пушкина. Сто лѣтъ со дня его рожденія. 1899	292
XVIII. Конецъ XIX-го вѣка. Мрачный конецъ свѣтлаго столѣтія. 1900	314
XIX. Начало XX-го вѣка. Что называется—„ни тпру, ни ну“... 1901	323
XX. Годъ Гоголя. 1902. Ликвідаціонный годъ. 1903. „Противъ рождѣ не прати“	343
XXI. Въ Острогжскѣ	361

Кто прочиталъ записки покойнаго Н. Θ., тотъ вѣроятно обратилъ вниманіе съ какой любовью и съ какой подробностью описываетъ онъ свою жизнь и свою работу въ с. Петинѣ.

Несомнѣнно, что ему доставляло большое удовольствіе вновь переживать за своимъ письменнымъ столомъ и школьные акты, и народные спектакли, и свои уроки въ школѣ, и всѣ малѣйшія подробности своей петинской работы, которая давала ему нравственное удовлетвореніе, чистыя радости и вносила такъ много интереса въ его жизнь. Эту работу онъ считалъ самой полезной и самой необходимой въ то время для своей родины, а потому вкладывалъ въ нее всѣ силы своей души.

Какое значеніе имѣла эта работа въ его жизни, можно судить изъ этихъ его словъ: „Только бы у меня не отняли моихъ петинскихъ дѣлъ: безъ нихъ я пропалъ“, а когда правительствомъ былъ совершенъ надъ Н. Θ. тотъ гнусный произволъ, о которомъ тогда говорила вся Россія, Н. Θ. только черезъ годъ имѣлъ силы рассказать въ своихъ запискахъ объ этихъ ужасныхъ дняхъ, а потомъ, во время своей ссылки, онъ только раза три раскрываетъ ихъ, чтобы кратко записать событія своей мучительно однообразной жизни, ни однимъ словомъ не касаясь своего душевнаго міра. Въ это время онъ переживалъ такую душевную драму, рассказывать о которой у него не было ни силъ, ни охоты. Только разъ, изнывая отъ тоски и бездѣятельности въ глухомъ, захолустномъ уѣздномъ городишкѣ, онъ вспоминаетъ стихотвореніе Полонскаго: „Воротилась весна, воротилась... пробуждаются силы земныя, а усталого клонить ко сну“ и такъ говоритъ о своемъ душевномъ настроеніи: „Да усталъ я, но ко сну меня не клонить, я все еще хочу жить и дѣйствовать“. Вотъ въ этомъ-то заключался весь трагизмъ, весь ужасъ его положенія. Человѣка связали по рукамъ и по ногамъ, онъ можетъ только ѣсть и спать, а онъ не хочетъ спать, а хочетъ жить и дѣйствовать. За время своей ссылки изъ здороваго, полнаго силъ и энергіи, несмотря на свои 65 лѣтъ, человѣка, онъ черезъ годъ превратился въ дряхлаго, разбитаго, апатичнаго старика. Люди, видѣвшіе его до ссылки, теперь не узнавали его. Какъ только былъ назначенъ мин. вн. дѣлъ Святополкъ-Мирскій, Н. Θ. возвратили свободу, но здоровье его было совершенно разстроено, въ его душѣ были порваны всѣ струны, и никакая свобода не могла уже заставить ихъ звучать вновь. Черезъ два мѣсяца послѣ этой свободы, которая теперь ему была уже ни на что не нужна, онъ, къ счастью для себя, скончался. Я считаю себя нравственно обязанной передъ памятью покойнаго Н. Θ. выяснитъ, насколько

сумѣю, почему Н. Ѳ. ни въ какомъ случаѣ не могъ пережить такого издѣвательства надъ своей личностью и почему правительству надо было, во что бы то ни стало изъять его изъ обращенія. Для того чтобы это выяснить, необходимо, хотя кратко, коснуться его педагогической и общественной дѣятельности за послѣдніе годы его жизни и дорисовать его нравственный образъ съ той стороны, которая осталась невыясненной въ его запискахъ.

Въ 1884 г., Н. Ѳ. переселяется въ с. Петино Ворон. уѣзда, чтобы быть ближе къ народной школѣ и къ ея работникамъ и окончательно посвящаетъ себя дѣлу народнаго образованія, исполняя такимъ образомъ свою давнишнюю завѣтную мечту — работать для просвѣщенія своего родного народа. Въ деревнѣ онъ со свойственной ему энергіей и энтузіазмомъ отдается своему любимому дѣлу. Никто ему здѣсь не мѣшаетъ работать такъ, какъ онъ хочетъ, какъ онъ считаетъ нужнымъ и полезнымъ для дѣла. Вскорѣ Н. Ѳ. убѣждается, что русской народной школой не скоро разсѣешь мракъ и невѣжество русскаго народа, что для этого надо учить не только ребятъ, но главнымъ образомъ взрослыхъ неграмотныхъ крестьянъ, для чего онъ устраиваетъ въ с. Петинѣ народный театръ, литературно-музыкальные вечера и чтенія съ волшебнымъ фонаремъ. Въ театральныхъ представленіяхъ въ с. Петинѣ участвуютъ исключительно крестьяне и крестьянки, окончившіе петинскую школу. Н. Ѳ. страшно увлекается народнымъ театромъ и отдаетъ ему все свое свободное время. Онъ самъ рисуетъ для петинскаго театра декораціи, передѣлываетъ піесы, переписываетъ роли, сочиняетъ слова для хоровъ, разучиваетъ роли съ актерами крестьянами, ведетъ репетиціи, пишетъ театральныя афиши, пишетъ и раздаетъ билеты на спектакль. Убѣдившись очень скоро, какое огромное воспитывающее значеніе имѣетъ театръ для неграмотныхъ крестьянъ, какой огромный интересъ вноситъ онъ въ ихъ скучную однообразную монотонную жизнь, и видя, какъ театръ привлекаетъ все больше и больше зрителей даже изъ сосѣднихъ селъ, вызывая интересъ къ нему далеко за предѣлы с. Петина, Н. Ѳ. все больше и больше увлекается этимъ дѣломъ, тѣмъ болѣе, что и это дѣло, какъ и всѣ просвѣтительныя дѣла въ с. Петинѣ, шло совершенно свободно безъ всякаго контроля. Работа въ Петинѣ шла дружная, свободная, интересная, принося осязаемые результаты, что удваивало энергію работниковъ этого дѣла.

Самъ Н. Ѳ. былъ первый изъ нихъ. Онъ инициаторъ и душа всякаго дѣла въ с. Петинѣ. Съ ранняго утра до глубокой ночи онъ за работой, поспѣвая всюду, не зная ни усталости, ни скуки, готовый всѣмъ придти на помощь, лишь бы завлечь, заинтересовать работой и создать идейныхъ работниковъ для такого важнаго неотложнаго дѣла, какъ народное образованіе. Работоспособность его была изумительна. Никто никогда не слышалъ отъ него, что онъ усталъ. Дѣло, которое онъ дѣлалъ, это была его жизнь, онъ любилъ и вѣрилъ въ него и умѣлъ эту вѣру и любовь возбудить въ окружающихъ. Н. Ѳ. былъ человѣкъ прямой, честный, свободолюбивый, независимый, довѣрчивый и въ высшей сте-

пени гуманный. Его правдивость и прямота дѣлали его для многихъ человѣкомъ неудобнымъ, неуживчивымъ, отъ котораго лучше было держаться подале. Къ человѣческой личности онъ относился, безъ исключенія, какъ къ святынь, признавая за каждымъ человѣкомъ право на полное всестороннее развитіе его душевныхъ силъ, свободу убѣжденій и полную неприкосновенность. Само собою разумѣется, что онъ не выносилъ посягательства на свою личность ни въ какой формѣ, если же что-либо подобное случалось, то онъ, этотъ мягкій, добрый человѣкъ приходилъ въ бѣшенство. Будучи самъ человѣкомъ очень крупнымъ, какъ въ умственномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи, онъ былъ необычайно скромнень и не выносилъ самоувѣренности и заносчивости пошлыхъ низменныхъ людей, такимъ людямъ лучше было съ нимъ не встрѣчаться: онъ былъ къ нимъ безпощаденъ. Зато, такіе простые скромные люди, какъ крестьяне, чувствовали себя съ нимъ превосходно. Въ Петинѣ буквально не было ни одного крестьянина, у котораго не раздвигалось бы лицо въ привѣтливую радостную улыбку при встрѣчѣ съ Н. Ѳ., а послѣ его смерти, ни одинъ взрослый человѣкъ въ Петинѣ, ни одинъ бывший ученикъ школы не могъ безъ слезъ вспоминать о немъ. Особенной любовью Н. Ѳ. пользовались конечно школьники. Онъ входилъ во всѣ ихъ интересы, шутилъ, возился съ ними и былъ для нихъ любимымъ интереснымъ товарищемъ, который все знаетъ и все можетъ, и они льнули къ нему, какъ мухи къ сахару. Въ своей личной жизни Н. Ѳ. былъ необычайно скромнень; считая всякую роскошь, излишество безнравственнымъ, онъ отказывалъ себѣ иногда въ самомъ необходимомъ, но для любимаго дѣла онъ ничего не жалѣлъ. Петинская школа имѣла такіа богатя учебныя пособія, какія не имѣютъ очень многія гимназіи, въ петинскомъ театрѣ декорации рисовалъ одинъ изъ лучшихъ учениковъ Рѣпина, а петинская библіотека насчитывала сотни томовъ лучшихъ авторовъ. Превосходный петинскій волшебный фонарь имѣлъ около тысячи картинъ, а чтобы Н. Ѳ. сшилъ себѣ сюртукъ, для этого нужно было цѣлые мѣсяцы разговоровъ, пока наконецъ онъ самъ не убѣждался, что сюртукъ его дѣйствительно невозможенъ.

Такъ жилъ и работалъ Н. Ѳ. въ с. Петинѣ до 1891 года, когда страшный голодъ, а въ 1892 году холера волей неволей отвлекли его отъ любимаго дѣла. Эти годы страшныхъ народныхъ бѣдствій имѣли громадное значеніе на оживленіе дѣла народнаго образованія въ Россіи. Обнаружившееся въ эти годы ужасающее невѣжество народа, народная беспомощность и забитость, какъ результаты вѣковой опеки, неустанно подавлявшей его человѣческое достоинство, произвело глубокое впечатлѣніе не только на печать и общество, но даже на официальныя сферы, гдѣ, конечно, дѣло ограничилось только одними разговорами, но въ земствѣ отношеніе къ народному образованію дѣйствительно рѣзко измѣнилось: заговорили о необходимости поднять народное образованіе всѣми зависящими мѣрами безотлагательно. Пошли разговоры о всеобщемъ обученіи, о внѣ школьномъ образованіи народа, а открытіе церковно-приходскихъ школъ заставило земство критически отнестись къ постановкѣ школьнаго дѣла въ земскихъ школахъ и принять всѣ мѣры для улучшенія его. Въ то время очень многія земства стали устраивать педагогическіе курсы для учащихся въ земскихъ школахъ и вотъ на Н. Ѳ., послѣ 12-ти лѣтняго перерыва, опять по-

сыпались приглашенія принять на себя руководство курсами. Въ 1894 году онъ принялъ приглашеніе Тамбовскаго губернскаго земства и послѣ довольно долгихъ проволочекъ былъ, наконецъ, утвержденъ руководителемъ Тамбовскихъ курсовъ.

Никакая педагогическая работа не увлекала и не захватывала Н. Ѳ. такъ, какъ работа въ средѣ учащихся въ народныхъ школахъ. Это въ высшей степени важное общественное дѣло во многихъ отношеніяхъ для будущности Россіи, удовлетворяло его какъ педагога, какъ человѣка и гражданина, и заставляло его переживать лучшія минуты жизни. Получивъ теперь возможность вновь приняться за эту работу, на что онъ почти потерялъ надежду, Н. Ѳ. былъ счастливѣйшій человѣкъ въ мірѣ. Онъ считалъ минуты, когда очутится опять среди своихъ молодыхъ друзей, которые, такъ же какъ и онъ, ждали съ нетерпѣніемъ минуты свиданія.

Всякое дѣло, за которое брался Н. Ѳ., онъ дѣлалъ честно, добросовѣстно, а къ курсамъ онъ готовился съ какимъ-то благоговѣніемъ, буквально забывая себя. Кто видѣлъ Н. Ѳ. на курсахъ, когда онъ занимался въ школѣ при курсахъ одинъ съ тремя отдѣленіями, кто видѣлъ эту вдохновенную работу, тотъ не только понималъ, но и чувствовалъ всѣмъ своимъ существомъ, что это истинный педагогъ-художникъ, а когда онъ велъ бесѣду съ учащими по поводу своихъ уроковъ, когда говорилъ о воспитывающемъ обученіи, о необходимости соединенія въ учебно-воспитательномъ дѣлѣ общечеловѣческаго начала съ живымъ народнымъ началомъ, о необходимости для работниковъ народной школы, кромѣ общеобразовательной подготовки, пониманія народнообщественныхъ идеаловъ даннаго времени и проникновенія ими, тотъ убѣждался, что это педагогъ гражданинъ, страстно любящій свою родину и свой народъ. Кромѣ знанія своего дѣла не только теоретически, но и практически, онъ давалъ своимъ слушателямъ примѣръ неутомимаго труда, самаго добросовѣстнаго исполненія своихъ обязанностей, страстной любви и вѣры въ народную школу, постоянно доказывая имъ, что отъ народнаго образованія зависитъ будущность и спасеніе нашей родины, что учащіе въ народныхъ школахъ исполняютъ одну изъ самыхъ главныхъ функцій въ жизни своей родной страны. Онъ постоянно настаивалъ на томъ, что учащіе должны оберегать свою школу и свою личность отъ произвола и вмѣшательства въ школьную жизнь невѣжественныхъ людей и доказывалъ, что только тотъ учитель, который сумѣетъ оградить свою личность и свое дѣло отъ произвола, можетъ продуктивно работать и принести пользу своему народу. И надо было видѣть, какъ дѣйствовало на учащихся такое отношеніе Н. Ѳ. къ ихъ личности и къ дѣлу, которому они служили. Черезъ два, три дня послѣ открытія курсовъ 200, 300, а иногда и 600 человѣкъ представляли изъ себя одну дружную, любящую семью, одушевленную любовью къ дорогому имъ всѣмъ дѣлу и самыми высокими идеальными стремленіями, къ которымъ рвались ихъ честныя, молодые сердца, подъ вліяніемъ вдохновенныхъ рѣчей ихъ любимаго руководителя. Въ этой семьѣ царила атмосфера необыкновенной нравственной чистоты.

Здѣсь нельзя было быть дурнымъ, а если кто и увлекался чѣмъ-нибудь низменнымъ, пошлымъ,—ему скоро становилось стыдно. Съ самой нѣжной лю-

бовью и глубокимъ уваженіемъ относились учащіе къ своему руководителю. Къ нему обращались они за разъясненіемъ волновавшихъ и затруднявшихъ ихъ вопросовъ. Къ нему шли они съ своими печальми, всегда встрѣчая съ его стороны самое теплое участіе и поддержку. Среди этой дружной семьи положеніе чиновниковъ, всегда безсмѣнно присутствующихъ на курсахъ, было довольно жалкое. Всякое стремленіе съ ихъ стороны проявить свою власть, играть роль на курсахъ Н. Θ. подавлялъ очень рѣшительно въ самомъ началѣ, разъясняя имъ, что ихъ обязанность слѣдить за порядкомъ и въ случаѣ нарушенія къмъ-либо правилъ благопристойности, тѣхъ удалять съ курсовъ. Если же курсы ведутся не такъ, какъ желаетъ ихъ начальство, они могутъ закрыть ихъ, но вмѣшиваться въ занятія курсовъ они не имѣютъ права, а потому онъ этого допустить не можетъ.

По этому поводу у Н. Θ. были не разъ столкновенія съ наблюдателями курсовъ министерскими чиновниками въ родѣ того, что всякіе циркуляры надо принимать во вниманіе съ умомъ, памятуя пословицу о человѣкѣ, котораго заставъ Богу молиться, такъ онъ и лобъ пробьетъ: какъ онъ сказалъ одному инспектору на его замѣчаніе, что онъ не можетъ допустить, чтобы на курсахъ критиковали министерскіе циркуляры, или его столкновеніе съ Херсонскимъ инспекторомъ по поводу вопроса о необходимости общенія между учащими, когда инспекторъ крикомъ „не позволю!“ и стукомъ кулака по столу прекратилъ обсужденія этого вопроса. На этотъ окрикъ Н. Θ. не остался въ долгу и какъ человѣкъ очень самолюбивый, не выносящій никакого оскорбленія, еще громче закричалъ на него, что онъ не смѣетъ кричать и стучать кулаками. „Я служу не вамъ и не вашему начальству,“ говорилъ ему Н. Θ.,— „а земству, работаю и исполняю свою обязанность такъ, какъ велитъ мнѣ моя совѣсть и васъ я знать не хочу. Закрывайте курсы, и я сейчасъ уѣду, но кричать на себя я не позволю“. Учащіе, опасаясь, что это столкновеніе можетъ дѣйствительно повлечь за собой закрытіе курсовъ, на рукахъ вынесли Н. Θ. изъ залы, а отъ инспектора требовали, чтобы онъ извинился. Возбужденіе учащихся было настолько сильно, что инспекторъ поторопился скрыться, а Н. Θ. рѣшился остаться и продолжать занятія, уступая настоятельнымъ просьбамъ учащихся. Но нигдѣ злоба чиновниковъ-наблюдателей не проявлялась такъ сильно, какъ въ Одессѣ, гдѣ ихъ было особенно много, до помощника попечителя включительно, котораго Н. Θ. игнорировалъ такъ же, какъ инспекторовъ.

На курсахъ учащіе часто обращались къ Н. Θ. съ вопросомъ, какъ имъ поступать, когда требованія инспекторовъ обнаруживаютъ ихъ полное невѣжество въ педагогическомъ дѣлѣ, а потому приносятъ большой вредъ школѣ. Н. Θ. всегда, не стѣсняясь, совѣтовалъ имъ выслушать замѣчанія, не спорить съ ними, а поступать по-своему и постоянно помнить, что они служатъ не чиновникамъ, а родинѣ, и что отъ ихъ честнаго исполненія ими ихъ обязанностей зависитъ будущность Россіи. Могли ли чиновники терпѣть такого руководителя? Послѣ трехнедѣльной неутомимой работы, которая начиналась съ ранняго утра и продолжалась до десяти часовъ вечера съ трехъ-часовымъ перерывомъ для обѣда и отдыха, наступало время разлуки. Уже за нѣсколько дней у всѣхъ участниковъ курсовъ мучительно больно сжималось сердце, какъ передъ

потерей чего-то близкаго, безконечно дорогаго и невозвратно прекраснаго, а въ день закрытія курсовъ это чувство доходило до своего максимума. Всѣ эти нѣсколько сотъ человѣкъ при разставаньи плакали, какъ дѣти, не скрывая и не стѣсняясь этихъ слезъ. Прерывающимся голосомъ ихъ руководитель въ своемъ прощальномъ словѣ говорилъ имъ, что онъ гордится, что болѣе сорока лѣтъ былъ чернорабочимъ русской народной школы и стоялъ въ ихъ рядахъ. Онъ завѣщалъ имъ служить только родинѣ, бороться за любимое дѣло и уважать въ своихъ ученикахъ человѣка. Съ грустнымъ чувствомъ разставался Н. Θ. съ своими дорогими друзьями, съ своими товарищами, мысль, что это послѣдніе курсы, которыми онъ руководить, что, можетъ быть, онъ опять надолго будетъ устраненъ отъ этого дѣла, всегда усиливала его скорбное чувство, но ничто не могло заставить его вести курсы иначе. Учащіе наперерывъ старались выразить ему свои чувства въ прощальныхъ рѣчахъ. — „Вы не только учили насъ, какъ „мы должны учить“ — говорили они ему, но Вы учили насъ жить. Своимъ примѣромъ Вы вдохнули въ насъ новыя силы, Вы показали намъ, какъ много мы можемъ сдѣлать, если въ нашихъ душахъ будетъ горѣть искра святой чистой любви къ своему дѣлу, какая горитъ въ Васъ самихъ, что мы постоянно видѣли на Вашихъ увлекательныхъ урокахъ. Вы передали намъ часть своей души, и этого мы никогда не забудемъ. Ваша энергія, любовь къ дѣлу и готовность бороться за интересы народной школы оставила въ насъ неизгладимый глубокій слѣдъ“¹⁾. Что должны были чувствовать при такихъ рѣчахъ люди въ мундирахъ, никому не нужные, всѣмъ ненавистные, мѣшающіе жить и работать? Они, скрывая свою злобу, также говорили теплыя слова и цѣловались съ Н. Θ. іудинымъ цѣлованіемъ. Въ день отъѣзда Н. Θ. почти всѣ учащіе собирались на вокзалъ, чтобы проводить его. Напрасно чиновники прибѣгали ко всевозможнымъ ухищреніямъ, чтобы воспрепятствовать этому, они все-таки шли, усыпали путь его къ вагону цвѣтами, подносили ему букеты и провожали уходившій поѣздъ долго несмолкаемымъ „ура!“ или молодой пѣсней, полной вѣры въ лучшее будущее. При этихъ проводахъ злоба чиновниковъ не знала границъ. Задыхаясь въ своемъ безсиліи, они хватались за свое единственное орудіе — доносы, которые летѣли во всѣ стороны со всѣхъ курсовъ, которыми руководилъ Н. Θ. Послѣ Одесскихъ курсовъ, которые привлекли 600 ч. учащихся и массу публики, когда вліяніе Н. Θ. и его популярность достигли своего апогея, когда учащіе обнаружили болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, независимость и свободу мнѣній, перешедшую уже въ непоколебимую стойкость, которую не могли терпѣть люди въ мундирахъ, Н. Θ. было запрещено руководить курсами. Это было въ 1901 году во времена мин. нар. проsv. Ванновскаго.

Въ это время въ полученныхъ воронежскимъ губернаторомъ спискахъ о неблагонадежныхъ лицахъ изъ департамента полиціи первымъ стояло имя Н. Θ. Бунакова, за которымъ рекомендовалось учредить негласный надзоръ. Земство и общество иначе отнеслись къ работѣ Н. Θ. на педагогическихъ курсахъ. Въ этотъ годъ онъ получилъ приглашеніе руководить курсами для учителей и

¹⁾ Адресъ учащихся Ярославской губ.

уч—цѣ отъ земствъ: изъ Ярославля, Бердянска, Воронежа, Владиміра, Тулы, Рязани, Твери, Самары, Тамбова, Александрова, Уфы и отъ вѣдомства церковно-приходскихъ школъ изъ Пензы.

Само собой разумѣется, что ни въ одной изъ этихъ губерній Н. Θ. руководителемъ курсовъ утвержденъ не былъ. Отъ земскихъ собраній, гдѣ онъ руководилъ курсами, онъ получилъ благодарность, а черезъ годъ, когда онъ былъ уже въ ссылкѣ, телеграмму съ всероссійскаго съѣзда учительскихъ обществъ взаимопомощи, происходившаго въ Москвѣ 1902 г. слѣдующаго содержания. — Мы, общественные дѣятели, участвовавшіе въ съѣздѣ представителей учительскихъ обществъ взаимопомощи, только-что видѣли всходы Вашихъ трудовъ на полѣ народнаго просвѣщенія, да принесутъ они плоды, которыхъ давно ждетъ наша родина. Честь и слава и спасибо сѣятелю добрыхъ сѣмянъ Николаю Бунакову, пусть это послужитъ Вамъ ободреніемъ въ пережитомъ Вами, ждемъ возвращенія Вашего къ общественной работѣ. — Князь Павелъ Долгорукій, князь Петръ Долгорукій, графъ Петръ Бобринскій, Михѣевъ, Кильвейнъ, Николай Чеховъ, Вахтеровъ, Иванъ Чугуновъ, Сахаровъ, Бунинъ, Михайловъ, Тулуповъ, Шестаковъ, Горайновъ. На эту телеграмму Н. Θ. отвѣтилъ письмомъ на имя Петра Димитріевича Долгорукова. Къ сожалѣнію, я не имѣю копии съ этого письма. На это письмо онъ получилъ такую телеграмму: — Участники и делегаты московскаго учительскаго съѣзда, собравшись сегодня на товарищескую вечеринку, съ большимъ интересомъ выслушали Ваше письмо къ князю Петру Димитріевичу Долгорукому. Сочувствуя Вашему настоящему положенію и вспоминая свѣтлые дни Вашей жизни, когда Вы такъ беззавѣтно служили святому дѣлу народнаго просвѣщенія, мы отъ всей души шлемъ Вамъ сердечныя пожеланія мужественно перенести эту, несомнѣнно временную оторванность отъ школы. Дай Вамъ Богъ силъ и здоровья многія еще лѣта служить русскому народу въ дѣлѣ его культурнаго преуспѣванія.

Мы твердо увѣрены, что будемъ счастливы встрѣтить Васъ на второмъ всероссійскомъ съѣздѣ народныхъ учителей“.

Сахаровъ.	Л. Цвѣтковъ.	Н. Тулуповъ.
Гречушкинъ.	В. Елчинъ.	Д. И. Тихомировъ.
Кн. П. В. Долгорукій.	А. Терешкевичъ.	Н. Касаткинъ.
С. Говоровъ.	М. Глинка.	С. И. Тихомирова.
Строгонова.	К. Архангельскій.	К. Мазингъ.
Вознесенская.	П. Боголѣповъ.	М. Почтовская.
М. Тулупова.	Н. Снегерева.	Н. Михайловъ.
Яковлева.	Шестаковъ.	Р. Бурмистрова.
И. Ломакинъ.	Ив. Цвѣтковъ.	М. Шереметьевская.
С. Третьякова.	А. Аберманъ.	К. Пр. Долгорукій.
С. Рагозина.	А. Сельдинъ.	С. Волоровичъ.
В. Н. Евтѣева.	М. Ушакова.	

Большое счастье испытывалъ Н. Θ., видя, какъ цѣнитъ общество его ра-

боту, какое огромное значеніе придаетъ ей въ развитіи народнаго образованія въ Россіи, но въ то же время его заставляло глубоко страдать, что бессмысленнымъ гнуснымъ произволомъ онъ устранилъ отъ этой нужной и неотложной работы, что его 40-лѣтніе труды для родины не спасли его отъ этой жестокой несправедливости. Отнять у Н. Θ. курсы значило отнять у него самый главный интересъ въ жизни; но у него пока оставались Петинскія дѣла, которыя давали ему силы жить, но къ Петинскимъ дѣламъ онъ относился теперь гораздо апатичнѣй, чѣмъ прежде. Онъ почти не занимался въ школѣ, а работу въ народномъ театрѣ совершенно передалъ въ другія руки. Въ это время Н. Θ. совершенно разочаровался въ своемъ единственномъ сынѣ, котораго очень любилъ и на котораго возлагалъ большія надежды и разошелся съ нимъ навсегда. Это горе было для него особенно мучительно, и онъ очень измѣнился за этотъ годъ. Грустно было на него смотрѣть. Послѣ такой интересной кипучей работы, работа въ Петинѣ не удовлетворяла его тѣмъ болѣе, что все здѣсь уже было налажено и шло своимъ чередомъ, какъ заведенная машина. Близкіе люди и друзья, чтобы оживить его, возбудить его прежнюю энергію, уговаривали его баллотироваться въ земскіе гласные. Въ земствѣ въ то время совершенно отсутствовали свободные независимые люди, а потому такой человѣкъ, какъ Н. Θ., могъ принести земскому дѣлу очень много пользы. Н. Θ. до сихъ поръ не баллотировался въ гласные потому, что понималъ, что при его искренности, правдивости и прямотѣ, ему долго тамъ не продержаться, но теперь онъ рѣшился баллотироваться и былъ избранъ почти единогласно въ уѣздные и губернскіе гласные. Этотъ успѣхъ очень благотворно на него подѣйствовалъ: онъ оживился и съ большимъ увлеченіемъ сталъ изучать доклады и готовиться къ земскимъ собраніямъ. Н. Θ. обладалъ натурой энергичной, страстной и въ высшей степени дѣятельной, темпераментомъ общественнаго дѣятеля и оратора, а потому земское дѣло захватило его безраздѣльно. Въ первый же годъ онъ занялъ видное мѣсто въ земствѣ и сталъ вліятельнымъ гласнымъ. Въ уѣздномъ земствѣ къ нему съ большимъ довѣріемъ относились крестьяне, зная, что онъ почти 20 лѣтъ безвыѣздно живетъ въ деревнѣ, превосходно знаетъ ихъ нужды и такъ много для нихъ работалъ. Въ губернскомъ земствѣ онъ съ перваго же года сталъ однимъ изъ крайнихъ либеральныхъ гласныхъ, совершенно не думая о томъ, что имя его уже значится въ спискахъ, полученныхъ губернаторомъ изъ департамента полиціи, напротивъ, это еще болѣе подзадоривало его. Присутствіе его въ земскомъ собраніи въ качествѣ гласнаго, его смѣлыя рѣчи, затрагивающія самые животрепещущіе вопросы, привлекали массу публики. Н. Θ. старался всѣми силами разбудить въ гласныхъ сознаніе, что они должны работать на благо своего народа. Такъ, когда былъ выбранъ предсѣдатель губернской земской управы, Н. Θ., поздравляя его сказалъ: „я надѣюсь, А. И., что вы будете служить не губернатору, а народу и обществу, избравшему Васъ“. Онъ не стѣсняясь громилъ раболѣпство гласныхъ передъ предсѣдателемъ, которые почтительно расшаркивались передъ нимъ и иначе не называли его, какъ ваше превосходительство. Всѣ эти разговоры, конечно, были доподлинно извѣстны предсѣдателю, тѣмъ болѣе, что Н. Θ. говорилъ все это открыто, громко, нисколько не стѣсняясь. До сихъ поръ пред-

сѣдатель губернскаго земскаго собранія губернской предводитель дворянства, карьеристъ и чиновникъ самовластно царилъ въ земскомъ собраніи. Намѣреннымъ распредѣленіемъ докладовъ ему всегда почти удавалось добиться отъ гласныхъ, которые до сихъ поръ были послушнымъ орудіемъ въ его рукахъ, желаемаго рѣшенія каждаго вопроса. Съ вступленіемъ же въ гласные Н. Ѳ., онъ почувствовалъ, что его царство въ земскомъ собраніи кончилось. Въ лицѣ Н. Ѳ. онъ встрѣтилъ большую интеллектуальную силу и независимую смѣлую мысль, бороться съ такимъ человѣкомъ ему было очень трудно. Вліяніе его въ земскомъ собраніи быстро падало; онъ, какъ человѣкъ умный, скоро понялъ, кто былъ этому причиной, и принялъ всевозможныя мѣры, чтобы избавиться отъ такого неудобнаго гласнаго. Надо полагать, что благодаря этимъ мѣрамъ администрація стала очень интересоваться Петинскими дѣлами. Въ Петино теперь очень часто пріѣзжалъ становой и собиралъ самыя подробныя свѣдѣнія о народномъ театрѣ; школу усиленно посѣщаль инспекторъ и держалъ себя совершенно иначе, чѣмъ прежде. Очевидно, что свободной интересной работѣ въ с. Петинѣ грозилъ крахъ. Въ этомъ году Н. Ѳ., избранный единогласно членомъ училищнаго совѣта, гдѣ онъ надѣялся еще съ большей пользой, чѣмъ въ Петинѣ, служить дѣлу народнаго образованія, не былъ утвержденъ губернаторомъ, и дѣло объ его утвержденіи перешло въ министерство, гдѣ его тоже не утвердили. Это былъ новый тормозъ въ его просвѣтительной работѣ, новое незаслуженное оскорбленіе. Тучи сгущались надъ его головой, но приближающаяся гроза не пугала его. Онъ вѣрилъ въ свои силы, или, скорѣе, былъ увѣренъ, что законнаго основанія сцапать его онъ имъ не дастъ, а безъ законнаго основанія они его сцапать не посмѣютъ.

Въ 1902 году были открыты комитеты о нуждахъ сельск.-хоз. промышленности. Это было очень оживленное время въ провинціи. Въ это время часто собирались, много спорили, т. к. мнѣнія въ обществѣ раздѣлились: одни—большинство придавали этимъ комитетамъ большое значеніе; другіе—смотрѣли на нихъ, какъ на ловушку. Н. Ѳ. не соглашался съ большинствомъ, но и не допускалъ мысли, чтобы правительство рѣшилось на подлое предательство. Смѣлый, открытый боецъ и въ то же время строгій законникъ, Н. Ѳ. былъ счастливъ, что дожилъ, наконецъ, до такого времени, когда могъ высказать правду не изъ-за угла, не въ тайномъ обществѣ, а открыто, прямо и, какъ онъ говоритъ въ своихъ запискахъ, „отвести душу“. Онъ считалъ не честнымъ молчать, когда общество могло высказать правду, и произнесъ свою рѣчь. Это былъ первый открытый вызовъ, брошенный правительству не юношей, а старикомъ, заслуживающимъ общее уваженіе. Не встрѣтивъ въ этомъ засѣданіи открытаго сочувствія и поддержки ни въ комъ изъ членовъ комитета, онъ не пожелалъ участвовать въ комиссіи, избранной для составленія доклада, и уѣхалъ домой съ грустнымъ чувствомъ и увѣренностью, что изъ этихъ комитетовъ ничего не выйдетъ, что съ русскимъ обществомъ раньше, какъ черезъ 1000 лѣтъ, никакихъ реформъ добиться нельзя. Потомъ онъ былъ очень доволенъ докладомъ, выработаннымъ комиссіей, не безъ основанія думая, что его рѣчь дала тонъ и направленіе этому докладу, а земскій сѣздъ въ ноябрѣ 1904 г. показалъ ему, что комитеты имѣли громадное значеніе, что его примѣръ не пропалъ даромъ и что въ русскомъ обществѣ все

больше и больше пробуждается гражданскій долгъ передъ родиной. Только нѣскольکو дней онъ не дожиль до резолюціи зѣмскаго сѣзда, когда общество въ первый разъ рѣшило ясно высказаться о необходимости для Россіи конституціи.

Н. Ѳ. очень подробно рассказываетъ въ своихъ запискахъ, что сдѣлало съ нимъ правительство за ту правду, которую оно желало выслушать отъ общества, какъ говорилъ въ своей рѣчи предсѣдатель, открывая Вор. уѣздн. комитетъ о нуждахъ с.-х. промышленности. Н. Ѳ. очень кратко говоритъ о времени своей ссылки и почти ничего не говоритъ, что онъ пережилъ за это время, какъ нравственно умиралъ изо дня въ день. Передъ другими онъ старательно скрывалъ свои страданія и казался бодрымъ. Я была единственная свидѣтельница угасанія этого когда-то сильнаго духомъ человѣка.

Въ Петербургѣ послѣ жандармскаго допроса онъ почти не замѣчалъ своего подневольнаго положенія, только неизвѣстность будущаго страшно тревожила и волновала его, но вниманіе и уваженіе лучшаго петербургскаго общества и учащейся молодежи дѣлали его почти счастливымъ. Но не такъ обстояло дѣло въ Воронежѣ.

Н. Ѳ. пріѣхалъ въ Воронежъ въ 6 ч. вечера, на улицѣ, у подъѣзда гостиницы его ждалъ становой приставъ; черезъ пять минутъ явился въ гостиницу полиціймейстеръ и потребовалъ, чтобы Н. Ѳ. на слѣдующій день въ 9 ч. утра непременно выѣхалъ изъ города въ свое имѣніе. Н. Ѳ. рѣшительно заявилъ, что выѣхать на другой день не можетъ: во-первыхъ, потому, что у него въ городѣ много дѣла, а во-вторыхъ, только на другой день къ вечеру должны пріѣхать за нимъ изъ имѣнья лошади и привезти теплое платье. Полиціймейстеръ уѣхалъ, сказавъ, что онъ все это доложитъ губернатору, на другой день въ 9 ч. утра у Н. Ѳ. опять былъ приставъ съ предписаніемъ отъ губернатора немедленно выѣхать. Въ этотъ день была жестокая мятель, лошади еще не пріѣзжали, теплаго платья не было. Это было 23 ноября, память св. Митрофанія, у архіерея было большое кормленіе, губернаторъ и полиціймейстеръ были тамъ. Я рѣшила употребить всѣ усилія, чтобы ѣхать на другой день на своихъ лошадяхъ съ удобствами, какъ слѣдуетъ одѣвшись и при болѣе благоприятной погодѣ, а потому немедленно отправилась въ архіерейскій домъ, чтобы тамъ лично переговорить съ губернаторомъ. Губернаторъ сидѣлъ за завтракомъ, и мнѣ не удалось его видѣть, а полиціймейстеръ обѣщался передать мою просьбу губернатору. Черезъ часъ онъ сообщилъ мнѣ по телефону, что его превосходительство согласился отсрочить отъѣздъ Н. Ѳ. съ тѣмъ условіемъ, чтобы завтра, 24 ноября, въ 9 часовъ утра онъ обязательно выѣхалъ изъ города.

Такъ началось хамское выслуживанье правительственныхъ чиновниковъ и почти ежедневное мелкое злостное издѣвательство надъ этимъ буквально ни въ чемъ неповиннымъ человѣкомъ, который до сихъ поръ привыкъ каждый шагъ своей жизни распредѣлять по своему усмотрѣнію, составлять планъ своей жизни и методически точно осуществлять его. Теперь онъ не имѣлъ права распорядиться собой. Первое время это ошеломило и какъ-то смутило его, такъ все это казалось ему дикимъ, бессмысленнымъ. Такое положеніе молодого человѣка дѣлаетъ героемъ, удваиваетъ энергію, дѣлаетъ его сильнымъ, стойкимъ борцомъ,

старика же, который доживаетъ послѣдніе годы своей жизни, глубоко оскорбляетъ, подавляетъ энергію и отнимаетъ охоту жить.

24 ноября въ 12 часовъ дня Н. Ѳ. пріѣхалъ въ с. Петино, тамъ его опять ждалъ становой и, не давъ ему отдохнуть, потребовалъ отъ него всевозможныхъ справокъ и взялъ подписку не принимать никакого участія въ школьной работѣ, даже не посѣщать школу и вообще прекратить всякую просвѣтительную работу въ с. Петинѣ.

Трудно было придумать для Н. Ѳ. болѣе мучительную пытку, какъ сослать его въ свое имѣнье. Надо полагать, что это прекрасно понималъ г. Плеве. Передъ окнами дома, въ которомъ мы жили въ с. Петинѣ, стоялъ только-что отстроенный роскошный народный домъ. Этотъ домъ Н. Ѳ. строилъ съ широкими планами, мечтая внести свѣтъ науки и знанія не въ одно с. Петино, а во весь край и посвятить этой работѣ послѣдніе годы своей жизни. Къ этому дому шла вымощенная дорожка отъ нашего дома съ крыльца къ крыльцу, чтобы Н. Ѳ. могъ во всякое время и во всякую погоду посѣщать происходившія въ этомъ домѣ работы. Теперь Н. Ѳ. только смотрѣлъ на ту дорожку, но ходить по ней ему было уже незачѣмъ.

Въ этомъ домѣ теперь было много хозяевъ, только не Н. Ѳ. Попъ, учительницы, которыя совершенно игнорировали его, инспекторъ, развращенный, наглый человѣкъ, который всѣми силами старался петинскую школу обратить въ мастерскую грамотности. Для этой компаніи Н. Ѳ. теперь не существовалъ. Только крестьяне скоро поняли, что они и ихъ дѣти потеряли въ лицѣ Н. Ѳ. и наперерывъ старались самымъ трогательнымъ образомъ выразить ему свое расположеніе. Большинство воронежскаго общества торжествовало, особенно чиновники, что наконецъ скрутили этого, мѣшавшаго всѣмъ спокойно жить, человѣка; другіе не замѣчали его и дѣлали видъ, что не знакомы съ нимъ, только немногіе друзья по-прежнему не забывали и изрѣдка навѣщали его въ Петинѣ.

Человѣкъ, который игралъ видную роль въ общественной жизни города, къ мнѣнію котораго всѣ прислушивались и съ которымъ нужно было считаться, не только пересталъ существовать, но котораго можно было даже лягнуть безнаказано.

Педагогъ по призванію, отдавшій всю жизнь дѣлу народнаго образованія, былъ устраненъ отъ него, какъ вредный и бесполезный человѣкъ. Своей работой онъ создалъ истинное просвѣщеніе народа въ с. Петинѣ и теперь долженъ былъ молча присутствовать при разрушеніи и оскверненіи созданнаго имъ съ такой любовью и съ такимъ трудомъ нужнаго и полезнаго дѣла, безъ надежды возстановить, исправить его. Но самое мучительное въ его положеніи—это было писать прошенія губернатору всякій разъ, когда необходимо было поѣхать на два, на три дня въ городъ, получать для этого проходное свидѣтельство и предъявлять его полиціи. Его гордая свободолюбивая душа, проникнутая глубокимъ уваженіемъ къ человѣческой личности буквально не могла переносить этого мучительнаго издѣвательства. Получая проходное свидѣтельство, онъ совершенно лишался покоя, печать глубокаго страданія нѣсколько дней не сходила съ его лица и его ничѣмъ нельзя было развлечь и успокоить. Но не смотря на эти тяжелыя условія жизни, онъ первое время до весны 1903 г.

довольно бодро переносилъ свое подневольное положеніе, п. ч. былъ глубоко убѣжденъ, что эта гнусность совершена надъ нимъ не потому, чтобы его дѣйствительно считали опаснымъ человѣкомъ, а потому, что вся эта исторія нужна была всеильнымъ министрамъ для ихъ личныхъ цѣлей и, какъ только весной онъ подастъ прошеніе, ему возвратятъ свободу. Эта мысль очень поддерживала его, онъ даже мечталъ о возможности для него педагогической работы, если не въ Петинѣ, то въ другомъ мѣстѣ; но когда на поданное имъ прошеніе мин. внутр. дѣлъ ему было не только отказано въ освобожденіи, но даже въ переселеніи въ Воронежъ, а предложено, по случаю продажи имѣнія, выбрать для жительства одинъ изъ уѣздныхъ городовъ Воронежской г., онъ понялъ, что его дѣйствительно считаютъ опаснымъ человѣкомъ, что ему предстоитъ еще болѣе двухъ лѣтъ, что составляетъ въ его годы большой срокъ, жить по проходному свидѣтельству, что онъ долженъ навсегда отказаться отъ дѣла, которому отдалъ всю жизнь. Энергія, способности были теперь уже ни на что не нужны, смыслъ жизни утраченъ, приходилось доживать послѣдніе годы безъ всякой надежды на лучшее будущее, быть предметомъ глумленія и издѣвательства; этого онъ пережить не могъ. Съ этихъ поръ глубокая грусть овладѣла имъ, и онъ почти пересталъ разговаривать. Цѣлые дни отъ него нельзя было добиться ни слова, онъ не могъ не только заниматься литературной работой, единственно возможной для него въ то время и которой онъ наполнялъ свое время въ этотъ годъ, но даже читать. Единственнымъ его развлеченіемъ теперь были шахматы. Только за шахматами онъ забывалъ, что для него все безвозвратно потеряно, что у него нѣтъ будущаго, только за шахматами на лицѣ его не видно было мучительной неотвязной думы, которая грызла его день и ночь, не давая ни минуты покоя. Молчаливый, безучастный ко всему, цѣлые дни сидѣлъ онъ теперь безъ всякаго дѣла, не сводя глазъ съ курсовыхъ фотографическихъ группъ, которыми были увѣшаны стѣны нашихъ комнатъ, и жилъ въ прошломъ; только мечта о свободѣ, до которой ему страстно хотѣлось дожить и увѣренность, что тогда къ нему возвратится его энергія и работоспособность, давали ему силы жить.—Потерявъ всякую надежду лично работать въ петинской школѣ и принимать какое-либо участіе въ этой работѣ, Н. Θ. отказался отъ матеріальныхъ затратъ на это дѣло.

Земство открыло въ с. Петинѣ школу въ другомъ помѣщеніи, около этой новой петинской школы стали нивменныя, совершенно невѣжественныя люди, это причиняло новыя мучительныя страданія Н. Θ. Чтобы прекратить эту пытку, пришлось приступить къ ликвидаціи нашей петинской школы.

Богатыя учебныя пособія, которыя Н. Θ. собиралъ съ такой любовью въ продолженіе своей 40-лѣтней педагогической дѣятельности, большинство которыхъ было приготовлено имъ самимъ, укладывались въ ящики для отправки въ Тамбовскую и Тверскую губерніи, т. к. ни уѣздное, ни губернское воронежское земства не пожелали ими воспользоваться. Это было мучительно больное дѣло: какъ будто хоронили самага близкаго дорогого покойника, а когда двинулись десятки подводъ со школьной мебелью, которую Н. Θ. пожертвовалъ городскимъ школамъ, это была настоящая погребальная процессія, и все это дѣлалось по произволу одного лица неизвѣстно зачѣмъ и для чего. Теперь все было

разрушено. Громадныя комнаты петинскаго народнаго дома стояли пустыя, полныя безпорядка.

Двери наглухо заколочены. — Съ ликвидаціей петинской школы у Н. Θ. была взята душа, ему оставили только тѣло. На что ему было нужно это тѣло, когда онъ всю жизнь жилъ только духомъ!

Общественная жизнь теперь нисколько не интересовала Н. Θ. Испытавъ на себѣ весь ужасъ произвола русскаго правительства, онъ почувствовалъ всѣми силами своей души, что въ Россіи теперь только одно неотложное важное дѣло: это борьба съ правительствомъ, все же остальное—безполезная, бесплодная работа, пока человѣческая личность не получитъ право на свободную счастливую жизнь, но для такой работы у него не было теперь ни силъ, ни возможности. Здоровье его быстро разрушалось: доктора находили у него склерозъ. Безучастно смотрѣть на эти тихія молчаливыя страданія, на это медленное угасаніе такъ ярко горѣвшаго факела, было невыносимо тяжело. Я рѣшила употребить всѣ усилія, чтобы добиться для него разрѣшенія жить въ Воронежѣ, чего онъ страстно желалъ и что единственно могло спасти его, п. ч. изъ Воронежа ему не нужно было никуда ѣздить, т. к. тамъ жили всѣ близкіе ему люди, потому въ Воронежѣ ему не пришлось бы такъ часто писать прошенія и получать проходныя свидѣтельства, что такъ мучило его. Тамъ онъ могъ хоть на время забыть о своей неволѣ. Да и здоровье его требовало постояннаго наблюденія врача, чего въ деревнѣ имѣть было нельзя. Я рѣшила сперва повидаться съ губернаторомъ и, заручившись его согласіемъ, ѣхать въ Петербургъ въ департаментъ полиціи. Губернаторъ, два или три мѣсяца передъ тѣмъ назначенный въ Воронежъ на мѣсто уволеннаго Слѣпцова, на мою просьбу сказалъ: „Я ни въ какомъ случаѣ не могу согласиться, чтобы Вашъ мужъ жилъ въ Воронежѣ“.

— Да почему же, Ваше пр-ство?—спросила я.

— Вѣдь моего мужа Вы ни въ чемъ противозаконномъ упрекнуть не можете.

— „Я прекрасно знаю, что вашъ мужъ превосходный человѣкъ, рѣдкій можно сказать человѣкъ“, говорилъ съ большимъ чувствомъ губернаторъ.

„Онъ человѣкъ безконечно добрый, неподкупно честный, прямо святой человѣкъ, но такіе люди для насъ самые опасные“. Чѣмъ же, Ваше пр-ство, мой мужъ можетъ быть опасенъ, если онъ такой хорошій человѣкъ? спрашиваю я.

„А тѣмъ, что онъ непримиримый врагъ правительства“, съ увѣренностью отвѣчалъ мнѣ губернаторъ.

Не опровергая этого совершенно вѣрнаго мнѣнія, я спросила:

— Почему же, ваше пр., мой мужъ до 65 лѣтъ не былъ опаснымъ человѣкомъ, а въ 65 лѣтъ сталъ опаснымъ?

— Ну, ужъ это наша вина, не доглядѣли,—нисколько не стѣсняясь, съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ сказалъ губернаторъ.

— На какомъ же основаніи вы считаете моего мужа опаснымъ человѣкомъ?—спросила я,—вѣдь вы его совершенно не знаете.

— А вотъ, если бы я зналъ, что вы ко мнѣ придете сегодня, я бы вамъ представилъ эти доказательства, у меня ихъ цѣлый ящикъ.—При этихъ словахъ

губернаторъ выдвинулъ ящикъ письменнаго стола, потомъ, вѣроятно, спохватившись, что тамъ кромѣ доносовъ ничего не было, опять его задвинулъ.

— Мнѣ извѣстны всѣ поступки, вся переписка моего мужа,—сказала я,—и я навѣрно знаю, что никакихъ доказательствъ преступности моего мужа у васъ нѣтъ и быть не можетъ, кромѣ доносовъ, а развѣ можно составить мнѣніе о человѣкѣ на основаніи доносовъ?

— Вы совершенно не знаете вашего мужа,—сказалъ губернаторъ,—но вѣдь это общая участь всѣхъ женъ,—съ грустью прибавилъ онъ,—а я знаю, что вашъ мужъ самый опасный для правительства человѣкъ.

— Но какъ же это, ваше пр.,—съ удивленіемъ спросила я,—я знаю мужа 25 лѣтъ, а вы только нѣсколько мѣсяцевъ, какъ пріѣхали въ Воронежъ, никогда моего мужа въ глаза не видали, и вы его знаете, а я его не знаю.

Губернаторъ снова начиналъ меня увѣрять, что у него есть какая-то переписка Н. Θ. и много другихъ доказательствъ его преступности; онъ всѣми силами старался увѣрить меня, что Н. Θ. самый опасный человѣкъ въ русскомъ государствѣ, много толковалъ о вліяніи Н. Θ. на учащихъ, и въ доказательство—подробно рассказывалъ мнѣ объ оваціяхъ, которыя устраивали ему на курсахъ. Я старалась разяснить губернатору, что если Н. Θ. устраивали оваціи, значитъ, онъ ихъ заслужилъ, а свое вліяніе на учащихъ онъ всегда употреблялъ на пользу дѣла, которое ему было слишкомъ дорого и на пользу учащихъ, которыхъ онъ очень любилъ. Несмотря на вѣскіе доводы съ моей стороны, что для здоровья Н. Θ. ему необходимо жить въ Воронежѣ, губернаторъ рѣшительно отказался дать на это свое согласіе. Настаивать было бесполезно. Изъ этого разговора я увидѣла, какъ воспользовались многіе изъ приближенныхъ губернатору лицъ, особенно мелкіе чиновники, имѣющіе иногда чинъ только канцелярскихъ служителей, чтобы выслужиться передъ вновь прибывшимъ губернаторомъ, создать свое собственное благополучіе и потопить ни въ чемъ неповиннаго человѣка, но случай былъ рѣдкостный, птица попалась крупная, какъ было не воспользоваться, чтобы изъ канцелярскихъ служителей попасть хотя бы въ коллежскіе регистраторы. Послѣ разговора съ губернаторомъ я все-таки рѣшила ѣхать въ Петербургъ. Въ Петербургѣ я добилась свиданія съ вице-директоромъ департамента полиціи, директоръ Лопухинъ былъ въ отсутствіи. Вице-директоръ все сваливалъ на губернатора, говорилъ, что безъ его согласія министръ врядъ ли разрѣшитъ Н. Θ. жить въ Воронежѣ, но все-таки согласился передать мое прошеніе мин. вн. дѣлъ. Но и на мое прошеніе получился отказъ. Н. Θ. дѣлался все молчаливѣе и мрачнѣе, даже шахматы теперь мало развлекали его, онъ буквально не могъ переносить жизни въ Петинѣ: приходилось переѣзжать въ уѣздный городъ; т. к. право выбора города предоставлено было Н. Θ., то онъ выбралъ г. Острогожскъ, какъ лучшій изъ уѣздныхъ городовъ Воронежской губерніи. Продавши за безцѣнокъ имѣніе, мы покинули с. Петино, гдѣ прожили почти 20 лѣтъ. По поводу нашего переѣзда у меня съ губернаторомъ тоже былъ очень неприятный разговоръ. Когда я къ нему пріѣхала, чтобы сказать, что Н. Θ. переѣзжаетъ въ Острогожскъ, онъ сталъ мнѣ доказывать, что право выбора города принадлежитъ ему. Я просила его посмотрѣть внимательно отвѣтъ на прошеніе Н. Θ. Онъ началъ увѣрять, что у него есть другая бумага,

присланная лично ему, и пошелъ за этой бумагой, потомъ почему-то раздумалъ, вернулся и сталъ грозить мнѣ пальцемъ и кричать, что если Н. Θ. въ Остро-гожскѣ учительскій персоналъ устроить овацію, то онъ его туда закатаетъ...

Я чувствовала, что я теряю самообладаніе, и поторопилась уйти, не дослушавъ этого внушенія. Въ маленькомъ уѣздномъ городишкѣ, гдѣ можно было насчитать не больше двухъ-трехъ интеллигентныхъ людей, которые боялись переступить порогъ нашей квартиры, лишенный дѣла, утратившій способность работать, забытый всѣми Н. Θ. скучалъ смертельно и медленно угасалъ. Въ другой странѣ, при другихъ условіяхъ такой человѣкъ, какъ Н. Θ., могъ бы работать и приносить пользу своей родинѣ; въ Россіи онъ былъ ни на что не нуженъ и ему оставалось только умереть.

Наступала весна. Мысль провести лѣто въ пыльномъ, вонючемъ городишкѣ пугала насъ. Опять приходилось писать прошеніе, чтобы разрѣшили провести лѣто на дачѣ близъ Воронежа на берегу Дона.

Н. Θ. стремился въ эти мѣста, п. ч. тамъ жили очень многіе его знакомые. Онъ любилъ людей и чувствовалъ, что только общество людей можетъ его спасти, а между тѣмъ люди теперь бѣжали отъ него, какъ отъ зачумленнаго. Разрѣшеніе было получено. Я возлагала большія надежды на это лѣто, но къ моему ужасу всѣ знакомые подъ разными предлогами отказывались сдать намъ дачу. Наконецъ нашелся одинъ храбрый человѣкъ, который рѣшился на такой рискованный шагъ. Въ началѣ апрѣля, какъ только наступили теплые дни, мы поторопились выѣхать изъ противнаго городишка. Недѣли двѣ мы надѣялись прожить въ Воронежѣ и въ концѣ апрѣля выѣхать на дачу, но какъ только мы пріѣхали въ Воронежъ, губернаторъ требовалъ немедленнаго выѣзда Н. Θ. изъ города. Мы всячески оттягивали отъѣздъ, п. ч. Донъ еще не вошелъ въ берега, ѣхать на дачу было опасно, а возвращаться въ Острогожскъ и думать не хотѣлось. Несмотря на наши хлопоты, въ половинѣ апрѣля мы должны были выѣхать на дачу. Всѣ дачи еще стояли пустыя за исключеніемъ ближайшей къ намъ, въ которой уже жила, давно знакомая намъ, интеллигентная, когда-то очень либеральная, семья, и мы утѣшали себя мыслью, что не будемъ одни. На другой день по пріѣздѣ на дачу къ намъ явился становой и какъ будто изъ глубокаго расположенія къ Н. Θ. упрашивалъ его принять мѣры, чтобы учащіе не устроили ему здѣсь овацій. Очевидно, оваціи не давали спать губернатору. Смѣхъ и злость брала, слушая эти дикія опасенія. Черезъ недѣлю послѣ нашего переѣзда начались холода. Почти весь май дулъ сѣверо-восточный вѣтеръ, ночью градусникъ падалъ до 0°. Маленькій дачный домикъ продувало насквозь, приходилось законопачивать всѣ окна и двери. День и ночь у насъ горѣли лампы, керосинная печь, и все-таки мы застывали отъ холода.

Напрасно мы надѣялись на нашихъ старыхъ знакомыхъ: разъ только заглянули они въ поздній, совершенно темный дождливый вечеръ на пять минутъ, и больше мы ихъ не видѣли. Пользуясь всѣми удобствами своей собственной насиженной усадьбы, которая имъ принадлежитъ болѣе 30 лѣтъ, они не сочли нужнымъ поинтересоваться, какъ переноситъ старикъ такіе холода, лишенный домашнихъ удобствъ, не имѣя возможности двинуться съ мѣста. Такъ жили мы цѣлый мѣсяць одни одинешеньки, пока не пріѣхали наши родственники и дру-

гіе болѣе храбрые и добрые люди. Никогда не чувствовалъ Н. Θ. такъ мучительно свою неволю, какъ этотъ первый мѣсяць на дачѣ. Отношеніе правительственныхъ чиновниковъ раздражало его, а отношеніе знакомыхъ, когда-то друзей, заставляло его глубоко страдать. Наконецъ это ужасное время, которое Н. Θ. въ своихъ запискахъ называетъ жизнью въ Якутской области, кончилось. Пригрѣло солнышко, около насъ были близкіе люди. Я всѣ силы употребляла, чтобы окружить Н. Θ. обществомъ: устраивала литературно-музыкальные вечера, спектакли, развлекала его чѣмъ только могла, и Н. Θ. немного оживился. Время шло весело, разнообразно, но мысль возвратиться осенью въ Острогжскъ отравляла намъ жизнь. Н. Θ. подалъ прошеніе провести зиму въ Петербургѣ, т. к. здоровье его требовало серьезнаго лѣченья. На это прошеніе очень скоро получился утвердительный отвѣтъ, что, конечно, очень обрадовало Н. Θ. Въ іюльъ получилось давно ожидаемое извѣстіе объ убійствѣ Плеве, которое заставило ликовать всю Россію. Н. Θ. боялся вѣрить этому извѣстію и говорилъ, шутя, что навѣрно въ каретѣ сидѣлъ манекень, что не можетъ быть, чтобы Плеве не зналъ о замышляемомъ убійствѣ, и увѣрялъ, что завтра получится извѣстіе, что Плеве живъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ былъ назначень мин. вн. дѣлъ Святополкъ-Мірскій, воронежскимъ губернаторомъ была получена телеграмма немедленно снять гласный надзоръ съ Н. Θ. Бунакова и возвратить ему права общественной дѣятельности. Наконецъ Н. Θ. дожилъ до свободы, о которой такъ страстно мечталъ. Первое время онъ былъ довольно оживленъ, бодръ, но скоро почувствовалъ, что свобода уже не спасетъ его, не наполнитъ пустоты его внутренняго міра, изъ котораго взяли все содержимое, все разрушили, все осквернили, наполнить эту пустоту при современномъ положеніи Россіи ему было нечѣмъ, охоты жить и работать при русскихъ условіяхъ не было. Эту послѣднюю самую ужасную драму своей жизни онъ уже пережить не могъ. Сбылись его слова, когда онъ писалъ въ своихъ запискахъ: „только бы у меня не отняли моихъ Петинскихъ дѣлъ! безъ нихъ я пропалъ!“ Что свобода не внесла радости въ его внутренній міръ, не оживила его, не возбудила въ немъ желанія жить и дѣйствовать, видно изъ того, что онъ, получивши свободу, не внесъ ни одной строки въ свои записки: ему нечего было записывать, жизнь по-прежнему не имѣла ни смысла, ни цѣли. Въ ноябрѣ покончивши все съ Острогжскомъ и устроившись въ Воронежѣ, я упросила Н. Θ. ѣхать въ Петербургъ, надѣясь, что онъ встрѣтитъ тамъ много знакомыхъ земцевъ, т. к. въ это время въ Петербургѣ былъ назначень первый всероссійскій земскій съѣздъ, и это оживитъ его. Н. Θ. согласился, и 2 ноября 1904 г. мы выѣхали изъ Воронежа. Всю дорогу онъ былъ молчаливъ, вялъ, апатичень, какимъ онъ былъ въ этотъ послѣдній годъ своей ссылки. Подѣвзжая къ Любани, я проснулась и желая знать, спитъ ли Н. Θ., я окликнула его, но онъ не могъ ни встать, ни сказать мнѣ ни одного слова. Я подошла къ нему, помогла ему подняться и спросила, что съ нимъ. Какъ только я его подняла, онъ сейчасъ же заговорилъ и рассказалъ мнѣ, что съ нимъ происходитъ что-то странное, что вотъ уже въ другой разъ въ продолженіе ночи онъ теряетъ языкъ и въ это время не можетъ двигаться. На мой вопросъ, не болитъ ли у него голова, онъ увѣрялъ меня, что совершенно здоровъ, я смочила ему голову одеколономъ съ

водой. „Теперь я чувствую себя прекрасно, ты не беспокойся, голубка“, сказалъ онъ, это оттого, вѣроятно, что я низко лежалъ“. Мысль, что это начало конца, пронизала мой мозгъ, но я старалась казаться покойной, тѣмъ болѣе, что въ его глазахъ я видѣла тревогу, страхъ и волненіе, хотя онъ былъ человѣкъ совершенно не мнительный и очень мало обращалъ вниманія на свое здоровье. Приѣхавши въ Петербургъ, мы остановились въ Сѣверной Гостинницѣ. Я хотѣла сейчасъ же ѣхать къ В. А. Латышеву, помощн. попеч. округа, квартира котораго была самая близкая изъ всѣхъ нашихъ знакомыхъ, чтобы просить поскорѣй прислать врача, но Н. Θ. самъ написалъ ему записку, которую я сейчасъ отправила съ посыльнымъ. Н. Θ. чувствовалъ себя совершенно здоровымъ. До обѣда мы съ нимъ катались, за обѣдомъ онъ совершенно успокоился и даже шутилъ, но послѣ обѣда у него опять на нѣсколько секундъ отнялся языкъ. Я сейчасъ же поѣхала сама къ Латышеву и просила поскорѣй прислать врача. Въ шесть часовъ вечера у насъ былъ консиліумъ изъ трехъ врачей. Двое изъ нихъ не придавали этимъ явленіямъ большого значенія и объясняли ихъ утомленіемъ, только одинъ находилъ положеніе очень серьезнымъ. Предписавъ полный покой, доктора разѣхались.

Н. Θ., успокоенный, уснулъ. На другой день у него все чаще и чаще отнимался языкъ на болѣе продолжительное время, ноги плохо повиновались ему, онъ почти не могъ ходить и видимо слабѣлъ. Въ тѣ часы, когда онъ владѣлъ языкомъ, онъ говорилъ безъ умолку, какъ будто хотѣлъ усиленнымъ говоромъ предотвратить повторенія этихъ ужасныхъ явленій, которыя такъ пугали и волновали его. На мои тревожные вопросы доктора продолжали увѣрять меня, что ничего нѣтъ серьезнаго.

Въ ночь съ 5-го на 6-е съ нимъ сдѣлался страшный припадокъ: онъ задыхался, метался въ страшной тоскѣ, языкъ отнимался все чаще и на очень продолжительное время, онъ страдалъ ужасно, просилъ, чтобы его положили выше, и говорилъ, что въ эту ночь умереть. Доктора и въ это время не давали мнѣ точнаго, опредѣленнаго отвѣта, дѣлали всевозможныя предположенія, не останавливаясь окончательно ни на одномъ.

Подъ утро онъ успокоился и умолкъ навѣки, продолжая жить. Правая сторона была парализована, ноги не двигались. Это былъ трупъ, только неровное, хриплое дыханіе, вылетающее изъ этой измученной груди, указывало, что онъ еще живъ. Я одного желала теперь для него, чтобы онъ поскорѣе умеръ.

Утромъ опять собрался консиліумъ, и только теперь, наконецъ, доктора поняли и опредѣлили жестокой параличъ, какъ слѣдствіе склероза, развившагося отъ пережитыхъ волненій, и нашли положеніе его почти безнадежнымъ.

Н. Θ. лежалъ неподвижно съ выраженіемъ невыразимаго страданія на лицѣ. 8-го ноября, въ 2¹/₂ ч. дня, онъ скончался. Погребеніе было 11 ноября на Волковомъ кладбищѣ. Нѣсколько сотъ студентовъ, которые до самаго кладбища пѣли революціонныя пѣсни, лучшіе люди Петербурга и многіе изъ приѣхавшихъ земцевъ провожали его гробъ. За гробомъ несли множество вѣнковъ, на которыхъ можно было прочесть слѣдующія надписи: „Борцу за свободную Россію“, „Лучшему гражданину“, „Учителю учителей“, „Истинному педагогу“, „Незабвенному земскому дѣятелю отъ ворон. уѣздн. земства“ и другія. Изъ церкви до могилы

гробъ несли студенты на рукахъ. На краю могилы страшно блѣдный, съ первнымъ выразительнымъ лицомъ, стоялъ Фальборкъ, только-что вернувшійся изъ Восточной Сибири, и говорилъ:

„Мы мечтали съ тобой, Н. Ѳ., чтобы каждый русскій крестьянинъ былъ грамотный, для этого мы жили и работали, и за это русское правительство считало насъ преступниками, но придетъ время, и родина вспомнитъ, какъ многимъ она обязана тебѣ“.

Ярославскій земскій дѣятель и писатель В. М. Михѣевъ говорилъ о любви Н. Ѳ. къ народной школѣ и къ народному учителю, чему онъ былъ свидѣтелемъ на ярославскихъ педагогическихъ курсахъ. „Въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ ты руководилъ курсами, учащіе, одушевленные твоей идеальной личностью, твоимъ примѣромъ, достигали въ своихъ школахъ огромныхъ результатовъ. Память о тебѣ навѣки сохранится въ русской народной школѣ“.

А. М. Новиковъ указывалъ, что передъ могилой Н. Ѳ. собрались всѣ его ученики и юноши, и земскіе люди, „которыхъ ты своимъ примѣромъ училъ исполнять гражданскій долгъ передъ родиной“.

Въ другихъ рѣчахъ говорили о нравственныхъ качествахъ Н. Ѳ., о его заслугахъ передъ родиной какъ педагога, человѣка и общественнаго дѣятеля. Одинъ изъ студентовъ призывалъ общество воодушевиться примѣромъ этого погибшаго за правду, за благо своего родного народа человѣка и дружнымъ натискомъ окончательно разрушить подгнившее зданіе, какъ говорилъ въ своей рѣчи покойный. „На этой могилѣ я призываю русское общество къ борьбѣ съ самодержавіемъ“, закончилъ онъ свою рѣчь. Присутствующая полиція устремилась къ нему, но товарищи поторопились его скрыть. Толпа двинулась съ кладбища съ пѣніемъ марсельезы и была окружена взводомъ конныхъ жандармовъ.

По возвращеніи въ Воронежъ мной были получены слѣдующія телеграммы:

Изъ Воронежа.

Потрясены смертью незабвеннаго Н. Ѳ. Глубоко раздѣляемъ Ваше горе.
Воронежцы.

Изъ Воронежа.

Глубоко поражены смертью Н. Ѳ. Бунакова, вѣчная память учителю учителей, мощному духомъ, смѣлому въ борьбѣ за лучшее будущее.
Валентина Дмитріева и Ершовъ.

Изъ Воронежа.

Милостивая Государыня, Лариса Ивановна!

Воронежская Публичная бібліотека въ засѣданіи своемъ постановила: раздѣляя печаль Вашу о незабвенномъ супругѣ Вашемъ Н. Ѳ. Бунаковѣ, посвя-

тившемъ всю свою жизнь цѣлямъ просвѣщенія, выразить Вамъ искреннее сочувствіе въ постигшемъ Васъ горѣ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью

Предсѣд. Комитета Коллюбакинъ.

Изъ Воронежа.

Воронежское общество содѣйствія народному образованію повергнуто въ глубокую грусть кончиной доблестнаго общественнаго дѣятеля незабвеннаго Николая Ѳедоровича.

Александровъ.

Изъ Одессы.

Одесскія воскресныя школы шлютъ глубокое сожалѣніе объ утратѣ стойкаго и убѣжденнаго борца за общественные идеалы Н. Ѳ. Бунакова и выражаютъ свое горячее пожеланіе, да воплотятся скоро въ жизнь его душевные завѣты, которымъ онъ служилъ до конца своей жизни.

Изъ Одессы.

Одесскія вечернія субботнія еврейскія школы выражаютъ глубокую скорбь по поводу смерти борца-педагога Н. Ѳ. Бунакова.

Изъ Одессы.

Общество взаимнаго вспомошествованія учителей-евреевъ Новороссійскаго Края выражаетъ искреннее соболѣзнованіе по поводу смерти незабвеннаго Н. Ѳ. Его высоко одухотворенная педагогическая дѣятельность навсегда останется въ памяти каждаго учителя, члены же нашего общества сохраняютъ свѣтлое воспоминаніе о занятіяхъ подъ его руководствомъ.

Изъ Елизаветграда.

Педагогическій персоналъ Елизаветградской женской субботней школы выражаетъ глубокое сожалѣніе по поводу великой утраты, постигшей весь учебный міръ, учителя учителей, неутомительнаго труженика на пользу просвѣщенія Н. Ѳ. Бунакова.

Изъ Елизаветграда.

Учащіе Елизаветградскаго женскаго профессиональнаго училища выражаютъ искреннюю свою душевную скорбь по поводу тяжелой утраты, понесенной педагогическимъ міромъ въ лицѣ Н. Ѳ. Бунакова, свѣтлаго борца за свободную школу и неутомимаго труженика въ пользу народнаго просвѣщенія.

Изъ Волоколамска.

Милостивая Государыня!

Волоколамское общество взаимопомощи учащихъ и учившихъ чествовало на экстренномъ общемъ собраніи 28 ноября память незабвеннаго учителя народныхъ учителей Н. Ѳ. и постановило выразить Вамъ свое глубокое сочувствіе по поводу тяжелой утраты.

Предс. Правленія Н. Ментовъ.

Секретарь Н. Губановъ.

Изъ Курска.

Общее собраніе членовъ общества содѣйствія начальному образованію въ Курской губ. чествуетъ память Н. Θ. Бунакова, шлетъ семейству почившаго выраженіе своей глубокой скорби по поводу смерти истиннаго учителя учителей, до конца дней своихъ честно и мужественно боровшагося за права русскаго человѣка за просвѣщеніе и свободу.

Предс. Долженковъ.

Изъ Суджи.

Суджанскіе земскіе учителя опечалены смертью своего дорогого учителя Н. Θ. Бунакова, просятъ засвидѣтельствовать его вдовѣ ихъ чувства глубокаго горя въ незамѣнимой потерѣ для русской школы и для всего русскаго общества. — Учителя: Вастьяновъ, Шустова, Ралль, Фроловъ, Крячкова, Засѣкова, Гузенный, Крощетка, Попова, Ахтырская, Рѣзанова, Розановъ, Афонскій, Дѣловъ, Старостинъ, Распоповъ, Порѣчная, Мельченко, Пospѣловъ, Собынинъ, Горлачевъ, Сергѣенко, Сергѣенкова, Новаковъ, Розанова, Порѣчный, Аныльковъ, Касименко, Картоулина, Самцовъ, Зикѣва, Свѣшникова, Шаповаловъ, Филонова, Вастьяновъ.

Изъ Риги.

Педагогическое отдѣленіе литературнаго кружка въ Ригѣ, почтивъ особымъ засѣданіемъ память Н. Θ., пожелало черезъ Васъ выразить сотрудникамъ и семьѣ покойнаго глубокое сожалѣніе, что ускоренная враждебнымъ рокомъ смерть постигла благороднаго учителя учителей въ тѣ дни, когда сдѣланы первые шаги къ устраненію условій, помѣшавшихъ ему использовать всѣ свои знанія на благо родного народа.

Предс. Золотаревъ.

Изъ Гомеля.

Учителя и учительницы гомельскаго еврейскаго женскаго училища А. Я. Сыркиной и еврейской вечерней школы для взрослыхъ глубоко скорбятъ о смерти самоотверженнаго борца за просвѣщеніе Россіи учителя учителей Н. Θ. Бунакова.

Изъ Ананьева.

Ананьевская воскресная школа выражаетъ глубокое сожалѣніе объ уtratѣ неутомимаго педагога-труженика Н. Θ. Бунакова.

Изъ Одессы.

Одесскіе народные учителя и учительницы, друзья незабвеннаго Н. Θ., оплакиваютъ смерть дорогого учителя-друга.

Изъ-за границы я получила отъ русскаго студенчества изъ Лозанны письмо слѣдующаго содержанія: „Съ чувствомъ глубокой печали прочли мы въ газетахъ извѣстіе о неожиданной кончинѣ глубоководнаго нами Николая Ѳедоровича. Россія потеряла въ немъ одного изъ лучшихъ, честнѣйшихъ своихъ гражданъ. Николай Ѳедоровичъ всю свою долгую и трудную жизнь посвятилъ служенію наиболѣе угнетеннымъ, страдающимъ классамъ населенія. Онъ всѣми силами старался помочь освобожденію русскаго народа отъ рабства, въ кото-

ромъ держать его темныя, злыя силы, правящія Россіей. И за все это, за всё эти „преступныя дѣянія“ онъ, конечно, какъ и полагается у насъ въ Россіи, терпѣлъ кары, которыя не могли не отразиться на его здоровьѣ, не могли не ускорить его кончины. Невольно усиливается скорбное чувство, когда подумаешь, что смерть застала Н. Θ. наканунѣ тѣхъ великихъ дней, когда осуществится хоть часть той великой задачи, служенію которой Н. Θ. отдалъ всю свою самоотверженную жизнь. Н. Θ. не удалось увидѣть солнце свободы, но онъ уже видѣлъ его первые лучи и могъ сказать: „нынѣ отпускаеши раба твоего“... Грустное извѣстіе о кончинѣ Николая Ѳедоровича охватило печалью не только одну Россію, эта печаль распространилась далеко за предѣлы его родины. Она проникла въ многочисленныя заграничныя колоніи русскаго студенчества, т. к. извѣстіе о смерти честнаго русскаго гражданина появилось въ очень многихъ иностранныхъ газетахъ.

Воронежская уѣздная земская управа представила докладъ уѣздному экстренному земскому собранію 19 декабря 1904 г., о способѣ почтить память покойнаго гласнаго Н. Θ. Бунакова слѣдующаго содержанія: „8 ноября сего года въ Петербургѣ скончался бывшій гласный нашего уѣзднаго земскаго собранія Н. Θ. Бунаковъ. Въ его лицѣ не только нашъ уѣздъ, но и Россія потеряла виднаго общественнаго дѣятеля. Покойный долгіе годы провелъ въ деревнѣ въ нашемъ уѣздѣ, гдѣ всё силы посвящалъ просвѣтительной дѣятельности. Здѣсь онъ создалъ школу, создалъ народный театръ, неустанно лично руководилъ постановкой занятій въ этихъ учрежденіяхъ.

Имя Н. Θ. Бунакова, какъ педагога, слишкомъ извѣстно, чтобы нужно было останавливаться на его педагогическихъ заслугахъ. Въ этомъ отношеніи скажемъ только одно: Н. Θ. не былъ только учителемъ каѳедры, но онъ былъ учителемъ жизни, не къ насажденію только голыхъ знаній онъ стремился, а къ укрѣпленію истинно-культурныхъ очеловѣчивающихъ началъ. Всей своей жизнью и дѣятельностью онъ являлъ намъ примѣръ честнаго и нелицемѣрнаго служенія родинѣ.

Онъ умеръ, но его правдивое, убѣжденное слово живо среди насъ. Вотъ это мощное своею правдою слово, всегда шедшее рука объ руку съ жизнью и дѣломъ, и составляетъ, по нашему мнѣнію, главную заслугу Н. Θ., какъ общественнаго дѣятеля.

Не время еще сейчасъ подводить итоги заслугамъ столь выдающагося челоука. Будущій историкъ знаменательнаго, нами переживаемаго, времени дастъ должную оцѣнку личности Н. Θ. Мы же съ своей стороны считаемъ своимъ нравственнымъ долгомъ предложить собранію почтить память Н. Θ. учрежденіемъ 2-хъ стипендій его имени въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ съ проведеніемъ ихъ въ высшія учебныя заведенія. Одна стипендія для крестьянскаго мальчика, такъ какъ это та самая среда, надъ развитіемъ которой главнымъ образомъ трудился при жизни Н. Θ., и другая для одного изъ сыновей народныхъ учителей, такъ какъ эти труженики были ближе всего сердцу покойнаго. Для чего управа предлагаетъ поручить ей внести въ проектъ смѣты на 1906 г. по 300 руб. на каждую стипендію, а всего 600 рублей. Докладъ былъ принятъ собраніемъ единогласно, и съ 1906 года при воронежской уѣздной управѣ имѣ-

ются 2 стипендіи имени Н. Θ. Бунакова, но не такова судьба другого постановленія уѣзднаго земскаго собранія о присвоеніи петинской школѣ имени Н. Θ. Бунакова. На двукратное ходатайство объ исполненіи этого постановленія управа получила отъ губернатора бумагу слѣдующаго содержанія: „Мин. нар. просвѣщенія, на усмотрѣніе коего было представленно мною вторичное ходатайство воронежскаго уѣзднаго земскаго собранія о присвоеніи содержимой на земскія средства въ селѣ Петинѣ школѣ имени ст. сов. Бунакова, увѣдомило меня, что оно не признаетъ возможнымъ разрѣшить присвоить означенной школѣ имени ст. сов. Бунакова, такъ какъ не усматриваетъ въ предшествующей дѣятельности означеннаго лица достаточныхъ основаній къ такому увѣковѣченію его имени“. Первое ходатайство министерство удовлетворить тоже не признало возможнымъ. Такъ мстило правительство Н. Θ. за его правду даже мертвому. Теперь въ петинской школѣ не увидишь даже ни одной книжки Н. Θ. Управа не считаетъ нужнымъ приглашать въ петинскую школу учителя, который бы раздѣлялъ взгляды Н. Θ. на обученіе и вель бы дѣло по его книгамъ. И такъ, гдѣ жилъ и работалъ Н. Θ. 20 лѣтъ, тамъ даже имя его не упоминается.

Воронежская губернская земская управа представила очередному земскому собранію сессіи 1904 г. докладъ объ ознаменованіи памяти Н. Θ. Бунакова слѣдующаго содержанія: 8 ноября 1904 года скончался Н. Θ. Бунаковъ. Имя Н. Θ. Бунакова близко и дорого всей земской Россіи. Хотя дѣятельность его протекла внѣ стѣнъ земскаго собранія и только въ теченіе двухъ сессій, подъ конецъ жизни, пришлось ему выступить въ качествѣ гласнаго, но дѣло, которому посвятилъ онъ всю свою жизнь и выдающуюся, до послѣднихъ дней неослабѣвшую энергію, дѣло народнаго просвѣщенія—есть излюбленное дѣло земства.

Въ 60-хъ—70-хъ годахъ, когда выступилъ Н. Θ., начальная народная школа только зарождалась, закладывались первые камни будущаго зданія народной земской школы, вырабатывался типъ школы и направленіе въ ея дѣятельности. Н. Θ. примкнулъ къ этому дѣлу и затѣмъ неизмѣнно и неустанно служилъ ему всѣмъ своимъ талантомъ, со всей страстностью своей энергіи. Вмѣстѣ съ Ушинскимъ и барономъ Корфомъ, Н. Θ. принадлежитъ къ первымъ созидателямъ и руководителямъ начальной народной школы, но онъ съ полнымъ правомъ могъ бы сказать, что никто не сдѣлалъ больше его для того, чтобы воплотить въ жизнь школы, въ ея ежедневный обиходъ, въ ея обстановку тѣ свѣтлыя идеи, которыя воодушевляли педагоговъ 60-хъ—70-хъ годовъ. Ранній жизненный опытъ, самыя свойства его натуры—живость, подвижность, отзывчивость, страстность—направляли его работу на приложеніе, примѣненіе идей и облеченіе ихъ въ конкретныя формы; можно сказать, что онъ любилъ и цѣнилъ идею только въ дѣйстви и не признавалъ ихъ кабинетной разработки. Но далекъ былъ бы отъ истины тотъ, кто счелъ бы Н. Θ. только педагогомъ-техникомъ. Съ широкимъ взглядомъ на школу, проникнутый настроеніемъ освободительной эпохи, педагогъ-гражданинъ Н. Θ. больше вѣрилъ въ личность учителя, чѣмъ въ методику, и, какъ руководитель многочисленныхъ курсовъ, какъ учитель учителей, воспиталъ цѣлую армію, около 6.000 человекъ слу-

шало его лекціи) учителей, которые разбросали сѣмена просвѣщенія по пространству земской нивы.

Въ исторіи народнаго образованія Воронежской губерніи Н. Θ. оставилъ свой слѣдъ. Его школа привлекла наиболѣе чуткихъ учителей, и его взгляды, слова проникли далеко отъ мѣста его пребыванія, передавались изъ устъ въ уста. Воронежское земство, съ первыхъ же годовъ сознавшее, что судьба школы въ рукахъ ея учителя, и энергично стремившееся поднять уровень учительскаго персонала, въ 1875-мъ году устроило сѣздъ учителей. Изъ представленныхъ программъ собраніе приняло программу сѣзда, разработанную Н. Θ. Бунаковымъ; онъ же былъ приглашенъ и руководителемъ сѣзда, но попечитель не утвердилъ его, объяснивши, что онъ съ нимъ „не знакомъ лично“. Какъ гласный, Н. Θ. всѣмъ памятенъ. Старикъ 60 лѣтъ выдѣлялся по своему живому интересу и по своей юношеской энергіи. Въ области народнаго образованія по его инициативѣ собраніе признало необходимымъ перейти къ общеобразовательнымъ учительскимъ курсамъ, вмѣсто технико-педагогическихъ по правиламъ 5 марта 1874 года увеличило ассигновку на воскресныя школы; послѣ его негодующей рѣчи возбудило ходатайство объ отмѣнѣ ученическихъ сберегательныхъ кассъ; основало особый фондъ для двухклассныхъ училищъ. За нѣсколько дней до своей смерти Н. Θ. по приглашенію губернской управы принялъ участіе въ разсмотрѣніи плана двухклассныхъ училищъ.

Губернская управа готовилась представить докладъ объ ознаменованіи памяти Н. Θ., когда отъ вдовы и сына покойнаго Н. Θ. Бунакова поступило въ губернскую управу заявленіе слѣдующаго содержанія: „Мы, нижеподписавшіеся, наслѣдники Н. Θ. Бунакова, просимъ управу доложить очередному губернскому земскому собранію нижеслѣдующее: желая ознаменовать память покойнаго мужа и отца, мы жертвуемъ воронежскому губернскому земству народный домъ, ходящійся въ с. Петинѣ на нижеслѣдующихъ основаніяхъ:

I. Чтобы означенный домъ былъ перенесенъ за счетъ Воронежскаго губернскаго земства въ г. Воронежъ.

II. Чтобы въ этомъ домѣ былъ устроенъ подвижной педагогическій музей который бы обслуживалъ земскія школы Воронежской губерніи, расширяя его по мѣрѣ возможности и надобности.

III. Чтобы театральныи залъ былъ использованъ съ просвѣтительными цѣлями: для лекцій, курсовъ для народныхъ учителей и пр., будутъ ли эти курсы устраиваться земствомъ или другими какими-либо просвѣтительными обществами.

IV. Чтобы кабинетъ покойнаго оставался въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ при его жизни въ селѣ Петинѣ. Въ кабинетъ мы соберемъ всѣ работы покойнаго.

V. Вмѣстѣ съ домомъ мы жертвуемъ педагогическую бібліотеку, которая должна быть предоставлена въ пользованіе народныхъ учителей и учительницъ Воронежской губерніи.

IV. Если бы у земства не оказалось мѣста для постройки этого дома, то городъ, навѣрное, не отказался бы дать подходящее мѣсто.

VII. Чтобы были отведены комнаты (сколько земство найдетъ возможнымъ

и нужнымъ) для прїѣзжающихъ временно въ Воронежъ сельскихъ учителей и учительницъ Ворон. губерніи и чтобы домъ былъ названъ учительскимъ домомъ имени Н. Ѳ. Бунакова.

Предложеніе наслѣдниковъ Н. Ѳ. Бунакова, по мнѣнію губернской управы, дастъ возможность удовлетворить нѣкоторымъ назрѣвшимъ нуждамъ въ дѣлѣ народнаго образованія и вмѣстѣ съ тѣмъ почтитъ достойнымъ образомъ память Н. Ѳ. Бунакова, поддерживая и развивая цѣлый рядъ образовательныхъ учрежденій.

Губернская управа въ своихъ соображеніяхъ особенно указывала земскому собранію на давно назрѣвшую необходимость устроить музей наглядныхъ пособій, имѣть свое собственное помѣщеніе для устройства временныхъ учительскихъ курсовъ, для разныхъ съѣздовъ, совѣщаній, для народныхъ чтеній и для другихъ просвѣтительныхъ цѣлей. Губернская управа представила земскому собранію смѣту единовременныхъ расходовъ на перенесеніе этого дома въ г. Воронежъ въ размѣрѣ 6.600 р., которые, по мнѣнію управы, возможно было отнести, не внося въ смѣту, на остатки отъ устройства курсовъ, каковыхъ имѣлось около 7.800 р. и ежегоднаго расхода на содержаніе дома въ размѣрѣ 2.650 р.

Докладъ собраніемъ былъ принятъ единогласно.

Прошло три года. Домъ перенесенъ изъ Петина и построенъ въ Воронежѣ, самымъ безобразнымъ образомъ. Всѣ, кто видѣлъ этотъ домъ въ с. Петинѣ, не узнаютъ его въ Воронежѣ: смѣта, 2 раза представленная губ. управой на устройство педагогическаго музея въ размѣрѣ 3.000 руб., не утверждается. Никакого педагогическаго музея и никакихъ просвѣтительныхъ работъ земство въ этомъ домѣ не устраиваетъ, комнаты для прїѣзда учащихся не отведены. На многократное ходатайство губернской управы наименовать этотъ домъ именемъ Н. Ѳ. Бунакова,—хотя я не знаю, зачѣмъ теперь объ этомъ ходатайствовать, когда въ этомъ домѣ, кромѣ голыхъ стѣнъ, ничего нѣтъ,—губернаторъ увѣдомилъ управу, что на свои запросы онъ не получаетъ отъ министерства никакого отвѣта.

Въ ноябрѣ 1907 г. губ. управа получила наконецъ отъ губернатора увѣдомленіе, что министръ разрѣшилъ назвать домъ „учительскій домъ имени Н. Ѳ. Бунакова“. Послѣ моихъ настояній, земство сдѣлало вывѣску, которая до сихъ поръ стоитъ въ управѣ, а на домѣ не появляется.

Такъ же обстоитъ дѣло и съ городской управой, которая послѣ смерти Н. Ѳ. представила докладъ о наименованіи вновь открываемаго женскаго двухкласснаго училища именемъ Н. Ѳ. Бунакова и который былъ принятъ единогласно, но до сихъ поръ разрѣшеніе на это не получено, и приготовленная управой вывѣска стоитъ внутри школы. Выбранная городской и уѣздной земской управой попечительницей школъ, открытыхъ въ память Н. Ѳ., я не была утверждена.

Л. Бунакова.

1 ноября 1907 г.
г. Воронежъ.

Въ октябрѣ 1886 года я получилъ письмо отъ Семена Афанасьевича Венгерова съ просьбой доставить ему свѣдѣнія о моей личности и о моей литературной дѣятельности для издаваемаго имъ „Критико-біографическаго Словаря русскихъ писателей и ученыхъ“. Обдумывая это письмо, я остановился на той мысли, что мнѣ можетъ принадлежать (если только можетъ) лишь самое скромное мѣсто въ грандіозномъ и почтенномъ предпріятіи С. Аф. Венгерова, что вниманіе издателя-редактора къ моему имени могло быть привлечено развѣ только нѣкоторой моей извѣстностью, какъ чернорабочаго на поприщѣ русскаго народнаго образованія и какъ автора кое-какихъ статей по вопросу о народномъ образованіи да учебниковъ и руководствъ для народной школы, болѣе или менѣе распространенныхъ. Въ то-же время, оглядываясь на мое прошедшее и обдумывая мое настоящее положеніе, я подмѣтилъ въ моей жизни одну красную нить, придающую ей нѣкоторый общій интересъ, а въ своей личности—одну рѣзкую черту, не особенно рѣдкую у насъ на Руси, но недостаточно подчеркнутую нашими наблюдателями, хотя она, по моему мнѣнію, заслуживаетъ особаго вниманія.

Эта моя личная черта состоитъ въ томъ, что я *самоучка*, въ самомъ полномъ и широкомъ смыслѣ этого слова. Ни учебныя заведенія, ни учителя, ни знакомства и дружескія отношенія съ личностями, получившими хорошее образованіе, мнѣ почти ничего не дали. Своими знаніями и своими идеями, своимъ умственнымъ развитіемъ и своей дѣятельностью, каковы бы они ни были, я обязанъ—книгамъ и самому себѣ. Я вовсе не думаю гордиться этимъ и ставить это въ упрекъ кому бы то ни было. Виноватъ въ этомъ одинъ я, если только мнѣ можно ставить въ вину нѣкоторыя свойства моей натуры. Мнѣ случалось бывать въ близкихъ отношеніяхъ съ очень умными и знающими людьми, гораздо больше меня учившимися, лучше образованными и больше развитыми; но я, изъ какого-то ложнаго самолюбія, съ самой ранней юности, стыдился показывать и открыто признавать передъ другими свое незнаніе или непониманіе, а тѣмъ болѣе—обращаться къ нимъ за свѣдѣніями или разъясненіями. Не зная или не понимая чего-нибудь, я не безъ ловкости переводилъ разговоръ на другой предметъ, или слушалъ, прикидываясь понимающимъ. А потомъ, оставаясь самъ съ собой, я всегда упорно добивался нужнаго мнѣ знанія и пониманія,—если видѣлъ въ томъ надобность,—самъ собой, не прибѣгая ни къ чьей помощи, кромѣ книгъ и замкнутаго размышленія. Такъ я дошелъ кое до чего въ математикѣ, которой очень мало учился въ свое время, когда это мнѣ пона-

добилось при нѣкоторыхъ статистическихъ работахъ. Такъ я научился читать старинныя рукописи, когда заинтересовался русской стариной и предпринялъ литературную работу по исторіи Вологодскаго края. Такъ я овладѣлъ нѣмецкимъ книжнымъ языкомъ, когда захотѣлъ познакомиться съ нѣмецкой педагогической литературой. Такъ я научился стенографировать въ виду открытія гласнаго суда. Такъ приобрѣлъ нѣкоторое умѣнье рисовать и карандашомъ, и красками, когда это мнѣ понадобилось. Такъ усвоилъ нужныя мнѣ свѣдѣнія по философіи, по естествознанію, по политической экономіи. Теперь на 53 году жизни, кое-что знаю, еще больше понимаю, обладая значительнымъ, на мой взглядъ, умственнымъ развитіемъ, но тѣмъ и другимъ обязанъ больше всего книгамъ и самому себѣ, настойчивому размышленію и самообученію. Вотъ почему я называю себя „самоучкой въ самомъ полномъ и широкомъ смыслѣ этого слова“.

Было ли это благомъ или зломъ моей жизни? Слѣдуетъ ли того-же самого желать для другихъ, напримѣръ, для моего сына? Думаю, что въ моей жизни это было въ значительной мѣрѣ зломъ, но имѣло и свою хорошую сторону. Правда, кто избѣгаетъ помощи другихъ въ дѣлѣ приобрѣтенія знаній и своего умственнаго развитія, тому приходится много времени и силъ расходовать на „изобрѣтеніе давно изобрѣтеннаго пороха“ и „открытіе давно открытой Америки“, но за то онъ приобрѣтаетъ большую независимость мысли, крѣпость убѣжденій, прочность направленія, а это чего-нибудь да стоитъ. Но, во-первыхъ, для такого самообученія, чтобы чего-нибудь достигнуть, нужна крѣпкая натура, какія, по моимъ наблюденіямъ, въ настоящее время встрѣчаются гораздо рѣже, нежели встрѣчались прежде. Во-вторыхъ, потративъ значительную долю жизни и силъ на это самообученіе и самообразование, къ концу жизни начинаешь сознавать, что сдѣлалъ мало хорошаго для другихъ, гораздо меньше, чѣмъ могъ бы сдѣлать, кабы не эта затрата времени и силъ на подготовку къ дѣлу, безъ которой трудно, просто невозможно, сдѣлать что-либо путное. Поэтому, не смотря на выгодныя стороны самообученія и саморазвитія, мною испытанныя, я, по совѣсти, не могу желать такой школы для другихъ, а, между прочимъ, и своему сыну: у него нѣтъ ни той крѣпости натуры, которая для такой школы необходима, ни того запаса времени, какой былъ у меня, такъ какъ 16-ти лѣтъ я уже окончилъ курсъ гимназіи, а онъ не окончитъ его раньше 19-ти. Я долженъ настаивать, чтобы онъ основательно прошелъ гимназическій и университетскій курсъ, пополняя современные недостатки его, относительно, напримѣръ, роднаго языка и отечественной литературы, а особенно — нравственнаго направленія, своимъ личнымъ вліяніемъ, совѣтомъ, указаніями, примѣромъ.

Такъ какъ у насъ на Руси всегда, до самаго послѣдняго времени, было не мало дѣятелей самоучекъ, подобныхъ мнѣ, въ свое время приносившихъ извѣстную долю пользы обществу и пользовавшихся замѣтныхъ почетомъ въ обществѣ и литературѣ, то явленіе это, эта видная роль „самоучки“ въ русской жизни, какъ мнѣ думается, заслуживаетъ вниманія. Кажется, едва-ли гдѣ „самоучка“ игралъ такую видную роль, какъ у насъ, на многихъ поприщахъ общественной дѣятельности.

Красная нить моей жизни — постоянная счастливая случайность, какъ

волна, выносившая меня на верхъ, совершенно независимо отъ меня самого. Это у насъ на Руси бываетъ, что разныя случайныя обстоятельства, вовсе не подстроенныя самимъ человѣкомъ или его присными, поднимаютъ и выдвигаютъ на видное мѣсто довольно заурядную личность, не богатую ни талантами, ни содержаніемъ, ни заслугами, каковою я считаю и самого себя, которая, безъ этихъ счастливыхъ случайностей, мирно проживала бы въ полной неизвѣстности; но эти случайности привлекаютъ къ ней общее вниманіе, дѣлаютъ ее предметомъ разговоровъ, шумныхъ споровъ, вѣдхваленій паче мѣры, или преувеличенныхъ и страстныхъ порицаній, которыя часто способствуютъ извѣстности больше похвалъ и одобреній. Въ пользу такой „случайной знаменитости“ порой идутъ даже обстоятельства, которыя, повидимому, должны бы унижить, прямо уничтожить, похоронить ее: какъ-то такъ выходитъ, что и эти угрожающія обстоятельства повертываются въ пользу „случайной личности“ и еще пуще усиливаютъ ея извѣстность, почетную извѣстность среди соотечественниковъ какъ иногда несчастье, въ родѣ искалѣченія царскими рысаками, обогащаетъ иного бѣдняка. Вотъ такъ было и со мной. Въ силу всего выше сказаннаго, я и сообщилъ С. А. Венгеру самыя краткія свѣдѣнія о себѣ и о своей дѣятельности, преимущественно останавливаясь на моихъ учебно-педагогическихъ работахъ и болѣе всего обращая вниманіе на мое самообученіе и на странную случайность моей извѣстности, довольно почетной, но зависѣвшей не столько отъ меня лично и моихъ заслугъ, сколько отъ разныхъ случайностей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я тогда же задумалъ въ свободное время, не спѣша, развитъ изложеніе, сообщенное мною С. А. Венгеру, оставивъ его болѣе подробностями. Впрочемъ, и то изложеніе мнѣ пришлось дополнить кое-какими свѣдѣніями, по желанію Василя Алексѣевича Латышева, издателя и редактора журнала „Русскій Начальный Учитель“, которому оно передано С. А. Венгеромъ для обработки и написанія статьи обо мнѣ, которая должна быть напечатана въ 4-мъ томѣ „Критико-біографическаго Словаря“. Напечатана въ 5-мъ томѣ, въ 1897 году, стр. 364—375 (см. томъ этихъ записокъ, стр. 145 об.). Но все таки это были мои отрывочныя замѣтки, набросанныя наскоро, мало обдуманныя и поверхностныя: а я задумалъ связанное изложеніе моей жизни, въ связи съ жизнью общерусской, такъ какъ ни одна личность не можетъ жить особнякомъ и не содержать въ себѣ и въ своей жизни многого общаго съ той средой, въ которой она жила, не отражать на себѣ общественныхъ настроеній своего времени. Можетъ быть, мои записки на что-нибудь и пригодятся, — ну, хоть для уясненія вышеуказаннаго явленія, примѣромъ котораго я себя считаю. Буду писать въ свободное время и преимущественно въ часы той горькой тоски, которая стала все чаще овладѣвать мной въ послѣднее время, когда чувствуешь себя одинокимъ и никому не нужнымъ. Я думаю, что это припадки приближающейся старости, съ ея непоправимымъ разрушеніемъ, а лучшее средство облегчить тяжесть и горечь такихъ припадковъ—раздумье и работа надъ своимъ прошедшимъ.

Соображая свои лѣта (мнѣ теперь 53 года), свое здоровье и свой образъ жизни, весьма умѣренный, скромный и правильный, я могу рассчитывать смѣло на 5, на 6, можетъ быть, на 10 лѣтъ жизни: написать можно довольно много и безъ всякой торопливости.

I.

Годы ученія.

Русская провинція въ 30-хъ, 40-хъ и 50-хъ годахъ. 1837—1853.

С. Петипо. 1891 г. Февр. 11-го. 1837—1853.

Я родился въ губернскомъ городѣ Вологдѣ, 26-го ноября 1837 года, въ многочисленной семьѣ, наполовину чиновничьей, наполовину помѣщичьей. Отецъ мой, Федоръ Николаевичъ Бунаковъ, въ то время служилъ правителемъ канцеляріи вологодскаго военнаго губернатора, генерала Д. Н. Болговскаго, который и былъ моимъ крестнымъ отцомъ. Это былъ вельможа изъ хорошей фамиліи, которому надо бы быть не вологодскимъ губернаторомъ, а гораздо повыше; но его карьера была навсегда испорчена прикосновенностью къ дѣлу „Декабристовъ“. Отца моего въ Вологдѣ считали человѣкомъ замѣчательно умнымъ, дѣловымъ и честнымъ. Онъ пользовался большимъ уваженіемъ и довѣріемъ общества и начальства, постепенно подвигаясь вверхъ по служебной лѣстницѣ безъ всякихъ искательствъ и протекцій. Его двигали добросовѣстные и упорные труды. Онъ былъ даровитый и честный труженикъ до конца своей жизни. Происходилъ онъ изъ старинной дворянской фамиліи, одна вѣтвь которой почему-то утратила дворянскія права, о восстановленіи коихъ отецъ мечталъ до конца жизни. Родословіе этой фамиліи, со всѣми ея развѣтвленіями основательно изслѣдовалъ мой дядя, Николай Ивановичъ Бунаковъ, родомъ изъ Ярославля, къ которому дворянскія права дошли неутраченными. Но я всегда мало интересовался этимъ дѣломъ, не придавая ему значенія, и не познакомился ни съ изслѣдованіями дяди, ни съ подробностью моей родословной, имъ установленной. Мать моя была вдова помѣщика, въ другой разъ вышедшая замужъ, урожденная Матвѣева, по первому мужу Березкина. Она владѣла и землей, и крѣпостными душами въ глуши Кадниковскаго уѣзда, среди непроходимыхъ (въ тѣ времена) хвойныхъ лѣсовъ. Ея сынъ отъ перваго мужа, Кириллъ Антоновичъ Березкинъ, впоследствии бывший мировымъ посредникомъ перваго призыва, въ Кадниковскомъ уѣздѣ, выросъ и воспитывался въ нашей семьѣ. Мой отецъ и для него былъ вполне роднымъ отцомъ, заботливымъ, ласковымъ и справедливымъ, а онъ, К. А. Березкинъ, всегда былъ для отца почтительнымъ, преданнымъ и благодарнымъ сыномъ, для меня хорошимъ и добрымъ братомъ, хотя впоследствии намъ съ нимъ случалось сильно расходиться въ мнѣніяхъ и взглядахъ. Кромѣ К. А. Березкина, у меня было три родныхъ брата, моложе меня, и три родныя сестры, изъ которыхъ только одна

была моложе, а двѣ были старше меня. У отца былъ въ Вологдѣ свой домъ, съ огородомъ и садомъ, гдѣ онъ любилъ работать заступомъ въ видѣ моціона послѣ утомительной сидячей работы: онъ, кромѣ утра до 3, 4 и 5 часовъ, цѣлыя ночи просиживалъ за работой. Домашнее воспитаніе я получилъ, говоря по правдѣ, весьма плохое, какъ и мои братья и сестры. Не то, чтобы за нами не было присмотра, или чтобы насъ очень баловали, или чтобы держали слишкомъ строго и сурово. Нѣтъ, не то; но намъ слишкомъ мало давали воли, насъ слишкомъ оберегали, слишкомъ далеко держали отъ жизни. Сперва дѣтская, потомъ родной домъ, потомъ садъ, дворъ, огородъ, потомъ нѣсколько городскихъ улицъ, ведущихъ отъ дома до гимназіи,—вотъ тѣсный кругъ впечатлѣній, которымъ было ограничено наше дѣтство, и потому это дѣтство мнѣ представляется въ какомъ то туманѣ, безъ яркихъ выпуклыхъ образовъ и красокъ. Помню сказки какой-то женщины, почему-то жившей у насъ въ домѣ, которыя она рассказывала намъ въ зимнія сумерки, когда отецъ и мать отдыхали послѣ обѣда, „сумерничали“, и въ домѣ стояла невозмутимая тишина. Помню пѣсни моей няни Катерины маленькой и худенькой старушки, большой любительницы чаю, прожившей у насъ лѣтъ тридцать, до самой смерти: это былъ типъ русской няни, веселой и доброй, крѣпко привязанной къ дѣтямъ, которыхъ она выходила, и къ дому, гдѣ она обжилась. Ее звали Екатерина Денисовна Хлопова. Она была изъ крепостныхъ вольноотпущенныхъ, а у насъ жила по найму, выходила пятерыхъ дѣтей и ужъ не думала отходить въ другой домъ. У меня сохранилась ея фотографія, очень вѣрная и типичная. Помню воркотню и баловство старой бабушки, Анастасіи Николаевны Матвѣевой, ея рассказы про дѣдушку Петра Сергѣевича и про стародавнюю жизнь. Эта бабушка много лѣтъ все собиралась ѣхать къ роднымъ во Владимірѣ. Много разъ на дворѣ стоялъ приготовленный тарантасъ и пеклись „подорожники“; но поѣздка все откладывалась да откладывалась, да такъ и не состоялась. Помню кучера Игнатія, который дѣлалъ мнѣ бумажныхъ змѣевъ, вопреки запрещенію матери: бѣгать по двору со змѣйками, подобно уличнымъ мальчишкамъ, намъ, какъ „барскимъ дѣтямъ“, воспрещалось. Помню повара Павла, который держалъ въ кухнѣ множество пѣвчихъ птицъ въ клѣткахъ и ходилъ съ ружьемъ на охоту, а въ то же время былъ мастеръ своего дѣла, но страшно билъ свою жену Марью, состоявшую у насъ въ качествѣ прачки. Помню, что этотъ Павелъ къ Свѣтлому Воскресенью дѣлалъ въ лавки по заказу сахарныя яйца и просилъ меня раскрашивать ихъ и дѣлать приличныя надписи, причемъ я одинъ разъ придумалъ такую стихотворную надпись:

«Христочъ воскресъ»
Иуда въ петлю влѣзъ.

Съ праздникомъ поздравляю
И вамъ того-же желаю».

За эту надпись Павлу здорово досталось. Помню лакея Ефима, который торчалъ въ передней съ чулкомъ въ рукахъ. Помню ужасъ, который одинъ разъ онъ возбудилъ въ моей душѣ рассказомъ о томъ, какъ на площади наказывали кнутомъ какого-то преступника, какъ несчастный умолялъ „господь-боярь“ помиловать его, а палачъ наносилъ ему безпощадные удары. Помню второго кучера, кривого Степана, который возилъ сестеръ въ пансіонъ Дозе, а

брата Березкина (потомъ и меня)—въ гимназію. Изъ этого видно, что у моихъ родителей была довольно большая дворня, и жизнь ихъ имѣла тотъ барскій характеръ, который былъ возможенъ только въ старое время, при крѣпостномъ правѣ. Дѣйствительно, всѣ названныя личности были крѣпостные люди моей матери, кромѣ няньки Катерины. Я помню, какъ впоследствии, когда лакей Ефимъ почему-то оказался неудобнымъ, и его сдали въ солдаты, привозили изъ деревни съ десятокъ мальчиковъ-подростковъ для выбора новаго лакея, какъ производился смотръ этихъ подростковъ, и одинъ изъ нихъ былъ огорошенъ барскимъ рѣшеніемъ, чтобы его оставить въ городѣ. Еще помню я приходившую къ намъ торговку „Сладкую“, высокую женщину въ черномъ шушунѣ, и старика „Ушко“, у котораго всегда былъ съ собой какой-то мѣшокъ съ кореньями, и который имѣлъ обыкновеніе „ухать“; это были пугалы, которыми страшила насъ няня, если мы шалили и капризничали: „вотъ ужь, придетъ „Сладкая“, такъ я тебя отдамъ ей“, или: „постой-же, я вотъ позову Ушко, пусть онъ тебя посадить въ мѣшокъ“. Еще помню сумасшедшаго дьякона и юродиваго Костю, который и лѣтомъ и зимой ходилъ босикомъ; оба они бормотали какой-то вздоръ, изъ котораго благочестивые люди умѣли извлекать разныя прорицанія о будущемъ, а потому обоихъ въ домѣ принимали, какъ дорогихъ гостей, и всячески ублажали и угощали.

Изъ домашнихъ учителей, которые занимались со мной первоначальнымъ обученіемъ и приготовляли меня въ гимназію, помню священника приходской Покровской церкви отца Василия Мусникова, который обучалъ меня грамотѣ, началамъ Закона Божія, ариѳметики и латинскаго языка, да гимназиста-семиклассника (тогда гимназіи были хоть и классическія, съ обоими древними языками, но семиклассныя), Николая Павловича Корелкина, который оканчивалъ мое подготовленіе къ гимназіи. Отца Василия я не любилъ, а только боялся, даже просто ненавидѣлъ, почему не полюбилъ и ученья, которое онъ велъ безтолково и безсердечно, заставляя долбить, безъ всякаго пониманія, сперва „азы“ и склады, потомъ молитвы, „Начатки“ Филарета („Единъ Богъ, поклоняемый Святой Троицѣ, есть вѣченъ, ибо не имѣетъ ни начала, ни конца своего бытія“, и т. д.), грамматику Востокова, ариѳметику Кубеницкаго, латинскія склоненія и спряженія, причемъ часто прибѣгалъ къ издѣвательству и грубымъ наказаніямъ, въ родѣ щелчковъ, дранья за уши, колѣнопреклоненій, и т. п. Это былъ вполне „лодырь“, который самъ ничего не дѣлалъ, только задавалъ уроки „съ энтаго до эфтога“, а учениковъ своихъ давилъ и мучилъ, и вотъ гдѣ лежитъ сѣмя того предубѣжденія, которое я всегда питалъ къ нашему духовенству, за весьма немногими исключеніями. Корелкина-же я крѣпко любилъ и уважалъ, не чувствуя передъ нимъ никакого страха. Это былъ даровитый юноша, сынъ вологодскаго купца средней руки. Онъ учился отлично, былъ гордостью гимназіи, и впоследствии, по окончаніи университетскаго курса, изъ него готовился ученый съ будущностью; но преждевременная смерть застигла его на первыхъ шагахъ самостоятельной жизни и дѣятельности, когда онъ служилъ преподавателемъ словесности въ одной изъ Петербургскихъ гимназій и готовился къ кафедрѣ. Его обученіе, какъ гимназиста 7-го класса, было не Богъ вѣсть какое умѣлое, но содержательное, толковое

серьезное и сердечное; издѣвательства и наказанія вовсе не практиковалось; учиться съ нимъ было весело и легко.

Девятилѣтнимъ ребенкомъ я поступилъ въ гимназію и пробылъ въ ней 8 лѣтъ, хотя тогда гимназіи были семиклассныя, потому что въ 3-мъ классѣ просидѣлъ два года, по лѣности и малоуспѣшности. Моя лѣность и малоуспѣшность обусловливались отчасти моими личными свойствами, отчасти свойствами тогдашняго обученія и общимъ складомъ гимназической жизни въ тѣ времена.

Сколько помню себя, я всегда отличался живостью, неугомонностью,—если хотите,—шаловливостью, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, непокорностью внѣшнимъ правиламъ и требованіямъ. Съ перваго года обученія въ гимназіи, я прослылъ безнадежнымъ „шалуномъ“, котораго любили немногіе, а большинство не терпѣло (я говорю о педагогическомъ персоналѣ гимназіи). Съ четвертаго класса гимназіи изъ разряда „шалуновъ и дебошировъ“ я попалъ въ разрядъ „грубіановъ“ и „дерзкихъ мальчишекъ“, да такъ съ этимъ титуломъ и вышелъ изъ гимназіи. Я много терпѣлъ и терялъ отъ непреодолимой склонности дѣлать только то, что мнѣ любо, и непременно такъ, какъ мнѣ хочется, всегда протестовать противъ всякаго насилія, отстаивая свою свободу смѣло, иногда, можетъ быть, и дерзко или грубо, по неумѣлости, несдержанности, безтактности. Преподаваніе же въ гимназіи, у большинства преподавателей, было сухое, состоявшее изъ задаванія и спрашиванія уроковъ по книжкѣ, не возбуждавшее никакого интереса къ ученію. Большинство учителей отбывали свои уроки, какъ скучную необходимость, обременительную подневольную повинность, безъ воодушевленія, безъ любви и къ предмету, и къ ученикамъ. Исключеніе въ младшихъ классахъ представлялъ учитель русскаго языка и географіи, Николай Петровичъ Титовъ, человекъ живой, исполнявшій свое дѣло съ любовью и огонькомъ. Старый холостякъ, совершенно одинокій, но съ любящимъ сердцемъ, онъ всю любовь свою положилъ въ дѣло преподаванія. У него учились охотно, внимательно сидѣли въ классѣ и кое-чему научились даже отпѣтые лѣнтяи и шалуны, даже неспособные тупицы. Всѣхъ увлекало его воодушевленіе; всѣмъ нравились его интересные географическіе рассказы, дополнявшіе и иллюстрировавшіе сухой учебникъ Ободовскаго; всѣмъ нравились и тѣ устные и письменныя словесныя упражненія, которыя составляли самую суть дѣла въ его урокахъ по русскому языку; всѣхъ будилъ и расшевеливалъ его способъ преподаванія.— работа не съ единичными личностями, а съ цѣлымъ классомъ, причемъ его вопросы разсыпались по всему классу, не обходя никого, а его зоркій глазъ не упускалъ изъ виду ни одного ученика, отвлекаясь отъ дѣла; всѣхъ трогало и возбуждало не быть празднымъ его любовное, отеческое, хотя подъ часъ довольно строгое и всегда серьезное, отношеніе и къ дѣлу, и къ ученикамъ. Сколько непритворной отеческой скорби было въ его умныхъ большихъ глазахъ, въ его голосѣ, когда онъ обращался съ упрекомъ къ какому-нибудь отчаянному шалуну и лѣнтяю. Сколько снисхожденія, ласки и заботы обнаруживалъ онъ по отношенію къ способному мальчику, если неугомонная живость природы отвлекала его отъ дѣла и толкала на баловство. Не даромъ этого стараго холостяка, учителя по призванію, учителя-педагога по натурѣ, всѣ его

ученики любили и уважали, какъ отца. Не даромъ всякій ученикъ и черезъ много лѣтъ послѣ выхода изъ гимназіи, считалъ пріятнымъ долгомъ, пріѣзжая въ Вологду, посѣтить скромную холостую квартирку своего бывшаго учителя у Власья, подѣлиться съ нимъ своими успѣхами и радостями, своими неудачами и бѣдами, выслушать отъ него или сердечное слово поддержки и утѣшенія, или отеческій совѣтъ. А въ послѣдствіи точно такъ-же его ученики посѣщали на Вологодскомъ кладбищѣ одинокую и скромную могилку, съ простымъ деревяннымъ крестомъ, чтобы поклониться праху своего любимаго учителя. Хорошій, умный, любящій и честный былъ человѣкъ, какихъ очень мало было въ то суровое время, „когда свободно рыскалъ звѣрь, а человѣкъ ходилъ пугливо“ (Некрасовъ), а нынѣ чуть-ли еще не меньше, благодаря эмансипаціи „звѣрства“ и старательному искорененію „человѣчности“.

Русскій языкъ и географія въ преподаваніи Н. П. Титова, мнѣ нравились у него я учился, и многому выучился. И онъ любилъ меня: и мою бойкость, снисходительно относясь къ моей шаловливости, и мои отвѣты, не ставя мнѣ въ вину отступленій отъ учебника и отъ его собственныхъ объясненій. Онъ, именно онъ, посѣялъ въ мою душу сѣмена любви къ родному языку, къ книжкѣ, къ перу.

По другимъ предметамъ, въ виду царившей на урокахъ скуки и вслѣдствіе халатности преподавателей, я ровно ничего не дѣлалъ; лучшимъ примѣромъ для этого были преподаватели; они тоже ничего не дѣлали, если не считать дѣломъ такія занятія: законоучитель, отецъ Петръ Василевскій, ходя по классу, расчесывалъ свои волосы и бороду; учитель латинскаго языка Ѳедоръ Ивановичъ Польшнеръ, просто спалъ, склонившись надъ столомъ на обѣ руки; всѣ только задавали и спрашивали по книжкѣ уроки, да и то не особенно внимательно. Однако „ничего недѣланіе“ не мѣшало мнѣ благополучно переходить изъ класса въ классъ, и только въ 3-мъ классѣ мнѣ пришлось остаться на другой годъ—не столько по причинѣ малоуспѣшности, сколько по малолѣтству (мнѣ было 11 лѣтъ) и по установившейся за мной репутаціи „шалуна“ и „грубіяна“. Благодаря этой репутаціи, я прошелъ черезъ всѣ суровыя наказанія, какія тогда практиковались въ гимназіи, т. е. и стояніе на колѣняхъ по цѣлымъ часамъ, и сидѣнье безъ обѣда, и заключеніе въ карцеръ на хлѣбъ и на воду въ праздники, и сѣченіе розгами.

Общій складъ и характеръ воспитательно-учебнаго дѣла въ гимназіи (не знаю, въ Вологодской ли только, которая была на хорошемъ счету, или вообще въ русской гимназіи того времени) былъ таковъ, что не возбуждалъ охоты къ ученію. Начальство всего менѣе заботилось о научныхъ занятіяхъ и о дѣйствительныхъ успѣхахъ учениковъ въ наукахъ. Больше всего оно заботилось о хорошей нравственности учащихся, въ условномъ и весьма узкомъ смыслѣ: внѣшняя религіозность, формальное благочестіе, оффиціальныи патріотизмъ, смиреніе ума, чувства и воли, вотъ составныя части того идеала, который имѣлся въ виду у этихъ педагоговъ „Николаевскихъ“ временъ, руководимыхъ попечителемъ Петербургскаго округа Мусинымъ-Пушкинымъ. Начальство-же гимназіи тогда изображали: директоръ Александръ Васильевичъ Бапинскій, человѣкъ старый, ограниченный и мало образованный даже для того времени, въ сущ-

ности добрый, но взбалмошный и совершенно подчинившийся, незамѣтно для самого себя, волѣ и вліянію инспектора, который игралъ на немъ, какъ на балалайкѣ, почему и ученики прозвали Башинскаго „балалайкой“, и инспекторъ Федоръ Николаевичъ Фортунатовъ, человѣкъ съ большимъ умомъ, но ханжа и квасной патріотъ, душа всей гимназіи и самодержавный ея владыка, подъ прикрытіемъ Башинскаго.

„Прежде всего благонравное поведеніе, благочестіе, смиреніе, повиновение властямъ, а науки дѣло второстепенное“: на эту тему инспекторъ то и дѣло говорилъ ученикамъ рѣчи и проповѣди—и въ классахъ, и въ гимназическомъ залѣ, и въ церкви, рѣчи и проповѣди красивыя и трогательныя, съ возгласами, съ жестами, даже со слезами на глазахъ. Не знаю, въ какой мѣрѣ искреннимъ былъ онъ въ своей дѣятельности, но нельзя было не видѣть въ этомъ маленькомъ и худенькомъ человѣчкѣ, съ желтымъ лицомъ, большой нравственной силы. Въ Вологдѣ говорили, что Фортунатовъ считается однимъ изъ умнѣйшихъ людей въ Русской землѣ. Можетъ быть, это была и правда, но во всякомъ случаѣ это былъ умъ ложно направленный, съ большой долей фанатизма, конечно не революціоннаго. Башинскій тоже тянулся за нимъ, тоже говорилъ безтолковыя и нескладныя рѣчи о преимуществахъ благонравія передъ ученостью, о великомъ значеніи православія и самодержавія.

Вообще характеръ управленія гимназіей былъ патріархальный. Въ усердныхъ заботахъ о насажденіи „благонравія“ научное образованіе почти совсѣмъ упускалось изъ виду. Хотя гимназія была классическая, преподаваніе латинскаго языка начиналось съ 1-го класса и вели его два учителя, а преподаваніе греческаго—съ 4-го класса, но древніе языки преподавались такъ-же плохо, какъ и математика, которая считалась совсѣмъ не важнымъ предметомъ, да еще не для всякаго доступнымъ, а только для прирожденныхъ математиковъ, т. е. людей не совсѣмъ нормальныхъ, способныхъ ради цифръ забыть весь міръ, а суть математики видѣли именно въ цифрахъ. Поэтому, съ двойками изъ математики можно было переходить изъ класса въ классъ, да накинуть два-три балла изъ ариѳметики, алгебры или географіи ученику, ровно ничего не знающему, не считалось фальшью, лишь-бы по главнымъ предметамъ у него было хорошо, а особенно если это былъ сынъ уважаемыхъ родителей, да еще съ очевидными признаками „благонравія“. А главными, существенно-важными предметами считались: Законъ Божій, въ младшихъ классахъ—русскій языкъ, въ старшихъ — словесность, пожалуй—исторія. Но „благонравное поведеніе“ и очевидные задатки православнаго благочестія и официальнаго патріотизма были выше всего. Довольно странно, что за „благонравіемъ“ учащихъ въ этомъ смыслѣ, кромѣ самого Фортунатова, зорко слѣдилъ, какъ его помощникъ и довѣренное лицо, учитель нѣмецкаго языка и пансіонскій гувернеръ (тогда при гимназіи существовалъ пансіонъ, упраздненный въ 60-хъ годахъ), нѣкто Иванъ Ивановичъ Дозе, почему-то слышій за великаго педагога, котораго ученики считали своимъ бичемъ и ненавидѣли отъ всей души. Можетъ быть, въ этой ненависти и была доля несправедливости, но Дозе, дѣйствительно, вносилъ въ гимназическую жизнь столько ужаса и страданій, что не могъ ожидать любви къ себѣ даже со стороны самыхъ благонравныхъ и безличныхъ

мальчиковъ. Небольшой лысый человѣчекъ съ кошачьей походкой, съ дѣланно-медовой рѣчью, сильными костлявыми пальцами, которыми онъ удивительно умѣлъ крутить ученическія уши до нестерпимой боли, онъ однимъ своимъ появленіемъ наводилъ и ужасъ, и озлобленіе: оно всегда имѣло въ глазахъ учащихъ какой-то зловѣщій смыслъ. Собственное дѣло преподаванія нѣмецкаго языка Дозе велъ плохо, безъ знанія, скучно и безрезультатно, но „благодравіе“ гимназіи почему-то особенно озабочивало его. Онъ выслѣживалъ всякія шалости, продѣлки и провинности учениковъ и доносилъ обо всемъ начальству. Онъ, по довѣрію начальства, производилъ всѣ дознанія и допросы и устраивалъ очныя ставки и т. п. Онъ велъ переговоры съ родителями провинившихся, если въ этомъ была надобность, относительно приличнаго наказанія ихъ.

При такомъ направленіи воспитательно-учебнаго дѣла въ Вологодской гимназіи, „благодравіе“, а чаще одна маска благодравія, вывозила нерѣдко тупицъ и совершенно пустоголовыхъ молодцовъ; зато недостатокъ „благодравія“ причинялъ немало непріятностей и затрудненій даровитымъ и многообѣщавшимъ юношамъ.

Въ существѣ дѣла, и Башинскій, и Фортунатовъ, даже и Дозе,—были люди незлобивые, даже добрые по-своему. Они искренно желали добра учащимся и твердо вѣрили, что ведутъ ихъ самымъ правильнымъ путемъ къ собственному ихъ благополучію, „Царю и Отечеству на пользу“. Но они по-своему понимали пользы отечества и человѣческое благо въ духѣ того времени. Въ нихъ далеко не было того жестокосердія, какое замѣчается въ новѣйшихъ начальникахъ нашихъ учебныхъ заведеній, которымъ ничего не стоитъ вышвырнуть на улицу самага даровитаго юношу за легкое нарушеніе дисциплины,—да еще какой дисциплины!—совершенно безсмысленной, дикой, даже безнравственной. Я знаю случаи, что юноша подвергся отвѣтственности за то, что не могъ выслушать молча глумленія надъ своими родителями, которыя позволилъ себѣ въ классѣ одинъ изъ преподавателей. У насъ толкуютъ много о святости семьи и семейныхъ узъ, но наша школа, особенно средняя, явно не уважаетъ семью и озлобленно воюетъ съ нею. Нѣтъ, Башинскій, Фортунатовъ и Дозе уважали семью, не третировали ее и общественное мнѣніе свысока, и въ этомъ отношеніи они были куда лучше нынѣшнихъ педагоговъ, всячески старающихся показать презрѣніе къ семьѣ и къ обществу на глазахъ своихъ воспитанниковъ. И къ ученикамъ они относились все-таки человѣчнѣе, нежели относятся нынѣ. Они были не прочь помучить поученіями православно-патріотическаго содержанія тѣхъ юношей и отроковъ, которыхъ считали и называли „паршивыми овцами“, способными заразить и испортить „все стадо“, пожалуй и посѣчь ихъ „по-отечески“, но рѣдко, сознательно и по своей волѣ, портили будущность даже этихъ „паршивыхъ овецъ“. Посѣкутъ съ согласія родителей, послѣ предварительнаго совѣщанія съ ними черезъ Ивана Ивановича Дозе, а все-таки какъ-нибудь проведутъ до благополучнаго конца и выпустятъ,—если не съ правомъ на чинъ 14-го класса, то хоть со свидѣтельствомъ объ окончаніи гимназическаго курса. Вообще, дѣло велось патріархально, по-отечески,—можетъ быть, и не особенно разумно, но человѣчнѣе, нежели ведется нынѣ.

Я сказалъ, что главными, существенно важными, предметами считались—

Законъ Божій, словесность, исторія. Но это не значить, что по этимъ предметамъ необходимо было хорошо учиться и работать. Совсѣмъ нѣтъ. По Закону Божію, напримѣръ, мало кто хоть сколько-нибудь учился, хотя всѣ преуспѣвали, т. е. имѣли отличные баллы и за годъ, и на экзаменахъ. Законоучитель, видный и важный на взглядъ протоіерей о. Петръ, былъ очень добрый, но совершенно невѣжественный и крайне ограниченный человѣкъ, однако обладавшій способностью угождать начальству и даже представляться умнымъ и знающимъ,—конечно, не передъ Фортунатовымъ, который хорошо понималъ почтеннаго законоучителя, но считалъ его удобнымъ на его мѣстѣ и наружно никогда не высказывалъ своего истиннаго отношенія къ нему. Московскій профессоръ Шевыревъ, въ своей книгѣ „Поѣздка въ Кир.-Бѣлоз. монастырь“, называлъ о. Петра даже „просвѣщеннымъ“ протоіереемъ, чѣмъ о. Петръ очень гордился и о чемъ постоянно говорилъ ученикамъ, да и ученики часто напоминали ему, когда надо было „подмаслить“ почтеннаго законоучителя, чѣмъ нибудь раздраженнаго, на кого нибудь разгнѣвавашагося, и отвлечь его отъ предмета раздраженія и гнѣва. А талантливый мѣстный проповѣдникъ, о. Василій, сочинявшій для безграмотнаго о. Петра проповѣди, одинъ разъ, слушая, какъ этотъ „просвѣщенный“ протоіерей коверкалъ его произведеніе, такъ какъ не умѣлъ даже читать достаточно бѣгло и со смысломъ, вдругъ выразился: „дураку что не дай,—все дерьмомъ сдѣлаетъ“. О. Петръ, конечно, умалчивалъ объ услугахъ и объ этомъ отзывѣ о. Василя, но любилъ похвастать отзывомъ прозорливаго профессора Шевырева. Но человѣкъ онъ былъ все-таки добрый. Онъ всегда и всѣмъ ученикамъ ставилъ хорошіе баллы, снисходительно относился и къ подсказыванію, и къ чтенію урока по книжкѣ, и къ очевидному вранью инога бойкаго на слово мальчугана, и помѣткамъ билетовъ для экзамена, и ко всякимъ ученическимъ плутнямъ, даже къ шуткамъ, насмѣшкамъ и дерзкимъ выходкамъ учениковъ. Ходить онъ себѣ по классу мелкими шажками (такая ужъ у него была походка, несмотря на высокій ростъ и осанистый видъ), да расчесываетъ гребешкомъ свою широкую бороду, а вызванный ученикъ читаетъ урокъ по книжкѣ, или вретъ, что Богъ на душу положить; находились нагледцы, которые клеивали въ свой отвѣтъ обидныя фразы про самого законоучителя... „Я кончилъ, о. Петръ“...—Ну, хорошо, очень хорошо; садись, я тебѣ пятерку поставлю...—И вызываетъ другого. Прочіе ученики заняты своимъ дѣломъ: кто книжку читаетъ, кто другой урокъ готовить, кто сочиненіе пишеть, кто въ „стречки“ играетъ; но закономъ Божіимъ не занимается никто, даже ни у кого и мысли нѣтъ о законѣ Божіемъ. Но экзамены всегда сходили блистательно, даже въ присутствіи преосвященнаго. Какъ такъ? Во-первыхъ, къ экзамену ученики вооружались всевозможными хитростями, такъ что отвѣчать приходилось билеты, хорошо и за-знамо подготовленные. Во-вторыхъ, къ экзаменамъ, по возможности, кое-что подзубривалось. Въ-третьихъ, со всякими архіереями Башинскій и Фортунатовъ такъ много, такъ усердно и подобострастно возились, что святые отцы заранѣе были подготовлены къ тому, чтобы успѣхи гимназистовъ по Закону Божію оказывались прекрасными.

Значить, одинъ изъ главныхъ предметовъ, даже наиглавнѣйшій, по мнѣнію начальства,—шелъ хорошо, хотя никто не занимался этимъ предметомъ.

Другой изъ нихъ, словесность, главнымъ образомъ, цѣнился въ смыслѣ „сочинительства“. Литературныя упражненія поощрялись и въ Петербургѣ, и на мѣстѣ, и въ прозѣ и въ стихахъ. Послѣдніе пользовались особеннымъ почетомъ, потому что стихотворство въ то время еще считалось особеннымъ даромъ небесъ и было особенно удобно для выраженія благочестивыхъ и патріотическихъ чувствъ и идей. Я помню, что въ нашемъ классѣ былъ юноша Силинъ, который ничему не учился и отличался крайнею тупостью, но пользовался благоволеніемъ начальства по той причинѣ, что написалъ кое-какіе стишки и прослылъ поэтомъ, и вся гимназія смотрѣла на него, какъ на будущаго славнаго русскаго поэта. Не помню, куда дѣвался этотъ юноша, кажется, и самъ чуть не помѣшавшійся на своемъ поэтическомъ призваніи. Для двухъ старшихъ классовъ существовали „литературныя бесѣды“, гдѣ прочитывались и разбирались лучшія ученическія сочиненія, которыя потомъ отправлялись въ Петербургъ къ попечителю округа. Ежегодно, передъ Рождествомъ, происходилъ торжественный актъ въ гимназическомъ залѣ, въ присутствіи всего мѣстнаго общества: кромѣ отчета и приличныхъ рѣчей, приготовляемыхъ учителями по очереди, тутъ читали свои сочиненія и ученики. Правда, отъ учениковъ требовались сочиненія, какъ въ прозѣ, такъ и въ стихахъ, въ извѣстномъ направленіи, отражающія „благонравіе“ гимназіи, ея православный и патріотическій духъ. Но все-таки въ ученикахъ возбуждались литературныя наклонности, любовь къ литературѣ, развивалось умѣнье владѣть языкомъ и перомъ, потребность чтенія, литературный вкусъ, особенно благодаря тому обстоятельству, что тогдашній учитель словесности, по большей части, былъ самый развитой, многосторонне образованный и вліятельный изъ учителей. Когда я былъ въ младшихъ классахъ въ Вологодской гимназіи, такимъ учителемъ былъ Николай Ивановичъ Иваницкій, впоследствии директоръ Псковской гимназіи, добрая память о которомъ долго сохранялась въ средѣ гимназистовъ. Когда я былъ въ старшихъ классахъ, мѣсто Иваницкаго занималъ Николай Петровичъ Левитскій, о которомъ буду говорить ниже. Какъ бы то ни было, авторство процвѣтало въ гимназіи: она гордилась нѣкоторыми своими сочинителями и стихотворцами, которые впоследствии печатались на страницахъ губернскихъ вѣдомостей и даже проскакивали въ петербургскій „Маякъ“, извѣстный органъ „самодержавія, православія и народности“, — журналъ наиболѣе уважаемый Башинскимъ и Фортунатовымъ. Изъ этихъ славныхъ сочинителей я помню Ив. Ник. Муромцева, который впоследствии былъ смотрителемъ Вологодскаго уѣзднаго училища. Онъ украшалъ губернскія вѣдомости историческими рассказами, съ успѣхомъ соединяя въ нихъ краснорѣчіе Карамзина съ игривостью автора „Юрія Милославскаго“, Загоскина; но потомъ заботы о многочисленномъ семействѣ и пристрастіе къ выпивкѣ остановили литературную дѣятельность этого сочинителя. Еще помню не менѣ славнаго стихотворца Ник. Ив. Левашева, который не отличался обширнымъ умомъ, но сочинялъ довольно красивые стихи и этими стихами проложилъ себѣ путь къ благополучному окончанію курса. Поэта изъ него не вышло, и впоследствии онъ затерялся гдѣ-то маленькимъ чиновникомъ, совершенно забывъ о своемъ стихотворствѣ.

Исторія, бывшая тоже, сравнительно, въ почетѣ, опять-таки цѣнилась, какъ

удобная арена для упражненій въ офіціальному патриотизмѣ. Самъ Фортунаговъ былъ когда-то учителемъ исторіи и даже въ это время преподавалъ русскую исторію въ частномъ женскомъ пансіонѣ, который содержала жена учителя Дозе, нѣмка Генріета Корниліевна, впоследствии бывшая первой начальницей Вологодской женской гимназіи. Преподавалъ онъ по собственнымъ рукописнымъ запискамъ, представлявшимъ довольно блѣдное и бѣдное, но краснорѣчивое извлеченіе изъ „Исторіи Государства Россійскаго“ Карамзина. Понятно, что и въ гимназіи, по преимуществу, цѣнилась русская исторія, а проходила она въ офіціально-патриотическомъ духѣ по „Устряльчику“, т. е. учебнику профессора Н. Г. Устрялова, плохому, но не плоше современнаго Иловайскаго, который дополнялся чтеніемъ Карамзина.

Само собой разумѣется, что ни о какихъ репетиторахъ въ то время не было помину. Какъ ни мало мы выучивались, но выучивались сами, потому что и въ классѣ большинство учителей ничего не объясняло, а только задавало уроки по книжкѣ, и дома намъ никто не помогаль. Я, на примѣръ, до сихъ поръ не понимаю, какъ и у кого научился я читать и писать по-французски и по-нѣмецки. Тогда оба языка были обязательны, оба начинались съ I-го класса, при поступленіи, занятія начинались не съ обученія чтенію и письму, а прямо съ заучиванія словъ, съ переводовъ и нѣкоторыхъ грамматическихъ упражненій. При этомъ нѣмецъ Дозе, хоть плохо, но говорилъ по-русски, а французъ, Карлъ Антоновичъ Блезъ, только что пріѣхавшій въ Вологду въ годъ поступленія моего въ гимназію, ни слова не говорилъ и не понималъ по-русски. Дома по новымъ языкамъ я не получилъ никакой подготовки... Гдѣ же и когда я приобрѣлъ умѣнье читать и писать, т. е. французскую и нѣмецкую грамотность? Рѣшительно не понимаю...

Мало чему я выучился въ первыхъ трехъ классахъ гимназіи, если не считать уроковъ Н. П. Титова. Въ четвертомъ классѣ я принялся было за ученье толкомъ, но въ это время (въ 1850 году) приведено было въ исполненіе нелѣпное раздѣленіе гимназіи на факультеты: филологическій, съ однимъ латинскимъ языкомъ (съ 4-го класса), и юридическій, съ законовѣдѣніемъ (съ 5-го класса), причемъ введено было, для всѣхъ и съ 1-го класса, естествознаніе. Эта дикая реформа имѣла для многихъ, въ томъ числѣ и для меня, роковое значеніе, закрывая для „юристовъ“ двери университета. Кажется, и вся цѣль ея заключалась въ томъ, чтобы затруднить доступъ въ высшія учебныя заведенія. Въ то же время число студентовъ въ университетахъ было ограничено и доведено до возможнаго минимума (если не ошибаюсь, до 300). Отецъ мой, какъ и многіе, всегда ропталъ, что въ гимназіи „дается чинъ“ (право на полученіе чина 14-го класса при поступленіи на службу) за греческій и латинскій языкъ, которые вовсе не нужны на службѣ, такъ какъ полученіе права на чинъ, дѣйствительно, обставлялось хорошимъ балломъ по древнимъ языкамъ. Служба же, военная или гражданская, въ то время считалась единственно приличнымъ и достойнымъ поприщемъ для всякаго благородно-рожденнаго человѣка, т. е. служба, дающая чины и ордена. Понятно, что для этой службы, въ то до-реформенное время, не требовалось не только древнихъ языковъ, съ ихъ литературой, но и никакой науки. Нужны были: для гражданской службы — прежде всего хорошій писарскій

почеркъ, потомъ умѣнье сочинять дѣловыя бумаги условнымъ канцелярскимъ языкомъ, которое приобрѣталось уже на службѣ, практическимъ путемъ, а для военной—бравый видъ и добрая выправка, и отецъ мой, съ своей точки зрѣнія, былъ правъ, сѣтуя, что гимназія, изъ которой только небольшая часть молодыхъ людей попадала въ высшія учебныя заведенія, не подготавливаетъ своихъ учениковъ къ службѣ. Онъ на дѣлѣ убѣдился, что воспитанники духовной семинаріи для гражданской службы гораздо пригоднѣе гимназистовъ; у нихъ, обыкновенно, оказывался отличный почеркъ; они скорѣе усваивали канцелярскій языкъ и формы дѣловыхъ бумагъ, нежели гимназисты. Весьма довольный совершившимся преобразованиемъ, отецъ пожелалъ, чтобы я продолжалъ и оканчивалъ свое гимназическое образованіе по юридическому факультету.†

Между тѣмъ, нелѣпое само по себѣ, это преобразование еще затруднялось тѣмъ обстоятельствомъ, что не было ни учебниковъ, ни преподавателей,—и пошла чистая кутерьма, совершенно разбившая въ прахъ мое благое намѣреніе сдѣлаться исправнымъ ученикомъ по всѣмъ предметамъ гимназической программы, а не по своему личному вкусу, не исключая ни латинскаго языка, ни греческаго, котораго я ожидалъ съ 4-го класса.

Но учитель греческаго языка, упраздненнаго реформой, Александръ Григорьевичъ Поповъ, глуповатый и толстый, слано-подобный добрякъ изъ семинаристовъ, которому оставалось дослужить одинъ годъ до полнаго пенсіона, былъ, по манію начальства, превращенъ въ натуралиста, какъ въ новѣйшія времена натуралисты превращались въ классиковъ. Онъ явился въ 4-й классъ съ толстой „Ботаникой“ Декандоля и началъ читать намъ ее, ровно ничего не понимая въ ней самъ. Такъ открылись у насъ занятія естествознаніемъ, замѣнившимъ греческій языкъ. Понятно, что у этого импровизированнаго натуралиста никто не учился, да и невозможно было ничему научиться. Время на урокахъ проходило въ праздныхъ разговорахъ, въ чтеніи постороннихъ книгъ и въ шалостяхъ. Чтобы наполнить для юристовъ то время, когда филологовъ вводили въ „латинскій классъ“, для нихъ были удвоены уроки словесности,—и это было благомъ для меня. Не сдѣлавшись исправнымъ ученикомъ по всѣмъ предметамъ, я остановился на болѣе симпатичныхъ, да кстати—и лучше преподаваемыхъ: на словесности, исторіи и нѣмецкомъ языкѣ. Кромѣ того, съ этого года я сталъ сильно увлекаться чтеніемъ и сочинительствомъ. Первыми книгами, которыя произвели на меня сильное впечатлѣніе и потянули меня къ чтенію, были: Пушкинъ въ восьмитомномъ смирдинскомъ изданіи, „Юрій Милославскій“ Загоскина, „Герой нашего времени“ Лермонтова и „Вечера на хуторѣ“ Гоголя. Я сталъ писать дневникъ, въ которомъ подробно излагалъ содержаніе прочитаннаго, впечатлѣніе, произведенное на меня чтеніемъ, и свое сужденіе о прочитанномъ. Очень сожалѣю, что эти записки не сохранились, но польза отъ нихъ была немалая: я приучался задумываться о прочитанномъ, отдавать себѣ отчетъ о томъ, что дало мнѣ чтеніе, и упражнялся въ свободномъ письменномъ изложеніи своихъ мыслей. Учителемъ словесности былъ Николай Петровичъ Левитскій, воспитанникъ нашей гимназіи, уроженецъ города Вологды, окончившій курсъ въ с.-петербургскомъ университетѣ. Человѣкъ съ большимъ литературнымъ и художественнымъ вкусомъ, знатокъ и поклонникъ Пушкина,

Гоголя и Бѣлинскаго, горячо любящій литературу, онъ стремился и умѣлъ посѣять въ своихъ ученикахъ любовь къ чтенію и литературныя наклонности, умѣлъ развивать въ нихъ способность толково читать и умѣнье владѣть языкомъ, критически относясь къ своему изложенію и тщательно обрабатывая его,— и большое ему спасибо за это! Ученики не особенно уважали его за уклончивый характеръ и постоянное (можетъ быть,—и вынужденное, но все же не-симпатичное) поддакиваніе начальству, но уроки его любили и хорошо понимали полезность ихъ.

Учитель исторіи, Константинъ Ивановичъ Лебединскій, былъ тихій, безобидный человѣчекъ, съ тоненькимъ голоскомъ, знающій свой предметъ. Дѣло преподаванія онъ велъ не блестяще, но старательно и толково. Мнѣ исторія въ его преподаваніи нравилась, и одно время я особенно ретиво занимался ею.

Учитель нѣмецкаго языка, Романъ Ивановичъ Альтдорфъ, замѣнившій Дозе, послѣ своего предшественника, казался очень хорошъ, хотя не отличался ни талантами, ни педагогическимъ искусствомъ. Все-таки его преподаваніе было не одной безтолковой зубристикой, гораздо живѣе и содержательнѣе, нежели монотонные уроки Д. Онъ даже дѣлалъ попытки знакомить учениковъ съ поэзіей Шиллера, и я, слѣдуя его совѣтамъ, сталъ переводить Шиллера стихами. Переводы были не особенно удачны, но работа надъ ними была полезна. Я перевелъ: „Раздѣлъ земли“, „Идеалы“, „Тайна“, „Тоска“, „Чужестранная гостья“, „Ожиданіе“, „Къ Миннѣ“, „Бѣглець“, „Гекторъ и Андромаха“... Вообще, у меня явилась большая наклонность къ стихотворству,—общая слабость всѣхъ юношей съ литературными наклонностями въ то время.

Преподаваніе по новому плану въ гимназіи уладилось не вдругъ. Появились учебники по естествознанію: зоологія Симашко, ботаника Шиховскаго, минералогія Гофмана, а также учебникъ по законовѣдѣнію Рождественскаго. Явился настоящій натуралистъ Мих. Ник. Яблонскій и настоящій юристъ Вл. Ник. Елецкій. Оба преподавали скучно, сухо, не умѣя заинтересовать учениковъ своимъ предметомъ; но люди они были мягкіе, благовоспитанные, относились къ ученикамъ хорошо, и дѣло, съ внѣшней стороны, шло гладко и прилично, но,—говоря откровенно,—безъ всякой пользы для учащихся. Ни естествознаніе, ни законовѣдѣніе не отвлекли меня отъ любимыхъ предметовъ, которыми и была наполнена вся моя дальнѣйшая гимназическая жизнь до окончанія курса, чтеніе, сочинительство и переводы съ нѣмецкаго наполняли почти все мое время; все остальное я, что называется, „валилъ черезъ пень въ колоду“, лишь бы какъ-нибудь переходить изъ класса въ классъ.

Вскорѣ послѣ преобразования гимназіи, когда я былъ уже въ 6 классѣ, у насъ перемѣнилось начальство, а вмѣстѣ съ тѣмъ—перемѣнился и характеръ гимназическаго режима. Директоръ Башинскій вышелъ въ отставку и куда-то уѣхалъ, а Фортунатовъ получилъ мѣсто въ петрозаводской гимназіи. Къ намъ пріѣхалъ новый директоръ, Никита Семеновичъ Власовъ, изъ петербургскихъ учителей словесности, человѣкъ начитанный и литературный, съ большими претензіями, но черствый, плохой педагогъ. Онъ и къ ученикамъ, и къ учителямъ относился свысока. Какъ словесникъ, Власовъ особенно налегалъ на занятія словесностью. По существу дѣла, его вмѣшательство въ это дѣло было

мало полезно: отнимая уроки у Н. П. Левитскаго, руководя самъ „литературными бесѣдами“, назначая отъ себя темы для особыхъ сочиненій, Власовъ больше всего былъ занятъ самимъ собой, ломался, рисовался, выставлялъ на видъ свои познанія, свое остроуміе, ругая учениковъ, унижая, по возможности, въ ихъ глазахъ преподавателя, произнося фразистыя рѣчи безъ значительнаго содержанія. Но это вмѣшательство директора въ занятіе словесностью еще болѣе усилило то литературное направленіе гимназіи, которое замѣчалось въ ней и раньше. Зато характеръ управленія гимназіей совершенно измѣнился. Если прежній режимъ можно было назвать „патріархальнымъ“, то новый я назову „бюрократическимъ“. Ужъ въ директорѣ Власовѣ при всей его литературности (говорили, что онъ даже повѣсти печаталъ, и даже называли одну изъ нихъ— „Пережитое“, напечатанную въ „Библиотекѣ для Чтенія“ Сенковскаго), видѣлся кичливый и черствый бюрократъ. Онъ прямо выражался въ лицо ученикамъ: „вы думаете, мы работаемъ ради васъ и много заботимся о томъ, что изъ васъ выйдетъ, дѣльные и полезные люди, или чиновники-взяточники? Рыбы вы башки (любимое его ругательство)! Мы работаемъ ради денегъ, потому что жалованье получаемъ, а о васъ намъ заботы мало“. Власову вторилъ и еще болѣе былъ бюрократомъ новый инспекторъ, его товарищъ и пріятель, съ которымъ онъ былъ на „ты“, Дм. Ал. Зябловъ, совершенно ничтожная личность. Этотъ чистенькій рыженькій человѣчекъ, мелочной и вздорный болтунъ и крикунъ, съ визгливымъ голосомъ, безъ толку бѣгалъ по гимназіи, зорко наблюдая только за исправностью пуговицъ, а въ то же время выжималъ въ свою пользу кое-какіе доходы изъ гимназическаго пансіона, завѣдываніе которымъ обыкновенно лежало на инспекторѣ. Какъ человѣкъ практической, онъ умѣлъ для показа приспособляться къ вкусамъ своего товарища-начальника, поддакивалъ и льстилъ ему, прикидывался любителемъ литературы, поэзіи, искусствъ, хотя понималъ въ нихъ не больше, чѣмъ свинья въ апельсинахъ. Отъ Зяблова для гимназіи былъ только одинъ вредъ, и то довѣріе, которымъ онъ пользовался отъ Власова, совершенно отстранившагося отъ пансіона, падало чернымъ пятномъ на директора.

Надо правду сказать, что словесность процвѣтала въ вологодской гимназіи еще при Бажинскомъ и Фортунатовѣ, а при Власовѣ тѣмъ болѣе, впрочемъ преимущественно благодаря Н. П. Левитскому и только отчасти Власову. Ученики много читали, притомъ—толково; основательно и полно были знакомы съ русской литературой; (хорошо, т. е. дѣльно и не безъ изящества писали сочиненія довольно серьезнаго характера.) Были и поэты, вѣрнѣе—стихотворцы, бойко владѣвшіе стихомъ...) Большинство обладало литературнымъ вкусомъ, хорошо понимая и чувствуя неизмѣримую разницу между романами Булгарина и произведеніями Гоголя, между стихами Бенедиктова и Лермонтова, между „Юріемъ Милославскимъ“ и „Капитанской дочкой“, между историческими драмами Кукольника и „Борисомъ Годуновымъ“. Все это давалъ ученикамъ исключительно Н. П. Левитскій. Власовъ, хоть и сочинялъ когда-то повѣсти, хоть и занимался усердно живописью, даже изобразилъ икону для гимназической церкви,—не обладалъ развитымъ художественнымъ чувствомъ и вкусомъ. Левитскій, сколько помню, никогда ничего не печаталъ и ничего не сочинялъ, кромѣ гимназиче-

скихъ отчетовъ, въ качествѣ секретаря педагогическаго совѣта, но обладалъ отличнымъ литературнымъ и художественнымъ вкусомъ. Чтеніе учениковъ тоже шло подъ руководствомъ Левитскаго, который состоялъ библіотекаремъ и выдавалъ ученикамъ книги для домашняго чтенія. Тогда чтеніе учащихся въ гимназїи было гораздо свободнѣе, нежели въ нынѣшнее время, а потому оно, дѣйствительно, имѣло большое развивающее значеніе. Ученики читали и русскихъ авторовъ въ единственномъ тогда Смирдинскомъ изданїи, и переводы иностранныхъ литературныхъ произведеній: Дикенса, Гете, Байрона, Шекспира и др., какіе печатались въ журналахъ, и критическія статьи Бѣлинскаго и Валеріана Майкова въ „Отечественныхъ Запискахъ“ и „Современникъ“, и произведенія молодыхъ русскихъ художниковъ,—„Обыкновенную исторію“ Гончарова, „Бѣдныхъ людей“ Достоевскаго, первые рассказы Тургенева, Григоровича, Писемскаго, Льва Толстого, и статьи молодыхъ русскихъ ученыхъ, Кавелина, Соловьева, Грановскаго, и публицистическіе очерки Искандера-Герцена. Между сочиненіями учениковъ 6-го и 7-го классовъ попадались труды весьма серьезные и солидные, требовавшіе изученія и большого умственнаго напряженія. Разсматривались вопросы литературные, историческіе, юридическіе, эстетическіе.

Съ особеннымъ увлеченіемъ отдаваясь чтенію и сочинительству, начитавшись Бѣлинскаго, поощряемый Левитскимъ и Власовымъ, я сдѣлался однимъ изъ первыхъ гимназическихъ сочинителей, участвуя больше всѣхъ на литературныхъ бесѣдахъ и торжественныхъ актахъ. Мои прозаическія сочиненія, критическаго содержанія, и мои лирическія стихотворенія пользовались большимъ успѣхомъ въ нашемъ муравейникѣ, и это пуще поддавало мнѣ жару. Даже лѣтомъ, въ каникулы, живя въ деревнѣ у сестры, верстахъ въ 25 отъ Вологды, я обдумывалъ и обрабатывалъ сочиненія къ будущему учебному году, а зимой дома издавалъ рукописный журналъ для братьевъ и сестеръ, наполняя его стихами, романами и статьями своего сочиненія. Помню въ этомъ домашнемъ журналѣ мой романъ „Три гимназиста“, героями котораго были: Бекреневъ, гимназистъ-забудыга, Нѣжинъ, гимназистъ-барчукъ, и Зубковъ, гимназистъ-зубряга. Помню и другой романъ „Гранада“ изъ испанской (?) жизни. Помню поэмы въ стихахъ, истребленныя мною лѣтъ черезъ пять послѣ окончанія курса, когда я убѣдился, что не обладаю талантомъ поэта, хотя прїобрѣлъ искусство писать гладкіе и даже красивые стихи,—„Безумная“ изъ народной жизни, „Василій Ивановичъ Шуйскій“ изъ русской исторїи, во вкусѣ думъ Рылѣева—„Свобода“ изъ жизни новгородской вольницы. Помню мои стихи и сочиненія, читанные на литературныхъ бесѣдахъ и актахъ, которые заслужили одобренія и мѣстнаго, и петербургскаго начальства. Тогда всѣ эти ученическія сочиненія обязательно посылались начальству округа, которое возвращало ихъ съ обстоятельными рецензіями. Изъ прозаическихъ сочиненій помню: „Объ элегіи Батюшкова: Умиращій Тассъ“, „О балладахъ Пушкина“, „Герои Лермонтова“, „Лермонтовъ, какъ пѣвецъ природы“, „Историческій очеркъ русскаго романа“, „О народныхъ историческихъ пѣсняхъ періода татарщины“. Послѣднее было напечатано въ „Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ (1854 г.), и это было первое мое печатное сочиненіе. Цензоръ вѣдомостей, учитель гимназїи

Е—цкій (тогда цензура была въ вѣдомствѣ Министерства Народн. Просв.), за эту невинную статейку получилъ выговоръ: въ сочиненіи-де все говорится о народѣ и не упоминается о царѣ. Это были послѣдніе годы Николаевской эпохи, суровой и страшно-послѣдовательной по отношенію къ печати. Изъ моихъ стихотвореній помню: „Геній Россіи“ и „Самодержавіе“—дань тому усиленному возбужденію оффиціального патріотизма, которое было вызвано началомъ Крымской войны; послѣднее было напечатано въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ (1854 г.), „Прости“ (т. е. прости природа, картины осени, а не прощаніе съ милой), „Мечтатель“, „Литургія“, „Звѣзды“ и др. Всѣ эти стихотворенія, конечно, не отличаются оригинальностью и поэтическимъ достоинствомъ, но вызваны были искреннимъ чувствомъ, не исключая и патріотическихъ: нѣтъ ничего ни страннаго, ни предосудительнаго, что общее настроеніе русскаго общества, по крайней мѣрѣ, окружающей среды, дѣйствовало заразительно на души еще несформировавшихся юношей.

Мнѣ страшно хотѣлось быть, въ одно и то же время, и Бѣлинскимъ, т. е. критикомъ, и поэтомъ, если не Лермонтовымъ, передъ которымъ я благоговѣлъ и котораго зналъ наизусть, то хоть Полонскимъ, т. е. хоть маленькимъ поэтомъ, но такимъ, котораго печатаютъ, читаютъ и любятъ, а Полонскаго я хоть и считалъ не крупнымъ поэтомъ, сравнительно съ Лермонтовымъ, но любилъ. У меня была заведена тетрадь, въ которую я вносилъ лучшія произведенія второстепенныхъ русскихъ поэтовъ, сопровождая ихъ собственной посильной характеристикой каждаго изъ нихъ. Не знаю, могъ ли изъ меня выработаться критикъ, если бы обстоятельства не направили меня совсѣмъ на иную дорогу; но поэтическаго таланта у меня не оказалось. Я еще нѣсколько времени занимался стихотворствомъ и переводомъ стихотвореній Шиллера, Гете и др. и теперь не потерялъ способности писать гладкіе стихи, но уже болѣе тридцати лѣтъ понимаю, что я не поэтъ, а только стихотворецъ. Все-таки въ моихъ стихахъ выражались мои дѣйствительныя душевныя настроенія и пережитыя чувства, а потому мнѣ пріятно записать тѣ изъ нихъ, какія я помню: отрадно на склонѣ лѣтъ, хоть нѣсколько минутъ опять пожить жизнью юности и молодости, съ ея свѣжимъ чувствомъ и наивными мечтами.

Записываю гимназическія стихотворенія, написанныя въ пору непродолжительнаго экстаза, овладѣвшаго мною на 16-мъ году жизни, когда я сдѣлалъ даже опытъ поститься, вовсе не принимая пищи, и ослабѣлъ до галлюцинацій: въ нихъ сказалось свѣжее, полу-дѣтское чувство, вскорѣ навсегда мной утраченное.

Литургія (1853 г.).

Въ храмѣ пѣснь звучитъ торжественно и стройно,	Ихъ прозрачными крылами осѣня...
Въ храмѣ вьется переливный фиміамъ;	Въ алтарѣ святомъ, колѣнопреклоненный,
Все вокругъ меня и свято, и спокойно:	Пастырь молится Царю земныхъ царей:
Здѣсь не мѣсто ни пороку, ни страстямъ.	Онъ молитвой призываетъ задушевной
Вижу: чудно лики праведныхъ сіяютъ	Духа Божія на жаждущихъ людей.
Въ блескѣ трепетномъ лампаднаго огня...	Что-то дивное на сердцѣ совершилось,
Вижу: ангелы, какъ бабочки, порхаютъ,	Новымъ чувствомъ грудь таинственно полна...

Предстоящая толпа зашевелилась,—
Жарче молится въ безмолвіи она...
И зыбями фиміамъ во храмъ вьется,

И душа полна глубокой тишиной,
А святая пѣснь торжественнѣе льется:
Надъ людьми витаеть Духъ Святой...

Христовская заутреня (1854 г.).

1.

Чу! Раздался колоколь...
Было все въ молчаніи,
Въ тихомъ ожиданіи.

Передъ плащеницею
Въ церкви лишь сіяніе,
Свѣча не потушена...

2.

Сняты ризы черныя,
Блещеть храмъ божественный,
И нагѣвъ привѣтственный
Пѣсни воскресенія

Зазвучаль торжественно,
И, восторга полные,
Жарко люди молятся,
Словно обновленные...

3.

О, молитесь съ вѣрою,
Со слезами, братія!
О, раскройте братскія
Другъ другу объятія...

И духъ злобы, въ ужасѣ
Близость Бога чующій,
Улетаетъ съ трепетомъ
Отъ земли ликующей.

Изъ переводовъ у меня сохранились — одно стихотвореніе Гейне и одно стихотвореніе неизвѣстнаго мнѣ французскаго поэта, почему-то произведшее на меня большое впечатлѣніе.

Изъ Гейне (1854 г.).

Ты мертвъ, невозмутимо тихъ...
Погасъ огонь очей твоихъ,
Румянецъ устъ поблекъ уныло:
Ты умеръ, мой ребенокъ милый...

Хоръ темнымъ лѣсомъ проходилъ
И робко литію творилъ,
А елки въ траурѣ тѣснились
И въ умиленіи молились...

То ночь была ужасныхъ грезъ,
Какъ я тебя къ могилѣ несъ...
Уныло соловьи свистали,
И звѣзды трупъ сопровождали...

Надъ тихимъ озеромъ въ тѣни,
Кружились эльфы, и они
Вдругъ неподвижно надъ пучиной
Остановились съ грустной миной...

Когда пришли къ могилѣ, самъ
Спустился съ неба мѣсяцъ къ намъ,
И рѣчь держаль... Рыданья, стоны,
И гдѣ-то кѣлокола звоны...

Падшій ангель. Съ французскаго (1854 г.).

1.

Ангелы славятъ Тебя, Вседержитель,
Но, отчужденный отъ нихъ, одинокъ,
Я оставляю святую обитель,
Мыслью отъ неба далекъ.

Мрачно чело мое, въ сердцѣ тревога,
Больше не стало ни воли, ни силъ:
Ту, кому стражемъ я посланъ отъ Бога,
Страстью земной полюбилъ.

2.

Вѣчный, возьми мои бѣлыя крылья!
Больше блаженства мнѣ нѣтъ въ небесахъ:
Радость безсмертія похоронилъ я
Въ черныхъ блестящихъ глазахъ.

Грусть безотрадную въ душу вливая,
Страсть погубила блаженство мое...
Милая, всё-бы, любя и страдая,
Отдалъ за сердце твое.

3.

Страстью объятый, въ позорѣ паденья,
Я оставляю архангельскій сонмъ,
Жизни небесной святыхъ видѣнья
Скрылись на вѣки, какъ сонъ.

Трепетный, блѣдный, найду-ль утѣшенье,
Ласковый встрѣтивъ очей ея взоръ?..
Горе мнѣ, горе,—и въ нихъ лишь презрѣнье
Вижу, какъ грозный укоръ.

Я окончилъ курсъ гимназіи въ 1854 году, во время полного разгара Крымской войны, хоть съ „похвальнымъ“ аттестатомъ, котораго, вообще говоря, вовсе не заслужилъ, но который надо-же было дать первому гимназическому сочинителю, украшавшему своими сочиненіями торжественные акты передъ лицомъ всего мѣстнаго общества, за то безъ всякаго запаса знаній — и научныхъ, и практическихъ, даже безъ тѣхъ формальныхъ знаній, какія требуются для всякихъ экзаменовъ. Безъ научныхъ знаній я не пригоденъ былъ для продолженія образованія въ высшемъ учебномъ заведеніи. Безъ формальныхъ знаній я не могъ сдать и экзамена въ какое-либо высшее учебное заведеніе. Безъ практическихъ знаній я не пригоденъ былъ для жизни. Изъ гимназіи я только и вынесъ любовь къ чтенію съ нѣкоторой начитанностью, искусство владѣть языкомъ въ прозѣ и въ стихахъ, но не для сочиненія дѣловыхъ бумагъ, горячее стремленіе къ литературнымъ занятіямъ и порядочный литературный вкусъ. За все это я обязанъ глубочайшей благодарностью Н. П. Левитскому.

По окончаніи выпускныхъ экзаменовъ, всѣ товарищи сошлись на пирушку, устроенную складчиной, пили чай съ ромомъ, а также скверное вино, толковали о будущемъ, кричали, пѣли, — и разошлись въ разные концы города, а вскорѣ и разъѣхались въ разныя стороны. Кстати помяну нѣкоторыхъ изъ моихъ товарищей, наиболѣе памятныхъ мнѣ. Всѣхъ насъ въ классѣ было если не ошибаюсь, 11 или 12. Первымъ ученикомъ въ классѣ былъ Н. А. Андреевъ, изъ мѣщанъ г. Кадникова, прилежный и благонравный, но не далекій юноша, ученикъ-зубряжка. Онъ впослѣдствіи былъ, кажется, медикомъ. Я совершенно потерялъ его изъ виду, но думаю, что изъ него не вышло ничего виднаго и крупнаго.

Вторымъ былъ П. А. Протопоповъ, сынъ штатнаго смотрителя уѣзднаго училища (сперва Устьсысольскаго или Яренскаго, потомъ Вологодскаго),—малый болѣе даровитый, нежели Андреевъ, но легковѣсный, гдѣ-то выучившійся знаменито ругаться по русски, самыми отборными не печатными ругательствами, за что всѣ товарищи относились къ нему болѣе, чѣмъ неодобрительно. Окончивъ курсъ въ Главномъ Педагогическомъ институтѣ, онъ потомъ былъ учителемъ математики въ Вологодской гимназiи, а теперь, уже много лѣтъ, состоитъ директоромъ училищъ Архангельской губерни. Съ нимъ я потомъ служилъ въ Вологодской гимназiи и не скажу, чтобы изъ него вышелъ дѣльный и симпатичный педагогъ. Движенiемъ по службѣ онъ былъ обязанъ случайности, а не своимъ личнымъ достоинствамъ. Не думаю, чтобы это былъ хорошій, дѣльный и полезный директоръ училищъ.

Третьимъ былъ Матвѣй (по отчеству не помню) Макаровъ, сынъ чиновника изъ города Устюга, сколько помню—юноша симпатичный. Онъ въ нашемъ курсѣ былъ присталый, потому что остался въ 7 классѣ на другой годъ. Отправившись на родину, въ Устюгъ, на лодкѣ по р. Сухонѣ, онъ дорогой потонулъ; тогда о пароходствѣ еще и рѣчи не было, а сообщенiе по рѣкамъ въ томъ краю производилось на большихъ крытыхъ лодкахъ — парусомъ, веслами и тягой. Это было тогда самое дешевое и убогое, хотя медленное, лѣтнее путешествiе.

Я наиболѣе близокъ былъ съ моимъ сосѣдомъ по мѣсту, П. Н. Фрязиновскимъ, и устьсысольскимъ зырянинномъ Юрiемъ (тогда онъ назывался Егоромъ) С. Лыткинымъ.

Фрязиновскiй былъ сынъ чиновника изъ города Яренска, юноша необыкновенно скромный и застѣнчивый, съ глубокимъ и серьезнымъ умомъ, съ громадными математическими способностями,—самый даровитый и многообѣщающiй изъ насъ, по моему мнѣнiю. Но къ несчастью, онъ, какъ говорится, „пропалъ ни за грошъ“. Вообще говоря, онъ учился посредственно, но по математикѣ, физикѣ и космографiи шелъ впереди всего класса, удивляя своими успѣхами и товарищей, и учителей. Въ 7 классѣ у насъ былъ превосходный учитель по этимъ предметамъ, Андрей Алексѣевичъ Мѣшковъ, чрезвычайно живой и талантливый человекъ, знавшiй и любившiй свой предметъ и мастерски преподававшiй. Если бы не поздно было въ 7 классѣ, т. е. въ концѣ курса, сдѣлаться математикомъ, то съ такимъ преподавателемъ и я, если бы не промѣнялъ словесность на математику, не отдавалъ бы первой всего своего времени и всѣхъ силъ. Но—увы!—при тѣхъ жалкихъ знанiяхъ, съ которыми я поступилъ въ 7 классъ, идти въ уровень съ уроками Мѣшкова не было возможности. Фрязиновскiй, какъ понятно само собой, былъ любимцемъ Мѣшкова. Кромѣ того, онъ очень много читалъ, преимущественно любилъ серьезное чтенiе и былъ очень развитъ умственно. Такъ какъ онъ имѣлъ склонность дѣлиться знанiями, какiя прiобрѣлъ изъ книгъ, и собственными мыслями по поводу прочитаннаго, но дѣлиться не громко и публично, не для показа, а втихомолку, въ силу внутренней потребности, это сосѣдство его было очень полезно для меня. За нимъ и я прочитывалъ и усваивалъ довольно серьезные сочиненiя, напр., политико-экономическаго содержанiя, въ родѣ теорiи Мальтуса. Окончивъ курсъ гимназiи,

Фрязиновскій уѣхалъ въ Яренскъ, и отецъ немедленно опредѣлилъ его писцомъ въ уѣздный судъ. Но юноша скоро востосковался за канцелярской работой въ средѣ глухого уѣзднаго города, занялся больше всего картами и попойками. Онъ скопилъ кое-какія деньжонки и махнулъ въ Петербургъ. Чрезвычайныя математическія способности и солидныя познанія его обратили на юношу особое вниманіе. Онъ поступилъ въ Главный Педагогическій Институтъ, помня рассказы Мѣшкова о достоинствахъ этого заведенія, откуда по окончаніи курса былъ назначенъ учителемъ математики въ Тамбовскую гимназію. Не знаю, въ Петербургѣ, въ Яренскѣ или въ Тамбовѣ, этотъ застѣнчивый и даровитый юноша заразился той болѣзненной привычкой, которая погубила не мало хорошихъ русскихъ людей: онъ спился и умеръ въ очень молодыхъ лѣтахъ.

Зырянинъ Лы—нъ былъ солидный и трудолюбивый молодой человекъ, лѣтъ на пять постарше меня. Не скажу, чтобы онъ былъ одаренъ особеннымъ значительнымъ умомъ и отличался даровитостью. Напротивъ, въ немъ замѣчалось тугое пониманіе, слабая воспримчивость, нѣкоторая тяжеловатость мысли. Но въ немъ была одна замѣчательная черта, которая ставила его выше всего класса, въ особенное, исключительное положеніе, и привлекала къ нему: это его зырянофильскій идеализмъ. Онъ мечталъ и толковалъ о просвѣщеніи своего народа, къ которому относился съ преувеличенной, но трогательной вѣрой въ его способность къ развитію и къ исторической роли, какъ настоящей зырянскій патриотъ. И на свое образованіе онъ смотрѣлъ, какъ на средство для просвѣщенія зырянъ, рано поставленнаго имъ цѣлью своей жизни. Это былъ въ своемъ родѣ Инсаровъ Тургенева. У насъ немногіе понимали его, большинство подсмѣивалось надъ этимъ зырянофильствомъ, надъ этимъ неуклюжимъ и добродушнымъ, но страшно упорнымъ и настойчивымъ зырянскимъ патриотомъ. Но всѣ невольно любили и уважали Лы—на. Не помню, почему и когда именно, я сошелся съ нимъ особенно близко. Онъ покупалъ книги и даже выписывалъ „Современникъ“, который въ то время (52, 53, 54) былъ лучшимъ русскимъ журналомъ. „Современникомъ“ и книгами онъ снабжалъ и меня. Я часто бывалъ у него, въ его маленькой и низенькой комнаткѣ, въ домѣ Черняевыхъ, существующемъ и теперь, гдѣ онъ прожилъ всѣ годы своего гимназическаго ученія. Приходили къ нему и другіе товарищи. Мы пили чай, спорили, и незамѣтно пролетали цѣлые вечера. У него же на квартирѣ мы задумали устроить спектакль, вознамѣрившись изучить и играть „Ревизора“. У него производились счетки и репетиціи. Для спектакля наняли недорогое помѣщеніе и принялись за изученіе ролей, причемъ женскія роли были поручены женоподобнымъ мальчикамъ-гимназистамъ, близнецамъ Образцовымъ. Мнѣ досталась роль Хлестакова. Вообще говоря, спектакль сошелъ сносно, не больше; но „Ревизора“ мы, дѣйствительно, изучили основательно. Лучше всѣхъ былъ городничій, нашъ товарищъ Григорій Сергѣевичъ Холмовъ, изъ вологодскихъ помѣщиковъ, большой комикъ по натурѣ, мастерски изображавшій въ классѣ всѣхъ начальниковъ и учителей, подражая ихъ говору и манерамъ съ большимъ искусствомъ и схватывая въ этомъ подражаніи существенный характеръ каждаго: напускную важность и рисовку Власова, дрянную мелочность Зяблова и пр. Недуренъ былъ и Осипъ, котораго изображалъ Протопоповъ. Лы—нъ не игралъ, но принималъ живое

участіе въ спектаклѣ, а можетъ быть, и онъ исполнялъ какую-нибудь роль изъ уѣздныхъ чиновниковъ, не помню. На спектаклѣ присутствовалъ и Власовъ; потомъ онъ зло раскритиковалъ исполненіе и обругалъ насъ за выборъ пьесы: по его мнѣнію, слѣдовало выбрать какіе-нибудь легонькіе водевильчики. Большинство товарищей было несогласно съ такимъ мнѣніемъ господина директора, всѣ сознавали, что исполненіе было слабо, но все-таки были довольны тѣмъ, что изучили, поняли, обдумали и выучили наизусть гениальную комедію Гоголя, а не какіе-нибудь грошовой вздорные водевили. Конечно, выказывать это Власову было нельзя, потому что онъ выслушалъ бы наши возраженія не какъ педагогъ, а какъ начальникъ-чиновникъ, и отвѣчалъ бы злыми ругательствами и угрозами. Лы—нъ поступилъ въ С.-Петербургскій университетъ по факультету восточныхъ языковъ на стипендію. По окончаніи курса, онъ, дѣйствительно, стремился къ просвѣщенію зырянъ и кое-что сдѣлалъ для нихъ, напр., обработалъ „Родное Слово“ Ушинскаго для обученія зырянскихъ дѣтей, потомъ получилъ мѣсто учителя географіи въ одной изъ петербургскихъ гимназій обзавелся семьей и застрялъ въ Петербургѣ. Я съ нимъ еще встрѣчался не одинъ разъ и только въ послѣднее время потерялъ его изъ виду.

Скажу нѣсколько словъ о той провинціальной общественной жизни, которая въ 50-хъ годахъ процвѣтала, но за тѣмъ вскорѣ должна была перестроиться.

То было послѣднее десятилѣтіе развеселой и привольной дворянской и чиновнической жизни. Русскіе солдаты тысячами гибли на Дунаѣ и въ Крыму. Русскіе крестьяне тянулись, какъ говорится, „изъ послѣдняго“, пополняя ряды арміи, которую вели на убой неспособные русскіе полководцы, подъ англо-французскія ружья и пушки. А благородное російское дворянство, въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, въ большихъ и малыхъ барскихъ усадьбахъ, высасывая соки изъ своихъ крѣпостныхъ душъ, бѣсновалось отъ усиленнаго веселья, полное высоко-патріотическаго одушевленія и гордой увѣренности, что скоро доблестное русское воинство „закидаетъ враговъ шапками“. Въ негодованіи на англичанъ и французовъ, всѣ собирались отказаться отъ употребленія иностранныхъ шелковыхъ, виноградныхъ и другихъ издѣлій, а пока ограничивались самодовольными увѣреніями, что мы, молъ—

„Умѣемъ пить и русскимъ пѣннымъ
Здоровье русскаго царя“.

Балы, любительскіе спектакли (и все въ пользу русскаго побѣдоноснаго воинства) и всяческія потѣхи смѣнялись одна другой. На сценѣ такъ-таки и пѣли:

„Русь богохраняемая,
Словно Божій домъ (?),
Встанетъ мать любимая
Съ батюшкой царемъ.
Не считая, много-ли,
Мы враговъ побьемъ;

Чтобы Русь не трогали,
Всѣ въ огонь пойдемъ.
Наберемъ охапки
Вражескихъ головъ,
Закидаемъ шапками
Всѣхъ нашихъ враговъ“.

Публика приходила въ азартъ, внимая такимъ виршамъ льстиваго стихоплета. Такого бѣшенаго дворянскаго веселья, какъ въ зимы 1853, 1854, 1855 годовъ, кажется, никогда не бывало. Ужъ подлинно не передъ добромъ развернулось и распотѣшилось россійское дворянство.

Особенно щеголяла Вологда любительскими спектаклями съ патріотическими цѣлями, дававшими огромные сборы и массу наслажденій и публикѣ, и благороднымъ исполнителямъ. Надо правду сказать, что тутъ была большая доля и дѣйствительно эстетическаго наслажденія, потому что нашлись любители-актеры очень талантливые. Нашелся и мѣстный литераторъ, публицистъ и поэтъ, изъ того же круга, т. е. изъ старинной вологодской дворянской фамиліи, Ю. А. Волковъ, который сочинялъ и печаталъ въ губернскихъ вѣдомостяхъ и патріотическіе стихи, и хвалебныя статейки артистамъ-любителямъ. Это былъ не лишенный дарованія человекъ, но не способный къ усидчивой работѣ и не нажившій до конца жизни никакихъ прочныхъ и опредѣленныхъ убѣжденій, настоящій продуктъ дворянско-крѣпостной жизни. Перомъ онъ владѣлъ бойко, но ничего путнаго не написалъ. Онъ и либеральничалъ, и сочинялъ патріотическія стихотворенія самаго рабьяго содержанія. Онъ пускалъ по городу сатиры на мѣстныхъ аристократовъ, а въ то же время терся въ ихъ средѣ, стараясь быть въ ней своимъ человекомъ. Онъ на словахъ былъ защитникомъ женскихъ правъ, свободы образованія, чувства и поступковъ, а при первой оказіи избилъ арапникомъ инженернаго офицера, да еще въ собственной своей квартирѣ, заподозривъ его въ интимныхъ отношеніяхъ со своей женой. Понятно, что и его литературная дѣятельность была полна противорѣчій. Его перо было такое же безшабашное, какъ безшабашна была та дворянская, крѣпостная среда и жизнь, которая его произвела. За дворянствомъ, пировавшимъ на счетъ крѣпостнаго крестьянскаго труда, тянулось чиновничество, усиливая свои доходы на счетъ откупа. Откупщики же въ эти годы, тоже на послѣдяхъ, торговали особенно бойко, заливая сивухой народное горе и паче мѣры разбавляя эту сивуху водой, да отравляя кукельваномъ. При этомъ откупщики обнаружили неменьшее количество патріотическаго воодушевленія, чѣмъ дворянство: они не скупились пожертвованіями замазать свои продѣлки, а всѣмъ чиновникамъ платили двойные оклады противъ мирнаго времени,—и было изъ чего. Никогда еще откупщики не были въ такомъ фаворѣ, какъ въ эти годы, передъ близкой кончиной откуповъ. Они не мало содѣйствовали развитію того бѣшенаго пиршества, которое тогда охватило дворянскую Русь.

II.

Вступленіе въ жизнь.

Конецъ 50-хъ годовъ въ русской провинціи 1854—1858.

С. Петино. 1891 г. марта 14-го.

Окончивъ курсъ гимназіи, я не могъ продолжать своего образованія въ какомъ-нибудь высшемъ учебномъ заведеніи. Университетъ былъ недоступенъ для меня по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, у отца не было достаточно средствъ для содержанія меня въ Петербургѣ: онъ жилъ службой, а въ семьѣ было 11 человѣкъ. Самъ я не былъ подготовленъ къ тому, чтобы, учась, зарабатывать средства для содержанія себя. Во-вторыхъ, отецъ, при несомнѣнномъ крупномъ природномъ умѣ, не получившій самъ научнаго образованія но основательно прошедшій науку тогдашней жизни и государственной службы, не особенно цѣнилъ книжную науку и высшее образованіе. Прежде всего онъ не видѣлъ надобности въ наукѣ и высшемъ образованіи ни для пользы службы, ни для успѣховъ, служебныхъ и житейскихъ. Онъ видѣлъ много примѣровъ, что люди безъ всякаго научнаго образованія достигали высшихъ ступеней по служебной лѣстницѣ, пріобрѣтали хорошія состоянія, пользовались уваженіемъ общества. Онъ видѣлъ и такіе примѣры, что люди съ университетскимъ образованіемъ бѣдствовали въ учительскомъ званіи съ плохимъ жалованіемъ, едва хватавшимъ для самой скромной жизни, и не пользовались въ обществѣ ни малѣйшимъ почетомъ, а мѣстные тузы запросто честили ихъ „учителишками“. Если-же такіе люди попадали на службу въ одну изъ канцелярій, то ихъ отдавали подъ начало какому-нибудь опытному чиновнику изъ семинаристовъ, и они медленно двигались на службѣ, не пользуясь благоволеніемъ начальства и расположеніемъ товарищей. Служба, государственная или по выборамъ, въ то время считалась единственнымъ достойнымъ и заманчивымъ поприщемъ для всякаго юноши „благороднаго званія“. Служба-же тогдашняя, и военная, и гражданская, и государственная, и сословная (по выборамъ), дѣйствительно не требовала никакого образованія, никакихъ научныхъ знаній, такъ какъ въ русскихъ канцеляріяхъ, судахъ, палатахъ того времени, а тѣмъ болѣе въ гарнизонахъ, наука не имѣла никакого примѣненія. Многіе начальники даже считали науку вредною для службы и избѣгали брать къ себѣ на службу молодыхъ людей съ высшимъ образованіемъ, ничего не ожидая отъ нихъ, кромѣ вольнодумства, завиральныхъ идей и „фордыбаченья“, а если брали, то, прежде всего, старались „обуздать“ и вышколить ихъ посвоему, придерживаясь знаменитаго изреченія: „въ гробъ заколочу Демосфена“. На службѣ требовалось: слѣпое повиновеніе, аккуратность, непрекословное исполненіе приказаній, часто совершенно бессмысленныхъ, отсутствіе всякой самостоятельной мысли, а тѣмъ болѣе—воли; затѣмъ—въ военной: молодцеватый видъ, въ гражданской: хорошій писарскій почеркъ да умѣнье угодить, кому слѣдуетъ, подслужиться.

Въ-третьихъ, я не былъ научно подготовленъ къ слушанію и пониманію университетскаго курса ни по какому факультету,—и это главное. Въ математикѣ я былъ совсѣмъ плохъ, съ латинскимъ тоже былъ знакомъ недостаточно благодаря зачисленію на юридическій факультетъ. Необходимо было сдавать экзаменъ, а я не могъ его сдать: тогда число студентовъ было ограничено, и молодые люди поступали въ студенты по конкурсному экзамену. То было время гоненія противъ науки и университетовъ.

Куда же мнѣ было дѣваться? Поступать въ писцы въ какую-нибудь канцелярію не хотѣлось. Директоръ Власовъ предложилъ отцу устроить меня учителемъ русскаго языка въ одно изъ уѣздныхъ училищъ: тогда обязанности директора гимназіи и директора училищъ соединялись въ одномъ лицѣ. Для занятія этой должности я долженъ былъ сдать экзаменъ и получить дипломъ на званіе учителя уѣзднаго училища. Хотя я понятія не имѣлъ объ учительскомъ дѣлѣ, даже частныхъ уроковъ никогда не давалъ, но все-таки это дѣло мнѣ казалось болѣе привлекательнымъ, нежели канцелярская служба, и болѣе соотвѣтствующимъ моимъ литературнымъ наклонностямъ. Отецъ совѣтовалъ мнѣ согласиться, и я согласился.

Какъ разъ въ это время мной овладѣло увлеченіе исторіей Вологодскаго края, довольно-таки интереснаго въ историческомъ отношеніи въ до-петровскія времена: я мечталъ написать серьезное изслѣдованіе, большой исторической трудъ, который долженъ былъ прославить меня, изучалъ источники, разбиралъ древнія рукописи, дѣлалъ выписки. Собственно говоря, я думалъ первоначально прослѣдить ходъ и развитіе новгородской колонизаціи въ этомъ краѣ и указать новгородскую струю въ его современномъ населеніи, съ его преданіями, нравами, обычаями, домашнимъ и общественнымъ бытомъ, нравственнымъ характеромъ и направленіемъ умственной силы; но въ послѣдствіи, при изученіи собранныхъ матеріаловъ, задуманное сочиненіе получило совсѣмъ другое содержаніе. Учителство въ моихъ глазахъ больше ладило съ этимъ предпріятіемъ, нежели канцелярская служба,—тѣмъ болѣе, что учителя уѣздныхъ училищъ, дѣйствительно, занимали видное мѣсто въ вологодской литературѣ своими работами по исторіи, статистикѣ и этнографіи края. Въ этомъ я имѣлъ случай убѣдиться, прочитывая губернскія вѣдомости за все время ихъ существованія: оказалось, что мѣстная литература богата цѣнными работами и матеріалами, значительная часть которыхъ принадлежитъ учителямъ уѣздныхъ училищъ. Собирая матеріалы для задуманнаго сочиненія, я сталъ, въ то же время, готовиться къ экзамену и посѣщать уроки учителя русскаго языка въ вологодской гимназіи Михаила Герасимовича Николенко, замѣнившаго Н. П. Титова, который выслужилъ пенсію и вышелъ въ отставку, къ общему горю гимназистовъ. Приготовленія къ экзамену немного брали времени, потому что я любилъ русскій языкъ съ дѣтства, и это былъ единственный предметъ, которымъ я занимался съ любовью и постоянствомъ. Программа экзамена собственно по русскому языку не затрудняла меня; но нельзя сказать того же о педагогической сторонѣ дѣла. Педагогическіе и дидактическіе вопросы были мнѣ совершенно чужды. Я не только никогда не думалъ о нихъ, но и ничего не читалъ по этимъ вопросамъ. Да, пожалуй, и читать-то было нечего: сочиненій по этимъ вопросамъ тогда на

русскомъ языкѣ почти вовсе не было, никто ими не занимался и не интересовался. Педагогическая сторона дѣла была мнѣ настолько чужда, я былъ настолько далекъ отъ педагогическихъ и дидактическихъ вопросовъ, что упустилъ изъ виду тотъ живой и наглядный примѣръ разумнаго и одушевленнаго обученія, который прошелъ передъ моими глазами въ преподаваніи моего любимаго учителя Н. П. Титова, а напрягалъ все усилія моего ума извлечь что-либо поучительное и полезное изъ уроковъ г. Николенко. Увы! это былъ примѣръ совсѣмъ не поучительный и не полезный, примѣръ мертваго формальнаго отношенія къ дѣлу, безъ живого пониманія его, безъ огонька, безъ любви. Я здѣсь поучался совсѣмъ не добру. Не могу понять, какимъ образомъ этотъ господинъ, бывшій вообще человѣкомъ незначительнымъ, несимпатичнымъ и крайне ограниченнымъ въ умственномъ отношеніи, впоследствии выдвинулся впередъ и даже въ Петербургѣ, куда былъ переведенъ лѣтъ черезъ десять, считался виднымъ преподавателемъ. Кажется, этимъ онъ былъ обязанъ не столько своимъ достоинствамъ, какъ учитель, сколько умѣнью ладить съ сильными и вліятельными людьми и обдѣлывать свои дѣлишки. Онъ даже печаталъ кое какія статьи и книжки по преподаванію русскаго языка, столь-же шаблонныя и мизерныя, какъ шаблонна и мизерна была его личность. Плохой примѣръ его уроковъ, къ счастью, порядочно потерялъ для меня свою силу, благодаря тому обстоятельству, что мнѣ попала въ руки превосходная книга *Θ. И. Буслаева „О преподаваніи русскаго языка“*,—кажется, тогда единственное самостоятельное русское педагогическое сочиненіе, которое и до сихъ поръ не утратило своего достоинства, хотя послѣ того создалась довольно-таки богатая русская педагогическая литература.

Какъ бы то ни было, я имѣлъ возможность вести параллельно двѣ работы: готовиться къ экзамену, который сдалъ блистательно, и собирать матеріалъ для задуманнаго сочиненія по исторіи Вологодскаго края. И вотъ, въ ноябрѣ 1854 года, получивъ напутствіе отъ Власова, впрочемъ мало полезное, скорѣе вовсе бесполезное, я поѣхалъ по зимней дорогѣ въ уѣздный городъ Тотьму, на берега Сухоны, за 200 вер. отъ Вологды, учителемъ русскаго языка въ тотемское уѣздное училище, забравъ съ собою собранныя историческія матеріалы и значительное количество книгъ. Это была моя первая разлука съ родной семьей, и понятно, что она была нелегка и для меня, и для моихъ родителей и для всей семьи, тогда весьма многочисленной и очень дружной: въ это время только братъ Березкинъ былъ женатъ и жилъ отдѣльно, да старшая сестра моя, Александра Ѳедоровна, была замужемъ за помѣщикомъ *Θ. А. Юрьевымъ*; но обѣ эти выдѣлившіяся семьи очень часто бывали у насъ, только на лѣто обѣ переселялись въ деревню, да и то у нихъ постоянно гостилъ кто-нибудь изъ насъ. Мое прощанье съ родной семьей, при отъѣздѣ въ Тотьму, было настолько трогательно, что впечатлѣніе о немъ долго и живо сохранялось въ моей душѣ. Черезъ нѣсколько времени, уже въ Тотьмѣ, въ часъ уединенныхъ воспоминаній, это впечатлѣніе съ такой силой воскресало въ душѣ, что я подъ вліяніемъ крайне возбужденнаго состоянія, изобразилъ это прощанье въ стихахъ, которые тогда мнѣ очень нравились и до сихъ поръ, почти черезъ сорокъ лѣтъ, сохранились въ моей памяти. Не могу отказать себѣ въ удоволь-

ствию записать здѣсь эти стихи, конечно въ сущности весьма посредственные, интересные только для меня самого; но въ этихъ юношескихъ стихахъ (мнѣ тогда было 17 лѣтъ) отразилось истинное чувство юноши, только что вступавшаго въ жизнь, такъ сказать,—стоявшаго на порогѣ жизни, и вотъ что въ нихъ дорого для меня.

Первая разлука съ родной семьей

(1854).

Молча въ залѣ мы сидѣли.
Кони ржали у крыльца.
Я былъ сдержанъ, и безъ цѣли
Взоръ скользилъ къ лицу съ лица.
Непонятно казалась
Мнѣ родныхъ моихъ печаль:
Мнѣ привѣтно улыбалась
Темной будущности даль.
Ожиданіемъ томимый,
Я былъ мыслью далеко,
И покинуть домъ родимый
Мнѣ казалось такъ легко.

Встали—„съ Богомъ въ путь-дорогу“.
Сердце замерло въ груди...
Молча всѣ молились Богу...
Что-то будетъ впереди?
Всѣ въ слезахъ, въ волненьѣ были,
Лишь одинъ не плакалъ я...
Мать—отецъ благословили
На далекій путь меня...
Полно! будетъ притворяться!
Слезы хлынули рѣкой...
Ахъ, какъ грустно разставаться
Въ первый разъ съ семьей родной!

Какъ ни слабы эти стихи, они и теперь оживляютъ въ моемъ воображеніи сцену моего перваго прощанья съ семьей, а въ моемъ сердцѣ то свѣжее чувство, которое я тогда пережилъ. Нынѣшнимъ юношамъ, при современномъ ослабленіи семейныхъ отношеній и чувствъ, при теперешней слабости семейныхъ связей, которыя тогда были чрезвычайно крѣпки, при нынѣшнихъ удобныхъ и легкихъ способахъ передвиженія, которые тогда были такъ трудны.—нынѣшнимъ юношамъ, говорю я, то испытанное мною чувство едва ли можетъ быть понятно, и мои стихи, пожалуй, покажутся имъ сентиментальными и смѣшными,—ну, и пусть... Я записалъ ихъ для себя, только для себя. Я ѣхалъ на лошадахъ, такъ называемыхъ „обывательскихъ“, т. е. не на почтовыхъ за установленные прогоны, по дорожной, а на вольныхъ, по свободному договору, останавливаясь для перемѣны лошадей черезъ 25—30 верстъ. При этомъ останавливаться, конечно, приходилось въ простыхъ крестьянскихъ избахъ, освѣщаемыхъ лучиною: тогда керосина и керосиновыхъ лампочекъ, распространенныхъ нынѣ по деревнямъ, и въ поминѣ не было, а свѣчи для крестьянъ были слишкомъ дорогимъ освѣщеніемъ. Ъзда на вольныхъ была дешевле, нежели на почтовыхъ, да чуть-ли и не скорѣе, потому что на почтовыхъ станціяхъ иногда приходилось сидѣть по нѣскольку часовъ въ ожиданіи лошадей, а тутъ недостатка въ лошадахъ никогда не было. Остановки въ крестьянскихъ избахъ меня очень интересовали; я разговаривалъ съ крестьянами, которые были очень привѣтливы и тогда здѣсь жили очень зажиточно: это были все государственные крестьяне,

а не барскіе, потому что крѣпостное право не существовало почти въ тотемскомъ уѣздѣ. Нужны были цѣлыя сутки, чтобы проѣхать 200 верстъ и добраться до Тотмы. Въ первый разъ испытывая такую долгую дорогу, я порядочно измучился, хотя стояла прекрасная зимняя дорога. Больше всего меня мучила тяжелая медвѣжья шуба отца, которою онъ наградилъ меня на дорогу, съ ея грубымъ и жесткимъ, хотя очень теплымъ мѣхомъ. Сначала она своей теплотой очень нравилась мнѣ, но вскорѣ стала такъ безпощадно кусать мое лицо, что я принужденъ былъ распахивать ее, не обращая вниманія на морозъ свыше 20°, лишь-бы ея жесткій мѣхъ не прикасался къ моимъ щекамъ.

Тотма оказалась чистенькимъ городкомъ, сравнительно хорошо обстроеннымъ порядочными деревянными домами и домиками, съ семью каменными церквями, съ богатымъ монастыремъ и солевареннымъ заводомъ Кокорева подъ самымъ городомъ, съ дружно живущимъ, веселымъ и очень разнообразнымъ до-реформеннымъ обществомъ и весьма дешевой жизнью. Представившись своему начальству, т. е. штатному смотрителю училища, познакомившись съ товарищами, я на другой же день вступилъ въ исполненіе своихъ обязанностей и устроилъ свою жизнь, при помощи добрыхъ людей, которыхъ въ Тотмѣ оказалось не мало. Мнѣ удалось нанять очень удобную, чистенькую и теплую квартирку, недалеко отъ училища, изъ трехъ комнатъ, съ мебелью (конечно, довольно простой), съ отопленіемъ, со столомъ и стиркой бѣлья, да еще и съ прислугой, за 7 р. 50 к. въ мѣсяць. А жалованье учителя уѣзднаго училища въ то время было 17 р. 50 к. въ мѣсяць,—значить, у меня оставалось въ виду, за удовлетвореніемъ необходимыхъ потребностей, цѣлыхъ 10 р.!—Не правъ ли я былъ, считая себя богачемъ?

Смотритель училища, П. М. Левитскій изъ духовнаго званія, длинный, неуклюжій и крайне некрасивый, былъ человѣкъ не глупый и добрый, но мало смыслилъ въ учебномъ дѣлѣ; онъ былъ совершенно не способенъ руководить начинающимъ учителемъ, да и не претендовалъ на такую роль. Все время мы съ нимъ жили ладно, но пользы отъ него и мнѣ, и училищу было мало. Онъ только наблюдалъ за внѣшней стороною дѣла, но ни учебной, ни воспитательной стороны не касался, предоставляя учителямъ вести обученіе и управляться съ учениками, какъ знаютъ. И дѣло шло до невозможности гадко.

Составъ учебнаго персонала, надо правду сказать, былъ безнадежно, замѣчательно плохъ. Законоучитель, о. Иванъ Архангельскій, глупый и всегда какой-то заспанный священникъ, велъ дѣло и бездарно, и неумѣло, и лѣнливо. Учителемъ исторіи и географіи, почти одновременно со мной, былъ назначенъ сынъ законоучителя, А. И. Архангельскій, только-что окончившій курсъ духовной семинаріи. Это былъ юноша крайне мало развитой и вовсе неотесанный, но все-таки лучше другихъ, и я старался сблизиться съ нимъ: научилъ его играть въ шахматы, которыми самъ занимался еще въ гимназіи, втягивалъ въ чтеніе и въ общество, такъ какъ онъ почти ничего не читалъ, не имѣлъ никакого понятія ни о Пушкинѣ, ни о Гоголѣ, ни о Лермонтовѣ, а общества дичился, по неумѣнью держаться въ немъ. Учитель ариѐтики и геометріи, Ф. А. Иконниковъ былъ, въ своемъ родѣ, „раритетъ“.

Скряга, всегда грязный, неопрятно одѣтый, безъ признаковъ бѣлыя, въ застегнутомъ до верху потертомъ синемъ вицъ-мундирѣ съ потемнѣвшими мѣдными пуговицами, съ восковымъ желтымъ лицомъ, съ отвратительнымъ ароматомъ изо рта и блуждающими глазами, онъ постоянно въ тихомолку брюзжалъ на всѣхъ—и на учениковъ, и на зрителя, и на товарищей. Онъ напоминалъ какого-то скопца, полного ненависти ко всему человѣчеству. Говорили, что этотъ чудакъ велъ совершенно плюшкинскій образъ жизни и скопилъ значительныя деньги. Обученіе онъ велъ, конечно, отвратительно, но посѣщалъ уроки аккуратно и усиленно долбилъ мальчиковъ всяческими наказаніями, относясь къ нимъ съ беспощадной жестокостью. — Товарищество было весьма не симпатичное и вовсе не полезное.

Уѣздное общество приняло меня привѣтливо и радушно. То было веселое до-реформенное русское общество, только взбудораженное, но мало огорченное все пуще разгаравшейся Крымской войной.

Центромъ общества было семейство М. И. К—ва, владѣльца доходнаго солевареннаго завода подъ городомъ, уже старика, дяди знаменитаго московскаго туза В. А. К—ва. К—вы жили открыто; у нихъ на заводѣ былъ даже собственный оркестръ, которымъ, конечно, пользовался весь городъ, когда надо было потанцовать или пообѣдать съ музыкой. Въ семействѣ К—выхъ были три интересныя барышни, придававшія ихъ дому особую привлекательность, двѣ дочери старика К—ва, очень милыя, умныя и образованныя дѣвушки, и племянница его, — очень поэтичная особа, талантливая піанистка. И много было въ Тотмѣ семействъ, которыя жили открыто и весело, интересныхъ молодыхъ дамъ, даже красавицъ, и милыхъ дѣвицъ. Мужское общество стояло гораздо ниже женскаго. Впрочемъ, это—особенность, которая, по моимъ наблюденіямъ, сохранилась на Руси и теперь. И понятія, и чувства, и стремленія мужчинъ были въ Тотмѣ гораздо низменнѣе и грубѣе, чѣмъ понятія, чувства и стремленія женщинъ.

Жизнь, во всякомъ случаѣ, была веселая и шумная. Денегъ было много у всѣхъ, цѣны на все стояли низкія, работы было не много, гораздо меньше, чѣмъ доходовъ, и общимъ стремленіемъ было—веселиться, наслаждаться, прожигать жизнь по своему вкусу. Всѣ эти уѣздные тузы, откупщикъ, окружный начальникъ госуд. имуществъ, удѣльный депутатъ, городничій, исправникъ, лѣсной ревизоръ, лѣчничіе, засѣдатели, секретари и пр., получали много денегъ, — если не въ видѣ жалованья, которое тогда было болѣе чѣмъ умеренно, то въ видѣ доходовъ, на которые тогда смотрѣли сквозь пальцы (напр., всѣ чиновники зазнамо состояли на жалованьи у откупщика, да при всякомъ удобномъ случаѣ и сверхъ того брали у него, по мѣрѣ возможности), — и всѣ привыкли жить на распашку, въ полное свое удовольствіе. Вечера съ музыкой, танцами, обильными ужинами, азартная картежная игра, попойки, вотъ чѣмъ была наполнена жизнь большинства. Нельзя сказать, чтобы это было невѣжественное общество,—нѣтъ: это было типичное русское до-реформенное общество, не лишенное умственнаго развитія, эстетическихъ вкусовъ и внѣшняго европеизма, но безъ истинно нравственныхъ основъ, безъ великихъ гражданскихъ доблестей безъ потребностей живого, разумнаго труда,—общество, воспитавшееся въ рас-

тлѣвавшей николаевской школѣ. Въ тотемскомъ обществѣ того времени было пять-шесть личностей съ образованіемъ, но измельчавшихъ и опустившихся въ зависимости отъ общаго строя той до-реформенной жизни. Выписывали не только газеты, потребность въ которыхъ была возбуждена войной, но и журналы, такъ что были въ ходу и „Современникъ“, и „Отечественныя Записки“, бывшіе тогда лучшими русскими журналами. Устраивались любительскіе спектакли, домашніе музыкально-вокальные вечера. Жило общество дружно. Собирались ежедневно по вечерамъ, установивъ очередь, и эти очередные вечера замѣняли собою общественный клубъ, потому что клубовъ тогда еще не было, кромѣ столицъ и губернскихъ городовъ, на Руси не существовало.

Я немедленно былъ втянутъ въ этотъ водоворотъ уѣздной общественной жизни. Но я не втянулся ни въ попойки, ни въ картежную игру, чему многіе удивлялись. Положительно могу сказать, что меня, 17-ти лѣтняго юношу, безъ установившагося характера, вовсе невѣдавшаго жизни, прожившаго 17 лѣтъ подъ бдительной семейной опекой, спасли отъ гибели въ этомъ водоворотѣ развеселой уѣздной до-реформенной жизни именно тѣ литературныя склонности, которыя я вынесъ изъ гимназіи, преимущественно благодаря Н. П. Левитскому, да пожалуй—то обстоятельство, что я больше держался женскаго общества, которое вообще ко мнѣ благоволило, и семейныхъ знакомствъ, а не холостыхъ. Ничего романическаго, а тѣмъ болѣе предосудительнаго, въ моихъ отношеніяхъ къ женскому обществу не было; но постоянное вращеніе среди женщинъ ограждало меня отъ той грубости и распущености, какія царили въ мужской кампаніи. вмѣстѣ съ тѣмъ, я привыкъ цѣнить женское изящество и благородство, и въ душѣ моей навсегда сохранилось глубокое уваженіе къ русской женщинѣ, умѣющей сохранить свою чистоту и, сравнительно, возвышенное душевное настроеніе среди самыхъ неблагопріятныхъ условій, въ сожителствѣ съ самыми грубыми и безнравственными людьми.

Въ уѣздномъ училищѣ оказалась очень порядочная бібліотека. Въ ней были очень цѣнныя, серьезныя изданія. Были русскіе авторы. Было много русскихъ журналовъ за прежніе годы. Получались и новые журналы. Въ тѣ времена Министерство Народнаго Просвѣщенія, къ удивленію, было гораздо терпимѣе къ русской литературѣ и либеральнѣе къ чтенію и самообразованію учителей и учениковъ, а потому болѣе соотвѣтствовало своему названію, нежели въ новѣйшія времена. Оно вовсе не препятствовало учебнымъ заведеніямъ получать, какіе угодно, журналы и пріобрѣтать книги, даже поощряло обогащеніе ихъ бібліотекъ, и въ этомъ смыслѣ уѣздныя училища, вообще говоря, плохо поставленныя, являлись въ глухихъ городахъ, въ нѣкоторомъ родѣ, разсадникомъ просвѣщенія. Училище снабжало книгами и журналами многихъ лицъ мѣстнаго общества. Но журналы, какъ я уже говорилъ, выписывались и частными лицами, журналы хорошіе, потому что разныхъ спекуляторскихъ изданій, набитыхъ всякой дрянью, вродѣ „Нивы“, „Живописнаго Обзорѣнія“, „Луча“ и т. п., тогда еще не существовало. Были у меня кое-какія и свои книги. Словомъ, чтенія у меня всегда было вдоволь.

Кстати скажу, что послѣ окончанія крымской войны, когда русская жизнь вдругъ встряхнулась съ новымъ царствованіемъ, когда наступила присно-

памятная пора необычайнаго литературнаго оживленія и журнальной горячки, я въ глухой Тотъмѣ, самое названіе которой директоръ Власовъ не безъ остроумія производилъ отъ словъ „то“ и „тьма“ (дескать, новгородцы говорили про тотъ край: „то тьма“,—и получилось названіе „Тотьма“), читалъ всѣ журналы, не исключая ни „Современника“, ни „Русскаго Вѣстника“, ни „Русской Бесѣды“, ни „Воспитанія“ Чумикова, ни „Педагогическаго Вѣстника“ Вышнеградскаго и Гурьева, ни даже воронежскихъ „Филологическихъ Записокъ“. Чтеніе и авторство спасало меня отъ картъ, пооекъ и другихъ низменныхъ удовольствій, особенно опасныхъ въ тогдашнемъ моемъ возрастѣ. Оно даже возбудило въ моей головѣ фантастическій планъ—приготовиться къ кандидатскому экзамену, и я принялся учиться, взялся за латинскую грамматику и другіе учебники. Можетъ быть, изъ этого и вышло бы что-нибудь, если бы въ это время не скончался преждевременно мой домашній учитель, приготовлявшій меня къ гимназій, о которомъ я уже говорилъ раньше, Н. П. Корелкинъ. Я обратился къ нему письменно помочъ мнѣ совѣтомъ и руководствомъ. Мое письмо осталось безъ отвѣта, потому что Корелкинъ уже угасалъ въ безнадежной чахоткѣ. Онъ служилъ преподавателемъ словесности въ одной изъ петербургскихъ гимназій. Не зная истинной причины, почему нѣтъ отвѣта на мое письмо, я приписывалъ это молчаніе моего бывшаго учителя холодному или даже презрительному отношенію его къ голосу и стремленію недоучки и далъ себѣ слово впередъ никогда и ни къ кому не обращаться за совѣтами и помощью, а всегда обходиться собственнымъ усмотрѣніемъ, собственнымъ самодѣятельнымъ и самостоятельнымъ трудомъ. Мысль о кандидатскомъ экзаменѣ, конечно, пришлось отбросить, какъ неосуществимую, но досада противъ любимаго учителя скоро смѣнилась чувствомъ глубокой скорби, когда я встрѣтилъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ первый и послѣдній ученый трудъ Корелкина „А. Х. Востоковъ“ съ выноской, сообщавшей о преждевременной кончинѣ многообѣщавшаго автора.

Тѣмъ не менѣе, я продолжалъ читать и учиться уже не для экзамена, а для приобрѣтенія знаній и для удовлетворенія личной потребности въ знаніи и размышленіи. Замѣчательно, что въ библіотекѣ училища я нашелъ даже знаменитую магистерскую диссертацию Н. Г. Чернышевскаго „Объ эстетическихъ отношеніяхъ искусства къ дѣйствительности“. Не знаю, какъ она сюда попала, но я прочиталъ ее съ увлеченіемъ и много думъ зародила она въ моей головѣ.

Рядомъ съ чтеніемъ и ученіемъ, шли мои литературныя занятія. Я усердно принялся за обработку вывезенныхъ изъ Вологды историческихъ матеріаловъ, и въ результатѣ получилась довольно большая монографія—„Вологда въ началѣ XVII столѣтія“,—изъ пяти главъ, которую я хотѣлъ напечатать въ „Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“. Цензурныя препятствія оттянули печатаніе ея болѣе, чѣмъ на годъ, она появилась въ печати только въ 1857 г. („Вологодскія Губ. Вѣдомости“, часть неофициальная). А въ 1856 году я напечаталъ въ тѣхъ же „Вѣдомостяхъ“ очеркъ—„Звѣриный промыселъ въ Вологодской губ.“ написанный по рассказамъ лѣснаго ревизора Анатоля Андреевича Ве—ва, очень умнаго, развитого и даровитаго человѣка. отлично знавшаго губернію, но, къ сожалѣнію, втянувшася въ пьянство и усвоившаго привычку привирать, что

сильно отозвалось и на моемъ очеркѣ, такъ какъ самъ я дѣла не зналъ и слѣпо довѣрялъ рассказамъ пріятеля.

Въ то же время я принялся за собираніе матеріаловъ для біографіи К. Н. Батюшкова, поэта, который родился, провелъ послѣднюю, болѣзненную часть своей жизни и умеръ въ Вологдѣ, а поэзію котораго я полюбилъ и съ увлеченіемъ изучалъ еще гимназистомъ. Мнѣ хотѣлось написать о Батюшковѣ критико-біографическую монографію изъ трехъ частей: въ первую должна была войти біографія поэта до отъѣзда его въ Италію, т. е. до начала болѣзни, прервавшей поэтическую дѣятельность Батюшкова; во вторую—конецъ біографіи и рассказъ о той части жизни поэта, уже безнадежно больного, которую онъ провелъ въ Вологдѣ, въ третью—критическій обзоръ прозаическихъ статей и поэтическихъ произведеній Батюшкова. Матеріалы приходилось собирать въ Вологдѣ что я и дѣлалъ, пріѣзжая въ Вологду на рождественскія и на лѣтнія каникулы. Много помогаль мнѣ въ этомъ дѣлѣ мой братъ, Петръ Ѳедоровичъ Бунаковъ, который тогда оканчивалъ курсъ гимназіи: онъ добывалъ книги, дѣлалъ выписки, наводилъ справки, собиралъ письменныя и устныя свѣдѣнія и т. п. Мало-помалу для первой части скопилось довольно матеріаловъ. Собирая матеріалы для второй, я пока занялся обработкой первой, которую и отправилъ въ Москву Мих. П. Погодину для напечатанія въ „Москвитянинѣ“, съ просьбою выслать мнѣ журналъ и общепринятый въ редакціи гонораръ. Не получая отъ Погодина ни журнала, ни гонорара, я уже считалъ мой трудъ пропавшимъ и охладѣлъ къ благодарной работѣ, жалѣя о напрасно затраченныхъ на пересылку деньгахъ, такъ какъ затрата эта была чувствительна для моихъ умѣренныхъ средствъ. Я получалъ 17 р. 50 к. въ мѣсяцъ жалованья, а въ практическихъ дѣлахъ былъ настолько малосвѣдущъ, что мою довольно толстую тетрадь отправилъ въ видѣ письма, что и обошлось мнѣ около десяти рублей. Черезъ нѣсколько времени изъ литературнаго обозрѣнія въ фельетонѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ я узналъ, что статья моя напечатана въ №№ 23—24 „Москвитянина“ за 1855 г. Рецензентъ назвалъ мой „Критико-біографическій очеркъ“ интереснымъ, но замѣтилъ, что біографія поэта въ немъ не окончена, а критики вовсе нѣтъ, съ чѣмъ и самъ я не могъ не согласиться, такъ какъ окончаніе біографіи предполагалось во второй статьѣ, а критика въ третьей. Но вторая и третья статьи такъ и остались ненаписанными. Отъ Погодина я такъ и не получилъ ни журнала, ни гонорара: онъ не высылалъ, а я стѣснялся требовать,—и махнулъ рукой. — Это ваша статья напечатана въ „Москвитянинѣ“?—спросилъ меня директоръ Власовъ.—Да, моя.—Что же, заплатилъ вамъ за нее Погодинъ?—Нѣтъ, не заплатилъ, да я и не изъ-за того...—отвѣчалъ я конфузливо.—Эхъ, вы, мальчуганъ. Всякій трудъ долженъ оплачиваться. А то, пожалуй, пишите да посылайте Погодину: онъ будетъ очень радъ даровому сотруднику“... Все-таки Власовъ совѣтовалъ мнѣ не бросать литературныхъ занятій. Онъ совѣтовалъ писать повѣсти: выбрать тему, какую-нибудь нравственную идею, и развивать ее въ формѣ повѣсти. Этотъ совѣтъ мнѣ показался неудобноисполнимымъ, и я не воспользовался имъ ни въ это время, ни послѣ, хотя впоследствии писалъ и повѣсти (довольно плохія).

Еще не утративъ вѣры въ свое поэтическое дарованіе, за которое наивно

принималъ нѣкоторый навыкъ писать складные стихи, я продолжалъ, время отъ времени, упражняться въ стихотворствѣ, но не дѣлалъ попытокъ печатать свои стихи. Продолжалъ и переводить изъ Шиллера и другихъ нѣмецкихъ поэтовъ, стихотворенія которыхъ случайно попадали мнѣ въ руки. Изъ оригинальныхъ моихъ стихотвореній этого времени сохранилось одно, которое тогда мнѣ особенно нравилось.

П р и х о д ъ з и м ы .

(1856 г.)

Природа замерла, и въ часъ ночной Всевышній	На утро солнышко явилось безъ лучей
Облекъ ее въ покровъ блистательный и пышный.	И скорѣ спряталось за бѣлою горою,
Въ сіяньѣ луннаго холоднаго луча,	Какъ будто бы взошло проститься лишь съ землею...
Весь въ искрахъ, блещетъ онъ,—нарядная парча.	И вѣтеръ загудѣлъ средь дремлющихъ полей,
Но въ пышной красотѣ природа такъ печально	И похоронный гимнъ запѣлъ землѣ унылой,
Безмолствуетъ... Увы, покровъ тотъ погребальный!	Какъ сумрачный монахъ надъ новою могилой...

Изъ переводовъ помню пѣсенку Кернера, которую перевелъ по просьбѣ Ан. Ан. Версилова: онъ имѣлъ недурной баритонъ и пѣлъ эту пѣсенку по-нѣмецки.

А л ь п и й с к и й р о ж о к ъ .

(Изъ Кернера 1856 г.)

Вотъ звучитъ рожокъ-волшебникъ по альпій-	Я на горныя вершины отъ любви своей бѣгу,
скимъ высотамъ...	Но и тамъ твой образъ дивный позабыть я не
Тамъ какъ будто міръ особый, міръ сосѣдній	могу...
небесамъ.	Скорбью звуки въ сердце льются... Тщетно
Облака, цвѣты иные въ той волшебной сторонѣ;	счастье и покой
Но и тамъ любовь и мука тѣ же самыя при	Отъ тебя ищу далеко: мое счастье лишь съ
мнѣ.	тобой...

Я уже говорилъ, что на рождественскія и лѣтнія каникулы я ѣздилъ въ Вологду. Туда меня привлекала, прежде всего, конечно, родная семья, а кромѣ того зимой—удовольствія губернской жизни, особенно театръ, лѣтомъ жизнь въ деревнѣ у брата Березкина, женившася на Маріи Платоновнѣ Вилинской и жившаго съ семьей въ новой усадьбѣ Чашниково подъ самымъ городомъ, и у сестры Александры Ѳедоровны, вышедшей замужъ за помѣщика Ѳедора Алексѣевича Юрьева и лѣтомъ тоже жившей въ деревнѣ, въ усадьбѣ Васильцево, въ Грязовецкомъ уѣздѣ, верстахъ въ 30 отъ Вологды, на рѣчкѣ Комелѣ, среди лѣсистой и живописной мѣстности. Пріятно было пожить въ деревнѣ. Березкины и Юрьевы всегда радушно и гостепримно звали къ себѣ. Изъ Бе-

резкина вышелъ дѣльный сельскій хозяинъ. Онъ выписывалъ много журналовъ и книгъ, по сельскому хозяйству особенно, а также по охотѣ, такъ какъ былъ страстный ружейный охотникъ. Онъ любилъ поговорить о своемъ хозяйствѣ, показать его, и меня стали интересовать сельскохозяйственные вопросы. Я кое-что узнавалъ отъ него по сельскому хозяйству, почитывалъ сельскохозяйственные сочиненія и корреспонденціи. Все это весьма пригодилось мнѣ впоследствии; мысль самому сдѣлаться сельскимъ хозяиномъ одно время сильно занимала меня, но осуществилась она только черезъ много лѣтъ, вмѣстѣ съ осуществленіемъ другого моего стремленія, возникшаго гораздо позже: руководить народной школой. Деревня давала мнѣ много интересныхъ наблюденій надъ народной жизнью, бытомъ и нравами крестьянства, надъ народной рѣчью, которую я легко усвоилъ. Я записывалъ пѣсни, сказки, бывальщины, слова и выраженія народнаго языка.

Кромѣ родныхъ, въ Вологдѣ у меня былъ другъ, съ которымъ меня сблизила любовь къ чтенію, къ поэзіи, къ театру, къ шахматной игрѣ. Это былъ нѣкто П. В. Грудинъ, единственный сынъ богатаго и уважаемаго вологодскаго купца, хорошо воспитанный, получившій хорошее (по тому времени) домашнее образованіе и очень начитанный. Онъ выписывалъ журналы и книги, которыми охотно дѣлился со мною. Мы видѣлись часто. Бывало, цѣлые вечера проходили въ разговорахъ о литературѣ. Къ сожалѣнію, этотъ юноша, симпатичный и даровитый, но слабый и болѣзненный, которому жизнь такъ много сулила въ будущемъ, скоро, года черезъ два, скончался и передъ смертью выразилъ желаніе, чтобы на его могилѣ были написаны слова Полежаева: „Не расцвѣлъ и отцвѣлъ въ утрѣ пасмурныхъ дней“.

Въ Тотъмѣ одинъ разъ, совершенно неожиданно, меня посѣтилъ мой товарищъ по гимназіи—зырянинъ Лыткинъ, тогда студентъ с.-петербургскаго университета. Онъ отправился на родину на лѣтнія каникулы, въ свой Усть-Сысольскъ. Крытая лодка, на которой плылъ онъ по Сухонѣ, остановилась въ Тотъмѣ на нѣсколько часовъ, и Лыткинъ нашелъ мою квартиру. Мы протолковали съ вечера до ранняго утра. Его рассказы о Петербургѣ, объ университетѣ, о товарищахъ, о его работахъ и планахъ, оставили меня въ самомъ возбужденномъ состояніи.

Большое оживленіе внесло въ уѣздную жизнь ополченіе, которымъ думали поправить неудачи въ Крымской войнѣ. Не скажу, чтобы это было здоровое оживленіе. Въ городъ нахлынула ватага кутящей молодежи, которая воодушевлена была вовсе не патріотическимъ возвышеннымъ чувствомъ, а самымъ низменнымъ возбужденіемъ: это возбужденіе вызывалось пріятной перспективой пожить широкой, раздольной и беззаботной офицерской жизнью, развернуться „во всю“, съ трескомъ, съ громомъ, съ шикомъ. Коллежскіе регистраторы, губернскіе секретари и т. п., надѣли ополченскіе кафтаны съ эполетами, вооружились полусаблями, пораспродали все, что можно было продать, и принялись прожигать жизнь, мало думая о томъ, что на нихъ возлагается дѣло спасенія отечества. Все это была молодежь мало образованная, съ низменными стремленіями и вкусами. Вся суть военной службы, которую имъ неожиданно пришлось нести, имъ представлялась въ щегольствѣ эполетами, въ пьянствѣ, картахъ и

дебошахъ, и эти обязанности они исполняли исправно, даже съ блескомъ и шикомъ. Въ Тотъмъ пошли усиленные танцы, усиленное пьянство, усиленная картежь, дебоши, интрижки. Эта безобразная жизнь сильно затягивала и непременно затянула бы меня, если бы не теплое участіе къ юношѣ, окруженному такими серьезными опасностями, семьи вышеупомянутаго лѣснаго ревизора А. А. Версилова. Въ этой семьѣ я нашелъ тихія серьезныя бесѣды, отвлекавшія меня отъ бурнаго потока, который пронесся по Тотемской жизни, благодаря вторженію въ нее ополченія, этого доблестнаго російскаго воинства, которое, кажется, не выходило даже изъ предѣловъ своей губерніи, но въ этой губерніи памятный таки произвело „разгромъ“, точно по ней прошелъ безпощадный непріятель.

Скончался императоръ Николай I-ый. Началось новое царствованіе, которое въ самомъ началѣ не обѣщало ничего хорошаго, кромѣ измѣненія обмундированія чиновниковъ. Сдали Севастополь непріятелямъ, а потомъ и миръ заключили довольно таки позорный. Оффиціальныи патриотизмъ, полный хвастовства и самообмана, замѣтно сталъ падать. Стали проскакивать признаки критики и даже самобичеванія. Листки „Колокола“ залетали въ самые глухіе и отдаленные городишки русскаго царства. Первыми проводниками ихъ явились севастопольскіе герои, разсыпанные въ разные концы Россіи въ качествѣ городничихъ, инвалидовъ командировъ и т. п. Эти либералы, съ тяжкими ранами, на костыляхъ, съ увѣчьями и естественнымъ озлобленіемъ въ душахъ, безъ церемоніи громили русскіе порядки, рассказывали настоящіе ужасы про бѣдствія русскіхъ войскъ, про невѣжество военачальниковъ, про воровство и продажность чиновниковъ. Общество возбуждалось. Замѣтно стали всюду, на всемъ обширномъ протяженіи Россійскаго государства, обнаруживаться новыя вѣянія. Не отъ правительства они шли, какъ ошибочно думаютъ многіе. Правительство скромно вводило новое обмундированіе—и—только. Нѣтъ, эти новыя вѣянія вызывались силою обстоятельствъ, которыя требовали и упраздненія крѣпостнаго права, и гласнаго суда, и земскаго самоуправленія. Эта сила обстоятельствъ будоражила молодежь, литературу, общество, гнула въ три погибели крѣпостниковъ, бюрократовъ—и—правительство. Этой силѣ обстоятельствъ, а не личностямъ обязана Россія и всѣми реформами прошлаго царствованія Александра II-го, а отъ лицъ происходило только возможное искалѣченіе этихъ реформъ, ограниченіе ихъ, нерѣдко даже подмѣнъ сущности одной формальностью, и прямая отмѣна этой сущности, если къ тому оказывалась какая нибудь возможность. Но это забѣганье впередъ. Вернемся. Прежде всего началось оживленіе въ литературѣ. Содержательнѣе, интереснѣе, смѣлѣе стали старыя журналы; появились новыя. Но новое странно перепутывалось со старымъ, и въ жизни бросалась въ глаза какая-то двойственность. То раздавалась рѣзкая и злая критика недавняго прошлаго и тѣхъ явленій настоящаго, которыя были очевидными послѣдствіями того прошлаго,—критика, доходящая до безпощаднаго глумленія, до позорнаго самооплеванія. То вдругъ снова врывалась струя стараго оффиціальнаго патриотизма и невѣжественнаго лакейства, нагло поднимающихъ свое знамя на развалинахъ прошлаго величія. Громадный успѣхъ и

быстрое распространение изданий Герцена, съ одной стороны, лакейскіе адреса, подносимые съ затаеннымъ „зубовнымъ скрежетомъ“, съ другой..

Два теченія въ общественной жизни прошли и черезъ все минувшее царствованіе, при чемъ сперва одолѣвало новое, свѣжее, многообѣщавшее, а въ концѣ концовъ одолѣло старое, затхлое, мертвящее, но болѣе прочное, слишкомъ глубоко пустившее корни въ русской жизни. Но новое, не отличаясь прочностью и крѣпостью, какая пріобрѣтается долгими годами, отличалось горячностью и молодымъ задоромъ: оно горячо, съ отчаяніемъ и дерзостью, отстаивало свои идеалы, и вотъ чѣмъ объясняется ужасная катастрофа 1881 года.

До сихъ поръ я ничего не говорилъ о моихъ учительскихъ занятіяхъ. Учитель я былъ плохой, да, по правдѣ сказать, и не понималъ, и не любилъ своего дѣла. Отчасти это происходило отъ моей молодости и отъ совершенной случайности моего учительства, къ которому я вовсе не стремился и вовсе не былъ подготовленъ ни школой, ни самостоятельнымъ трудомъ, ни жизнью. Впрочемъ, тогда и никто не подготовлялся къ такому жалкому и никѣмъ не уважаемому дѣлу, какъ учительство. Если иногда учитель пользовался нѣкоторымъ почетомъ въ русскомъ обществѣ, то ужь никакъ не за свое учительство, а за какія-либо внѣшнія достоинства, не имѣвшія никакой связи и ничего общаго съ педагогическимъ дѣломъ: за свѣтскость, за искусство бойко и остроумно болтать въ дамскомъ обществѣ, за счастье въ картахъ, за успѣхи у женщинъ и т. п.

Если при такихъ условіяхъ учительскаго существованія, у насъ являлись изрѣдка такіе учителя, какъ Ник. Петр. Титовъ, то это были диковинныя случайности, которыя вызывались врожденнымъ педагогическимъ талантомъ и житейскими неудачами, заставлявшими человѣка сосредоточиться на учительствѣ, находить въ немъ отраду и утѣшеніе въ одинокой и безрадостной жизни.

Я не брался за учительство толкомъ, серьезно и съ увлеченіемъ, отбывалъ его, какъ скучную обязанность, въ зависимости и отъ общаго склада русской жизни, отъ общаго отношенія къ службѣ и къ своимъ обязанностямъ. Всѣ служили, „спустя рукава“, кое-какъ, всѣ относились къ службѣ, какъ къ необходимому заработку, источнику доходовъ, безъ любви къ самому дѣлу. Даже люди съ образованіемъ, очень дѣятельные и пылкіе во всякой работѣ внѣ службы, отправляли службу небрежно и лѣнливо, заботясь больше объ увеличеніи доходовъ, о почетѣ, о полученіи чиновъ и орденовъ, нежели о дѣлѣ, о пользахъ общества и государства. Таковъ былъ общій характеръ всего тогдашняго русскаго служащаго сословія, за немногими исключеніями, которыя были особенно рѣдки въ глухихъ уѣздныхъ городахъ.

Я не сознавалъ ни важности, ни сущности принятаго на себя дѣла, да и не могъ быть хорошимъ исполнителемъ его, по молодости и незрѣлости. Сколько нибудь порядочнаго руководительства и примѣра не было. Отъ директора Власова я не слыхалъ никакихъ полезныхъ и дѣльныхъ наставленій и совѣтовъ; для ревизіи по губерніи онъ при мнѣ ни разу не ѣздилъ. Смотритель училища П. М. Левитскій въ дѣло обученія не вмѣшивался, да едва-ли что и смыслилъ въ этомъ дѣлѣ: онъ такъ заматорѣлъ въ уѣздной жизни, что ни о чемъ не думалъ, кромѣ выпивки и бостона „по маленькой“. Человѣкъ

онъ былъ не глупый и доброй души, но бессмысленная и беспорядочная уѣздная до-реформенная жизнь убила въ немъ все человѣческое, такъ что у него въ это время уже не оставалось ни знаній, ни чувствъ, ни стремленій, необходимыхъ для педагога. Такимъ образомъ, въ дѣлѣ учительства я былъ совершенно предоставленъ самому себѣ,—и это въ 17-ть лѣтъ, только что со школьной скамьи, безъ достаточныхъ научныхъ познаній, безъ всякихъ предварительныхъ практическихъ упражненій, безъ всякаго житейскаго опыта. Я не зналъ, какъ приняться за дѣло, не умѣлъ ни объяснить дѣтямъ преподаваемое, ни обращаться съ ними, ни оцѣнивать ихъ способности и вообще ихъ индивидуальныя свойства, а главное—не сознавалъ, что все это нужно, не понималъ, чему самъ я долженъ учиться, о чемъ заботиться и думать, какъ подготовляться къ урокамъ, сдѣлать мое преподаваніе разумнымъ, доступнымъ, полезнымъ. Я задавалъ и спрашивалъ уроки, плохо и неумѣло объясняя ихъ и только разнообразилъ это малопродуктивное и еще менѣе интересное преподаваніе упражненіями въ сочиненіи, которыя занимали меня и, сколько помню, шли у моихъ учениковъ порядочно. Но и тутъ я умѣлъ только задавать, а не направлять. То же самое было съ чтеніемъ. Понимая, хотя весьма смутно, не столько по убѣжденію, сколько чутьемъ, необходимость и громадное значеніе ученія и письменныхъ упражненій въ занятіяхъ роднымъ языкомъ, я не зналъ, какъ установить, правильно вести то и другое. Однако, я чувствовалъ, что дѣло обученія у меня идетъ гадко, и порой впадалъ въ большое уныніе по этому поводу.

Съ учениками, преимущественно мѣщанскими мальчиками, я обращался по-барски, грубо, слѣдуя примѣру товарищей и единственному наставленію Власова, который говорилъ, что надо „возиться“ только съ ребятишками способными, а „дрянь“—безъ церемоніи—выбрасывать вонъ. Мало интересуясь своимъ учительствомъ и вовсе не понимая его, я охотно промѣнялъ бы его на другое дѣло,—и были случаи, когда такая перемѣна готова была совершиться. Хорошо, что она не совершилась... Появились первые русскіе педагогическіе журналы. Училище получало ихъ. Читая, по возможности, все, я сталъ читать журналы. Это чтеніе показалось мнѣ чрезвычайно интереснымъ. Подъ вліяніемъ его, я сталъ серьезно обсуждать свою учительскую дѣятельность,—и мнѣ стало невыразимо стыдно: какъ я велъ такое важное, серьезное, святое дѣло? какъ я относился къ ученикамъ?

Но начальство было довольно мною. Смотритель относился одобрительно, директоръ ревизіи не производилъ; ученическія письменныя работы, которыя (учениковъ старшаго класса) обязательно было ежегодно представлять въ дирекцію по окончаніи учебнаго года, были удовлетворительны и въ порядкѣ, т. е. въ значительномъ количествѣ, чисто переписанныя учениками, исправлены мною, съ замѣчаніями для учениковъ, и снабжены моей оцѣнкой, по формѣ. Я былъ на хорошемъ счету, да вѣроятно,—сравнительно,—и былъ не изъ худшихъ учителей въ губерніи. И вотъ, при первой вакансіи, по моему желанію, въ 1857 году меня перевели поближе къ губернскому городу,—въ Кадниковъ, стоящій всего въ 40 верстахъ отъ Вологды, гдѣ я прожилъ около двухъ лѣтъ. Собственно говоря, за исключеніемъ близости къ Вологдѣ, Кадниковъ не представлялъ никакихъ преимуществъ передъ Тотьмой, и я вскорѣ раскаялся въ

этомъ переселеніи. Этотъ дрянной городишка, несмотря на присутствіе въ немъ дворянскаго элемента, отсутствующаго въ Тотъмѣ, по своей безжизненности, неителлигентности и затхлости, вскорѣ показался мнѣ просто какой-то ссылкой послѣ оживленной и веселой Тотьмы. Только частыя поѣздки въ Вологду и примиряли меня съ этимъ переселеніемъ, на которое я самъ же напросился. За то я здѣсь съ удвоеннымъ усердіемъ принялся за книги и перо, да и къ учительскому дѣлу сталъ относиться дѣльнѣе и теплѣе. Кромѣ того, здѣсь я,—ни съ того, ни съ сего,—сдѣлался охотникомъ-ботаникомъ, рыскалъ съ ружьемъ по лѣсамъ и полямъ, собиралъ и приводилъ въ порядокъ гербарій. Потомъ я увлекся статистикой и политической экономіей, которая тогда чуть ли ни на первый планъ выдвинулась въ русской журналистикѣ. Сочиненія и статьи по статистикѣ и политической экономіи сдѣлались моимъ любимымъ чтеніемъ. Я сталъ собирать матеріалы для сельско-хозяйственнаго обозрѣнія Вологодской губерніи и для сочиненія о движеніи народонаселенія, дѣлалъ выписки, собиралъ данныя, изучалъ источники, производилъ вычисления. Поэзія исчезла изъ моей жизни, и единственное стихотвореніе, которое сохранилось въ моей памяти отъ этого времени, носить на себѣ печать того прозаическаго ощущенія, которое тогда быстро разлилось по Русской землѣ, которое заразило и меня.

Въ храмѣ.

(1857 г.).

Вхожу я въ храмъ. И полъ и своды грязны.
Тяжелый запахъ вѣетъ отъ лампадъ.
На образахъ всѣ лики безобразны:
Огромные глаза на выкатѣ глядятъ.
На клиросѣ заголосилъ невнятно,
Неистово, какъ давленный, дьячекъ.
Выходитъ попъ въ пол-пьяно, не опрятный,
И Богъ вѣсть что, гнуся, хрипя, изрекъ.
И вяло онъ въ святой алтарь вступаетъ,
И дерзко онъ все тою-же рукой

Носъ табакомъ съ азартомъ заряжаетъ
И къ чашѣ прикасается святой.
И чужды небесамъ стоятъ народа сонмы,
Зѣванье, смѣхъ и болтовня кругомъ...
О, Боже! гдѣ жъ Твои карающіе громы,
Поправшіе Гомору и Содомъ?
Такъ вотъ наслѣдники апостольскаго чина,
Служители святого алтаря!
Вотъ православія Россійскаго пучина,
Которымъ мы такъ хвастаемся зря!

Учительство мое въ Кадниковѣ шло лучше. Во-первыхъ, я былъ постарше. Во-вторыхъ, я кое-что прочиталъ и усвоилъ полезное изъ педагогическихъ журналовъ. Въ-третьихъ, чтеніе возбудило во мнѣ педагогическую самодѣятельность, напомнило мнѣ тѣ живые образцы дѣльнаго и одушевленнаго преподаванія, которое мнѣ пришлось испытать на самомъ себѣ. (Я разумѣю преподаваніе Н. П. Т—ва, у котораго я самъ учился), объяснило мнѣ значеніе этихъ образцовъ и пробудило стремленіе къ самоусовершенствованію въ дѣлѣ учительства. Въ-четвертыхъ, товарищество въ Кадниковѣ оказалось гораздо лучше, нежели въ Тотъмѣ. Правда, смотритель училища, А. А. Пч—нъ, былъ глупѣе и невѣжественнѣе П. М. Л—го, но въ училищѣ онъ былъ нуль безъ всякаго значенія. Но между учителями были талантиливые

и умные люди,—къ сожалѣнію, сильно помятые болотной средой своего уѣзднаго общества. Особенно выдавался учитель ариѳметики и геометріи Д. И. Дь—овъ, очень талантливый человѣкъ, мастеръ своего дѣла. Всѣми данными для того, чтобы быть хорошимъ учителемъ, обладалъ и учитель исторіи и географіи Н. И. Го—нъ, но это былъ несчастный человѣкъ, обреченный на гибель. Онъ страдалъ запоемъ и во время припадковъ этой болѣзни становился невозможнымъ буяномъ и скандалистомъ. Вскорѣ его куда-то перевели и на его мѣсто прислали мало развитого и туповатаго юношу изъ гимназистовъ—зубряжекъ, П. А. Б—ва. Дь—въ тоже не избавился отъ болотнаго вліянія уѣздной жизни, которое внесло въ его учительское дѣло много рутинности; въ мое время онъ еще сохранялъ и умъ, и талантливость, и способность къ работѣ, и трезвость. Впослѣдствіи же онъ сталъ позволять себѣ излишество въ употребленіи вина, которое привело и этого даровитаго человѣка къ печальному концу. Получивъ мѣсто инспектора народныхъ училищъ въ Псковской губерніи, онъ окончательно спился, ничего не дѣлалъ и, кое-какъ дотянувъ до пенсіона, возвратился въ родной городъ (онъ былъ изъ Кадниковскихъ мѣщанъ) доживать свой вѣкъ. Пріѣхавъ въ Псковъ руководить съѣздомъ народныхъ учителей, въ 1874 году, я надѣялся повидаться съ моимъ сослуживцемъ по Кадникову, но узналъ, что его уже нѣтъ въ Псковской губерніи, а слѣдомъ его пребыванія здѣсь остались только баснословныя преданія объ его пьяныхъ похожденияхъ, которыя впрочемъ, рассказывались съ искреннимъ сожалѣніемъ, что такой даровитый и, въ сущности, хорошій человѣкъ пропалъ ни за что, безъ пользы для другихъ.

Мы съ Дь—мъ въ Кадниковѣ были большіе пріатели. Хорошъ былъ я и съ Головинымъ, даже дѣлалъ попытки воздержать его отъ губительной страсти. Мнѣ особенно жаль было его несчастной жены, худенькой, какъ щепка, тихой и миловидной женщины. Потомъ я сошелся и съ Б—вымъ, даже жилъ съ нимъ въ одной квартирѣ. На мой взглядъ, этотъ юноша ничего не обѣщалъ въ будущемъ, кромѣ рутинности и зауряднаго исполненія служебныхъ обязанностей. По слухамъ такъ и вышло; но свои житейскія дѣла этотъ немудрый юноша уладилъ удовлетворительно, въ смыслѣ тѣхъ скромныхъ идеальныхъ представленій, какія у него сложились; начальство его одобряло за аккуратное и старательное исполненіе обязанностей, а особенно за почтительность и скромность; картами и выпивкой онъ не увлекался, ни въ какихъ дебошахъ, а тѣмъ болѣе въ либерализмѣ, даже въ самое отчаянное либеральное время, которое вскорѣ наступило, не попадался. Прослуживъ года два, онъ поспѣшилъ жениться на дочери законоучителя, весьма почтеннаго и зажиточнаго священника, и этой женитьбой, весьма благоразумной, удовлетворительно устроилъ свою жизнь въ матеріальномъ отношеніи, а между тѣмъ оградилъ себя отъ всякихъ опасныхъ увлеченій,—какъ стараго, такъ и новаго времени. О движеніи его по службѣ ничего не знаю, но увѣренъ, что онъ двинулся и подвинулся, сколько это было возможно. Я сказалъ, что мое учительское дѣло въ Кадниковѣ, благодаря вліянію педагогическихъ журналовъ, шло гораздо лучше, живѣе и плодотворнѣе. Я даже написалъ свои записки по элементарной грамматикѣ, болѣе доступныя пониманію маленькихъ учениковъ, нежели учебникъ Востокова, который тогда

практиковался въ уѣздныхъ училищахъ,—учебникъ дѣльный и серьезный, но не для дѣтей, особенно мало развитыхъ.

Въ Кадниковѣ мнѣ въ первый разъ привелось видѣть и испытать директорскую ревизію; Власовъ въ это время уже былъ переведенъ въ Петербургъ, а на его мѣсто въ Вологду пріѣхалъ человекъ совсѣмъ другого склада и направленія, не самозванный, а настоящій педагогъ, по уму, сердцу и характеру, А. В. Ла—въ. Обладая серьезнымъ умомъ, любящимъ сердцемъ, громаднымъ житейскимъ опытомъ и чрезвычайной энергіей, онъ внесъ много жизни въ педагогическое дѣло въ Вологдѣ и Вологодской губерніи. Между прочимъ, онъ здѣсь положилъ начало организаціи женскаго образованія: въ губернскомъ городѣ ему удалось основать женское училище 1-го разряда, которое потомъ стало женской гимназіей, а въ уѣздныхъ городахъ (и въ Кадниковѣ) училища 2-го разряда, изъ которыхъ многія обратились въ прогимназіи. Мы, учителя уѣзднаго училища, взялись преподавать въ женскомъ училищѣ бесплатно. Бесплатно-же преподавали въ уѣздномъ училищѣ: Дьячковъ—французскій, а я—нѣмецкій языкъ. Тогда въ ходу была разумная, но нынѣ забытая, идея — установить такую связь между низшими и средними учебными заведеніями, чтобы желающіе могли свободно переходить изъ первыхъ во вторыя. Обращаюсь къ ревизіи нашего училища.

Новый директоръ, вообще говоря, остался доволенъ училищемъ, къ учителямъ отнесся серьезно, деликатно, сердечно, мнѣ сдѣлалъ очень легкое и участливое замѣчаніе по поводу неладовъ со зрителемъ, который, очевидно, кое-что понаговорилъ на меня начальству; но это кое-что, повидимому, не получило особеннаго значенія въ глазахъ проницательнаго, опытнаго и тактичнаго начальника. При прощаньѣ, директоръ замѣтилъ мнѣ, что надо вносить въ уроки какъ можно болѣе жизни, чтобы дѣти учились съ удовольствіемъ — больше въ классѣ, со словъ учителя, нежели дома по книжкѣ. „Впрочемъ, заключилъ онъ, повѣрьте, что ничего хорошаго въ вашихъ занятіяхъ я не промигаю“.

Между тѣмъ, наступило совсѣмъ новое время для русской жизни: вопросъ объ освобожденіи крестьянъ былъ въ полномъ ходу. Кадниковъ, какъ городъ чисто-дворянскій, притомъ съ дворянствомъ самой низкой пробы, начиная съ крѣпостника-предводителя Ал. Мих. Ка—на, волновался и протестовалъ—конечно, „себѣ подъ носъ“. Пошли споры, поставившіе меня въ недружелюбныя отношенія ко многимъ крупнымъ мѣстнымъ лицамъ. Душно и тоскливо было жить въ этомъ полу-дикомъ обществѣ, когда вдали слышались звуки иной жизни. Я сталъ не на шутку тосковать и снова обратился къ стихотворству для облегченія своей хандры: это все же лучше, нежели топить ее въ водкѣ. Помню одно стихотвореніе, въ которомъ ярко отразилось мое тогдашнее унылое настроеніе:

Тоска (1859 г.).

Слава Богу, день прошель,
Всѣ тревоги, всѣ заботы,
Всю тоску съ собой увель
Этой жизненной работы.

Слава Богу, день прошель,
Сонъ смежить мои зѣницы,
Грезъ блестящихъ ореоль
Буду видѣть до денницы.

Слава Богу, день прошель,
День прошель—и къ смерти ближе,—
Онъ былъ скученъ и тяжелъ...
Сонъ, иль смерть, скорѣй сойди же!

И вдругъ открывается мѣсто учителя русскаго языка въ вологодскомъ ѣздномъ училищѣ. Директоръ, А. В. Ла — въ, дѣйствительно, „ничего, не промигавшій“, замѣтивъ въ моемъ преподаваніи кое-что, подающее надежды, перевелъ меня въ Вологду, куда я и отправился весной 1859 года, навсегда распрощившись съ Кадниковымъ и съ уѣздной жизнью вообще.

Подводя итоги подъ годами моей уѣздной жизни, я все-таки долженъ сказать, что эта жизнь дала мнѣ немало полезнаго. Такъ какъ здѣсь люди живутъ тѣснѣе, ближе другъ къ другу, проще, откровеннѣе, то здѣсь легче научиться познавать людей, дѣлать имъ вѣрную оцѣнку, оцѣнивать ихъ не по внѣшности, а по ихъ внутреннему достоинству. Не знаю, такъ ли это теперь: вѣдь за тридцать лѣтъ многое измѣнилось. Иногда мнѣ очень хочется побывать въ Тотмѣ и въ Кадниковѣ. Какія перемѣны произошли тамъ — не въ смыслѣ замѣны однихъ лицъ другими, — это перемѣна несущественная, а въ смыслѣ измѣненія склада и содержанія жизни? Въ Кадниковѣ, на примѣръ, исчезъ помѣщичій элементъ, съ упраздненіемъ крѣпостного права. Въ Тотмѣ женская прогимназія и учительская семинарія. Въ обоихъ городахъ земское и городское самоуправленіе. Какъ все это подѣйствовало на мѣстную общественную жизнь? Совершенно ли переработалась она, или все осталось попрежнему, только „бостонъ“ и „табельку“ замѣнили „сибирка“ и „пикетъ“, да за зеленымъ полемъ сидятъ не „городничій“ да „штатный смотритель“, а „предсѣдатель земской управы“ и „директоръ учительской семинаріи“?..

III.

На всѣхъ парусахъ по житейскому морю.

Начало 60-хъ годовъ въ русской провинціи. 1859—1863.

С. Петино, 1891 г. августа 23.

Я переселился въ Вологду въ самое живое, такъ сказать, кипучее, время. Разрѣшеніе крестьянскаго вопроса близилось къ концу. Въ русскихъ журналахъ и газетахъ развернулась та безыменная русская гласность, надъ которой подсмѣивался только одинъ Добролюбовъ въ „Свисткѣ“, которая преимущественно „бичевала маленькихъ воришекъ для удовольствія большихъ“. Все-таки „обличительная литература“ взбудоражила самые глухіе уголки русской земли. Подымался и женскій вопросъ, который въ Вологдѣ вступилъ прямо на практическую почву: основались особыя женскія учебныя заведенія, о которыхъ я уже говорилъ, а мѣстная „аристократія“ по своему отзывалась на толки объ эмансипаціи женщинъ учрежденіемъ особаго „дамскаго клуба“. Въ этомъ клубѣ членами и старшинами были дамы, а мужчины допускались только въ качествѣ „гостей“, по записи членовъ-дамъ. Этотъ новый клубъ помѣщался въ домѣ дворянскаго собранія и устраивалъ два или три раза въ недѣлю вечера, конечно, съ танцами, картами и буфетомъ. Въ сущности это была новая дворянская затѣя, чтобы развлечься, попить, пожуировать на-послѣдяхъ, въ виду близкаго конца главной прерогативы дворянскаго сословія, но затѣя, приспособленная къ новымъ вѣяніямъ: дальше такихъ увеселительно-либеральныхъ затѣй способность нашего дворянства приспособляться къ новымъ потребностямъ жизни не пошла. Но сквозь это внѣшнее настроеніе и въ дворянствѣ, и во всѣхъ сословіяхъ и кругахъ, сквозило какое-то неопредѣленное безпокойство, предчувствіе какой-то новой жизни, всѣ были чѣмъ-то взволнованы, возбуждены, взвинчены: одни—опасеніями, страхами, злобой и отчаяніемъ, другіе—ожиданіями, надеждами, восторгами и какой-то юношеской отвагой. Предвидѣлись: и уравниеніе сословій, и поднятіе народнаго благосостоянія, и распространеніе просвѣщенія, и свобода печатнаго слова, и гласный судъ, и земство, какъ вѣнецъ всему, какъ нѣкое подобіе конституціи. Я, конечно, былъ въ числѣ вѣрующихъ въ осуществленіе всѣхъ этихъ благъ, и выразилъ эту вѣру въ стихахъ, которыми оправдалъ чье-то выраженіе, что „въ стихахъ высказываютъ то, что стыдно и глупо высказывать въ прозѣ“.

У т р о.

(1859 г.).

Проснулись мы. Впередъ, впередъ!
Былъ темный вѣкъ, но солнце встало,
Кругомъ сіянье разбросало, —
И утра наступилъ чередъ.

Лучемъ грядущаго свѣтила
Передъ людьми озарены
Всѣ бездны темной старины,
Въ которыхъ сѣмя правды гнило.

Проснулись мы. Пора пришла
Пройти за зломъ повсюду слѣдомъ,
Изобличить его предъ свѣтомъ—
И съ корнемъ вырвать плевела!

Ожидалось многое-многое, что или вовсе не осуществилось, или осуществилось въ такомъ мизерномъ видѣ, съ такимъ ограниченіемъ и урѣзками, что „игра, какъ оказалось, не стоила свѣчь“.

Въ педагогическомъ мірѣ тоже было чрезвычайное волненіе и возбужденіе. Предстояли реформы, для коихъ собирались свѣдѣнія, матеріалы, мнѣнія, приняты были большія работы, которыя осуществились черезъ нѣсколько лѣтъ. Выдвинулась на первый планъ забота о народномъ образованіи, о распространеніи грамотности въ народѣ, о правильной организаціи начальной народной школы, о привлеченіи общества и частныхъ лицъ къ дѣлу народнаго образованія. Расшевелили дремлющую педагогическую среду, въ которой прежде преобладали ничтожныя и забытыя личности, которая жила какой-то изолированной жизнью, пренебрегаемая, почти презираемая сытымъ и празднымъ дворянско-чиновническимъ обществомъ, глубоко гуманная и просвѣтительная идеи незабвеннаго Н. И. Пирогова, заявленныя въ его знаменитой статьѣ „Вопросы жизни“, обнаружившей въ гениальномъ хирургѣ не менѣе гениальнаго педагога. Появился новый педагогическій журналъ, который имѣлъ въ свое время большое вліяніе на практику обученія въ русскихъ семьяхъ и учебныхъ заведеніяхъ, предпринятый молодыми (тогда), знающими и даровитыми педагогами, Ник. Хр. Весселемъ и Іосиф. И. Паульсономъ. Это былъ „Учитель“, бывшій первымъ провозвѣстникомъ у насъ совершенно новыхъ началъ обученія, въ духѣ Песталлоцци и Дистервега. „Журналу Министерства Народнаго Просвѣщенія“, котораго прежде никто не читалъ, приданъ былъ педагогическій характеръ и большой интересъ, подъ редакціей Конст. Дм. Ушинскаго, плодотворная педагогическая дѣятельность котораго обратила не него общее вниманіе. Онъ напечаталъ въ журналѣ нѣсколько передовыхъ статей и выпустилъ свой знаменитый „Дѣтскій Міръ“. Словомъ, рядомъ съ общественнымъ и литературнымъ движеніемъ, обнаружилось и движеніе педагогическое.

Понятно, что и я съ большимъ увлеченіемъ, болѣе толково и правильно, сталъ вести свое учительское дѣло: и дѣло мнѣ нравилось, и въ себѣ самомъ я почувалъ способность къ учительству, которая раньше словно дремала во мнѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я съ усиленнымъ стараніемъ продолжалъ мое писательство. Обработывая запасъ матеріаловъ, подготовленныхъ въ Кадниковѣ, я напечаталъ: въ „Русскомъ Словѣ“ гр. Кушелева-Безбородко (1859 г.) небольшой очеркъ „Два образчика русскаго народнаго эпоса“ (историческія пѣсни—объ Аникѣ-воинѣ и о посѣщеніи Вологды Іоанномъ Грознымъ), въ „Разсвѣтѣ“ Кремнина— „Русское семейство, какъ оно выразилось въ народной поэзіи“, въ „Журналѣ Мин. Вн. Дѣлъ“ 1859 г. („О движеніи народонаселенія“, въ „Вѣстникѣ промышленности“— „О лѣсныхъ промыслахъ“, въ „Русскомъ дневникѣ“ П. И. Мельникова—рядъ статей подъ названіемъ „Сельско-хозяйственные очерки“ 1859 г.), въ „Памятной книжкѣ Вол. губ.“—очеркъ „Населенныя мѣстности Волог. губ.“

Кромѣ того, я напечаталъ рядъ статей въ „Волог. губ. вѣдомостяхъ“: „Торги на городскія земли и передѣлъ крестьянскихъ земель“, „По поводу проекта новаго устава народныхъ училищъ“, „По поводу статьи г. Ламанскаго о распространеніи знаній въ Россіи“ (въ „Современникѣ“) и пр.

Мои статистическія работы были поводомъ къ приглашенію меня въ производители работъ Губернскаго Статистическаго Комитета, которое было сдѣлано мнѣ тогдашнимъ вологодскимъ губернаторомъ Стоинскимъ. Это былъ оригинальный и весьма серьезный человѣкъ, съ рѣдкимъ умомъ, нѣсколько грубоватой рѣчью и большой начитанностью. Въ городѣ его не особенно любили за рѣзкія, повидимому, добродушныя, но колкія и часто очень остроумныя выходки. Припоминается одна изъ нихъ. Одинъ разъ, при обычномъ приѣмѣ у губернатора, къ Стоинскому обратился съ довольно странной просьбой губернской почтмейстеръ Польшеръ: „ваше превосходительство, позвольте мнѣ носить усы“. Надобно сказать, что носить усы тогда гражданскимъ чиновникамъ такъ же строго воспрещалось, какъ военнымъ вмѣнялось въ обязанность, а бороды носить дозволялось только попамъ, купцамъ и мужикамъ: завѣтъ покойнаго Николая, который въ это время еще не былъ отмѣненъ. Стоинскій какъ будто пропустилъ мимо ушей просьбу почтмейстера, но, вмѣсто отвѣта, разсказалъ громко, обращаясь ко всѣмъ присутствующимъ, а не къ Польшеру, вотъ что: „Знаете, это мнѣ напоминаетъ одинъ случай изъ жизни покойнаго государя. За какую-то услугу онъ пожелалъ наградить одну фрейлину и сказалъ, чтобы она просила его, о чемъ хочетъ. „Позвольте, ваше величество, моему жениху усы носить“. Что-жъ вы думаете?—„Дура!“ сказалъ государь и отвернулся“. Большой эффектъ произвелъ этотъ разсказъ губернатора. Но у Польшера была родня среди мѣстной аристократіи: онъ когда-то былъ учителемъ латинскаго языка въ гимназій (я у него учился), женившись на дѣвицѣ изъ старинной дворянской семьи, хотя и захудалой, но сохранившей дворянскій гоноръ, и это было причиной, почему онъ перемѣнилъ учительство, какъ дѣло унижительное, на должность губернскаго почтмейстера. Да и самъ онъ былъ человѣкъ грубый и кичливый, и не было для него ничего обиднѣе, какъ если какой-нибудь баринъ, въ отвѣтъ на грубость, обзоветъ его „латинскимъ учителемъ“. И самъ Польшеръ, и всѣ присутствующіе промолчали, выслушавъ разсказъ губернатора, даже смѣялись, но потомъ разнесли по всему городу этотъ разсказъ какъ новую обиду всему мѣстному обществу. Такихъ обидъ со стороны Стоинскаго накопилось много. И все копилось озлобленіе противъ него въ вологодскомъ дворянствѣ. Одна бумажка на имя предводителя дворянства, по поводу сообщенія необходимыхъ свѣдѣній по крестьянскому вопросу, дать которыя дворянство всячески уклонялось, правда, бумажка очень рѣзкая, но вынужденная и справедливая, переполнила чашу, и дворянство, кажется, въ 1860 году, обратилось съ жалобой на губернатора на Высочайшее имя. Умный старикъ Стоинскій былъ убранъ изъ Вологды. Сюда былъ присланъ сперва слабоумный нѣмецъ Пфелеръ, губернаторство котораго ознаменовалось тѣмъ, что онъ въ своемъ саду, отъ нечего дѣлать, стрѣлялъ изъ ружья галокъ. Но и этотъ галочникъ не долго пробылъ въ Вологдѣ, а его замѣнилъ свитскій генералъ С. Ф. Хоминскій, завзятый полякъ, но на столько тонкій человѣкъ, что умѣлъ благо-

получно прогубернаторствовать даже въ трудное время польскаго возстанія, когда Вологда была набита ссыльными поляками, когда воздвигалось ярое гоненіе противъ поляковъ, состоящихъ на русской службѣ, особенно католиковъ.

Производителемъ работъ Статистическаго Комитета я былъ года два, до преобразованія его, когда соединеніе секретарства въ комитетѣ съ учительствомъ сдѣлалось невозможнымъ (1862 годъ). Мѣсто секретаря Статистическаго Комитета, именовавшагося прежде производителемъ работъ, получилъ мой добрый пріятель В. Г. Пироговъ, а я былъ избранъ дѣйствительнымъ чиновникомъ комитета и продолжалъ работать для него съ тѣмъ же рвеніемъ, но съ тою разницею, что это была работа свободная, а не обязательная, не по заказу и данному шаблону, а по собственному выбору и темы, и формы; я работалъ кое-что для Вологодскаго Статистическаго Комитета даже и послѣ выѣзда изъ Вологды. Я собралъ и обработалъ матеріалы по статистикѣ народнаго образованія: „Очеркъ народнаго образованія въ Вологодской губерніи“ въ „Журналѣ Народнаго Просвѣщенія“ за 1864 г., „Новые матеріалы для опредѣленія народной образованности въ Вологодской губ.“ въ „Памятной книжкѣ Вологодской губ.“, изд. Статистическаго Комитета, на 1865 г. А въ „Памятной книжкѣ на 1866 г.“ я напечаталъ этнографическій очеркъ „Устьянщина—промышленный уголокъ“, написанный уже за 1000 верстъ отъ Вологды... Но я ужъ перескочилъ далеко впередъ. Надо возвратиться назадъ.

Какъ производитель работъ Статистическаго Комитета, я долженъ былъ довольно много времени употреблять на официальные статистическія работы для Центральнаго Комитета и для губернаторскаго отчета. Признаюсь, эта работа мало занимала меня. Правильной постановки статистическихъ работъ тогда не существовало на Руси. Матеріалы собирались черезъ полицію, которая писала ихъ, что называется, „отъ руки“, и поражали своей очевидной вздорностью. Я дѣлалъ кое-какія попытки поставить дѣло иначе, и моя докладная записка объ этомъ была одобрена губернаторомъ Стоинскимъ; но всѣ попытки разбивались тѣмъ канцелярскимъ противодѣйствіемъ, которое гнѣздилося около того же губернатора, въ его собственной канцеляріи, при которой состоялъ и Статистическій Комитетъ. Вся канцелярія возстала противъ меня и разбивала въ прахъ всякія попытки измѣнить установившіеся порядки. Обрабатывать же тѣ вздорные матеріалы, какіе собирались канцелярскимъ путемъ, было трудомъ скучнымъ, непроизводительнымъ и вовсе не нужнымъ. Впрочемъ, я сдѣлалъ попытку такой обработки въ статьяхъ: „Вологодская губ. въ 1859 г.“, напечатанныхъ въ „Вол. Губ. Вѣдом.“ за 1860 годъ, но такъ и не довель ихъ до конца. Вскорѣ послѣ переселенія въ Вологду, я увлекся той обличительной литературой, той газетной гласностью, которая тогда шумно дѣйствовала на Руси. Первымъ поводомъ къ тому было мое столкновеніе съ вице-губернаторомъ И. И. Пейкеромъ. Пейкеръ, еще молодой и не глупый человѣкъ, былъ расположенъ ко мнѣ, узнавши меня еще въ Тотьмѣ, куда пріѣзжалъ для ревизіи, по порученію губернатора. Въ одномъ случаѣ онъ позволилъ себѣ дерзкую выходку, къ которымъ вообще былъ склоненъ, при безразсудной горячности характера, причемъ иногда попадалъ въ смѣшное положеніе. Про него рассказывали такой забавный анекдотъ. Мелкій чиновникъ губернскаго правленія, возражая совѣтнику, выразился: „Да, что

Сергѣй Васильевичъ, и говорить: у сильнаго всегда безсильный виновать!“ Совѣтникъ пожаловался вице-губернатору. — „Позвать его сюда!“ Позвали. — „Какъ вы смѣли совѣтнику сказать, что у сильнаго всегда безсильный виновать?“ — „Помилуйте, Иванъ Ивановичъ, это не я, это сказалъ Крыловъ!“ — „Такъ по-о-озвать сюда Кр-кр-кр-ылова!“ крикнулъ горячій начальникъ, заикаясь (онъ былъ отчаянный заика), не сообразивъ въ раздраженіи, что требуетъ на расправу самого баснописца — дѣдушку Крылова. Вотъ этотъ-то вспыльчивый господинъ позволилъ себѣ дерзость по отношенію ко мнѣ, и я пригрозилъ ему печатью, и дѣйствительно напечаталъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (Корша, 1859 года), статейку „Разказы изъ вседневной жизни“, подъ псевдонимомъ „Сѣверянина“, изложивъ разные курьезные случаи изъ вологодской жизни, изъ которыхъ дватри задѣвали Пейкера, а прочіе — другихъ мѣстныхъ тузовъ, жандармскаго штабъ-офицера, полиціимейстера, князя Гагарина, большого барина, проживавшаго въ Вологдѣ въ ссылкѣ за разные дебоши и безобразничавшаго здѣсь „во всю“. Въ провинціи секретовъ нѣтъ: всѣ, задѣтыя статейкой лица, тотчасъ же были узнаны, узнанъ былъ и авторъ, — и надо мной разразилась гроза общаго негодованія, которая, однако же, не испугала меня. Совсѣмъ напротивъ: во-первыхъ, я вообразилъ себя героемъ, страдающимъ за правду; во-вторыхъ, мнѣ лестно было общее вниманіе, предметомъ котораго я сдѣлался. Болѣе всего мнѣ были тяжелы семейныя непріятности: отецъ, съ своей точки зрѣнія, не одобрялъ такой моей литературной дѣятельности вообще, да еще и боялся за меня, видя общее озлобленіе противъ сына. Но разъ ставъ въ позу героя, я рѣшился продолжать, и продолжалъ свои обличительно-сатирическіе литературные подвиги. Я печаталъ рѣзкія корреспонденціи въ „Русскомъ Дневникѣ“ Мельникова (1859 г.), въ „Парусѣ“ и „Днѣ“ Ив. С. Аксакова (1859—1863 г.), въ „Журналѣ Охоты“ Г. Г. Мина. Мѣстное общество возненавидѣло меня тѣмъ болѣе, что настоящихъ уликъ въ авторствѣ противъ меня все же не было, а была только внутренняя увѣренность; да и учебное и начальство не придавало значенія жалобамъ и сплетнямъ, противъ меня направленнымъ, а я посмѣивался втихомолку надъ этимъ общимъ озлобленіемъ и достаточно крѣпко сидѣлъ на своемъ мѣстѣ. Озлобленіе, конечно, не выходило изъ границъ словеснаго выраженія, но я былъ у всѣхъ, какъ бѣльмо на глазу, и всѣ усердно старались какъ-нибудь выжить меня изъ Вологды.

Въ 1860 г. я женился. Мнѣ было только 23 года, и какъ могла произойти эта, говоря по совѣсти, не разумная во всѣхъ отношеніяхъ, женитьба, я самъ не понимаю: не было ни любви, ни расчета ни съ которой стороны, а была просто юношеская дурь и родительское желаніе. Отецъ мой, который самъ женился въ очень молодыхъ лѣтахъ, считалъ раннюю женитьбу вообще благомъ, а въ данномъ случаѣ особенно: ему думалось, что женитьба, семейныя обязанности, — образумятъ, остепенятъ меня, выльчатъ отъ „дури“, и я сдѣлаюсь мирнымъ гражданиномъ, научившимся „съ волками по-волчьи выть“, угождать сильнымъ міра, не стремиться „перешибить плетью обуха“. Невѣста моя была дочь сослуживца отца, Мих. Ал. Смѣкалова, дѣвушка 16 л., окончившая курсъ женской гимназіи вмѣстѣ съ моей сестрой, — съ оригинальнымъ смуглымъ лицомъ, нѣсколько цыганскаго типа, унаслѣдованнаго ею отъ матери. Въ

Вологдѣ она слыла красавицей. Семейная жизнь моя съ перваго раза сложилась такъ неудачно, въ чемъ жена моя, впрочемъ, нисколько, какъ говорятъ крестьяне, „непричинна“, что мнѣ не хочется вспоминать о ней. Скажу все въ немногихъ словахъ, чтобы разомъ избавить себя отъ горечи, соединенной съ этими воспоминаніями. Въ первые годы нашей совмѣстной жизни жена моя, Александра Михайловна Бунакова, была совершенный ребенокъ, не развившійся ни физически, ни нравственно, а потомъ, когда она развилась, между нами оказалась такая рознь, что съ 1865 г. мы то и дѣло расходились и сходились, но не надолго: и характеры, и требованія отъ жизни, и вкусы, и отношенія къ людямъ, и все у насъ было разное, и, живя вмѣстѣ, мы только мучили другъ друга... Вотъ въ 1876 году, имѣя одного сына, мы и разошлись окончательно. Я остался въ Воронежѣ, а жена съ сыномъ, родившимся въ 1874 году, съ которымъ разлучиться она не имѣла силъ, сперва поселилась во Владикавказѣ, гдѣ братъ ея, Алексѣй Михайловичъ Смѣкаловъ, тогда былъ губернаторомъ, а потомъ въ Вологдѣ. Сдѣлавъ это отступленіе, обращаюсь къ разсказу о моей жизни въ Вологдѣ. Скоро мои обличительно-сатирическія корреспонденціи мнѣ надоѣли. Я вздумалъ попробовать силы въ беллетристикѣ. Первою пробою было „Разказы изъ минувшаго нашей губерніи“, напечатанные въ журналѣ Калиновскаго (и А. П. Милюкова) „Свѣточъ“ (1860 и 1861 гг.), и разсказъ „Село на юру“, напечатанный въ журналѣ Достоевскихъ (М. М. и Ѳ. М.) „Время“ за 1861 годъ).

Зимой 1861 года мнѣ случилось въ первый разъ побывать въ Петербургѣ. Поѣздка произошла случайно. Жилъ въ Вологдѣ офицеръ генеральнаго штаба Д. Е. Лю—ръ, командированный сюда для военно-статистическаго описанія Вологодской губерніи, товарищъ моего шурина А. М. Смѣкалова. Я близко сошелся съ нимъ сперва по предмету его занятій, принимая въ нихъ живое участіе, потомъ просто какъ съ милымъ и образованнымъ человѣкомъ. Уѣзжая изъ Вологды, онъ сталъ звать меня съ собой, приглашая погостить у него. Я взялъ отпускъ и поѣхалъ. Недѣли три прогостилъ я въ Петербургѣ у Л—ра, а по дорогѣ, конечно, останавливался и въ Москвѣ. Присмотрѣвшись къ жизни и характеру Л—ра, я уже тогда сомнѣвался, чтобы онъ въ состояніи былъ выполнить возложенное на него порученіе. Онъ былъ бѣлоручка, мало способный къ черной и кропотливой работѣ, а безъ такой работы невозможно было выполнить это порученіе. И матеріаловъ изъ Вологды онъ вывезъ мало, и разработка ихъ ему была не по силамъ.

Кромѣ того, это былъ скрытный честолюбецъ и очевидный меланхоликъ. Дѣйствительно, онъ ничего не сдѣлалъ, да и съ собой скоро покончилъ самымъ плачевнымъ образомъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, я случайно узналъ, что Л—ръ зарѣзался въ той самой квартирѣ въ Петербургѣ, гдѣ поселился я.

Въ Петербургѣ я засталъ самый развалъ той весны шестидесятыхъ годовъ, о которой одни теперь вспоминаютъ съ ужасомъ и озлобленіемъ, другіе съ сладкимъ замираніемъ сердца. Это была пора появленія первыхъ прокламацій („Къ молодому поколѣнію“ М. Л. Михайлова, „Великоросса“) и первыхъ жертвъ того призрака грядущей свободы, о которомъ Добролюбовъ говорилъ въ стихахъ:

„0, погоди еще, желанная, святая!
Помедли приходите въ нашъ боязливый кругъ.

Теперь на твой призывъ отвѣтитъ тишь нѣмая,—
И лучшіе друзья не приподымутъ рукъ“.

Начались студенческія движенія. Всѣ ждали чего то особеннаго, рѣшительнаго, рокового, и я былъ цѣликомъ охваченъ этимъ общимъ настроеніемъ. Да я ли одинъ? Люди солидные, пожилые, и тѣ поюнѣли и съ вѣрою смотрѣли какъ на начало новой жизни, много обѣщающее въ будущемъ. Въ это время въ Петербургѣ жилъ бывшій директоръ вологодской гимназіи А. В. Л—въ, переведенный сюда въ ларинскую гимназію (на Васильевскомъ островѣ); въ Вологдѣ же его мѣсто занялъ И. И. Кр—въ (братъ извѣстнаго поэта изъ кружка Бѣлинскаго), магистръ русской исторіи, благодушный добрякъ, но человѣкъ недалекій. Часто бывая въ семьѣ Л—ва, съ дочерьми котораго была очень дружна моя жена, я нашелъ и здѣсь то же возбужденіе, полное надеждъ и иллюзій. А. В. Л—въ имѣлъ большое вліяніе на попечителя округа Ив. Дав. Делянова (нынѣ министра) и вскорѣ занялъ мѣсто его помощника. Благодаря его протекціи, многіе вологодскіе его сослуживцы тотчасъ двинулись впередъ по службѣ: одни были переведены, по желанію, въ Петербургъ (Ределинъ, Николенко). Другіе получили мѣста инспекторовъ или директоровъ (Глушицкій, Елецкій). Въ семействѣ Л—выхъ я встрѣтилъ много ласки, привѣта, вниманія. Я уже говорилъ, что здѣсь, не смотря на оффиціальное положеніе и благоразумную солидность отца, отразилось то броженіе общества, особенно молодежи, которое тогда вступало въ свой полный разгаръ. И здѣсь велись „свободные“ разговоры, безъ всякаго опасенія, сообщались всевозможныя извѣстія, т. е. не какія нибудь сплетни, а новости, такъ сказать, „политическаго“ характера. Въ то время все еще пока дѣлалось просто и открыто: поговорить не стѣснялись, и прокламаціи обращались въ обществѣ свободно, безъ особенной осторожности. Вотъ образчикъ тогдашней простоты. Прихожу къ одному учителю гимназіи, который обѣщалъ мнѣ № „Великоросса“.—„Посмотрите, говорить, вонъ на томъ окнѣ“... Ищу и не нахожу. „Ну, говорить, видно кто нибудь безъ меня приходилъ и взялъ“... № нашелся на другомъ окнѣ. Черезъ нѣсколько времени, когда пора свободной простоты и благодушія окончилась, этотъ господинъ долженъ былъ навсегда разстаться съ Петербургомъ и съ учительствомъ: онъ улетѣлъ изъ крѣпости въ Кострому (хорошо, что не дальше). Это былъ Фед. Ив. Дозе. Въ Петербургѣ я познакомился съ литературными кружками тѣхъ журналовъ, въ которыхъ мнѣ приходилось печататься. Очень привѣтливо и сердечно приняли меня Достоевскіе, Мих. Мих., издатель и редакторъ журнала „Время“, въ которомъ былъ напечатанъ мой рассказъ „Село на юру“ и для котораго я привезъ съ собой новую большую повѣсть „Городъ и деревня“ (напечатана въ томъ же 1861 году), и братъ его Федоръ Михайловичъ, только что возвратившійся изъ ссылки, уже тогда извѣстный, а впослѣдствіи — знаменитый романистъ. Журналъ „Время“, начавшій выходить только съ этого года, имѣлъ большой успѣхъ, который болѣе всего былъ вызванъ участіемъ въ немъ Ф. М. Достоевскаго и особенно его „Записками изъ мертваго дома“, превосходнымъ и, по моему личному мнѣнію, лучшимъ произведеніемъ этого оригинальнаго, хотя болѣзненнаго (и тѣлесно и душевно) писателя.

Федоръ Михайловичъ былъ главной силой и душой журнала. Критика была на рукахъ Мих. Мих. Достоевскаго, Аполлона Григорьева и Ник. Ник. Страхова, тогда молодого и начинающаго писателя, еще недостаточно опредѣлившася. Политическій отдѣлъ велъ Разинъ. Фельетонъ писалъ Минаевъ. Издавался журналъ очень красиво: опрятно и аккуратно.

Фед. Мих. Достоевскій пригласилъ меня на вечеръ, гдѣ я познакомился со всѣмъ кружкомъ журнала, кромѣ А. Григорьева, котораго тогда не было въ Петербургѣ. Понятно, что я держался среди этихъ „настоящихъ“ литераторовъ нѣсколько робко и больше слушалъ, нежели говорилъ. Помню шумный споръ о томъ, возможно ли и готово ли въ Россіи революціонное движеніе: тема, бывшая тогда въ большомъ ходу, тогда еще свѣжая, но вскорѣ ставшая избитой и тошнотворной. Большинство лицъ въ кружкѣ „Времени“ отрицало серьезность революціонныхъ заявленій и возможность русскаго народнаго революціоннаго движенія.

Горячѣе другихъ оспаривалъ мнѣніе большинства невзрачный молодой человекъ—поэтъ Платонъ Кусковъ. Хотя разсудокъ говорилъ мнѣ, что большинство едва ли не право, но симпатіи мои были на сторонѣ Кускова. Несомнѣнно, что всѣ русскія революціонныя начинанія и надежды и тогда, и позже, были задорнымъ самообманомъ, который привелъ только къ напрасной гибели массы лучшихъ—самыхъ даровитыхъ и самыхъ честныхъ—людей поколѣнія. Можетъ быть, оттого-то и теперь Россія страдаетъ отъ небывалаго безлюдья: все крупное, сильное, даровитое, живое исчезло... тамъ, „куда Макаръ телятъ не гоняетъ“, осталась мелюзга, бездарность, ничтожность, среди которой теряются немногіе оставшіеся значительные люди второго разбора, изнывающіе въ душной и пошлой, чуждой для нихъ, средѣ.

Кусковъ горячился. Грузный Разинъ возражалъ отрывочно и съ менторской важностью. Благодушный Н. Н. Страховъ держался неопредѣленной середины. Нервный Федоръ Михайловичъ Достоевскій, бѣгая по комнатѣ мелкими шажками, нѣкоторое время не вмѣшивался въ разговоръ, потомъ вдругъ заговорилъ, пришептывая,—и всѣ призамолкли: это, очевидно, былъ пророкъ кружка, передъ которымъ всѣ преклонялись.

А этотъ пророкъ говорилъ о смиреніи, объ очищающей силѣ страданія, о всечеловѣчности русскаго народа, о невозможности съ его стороны никакихъ самовольныхъ движеній ради собственнаго блага, объ отвращеніи его ко всякому насилію, о неестественности какого бы то ни было общенія между нимъ и самозванными радѣтелями его, набравшимися революціонныхъ идей или изъ книжекъ, или прямо изъ жизни Запада, которая противоположна русской жизни и не можетъ служить ей примѣромъ.

Очень понравился мнѣ А. П. Милюковъ, состоявшій главнымъ дѣятелемъ въ редакціи „Свѣточа“, человекъ простой и сердечный, но не вполне определеннаго направленія: его тянуло и къ Достоевскимъ и къ Добролюбову. Совсѣмъ не понравился мнѣ А. Ф. Писемскій, который тогда редактировалъ „Библіотеку для чтенія“ и которому я отдалъ повѣсть изъ мѣщанскаго быта, — человекъ грубый, настоящій „Никита Безрыловъ“, какъ онъ подписывался подъ фельетонами журнала. Не особенно понравился и П. И. В—ргъ, редактировавшій „Вѣкъ“

(еженедѣльную газету) и погубившій ее безтактнымъ фельетономъ подъ псевдонимомъ „Камня Виногорова“.

Онъ смотрѣлъ какимъ то хлыщомъ. Я напечаталъ въ „Вѣкѣ“ корреспонденцію и нѣсколько рассказовъ подъ общимъ заглавіемъ „Мѣщанскія идилліи“—надо было получить деньги, но денегъ у „Вѣка“ не было,—и мой гонораръ пропалъ.

Петербургъ, съ его тогдашнимъ движеніемъ и настроеніемъ, такъ мнѣ понравился, что я сталъ хлопотать, какъ бы мнѣ здѣсь пристроиться. Но—увы!—у меня было слишкомъ мало шансовъ для этого: мои права на полученіе мѣста съ опредѣленнымъ содержаніемъ были ничтожны, а жить въ Петербургѣ случайными заработками тогда я опасался, особенно имѣя въ виду, что я не одинокій, а женатый человѣкъ.

За то я возвратился въ Вологду съ деньгами, полученными за литературныя работы, и съ интересными рассказами.

Въ Вологдѣ въ это время усилился наплывъ ссыльныхъ, между которыми были люди интересные. Особенно интересенъ былъ малороссъ Я. Н. Бекманъ, кіевскій студентъ, чрезвычайно даровитый и живой, производившій обаятельное впечатлѣніе на всѣхъ, кому случалось съ нимъ сходитья и говорить. Онъ держался самыхъ крайнихъ убѣжденій и принадлежалъ къ извѣстному Кіевскому украинофильскому кружку, какъ разъ въ то время разбитому и разсѣянному по сѣвернымъ городамъ.

Черезъ много лѣтъ мнѣ случилось встрѣтиться съ другимъ членомъ этого кружка, съ Ефименко, одновременно съ Бекманомъ высланнымъ въ Архангельскую губернію: я встрѣтился съ нимъ въ Воронежѣ, гдѣ онъ прожилъ два или три года и оттуда уѣхалъ въ Харьковъ уже свободнымъ человѣкомъ и уже далеко не радикаломъ. Это былъ солидный и серьезный человѣкъ, но далеко не обладающій такой силой и блескомъ ума, такимъ жаромъ и такой увлекательностью рѣчи, какъ Бекманъ.

Появились и студенты другихъ университетовъ, такъ какъ университетское движеніе, начавшись въ Петербургѣ, разлилось и по другимъ университетскимъ городамъ: изъ Казани—Золотовъ, который съ глубокимъ чувствомъ пѣлъ „Дома насъ помѣщики душили“... и рассказывалъ объ Антонѣ Петровѣ, какъ мученикъ за крестьянскую свободу; изъ Петербурга—Новоселецкій, одинъ изъ вожаковъ знаменитаго похода съ Васильевскаго острова на Колокольную и Л. Ө. П—евъ, вологодскій уроженецъ, впоследствии пробывшій нѣсколько лѣтъ въ Сибири за какую-то прикосновенность къ Польскому возстанію. Съ началомъ этого возстанія въ Вологдѣ появилось много ссыльныхъ поляковъ, изъ которыхъ мнѣ болѣе памяты: писатель Корженевскій, красавецъ Краковъ, хромою Оскерко, братья Лимановскіе, при первомъ удобномъ случаѣ убѣжавшіе на театръ военныхъ дѣйствій, Журавскій, который тоже все собирался убѣжать туда же, но, кажется, только на словахъ, а вовсе не въ самомъ дѣлѣ; вообще это былъ представитель типа рисующихся и фразерствующихъ революціонеровъ, вовсе не склонныхъ рисковать своей особой... Все это пестрое пришлое населеніе „политическихъ страдальцевъ“ образовало одинъ кружокъ, къ которому приставала и мѣстная молодежь. За этимъ кружкомъ зорко наблюдалъ новый

жандармскій штабсъ-офицеръ, въ это время пріѣхавшій въ Вологду, полковникъ Н. Е. З—нъ, очень толстой корпуленціи, но очень тонкаго ума и характера, притомъ несомнѣнно умный, начитанный и даже симпатичный человѣкъ. За то къ этому кружку благосклонно относился вице-губернаторъ Ив. Ив. П—ръ, а особенно его либеральная жена, М. Г. П—ръ, урожденная Л—ва. Это была живая миниатюрная барыня, блиставшая остроуміемъ и способностью подчинять себѣ самыхъ неукротимыхъ людей, — всѣ дѣлались послушными и мягкими исполнителями ея воли, когда она этого хотѣла: и князь Гагаринъ, чистокровный и пусто-порожній аристократъ, всю жизнь занимавшійся дебошами, и Николаевскій отставной генераль Н. Бр—овъ, бывшій нѣсколько лѣтъ тому назадъ начальникомъ Вологодскаго ополченія, и поднадзорный учитель гимназіи В. М. Прж—ій, черезъ нѣсколько времени бывшій крупнымъ дѣятелемъ польскаго революціоннаго правительства, и радикаль хохоль Бекманъ.

На западѣ изъ М. Г. Пе—ръ вышла бы видная политическая дѣятельница, въ родѣ m-me Аданъ, но въ Россіи, въ концѣ концовъ, изъ нея вышла только... ханжа: черезъ нѣсколько лѣтъ она ударилась въ весьма дешевый мистицизмъ и стала издавать очень изящную иллюстрированную газету „Русскій рабочій“ съ цѣлью просвѣщать русскихъ рабочихъ не столько умственно, сколько нравственно. Эта поучительная и довольно приторная, по ея нравоучительной подкладкѣ, газета стоила только одинъ рубль за годъ, но все-таки, конечно, не доходила до рабочихъ и мирно скончалась, не только не выполнивъ своей миссіи, но даже и не положивъ начала такому выполненію.

Ссылные поляки состояли подъ покровительствомъ губернатора Хо—го, которому удалось даже устроить въ Вологдѣ католическій костель въ особомъ, для того купленномъ домѣ. Между Пе—ми и За—мъ началась война—сперва глухая, потомъ—открытая. Воевать съ губернаторомъ, свитскимъ генераломъ, лично извѣстнымъ Государю, „тонкій толстякъ“ не рѣшался. М. Г. П—ръ не только принимала, но даже привлекала въ свой салонъ политическихъ ссыльныхъ, а упомянутый Прж—кій и симпатичный Бекманъ пользовались ея особеннымъ вниманіемъ, какъ люди, дѣйствительно замѣчательные. О Бекманѣ я уже говорилъ. Прж—кій былъ натуралистъ и служилъ учителемъ гимназіи гдѣ-то въ западномъ краѣ. Съ началомъ польскаго движенія, онъ былъ переведенъ въ Вологодскую гимназію—подъ надзоръ полиціи, но все-таки на службу. Человѣкъ умный, образованный, свѣтскій и чрезвычайно ловкій, онъ умѣлъ всѣмъ нравиться—и въ гимназіи, какъ ученикамъ, такъ и товарищамъ, и въ обществѣ, какъ въ среднемъ, такъ и въ высшемъ. Онъ умѣлъ, и не скучалъ, и не пренебрегалъ быть любезнымъ и занимательнымъ съ людьми всѣхъ круговъ и сортовъ. Его старопольское лицо всѣмъ улыбалось ласково, его медовая рѣчь всюду звучала привѣтомъ, сочувствіемъ. У m-me Пе—ръ онъ читалъ лекціи, слушать которыя собиралась вся вологодская знать: тогда естественныя науки входили въ моду, которая продолжалась лѣтъ десять. Бе—нъ же вовсе не былъ свѣтскимъ человѣкомъ: высокій и худой, съ угловатыми и неловкими манерами, одѣтый въ неуклюжій сюртукъ, онъ привлекалъ къ себѣ людей только своей образной и убѣжденной рѣчью, въ которой слышался малороссійскій акцентъ; а въ рѣчи своей онъ послѣдовательно и умѣло проводилъ все однѣ

и тѣ же идеи крайняго либерализма. Кстати скажу о судьбѣ этихъ двухъ несомнѣнно незаурядныхъ людей. Прж—кому какъ-то удалось получить отпускъ, хотя онъ и состоялъ подъ надзоромъ полиціи: онъ уѣхалъ и вскорѣ оказался въ самомъ центрѣ польскаго возстанія, однимъ изъ крупныхъ его вожаковъ. Впослѣдствіи, когда возстаніе было усмирено, Пр—кій, по слухамъ, былъ повѣшенъ... Бекмана же, въ одно прекрасное утро, З—нъ отправилъ съ жандармами въ Петербургъ, гдѣ онъ просидѣлъ нѣсколько времени въ крѣпости, а оттуда его отправили въ Самару, и въ Самарѣ онъ вскорѣ умеръ во цвѣтѣ лѣтъ. У меня, на память, остался отъ него „Кобзарь“ Шевченко на малороссійскомъ языкѣ. З—ну удалось таки, не безъ помощи лукаваго Хо—скаго побѣдить и Пе—ра, который совершенно неожиданно былъ „причисленъ къ министерству“ и долженъ былъ выѣхать изъ Вологды. Хотя этотъ выѣздъ былъ въ нѣкоторомъ родѣ триумфомъ для огорченнаго вице-губернатора, потому что сопровождался всевозможными оваціями, все-таки карьера его была испорчена. Черезъ нѣсколько лѣтъ, онъ получилъ было какое-то мѣсто въ западныхъ губерніяхъ, но вскорѣ потонулъ, купаясь въ какой-то рѣкѣ, а Марія Григорьевна ударилась въ мистицизмъ и ханжество.

За—ну, какъ жандарму по призванію и по профессіи, удалось даже открыть въ Вологдѣ свой домашній заговоръ чисто мѣстнаго характера,—и гдѣ же?—въ духовной семинаріи! Онъ произвелъ обыски, нашелъ запрещенныя книжки, возмутительныя рукописи, арестовалъ и допрашивалъ подозрительныхъ молодыхъ людей. Оказалось, что семинаристы старшаго класса образовали кружокъ собирались, толковали, читали запрещенныя сочиненія, преимущественно Герцена, и задумывали основать земледѣльческую колонію, нѣчто вродѣ нынѣшнихъ колоній, устраиваемыхъ „толстовцами“, соединяя съ ней преступныя замыслы... о просвѣщеніи народа. За—нъ постарался раздуть дѣло, сколько возможно. Къ счастью, ему не удалось обнаружить никакой связи между этими преступными замыслами семинаристовъ и ссыльными, обитающими въ Вологдѣ. Дѣло кончилось исключеніемъ изъ семинаріи около десятка даровитыхъ юношей, но и отправка въ Петербургъ Бекмана была несомнѣнно послѣдствіемъ этого дѣла, хотя онъ не былъ даже и знакомъ съ семинаристами: не нужно было доказательствъ, чтобы преслѣдовать за „вредное вліяніе“, — достаточно было внутренняго убѣжденія агентовъ 3-го отдѣленія. Вспомнимъ исторію Н. Г. Чернышевскаго. Я тоже не былъ знакомъ съ семинаристами, пока надъ ними не стряслась бѣда. Но въ это время пришлось устраивать имъ возможную помощь, и это было поводомъ къ знакомству. Съ нѣкоторыми изъ нихъ я хорошо сошелся, а съ однимъ, котораго не потерялъ изъ виду и до сихъ поръ, состою въ дружескихъ отношеніяхъ. Теперь это бородатый отецъ многочисленнаго семейства, состоящій преподавателемъ реальнаго училища въ Петербургѣ. Зовутъ его М. Е. До—въ (умеръ въ 1901 г.). Онъ хорошій преподаватель и очень хорошій человѣкъ, сохранившій всѣ лучшія традиціи 60-хъ годовъ. Съ большимъ трудомъ удалось ему приобрѣсти учительскія права и утвердиться на мѣстѣ; въ средѣ людей хорошо знающихъ его, онъ пользуется большимъ и вполне заслуженнымъ уваженіемъ.

Семинарская исторія надѣлала въ Вологдѣ много шума и даже навела

панику на многихъ солидныхъ людей, опасливо и враждебно смотрѣвшихъ на современное движеніе среди молодежи.

Я сдѣлалъ попытку изобразить тогдашнее движеніе въ семинарской средѣ въ небольшомъ разсказѣ „Новымъ духомъ вѣтъ“, напечатанномъ въ „Свѣточѣ“ за 1861 г., гдѣ были помѣщены мною въ томъ же году: разсказъ „Мистическія грезы“ и сцены „Скрипучее дерево два вѣка живетъ“.

Между тѣмъ, въ 1862 году, открылась вакансія учителя русскаго языка въ Вологодской гимназіи, мужской и женской, по случаю перевода учителя Н—ко въ Петербургъ, и я безъ всякаго затрудненія получилъ это мѣсто. Меня поддержалъ и директоръ гимназіи Ив. Ив. Кра—въ, и помощникъ попечителя округа А. В. Ла—въ, съ его вліяніемъ на попечителя (Ив. Дав. Деянова). Да и вообще въ округѣ я пользовался хорошимъ мнѣніемъ, какъ преподаватель. Это хорошее мнѣніе много зависѣло отъ двухъ ревизій, бывшихъ при мнѣ въ Вологодскомъ уѣздномъ училищѣ: одинъ разъ его посѣтилъ попечитель Деяновъ въ сопровожденіи молодого педагога Николая Христіановича Весселя (за эту ревизію я получилъ въ награду сто рублей), въ другой разъ его ревизовалъ инспекторъ округа Пав. Петр. Ма—вичъ, поразившій меня грубостью, но одобдившій мое преподаваніе. Дѣйствительно, въ Вологодскомъ училищѣ я велъ дѣло несравненно живѣе, толковѣе и плодотворнѣе, нежели въ Тотмѣ и Кадниковѣ; это происходило отъ прочтенія педагогическихъ журналовъ, которые тогда стали издаваться въ Россіи, отъ болѣе серьезнаго отношенія къ дѣлу и отъ хорошаго товарищества,—со мной служили: прекрасный законоучитель о. В. Пи—въ, превосходный учитель ариѳметики и геометріи Мих. Ант. На—кій и старательный учитель исторіи и географіи П. П. По—въ. Смотрителемъ сначала былъ К—нъ, человекъ болѣзненный и только дотягивавшій послѣдній годъ до пенсіона, а потомъ А. Д. Пр—въ, человекъ живой и способный, сохранившій и на склонѣ лѣтъ энергію и умѣнье понимать стремленія молодежи. Жена Пр—ва много лѣтъ въ Устьсысольскѣ содержала бесплатную школу для бѣдныхъ дѣвочекъ, устроила такую же школу и въ Вологдѣ, обучая ученицъ не только грамотѣ, но и рукодѣльямъ, при помощи своей старшей дочери. Хорошее товарищество поддержало во мнѣ стремленіе улучшать и оживлять мои учительскія занятія.

Перейдя въ гимназію, я уже всей душой отдался учительству, какъ дѣлу любимому. Я старательно обдумывалъ каждый урокъ, велъ дѣло основательно и съ огонькомъ. Въ основу занятій я положилъ не заучиваніе учебника грамматики, а чтеніе и словесныя упражненія, устныя и письменныя. Главнымъ предметомъ изученія былъ живой языкъ, изучая который ученики знакомились и съ грамматикой его безъ всякаго учебника, т. е. не съ грамматикой схематической, навязываемой языку извнѣ, претендующей регламентировать живое слово по отвлеченному шаблону, а съ той грамматикой, которая вырабатывается въ самомъ языкѣ его свободнымъ и естественнымъ ростомъ и развитіемъ. Какъ книгу для чтенія, я ввелъ „Дѣтскій міръ“ Ушинскаго, только что вышедшій въ свѣтъ въ это время и произведшей на меня большое впечатлѣніе и своимъ содержаніемъ, и предисловіемъ, которое было напечатано при первомъ изданіи его. А для внѣкласснаго чтенія я положилъ начало основанію

особой ученической библиотeki. Въ 3 классѣ я сдѣлалъ опыты сближенія и сравненія формъ русскаго языка съ формами древне-славянскими съ цѣлью объясненія первыхъ. Къ ученикамъ я относился съ любовью и терпѣніемъ, поддерживая дисциплину и вниманіе въ классѣ не внѣшними средствами, а интересомъ преподаванія и своимъ личнымъ одушевленіемъ, живымъ примѣромъ. Само собой разумѣется, что моя аккуратность была безукоризненна: я никогда не пропускалъ своихъ уроковъ, никогда не опаздывалъ, никогда не забывалъ приготовиться къ уроку, просмотрѣть ученическія работы и проч. Мое преподаваніе, скажу по совѣсти, всѣмъ нравилось: и начальству, и родителямъ, и ученикамъ; только самъ я все былъ недоволенъ собой и своей работой, и находилъ, что мнѣ еще много надо поработать, чтобы сдѣлаться вполне удовлетворительнымъ преподавателемъ по тѣмъ понятіямъ, какія тогда сложились въ моемъ умѣ о настоящемъ учителѣ-педагогѣ. Между прочимъ, я задался мыслью такъ поставить дѣло, чтобы не было учениковъ не успѣвающихъ, чтобы всѣ, безъ исключенія, усваивали курсъ,—и въ значительной мѣрѣ мнѣ удавалось выполнить эту задачу. Могу сказать по чистой совѣсти, что я работалъ неутомимо и добросовѣстно, горячо и съ хорошими результатами, не опуская рукъ ни передъ какими образчиками лѣности, шаловливости и тупости, не поддаваясь никакимъ искушеніямъ и страхамъ. Съ такимъ же энтузіазмомъ, если не съ большимъ, работалъ я и въ женской гимназіи, потому что вполне сочувствовалъ начинавшемуся тогда женскому движенію. Считаю при этомъ долгомъ сказать, что и тотъ учительскій кружокъ, въ который я попалъ, поддерживалъ охоту и энергію. Всѣ учителя Вологодской гимназіи работали дѣльно, добросовѣстно, съ любовью и энтузіазмомъ, за небольшими и неважными исключеніями. Директоръ, Ив. Ив. Красовъ, былъ человѣкъ мягкій, добрый, покладистый. Инспекторъ, Ив. Ль—чъ Иг—евъ, придерживался нѣкоторыхъ старо-педагогическихъ, лучше сказать анти-педагогическихъ понятій, въ родѣ полезности сѣченія розгами, но тоже оказался человѣкомъ податливымъ на убѣжденія; у меня была съ нимъ одна стычка изъ-за розогъ, къ которымъ я относился (и теперь отношусь) безусловно отрицательно; но эта стычка окончилась благополучно и къ полному моему удовольствію: я побѣдилъ розги, при поддержкѣ товарищей. Изъ товарищей болѣе дружески я сошелся съ учителемъ исторіи, Никол. Я—емъ Со—мъ, нынѣ директоромъ Тотемской учительской семинаріи, честнѣйшей личностью и отличнымъ работникомъ, и съ учителемъ латинскаго языка, С—мъ Г—мъ Ок—вымъ, нынѣ тоже директоромъ какой-то гимназіи, ярымъ классикомъ. Въ хорошихъ отношеніяхъ былъ я и съ учителемъ словесности, Н. Петр. Левитскимъ, у котораго когда-то учился самъ, а дочь котораго училась у меня въ женской гимназіи.

Не могу умолчать о томъ впечатлѣніи, какое произвели на меня и моихъ вологодскихъ друзей первыя педагогическія статьи гр. Л. Н. Толстого въ его журналѣ „Ясная Поляна“. Онѣ намъ казались откровеніемъ и истиннымъ „новымъ словомъ“. Мы съ жадностью читали ихъ. Въ Вологдѣ тотчасъ основалась и школа на новыхъ началахъ, въ духѣ „Ясной Поляны“, и разносная книжная торговля, имѣющая въ виду простыхъ и несостоятельныхъ читателей. То и другое было дѣломъ предприимчиваго и добродушнаго священника Ан-

типовской церкви, на краю города, о. Василя Ре—го. О. Василій велъ свою школу толково, усердно и безкорыстно; такіе священники, едва-ли возможные въ настоящее время, бывали въ тѣ времена, особенно въ сѣверныхъ губерніяхъ. Почтенный о. Р—скій скончался нѣсколько лѣтъ тому назадъ—и хорошо сдѣлалъ: для такихъ священниковъ теперь нѣтъ у насъ ни дѣла, ни мѣста.

При всемъ усердіи въ своихъ учительскихъ занятіяхъ, я продолжалъ и мои литературныя упражненія: въ журналѣ „Время“ напечаталъ повѣсть „Городъ и деревня“ (1867 г.), въ „Библиотекѣ для чтенія“, перешедшей въ руки П. Д. Боборыкина, повѣсть „Озерской приходъ“ (1863 г.), въ журналѣ „Якорь“, издаваемомъ Стелловскимъ, подъ редакціей Аполлона Григорьева, повѣсть „Лихой годъ“ (1863 г.), въ „Русскомъ Словѣ“ Благосвѣтлова разсказъ „На подсѣкѣ“ (1863 г.), въ „Русской Сценѣ“ рядъ рецензій и театральныхъ корреспонденцій (1862—64 г.), въ „Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ рядъ статей по мѣстнымъ общественнымъ вопросамъ. Затѣвали мы въ Вологдѣ и частную мѣстную газету, вдвоемъ съ большимъ пріятелемъ моимъ, учителемъ уѣзднаго училища Ф—омъ Ар—чемъ Ар—вымъ, который былъ переведенъ на мое мѣсто изъ Устьсысольска. Ар—въ обладалъ двумя страстишками: къ охотѣ и къ писательству. У него былъ несомнѣнный художественный талантъ, который ярко сказался въ его охотничьихъ разсказахъ, напечатанныхъ первоначально въ „Журналѣ охоты“ и во „Времени“, а потомъ изданныхъ отдѣльно, но почему-то развитіе этого таланта остановилось и дальше мелкихъ охотничьихъ разсказовъ, часто спеціально охотничьяго содержанія,—онъ не пошелъ. Охотники приходили въ восторгъ отъ этихъ разсказовъ, въ которыхъ, дѣйствительно, много поэзіи. Мы съ Ар—вымъ крѣпко подружились, и вотъ задумали издавать газету; составили программу, придумали названіе („Починокъ“), подали прошеніе о разрѣшеніи, напечатали объявленіе и даже открыли подписку (на 1863 годъ), а вмѣстѣ съ тѣмъ принялись готовить матеріалы для первыхъ №№. Но разрѣшенія не послѣдовало, и дѣло кончилось ничѣмъ. Арсеньевъ вскорѣ получилъ редакторство неофициальной части губернскихъ вѣдомостей, а я сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ этого и до сихъ поръ единственнаго мѣстнаго Вологодскаго изданія со свѣтскимъ содержаніемъ; другое мѣстное изданіе, „Епархіальныя вѣдомости“, какъ извѣстно,—духовнаго содержанія.

Какъ учитель гимназіи, я пользовался въ Вологдѣ большими симпатіями, но мое писательство и мои житейскія отношенія постоянно навлекали на меня враждебность, доносы и непріятности. На меня стали указывать, кому слѣдуетъ, какъ на „опаснаго и вреднаго либерала“: тогда еще не были въ ходу такія, странныя вполнѣдствіи, титулы, какъ „нигилистъ“, „соціалистъ“ и т. под. Дѣло, конечно, было не въ либерализмѣ, а просто-на-просто надо было выжить изъ города „писаку“, который „выноситъ изъ избы много сору“ и дерзко обличаетъ крупныхъ и видныхъ чиновниковъ и баръ, не церемонясь въ оцѣнкѣ ихъ дѣйствій и публичной жизни. Но выжить непріятную личность было не такъ легко и долго не удавалось. Вторая поѣздка въ Петербургъ, лѣтомъ 1863 года, дала мнѣ возможность оградить себя на нѣкоторое время отъ нападеній со стороны недоброжелателей.

Въ это время глубокое огорченіе произвели на меня два событія, не оди-

наковой важности, но оба прискорбныя. Во-первыхъ, преждевременная смерть Ник. Ал. Добролюбова, статьи котораго были любимымъ чтеніемъ всей тогдашней молодежи, а трогательные рассказы о трудовой и изумительно честной жизни и личности распространялись по всей Россіи. Какъ всё любили этого молодого, много общавшаго впереди писателя! Какимъ горькимъ чувствомъ отозвалась въ душахъ молодежи эта неожиданная смерть! Какъ искренно, какъ горячо всё оплакивали эту тяжкую утрату!.. Я лично никогда и никого не оплакивалъ такъ горько, какъ Добролюбова, съ именемъ котораго въ моей душѣ рисовался самый свѣтлый идеалъ человѣка, отдавшаго свою жизнь на служеніе родному народу.

Другимъ огорченіемъ для меня было запрещеніе, неожиданно упавшее на журналъ Достоевскихъ „Время“. Причиной запрещенія, какъ извѣстно, была статья „Роковой вопросъ“, принадлежащая кому же?—благодарнѣйшему, благонамѣреннѣйшему и скромнѣйшему Н. Н. Страхову! Тогда въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ Катковъ напечаталъ отрывки изъ оправдательнаго письма этого благодарнаго писателя о томъ, что онъ, благодарный писатель, хотѣлъ сказать въ своемъ произведеніи и содержитъ въ своей головѣ вовсе не то, что сказано въ статьѣ „Роковой вопросъ“, погубившей журналъ, интересы котораго ему такъ близки. Къ этимъ отрывкамъ Катковъ прибавилъ очень мѣткую характеристику писателей того кружка, къ которому принадлежалъ и принадлежитъ Н. Н. Страховъ. Сущность характеристики состоитъ въ томъ, что эти писатели сами не знаютъ, что хотятъ сказать, что у нихъ напишется.

Какъ бы то ни было, съ запрещеніемъ „Времени“, мнѣ пришлось пристраиваться къ другому журналу, и я сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ „Русскаго Слова“, собственникомъ и редакторомъ котораго въ это время былъ ужь Г. Е. Благовѣстловъ.

Вскорѣ послѣ этого случились обстоятельства, заставившія меня покинуть Вологду. Положеніе мое въ вологодскомъ обществѣ съ каждымъ годомъ становилось затруднительнѣе. Къ множеству мелкихъ столкновеній присоединилась крупная исторія во вновь открывшемся клубѣ демократическаго характера, официальное названіе котораго было „Благородное собраніе, а уличное—„чиновническій клубъ“. Здѣсь я затѣялъ борьбу со вторгнувшимся сюда барскимъ элементомъ, былъ выбранъ старшиною и поднялъ большую бурю по поводу какого-то патріотическаго бала. Эта исторія значительно увеличила число моихъ враговъ и усилила злобу противъ меня, а появившаяся въ „Искрѣ“ (1863 г.) статейка „Выборъ старшинъ“, напечатанная мною безъ подписи, и того больше усилила эту злобу. Къ довершенію всего, въ 1864 году, въ „Русскомъ Словѣ“ появилась моя большая и довольно аляповатая сатирическая повѣсть „Бѣсовское навожденіе“, подъ псевдонимомъ „Н. Федоровича“, произведшая въ Вологдѣ громадный фуроръ и имѣвшая роковое значеніе для всей моей дальнѣйшей жизни. Въ этой грубоватой сатирѣ изображается русская провинціальная жизнь 50-хъ и 60-хъ годовъ. Но такъ какъ кругъ моихъ наблюденій и впечатлѣній былъ ограниченъ рамками одной губерніи,—правда, довольно-таки типичной, но все-таки одной, то моя сатирапріобрѣла рѣзкій мѣстный колоритъ: получилась картина вологодской жизни и вологодскаго общества, начиная съ временъ

ополченія и оканчивая борьбой За—на съ Пе—ми, а въ этой картинѣ масса фигуръ, въ которыхъ мѣстные люди узнавали себя, своихъ родныхъ и знакомыхъ. Эффектъ получился поразительный. Книжки „Русскаго Слова“ переходили изъ дома въ домъ. Собирались кружками и читали вслухъ. Говорятъ, что нашелся чтець изъ аристократовъ (С. Д. Ма—въ), не нашедшій въ сатирѣ самого себя, который мастерски читалъ ее вслухъ, художественно воспроизводя въ лицахъ всѣхъ героевъ и героинь, въ ней отразившихся. Зато и озлобленіе было паче мѣры. Полетѣли доносы, жалобы, настойчивыя требованія объ избавленіи Вологды отъ „язвы“, и окружное начальство на этотъ разъ уступило: въ августѣ 1864 года меня перевели на должность старшаго учителя русскаго языка въ полоцкое „дворянское“ училище. Это были совершенно особенныя училища, существовавшія только въ западныхъ губерніяхъ, нѣчто вродѣ нынѣшнихъ прогимназій.

Распростившись съ родными и друзьями, распродавши свое имущество, я оставилъ родную Вологду и поѣхалъ, однако, не въ Полоцкъ, а въ Петербургъ, да здѣсь и застрялъ, такъ что Полоцка мнѣ и видѣть не пришлось.

IV.

На распутьи.

60-е годы въ Петербургѣ и въ провинціи (1864—1866).

С. Петино. 1902 г., декабря 27.

Сперва я остался въ Петербургѣ въ отпуску, потомъ былъ прикомандированъ къ округу для посѣщенія столичныхъ гимназій и для ознакомленія съ преподаваніемъ въ нихъ, въ ожиданіи предложеннаго мнѣ мѣста учителя русскаго языка въ петрозаводской гимназіи. Но мѣсто это не открылось; а между тѣмъ я обжился въ Петербургѣ и покидать его, да еще для Полоцка, мнѣ уже не хотѣлось. Я вышелъ въ отставку и остался въ Питерѣ, рассчитывая существовать литературнымъ трудомъ. Ближе другихъ я сошелся съ кружкомъ „Русскаго Слова“, т. е. Гр. Ев. Благосвѣтлова, но бывалъ и въ другихъ кружкахъ: у Фед. Мих. Достоевскаго, который тогда издавалъ и редактировалъ, послѣ смерти брата Мих. Мих., „Эпоху“, замѣнившую запрещенное „Время“ и вскорѣ умершую; у Н. В. Михно, издававшего „Русскую Сцену“ тоже вскорѣ умершую. Симпатіи больше всего влекли меня къ „Современнику“, но тамъ у меня не было никакихъ знакомствъ, а въ „Русскомъ Словѣ“ уже установились дружескія отношенія, которыя дѣлали неудобнымъ даже попытку перебраться въ „Современникъ“, съ которымъ именно въ это время у „Русскаго Слова“ началась борьба и полемика не на животь, а на смерть: Антоновичъ сперва вышучивалъ Благосвѣтлова, а потомъ сталъ громить Писарева и Зайцева. Собственно говоря, сила кружка „Русскаго Слова“, заключалась въ членахъ, которыхъ тогда налицо не было, съ которыми мнѣ такъ и не пришлось познакомиться, въ Д. И. Писаревѣ,

сидѣвшемъ въ крѣпости, и Н. В. Шелгуновѣ, высланномъ изъ Петербурга. Наличная же братія не отличалась высокими качествами. Самъ Гр. Евл. Благо-свѣтловъ всегда представлялся мнѣ кулакомъ, который относится къ журналу, какъ къ доходной фабрикѣ, но человѣкомъ и съ умомъ, и съ большимъ характеромъ. Онъ жилъ довольно парадно, съ сотрудниками обходился довольно небрежно, а съ тѣми, которые были непрезентабельны съ внѣшней стороны, какъ Ѳ. М. Рѣшетниковъ или Н. Ѳ. Бажинъ (Холодовъ), и очень небрежно. Наибольшимъ фаворомъ пользовались Н. А. Благовѣщенскій, завѣдывавшій литературнымъ отдѣломъ журнала, Б. А. Зайцевъ и еще... Юлій Луканинъ, студентъ-медикъ огромнаго роста, съ низкимъ басомъ и здоровыми кулачищами который состоялъ при редакціи не то конторщикомъ, не то швейцаромъ и тѣлохранителемъ издателя-редактора. Симпатичнѣе всѣхъ былъ Благовѣщенскій. Это былъ молодой человѣкъ съ наружностью гулящаго художника, съ поверхностнымъ образованіемъ, умѣреннымъ литературнымъ талантомъ и очень слабымъ характеромъ. Онъ написалъ нѣсколько очень живыхъ очерковъ („Авонъ“, „Іерусалимъ“) и вообще способенъ былъ къ наблюденіямъ и работамъ скорѣе этнографическаго, нежели художественнаго характера. При благопріятныхъ условіяхъ изъ него могло бы выработаться подобіе П. И. Мельникову (Андрею Печерскому); но въ томъ положеніи, которое онъ занялъ въ редакціи „Русскаго Слова“, занимавшаго тогда въ русской журналистикѣ второе мѣсто послѣ „Современника“, у него закружилась голова. Онъ возмнилъ себя крупнымъ писателемъ, которому можно не учиться, не наблюдать, а только писать, довольствуясь тѣмъ запасомъ наблюденій и знаній, какимъ онъ обладалъ. Кромѣ того, работа по редакціи и разныя мелкія хлопоты, соединенныя съ участіемъ въ ней, дѣйствуя на молодого человѣка отупляющимъ образомъ, не оставляли свободнаго времени ни для изученія жизненныхъ явленій, ни для серьезнаго чтенія, ни для мыслительной работы. Привязанный къ Петербургу, гдѣ вращался въ тѣсномъ и однообразномъ кругу, получая за участіе въ редакціи хорошее вознагражденіе и уже вовсе не работая надъ собой, этотъ молодой человѣкъ скоро измотался и вывѣтрился: онъ замѣтно опускался, становясь какимъ-то литературнымъ фатомъ и пустоцвѣтомъ. Я помню, что онъ затѣялъ было романъ, первыя главы котораго и были напечатаны въ „Русскомъ Словѣ“. При написаніи этихъ первыхъ главъ онъ былъ, кажется, всего болѣе озабоченъ изобрѣтеніемъ забористой фамиліи для героя, и одинъ разъ очень серьезно высказывалъ мнѣ, что у него уже была придумана отличная фамилія,—и вдругъ романистъ „Эпохи“, Бабиновъ, предвосхитилъ эту отличную фамилію („Кречетовъ“). Романъ остановился на первыхъ главахъ. Благовѣщенскій тогда уже не могъ написать не то что романа, но и небольшого живого очерка. Писать вещи явно фальшивыя, вродѣ „Степана Рулева“ и другихъ шаблонныхъ повѣствованій Холодова-Бажина, у него не хватало духу, да для этого онъ былъ слишкомъ уменъ и не обладалъ достаточнымъ умомъ тупого фанатизма. Для писанія же правдивыхъ реальныхъ изображеній, вродѣ „Подлиповцевъ“ Рѣшетникова, у него не было запаса наблюденій и возможности пріобрѣсти ихъ. Промѣнять беллетристику на критику, на публицистику, на популяризацію научныхъ знаній—не хватало пороку. Словомъ, даровитый человѣкъ пропадалъ въ тискахъ того

либеральнаго кружка, за той изсушающей журнальной работой, куда загнало его стеченіе обстоятельствъ, казавшееся счастливымъ, но въ существѣ дѣла самое несчастное, губительное и беспощадное. Мнѣ казалось, что Благовѣщенскій самъ чуваль, что попалъ не въ свои сани, что изсушающая среда и работа губить его, и во время перепалки между „Русскимъ Словомъ“ и „Современникомъ“ у него вырывались фразы, обнаруживавшія, что симпатіи его не дома, а тамъ въ лагерѣ непріятели, гдѣ еще свѣжи и живы традиціи Добролюбова и Чернышевскаго, что онъ самъ охотно перешелъ бы на ту сторону; но освободиться отъ когтей Благосвѣтлова онъ уже не имѣлъ возможности: и положеніе соредатора казалось слишкомъ почетнымъ, и обязательства связывали, и матеріальныя средства были удовлетворительны, а силы ослабѣли.

Къ Зайцеву я постоянно питаль невольную антипатію. Самодовольная, самоувѣренная фигурка, заносчивая и хвастливая рѣчь, при этомъ бьющая въ глаза полу-барская, полу-лакейская внѣшняя щеголеватость—все было такъ же мелко и противно въ этомъ человѣкѣ, какъ и въ его писаніяхъ. Признаюсь, я съ удовольствіемъ читаль въ то время, какъ Антоновичъ беспощадно хлесталь этого господина въ „Современникѣ“, а его защита, соединявшая въ себѣ барскую наглость съ наглымъ лакействомъ, возбуждала чувство нѣкотораго отвращенія. У Благосвѣтлова я познакомился и съ матерью Зайцева, жеманной и тонной полинялой барыней, и съ его сестрой, В. А., теперь Я., женой извѣстнаго психіатра. Эта красивенькая, но надутая барышня собиралась сдѣлать какія-то великія дѣла, требовавшія освобожденія отъ власти отца (отецъ Зайцевыхъ, кажется, былъ крупный чиновникъ, разошедшійся съ женой и не сочувствовавшій либерализму дѣтей), и для того вступила въ фиктивный бракъ, помнится, съ княземъ Голицынымъ. На Варѣоломея мать и сестра чуть не молились, видя въ этой маленькой и довольно забавной фигуркѣ великаго человѣка. Я не знаю, чѣмъ окончилъ Зайцевъ: съ исчезновеніемъ „Русскаго Слова“, исчезъ и онъ, точно въ воду канулъ, даже имя его почти никѣмъ и нигдѣ не упоминается. Благовѣщенскій же въ Петербургѣ, среди безпорядочной и тревожной жизни, совсѣмъ потерялъ здоровье, лишился ногъ и переселился во Владикавказъ, гдѣ получилъ мѣсто, кажется, редактора губернскихъ вѣдомостей, но ни здоровья, ни таланта не возвратилъ: онъ умеръ въ концѣ 80-хъ годовъ. Благосвѣтловъ хорошо дисциплинировалъ и держаль въ рукахъ свою пишущую армію, умѣя мастерски всѣхъ, и талантливыхъ и бездарныхъ, и ученыхъ, и невѣждъ, приводить къ одному знаменателю и строго выдерживая въ журналѣ полное единство, одно опредѣленное направленіе, одну сѣренькую окраску, подобную его обложкѣ. Въ этомъ была сила журнала и тайна его успѣха.

Въ кружкѣ „Эпохи“ душой былъ, конечно, Ѳ. М. Достоевскій, но дѣла журнала шли плохо. Онъ умираль, и я помню, какъ Достоевскій упрекаль самого себя, что упустилъ изъ „Эпохи“ такое сокровище, какъ „Петербургскія трущобы“ Всеволода Крестовскаго, которыя привлекали массу подписчиковъ къ „Отечественнымъ Запискамъ“ Краевскаго. Отрывокъ изъ этого романа былъ напечатанъ въ „Эпохѣ“ („Ерши“), въ нее попалъ бы и весь этотъ романъ, къ ней, по мнѣнію Достоевскаго, направился бы и приливъ подписчиковъ, если бы редакція не поостереглась рискнуть тѣмъ гонораромъ, который предложилъ

автору такой многоопытный въ журнальномъ дѣлѣ человѣкъ, какъ Краевскій. Но редакція „Эпохи“ не ожидала, чтобы такое трущобное произведеніе способно было поддержать умирающій журналъ, а денежные дѣла ея были таковы, что рисковать не приходилось. Какъ бы то ни было, существованіе „Эпохи“ стало невозможнымъ, и она скончалась. Я напечаталъ въ ней довольно большую повѣсть „Наши браконьеры“ и рассказъ „Ума помраченье.“ и довольно часто видѣлся съ Достоевскимъ, какъ при жизни „Эпохи“, такъ и послѣ ея прекращенія. Надо было получить гонораръ, въ деньгахъ я очень нуждался. Существованіе литературнымъ трудомъ оказалось весьма трудно. Но Достоевскій съ такимъ горькимъ чувствомъ говорилъ мнѣ, какъ всѣ „друзья“ (не хочу называть ихъ по имени) жестоко и неблагодарно поступили съ нимъ, обезпечивъ себя векселями и бросивъ его кругомъ въ долгу, какъ трудно его положеніе въ настоящую минуту, что я не рѣшался настаивать на уплатѣ слѣдующаго мнѣ гонорара, безмолвно согласившись на его просьбу „подождать“. Потомъ мнѣ было совѣстно вспоминать объ этомъ долгѣ, время проходило,—и гонораръ мой пропалъ навсегда.

Повторяю: я скоро убѣдился, что литературный трудъ для человѣка безъ крупнаго таланта и безъ способности подлаживаться подъ вкусы и требованія времени и литературныхъ предпринимателей — трудъ каторжный и неблагодарный. Надо было взяться за что либо иное. Были у меня виды на другую дѣятельность, но, къ счастью, они не осуществились. Мнѣ предлагали основать пекарню на артельныхъ началахъ, обѣщая обезпечить сбытъ хлѣба въ какіе-то пріюты: то было время всякихъ артельныхъ затѣй, на манеръ швейной мастерской Вѣры Павловны въ знаменитомъ романѣ „Что дѣлать?“ Но артельная пекарня не состоялась, — и хорошо, потому что я никогда не былъ способенъ ни къ какимъ практическимъ промышленнымъ дѣламъ, а если когда и брался за нихъ (за книжную торговлю отъ товарищества „Общественная Польза“, за руководителей лавкой „Общество потребителей“ и т. п.), то всегда кончалъ тѣмъ, что несъ убытки и приплачивалъ изъ своихъ трудовыхъ средствъ.

Жизнь въ Петербургѣ становилась для меня тяжела, тѣмъ болѣе, что я мало-по-малу сталъ расходиться и съ тѣми пріятелями, среди которыхъ проводилъ значительную часть времени, въ кругъ которыхъ вступилъ въ качествѣ единомышленника. Это былъ кружокъ моего товарища по гимназіи, зырянина Ю. С. Лы—а, тогда уже учителя гимназіи. У него собирался многочисленный кружокъ единомышленниковъ самаго крайняго образа мыслей, котораго держался и самъ Лы — нъ, вообще человѣкъ прямолинейный. Въ кружкѣ Л—хъ было много вологжанъ, которые особенно легко и прочно усваивали тотъ образъ мыслей и то направленіе, которое тогда господствовало не только въ кружкахъ въ родѣ Л—аго, но вообще въ Петербургѣ. Сущность его заключалась въ слѣдующемъ: стремленіе къ научному знанію и къ распространенію знаній, стремленіе къ свободѣ и къ освобожденію. Все, что подходило подъ эту формулу, вызывало сочувствіе, поддержку, помощь—на словахъ и на дѣлѣ. Но бѣда въ томъ, что скоро этотъ широкій либерализмъ пріобрѣлъ, особенно въ кружкѣ Лы—нъ, крайне деспотическія наклонности и замашки: странное и печальное противорѣчіе, которое и было болячкой, язвой, ослаблявшей и

этотъ кружокъ, и вообще тогдашній русскій либерализмъ. Можетъ быть, именно эта болѣзнь была причиной, что практическіе результаты тѣхъ, прекрасныхъ по идеѣ, стремленій оказались, въ концѣ-концовъ, ничтожными: шуму было много, а толку вышло мало. Кажется, это характерное русское явленіе. Возьмемъ хоть литературу. Тогда сила была на сторонѣ либерализма, „Современника“ и „Русскаго Слова“,—и все мало-мальски не подходящее подъ это направленіе, позорилось, оплевывалось, осмѣивалось. Не только имена Страхова, Аверкіева и имъ подобныхъ, но и Аполлона Григорьева, и Майкова, и Фета, упоминались только ради глумленія, которое потомъ задѣло даже Пушкина. А вотъ теперь наступило торжество противоположнаго направленія,—и что же? не только эти Страховы и К^о подняли голову, но отовсюда полетѣли комки грязи, полились ушатами помой на Чернышевскаго, Добролюбова и всѣхъ тѣхъ, кто были вождями, пророками, чуть не святыми въ 60-хъ годахъ. Разница только въ томъ, что мы видѣли торжество ума, таланта и прямолинейности, а теперь видимъ торжество глупости, бездарности и прямолинейной подлости, договорившейся въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ и „Гражданинѣ“ до откровеннаго требованія возстановить крѣпостное право. Разница, конечно, большая, но эта „торжествующая свинья“ можетъ сказать, что своей нетерпимости, своимъ безпощаднымъ деспотическимъ замашкамъ она научилась у своихъ противниковъ въ тяжкіе годы своего униженія и невольнаго смиренія.

Кружокъ Лы—хъ долго мнѣ былъ очень симпатиченъ, но потомъ меня стало тяготить то нравственное насиліе, которое въ немъ царствовало, его нетерпимость и деспотизмъ, безцеремонно налагающій руку на поступки, рѣчи, даже, кажется, на впечатлѣнія отдѣльныхъ личностей. Я постоянно чувствовалъ себя здѣсь подъ гнетомъ самаго грубаго и безпощаднаго насилія—насилія либеральнаго, которое душитъ, давитъ, обезличиваетъ человѣка. Замѣчательно, что впоследствии Лы—ъ, суровѣйшій изъ либеральныхъ деспотовъ, чуть ли не первый измѣнилъ своему тогдашнему вѣроисповѣданію, сталъ съ презрѣніемъ относиться къ женщинамъ, жаждущимъ науки, самостоятельности и честнаго труда, къ числу которыхъ принадлежала и его жена, разсорился и разошелся съ женой и съ большинствомъ своихъ прежнихъ единомышленниковъ. Нынѣ я давно не видѣлся съ нимъ и не знаю, какъ устроилась его жизнь и жизнь его жены.

Да, петербургская жизнь становилась невыносимой для меня; я терялъ вѣру въ тѣхъ людей, которыхъ считалъ „солью земли“, и всякое уваженіе къ нимъ. вмѣстѣ съ тѣмъ терялась вѣра и въ самого себя, въ свою способность къ живому и полезному труду. Дѣло могло бы кончиться очень скверно, если бы въ моей жизни и въ моей душѣ не проснулся съ новой силой интересъ, на время почему-то померкшій въ ней, но вдругъ снова озарившій и согрѣвшій ее съ тѣмъ, чтобы болѣе уже никогда не погасать и не остывать... думаю, что никогда: мнѣ вѣдь ужъ перевалило на шестой десятокъ!

Во-первыхъ, я познакомился съ К. Д. Ушинскимъ, который пріѣхалъ изъ-за границы и привезъ съ собой „Родное Слово“, только что обработанное имъ. Личность Ушинскаго, говоря откровенно, для меня была неособенно симпатична. Я видѣлъ въ немъ (можетъ быть, и ошибочно) странную и несимпа-

тичную мнѣ смѣсь умѣреннаго либерализма съ благонамѣреннымъ генеральствомъ, приниженнаго народничазья съ заносчивымъ самомнѣніемъ, реформаторскихъ замашекъ съ склонностью примирять непримиримое. Въ немъ, на мой взглядъ, видѣлся большой умъ и талантъ, много знающій и много передумавшій, но не энтузіастъ, больше педагогъ-книжникъ, нежели педагогъ-дѣятель. И по наружности, и по манерамъ держать себя онъ напоминалъ не Песталоцци и Дистервега, а скорѣе русскаго директора-генерала, скорѣе чиновника, нежели педагога, учителя и воспитателя. Но бесѣды съ Ушинскимъ все-таки разомъ затронули въ моей душѣ ту педагогическую жилку, которая заговорила въ ней еще въ Вологдѣ. Теперь она заговорила громче, настойчивѣе, и я рѣшилъ, что одно только учительство — истинное мое дѣло, которому я могу отдаться всей душой, и весь, безъ остатка. Надо сказать, что въ это время въ Петербургѣ сильно поднялись педагогическіе интересы. Виновникомъ этого отчасти былъ и Ушинскій. Онъ произвелъ большую сенсацію своимъ споромъ въ собраніяхъ педагогическаго общества, тогда существовавшаго (и закрытаго) лѣтъ черезъ 15 гр. Д. А. Толстымъ за несочувственное отношеніе къ Катковскому и Леонтьевскому классицизму, который тогда вносился въ наши гимназіи); споръ происходилъ между Ушинскимъ и І. И. Паульсономъ, а предметомъ его былъ вопросъ о томъ, искусство или наука—педагогія. Въ сущности, споръ былъ малосодержательный и малопроизводительный, но Ушинскій говорилъ очень хорошо, дѣльно и горячо; онъ мастерски разбивалъ своего противника, доказывая, что нѣтъ особой самостоятельной науки о воспитаніи и быть не можетъ, а есть и всегда будетъ искусство воспитанія, которое должно опираться на научныя начала, руководствоваться ими и невозможно безъ нихъ, какъ дѣятельность сознательная и цѣлесообразная. Участіе Ушинскаго оживило педагогическое общество и привлекло на его собранія массу слушателей.

Говоря о знакомствѣ съ Ушинскимъ, я сказалъ: во-первыхъ... Во-вторыхъ, нѣсколько позже я сдѣлалъ знакомство, которое окончательно поворотило меня на педагогическое поприще, произведя на меня неизгладимое впечатлѣніе. Я встрѣтилъ нѣчто близкое къ тому идеалу учителя-педагога, какимъ я воображалъ себѣ Песталоцци,—къ идеалу, который сложился въ моей душѣ. Это былъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Резенеръ, который въ то время руководилъ бесплатной школой для уличныхъ дѣтей на Васильевскомъ островѣ. Не помню, гдѣ, черезъ кого и по какому случаю я съ нимъ познакомился,—кажется, просто самъ пришелъ къ нему и заявилъ желаніе познакомиться съ нимъ и съ его школой; но знаю, что въ душѣ моей всегда жилъ и живетъ его образъ, какъ истиннаго педагога-дѣятеля, въ родѣ Песталоцци, педагога въ самомъ чистомъ видѣ, безъ всякихъ примѣсей, какихъ я больше уже не встрѣчалъ никогда. Въ немъ, на мой взглядъ, кромѣ учителя, не было и тѣни — ни чиновника, ни карьериста, ни спекулятора, ни честолюбца, ни чего-либо иного антипедагогическаго, тогда какъ во всѣхъ другихъ русскихъ людяхъ, посвятившихъ себя педагогическому дѣлу, какъ того времени, сравнительно болѣе идеальнаго, такъ особенно новѣйшихъ, непремѣнно замѣчаются какія-либо изъ этихъ подмѣсей: тотъ гонится за наживой, тотъ—за чинами и орденами, тотъ—за завиднымъ и почетнымъ положеніемъ; тотъ корчитъ изъ себя великаго человѣка, исключительную личность,

генія; тотъ унижается и виляетъ передъ сильными людьми; тотъ ищетъ карьеры, тотъ—доходовъ, тотъ—популярности. Ничего подобнаго не было въ Резенерѣ. Потому-то Резенеръ и умеръ безъ чиновъ и безъ денегъ, такимъ же бѣднякомъ, какимъ прожилъ всю жизнь, почти нищимъ, но до конца вѣрнымъ своимъ идеаламъ и правиламъ, какъ настоящій праведникъ, тогда какъ другіе легко измѣнили всему, что шумно и краснорѣчиво провозглашали, приобрѣтая этой измѣной благосклонность властей, чины, ордена, видныя и выгодныя должности. Примѣромъ такого педагога—переметной суммы—когда-то шумно либеральнаго, а потомъ беззастѣнчиво ретрограднаго, съ легкимъ сердцемъ перекрасившаго въ новый цвѣтъ свои собственныя педагогическія сочиненія, лучше всего можетъ служить С. И. Ми—скій, о которомъ мнѣ еще придется вспоминать.

Ө. Ө. Резенеръ, по своимъ воззрѣніямъ, былъ педагогъ-радикалъ, требовавшій полнаго переворота въ господствующей системѣ воспитанія и обученія, на началахъ свободы, уваженія къ личности, преобладанія реальныхъ знаній и наглядности. А въ жизни онъ былъ больше педагогъ-дѣятель, нежели книжникъ: ему недостаточно было развивать свои идеи въ засѣданіяхъ, въ формѣ фразистыхъ рѣчей, или излагать ихъ въ краснорѣчивыхъ статьяхъ на страницахъ журналовъ, хотя онъ умѣлъ отстаивать свои убѣжденія и пропагандировать свои идеи не хуже другихъ. Это Резенеръ доказалъ превосходно, во-первыхъ, своимъ личнымъ участіемъ въ засѣданіяхъ педагоговъ военно-учебныхъ заведеній передъ преобразованиемъ кадетскихъ корпусовъ въ военныя гимназій, во-вторыхъ, своимъ участіемъ въ журналѣ „Учитель“, который одно время, когда его оставилъ Н. Хр. Вессель, находился подъ негласной редакціей Резенера въ товариществѣ съ А. Я. Гердомъ, А. Н. Страннолюбскимъ и П. П. Фанъ-деръ-Флитомъ.

Въ бесплатной Василеостровской школѣ, о которой было упомянуто, примѣнялись на дѣлѣ радикальныя педагогическія идеи и убѣжденія Резенера. для котораго прежде всего было необходимо дѣло, живое педагогическое дѣло, учить и воспитывать, „уча воспитывать“, а словесныя препирательства и журнальныя статьи были не цѣлью, не настоящимъ дѣломъ, а только средствомъ и спутниками настоящаго дѣла. Въ школѣ, во-первыхъ, не допускалось никакого насилія, никакой сверху установленной дисциплины. Учителя-добровольцы были обязаны вести дѣло обученія такъ, чтобы оно само, внутреннимъ интересомъ своимъ, привлекало дѣтей, чтобы нужная для успѣховъ дисциплина вырабатывалась и устанавливалась сама собой, самими учениками, безъ распоряженія и приказанія учителя, помимо его авторитета, во всякомъ случаѣ—безъ всякихъ проявленій власти. Во-вторыхъ, какъ само собой вытекаетъ изъ предыдущаго, не допускалось не только никакихъ наказаній и наградъ, но даже похвалъ и порицаній. Учитель училъ и работалъ, пока дѣти хотѣли учиться, пока преподаваніе занимало ихъ и удерживало въ классѣ живымъ интересомъ своего содержанія и доступностью формы; въ противномъ случаѣ, они имѣли право совершенно свободно убѣгать изъ класса или повыскакивать въ окно, промѣнять классную комнату, съ учителемъ и учениками, на дворъ или садъ, съ играми и бѣганьемъ. Въ-третьихъ, въ обученіи преобладало сообщеніе реальныхъ знаній, и все обученіе было проникнуто началомъ наглядности и освобо-

ждено отъ книжнаго характера. Повидимому, въ этой школѣ было не мало общаго съ ясно-полянскою школою гр. Л. Н. Толстого, въ ея первоначальномъ видѣ. И дѣйствительно, въ первоначальныхъ педагогическихъ убѣжденіяхъ ясно-полянскаго педагога, какъ онѣ отражались въ его журналахъ, было не мало общаго съ убѣжденіями педагога-радикала Резенера. Но у послѣдняго его идеи были обоснованы глубже и тверже, вытекающія не изъ поверхностнаго барскаго дилетантизма, а потому и дѣятельность его, какъ практическое примѣненіе этихъ идей, была послѣдовательнѣе, тверже, а самъ онъ не пришелъ и не могъ придти къ тѣмъ парадоксальнымъ и малоплодотворнымъ выводамъ по вопросамъ обученія, къ которымъ пришелъ гр. Толстой въ своей послѣдней и наиболѣе надѣлавшей шуму статьѣ „О народномъ образованіи“, которая болѣе всего понравилась именно врагамъ народнаго образованія и эксплуататорамъ народа. Для меня лично переходъ отъ дилетантическихъ разсужденій и художественныхъ очерковъ гр. Л. Н. Толстого, напечатанныхъ въ журналѣ „Ясная Поляна“, къ педагогическимъ бесѣдамъ съ Резенеромъ въ его василеостровской школѣ былъ естественнымъ поступательнымъ движеніемъ. Тѣ разсужденія и очерки готовили меня къ воспринятію идей Резенера, но сами по себѣ они были слишкомъ отрывочны и шатки, сравнительно съ цѣльной и основательно поставленной педагогической теоріей Резенера. Поэтому, при воспринятіи идей послѣдняго, во время бесѣды съ нимъ и размышленій обо всемъ, что приходилось отъ него слышать, какъ-то вовсе не вспоминалось о „Ясной Полянѣ“. Только впослѣдствіи я созналъ и подготовительное значеніе ясно-полянскаго журнала для меня, какъ послѣдователя Резенера. Знакомство же съ Резенеромъ я считаю первую счастливою случайностью изъ ряда таковыхъ, выведшихъ меня на дорогу педагогической дѣятельности и нѣкоторой извѣстности, пріобрѣтенной мною на этомъ поприщѣ. Бесѣды съ Резенеромъ заставили меня много думать. Въ его ученіи я нашелъ смѣлое и широкое развитіе тѣхъ началъ, которыя робко пытался примѣнить въ Вологодской гимназій,—робко, потому что смутно сознавалъ ихъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, я искренно проникся самымъ суровымъ и отрицательнымъ критическимъ отношеніемъ къ своей прежней работѣ: какъ мало плодотворна, несовершенна и жалка она казалась мнѣ теперь! Да, о своемъ учительствѣ въ Тотъмѣ и Кадниковѣ я не могъ вспомнить безъ стыда и негодованія... Какъ захотѣлось мнѣ поскорѣе снова взяться за дѣло!.. Я въ это время не имѣлъ въ виду никакой учительской работы, но съ жаромъ и усидчиво готовился къ ней, какъ будто, не сегодня, такъ завтра, долженъ буду приняться за нее... Съ жадностью ухватился я за возможность попытать свои силы въ школѣ Резенера, который охотно допустилъ меня къ занятіямъ и вообще относился ко мнѣ доверчиво и дружески. Увы! уроки мои въ этой школѣ были не изъ удачныхъ: послѣ 20—25 минутъ моихъ наглядныхъ бесѣдъ, какъ только отъ наблюденій и опытовъ дѣло подходило къ повторенію и выводамъ, мои ученики разбѣгались, я собиралъ мои доспѣхи и уходилъ домой, весьма недовольный самимъ собой, но все-таки съ глубокимъ убѣжденіемъ, что во всякомъ случаѣ стою ближе къ живому и плодотворному, истинно-педагогическому, обученію, нежели стоялъ прежде, не только въ Кадниковѣ или въ Тотъмѣ, но и въ вологодской гимназій, что у меня нѣтъ надлежащаго умѣнья вести дѣло, но начала моего тепереш-

няго обученія вполнѣ разумны и правильны. Резенеръ доставилъ мнѣ и другой случай примѣнить на практикѣ эти новыя начала обученія, примѣнить къ преподаванію того самаго предмета, который я преподавалъ въ вологодской гимназіи. Онъ передалъ мнѣ на лѣто уроки русскаго языка младшему сыну Николая Гавриловича Чернышевскаго, который тогда былъ уже въ ссылкѣ. Александръ Чернышевскій зимою жилъ у доктора Бокова, а лѣтомъ на дачѣ, въ семействѣ родственниковъ Пыпиныхъ. Пыпины же въ этомъ году поселились въ Саратовской колоніи на берегу Невы, противъ Александровской мануфактуры, гдѣ собирался проводить лѣто и я, на одной дачѣ съ Лы—ми. Резенеру и другимъ учителямъ неудобно было продолжать занятія съ Сашей Чернышевскимъ, который осенью долженъ былъ поступить въ гимназію. Поэтому, было предложено Лы—у заниматься съ нимъ географіей, а мнѣ—русскимъ языкомъ. Понятно, что уроки были бесплатны: сынъ Н. Г. Чернышевскаго, по убѣжденію людей извѣстнаго круга, имѣлъ право на бесплатные уроки всякаго порядочнаго русскаго человѣка, имѣющаго возможность давать ихъ. Я и теперь убѣжденъ въ этомъ, потому что велики заслуги этого писателя передъ русскимъ обществомъ и тяжелы были страданія, перенесенныя имъ ни за что, ни про что, падающія несмываемымъ чернымъ пятномъ на „Эпоху великихъ реформъ“. Нечего и говорить, что я съ большой охотой принялъ на себя уроки русскаго языка сыну любимаго писателя, которому такъ много обязанъ. Я велъ эти уроки съ жаромъ и полной добросовѣстностью, но насколько умѣло и плодотворно—объ этомъ судить не мнѣ, да и не было у меня возможности узнать о результатахъ моей работы: въ августѣ 1865 года я уѣхалъ изъ Петербурга въ Воронежскую губернію, въ Новохоперскій уѣздъ, съ моимъ братомъ П. Ѳ. Бунаковымъ, который тогда управлялъ въ томъ краю большимъ имѣніемъ кн. С. А. Долгорукаго. И съ тѣхъ поръ, хотя мнѣ и часто приходилось бывать въ Петербургѣ, я больше не видалъ моего ученика, очень способнаго, но порядочно таки избалованнаго мальчика, котораго я полюбилъ всей душой. Не очень давно встрѣтилъ я его имя подъ одной статьёй въ „Русскомъ Богатствѣ“ (Оболенскаго) и слышалъ, что онъ кончилъ курсъ с.-петербургскаго университета по математическому факультету.

Я уѣхалъ изъ Петербурга по многимъ личнымъ причинамъ. Во-первыхъ, мои отношенія къ кружку, въ которомъ я вращался, стали слишкомъ натянуты и тяжелы; меня душила атмосфера этого нетерпимаго либерализма, который стремился наложить суровую, подчасъ дикую и смѣшную, регламентацію на рѣчи и поступки, чуть не на каждое слово и движеніе, личностей, къ нему причастныхъ. Во-вторыхъ, я чувствовалъ потребность въ отдыхѣ отъ всѣхъ тревогъ, волненій, разочарованій и огорченій петербургской жизни. Въ-третьихъ, надо было спокойно и основательно, вдали отъ всякихъ заботъ и отъ столичной сутолоки, обсудить и установить планъ новой жизни. Въ-четвертыхъ, и мои семейныя отношенія въ это время настолько обострились, рознь характеровъ настолько обнаруживалась, что надо было пожить въ иной обстановкѣ, чтобы отдохнуть нервами. Въ-пятыхъ, и братъ звалъ къ себѣ, рассчитывая найти во мнѣ вѣрнаго помощника въ его дѣлѣ, а мнѣ дать нѣсколько мѣсяцевъ, а можетъ

быть и годовъ, спокойной жизни, соединенной съ успокоительной работой и хорошимъ заработкомъ. Я съ удовольствіемъ выѣхалъ изъ Петербурга.

Говоря откровенно, тѣ петербургскіе люди, среди которыхъ я вращался, за небольшими исключеніями, просто отталкивали меня въ ту пору. Я ѣхалъ въ деревню, надѣясь и отдохнуть, и быть полезнымъ брату, и устроить школу для деревенскихъ ребятъ, въ родѣ василеостровской школы Резенера. Отдохнуть-то я пожалуй и отдохнулъ, но объ остальные мои надежды плохо оправдались. Брату я пользы не принесъ, потому что у меня не оказалось ни малѣйшей способности къ практической дѣятельности. Я присматривался, ѣздилъ по степямъ, ходилъ на винокуренный заводъ и въ контору, но видѣлъ, что пользы отъ моихъ посѣщеній не выходитъ, ни самъ я ничему не выучиваюсь, ни наблюдать за исполненіемъ работъ я не могу. Да и сердце мое не лежало къ этой дѣятельности. Устроить школу не удалось. Тогда еще никто не думалъ и думать не хотѣлъ о сельскихъ школахъ, объ обученіи крестьянскихъ ребятъ. Въмѣсто школы я долженъ былъ ограничиться однимъ ученикомъ, сыномъ одного изъ служащихъ въ экономіи, съ которымъ занимался усердно — и чтеніемъ, и ариѳметикой, и письменными работами, и дѣло шло, по моему мнѣнію, хорошо. Въ свободное время — а такого времени было довольно, тѣмъ болѣе, что я страдалъ бессонницей — я усердно занимался переводомъ прозаическихъ сочиненій Гейне, не для печати, а для себя, ради упражненія. Объемистыя тетради этихъ переводовъ (изъ исторіи философіи и религіи въ Германіи) долго сохранялись въ моихъ бумагахъ. Въ совокупности, эта поѣздка была очень полезна для меня. Но, кромѣ того, она имѣла нѣкоторое роковое значеніе для всей моей будущности, какъ вторая счастливая случайность, въ одномъ и томъ же направленіи подвигавшая меня впередъ.

Съ началомъ заморозковъ я собрался ѣхать обратно въ Петербургъ, намѣреваясь непремѣнно искать учительскаго мѣста или какъ-нибудь иначе возвратиться къ своему излюбленному дѣлу. До Воронежа со мной ѣхалъ братъ. Мы остановились на нѣсколько дней въ Воронежѣ. Здѣсь я узналъ о совершившемся преобразованіи воронежскаго кадетскаго корпуса въ военную гимназію и о пріѣздѣ въ это учебное заведеніе новаго директора, генерала Павла Петровича Винклера, бывшаго раньше инспекторомъ пажескаго корпуса въ Петербургѣ. Съ Винклеромъ я былъ нѣсколько знакомъ черезъ А. В. Ла—ва. Это былъ человѣкъ весьма развитой, образованный и свѣтскій, хотя довольно легкомысленный. Я вздумалъ попытаться, не найдется ли мнѣ въ воронежской военной гимназій учительской работы, и отправился къ Винклеру, который принялъ меня съ большимъ вниманіемъ и направилъ къ инспектору гимназій П. П. Глотову. Отъ Глотова я узналъ, что въ гимназій скоро предвидится вакансія преподавателя русскаго языка и словесности, но что для полученія этого мѣста необходимо познакомиться съ помощникомъ инспектора и преподавателемъ М. Ѡ. Де-Пуле, произвести на него благопріятное впечатлѣніе. Въ тотъ же день, вечеромъ, я былъ у Де-Пуле. Это былъ уже не молодой человѣкъ, на первый взглядъ сухой и нѣсколько чопорный на видъ, но страстно любившій литературу. Я зналъ его по статьямъ, которыя онъ печаталъ въ петербургскихъ журналамъ и въ воронежскихъ изданіяхъ, получившихъ широ-

кое распространение: въ „Воронежской Бесѣдѣ“, изданной Готовымъ и Де-Пуле, въ „Филологическихъ Запискахъ“. Моя бесѣда съ Де-Пуле скоро отъ моего прошедшаго перешла къ литературѣ и петербургской журналистикѣ, петербургскимъ литературнымъ кружкамъ. Де-Пуле оживился и оказался милѣйшимъ, живымъ и сердечнымъ человѣкомъ. Мы хорошо сошлись и разстались пріятелями. Мѣсто преподавателя, освобожденіе котораго ожидалось, было за мною, о чемъ на другой день сказалъ мнѣ Готовъ, принявшій меня съ удвоенною любезностью. Тогда Де-Пуле собирался въ Вильну или редакторомъ „Виленакаго Вѣстника“, на который возлагались особенныя задачи въ виду предпринимаемаго обрусенія края, или директоромъ губернской гимназіи, и его-то мѣсто было обѣщано мнѣ. Городъ Воронежъ произвелъ на меня самое пріятное впечатлѣніе: широкія и прямыя улицы, обсаженныя пирамидальными тополями; тѣнистый городской садъ; красивый памятникъ Петру Великому; чистота и опрятность, много зависѣвшая, какъ потомъ оказалось, отъ сухой осени того года съ утренними морозами, подобравшими всю грязь на улицахъ и площадяхъ; красивыя каменные постройки; на улицахъ большое оживленіе; наконецъ, знакомство съ симпатичными и интеллигентными людьми, каковы: А. Д. Гра—кій, тогда служившій чиновникомъ особыхъ порученій при Воронежскомъ губернаторѣ и собиравшійся ѣхать въ Петербургъ, чтобы держать экзаменъ на магистра, впоследствии бывшій извѣстнымъ профессоромъ петербургскаго университета и не менѣе извѣстнымъ публицистомъ; А. П. Бл—ръ, живая свидѣтельница извѣстной студенческой исторіи въ Петербургѣ съ походомъ въ Колокольную улицу, высланная въ Воронежъ, къ родителямъ, подъ надзоръ полиціи, и служившая приказчицей въ книжномъ магазинѣ; М. Г. Кот—въ, учитель математики въ губернской гимназіи, человѣкъ съ сильнымъ и острымъ умомъ, рѣзкимъ и злымъ языкомъ; М. М. Ск—а, мѣстный литераторъ, съ основательнымъ и многостороннимъ образованіемъ, которому надо бы стремиться на кафедру, но который случайно застрялъ въ Воронежѣ и растратилъ свои значительныя силы на весьма незначительныя дѣла... Все это подкупало меня въ пользу Воронежа. Кромѣ того, за Воронежъ говорила его литературная извѣстность. Родина Кольцова и Никитина, этотъ городъ уже давно привлекалъ мои симпатіи „Филологическими Записками“ и сборникомъ „Воронежская Бесѣда“ (Готовъ и Де-Пуле) съ „Записками семинариста“ и стихами Никитина, съ лекціей Каченовскаго, статьей Де-Пуле о Кольцовѣ и другими интересными статьями и матеріалами. А тутъ я узналъ, что въ Воронежѣ существуетъ частная газета „Воронежскій Листокъ“, основанная содержателемъ частной типографіи Гольдштейномъ, подъ редакціей преподавателя кадетскаго корпуса П. В. Ма—на. „Очевидно, что городъ Воронежъ — городъ живой, интеллигентный и литературный“, рѣшилъ я.

Я уѣхалъ въ Петербургъ съ пріятной надеждой возвратиться въ Воронежъ къ моему излюбленному дѣлу, въ качествѣ преподавателя военной гимназіи. Все привлекало меня туда: и городъ, и учебное заведеніе, куда я надѣялся поступить. Надо сказать, что въ военно-учебныхъ заведеніяхъ тогда повѣяло тѣмъ духомъ живого педагогическаго дѣла, который замѣтно падалъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Къ военно-учебнымъ заведеніямъ, во главѣ

которыхъ тогда стоялъ Н. В. Исаковъ, бывшій попечитель московскаго учебнаго округа, человѣкъ глубоко-гуманный, при всей его суровой генеральской внѣшности, и замѣчательно устойчивый въ своихъ стремленіяхъ,—къ этимъ заведеніямъ хлынули лучшія педагогическія русскія силы того времени. Это обстоятельство дѣлало мѣсто преподавателя военной гимназіи для меня особенно привлекательнымъ. Но открытіе свободной вакансіи въ воронежской военной гимназіи было еще гадательно, а между тѣмъ мнѣ предложено было мѣсто воспитателя полоцкой военной гимназіи, съ правомъ имѣть въ той же гимназіи уроки русскаго языка. Директоръ этой гимназіи, генераль Кузьминъ-Караваевъ, просилъ рекомендовать ему пригодныхъ людей на воспитательныя должности А. В. Ла—ва, который и указалъ ему на меня. Я далъ ему согласіе, о чемъ немедленно сообщилъ въ Воронежъ, инспектору Глову. Въ это самое время я получилъ изъ Вологды телеграмму о внезапной кончинѣ отца Ф. Н. Бунакова. Надо было ѣхать въ Вологду, чтобы привести въ порядокъ семейныя дѣла. Я опять увѣдомилъ Глова, все еще надѣясь, что воронежское мѣсто освободится раньше назначенія меня въ Полоцкъ, и уѣхалъ на родину, запасшись книгами, преимущественно педагогическаго содержанія и на нѣмецкомъ языкѣ. На погребеніе отца я опоздалъ, а семью нашелъ въ полномъ разстройствѣ, какъ понятно само собой: въ старинной русской семьѣ господствовало такое же самодержавіе, какъ въ русскомъ государствѣ, и смерть главы производила смятеніе, разстройство и анархію. Въ Вологдѣ мнѣ пришлось прожить болѣе трехъ мѣсяцевъ, до той самой поры, пока получилось извѣстіе изъ Воронежа, что мѣсто свободно, и надо поскорѣе ѣхать въ Петербургъ, просить, чтобы меня зачислили не въ Полоцкъ, а въ Воронежъ.

Послѣ отца осталось, конечно, очень мало; я и братъ Петръ Федоровичъ Бунаковъ, конечно, отказались отъ этого, болѣе чѣмъ скромнаго, наслѣдства въ пользу матери и сестеръ. Кромѣ того, матери выхлопотали маленькій пенсіонъ. Такъ уладились семейныя дѣла, пока я былъ въ Вологдѣ.

Въ Вологдѣ я засталъ еще многихъ моихъ пріятелей, и то общественное оживленіе, которое я оставилъ, выѣзжая изъ нее, продолжалось, но вступило въ новую фазу: дворянскій, чисто барскій элементъ какъ-то ступебался, измельчалъ, и общій фонъ общественной жизни получилъ чисто демократическій характеръ. Конецъ этому оживленію, какъ извѣстно, положило „Каракозовское покушеніе“.

Занимаясь привезенными книгами и шахматной игрой съ пріятелемъ моего покойнаго отца, добродушнымъ нѣмцемъ Кеберомъ, снабдившимъ меня „Критикой чистаго разума“ Канта, въ подлинникъ, я въ это время въ первый разъ выступилъ публично въ качествѣ лектора. Эти мои первыя публичныя лекціи назначались въ пользу вологжанъ-студентовъ и содержаніемъ своимъ имѣли: одна—Фребелевскую систему воспитанія (жизнь Фребеля, его педагогическая дѣятельность, его идеи, организація дѣтскаго сада и его занятія), другая такъ называемый, „женскій вопросъ“ (его исторію, его значеніе, его сущность и проявленія въ жизни, его литературу и практическія приложенія). Съ лекціями были соединены чтенія художественныхъ произведеній подходящаго содержанія, исполненныя искусными мѣстными чтецами: Ф. А. Ар—вымъ,

Ник. Ал. Сѣ—мъ, Л—ю П—ой Ше—й и др. Сборъ былъ не особенно большой но удовлетворительный для такого небольшого города, какъ Вологда. Собиралась больше молодежь и преобладалъ въ массѣ слушателей женскій элементъ. Отчетъ о сборѣ и употребленіи его былъ напечатанъ въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“. Катковъ не преминулъ въ своей газетѣ кольнуть „вологодскихъ либераловъ“, устраивающихъ публичныя чтенія „въ пользу студентовъ“, да еще съ такимъ содержаніемъ, какъ эмансипація женщинъ. Но тогда на Каткова еще не обращали особеннаго вниманія (1865 г.), а большинство—и въ обществѣ, и въ литературѣ—относилось къ нему равнодушно или презрительно: нравы еще не повредились...

До какой степени въ то время еще сохранялась свобода нравовъ, мыслей, рѣчей, это видно изъ слѣдующаго. При мнѣ въ Вологдѣ происходилъ гласный военный судъ. Судили солдатика, который обвинялся въ томъ, что онъ поднялъ руку на офицера. Улики были слабыя, личность офицера—крайне сомнительнаго нравственнаго достоинства, и преступленіе весьма гадательно; но дѣло было предрѣшено въ высшихъ сферахъ, и присланный аудиторъ имѣлъ порученіе привести его къ желанному концу: солдатика ждало неизбѣжное разстрѣляніе. Впрочемъ, для формы былъ назначенъ защитникъ изъ мѣстныхъ офицеровъ. Такъ какъ это былъ малый довольно пустой, неспособный сколько-нибудь сносно исполнить возложенное на него дѣло, то мѣстная молодежь, все еще не потерявшая надежды спасти несчастнаго отъ смертной казни, сообща написала защитительную рѣчь, возложивъ на меня ея редакцію. Судъ происходилъ въ обширномъ залѣ дворянскаго дома. Обвинитель сказалъ очень плохую и бездоказательную рѣчь, которая не блистала ни содержаніемъ, ни формой, да и сказана была безтолково и невыразительно. Нашъ защитникъ читалъ сочиненную ему рѣчь по тетрадкѣ, и читалъ совершенно неумѣло, хотя не безъ офицерскихъ претензій на эффектъ. Окончивъ, онъ трагическимъ жестомъ швырнулъ свою тетрадь на столъ; вышло нѣчто весьма комическое. Но вотъ чего не предвидѣли ни сочинители рѣчи, ни самъ защитникъ, и вотъ что посадило его на мель: обвинитель хотя и слабо и бессмысленно, но все-таки отвѣчалъ, настаивая на обвиненіи, а защитникъ не нашелся ни однимъ словомъ обмолвиться въ отвѣтъ. Все-таки рѣчь его, т.-е. не отвѣтная, которой не было, а первая, вызвала шумныя и дружныя рукоплесканія публики, явно выражавшей сочувствіе обвиняемому; при этомъ защитникъ опять трагически замахалъ руками, обращаясь къ публикѣ: „что молъ вы дѣлаете? Этого нельзя: рѣчь моя прекрасна; я заслуживаю рукоплесканій, но не надо, не надо ихъ“. И точно: публика получила замѣчаніе отъ предсѣдателя и угрозу подвергнуться изгнанію. Солдатика разстрѣляли, а пріѣзжій аудиторъ развѣзжалъ по городу съ оправдательными объясненіями по поводу сво его участія въ смертномъ приговорѣ: до него дошли слухи о враждебномъ настроеніи общества по отношенію къ нему. Довольно многочисленный кружокъ дамъ и молодыхъ людей служилъ панихиду по казненномъ солдатикѣ, на его могилѣ за городомъ, нисколько не маскируя своего негодованія по поводу этой смерти. Тогда это еще было можно безъ всякихъ опасеній. Не думали и не предвидѣли эти добродушные протестанты, что эта насильственная смерть—только начало того безчисленнаго ряда насильствен-

ныхъ смертей, которыми были ознаменованы частью 60-ые, затѣмъ 70-ые и частью 80-ые годы, завершившіеся кровавой катастрофой 1-го марта...

Чаще другихъ знакомыхъ я видѣлся въ Вологдѣ съ секретаремъ статистическаго комитета Вас. Ген. Пи—мъ, который въ это время уже былъ женатъ. Какъ онъ, такъ и его молодая жена, Л—ь Н—а, сдѣлались моими истинными друзьями, и много пріятныхъ часовъ провелъ я въ этой милой семьѣ за чаемъ въ простой сердечной дружеской бесѣдѣ. Этотъ милѣйшій изъ людей умѣлъ горячо отдаваться излюбленному дѣлу и упорно работать, увлекаая за собой и другихъ. Юристъ по образованію, ученикъ Побѣдоносцева, для котораго возможна была блестящая судебная карьера, когда совершалась судебная реформа, онъ уже не могъ или не хотѣлъ оторваться отъ статистическаго дѣла и остался вѣренъ ему передъ всѣми служебными соблазнами. Сколько мнѣ извѣстно, онъ и теперь живетъ въ Костромѣ и остается секретаремъ статистическаго комитета, при всей умѣренности получаемаго содержанія и невыгодности общественнаго положенія, соединенныхъ съ этой должностью.

Наконецъ, если не ошибаюсь, въ концѣ января или въ февралѣ 1866 г. я получилъ желанное извѣстіе изъ Воронежа о томъ, что мѣсто преподавателя свободно. Готовъ предлагалъ мнѣ безъ замедленія ѣхать въ Петербургъ и настаивать о назначеніи меня въ воронежскую военную гимназію. Я распростился съ Вологдой и уѣхалъ. Въ Петербургѣ дѣло уладилось безъ затрудненій, и въ концѣ марта я уѣхалъ въ Воронежъ черезъ Москву и черезъ Тулу, по шоссе, потому что желѣзной дороги не только до Воронежа, но и до Рязани тогда еще не было. Начинались оттепели, приближалась весна, дорога была трудная, приходилось ѣхать то на колесахъ, то на саняхъ, черезъ Оку переходить пѣшкомъ съ нѣкоторой опасностью. Въ Воронежѣ меня ждали, приближался конецъ учебнаго года, надо было готовить учениковъ къ экзамену. Пріемъ я встрѣтилъ самый радушный; общество военной гимназіи мнѣ понравилось. Съ перваго раза я почувствовалъ, что здѣсь уживусь и сяду прочно.

У.

У П Р И С Т А Н И.

Конецъ 60-хъ годовъ въ Воронежѣ 1867—1871.

С. Петино. 1893 г., января 30.

Горячо и бодро принялся я за все дѣло въ Воронежѣ, хотя начинать его приходилось при условіяхъ не особенно удобныхъ. То было время переходное отъ программъ и порядковъ кадетскаго корпуса Николаевскихъ временъ, къ программамъ и порядкамъ военной гимназіи, учрежденія педагогическаго, отъ дрессировки и выучки изъ-подъ палки къ воспитанію и обученію на началахъ уваженія къ личности, свободы, гуманности. Мнѣ поручили приготовить къ экзамену отсталое, сборное отдѣленіе 4-го класса по новой программѣ, чтобы

однихъ воспитанниковъ перевести въ слѣдующій классъ для продолженія гимназическаго курса, другихъ удалить въ юнкерское училище, какъ неспособныхъ усвоить весь гимназическій курсъ. Отдѣленіе это состояло изъ залѣвившихся взрослыхъ юношей съ самыми ограниченными знаніями, но съ большимъ запасомъ дерзости и другихъ непривлекательныхъ старо-кадетскихъ добродѣтелей. Работа была вообще трудная, а для меня, никогда еще не имѣвшаго дѣла съ подобными учениками, даже никогда не наблюдавшаго кадетской заматерѣлости, и совершенно новая. Требовалось много терпѣнія, настойчивости и такта, чтобы сдѣлать что-нибудь, а въ распоряженіи моемъ было не болѣе двухъ мѣсяцевъ. Но я не боялся работы, и, чѣмъ она была труднѣе, тѣмъ была привлекательнѣе, тѣмъ болѣе возбуждала мою энергію.

Съ новаго учебнаго года условія моихъ занятій измѣнились къ лучшему. Гимназія стала налаживаться на новый строй. Я получилъ уроки въ трехъ младшихъ классахъ, которые и были доведены мной до конца курса. Изъ нихъ только третій еще носилъ печать „кадетства“, и то не на всемъ своемъ составѣ, а на отдѣльныхъ личностяхъ, сравнительно великовозрастныхъ. Да одно отдѣленіе I-го класса представляло особенности, сильно затруднявшія дѣло. Это отдѣленіе было организовано изъ дѣтей, привезенныхъ съ Кавказа—не только плохо подготовленныхъ, но и плохо владѣвшихъ разговорнымъ русскимъ языкомъ. Но ихъ привезли при бумагѣ Великаго Князя, обязывавшей принять этихъ дѣтей въ I-ый классъ гимназіи. Эти горцы были совершенные дикари. И обученіе ихъ, и установленіе дисциплины въ этомъ дикомъ отдѣленіи представляло чрезвычайныя трудности. Но въ Воронежской военной гимназіи съ перваго раза установилось такое отношеніе ко мнѣ, что на меня именно, какъ на педагога, надо валить самыя трудныя занятія, особенно послѣ удачи моей съ отсталымъ отдѣленіемъ 4-го класса. Но какой же я тогда былъ педагогъ. Желанія работать, правда, было много, была энергія, былъ огонекъ, была, пожалуй, нѣкоторая начитанность; но настоящей педагогической закалки, массы наблюдений и опытовъ вовсе не было... Однако, надо было не отступать передъ трудностями: „назвался груздемъ—полѣзай въ кузовъ“. Въ борьбѣ съ этими трудностями для меня была немалая польза. Пришлось выработать совсѣмъ особые приемы для занятій съ отдѣленіемъ кавказскихъ дикарей, изъ которыхъ многіе потомъ стали отличными учениками, чуть не гордостью гимназіи. Одинъ урокъ въ этомъ отдѣленіи требовалъ большей затраты силъ, нежели три—четыре урока въ другомъ. Пришлось заниматься и звуковыми упражненіями, и наглядными бесѣдами, чтобы сколько-нибудь освоить этихъ дикарей и съ русской рѣчью, и съ русскимъ чтеніемъ, прежде чѣмъ приступить къ занятіямъ по данной программѣ. Я занимался съ увлеченіемъ, больше и больше втягиваясь въ работу. И работа была по душѣ, и самъ я былъ еще молодъ (мнѣ было 29 лѣтъ), силъ было много, понятія и убѣжденія достаточно опредѣлились, возможность работать, и работать такъ, какъ хотѣлось, открылась полная, трудъ вознаграждался удовлетворительно: я получалъ болѣе двухъ тысячъ, хотя и давалъ болѣе 30-ти уроковъ въ недѣлю. Я въ то время не зналъ усталости, давая по пяти уроковъ въ день въ гимназіи, цѣлые вечера просиживая за ученическими тетрадами, тщательно обдумывая каждый урокъ наканунѣ и подробно записывая его со-

держаніе и ходъ въ тотъ же день въ особую книгу. Кромѣ того, оказывалось возможнымъ давать и частные уроки, уступая настойчивымъ просьбамъ, хотя, вообще говоря, я избѣгалъ частныхъ уроковъ и нерѣдко уклонялся отъ нихъ подъ разными предлогами. Такъ мнѣ удалось отдѣлаться отъ уроковъ дочери губернатора, княжнѣ Д. В. Трубецкой, которые были предложены мнѣ по указанію А. Д. Градовскаго, при его выѣздѣ изъ Воронежа въ Петербургъ. Я, съ своей стороны, указалъ князю Трубецкому на другого преподавателя военной гимназіи, В. А. Ни—на, пріѣхавшаго въ Воронежъ вскорѣ послѣ меня. Этотъ Ни—нъ оказался фразеромъ и хлыщомъ безъ всякаго содержанія, съ которымъ я вскорѣ разошелся; но Трубецкимъ онъ умѣлъ угодить своимъ лакействомъ,— и вотъ, когда онъ сдѣлался моимъ недругомъ, и Трубецкіе стали относиться ко мнѣ враждебно, особенно, когда я присталъ къ мѣстной литературѣ и сталъ печататься въ „Воронежскомъ Листкѣ“, не спрашиваясь съ мнѣніями и вкусомъ князя, княгини и княжны.

Князь В. А. Трубецкой былъ человѣкъ очень неглупый и весьма добродушный. Князь любилъ покутить, и въ его воронежской жизни былъ случай, доказавшій, что губернія могла бы прекрасно процвѣтать и безъ губернатора. Это случилось такъ. Одинъ разъ кучеръ привезъ выпившаго и заснувшаго въ каретѣ князя домой; постоялъ, постоялъ у крыльца и полагая, что баринъ вышелъ, отпрегъ лошадей, а карету задвинулъ въ сарай, который, конечно, заперъ. Наступило утро, князя нѣтъ; проходитъ день, князя все нѣтъ. Но дѣла въ губерніи и въ городѣ все-таки шли своимъ порядкомъ и безъ участія губернатора, который нашелся только тогда, когда кучеръ вздумалъ помытъ карету: оказалось, что по сараю расхаживаетъ губернаторъ...

Товарищескій кружокъ въ воронежской военной гимназіи былъ весьма хорошъ. Всѣ работали дружно и жили ладно. Ближе другихъ я сошелся: съ другимъ преподавателемъ русскаго языка и словесности, А. И. К—скимъ, и математиками, Е. С. Гу—мъ и П. М. С—вымъ.

К—скій перешелъ въ военную гимназію изъ духовной семинаріи: Онъ былъ очень уменъ и начитанъ, свой предметъ зналъ отлично и очень много самостоятельно мыслить по вопросамъ, связаннымъ съ преподаваніемъ этого предмета. Безспорно, это былъ преподаватель столько же оригинальный, сколько дѣльный и интересный. У него было чему поучиться, и мои долгія и частыя бесѣды съ нимъ были для меня очень полезны. Онъ преподавалъ также въ женской гимназіи, гдѣ пользовался большою популярностью, и женился на одной изъ своихъ лучшихъ ученицъ, З. Ф. К—ръ, вышедшей за него противъ желанія родителей, зажиточныхъ помѣщиковъ. Впослѣдствіи К—скій нѣсколько опустился, но все-таки сохранилъ свою оригинальность, которая оживляла уже вялое и тягучее его преподаваніе. Я былъ въ отставкѣ, когда онъ перешелъ въ нижегородскую гимназію, нынѣ кадетскій корпусъ. Я слышалъ, что переселеніе опять встряхнуло этого талантливаго и оригинальнаго преподавателя и что въ Нижнемъ-Новгородѣ онъ пользуется хорошей извѣстностью. Г—ръ былъ артиллерійскій офицеръ, академикъ, вышедшій изъ воспитанниковъ воронежскаго кадетскаго корпуса, съ дѣтскихъ лѣтъ стяжавшій извѣстность самого прилежнаго и благонаправнаго человѣка. Во всѣхъ отноше-

ніяхъ онъ представлялъ собою противоположность К—скому: у него была масса старанія, аккуратности, способности къ усидчивой работѣ, настойчивости, но не было ни капли талантности, оригинальности и поэзіи. Прибавьте къ этому замѣчательное и невозмутимое самодовольство, и всякому будетъ понятна не-симпатичность этого господина, который никогда и ничѣмъ не увлекался, но упорно, настойчиво и аккуратно шелъ, идетъ и непремѣнно придетъ (можетъ быть, уже и пришелъ) къ генеральству, которое всегда было идеаломъ и цѣлью его трудовъ и стремленій. Ни къ кому такъ не пристали, какъ къ Г—ру, слова Пушкина: „всегда доволенъ самъ собой, своимъ (обѣдомъ и женой“. А жена его, Е. В., урожденная В—ая, была очень юная и наивная (между нами сказать, и очень глупенькая) институточка, съ благоговѣніемъ взиравшая на мужа, слѣпо вѣрившая въ его умъ и ученость и тоже желавшая быть или казаться и умной и ученой. И все-таки я сошелся и съ умнымъ и симпатичнымъ К—скимъ, и съ тупымъ, антипатичнымъ Гу—ромъ. Это странно, но такъ случилось. Съ К—скимъ, кромѣ его ума и оригинальности, меня, прежде всего, сблизилъ общій предметъ преподаванія, съ Гу—мъ—Фребелевскія педагогическія идеи и въ особенности идея дѣтскаго сада, которую я началъ пропагандировать еще въ Вологдѣ и которая занимала Гу—ра въ виду того, что у него уже былъ маленькій сынъ, а онъ желалъ быть хорошимъ отцомъ-воспитателемъ. Мы съ нимъ какъ-то случайно разговорились о Фребелѣ и дѣтскомъ садѣ; къ разговору присталъ К—скій, и вотъ идея связала насъ въ тѣсный кружокъ, къ которому пристали и другіе. У Гу—въ устроились собранія лицъ, интересующихся дѣломъ воспитанія: какъ водится, пили чай, читали, обсуждали, спорили. На этихъ вечерахъ возникла мысль, основать въ Воронежѣ Фребелевскій дѣтскій садъ и, въ связи съ нимъ, элементарную школу на началахъ свободы, уваженія къ личности и наглядности. Тутъ же составили и обсудили уставъ сада и школы. Осуществленіе перваго приняли на себя Гу—ры, съ участіемъ совѣта изъ педагоговъ, ихъ друзей. Осуществленіе второй (школы) взялъ на себя я единолично. Доскажу о Гу—рѣ. Благодаря своей усидчивости и трудолюбію, при всей умѣренности его умственныхъ силъ, онъ составилъ себѣ репутацію хорошаго преподавателя математики, перевелъ арифметику Серре и составилъ свой учебникъ алгебры, а лѣтъ черезъ 15 получилъ мѣсто инспектора въ одномъ изъ московскихъ кадетскихъ корпусовъ, гдѣ процвѣтаетъ и нынѣ, еще болѣе самоувѣренный и самодовольный, плотный и здоровый. Навѣрно будетъ и директоромъ, и генераломъ: такимъ людямъ всегда былъ ходъ, а въ наше время ихъ шансы удесятились.

Совсѣмъ иною личностью представлялся другой математикъ, С — въ, гвардейскій офицеръ и тоже академикъ. Человѣкъ нервный, съ изящными вкусами, знающій свое дѣло и способный, онъ не отличался ни той усидчивостью, ни той аккуратностью, ни той самодовольной увѣренностью, какими обладалъ Гу—рѣ, и только счастливая случайность двинула его впередъ почти одновременно съ Гу—ромъ: благодаря товариществу и дружескимъ отношеніямъ съ директоромъ, онъ получилъ мѣсто инспектора въ кievскомъ кадетскомъ корпусѣ. Въ военной гимназій я хорошо сошелся съ семействомъ бывшаго преподавателя военной гимназій П. В. Ма—на, и съ его зятемъ, учителемъ гимназій, М. Г. К—мъ. Ма—нъ въ свое время былъ безспорно даровитый и живой человѣкъ; онъ преподавалъ

русскій языкъ и словесность еще въ кадетскомъ корпусѣ, участвовалъ въ „Филологическихъ запискахъ“ и редактировалъ первую частную воронежскую газету „Воронежскій Листокъ“. Одна статейка въ „Листкѣ“, направленная противъ директора В—ра, была причиною гоненія противъ него: Ма—на перевели въ тамбовскій кадетскій корпусъ, предназначенный къ упраздненію, а затѣмъ оставили за штатомъ съ полнымъ пенсіономъ. Я узналъ Ма—на уже ожирѣвшимъ обжорой, который мало чѣмъ интересовался, кромѣ картъ и ѣды, а вскорѣ онъ и померъ; но съ семьей его у меня сохранились и до сихъ поръ самыя дружескія и теплыя отношенія, особенно съ двумя его сыновьями, Владиміромъ и Сергѣемъ, изъ которыхъ послѣдній—мой ученикъ; оба они уже семейные люди, служатъ въ военной службѣ и принадлежатъ къ числу самыхъ милыхъ и симпатичныхъ людей, съ какими мнѣ приходилось сталкиваться.

Математикъ М. Г. К—въ, женатый на старшей дочери М—на, З. П., былъ человѣкъ очень интересный, по своему острому и нѣсколько злому уму и языку; мнѣ чрезвычайно нравились и его многосторонность, рѣдкая въ математикахъ, и его язвительная рѣчь. Въ это время К—въ въ гимназіи былъ душою оппозиціонной партіи, которая вела борьбу съ директоромъ, Ад. Фр. С—ой и инспекторомъ Вл. О. К—кимъ. Я сблизился и съ другими членами этой партіи, особенно съ учителемъ исторіи Н. Е. С—мъ, не особенно даровитымъ, но хорошимъ работникомъ, любящимъ свой предметъ, и очень серьезнымъ человѣкомъ; я жилъ въ одномъ домѣ съ нимъ, и мы видѣлись ежедневно. Когда отношенія между враждующими сторонами слишкомъ обострились, изъ округа былъ присланъ для ревизіи профессоръ П. Л—скій, который на мѣстѣ явно держалъ сторону оппозиціи и уѣхалъ въ Харьковъ, оставивъ ей полную надежду на побѣду. Но въ Харьковѣ онъ перемѣнилъ фронтъ довольно безцеремонно, и дѣло кончилось совершенно не такъ, какъ ожидали: директора перевели въ Харьковъ, инспектора, отслужившаго 25 лѣтъ, уволили съ пенсіономъ, К—ва перевели въ Курскъ, гдѣ потомъ онъ былъ директоромъ учительской семинаріи и директоромъ училищъ и откуда недавно переведенъ директоромъ училищъ въ Вологду; перевели и кое-кого изъ другихъ членовъ оппозиціи, не тронули только безобиднаго и недалекаго преподавателя словесности Р—на, а бѣднаго С—го почему-то признали самымъ зловернымъ, что было вовсе не справедливо, и просто уволили: это былъ тихій серьезный и вовсе не вольнодумный человѣкъ. Довольно долго пришлось С—му биться, пока удалось получить мѣсто учителя исторіи, кажется, въ Оренбургской гимназіи, благодаря участію Н. В. К—ва, у котораго въ Москвѣ С—ный работалъ нѣсколько лѣтъ. Для исправленія гимназіи яко-бы крайне распущенной, прислали новаго директора, А. М. Б—ва, человѣка совершенно новаго типа, созданнаго именно министерствомъ гр. Д. А. Толстого. Бездушіе, безсердечность, что-то нечеловѣческое, а машинообразное и въ дѣйствіяхъ, и въ рѣчахъ, при чрезвычайной аккуратности и неутомимой исправности въ исполненіи служебныхъ обязанностей, понимаемыхъ узко, по-чиновнически,—вотъ сущность этого несимпатичнаго типа, не содержащаго въ себѣ ничего истинно-педагогическаго. Б—въ былъ дѣйствительно неутомимый чиновникъ, но ужъ никакъ не педагогъ. Онъ могъ съ 9-ти часовъ утра до ночи просиживать на экзаменахъ, нисколько не принимая во вниманіе утомленія

экзаменуемыхъ: сидить себѣ, да, побрякивая, ставить свои шаблонные и однообразные вопросы. Таковъ онъ былъ и въ преподаваніи, за которое, охотно брался, особенно въ 8-мъ классѣ женской гимназіи, гдѣ преподавалъ исторію и педагогику: первую онъ сводилъ на хронологію, а вторую на сухой сборникъ произвольныхъ благонамѣренныхъ правилъ и рецептовъ; но ни въ тотъ ни другой предметъ не умѣлъ и не хотѣлъ внести живого содержанія. Между тѣмъ это былъ человѣкъ несомнѣнно умный, но духъ благонамѣреннаго бюрократизма, одолѣвшій мин. народнаго просвѣщенія, съ гр. Д. А. Толстымъ во главѣ, совершенно изсушилъ и забилъ въ немъ все человѣческое. Кончилъ онъ весьма печально. Усиленная работа, по существу дѣла мало полезная, потребовавшая большой затраты силъ, довела его до болѣзни, которая заставила его выйти въ отставку. Когда онъ нѣсколько отдохнулъ и поправился, сталъ скучать бездѣйствіемъ и хлопотать о новомъ поступленіи на службу, но это не удавалось, и вотъ, живя въ Воронежѣ, онъ, отъ нечего дѣлать, принялся писать анонимные и вздорные доносы на всѣхъ—и на директора гимназіи, и на директора кадетскаго корпуса, и на реальное училище, и на женскую гимназію. Это ужъ была какая-то душевная болѣзнь, которая окончилась только съ наступленіемъ смерти. Но главнымъ чернымъ пятномъ на памяти этого ретиваго чиновника лежатъ несомнѣнные факты взяточничества, которымъ онъ запятналъ когда-то безукоризненную въ этомъ отношеніи службу по мин. народнаго просвѣщенія: даже въ Николаевскія времена, въ пору всеобщаго открытаго взяточничества, чиновники мин. народнаго просвѣщенія были въ этомъ отношеніи чисты... можетъ быть потому, что имъ никто и не давалъ взятокъ. Можетъ быть; но чистота—все-таки чистота, отчего бы она ни происходила; все-таки эта чистота въ мин. народнаго просвѣщенія стала, было, хорошей традиціей, которая прочно стояла еще въ то время, когда я служилъ въ Вологдѣ; но въ концѣ 80-хъ годовъ мин. народнаго просвѣщенія увы!.. потеряло свою невинность и утратило хорошую традицію.

Однимъ изъ первыхъ моихъ знакомствъ въ Воронежѣ, конечно, былъ новый (второй) редакторъ „Воронежскаго Листка“, мѣстный литераторъ. Г. М. В—кій это былъ въ нѣкоторомъ родѣ, „герой“ русской провинціальной прессы, отдавшій ей душу свою, и лучшіе годы своей жизни. Уроженецъ Саратова, по окончаніи университетскаго курса въ С.-Петербургѣ, онъ пріѣхалъ въ Воронежъ учителемъ исторіи, но скоро увлекся идеей создать мѣстную прессу, вышелъ въ отставку, занялся статистическими работами и принялъ на себя редакцію губернскихъ вѣдомостей. Между его статистическими работами есть весьма почтенные труды, какъ „Воронежъ въ историческомъ, топографическомъ отношеніи“. Губернскимъ Вѣдомостямъ“ онъ умѣлъ придать много жизни и содержательности. Но редактированіе официальнаго изданія не могло удовлетворить человѣка, мечтавшаго создать независимую и свободную провинціальную прессу, и Веселовскій былъ очень радъ, когда ему случилось принять на себя, отъ П. В. М—на, редакцію частной газеты „Воронежскій Листокъ“, по предложенію издателя В. А. Г—на, собственника первой частной типографіи въ Воронежѣ. Только необходимость заставляла его сохранить за собой редакцію губернскихъ вѣдомостей, но всю душу свою онъ положилъ въ эту частную газету: онъ былъ

человѣкомъ семейнымъ, и умѣренными доходами отъ „Воронежскаго Листка“ ему невозможно было существовать. Какъ ни скудно оплачивались его труды, какъ ни много всяческихъ непріятностей пришлось ему испытать въ качествѣ редактора частной газеты и свободнаго литератора-обывателя, Веселовскій вѣрилъ въ свое дѣло, любилъ его и не унывалъ, тѣмъ болѣе, что нашелъ сердечную поддержку въ своей женѣ, Н. Д. В—ской, очень милой и развитой женщиной. Я сдѣлался усерднымъ сотрудникомъ „Воронежскаго Листка“, печатая въ немъ статьи самаго разнообразнаго содержанія (1866, 67, 68 гг.). Доскажу о дѣятельности и личности В—скаго, какъ „героя“. Потомъ онъ приобрѣлъ въ собственность другую частную газету „Донъ“, завелъ свою типографію и до сихъ поръ остается мѣстнымъ воронежскимъ журналистомъ, продолжая изданіе „Дона“ болѣе 20-ти лѣтъ. Потерявъ первую жену, онъ женился на другой, и во второй женѣ, В. Я. В—ской, тоже нашелъ поддержку и дѣятельнаго сотрудника, п. ч. это была женщина съ умомъ и характеромъ. Теперь онъ опять овдовѣлъ но по-прежнему бодро и дѣятельно ведетъ свою газету, несмотря на небывалыя цензурныя затрудненія, раздѣляя труды съ сыномъ, В. Г. В—скимъ. Правда, по содержанію газета бѣдновата и пустовата, но при существующихъ цензурныхъ порядкахъ трудно и ожидать отъ мѣстной воронежской газеты чего-либо лучшаго. Теперь цензоръ ея Воронежскій вице-губернаторъ Дм. Мих. П—къ: хотъ онъ и литераторъ, печатающій бездарныя и шаблонныя повѣсти въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, но такой сухарь, такой ограниченный и черствый чиновникъ, что хуже всякихъ цензоровъ по профессіи, какіе бывали въ Николаевскія времена.

Печатая разныя статьи по мѣстнымъ вопросамъ въ „Воронежскомъ Листкѣ“, я немедленно же принялъ участіе и въ работахъ мѣстнаго статистическаго комитета, который избралъ меня (1866 г.) своимъ дѣйствительнымъ членомъ, и въ управленіи воронежской публичной бібліотеки, въ качествѣ члена ея комитета по избранію губернатора (1868 г.), и въ „Филологическихъ Запискахъ“, о которыхъ надо сказать нѣсколько словъ особо.

Этотъ ученый журналъ, совершенно не соотвѣтствующій интеллектуальнымъ силамъ и средствамъ Воронежа, издавалъ бывшій преподаватель воронежскаго кадетскаго корпуса въ младшихъ классахъ, конечно преподаватель русскаго языка, А. А. Х—скій, дослуживавшій послѣдніе годы пенсіона уже при мнѣ, въ военной гимназіи. Человѣкъ онъ былъ весьма недалекій, съ самымъ умѣреннымъ образованіемъ, даже мало начитанный, столько же филологъ, сколько и астрономъ, преподаватель бездарный и безъ всякаго авторитета какъ между товарищами, такъ и между учениками. Неизвѣстно по какому случаю въ 50-хъ годахъ, во время общей журнальной горячки, затѣялъ онъ издавать въ Воронежѣ, гдѣ насчитывалось не болѣе 4—5 людей съ филологической подготовкой, да и то въ большинствѣ уже растерявшихъ эту умѣренную подготовку, „Филологическія Записки“. Правда, его поддержали другіе преподаватели кадетскаго корпуса М. Ф. Де-Пуле и П. В. М—нъ, люди съ солиднымъ образованіемъ, начитанные и талантливые, но все-таки этихъ мѣстныхъ силъ было слишкомъ недостаточно для изданія филологическаго журнала. Но предпріятіе Хованскаго показалось столь оригинальнымъ, что привлекло сотрудниковъ въ другихъ городахъ, особенно въ университетскихъ. Для поддержанія

его X—скому присылали свои работы даже такіе видные ученые, какъ А. Д. Галаховъ, Потенія, Бодуэнъ-де-Куртене. Много помогла X—скому „грамматика“ Говорова, первоначально напечатанная въ „Филологическихъ Запискахъ“, а потомъ ставшая изданіемъ ихъ редактора: ей посчастливилось получить большой ходъ въ учебныхъ заведеніяхъ, и она приносила хорошій доходъ издателю и автору. Были и молодые писатели-спеціалисты, начавшіе свою учено-литературную дѣятельность въ „Филологическихъ Запискахъ“, украшавшіе ихъ своими талантливими трудами, каковы: Лавренко, Чудиновъ и др. Хотя подписка шла туго, но за то и расходы издателя не велики, потому что гонорара въ „Филологическихъ Запискахъ“ не полагалось, да никто изъ сотрудниковъ его и не требовалъ. Наконецъ, во времена водворенія въ нашихъ гимназіяхъ новѣйшаго классицизма, при гр. Дм. А. Толстомъ, Хованскій добился субсидіи и поддержки отъ мин. нар. просвѣщенія. Кромѣ того, настойчивость и упорство создали ему почетную извѣстность творца перваго и единственнаго, въ смыслѣ устойчивости, русскаго филологическаго журнала.

Я напечаталъ въ „Филологическихъ Запискахъ“ за все время: 1) „Мнѣніе по поводу программы преподаванія въ военныхъ гимназіяхъ русскаго языка и словесности“ (1866 г.); 2) „Замѣтки о нѣкоторыхъ явленіяхъ нѣмецкой литературы по языкознанію и педагогикѣ“ (1867 г.); 3) „Басни Крылова, какъ нравственно-педагогическій матеріалъ (1866 г., та же статья напечатана и въ „Педагогическомъ Сборникѣ“; 4) „Очеркъ исторіи литературы и науки у Русиновъ въ Галиціи“, переводъ сочиненія Я. Головацкаго, съ предисловіемъ переводчика (1867 г.); 5) „Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ, какъ человекъ и какъ поэтъ. Значеніе его поэзіи“ (1892 г.).

Печаталъ я и корреспонденціи изъ Воронежа въ „Русскомъ Инвалидѣ“ и „Всемирной Иллюстраціи“.

Въ виду ожидавшагося открытія новаго суда, въ 1867 г., я сталъ учиться стенографическому искусству по учебнику Паульсона и Мессера (по методѣ Шольце), въ товариществѣ съ моей хорошей знакомой, А. П. Б—рь, и къ открытію суда, которое послѣдовало осенью, того же года (если не ошибаюсь), достаточно владѣлъ этимъ искусствомъ, такъ что свободно стенографировалъ на судебныхъ засѣданіяхъ, а свои стенографіи печаталъ и въ „Судебномъ Вѣстникѣ“, и въ мѣстныхъ изданіяхъ.

Я живо помню первое впечатлѣніе новаго суда. Его гласность, его открытая торжественность, его гуманное отношеніе къ личности человека, безъ различія званія и состоянія, были такъ поразительны для русскихъ людей, привыкшихъ къ инымъ порядкамъ, грубымъ, лицепріятнымъ и неопрятнымъ, что не было, кажется, ни одного человека, достаточно пожившаго и знакомаго съ русскимъ судомъ прежнихъ порядковъ, который бы оставался равнодушнымъ при видѣ этого совершенно новаго явленія въ русской жизни. Одни негодовали и злились, чувствуя оскорбленіе дворянскаго достоинства въ этой равноправности передъ судомъ и дворянина, и мужика; другіе ликовали и прямо наслаждались этимъ дѣйствительно высоконравственнымъ зрѣлищемъ новаго суда. Надобно сказать, что первый составъ новаго суда въ Воронежѣ былъ замѣчательно хорошъ, начиная съ предсѣдателя Николая Густавовича Принтца и оканчивая

секретарями и помощниками секретарей, молодыми людьми, ужъ вовсе не напоминавшими тотъ типъ, который въ старое доброе время соединялся неразрывно съ званіемъ „секретаря“. Изъ членовъ суда перваго состава я помню хорошо Калмыкова, Редигера, Арцимовича (А. А.), Давыдова, Шаркова.

Въ томъ же 1867 году весною были открыты: Г—ми, съ участіемъ совѣта изъ мѣстныхъ педагоговъ, Фребелевскій дѣтскій садъ, а осенью—и моя элементарная школа.

Чтобы приготовить мѣстное общество къ открытію этихъ учрежденій, ихъ цѣлью, значеніемъ и характеромъ, я напечаталъ въ „Воронежскомъ Листкѣ“ двѣ статьи подъ названіемъ „Въ чемъ нуждаются воронежскія дѣти“ (1867 г. №№ 50, 51, 52). Кромѣ того, мы сообща устроили публичныя чтенія въ залѣ военной гимназіи, чтобы собрать нѣкоторыя средства для основанія дѣтскаго сада, требовавшаго значительныхъ затратъ, соединяя съ этой цѣлью и болѣе полное ознакомленіе мѣстаго общества съ сущностью этого учрежденія, совершенно ему неизвѣстнаго. „Школу“, „училище“, „пансіонъ“ оно понимало, но „дѣтскій садъ“ ему представлялся какою-то непонятной диковиной: что это за „садъ“? почему „дѣтскій“? и для чего онъ нуженъ? Въ публичныхъ чтеніяхъ участвовали: К—ій, Г—ръ и я, т. е. исключительно преподаватели военной гимназіи. К—ій читалъ (по обыкновенію—по лоскуткамъ) очень оригинальный живой очеркъ „Нѣчто о воспитаніи маленькихъ дѣтей“, проводя въ немъ ту мысль, что въ нашей обыденной жизни все устраивается для взрослыхъ, для ихъ удобствъ, и ничего не дѣлается для дѣтей. Очеркъ былъ написанъ умно и тепло, хотя довольно безпорядочно. Затѣмъ читалъ я компиляцію „Руссо, Песталлоци и Фребель въ теоріи и въ практикѣ воспитанія“, которая потомъ была напечатана въ газетѣ „Воронежскій Телеграфъ“ (1869 г.). Г—ръ читалъ очень плохое и скучное описаніе устройства дѣтскаго сада и фребелевскихъ занятій, но не сумѣлъ дать живой и яркой картины жизни дѣтскаго сада. Пополненіемъ къ его чтенію была выставка фребелевскихъ дѣтскихъ работъ, красиво и со вкусомъ составленная Е. В. Г—ръ и А—й И—й Д—ой, которая готовилась быть садовницей въ воронежскомъ дѣтскомъ саду. Благодаря сбору съ чтеній, оказалось возможнымъ съ весны открыть задуманный дѣтскій садъ. Приискали квартиру съ большимъ заломъ и садомъ, на хорошемъ и удобномъ мѣстѣ, недалеко отъ центра города, но и не въ центрѣ, страдающемъ отъ пыли и городского шума,—квартиру, достаточную и для сада и для Гу—въ. Къ открытію сада и для первыхъ занятій пріѣзжалъ изъ Петербурга извѣстный педагогъ, издатель журнала „Дѣтскій Садъ“, Я—въ М—чь Симоновичъ. Это былъ добродушнѣйшій и симпатичнѣйшій человекъ, глубоко любившій дѣло воспитанія дѣтей, хорошо понимавшій дѣтскую природу, мастеръ заниматься съ дѣтьми и вліять на нихъ. Благодаря Симоновичу, дѣло дѣтскаго сада въ Воронежѣ съ перваго раза было поставлено хорошо. Садовница нашлась очень даровитая, много общающаяся. Это была А—а И—на Д—ва, о которой я уже упоминалъ, дочь преподавателя военной гимназіи, дѣвушка умная и серьезная. Ея наблюденія въ дѣтскомъ саду, очень тонкія и дѣльныя, были напечатаны въ журналѣ „Дѣтскій Садъ“, который отзывался о воронежскомъ садѣ особенно сочувственно и уважительно. Казалось, что дѣло должно было стать прочно.

Даже люди, враждебно встрѣтившіе это предпріятіе еще при зарожденіи его, повидимому, помирились съ нимъ, когда оно осуществилось. Во главѣ этихъ послѣднихъ стояла жена доктора Е. Ф. Ф—ая, молодая женщина, съ юности пылавшая не только жаждою, но честолюбіемъ громкой общественной дѣятельности, нѣсколько фразерка, съ большой склонностью порисоваться, пустить пыль въ глаза своей начитанностью, своими знаніями, своимъ свободомысліемъ. Въ существѣ дѣла, и знанія ея, и начитанность, и свободомысліе, были самыхъ умѣренныхъ размѣровъ, но она умѣла пустить, что называется. „ребромъ послѣднюю копейку“; съ ея языка такъ и сыпались—Бокль, Милль, Спенсеръ и пр., хотя нерѣдко случалось замѣчать, что ея цитаты изъ названныхъ авторовъ грѣшили противъ истины. Всякое лицо, почему-либо выдвинувшееся въ мѣстной жизни изъ ряда, всякая новинка, почему-либо замѣчательная, возбуждала въ этой особѣ ревнивое или завистливое чувство, и она или примыкала къ дѣлу съ своимъ участіемъ, стараясь занять, если не первенствующую, то все же видную роль, или заявлялась яростнымъ врагомъ его. Такъ было и въ дѣлѣ дѣтскаго сада: госпожа Ф—ая сперва печатала враждебныя (и, говоря откровенно, довольно глупыя) статейки противъ предпріятія Гу—въ, впрочемъ не подписываясь подъ ними, и мнѣ пришлось вести съ ней довольно рѣзкую полемику. Когда же дѣло пошло, она поспѣшила познакомиться съ Гу—ми и совсѣмъ нашимъ кружкомъ. Но, къ сожалѣнію, дѣтскому саду не суждена была продолжительная жизнь. Гу—ры не умѣли (или не хотѣли) придать этому дѣлу прочность. Оно скоро стало тяготить ихъ: онъ былъ слишкомъ черствъ для такого дѣла, требующаго любви, энтузіазма, теплоты, а она анемична, вяла и безцвѣтна. Дѣло держалось Д—й, но она ушла; число дѣтей стало уменьшаться, расходы не покрывались доходами; хотя въ расходахъ принимали участіе не одни Г—ры, а всѣ члены кружка, создавшаго дѣло, но бѣда въ томъ, что у Гу—въ, очевидно, и охота къ дѣлу пропала, и умѣнья справиться съ нимъ не было... и къ осени, т. е. какъ разъ передъ открытіемъ элементарной школы, которая создавалась, какъ непосредственное продолженіе дѣтскаго сада, садъ былъ закрытъ.

За лѣто все было приготовлено къ открытію школы: квартира, классная мебель, учебныя пособія. Для этихъ приготовленій мнѣ пришлось прибѣгнуть къ займу, такъ какъ своихъ свободныхъ денегъ у меня не было: школѣ пришлось начинать дѣло съ долгомъ въ 210 рублей, уплата коего была разсрочена на 3 года. Понятно, что квартира была нанята самая скромная: двѣ небольшія классныя комнаты, зальце для игръ и пѣнія нѣсколько больше, да совсѣмъ маленькая столовая для завтрака. Понятно, что и учебныя пособія были приобретены самыя необходимыя и недорогія. Плата за обученіе была назначена 5 рублей въ мѣсяць, а на каждый десятокъ платныхъ было постановлено принимать нѣсколько бесплатныхъ дѣтей, смотря по средствамъ школы.

Наконецъ, 15 августа 1867 года школа была открыта и производился пріемъ дѣтей, а 16-го въ ней начались правильныя занятія. Я живо помню не только моихъ первыхъ сотрудниковъ и сотрудницъ, но и первыхъ учениковъ и ученицъ школы, хотя съ тѣхъ поръ прошло болѣе 25 лѣтъ. Это была въ моей жизни такая свѣтлая, радостная, истинно-праздничная пора... Какъ же я

могу забыть ее. Какъ живой рисуется въ моемъ воображеніи нашъ законоучитель, дьяконъ военной гимназіи, А—ѣй Н—вичъ Чуевъ, единственный вполнѣ хоропій законоучитель для маленькихъ учениковъ, какого пришлось мнѣ встрѣтить за всю жизнь. Какъ занимательно, просто, живо и сердечно онъ бесѣдовалъ съ дѣтьми. Какъ умѣлъ онъ въ своихъ урокахъ соединять простоту и ясность съ подобающей важностью, ласковость съ серьезностью, игривость съ дѣльностью. Какъ онъ умѣлъ заинтересовать маленькихъ учениковъ своими разговорами, рассказами, своими чрезвычайно живыми, наглядными и понятными объясненіями. Какъ умѣлъ разнообразить свои уроки, чередуя свои бесѣды съ рассказами, съ разсматриваніемъ картинъ, съ хоровымъ пѣніемъ. Какъ любили дѣти его уроки и его самого. Какъ весело и радостно они встрѣчали своего законоучителя и какъ искренно сожалѣли, если почему-либо онъ не приходилъ въ школу и пропускалъ свои уроки. У него были всѣ данныя, чтобы сдѣлать Законъ Божій для дѣтей любимымъ предметомъ, и занимательнымъ, и легкимъ, и полнымъ воспитывающаго значенія: и природный умъ, далеко не дюжинный, и нужныя знанія, и пониманіе дѣтской природы, и большое умѣнье красиво, вѣрно, но просто и понятно рассказывать и объяснять, и рѣдкое искусство разговаривать съ дѣтьми, и сердечность, и ласковость, и терпѣніе, и прекрасный, полный и гибкій голосъ, и внушающая уваженіе наружность, и подходящая манера держать себя, то величественная, то простая.

Какъ живая рисуется въ моемъ воображеніи первая изъ приглашенныхъ мною къ участию въ школѣ учительницъ, Н—а Я—на Л—на, работавшая въ ней болѣе пяти лѣтъ. Эта миниатюрная блондинка, съ дѣтскимъ личикомъ и взглядомъ, тихая и скромная, содержала въ своей душѣ цѣлое море любви къ дѣтямъ. Она не столько умомъ, сколько сердцемъ, чутьемъ какимъ-то, добралась до истинно-педагогическаго обученія маленькихъ дѣтей, не только легко усваивая, но и создавая силою своей любви къ дѣтямъ истинно-педагогическіе приемы сообщенія дѣтямъ знаній и вліянія на нихъ. Ея классъ дѣйствительно больше походилъ на семью, нежели на школу, чего именно и хотѣлось мнѣ: въ немъ царила живая и теплая любовь, дружная и бодрая работа, но не было никогда ни скуки, ни брани, ни слезъ.

Какъ живой рисуется въ моемъ воображеніи В—я Я—въ, сынъ мирового судьи, теперь уже бородатый семьянинъ и присяжный повѣренный. Это былъ способный, пытливый и ласковый мальчикъ, съ прекрасными задатками. Я впоследствии слышалъ отъ него теплыя рѣчи о школѣ и его учительницѣ, Надеждѣ Яковлевнѣ Левиной.

Какъ живая, рисуется въ моемъ воображеніи и первая дѣвочка, приведенная въ школу одновременно съ В. Я—мъ, Маша П—ва, дочь начальника газетнаго стола и губернской типографіи, бойкая, черноглазая рѣзвуха, теперь тоже мать и воспитательница своихъ дѣтей.

Я и до сихъ поръ не могу представить себѣ этихъ учениковъ школы взрослыми и солидными людьми—одного женатымъ, другую—замужней: въ моихъ глазахъ и въ моемъ воображеніи они, должно быть, навсегда останутся кроткимъ Володей, съ задумчивымъ взглядомъ, и рѣзвухой Машей, съ черными глазками.

Недавно случилось мнѣ въ педагогическомъ журналѣ прочитать прочувствованную статейку, подъ названіемъ „Памяти А. А. К—ва“. Въ этой статейкѣ говорится съ чувствомъ горькаго сожалѣнія о преждевременной кончинѣ преподавателя исторіи въ лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ въ Москвѣ, А. А. К—ва, рисуется свѣтлый образъ талантливаго и любящаго педагога, котораго оплакивали и товарищи, и начальники, и ученики. Статейка пканчивается такими словами: „Такое отношеніе дѣтей къ своему учителю (въ память его ученики рѣшили устроить на свои средства историческую бібліотеку его имени) служить безспорнымъ свидѣтельствомъ о его высокихъ достоинствахъ. Съ болью въ сердцѣ многіе говорили изъ нихъ, что такого учителя имъ не видать... Міръ праху твоему (говоритъ г. В. Ермиловъ, авторъ статейки), дорогой товарищъ и честный гражданинъ! Въ сердцахъ твоихъ учениковъ ты посѣялъ доброе сѣмя, неувядающее вовѣкъ! Если бы въ нашей педагогической семьѣ было побольше такихъ благородныхъ, нѣжныхъ и любящихъ молодежь учителей, тогда спокойно, безъ боязни, можно было бы смотрѣть на ближайшее будущее русской школы“.

А въ моемъ воображеніи рисуется не педагогъ Александръ Алексѣевичъ, а Саша К—въ, бѣленькій мальчикъ, съ большими свѣтлыми глазами, ученикъ моей воронежской школы, и никакъ не могу я вообразить себѣ этого милаго Сашу солиднымъ педагогомъ; но при чтеніи статьи г. Ермилова невольныя слезы неудержимо катятся изъ моихъ глазъ: рано скончался онъ, этотъ милый, любящій Саша... Грустно.

Я принималъ живое, непосредственное участіе въ занятіяхъ школы не только общимъ наблюденіемъ, не только давая извѣстный строй и характеръ моему маленькому учебно-воспитательному учрежденію (въ первое время въ двухъ классахъ школы было не болѣе 20—25 дѣтей), но по мѣрѣ возможности и давая въ ней уроки. Пользуясь такъ называемой большой (т. е. часовой) перемѣной и другими промежутками между уроками въ военной гимназій, я успѣвалъ бывать въ школѣ ежедневно и наблюдать, и давать уроки, и бесѣдовать съ моими сотрудниками, и чувствовалъ себя здѣсь такъ хорошо, какъ рыба въ водѣ. Счастливая была пора!

Но мое положеніе въ военной гимназій, при наилучшихъ отношеніяхъ къ товариществу и начальству, при вполнѣ благопріятномъ мнѣніи, которое составилось обо мнѣ, все еще не было надлежащимъ образомъ упрочено: я былъ исправляющій должность, сверхштатный преподаватель и не имѣлъ правъ на званіе „штатнаго преподавателя“ гимназій. Чтобы пріобрѣсти эти права, надо было ѣхать въ Петербургъ, сдать довольно серьезный по программѣ экзаменъ въ особой комиссіи при главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній и представить подробный отчетъ о своемъ преподаваніи за годъ. Все это я продѣлалъ благополучно въ 1868 году. Пришлось прожить недѣли три въ Петербургѣ. Предсѣдателемъ экзаменной комиссіи былъ В. В. Авиловъ, два раза ревизовавшій преподаваніе въ воронежской военной гимназій при мнѣ, человѣкъ, расположенный ко мнѣ; онъ придалъ экзамену характеръ свободной бесѣды и главное вниманіе комиссіи обратилъ на письменные отвѣты по грамматикѣ и по исторіи литературы, за которыми мнѣ пришлось просидѣть цѣлый день. Отчетъ я

составилъ еще лѣтомъ 1867 года, за учебный 1866—7 годъ, живя на отдыхѣ въ деревнѣ у брата Петра Ѳедоровича, который все еще управлялъ имѣніемъ князя Долгорукова въ Новохоперскомъ уѣздѣ. Экзаменная комиссія признала его „вполнѣ удовлетворяющимъ цѣли“, съ которою онъ вызванъ управленіемъ военно-учебныхъ заведеній, согласно § 33 правилъ объ испытаніи лицъ, желающихъ занять мѣсто преподавателей въ военныхъ гимназіяхъ“. Отчетъ мой былъ напечатанъ въ „Педагогическомъ Сборникѣ“ за 1868 годъ, съ уплатою мнѣ установленнаго гонорара (60 р. за листъ), и въ томъ же году я получилъ права штатнаго преподавателя и былъ утвержденъ въ должности. Поѣздка въ Петербургъ для экзамена дала мнѣ случай сблизиться съ редакторомъ „Педагогическаго Сборника“, Н. Х. Весселемъ, и я сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ этого журнала, который издавался главнымъ управленіемъ военно-учебныхъ заведеній и хорошо оплачивалъ авторскій трудъ. Я напечаталъ въ немъ слѣдующія мои работы:

1. „Басни Крылова, какъ нравственно-педагогическій матеріаль“ (1868 г.).
2. „Отчетъ о преподаваніи русскаго языка въ воронежской военной гимназіи за 1866—7 учебный годъ“ (1868 г.).
3. „Отчетъ моей школы въ Воронежѣ“ за 1867—8 учебный годъ (1869 г.).
4. То же за 1868—9 учебный годъ (1870 г.).
5. „Педагогическій элементъ въ поэзіи Кольцова“ (по поводу открытія памятника Кольцову въ Воронежѣ, 27 октября 1868 г.) (1869 г.).
6. „Замѣтки по народному образованію въ Россіи“ въ 1868—1869 гг. (1870 г.).
7. „Замѣтки о преподаваніи словесности въ военныхъ гимназіяхъ“ (1870 г.).
8. „Объ условіяхъ воспитанія въ военныхъ гимназіяхъ“ (1871 г.).
9. „О классномъ разборѣ стихотворенія Пушкина „Поэтъ“ (1871 г.).

Впрочемъ, я принималъ участіе въ качествѣ сотрудника и въ другихъ педагогическихъ журналахъ: въ „Учителѣ“, „Дѣтскомъ Саду“, въ „Семьѣ и Школѣ“. Въ „Учителѣ“ І. И. Паульсона я напечаталъ двѣ статьи нѣсколько полемическаго характера, которыми нажилъ себѣ немало враговъ въ Воронежѣ: „Педагогическіе курсы для приготовленія народныхъ учителей въ Воронежѣ“ (1870 г., № 13—14), „Комическій экзаменъ въ Воронежѣ“ (въ женской гимназіи: учительница княжна Трубецкая, учитель Петропавловскій) (1870 г., № 15—16). Первая статья была направлена противъ недобросовѣстности, вторая—противъ тщеславія въ педагогическомъ дѣлѣ, какъ элементовъ крайне вредныхъ и опасныхъ.

Въ „Дѣтскомъ Саду“ я напечаталъ: разборъ книги Блинова „Ученье—свѣтъ“, три разсказа подъ рубрикой „Изъ жизни дѣтей“, „Уроки начальной русской грамматики“. О работахъ, напечатанныхъ въ „Семьѣ и Школѣ“, скажу ниже.

Въ 1869 г. мнѣ случилось принять усиленно дѣятельное участіе въ мѣстной воронежской прессѣ вотъ по какому случаю. Г. М. В—скій, редактировавшій „Воронежскій Листокъ“, прибрѣлъ въ собственность другую частную мѣстную газету „Донъ“, которая стала выходить въ 1868 году и съ которой онъ велъ раньше горячую полемику. Эту газету издавалъ кружокъ изъ губернаторскихъ чиновниковъ, подъ редакціей М. М. С—ды и съ участіемъ самого губернатора (кн. В. А. Трубецкого), составлявшаго „земскую хронику“. Въ полемикѣ про-

тивъ „Дона“, съ его нѣсколько ретрограднымъ и заносчивымъ характеромъ, я принималъ дѣятельное участіе, печатая „Веселыя письма о скучныхъ матеріалахъ“, подъ псевдонимомъ „Степнякъ“. Приобрѣтя свою газету и типографію, В—скій однако же не отказывался и отъ редакціи „Воронежскаго Листка“, пригласивъ С—у оставаться номинальнымъ и отвѣтственнымъ редакторомъ „Дона“. Это было со стороны Веселовскаго довольно недобросовѣстно: издатель Г—нъ, по контракту, не могъ устранить его отъ редакціи безъ уплаты значительной неустойки, а оставлять газету въ рукахъ издателя другой газеты, конкурирующей съ „Листкомъ“, было невозможно. Очевидно, что В—му хотѣлось или утопить „Листокъ“, или сорвать съ Г—на неустойку. То и другое дурно и заслуживаетъ порицанія. Такое безвыходное положеніе заставило Г—на прибѣгнуть къ хитрости: онъ въ концѣ 1868 прекратилъ изданіе „Воронежскаго Листка“, а съ 1869 года началъ издавать новую газету „Воронежскій Телеграфъ“, редакторомъ которой воленъ былъ пригласить, кого угодно. Его выборъ палъ на меня. Но меня не утвердили въ званіи отвѣтственнаго редактора, какъ лицо неблагонадежное: въ это время я уже потерялъ расположеніе губернатора кн. Трубецкаго, когда-то предлагавшаго мнѣ давать уроки его дочери и назначавшаго меня членомъ отъ правительства въ комитетъ воронежской публичной бібліотеки. Да и вообще отношеніе къ печати становилось суровѣе, подозрительнѣе. Тогда отвѣтственнымъ редакторомъ былъ приглашенъ мой товарищъ по военной гимназіи, только что вышедшій въ отставку, А. А. Х—ій, издатель „Филологическихъ Записокъ“, какъ лицо вполне благонадежное, а я сдѣлался дѣйствительнымъ, негласнымъ редакторомъ газеты, съ вознагражденіемъ по 75 р. въ мѣсяцъ. Вотъ съ 1 января 1869 года я и запрегся въ новую работу, которой приходилось отдавать ужъ ночь, потому что днемъ свободнаго времени у меня не было. Пришлось не только редактировать, но просто-на-просто „сочинять“ газету, потому что гонорара за статьи не полагалось, да и трудно было въ Воронежѣ найти сотрудниковъ—не говорю талантливыхъ, но даже просто умѣлыхъ. Попадались случайныя пригодныя статьи и готовые матеріалы, въ родѣ отчета школы, а сплошь да рядомъ весь №, отъ начала до конца, надо было скомпилировать самому. Х—ій и не имѣлъ времени, и не могъ быть полезнымъ для газеты, а скорѣе мѣшалъ и вредилъ ей своими опасеніями, сомнѣніями, протестами. И чего только не писалъ я для „Воронежскаго Телеграфа“, заправляя имъ восемь или девять мѣсяцевъ: и передовыя статьи самаго разнообразнаго содержанія, по самымъ разнообразнымъ вопросамъ—экономическимъ, юридическимъ, земскимъ, школьнымъ и проч., и повѣсти, и статьи публицистическія, педагогическія, статистическія, критическія, и обзоръ внутренней жизни въ Россіи въ связи съ жизнью мѣстной, и театральные очерки, и фельетоны, и полемику, и отчеты о судебныхъ засѣданіяхъ, и мелкія замѣтки! На мнѣ же лежала и послѣдняя корректура. Словомъ, работы было очень много,—утомительной, срочной работы, преимущественно ночной. Но все это бы ничего, если бы меня не терзала постоянная возня съ отвѣтственнымъ редакторомъ, который оказался далеко не такимъ покладистымъ, какъ предполагалось. Человѣкъ мало развитой, недалекій, трусливый и склонный къ угодливости, онъ придирался къ мелочамъ, задерживалъ статьи, дѣлалъ нелѣпыя купюры, дикія при-

бавленія и вставки. Измученный бессонными ночами и этой утомительной борьбой съ отвѣтственнымъ редакторомъ, я, наконецъ, разругался съ нимъ, отказался отъ участія въ газетѣ и заболѣлъ экземой. Пришлось мѣсяца четыре просидѣть дома и пролечиться. Только въ январѣ 1870 года я имѣлъ возможность приняться за свое дѣло въ военной гимназіи и въ школѣ,—и съ какой радостью, съ какой энергіей принялся за это дѣло, совсѣмъ позабывъ о тяжелыхъ мѣсяцахъ моего редакторства, разъ навсегда рѣшивши никогда не возвращаться къ подобной работѣ, особенно при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ я долженъ былъ вести „Воронежскій Телеграфъ“. Газета, конечно, продолжалась, продолжается и теперь. Просматривая ее и другую мѣстную газету „Донъ“, время отъ времени я, по совѣсти, безъ самообольщенія и безъ лишней скромности, могу сказать, что мой „Воронежскій Телеграфъ“ былъ далеко лучше: серьезнѣе, разнообразнѣе, содержательнѣе и съ болѣе опредѣленнымъ мѣстнымъ характеромъ. Я, редактируя мѣстную газету, держался того убѣжденія, что она и должна быть „мѣстной“ газетой, отражая съ возможною полнотой „мѣстную“ жизнь въ связи съ жизнью общерусской, рассматривая общіе вопросы съ „мѣстной“ точки зрѣнія, слѣдя за „мѣстными“ интересами, настроеніемъ „мѣстной“ общественной жизни, нуждами и потребностями „мѣстнаго“ населенія. Не то замѣчается въ воронежскихъ газетахъ теперь: въ нихъ печатаются переводныя повѣсти, иностранныя телеграммы, разныя извѣстія, преимущественно курьезныя, перепечатаваемые безъ всякаго толку изъ столичныхъ газетъ, но нѣтъ ничего мѣстнаго, кромѣ вздорныхъ сплетенъ, и о воронежской жизни, общественной, земской, экономической, всего менѣе можно узнать изъ воронежскихъ газетъ. Особенно плохъ „Воронежскій Телеграфъ“, прибрѣтенный послѣ смерти Г—на вмѣстѣ съ типографіей нѣкимъ Вас. Ив. Ис—мъ, бывшимъ чиновникомъ казенной палаты, человѣкомъ тупымъ и невѣжественнымъ, составившимъ себѣ нѣкоторую карьеру и добившимся матеріальнаго благоденствія не совсѣмъ чистыми путями въ родѣ подслуживанія, угодничества и т. п. Къ „Вор. Тел.“ я больше не возвращался, но въ „Донѣ“ приходилось иногда печататься, въ качествѣ случайнаго вкладчика, когда нужно было выступать въ мѣстной прессѣ: печаталъ отчеты школы, отчеты сельскаго попечительства, вынужденныя полемическія объявленія, напр., съ д-ромъ Ф—мъ по поводу моей корреспонденціи во „Всемирной Иллюстраціи“ (О земской больницѣ), съ ред. „Вор. Телеграфа“ по поводу моей лекціи о Кольцовѣ и т. п.

Кстати о публичныхъ чтеніяхъ и лекціяхъ. Съ перваго же года жизни въ Воронежѣ я принялъ участіе въ этомъ дѣлѣ, которое въ Воронежѣ не было такой новостью и диковиной, какъ въ Вологдѣ. Первымъ моимъ публичнымъ чтеніемъ здѣсь была компиляція „объ эмансипаціи женщинъ“ въ залѣ дворянскаго собранія, въ пользу публичной библіотеки. Это не было простымъ повтореніемъ моего вологодскаго чтенія, потому что литература вопроса и разработка его въ жизни съ той поры двинулись впередъ. Такъ какъ время было достаточно либеральное (1866 г.), то я имѣлъ возможность внести въ мое чтеніе даже сонъ Вѣры Павловны изъ романа „Что дѣлать?“,—и губернаторъ кн. Трубецкой, при предварительномъ прочтеніи рукописи, написалъ на ней: „Читалъ и совершенно сочувствую“. Конечно, ни названіе романа, ни имя автора его, въ рукописи

упомянуто не было. Второе мое чтеніе, въ пользу дѣтскаго сада, въ 1867 г. въ залѣ военной гимназіи: „Руссо, Песталоцци и Фребель въ теоріи и практикѣ воспитанія“, уже было упомянуто раньше. Затѣмъ я читалъ мою статью „Басни Крылова, какъ нравственно-педагогическій матеріалъ“, напечатанную потомъ въ „Педагогическомъ Сборникѣ“ и въ „Филологическихъ Запискахъ“, на юбилейномъ торжествѣ въ память Крылова, въ 1868 г., происходившемъ въ залѣ военной гимназіи. Послѣ того я три раза участвовалъ въ чтеніяхъ въ пользу общества приказчиковъ, происходившихъ въ залѣ купеческаго собранія: въ 1869 году я читалъ „О практическомъ значеніи поэзіи и о поэмѣ Никитина—„Кулакъ“ въ 1870 году—„Современный взглядъ на искусство“ (по Тэню), въ 1870 г.—„Чему научаетъ насъ наше прошедшее?“ (по поводу книги Щапова „О социальнопедagogическихъ условіяхъ развитія русскаго народа“).

Въ первомъ изъ чтеній въ пользу общества приказчиковъ и въ чтеніи въ пользу публичной библіотеки принимала участіе и та передовая воронежская дама Ел. Вас. Фе—кая, о которой я говорилъ, вспоминая открытіе воронежскаго дѣтскаго сада: одинъ разъ она читала пѣсни Кольцова, изображающія трудное положеніе женщины въ русской семьѣ, сопровождая ихъ своими пояснительными словами, въ связи съ моимъ чтеніемъ объ эмансипаціи женщинъ, въ другой разъ картинки и сцены изъ быта „темнаго царства“, выбранныя изъ Добролюбова и Островскаго, тоже связывая и объясняя ихъ своими добавленіями. Читала она прекрасно. Я тогда былъ хорошъ съ Фе—ми и съ кружкомъ, который собирался у нихъ по понедѣльникамъ. Въ этомъ кружкѣ даже устроились домашнія публичныя лекціи: К. В. Фе—й читалъ фізіологію, я—исторію русской литературы, разсматривая словесныя произведенія, какъ отраженіе идеальной жизни народа и общества. Но вскорѣ напускной либерализмъ г-жи Фе—ой, прикрывающій довольно мелкое тщеславіе, ея ходульность и смѣшное стремленіе изображать изъ себя нѣчто великое, стоящее неизмѣримо выше среды,—все это оттолкнуло меня отъ ея кружка. Мы крупно поссорились и разошлись надолго. Въ 80-хъ годахъ было время новаго сближенія между нами, но при первомъ же удобномъ случаѣ, во время голодовки 1891—92 гг., все мелкое тщеславіе г-жи Фе—ой развернулось въ новомъ блескѣ: мы опять поссорились и разошлись, если не навсегда, то очень надолго, потому что я не могу равнодушно видѣть эту риторику въ лицахъ, эту рисовку либерализмомъ, эту картинную эксплоатацію самыхъ высокихъ идей и чувствъ въ пользу мелочнаго тщеславія. Но я отвлекся отъ публичныхъ лекцій и чтеній. О чтеніяхъ, впрочемъ, все сказано, если прибавить къ этому участіе въ разныхъ благотворительныхъ литературно-музыкальныхъ вечерахъ, на которыхъ я читалъ разные художественныя произведенія, преимущественно Некрасова и Майкова. Въ 80-хъ годахъ я остановился исключительно на публичныхъ лекціяхъ, въ смыслѣ импровизацій по программѣ, и о нихъ рѣчь еще впереди.

Хорошо и весело было работать въ военной гимназіи, въ кругу молодыхъ и симпатичныхъ товарищей, не чувствуя въ исполненіи своего дѣла ни малѣйшаго гнета начальства, оставаясь самостоятельнымъ въ выполненіи данной программы. Скоро вмѣсто генерала Винклера къ намъ пріѣхалъ другой директоръ А. П. Тыртовъ, уступавшій Винклеру по уму и образованію, но человѣкъ свѣжій,

простой, съ добрыми стремленіями, и общій ходъ воспитательно-учебнаго дѣла въ гимназіи не измѣнился. Въмѣсто Глотова, назначеннаго директоромъ въ по-лоцкую гимназію, въ воронежской гимназіи инспекторомъ былъ сперва А. С. Мамчичъ, человѣкъ очень неглупый и сердечный, но довольно пустой, а потомъ А. И. Х—въ, который рѣзко отличался отъ своего предшественника и умомъ, и образованіемъ, и большой начитанностью, но и недостаткомъ сердечности, искренности, прямоты. Всѣ служащіе въ гимназіи жили дружно, составляя одинъ кружокъ, свое маленькое (даже и не маленькое, п. ч. всего было болѣе 25 семей) общество. Устраивались спектакли, литературно-музыкальные вечера, живыя картины, собирались и всѣ вмѣстѣ, особенно у Т—хъ и Х—хъ (оба были семейные), и отдѣльными небольшими кружками.

Еще веселѣе и отраднѣе было работать въ школѣ, которая съ каждымъ годомъ развивалась, совершенствовалась, крѣпла и все глубже пускала корни въ мѣстномъ обществѣ, а общество относилось къ ней довѣрчиво и внимательно. Даже г-жа Ф.—ая, посѣщавшая школу, которая всегда была открыта и доступна для всѣхъ желающихъ познакомиться съ ней, относилась къ ней одобрительно, что рѣдко случалось съ нею по отношенію къ предпріятіямъ, въ которыхъ она не играла никакой роли. Она напечатала хвалебную статейку о школѣ и съ особеннымъ одобреніемъ отозвалась о моихъ урокахъ. Впрочемъ, это было до нашей первой ссоры, послѣ которой она просто игнорировала школу. Между тѣмъ, официальные министерскіе педагоги, а главнымъ образомъ непосредственное начальство, въ лицѣ директора губернской гимназіи Ф. С—ры, смотрѣло на школу неблагоклонно: и дисциплины-то въ ней нѣтъ, и свободы-то дѣтямъ дается слишкомъ много, и порядки-то не форменные, на примѣръ: дѣти отвѣчаютъ сидя, во время урока держатся свободно, даже (о, ужасъ!) позволяютъ себѣ обращаться съ вопросомъ къ учительницамъ, и уроковъ-то на домъ не задаютъ, и наказаній-то нѣтъ, и балловъ-то и журналовъ-то нѣтъ, и пр., и пр.

Не одобряли и ту особенность школы, что она всегда открыта для всѣхъ желающихъ слушать ея преподаваніе и видѣть ея порядки. Не одобрялось и печатаніе отчетовъ школы, но школа и лица, въ ней работавшія, мало обращали вниманія на подобные неодобрительные отзывы, продолжая вести дѣло согласно съ началами, положенными въ основу учрежденія. Полная гласность, живая связь школы съ родителями и вообще съ мѣстнымъ обществомъ, доступность ея для всѣхъ, кто интересуется дѣломъ начальнаго обученія,—это былъ одинъ изъ существенныхъ принциповъ моихъ при основаніи школы. И я постоянно печаталъ обстоятельные и откровенные отчеты школы то въ мѣстныхъ изданіяхъ, то въ столичныхъ педагогическихъ журналахъ, а отдѣльные оттиски разсылалъ родителямъ и другимъ лицамъ, или интересующимся школой, или извѣстнымъ своей педагогической дѣятельностью. За первый учебный годъ было напечатано 5 отчетовъ (4 за отдѣльные семестры, одинъ общій), потому что школа была новостью для Воронежскаго общества, съ которою хотѣлось безъ замедленія познакомить его въ подробностяхъ; за второй годъ было напечатано уже 3 отчета, а потомъ печатался уже одинъ годовой отчетъ. Этотъ отчетъ былъ поводомъ переписки и

заочнаго знакомства моего съ барономъ Н. А. Корфомъ и княжной Н. Н. Друцкой-Соколинской. Баронъ Корфъ тогда заправлялъ школами александровскаго уѣзда, екатеринославской губерніи, онъ писалъ мнѣ о своихъ школахъ и присылалъ свои превосходные отчеты, чтеніе которыхъ возбуждало во мнѣ думу о русской народной школѣ и стремленіе къ ней. Только черезъ много лѣтъ я имѣлъ случай лично познакомиться съ барономъ Корфомъ, за годъ или за два передъ его неожиданной и преждевременной кончиной, но уже въ письмахъ и отчетахъ онъ рисовался передо мной, какъ живой человѣкъ дѣла, можетъ быть, нѣсколько тщеславный и слишкомъ самоувѣренный, но зато полный энергіи. Княжна Друцкая-Соколинская устроила въ Смоленскѣ дѣтскій садъ и элементарную школу по нашему образцу и присылала подробныя письма о своей дѣятельности; эти умныя и сердечныя письма производили самое отрадное впечатлѣніе; тоже прошло много лѣтъ, пока мнѣ случилось лично познакомиться съ этой милой и симпатичной особой въ Москвѣ, куда она переселилась послѣ выхода замужъ за доктора, фамилію котораго я забылъ. Въ Москвѣ она занималась въ элементарной школѣ г-жи Мамонтовой.

Съ перемѣною директора губернской гимназіи и начальство стало относиться къ школѣ благосклоннѣе. Новый директоръ, А. М. Б—въ, былъ умнѣе прежняго и, при всей его бюрократической черствости, способнѣе къ пониманію педагогическихъ идей. Онъ не порицалъ особенностей нашей школы, рекомендовалъ ее ученицамъ VIII класса (педагогическаго) женской гимназіи, гдѣ преподавалъ педагогику, для посѣщенія и записыванія уроковъ, а одну нашу учительницу, Ю. А. Л—ву, даже пригласилъ для занятій къ своимъ дѣтямъ. Правда, онъ настоялъ на производствѣ въ школѣ форменныхъ экзаменовъ и мучилъ дѣтей на этихъ экзаменахъ часовъ 5—6, но это было тоже выраженіемъ благосклонности этого умнаго формалиста. Еще лучше стало относиться къ школѣ непосредственное начальство, когда дирекцію училищъ отдѣлили отъ губернской гимназіи, и особенно, когда наша школа перешла въ вѣдѣніе инспектора училищъ, Д. М. М—ва, человѣка скромнаго, простаго, не одареннаго ни значительнымъ умомъ, ни талантами, мало образованнаго и мало начитаннаго, но добродушнаго. Мы съ нимъ сошлись и сдружились. Такъ какъ наши отчеты представляли собой не сухую хронику и подборъ статистическихъ данныхъ о школѣ, а въ нѣкоторомъ родѣ педагогическія сочиненія, основанныя на живой практикѣ, то столичные педагогическіе журналы охотно печатали ихъ. Годовые отчеты за первый и за второй годъ взялъ охотно Н. Х. Вессель и напечаталъ въ „Педагогическомъ Сборникѣ“ съ сочувственной выноской. Кстати скажу нѣсколько словъ объ этомъ педагогѣ, о которомъ больше мнѣ не придется упоминать: болѣе 20 лѣтъ я не имѣлъ съ нимъ никакихъ дѣлъ и даже не встрѣчался ни разу. Когда-то этому человѣку, способному и талантливому, пророчили блестящую будущность на официально-педагогическомъ поприщѣ. Онъ, въ качествѣ ассистента, ѣздилъ, очень молодымъ человѣкомъ, на ревизію гимназій съ попечителемъ петербургскаго округа И. Д. Деяновымъ, потомъ въ товариществѣ съ Г. И. Паульсономъ издавалъ и редактировалъ самый популярный изъ русскихъ и педагогическихъ журналовъ „Учитель“. Но съ появленіемъ Ушинскаго, его звѣзда стала быстро закатываться.

ваться. Оставивъ мин. нар. пр. и сдѣлавшись редакторомъ „Педагогическаго Сборника“, онъ какъ то разомъ потерялъ весь престижъ. И вѣдомство военно-учебныхъ заведеній очень скоро охладѣло къ нему. Такъ, ему были поручены лекціи педагогики на учительскихъ курсахъ при 2-ой военной гимназіи, но молодые люди, слушавшіе эти лекціи, находили ихъ столь ничтожными, что просили начальство замѣнить лектора и указывали на Ушинскаго, даже хотѣли организовать частныя лекціи для пополненія своихъ педагогическихъ свѣдѣній, приглашая лекторомъ Ушинскаго. Что случилось съ Весселемъ? Выдохся ли онъ или залѣнился и опустился, или всѣ знавшіе его очень молодымъ человѣкомъ ошиблись въ немъ, принимая за умъ и талантъ безсодержательную и обманчивую внѣшность,—только изъ Весселя, дѣйствительно, ничего не вышло замѣчательнаго и крупнаго, только онъ, дѣйствительно, не далъ ничего основательнаго и серьезнаго. Предпринялъ онъ было большое изданіе „Руководства къ начальному обученію“, въ родѣ Ад. Дистервега, но выпустилъ два тома, въ которыхъ очень немного принадлежало лично ему, да такъ и остановился, далеко не выполнивъ программы. Изъ разговоровъ съ нимъ я замѣтилъ, что онъ очень недоброжелательно, какъ будто съ завистью, относился къ покойному Ушинскому, когда тотъ издалъ два тома своей „Педагогической антропологии“. Вообще же говоря, Н. Хр. Вессель былъ человѣкъ любезный и пріятный, пожалуй и талантливый, но очевидный неудачникъ, что называется, „недопеченый“.

Всего мною было напечатано 20 отчетовъ школы, за 17 лѣтъ: за 1867—68 учебный годъ въ „Воронежскомъ Листкѣ“ и „Педагогическомъ Сборникѣ“, за 1868—69 въ „Воронежскомъ Телеграфѣ“ и „Педагогическомъ Сборникѣ“, за 1869—70 въ „Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“, за 1870—71 въ газетѣ „Донъ“ и въ „Семьѣ и Школѣ“ (Юл. Ив. Симашко), за 1871—72—73 въ газетѣ „Донъ“, за 1873—74 въ газетѣ „Донъ“ и въ „Народной школѣ“ (Ө. Н. Мѣдникова), за 1874—75, 75—76, 76—77, 77—78, 78—79, въ газетѣ „Донъ“, за 1879—80 въ газетѣ „Донъ“, за 1879—80 въ газетѣ „Донъ“ и въ „Русскомъ Начальномъ Учителѣ“, за 1880—81, 81—82, 83—84 въ газетѣ „Донъ“.

Я сохранилъ для себя всѣ эти отчеты, а также фотографическія группы учащихся и учащихся въ школѣ, которыя мы снимали ежегодно передъ лѣтними каникулами: просматривая эти фотографіи, перечитывая эти отчеты, въ часы унынія и хандры или просто въ свободное время, я вновь переживаю тѣ живые и счастливые годы, которые я, можно сказать, прожилъ въ школѣ, такъ какъ она постоянно помѣщалась при моей квартирѣ, и не было дня, который я провелъ бы въ Воронежѣ внѣ школы, не слыша дѣтскихъ голосовъ, не присутствуя на урокахъ.

Хотя школа взимала плату за обученіе (5 р. въ мѣсяць за учащагося) но лично мнѣ никакого дохода, никакого вознагражденія не давала. Да я и не хотѣлъ этого: мнѣ хотѣлось только, чтобы удовлетворительно вознаграждался трудъ учащихся, окупались расходы на квартиру, отопленіе, прислугу, а все остальное шло на улучшеніе классной обстановки, на учебныя пособія, особенно наглядныя, и на дѣтскую бібліотеку. Поэтому мнѣ удалось—конечно не разомъ, а постепенно—создать въ школѣ богатую коллекцію учебныхъ пособій

по всѣмъ предметамъ элементарнаго курса. Правда, было много пособій собственнаго приготовленія, сдѣланныхъ моими руками или руками учительницъ частью мною изобрѣтенныхъ, какъ машинка съ подвижной азбукой и такая же съ подвижными цифрами и знаками дѣйствій для быстрого составленія ариѳметическихъ формулъ, но было не мало и цѣнныхъ покупныхъ предметовъ, картинъ, приборовъ, коллекцій. Былъ маленькій физическій кабинетъ. Была хорошая минералогическая коллекція. Былъ хорошій гербарій. Были модели животныхъ, чучелки птицъ и рыбъ. Былъ прекрасный волшебный фонарь Карпентера, съ приспособленіемъ для спирто-кислороднаго освѣщенія, съ запасомъ хорошихъ картинъ разнообразнаго содержанія, въ количествѣ болѣе 200.

Были коллекціи техническихъ производствъ, земледѣльческія, ремесленныя. Была отличная коллекція геометрическихъ тѣлъ изъ дерева, изъ картона, изъ желѣза, изъ литого стекла, изъ мрамора. Была отличная коллекція искусственныхъ драгоценныхъ камней. Были раскладныя модели: торсъ, сердце, мозгъ. Были всевозможныя картины для нагляднаго обученія, бытовыя, зоологическія, географическія, историческія. О шведскихъ ариѳметическихъ счетахъ, о русскихъ торговыхъ счетахъ и другихъ общеупотребительныхъ наглядныхъ пособіяхъ нечего и говорить. Запасъ учебныхъ пособій въ нашей школѣ былъ настолько интересенъ и богатъ, что въ 1877 году, при празднованіи десятилѣтія ея, оказалось возможнымъ устроить въ школѣ выставку учебныхъ пособій, съ умѣренной платой за осмотръ ея (50 к. съ лица). Выставку я устроилъ собственноручно въ большомъ залѣ и въ классныхъ комнатахъ, перенумеровалъ всѣ предметы, разбилъ на отдѣлы, напечаталъ каталогъ и давалъ объясненія посѣтителямъ, которыхъ было довольно много. Выставка вышла очень полная и красивая. Она продолжалась три дня и дала сборъ, достаточный для того, чтобы устроить два вечера для дѣтей съ играми, угощеніемъ, волшебнымъ фонаремъ и подарками-преміями за рѣшеніе задачъ, ребусовъ и загадокъ, которые были развѣшаны по стѣнамъ: подъ каждой задачей былъ столикъ съ бумагой и карандашомъ, а также премія за удовлетворительное исполненіе задачи.

Конечно, не мнѣ судить о достоинствахъ моей элементарной школы, которою я руководилъ, въ которую положилъ всю душу свою, лучшія свои силы, въ которой съ любовью и энергіей работалъ 17 лѣтъ, — съ 1867 по 1884 года включительно; но на мой взглядъ она шла хорошо, представляя собой живое педагогическое дѣло. Меня упрекали, особенно послѣ знаменитой статьи Л. Н. Толстого, за пристрастіе къ нѣмецкой педагогикѣ и за крайнее будто бы подражаніе нѣмцамъ. Не скрою моей дѣйствительной любви, которую чувствую и теперь, къ Песталоцци и Дистервегу, ихъ идеямъ, личности и практической дѣятельности. Я съ наслажденіемъ читалъ ихъ и о нихъ и многому у нихъ научился; но развѣ Песталоцци нѣмецъ? Да и во всякомъ случаѣ, мое пристрастіе къ нему и къ Дистервегу основывается на общечеловѣческомъ достоинствѣ ихъ идей и дѣяній, чуждыхъ узкаго національнаго характера. То, что плѣняло и увлекало меня въ Песталоцци и Дистервегѣ, содержится и въ сочиненіяхъ гениальнаго славянина Амоса Коменскаго, а многое и въ „Эмилѣ“ Ж. Ж. Руссо. Если были въ моей педагогической дѣятельности ошибки, пре-

увеличенія, крайности, то ни Дистервегъ, ни вообще нѣмцы и нѣмецкая педагогика въ нихъ нисколько не повинны, и ничего нѣмецкаго въ нихъ не было: это были ошибки, крайности, увлеченія, преувеличенія чисто русскія. Дистервега же и нѣмецкую педагогику я (да и не одинъ я, конечно) долженъ только благодарить за возбужденіе педагогической мысли, за превосходные примѣры живой педагогической дѣятельности, за массу опытовъ, наблюденій и общечеловѣческихъ идей, которыя они дали людямъ, желающимъ посвятить свои силы воспитанію и обученію, за возбужденіе того энтузіазма, безъ котораго педагогическое дѣло невозможно. Объявившаяся у насъ въ послѣднее время враждебность къ нѣмцамъ и всему нѣмецкому, имѣетъ своимъ источникомъ только недомысліе и недостатокъ благороднаго чувства благодарности.

Между моими сотрудиниками въ школѣ было немало талантливыхъ, дѣльныхъ и полныхъ энергіи личностей, которыхъ я всегда вспоминаю и буду вспоминать съ чувствомъ любви, удовольствія и благодарности. Кромѣ уже названныхъ раньше, законоучителя Ал. Ник. Чуева, который работалъ въ школѣ съ основанія ея въ 1867 году и остался въ ней продолжать свое дѣло послѣ выѣзда моего изъ Воронежа, въ 1884 году, и учительницы Над. Як. Левиной, мнѣ особенно памяты: Е. П. З—а, дѣвушка съ солиднымъ умомъ, серьезнымъ образованіемъ и безконечно добрымъ сердцемъ, одна изъ самыхъ дѣльныхъ учительницъ, какихъ мнѣ приходилось встрѣчать; Ю. А. Л—ва энтузіастка, полная энергіи и огня, нѣсколько сентиментальная, какъ институтка, но съ неподдѣльной любовью къ дѣлу учительства и къ дѣтямъ; С. М. С—ва, можно сказать, сама ученица школы, не въ томъ смыслѣ, чтобы она училась въ ней вмѣстѣ съ дѣтьми, а потому, что была постоянной свидѣтельницей ея дѣятельности и постепеннаго роста, въ ней начала свое учительство въ качествѣ помощницы и здѣсь приобрѣла умѣнье учить; Н. Н. П—ва несомнѣнно самая даровитая изъ всѣхъ, съ блестящими способностями, рѣзвая и живая, какъ ртуть, въ ранней молодости окончившая свою жизнь въ Петербургѣ, куда она уѣхала для поступленія на медицинскіе курсы, и особенно Е. И. Аванасьева, которой я передалъ школу, оставляя Воронежъ для деревни. Екатерину Ивановну я считаю идеальной учительницей для маленькихъ дѣтей: она соединила въ себѣ серьезный и пытливый умъ съ чрезвычайной добротой сердца, мягкостью характера и необыкновеннымъ терпѣніемъ.

Результатомъ моихъ занятій и наблюденій въ школѣ между прочимъ были мои печатныя работы: „Азбука и уроки чтенія и письма“ и „Руководство къ обученію грамотѣ по звуковому способу, въ связи съ предметными уроками и упражненіями въ родномъ языкѣ“, изданныя въ 1871 году редакціей „Семья и Школа“ (Юліанъ Ивановичъ Симашко), а также „Уроки начальной русской грамматики“, напечатанные въ журналѣ „Дѣтскій Садъ“ въ 1872 году, о которыхъ уже было сказано раньше.

Результатомъ моихъ занятій и наблюденій въ военной гимназіи, гдѣ я сначала занимался только русскимъ языкомъ въ четырехъ младшихъ классахъ, а потомъ русскимъ языкомъ и словесностью, доводя своихъ учениковъ для конца курса, были слѣдующія мои печатныя работы: „Концентрической учебникъ русской грамматики“, начиная съ начальныхъ грамматическихъ занятій

и оканчивая систематическимъ изложеніемъ русской грамматики въ связи съ древнеславянской, изданный въ первый разъ редакціей „Семья и Школа“ въ 1871—77 годахъ, „Замѣтки о преподаваніи русской словесности“, напечатанныя въ „Педагогическомъ Сборникѣ“, о которыхъ уже было упомянуто раньше, и „Хрестоматія для изученія образцовъ русской словесности, съ біографическими очерками, примѣчаніями и руководящими вопросами“, четыре тома, изданные въ первый разъ въ Воронежѣ Гр. М. Веселовскимъ, въ 1872—74 гг.

Эти работы, особенно „Азбука“, „Руководство“, Концентрической учебникъ“ и „Хрестоматія“, были одобрены критикой, критиками и официальными учрежденіями и обратили на себя вниманіе. Всѣ они, конечно, въ значительно переработанномъ и усовершенствованномъ видѣ, постоянно печатаются и теперь.

VI.

Среди народныхъ учителей.

Семидесятые годы въ провинціи 1872—1874.

С. Нетиво. 1892 г., апрѣля 4.

Въ 1872 году при учебномъ отдѣлѣ Московской политехнической выставки, которымъ завѣдывалъ начальникъ военно-учебныхъ заведеній Николай Васильевичъ Исаковъ, предложено было устроить первый (и послѣдній?) всероссийскій съѣздъ русскихъ народныхъ учителей и предложить ему, кромѣ осмотра выставки и особенно изученія ея учебнаго отдѣла, рядъ лекцій по элементарному обученію. Нельзя не признать, что это была прекрасная и совершенно своевременная мысль: русская народная школа, благодаря усиленнымъ заботамъ русскаго новорожденнаго земства, наконецъ, народилась и помаленьку складывалась; народные учителя набирались, какъ говорится, „кто съ борку, кто съ сосенки“; были хорошіе, умѣлые и даровитые работники народной школы, были и никуда негодные, а главное, господствовала полная разногосица, въ обученіи не было установлено опредѣленныхъ и разумныхъ началъ, даже обдуманной и цѣлесообразной программы, сообразно съ потребностями жизни и основными положеніями дидактики. Съѣздъ учителей могъ привести къ выработкѣ программы, къ установленію основъ правильнаго обученія, къ объединенію, насколько оно возможно на такомъ громадномъ и разнообразномъ пространствѣ, какъ наша матушка Россія. Извѣстно, что до открытія земскихъ учрежденій въ 1864 году у насъ было Министерство народнаго просвѣщенія, какъ контора или канцелярія подъ этимъ громкимъ названіемъ, которое ей было вовсе не къ лицу; но „просвѣщенія народнаго“ вовсе не было въ поминѣ, по крайней мѣрѣ въ Николаевскія времена. Раньше-то, вопросъ о немъ подымался и при Екатеринѣ Второй, и при Александрѣ Первомъ, но дѣло кончалось мыльнымъ пузыремъ. До открытія земскихъ учрежденій существовали въ ничтожномъ количествѣ, по 10—15 на губернію, народныя

училища, но это были училища только по названію: они никого ничему не выучивали, въ большинствѣ ихъ и ученья никакого не было; да и въ учрежденіи этихъ-то училищъ по названію Министерство народнаго просвѣщенія было неповинно. Это были училища вѣдомства Министерства государственныхъ имуществъ и Министерства удѣловъ. Духовенство о просвѣщеніи народа думало столько же, какъ и Министерство народнаго просвѣщенія, т. е. вовсе не думало. Дворянство, помѣщики-душевлдѣльцы, видѣвшіе въ крестьянахъ только рабочую силу, и подавно не помышляли о просвѣщеніи своихъ „рабовъ“, о наученіи крестьянъ чему-либо, кромѣ какого-нибудь ремесла: имъ думалось (и не безъ основанія), что просвѣщеніе народа будетъ подрывать ихъ барскія, душевлдѣльческія права, и правительство въ этомъ держало ихъ сторону противъ немногихъ „выродковъ“ дворянскаго сословія, выражавшихъ мечты и составлявшихъ планы о просвѣщеніи народа, за что они и подвергались презрѣнію своей сословной среды и карѣ мудраго правительства. Не только сельскія народныя училища существовали только на бумагѣ или въ такомъ видѣ, что ихъ не слѣдовало бы называть училищами, но и городскія приходскія, вѣдомства Министерства народнаго просвѣщенія, были плохи до невѣроятія, съ учителями—невѣждами и совершенно не умѣлыми, только забивавшими дѣтей. Я былъ очевидцемъ этого, потому что приходскія училища были въ связи съ уѣздными, и мнѣ приходилось не только видѣть ихъ, но и производить въ нихъ экзамены. Правда, что и положеніе приходскихъ учителей было самое жалкое. А о положеніи сельскихъ учителей, государственныхъ и удѣльныхъ, нечего и говорить. Достаточно привести одинъ примѣръ, котораго я былъ очевидцемъ. Въ Тотмѣ я былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ „удѣльнымъ депутатомъ“, т. е. чиновникомъ, который завѣдывалъ удѣльными крестьянами уѣзда. Бывая у него, я слышу, что мой хозяинъ то и дѣло кричитъ „учитель! трубку!“—и какой-то молодой малый спѣшитъ набить табакомъ и подать депутату черешневую трубку, какъ лакей барину. Оказалось, что это дѣйствительно учитель сельской школы удѣльнаго вѣдомства, оторванный начальствомъ (кстати сказать, фамилія сего чиновника, весьма таки невѣжественнаго, но ловкаго въ своемъ дѣлѣ, умѣвшаго и изъ службы выжимать хорошіе доходы, и въ картишки выигрывать порядочные куши, былъ К—въ) отъ школы и обращенный на неопредѣленное время въ лакея. Это хорошо характеризуетъ и учителя, охотно промѣнявшаго учительское дѣло на лакейское, и начальство съ его отношеніемъ къ школѣ и къ просвѣщенію. Понятно, что школа существовала только на бумагѣ, въ отчетахъ на нее ассигновывалась извѣстная сумма, но ученья не было.

Первымъ министромъ народнаго просвѣщенія (и послѣднимъ?), двинувшимъ впередъ вопросъ о народномъ образованіи и о народной школѣ, былъ А. В. Головинъ. Прочное начало дѣлу было положено созданіемъ училищныхъ совѣтовъ и привлеченіемъ къ нему общественнаго участія. Въ помощь подоспѣло земство, которому цѣликомъ принадлежитъ честь созданія русской народной школы. Послѣ Головина, при гр. Дм. А. Толстомъ, Министерство народнаго просвѣщенія опять перестало быть для русскаго народа учрежденіемъ просвѣтительнымъ и больше всего направляло свои заботы къ тому, чтобы стѣснить

и ограничить дѣятельность земства по народному образованію, не развивать, не поддерживать, а душить и убивать созданную земствомъ и А. В. Головиннымъ народную школу, что ему и удавалось въ значительной мѣрѣ, при неустойчивости преобразовательныхъ идей правительства, его постоянныхъ колебаніяхъ и страхахъ, при недостаткѣ искренности въ его преобразовательной дѣятельности, болѣе вынужденной, напускной и фальшивой, нежели сознательной, добровольной и искренней. Достаточно вспомнить исторію воскресныхъ школъ, которымъ сначала былъ данъ просторъ и которыя успѣли задушить при первомъ удобномъ случаѣ подъ совершенно вымышленнымъ, и даже просто смѣшнымъ, предлогомъ, будто изъ этихъ и другихъ бесплатныхъ школъ Россіи грозитъ революція. Въ послѣднее время съ большимъ успѣхомъ продолжаютъ дѣло задушенія земской народной школы И—нъ Д—ичъ Деляновъ и К—инъ П—чъ Побѣдоносцевъ: это достохвальное дѣло надолго останется памятникомъ ихъ славнаго служенія Россіи и русскому народу. Въ 1871 году земство еще свободно и съ энергіей, пока еще не задавленной враждебными силами, вело дѣло народнаго образованія. Школы нарождались и росли въ селахъ и деревняхъ во всѣхъ концахъ Россійской Имперіи. О школахъ заботились, ими интересовались, не жалѣли средствъ на ихъ учрежденіе и возможное усовершенствованіе. Нѣкоторыя земства достигли блестящихъ, по краткости времени, результатовъ, напр., Херсонское, Новгородское, Вятское, Александровское—Екатеринославской губерніи, Бердянское—Таврической. Нашлись и учителя, правда мало подготовленные къ дѣлу, но любящіе его, усердные, и земскіе дѣятели, посвятившіе свою жизнь, свои труды и таланты народной школѣ, какъ бар. Н. А. Корфъ, Н. Н. Блиновъ и др. Но всѣ работали враздробъ, каждое земство само по себѣ, даже каждый учитель самъ по себѣ, не было единства, и вездѣ повторялись одни и тѣ же ошибки, промахи, затрудненія. Повторяю, мысль всероссійскаго съѣзда народныхъ учителей и работниковъ народной школы была своевременна и удачна. Но осуществленіе ея встрѣтило препятствія, затрудненія, противодѣйствіе именно съ той стороны, откуда, по здравому смыслу, ихъ всего менѣе слѣдовало бы ожидать и откуда, однако-же, у насъ на Руси и до сихъ поръ идетъ струя враждебности и какой-то дикой злости противъ всякихъ просвѣтительныхъ идей и начинаній,—со стороны Министерства народнаго просвѣщенія, во главѣ котораго тогда уже крѣпко засѣлъ гр. Д. А. Толстой, поддерживаемый Катковымъ и Леонтьевымъ, которые уже взбирались помаленьку на тѣ пьедесталы, какіе заняли они впоследствии, какъ вѣщіе пророки и спасители отечества. Однако же злостное противодѣйствіе Толстого столкнулось съ упорной волей Н. В. Исакова, тоже человѣка съ вліяніемъ: Соперничество и борьба между вѣдомствомъ военно-учебныхъ заведеній, тогда полнымъ просвѣтительныхъ стремленій, и Министерства народнаго просвѣщенія, дышавшимъ обскурантизмомъ, между Исаковымъ—или, вѣрнѣе, Дм. Ал. Милутинымъ, военнымъ министромъ и гр. Толстымъ, въ это время разгорались. На сей разъ просвѣтительное начало взяло верхъ: всероссійскій съѣздъ народныхъ учителей при Московской политехнической выставкѣ, задуманный вѣдомствомъ военно-учебныхъ заведеній, состоялся, хотя далеко не въ томъ видѣ, не въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какъ предполагалось. За организацію его пришлось

взяться слишком поздно, многого сделать было уже нельзя. Напримѣръ, пришлось отказаться отъ организаціи практическихъ занятій, безъ которыхъ теоретическія изложенія потеряли половину своей цѣнности. Земства получили приглашеніе посылать учителей на съѣздъ поздно, и далеко не всѣ имѣли возможность воспользоваться этимъ приглашеніемъ. Все-таки состоялся довольно многолюдный съѣздъ.

Понятно, что программа лекцій была выработана педагогами военного вѣдомства, да и въ качествѣ лекторовъ были намѣчены лица изъ этой среды. Надо сказать, что въ вѣдомствѣ Министерства народнаго просвѣщенія тогда и не было ни одного виднаго лица, которое было бы знакомо съ дѣломъ элементарнаго обученія не только на практикѣ, но и въ теоріи, да и вообще въ немъ не было педагоговъ, а были только чиновники. Какіе были педагоги прежде, какъ В. Я. Стоюнинъ, В. И. Водовозовъ и др., и тѣ, съ водвореніемъ гр. Д. А. Толстого, ушли. Поэтому вѣдомство военно-учебныхъ заведеній, успѣвшее привлечь къ себѣ лучшія педагогическія силы,—безъ всякаго пристрастія къ „своимъ людямъ“, принуждено было избирать руководителей для всероссійскаго съѣзда изъ своихъ педагоговъ. Были приглашены въ качествѣ лекторовъ: по обученію родному языку, включая сюда наглядное обученіе, обученіе грамотѣ, объяснительное чтеніе, письменныя работы и грамматику,—И—нъ Ѳ—ичъ Рашевскій, тогда служившій въ вѣдомствѣ военно-учебныхъ заведеній и пользовавшійся большою извѣстностью въ Петербургѣ, какъ педагогъ и преподаватель; по обученію ариѳметики и геометріи—В—лій А—чъ Евтушевскій, одинъ изъ самыхъ популярныхъ педагоговъ-математиковъ Петербурга, тоже служившій въ военно-учебномъ вѣдомствѣ; по пѣнію — г. Альбрехтъ. Но случилось такъ, что И. Ѳ. Рашевскій почему-то долженъ былъ отказаться отъ лекцій на съѣздѣ какъ разъ въ то время, когда надо было приступать къ дѣлу. Съѣздъ могъ остаться безъ лектора по главному предмету элементарнаго курса, или надо было пригласить другое лицо. Редакторъ „Педагогическаго Сборника“, Н. Хр. Вессель, указалъ на меня, и вотъ я, совершенно неожиданно, получилъ предложеніе принять на себя лекціи по обученію родному языку на учительскомъ съѣздѣ при Московской выставкѣ по той программѣ, которая была выработана при главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній и прислана мнѣ вмѣстѣ съ приглашеніемъ. Это была новая счастливая случайность изъ ряда тѣхъ случайностей, которыя выдвигали меня впередъ и создавали мою скромную извѣстность, какъ педагога и дѣятеля русской народной школы. Мнѣ приходилось выступить „какъ учителю учителей“, на первомъ (и пока послѣднемъ) всероссійскомъ съѣздѣ народныхъ учителей, гдѣ присутствовало много и другихъ лицъ, близко стоявшихъ къ дѣлу народнаго образованія, интересующихся имъ, работающихъ для него и собравшихся въ Москву со всѣхъ концовъ Россіи. Громадное помѣщеніе московскаго манежа, отданное для лекцій, вмѣщало до 700 слушателей и слушательницъ, передъ коими мнѣ предстояло явиться въ качествѣ избраннаго педагога-лектора, рядомъ съ знаменитымъ Евтушевскимъ. Понятно, что исполненіе предложеннаго мнѣ дѣла, при такихъ условіяхъ, должно было разомъ создать мнѣ громкую и почетную репутацію на всю Россію. Надо было

только не ударить лицомъ въ грязь и не осрамиться. Не безъ колебаній и не безъ трепета принялъ я лестное предложеніе и сталъ готовиться. Въ военной гимназіи только что окончились экзамены. Въ школѣ еще продолжались занятія. Наступили іюньскія жары. Времени у меня было въ распоряженіи не болѣе 3-хъ недѣль. Я работалъ день и ночь, приготавливаясь къ лекціямъ. Надо было въ десять часовыхъ лекцій втиснуть: историческій очеркъ, программу, методику и обзоръ литературы нагляднаго обученія—и какъ метода, и какъ особаго предмета элементарнаго курса; сущность, задачи, программу и методику объяснительнаго чтенія, съ примѣрами и разработкой ихъ; историческій очеркъ и обзоръ литературы по обученію грамотѣ; методику чистописанія, письменныхъ упражненій, грамматики и правописанія. Все это требовало изученія массы матеріаловъ, и всѣ эти матеріалы надо было обдумать, переработать, разобрать, чтобы создать нѣчто самостоятельное, цѣльное, стройное. Такъ мнѣ пришлось выработать свой планъ нагляднаго обученія для начальной школы, включивъ въ него предметные уроки въ связи съ обученіемъ грамотѣ, родновѣдѣніе, отечествовѣдѣніе и міровѣдѣніе. Такъ пришлось создать особый курсъ элементарной грамматики для народной школы съ трехгодичнымъ курсомъ. Не надѣясь на свою лекторскую способность, которую не только не имѣлъ случая упражнять, но почти не пробовалъ до той поры, особенно въ многочисленной аудиторіи, какая теперь предвидѣлась, я записывалъ матеріалы и результаты своихъ размышленій, исписалъ цѣлый ворохъ бумаги и составилъ очень подробный конспектъ, съ которымъ и отправился въ Москву во всеоружіи теоретической и практической подготовки, къ началу лекцій.

Признаться, я до послѣдней минуты все надѣялся, что при съѣздѣ будетъ организована школа и устроятся практическія занятія, на которыя я больше надѣялся, нежели на мои теоретическія изложенія: публичные уроки маленькимъ ученикамъ меня нисколько не страшили, и я повелъ бы ихъ безъ всякаго смущенія, потому что это дѣло не было бы для меня новостью,—тутъ я былъ увѣренъ въ себѣ; но лекціи передъ аудиторіей въ 600—700 человекъ были для меня новостью, я не на шутку боялся ихъ и поддерживалъ свою бодрость надеждою на уроки дѣтямъ, которые и дополняютъ неудачныя лекціи, и поправятъ то плохое впечатлѣніе, которое онѣ могутъ произвести.

Пріѣхавъ въ Москву, я прежде всего познакомился съ товарищемъ завѣдующаго учебнымъ отдѣломъ выставки, Ф—мъ Н—мъ К—вымъ, и другимъ лекторомъ, пріѣхавшимъ изъ Петербурга, В. А. Евтушевскимъ, который оказался очень милымъ и симпатичнымъ хохломъ. Очень смутило меня то обстоятельство, что школы и практическихъ занятій при съѣздѣ не будетъ. Евтушевскій тоже былъ недоволенъ этимъ. Мы сговорились относительно порядка лекцій. Начало т. е. вступительное слово, съ изложеніемъ общихъ основъ правильнаго начальнаго обученія, принялъ на себя Евтушевскій, какъ болѣе опытный и увѣренный въ себѣ лекторъ, а затѣмъ мы рѣшили чередоваться.

Первая лекція Евтушевскаго, не особенно содержательная и свѣжая по содержанию (изложеніе I-ой главы его „Методики“), съ внѣшней стороны была блестящая: видно было, что она говорится уже далеко не въ первый разъ, смѣло, увѣренно. Привычка къ публичной рѣчи сказывалась и въ интонаціи, и въ

умѣнны соразмѣрять голосъ съ размѣрами и численностью аудиторіи. Я, при моей неопытности и естественной робости, конечно, много терялъ рядомъ съ такимъ опытнымъ и самоувѣреннымъ лекторомъ, и только послѣ двухъ трехъ лекцій я оправился, овладѣлъ и собой и вниманіемъ слушателей. Въ концѣ концовъ дѣло пошло гладко, стали завязываться знакомства, разговоры, объясненія, споры. Пришлось познакомиться съ многими учителями и учительницами изъ числа моихъ слушателей, съ многими инспекторами народныхъ училищъ, педагогами и дѣятелями народной школы. Наболѣе памятенъ мнѣ изъ числа этихъ новыхъ моихъ знакомыхъ: баронъ М. О. Касинскій, Н. Н. Блиновъ, Н. А. Соковнинъ.

Баронъ Касинскій тогда былъ директоромъ новгородской земской учительской семинаріи, одной изъ первыхъ учительскихъ семинарій въ Россіи, и пріѣхалъ на съѣздъ со своими воспитанниками. Тогда у него уже начинались нелады и съ земствомъ, и съ министерствомъ народнаго просвѣщенія, которое его недолюбливало, какъ либерала и народника. Человѣкъ онъ былъ простой и сердечный, обращался со своими воспитанниками запросто, дружески и, повидимому, пользовался ихъ любовью; но едва ли онъ былъ достаточно серьезный и солидный педагогъ, хотя несомнѣнно любилъ школу и народъ и былъ полонъ самыхъ хорошихъ стремленій, осуществить которыя едва ли былъ въ силахъ. Вятскій земскій педагогъ, священникъ Н. Н. Блиновъ, тогда уже пріобрѣлъ извѣстность своей азбучкой и книжкой: „Предметы обученія въ начальной народной школѣ“, въ которыхъ сдѣлалъ опытъ приспособленія началъ новаго обученія, впервые провозглашенныхъ у насъ Ушинскимъ, къ условіямъ русской народной школы и согласованія ихъ съ потребностями жизни. Онъ привезъ съ собой въ Москву свой новый трудъ, прекрасную книжку для чтенія „Ученье—свѣтъ“, и „Наглядную азбуку“ Флорентія Федоровича Павленкова, тогда жившаго въ Вяткѣ безъ права выѣзда; обѣ работы въ рукописи, хотя въ окончательномъ обработанномъ видѣ. Н. Н. Блиновъ былъ не столько педагогъ, сколько человѣкъ жизни, энтузіастъ, которому необходимо было живое дѣло для блага народа, горячо и глубоко имъ любимаго не напускною или головною, а простою, такъ сказать органическою любовью, подобно естественной органической любви къ самому себѣ. Онъ былъ народный учитель не по профессіи, а по призванію, но въ то же время истинный народный пастырь, какіе у насъ рѣдко попадались и попадаютъ между нашими священниками, въ большинствѣ черствыми, корыстолюбивыми, жадными и, между нами... мало вѣрующими. Конечно, говорю не о формальной вѣрѣ. Н. Н. Блиновъ познакомился со мной, показалъ и объяснилъ мнѣ привезенныя рукописи, которыя привели меня въ восторгъ. Работы были, дѣйствительно, оригинальныя и достойныя вниманія, особенно „Ученье—свѣтъ“, книга для чтенія совершенно въ новомъ родѣ, не шаблонный сборникъ безсвязныхъ статей, понадерганныхъ изъ разныхъ христоматій, а рядъ оригинальныхъ описаній и рассказовъ, начиная съ крестьянской избы, выводящихъ читателя постепенно за околицу, въ поле, въ лѣсъ и на весь широкій просторъ Божьяго міра. Но Николай Николаевичъ особенно настаивалъ на достоинствахъ азбуки Павленкова. Онъ, по свойственной ему склонности увлекаться идеей, преувеличивалъ значеніе этого труда, во всякомъ случаѣ оригинальнаго, талан-

тливаго и полезнаго, полагая, что эта азбука сдѣлаетъ возможнымъ самообученіе грамотѣ и быстро подвинетъ распространеніе грамоты въ русскомъ народѣ. Непобѣдимая вѣра въ громадную силу грамоты и неукротимое стремленіе дать русскому народу эту силу внушали ему увѣренность, что возможно осуществленіе такой утопіи, какъ самообученіе грамотѣ. Этотъ „человѣкъ жизни“, энтузіастъ народнаго просвѣщенія, просилъ меня сказать въ моихъ лекціяхъ о привезенныхъ имъ работахъ, которыя намѣревался немедленно пристроить для изданія. Я, конечно, съ охотой исполнилъ его желаніе, познакомилъ моихъ слушателей и съ „Наглядной азбукой“, и съ книжкой „Ученье—свѣтъ“, какъ оригинальными и хорошими работами, которыя скоро выйдутъ въ свѣтъ и заслуживаютъ особеннаго вниманія, а Николаю Николаевичу, дѣйствительно, удалось пристроить обѣ работы: изданіе „Наглядной азбуки“ принялъ на себя Юл. Ив. Симашко, а „Ученье—свѣтъ“—Мамонтовъ. Впослѣдствіи „Наглядная азбука“ надѣлала ему много непріятностей: такъ какъ авторъ ея состоялъ въ рангѣ лица „неблагонадежнаго, то Николаю Николаевичу пришлось окрестить ее своимъ именемъ. Но мин. нар. просв. нашло въ ней, когда она уже была напечатана, какіе-то очевидныя (только для него, въ сущности, пустяки) проявленія „неблагонадежности“, и подвергло ее запрещенію. Всѣ послѣдствія такого обстоятельства пали на невиннаго энтузіаста. Азбука же долго оставалась запрещенною, пока самъ авторъ не былъ освобожденъ отъ клейма „неблагонадежности“, не переселился въ Петербургъ и не сдѣлалъ въ своемъ трудѣ всѣхъ измѣненій, согласно съ требованіями и вкусами министерства. Эта азбука была одобрена и пошла въ ходъ; собственный трудъ Н. Н. Блинова, книжка „Ученье—свѣтъ“, пользуется большой популярностью, которой она вполне заслуживаетъ.

Ф. Ө. Павленковъ, извѣстный петербургскій издатель множества хорошихъ книгъ, съ которымъ я черезъ нѣсколько лѣтъ познакомился близко въ Петербургѣ, вовсе не педагогъ, но одинъ изъ самыхъ искреннихъ и горячихъ энтузіастовъ народнаго образованія и народной школы. Онъ человѣкъ съ недюжиннымъ умомъ, съ большой начитанностью, съ честнымъ либеральнымъ образомъ мыслей, и прекрасный издатель. Умеръ, если не ошибаюсь, въ 1899 году.

Съ Н. Н. Блиновымъ мы сошлись въ Москвѣ очень хорошо. Изъ Москвы онъ заѣзжалъ ко мнѣ въ Воронежъ, интересуясь моей школой, но, къ сожалѣнію, не засталъ меня въ Воронежѣ, потому что я изъ Москвы заѣзжалъ на нѣсколько дней въ Вологду. Довольно обстоятельная статья моя о Н. Н. Блиновѣ, содержащая его біографію, характеристику его личности и обзоръ его дѣятельности, литературной и общественной, напечатана въ 1892 году въ III-мъ томѣ „Критико-біографическаго словаря“ Семена Афанасьевича Венгерова.

Н. А. Сожовнинъ тогда служилъ инспекторомъ при московскомъ учебномъ округѣ и, кромѣ того, имѣлъ магазинъ и обширную мастерскую учебныхъ пособій на Воздвиженкѣ (нынѣ „Сотрудникъ школъ“ Залѣскаго). Онъ тогда былъ увлеченъ народно-педагогическимъ дѣломъ, какъ потомъ увлекался жучколовками, а еще позже земскими агрономами и глиняно соломенными крышами, несгораемыми, но промокаемыми, производя и агрономовъ и глиняно-соломенные щиты для крышъ при знаменитомъ красноуфимскомъ реальномъ училищѣ (Пермской губерніи), директоромъ котораго состоялъ нѣсколько лѣтъ. Это былъ

способный и ловкій человекъ, мастеръ говорить, и обходить людей, но въ значительной мѣрѣ фантазеръ, который за многое горячо хватался, скоро остывая и перепархивая на что-либо другое, и въ столь же значительной мѣрѣ спекуляторъ, который стремился быстро составить себѣ капиталъ, но на дѣлѣ гораздо быстрее куда-то спускавшій барыши и заработки свои безъ остатка. Въ немъ было странное смѣшеніе предприимчивости, благихъ пожеланій, ловкости, безалаберности и легкомыслія. Онъ пожелалъ, между прочимъ, быть издателемъ моей азбуки, не безъ основанія рассчитывая, что она, послѣ московскаго съѣзда, должна сдѣлаться ходкимъ и выгоднымъ товаромъ, причемъ мнѣ сулилъ чуть не золотыя горы. Я согласился и года два имѣлъ съ нимъ дѣло, какъ съ издателемъ, но нашель это неудобнымъ: моя „азбука“ въ его изданіи давала мнѣ очень мало, да и тѣ небольшія деньги, какія составляли мою авторскую долю, приходилось получать туго, малыми дозами, съ замедленіями и оттяжками. Причина этого, мнѣ кажется, заключалась въ безалаберности Соковнина, который и издавалъ книгу плохо, и свои дѣла запуталъ, и чужія дѣла вель неразсчетливо.

Еще изъ московскихъ знакомствъ во время съѣзда мнѣ памяты: А—ръ Ак—чь Кочетовъ и Х—на А—на Алчевская.

К—въ былъ одно время просто народнымъ учителемъ въ земской школѣ, устроенной А. В. Головиннымъ въ его имѣніи, въ Рязанской губерніи (Гулынская школа). Онъ былъ правовѣдъ и пошелъ въ народную школу, движимый общимъ увлеченіемъ того времени. Я слыхалъ, что онъ вель дѣло въ школѣ превосходно, но скоро бросилъ его, переселился въ Петербургъ и поступилъ на службу въ Мин. Нар. Просвѣщенія, гдѣ удержался и послѣ замѣны Головина гр. Толстымъ. Онъ пріѣхалъ въ Москву на выставку въ качествѣ министерскаго делегата. Въ Москвѣ онъ совсѣмъ закружился, закутилъ, а потомъ и навлекъ на себя гнѣвъ министра, долженъ былъ оставить службу и очень бѣдствовалъ, тѣмъ болѣе, что женился. Наконецъ, уже при баронѣ Николаи, онъ снова пристроился къ министерству, какъ членъ и секретарь особаго отдѣленія ученаго комитета. Впослѣдствіи я видѣлъ его въ Петербургѣ ужъ совсѣмъ не похожимъ на того Кочетова, съ которымъ познакомился я въ Москвѣ: то былъ, правда, кутящій добрый молодецъ, но все-таки полный жизни и энергіи, съ признаками способности къ живому дѣлу, а теперь я увидѣлъ опустившагося, обрюзглаго, растолстѣвшаго благонамѣреннаго чиновника, ничего не обѣщающаго въ будущемъ. Признаюсь, это было зрѣлище грустное, почти отвратительное.

Хр. Дан. Ал—кая основательница извѣстной харьковской воскресной школы, которой принадлежит редакція, значительная часть содержанія и изданія извѣстной книги „Что читать народу?“ Жена разжившагося банковскаго дѣльца (покончилъ съ собой самоубійствомъ въ 1900 г., онъ зарвался и пришелъ къ краху), женщина богатая, съ наружностью столь же внушительной, сколько симпатичной, она путемъ самообразования развила и умъ и даръ слова. Подъ вліяніемъ общественнаго настроенія 60-хъ годовъ, чтенія и общенія съ вліятельными людьми того времени, она прониклась лучшими идеальными стремленіями эпохи и умѣла воспользоваться хорошими средствами, какими

располагала, на общее благо. Она произвела на меня съ перваго раза впечатлѣніе талантливой и энергичной женщины, достойной всякаго уваженія, но нѣсколько дѣлано-восторженной и замаскированно-тщеславной. Но эта восторженность только манера, которая может нравиться или не нравиться, но во всякомъ случаѣ не может отталкивать отъ человѣка съ большими и серьезными нравственными достоинствами; а нѣкоторая доля тщеславія, если оно не толкаетъ человѣка на дурные и вредные поступки, а, напротивъ, служить стимуломъ полезной дѣятельности, конечно, не портитъ дѣла. Потомъ я нѣсколько разъ встрѣчался и переписывался съ Хр. Дан. Ал—ой, даже получилъ отъ нея въ корректурѣ первый томъ ея книги („Что читать народу“) и копии съ ея переписки по поводу этой книги съ разными знаменитостями, и номера газетъ и журналовъ съ отзывами о ея книгѣ, причемъ эти отзывы (хвалебные) были отмѣчены синимъ карандашомъ: говоря по совѣсти, я не нашель, чтобы мое первое впечатлѣніе было ошибочно. Въ 1892 году кружокъ лицъ, близкихъ къ Х—нѣ Д—нѣ, задумалъ торжественно праздновать, 13 мая, тридцатилѣтіе ея педагогической дѣятельности и приглашалъ къ участию всѣхъ знакомыхъ и почитателей Хр. Даниловны.

Получивъ такое приглашеніе и не имѣя возможности ѣхать въ Харьковъ изъ села Петина, гдѣ на мнѣ лежало руководство помощью крестьянамъ по случаю полнаго неурожая въ 1891 году и всеобщей голодовки, я послалъ въ комитетъ по устройству задуманнаго юбилея письменное привѣтствіе виновницѣ торжества, съ просьбою вручить его Хр. Даниловнѣ 13-го мая. Вотъ это привѣтствіе:

Многоуважаемая Христина Даниловна! Позвольте, въ этотъ торжественный день чествованія вашей тридцатилѣтней педагогической дѣятельности принести вамъ сердечный привѣтъ и мнѣ, маленькому и незамѣтному чернорабочему на той-же великой и плодоносной нивѣ, на которой съ такой горячей любовью, свободною отъ своекорыстія и тщеславія, съ такимъ талантомъ, воспитаннымъ путемъ упорнаго самообразования, и съ такимъ блестящимъ успѣхомъ, всѣми признаннымъ, тридцать лѣтъ трудились вы, продолжаете трудиться теперь и, Богъ дастъ, еще долго и много будете трудиться въ будущемъ. Отъ души желалъ бы лично высказать вамъ мое привѣтствіе и мою сердечную симпатію къ вашей дѣятельности, но, къ сожалѣнію, мнѣ приходится въ настоящее время жить въ нашемъ глухомъ уголкѣ среди такихъ условій и обстоятельствъ, что я не имѣю ни права, ни возможности вырваться отсюда для поѣздки въ Харьковъ.

Я увѣренъ, что вы поймете важность причинъ, меня удерживающихъ, и простите мнѣ мое заочное участіе на торжествѣ, которому не могу не сочувствовать. Въ вашемъ лицѣ чувствуется не только единичный крупный русскій умъ и талантъ, не только единичная живая русская педагогическая сила, но и вообще „русская женщина“, съ ея готовностью и способностью всѣми силами служить русскому народу.

Я, скромный и старый вашъ поклонникъ, не имѣю возможности и претензіи сдѣлать оцѣнку вашей педагогической дѣятельности,—и, вѣроятно, это будетъ сдѣлано другими съ большимъ правомъ, большимъ искусствомъ и талантомъ; но не могу не высказать, что эта дѣятельность мнѣ представляется

однимъ изъ блестящихъ доказательствъ, къ какому серьезному и плодотворному труду способна русская женщина и какъ права она въ своемъ упорномъ стремленіи къ наукѣ, литературѣ и общественной дѣятельности.

Отъ всей души желаю вамъ, многоуважаемая Христина Даниловна, еще на много лѣтъ сохранить здоровье, силы и энергію для продолженія вашихъ симпатичныхъ и талантливыхъ трудовъ“.

Съ истиннымъ и пр.С. Петино, 1892, 13 мая.

Въ этомъ письмѣ мнѣ хотѣлось и правдиво, отъ всей души, отдать честь дѣйствительнымъ заслугамъ этой, вообще говоря, незаурядной и хорошей женщины и слегка, осторожно, подчеркнуть тѣ маленькія пятнышки, которыя нѣсколько омрачали въ моихъ глазахъ ея симпатичный образъ. Само собой разумѣется, что я получилъ отвѣтъ, и въ этомъ отвѣтномъ письмѣ, какъ въ зеркалѣ, отразилась личность автора, съ ея преувеличенной восторженностью и маленькимъ букетомъ тщеславія, право же не заслуживающимъ ни насмѣшки ни порицанія.

Было у меня въ Москвѣ еще одно интересное свиданіе, о которомъ не могу не вспомнить. Получаю я записку съ приглашеніемъ отъ Фед. Ник. Fortunatova, бывшаго инспекторомъ вологодской гимназіи, когда я въ ней учился! Оказалось, что онъ въ Москвѣ живетъ больной; ему было сдѣлано горлосѣченіе, вслѣдствіе котораго онъ потерялъ возможность говорить; но онъ сохранилъ свою живость и потребность разговаривать. Онъ встрѣтилъ меня съ выраженіемъ самой искренней радости, которую выражалъ и глазами, и жестами, и письменно. Быстро и торопливо излагалъ онъ на бумагѣ карандашомъ все, что хотѣлъ мнѣ высказать: удовольствіе, которое доставляли ему мои статьи въ „Педагогическомъ Сборникѣ“, особенно статья „Басни Крылова, какъ нравственно-педагогическій матеріалъ“, сочувствіе учительскому съѣзду при московской выставкѣ, желаніе видѣть меня, возникшее при прочтеніи въ газетахъ извѣстія о томъ, что я состою лекторомъ на съѣздѣ, и затѣмъ вопросы, вопросы, вопросы... Признаюсь, мнѣ и пріятно было видѣть этого умнаго человѣка, который теперь мнѣ больше пришелся по душѣ, нежели въ то время, когда я былъ гимназистомъ, а онъ инспекторомъ, сохранившаго свою живость и силу мысли,—и пріятно, и грустно; тяжело было видѣть эту видимую, непреодолимую потребность высказаться, эти порывы мысли и слова, при невозможности удовлетворенія.

Обращаюсь къ съѣзду и моимъ лекціямъ. Аудиторія слушала меня внимательно; народные учителя относились ко мнѣ съ довѣріемъ и симпатіей. Когда насъ, лекторовъ и учителей, возили въ Троице-Сергіевскую лавру, гдѣ послѣ обѣдни и осмотра лавры, съ ея стариной и богатствами, угощали обѣдомъ въ обширной монастырской трапезѣ, молодежь, возбужденная поставленнымъ на столахъ въ изобиліи виномъ и пивомъ, выразила мнѣ и Евтушевскому горячее сочувствіе и сердечную благодарность шумной оваціей.

Хотя дѣло шло успѣшнѣе, чѣмъ я ожидалъ, и вторую половину лекцій я велъ уже совершенно спокойно и увѣренно, все-таки послѣ десятой (и послѣдней) лекціи я почувствовалъ такое облегченіе, какъ будто съ плечъ моихъ свалилась тяжелая ноша, которую я тащилъ черезъ силу.

За десять лекцій я получилъ 600 рублей, да, кромѣ того, продалъ редактору „Семьи и Школы“, Юліану Ивановичу Симашко, все время присутствовавшему на выставкѣ и на лекціяхъ, за 600 же рублей письменное изложеніе моихъ лекцій, съ обязательствомъ обработать и доставить рукопись черезъ мѣсяць. Трудъ мой былъ оплаченъ хорошо. Лекціи мои, надосугѣ, уже въ Воронежѣ, приведенныя въ порядокъ, и были напечатаны Ю. И. Симашко сперва въ „Семьѣ и Школѣ“, а потомъ отдѣльнымъ изданіемъ (1873 г.) подъ заглавіемъ „Родной языкъ, какъ предметъ обученія въ народной школѣ съ трехгодичнымъ курсомъ“. Такой хорошей лѣтней заработокъ далъ мнѣ возможность обогатить мою Воронежскую школу большимъ количествомъ новыхъ учебныхъ пособій, особенно для нагляднаго обученія, которыя и были выбраны и пріобрѣтены мною въ учебномъ отдѣлѣ выставки. Но полученное мною денежное вознагражденіе за участіе на всероссійскомъ учительскомъ съѣздѣ въ Москвѣ было далеко не такое важное для меня, какъ другія послѣдствія моего случайнаго участія на этомъ всероссійскомъ съѣздѣ народныхъ учителей. Повторяю, это была несомнѣнно одна изъ крупнѣйшихъ счастливыхъ случайностей, толкавшихъ меня къ народной школѣ и выдвигавшихъ впередъ не по заслугамъ и выше моего истиннаго достоинства, открывшая мнѣ незаслуженную популярность. Меня заинтересовала и потянула къ себѣ народная школа, и я сталъ мечтать о томъ, какъ бы стать поближе къ ней въ качествѣ непосредственнаго наблюдателя и работника. Но не скоро, только черезъ 12 лѣтъ, эта мечта моя вполне осуществилась. Для этого необходимы были такія условія, которыхъ тогда не было. Я могъ или поступить на службу по инспекціи народныхъ училищъ, но Министерство Народнаго Просвѣщенія считало меня недостаточно благонадежнымъ для такой службы; да и служба эта, особенно при тогдашнемъ направленіи Министерства, отнюдь не просвѣтительномъ (какъ и нынѣ), не могла быть для меня симпатичной, а при исполненіи ея „посвоему“ я очутился бы въ весьма рискованномъ положеніи. Или надо было переселиться въ деревню и устроить свою школу для крестьянскихъ дѣтей, по примѣру Л. Н. Толстого или проф. Рачинскаго (гораздо позже), но для этого нужно быть обеспеченнымъ человѣкомъ, владѣющимъ или наслѣдственными, или нажитыми значительными средствами, каковыхъ у меня тогда не было: я жилъ трудомъ, причемъ приходилось оставаться, по пословицѣ, „часомъ съ квасомъ, порой съ водой“. Только послѣ участія на съѣздѣ при Московской выставкѣ для меня начались значительные заработки,—и именно благодаря этому участію—заработки, которые подавали смутную надежду, что въ отдаленномъ будущемъ я въ состояніи буду устроить мою жизнь и мою жизненную работу такъ, какъ хочется. То, что было легко для гр. Л. Н. Толстого и для г. Рачинскаго, людей, вступившихъ въ жизнь съ хорошими наслѣдственными средствами, дорого и трудно далось мнѣ, вступившему въ жизнь безъ всякихъ средствъ. Говорю объ этомъ безъ малѣйшей зависти—потому что въ существѣ дѣла очень доволенъ этимъ, и безъ всякой мысли похвастать, потому что тутъ и хвастать нечѣмъ,—а просто какъ о фактѣ. Какъ бы то ни было, участіе на всероссійскомъ учительскомъ съѣздѣ было началомъ увеличенія моихъ заработковъ. Я сталъ виднымъ человѣкомъ въ глазахъ всѣхъ дѣятелей и работниковъ новорожденной русской

народной школы, тогда привлекавшей къ себѣ общее вниманіе лучшихъ русскихъ людей и быстро мужавшей благодаря земству. Во-первыхъ, пошли въ ходъ всѣ мои работы. Довольно одного примѣра: за мою „Азбуку“, результатъ продолжительныхъ наблюденій и трудовъ, Ю. Ив. Симашко мнѣ заплатилъ всего 200 рублей, т. е. и за напечатаніе ея въ журналѣ въ видѣ приложенія и за отдѣльное изданіе въ неопредѣленномъ количествѣ экземпляровъ. Мало того, онъ сталъ говорить, что за эти деньги купилъ у меня не только право на одно изданіе, но и полное право собственности на мою азбуку. Теперь же, съ передачей изданія Соковнину, несмотря на беспорядочность этого издателя, я сталъ получать за азбуку ежегодный значительный доходъ, который впослѣдствіи, съ переходомъ изданія въ руки Д. Д. Полубояринова и послѣ значительной переработки книги согласно съ потребностями и условіями обученія въ народной школѣ, много увеличился. Впрочемъ, съ передачей изданія азбуки Соковнину все-таки мои пріятельскія отношенія съ Юліаномъ Ивановичемъ Симашко не прекратились: я продолжалъ печататься въ „Семь и Школѣ“ и пользоваться расположеніемъ редакціи журнала. Ю. И. Симашко былъ человѣкъ замѣчательный во многихъ отношеніяхъ. При большомъ умѣ, очень серьезномъ и многостороннемъ, при обширныхъ познаніяхъ, особенно по естествознанію, при кажущейся практичности, онъ, въ сущности, былъ весьма непрактичный идеалистъ, который всю жизнь свою работалъ съ рѣдкой энергіей и много зарабатывалъ, но не умѣлъ обезпечить себя и свою семью. Его пріятія всегда отличались широтою и нѣкоторымъ блескомъ, сопровождались очевиднымъ успѣхомъ; но его личныя дѣла всегда находились въ запутанномъ положеніи.

До московской выставки главнымъ воротиломъ въ „Семь и Школѣ“ былъ Ал. Ак. Кочетовъ, котораго Симашко превозносилъ „выше лѣсу стоячаго, выше облака ходячаго“; въ Москвѣ они перессорились и переругались. И вотъ, вскорѣ послѣ выставки, въ „Семь и Школѣ“ Кочетова замѣнилъ Сергѣй Иринеичъ Миропольскій, въ которомъ увлекающійся Симашко видѣлъ чуть не генія. И дѣйствительно, это былъ чрезвычайно даровитый и многообѣщающій человѣкъ. Красавецъ и здоровякъ по наружности, очень начитанный и самоувѣренный, съ бойкой, красивой и неудержимо сыплющейся рѣчью и съ такимъ же бойкимъ перомъ, онъ явился въ Петербургъ изъ Харькова въ самое живое и либеральное время и быстро завоевалъ общія симпатіи. Писалъ онъ очень много, смѣло, либерально и не столько дѣльно, сколько красиво. Познакомившись съ нимъ у Симашко, я тоже былъ въ восторгѣ отъ него, а его либерализмъ, какъ въ рѣчахъ, такъ и въ статьяхъ, принималъ за самую чистую монету, за глубокія, непоколебимыя и прочувствованныя убѣжденія. Я искренно вѣрилъ въ этого человѣка и видѣлъ въ немъ второго Резенера, только въ болѣе блестящемъ видѣ. Увы, при первомъ серьезномъ испытаніи, при первомъ житейскомъ соблазнѣ, въ концѣ 80-хъ годовъ, этотъ блескъ оказался дешевой фольгой, эти пламенные рѣчи—шумихой пустыхъ фразъ, этотъ педагогическій либерализмъ мыльнымъ пузыремъ. Оказался весьма заурядный карьеристъ, о которомъ, право, не хочется ни вспоминать, ни говорить...

Въ это время почти всѣ земства, по крайней мѣрѣ наиболѣе живыя и

дѣятельныя, были озабочены пріисканіемъ и подготовленіемъ умѣлыхъ учителей для народныхъ школъ, усовершенствованіемъ организациі этихъ школъ, установленіемъ опредѣленной общеобразовательной программы для нихъ, лучшихъ методовъ обученія и наиболѣе плодотворнаго общаго характера. Въ этихъ видахъ стали устраивать съѣзды народныхъ учителей, губернскіе и уѣздные, краткосрочные курсы, учительскія семинаріи и школы. Лѣтніе учительскіе курсы и съѣзды стали входить въ русскіе провинціальныя нравы, объединяя и воодушевляя дѣятелей и непосредственныхъ работниковъ школы, привлекая къ ней вниманіе общества и внося небывалое оживленіе и новый доброкачественный интересъ въ провинціальную жизнь. Для курсовъ и съѣздовъ нужны были руководители съ авторитетомъ и опытомъ въ дѣлѣ начальнаго обученія, а такихъ было очень мало. Баронъ Николай Александровичъ Корфъ, извѣстный своей дѣятельностью въ Александровскомъ уѣздѣ и организацией учительскаго съѣзда въ Херсонѣ, произведшій большую сенсацію своей книгой для чтенія „Нашъ другъ“ и своимъ ораторскимъ талантомъ, который обнаружилъ въ Петербургскомъ педагогическомъ обществѣ, отстаивая свою книгу („Нашъ другъ“) отъ критики Миропольскаго, тогда поселился за границей, оскорбленный неблагодарностью Александровскаго земства: оно неожиданно не избрало его въ члены училищнаго совѣта послѣ того, какъ онъ такъ много потрудился для школъ своего уѣзда, обративъ на нихъ вниманіе всей Россіи, какъ на образцовыя земскія школы. Василій Ивановичъ Водовозовъ при всей его любви къ школѣ въ дѣлѣ начальнаго обученія былъ только теоретикъ; своимъ руководствомъ къ составленной имъ „Книгѣ для чтенія“, не смотря на его большія достоинства, и своимъ руководствомъ на съѣздѣ народныхъ учителей Костромской губерніи въ 1872 году, не смотря на теплое отношеніе къ дѣлу, онъ явно показалъ, насколько мало извѣстны ему условія, средства и потребности народной школы, насколько самъ онъ не владѣетъ практикой начальнаго обученія, чтобы дать живые примѣры и образцы этого дѣла и съ надлежащей критикой относиться къ пробнымъ урокамъ учителей. И это будетъ вполнѣ понятно, если мы вспомнимъ, что Водовозовъ состарился на урокахъ словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, никогда не занимался начальнымъ обученіемъ; а безъ живого примѣра, безъ образцовыхъ уроковъ въ школѣ, всякія дидактическія и методическія лекціи и объясненія не могли приносить много пользы на учительскихъ съѣздахъ и курсахъ. Къ тому же Василій Ивановичъ въ это время былъ уже старенецъ. Дмитрій Ивановичъ Тихомировъ тогда былъ лицомъ еще мало замѣтнымъ и мало кому извѣстнымъ. Конечно, могли бы руководить учительскими курсами и съѣздами директора или инспектора народныхъ училищъ, но они не пользовались ни довѣріемъ, ни уваженіемъ общества и земства, и не безъ основанія: министерство гр. Д. А. Толстого назначало на эти должности не только людей, ничего не понимающихъ и не любящихъ народной школы, но прямо таки никуда не годныхъ—и въ умственномъ, и въ нравственномъ отношеніи, за весьма немногими исключеніями. Рассказывали, что на эти должности попадали даже изъ приказчиковъ или управляющихъ имѣніями министра чуть ли не изъ его камердинеровъ и лакеевъ, въ награду за усердную и долготѣную службу барину. Вѣроятно, это—преувеличеніе; но су-

ществованіе такихъ слуховъ все же, въ извѣстной степени, характеризовало персоналъ правительственнаго надзора за народнымъ образованіемъ. Кромѣ того, во всякой неправдѣ есть доля правды, и всякое преувеличеніе вырастаетъ изъ какого нибудь однороднаго факта: по пословицѣ, „дыму безъ огня не бываетъ“.

Вотъ земства, устраивая лѣтніе учительскіе курсы и съѣзды, и стали обращаться ко мнѣ съ предложеніемъ руководства, какъ къ извѣстному лектору Московскаго всероссійскаго съѣзда, какъ къ видному дѣятелю по начальному обученію, не только теоретику, но и практику, много лѣтъ ведущему собственную начальную школу.

Первое приглашеніе я получилъ отъ Костромскаго губернскаго земства на лѣто 1873 года. Съѣздъ происходилъ въ Костромѣ и продолжался около шести недѣль. Кромѣ костромскихъ учителей на немъ присутствовали нѣсколько учителей Владимірской губерніи и множество постороннихъ лицъ, такъ какъ занятія съѣзда были объявлены, по желанію губернской земской управы, которому я вполнѣ сочувствовалъ, публичными, а залъ дворянскаго дома, уступленный для нихъ мѣстнымъ дворянствомъ, могъ вмѣстить въ себѣ свободно гораздо большее число лицъ.

Занятія съѣзда были организованы мной (конечно, съ разрѣшенія министерства нар. просв.) слѣдующимъ образомъ: 1) уроки во временной школѣ изъ трехъ отдѣленій, согласно съ установившимся типомъ народной школы въ Россіи, причемъ нѣсколько дней (около недѣли) эти уроки велъ я одинъ, а потомъ ихъ давали желающіе изъ учителей и учительницъ; каждый день было три урока, продолжительностью отъ 30 до 45 минутъ; одновременно со всѣми тремя отдѣленіями; 2) послѣ часового отдыха слѣдовали объясненія и обсужденія данныхъ уроковъ, съ моимъ заключительнымъ резюме и выводомъ; иногда данные уроки давали поводъ къ продолжительнымъ преніямъ и такимъ длиннымъ объясненіямъ съ моей стороны, что они походили на цѣлыя лекціи, произнесенныя экспромтомъ; 3) независимо отъ упомянутыхъ изложеній по поводу данныхъ уроковъ, постоянно опираясь на тѣ же уроки, я два или три раза въ недѣлю предлагалъ слушателямъ лекціи дидактическаго методическаго и историческаго содержанія; 4) вечернія занятія состояли изъ обсужденія рефератовъ по разнымъ вопросамъ школьнаго дѣла, заготовленныхъ мною и учителями и учительницами, съ постановленіемъ рѣшенія, причемъ всѣ присутствовавшіе, такъ же какъ и при обсужденіи уроковъ, пользовались полной свободой слова, соблюдая только установленныя правила, какъ то: не перебивать другъ друга, не отклоняться отъ предмета обсужденія, соблюдать очередь и приличіе порядочнаго общества, и т. под.; всѣ пренія и рѣшенія заносились въ протоколы, которые вели учителя поочередно и которые прочитывались передъ началомъ слѣдующаго засѣданія. Дѣло шло съ большимъ оживленіемъ и надлежащей стройностью.

Въ Костромѣ я встрѣтилъ моихъ старыхъ знакомыхъ по Вологдѣ, Ѳедора Ивановича Дозе и Василя Генадіевича Пирогова.

Дозе былъ Вологодскій уроженецъ, сынъ того самаго учителя нѣмецкаго языка, у котораго когда то учился я.

Хорошо сошелся я съ кружкомъ учительницъ костромской земской школы для приготовленія учительницъ. Душой и центромъ этого кружка была начальница школы, О. Н. Прохорова, замѣчательно умная и развитая дѣвушка, которая вскорѣ, къ сожалѣнію, покинула школу; а съ нею разсыпался и кружокъ ея сотрудницъ, учительницъ школы. Всѣ онѣ стремились къ высшему образованію и самостоятельной жизни, а въ то время такія стремленія еще не считались опасными и неблагонадежными, какъ въ послѣдніе годы.

Я уѣхалъ съ костромского съѣзда съ самыми пріятными впечатлѣніями. Нельзя сказать, чтобы учительскій персоналъ костромской народной школы, во всемъ его составѣ, отличался высокими достоинствами, но въ немъ было не мало дѣльныхъ и энергичныхъ работниковъ, а особенно работницъ-учительницъ, которыя теплотой и усердіемъ восполняли недостатокъ подготовки. Хорошія надежды подавали воспитанницы старшаго класса учительской земской школы.

Между прочимъ, на этомъ же костромскомъ съѣздѣ я имѣлъ случай пригласить хорошую учительницу для моей воронежской школы, гдѣ какъ разъ въ это время открылась свободная вакансія. Юлія Андреевна Любимова своими уроками произвела на меня хорошее впечатлѣніе: въ нихъ было много увлеченія, живости и любви къ дѣлу и дѣтямъ. Мнѣ казалось, что изъ нея едва ли выйдетъ хорошая учительница для народной школы, но что въ моей городской школѣ, подготовляющей своихъ учениковъ не къ жизни, а къ средней школѣ, она будетъ какъ разъ на своемъ мѣстѣ. Я предложилъ ей мѣсто, когда оно будетъ свободно, и познакомилъ ее съ характеромъ моей школы. Она согласилась и въ этомъ же году, въ августѣ, уже была въ Воронежѣ и начала занятія, которыя показали, что я не сдѣлалъ ошибки этимъ выборомъ.

Мой обстоятельный отчетъ о занятіяхъ костромского учительскаго съѣзда напечатанъ въ журналѣ Оед. Ник. Мѣдника „Народная Школа“, за 1873 годъ, и, кромѣ того, напечатанъ земствомъ въ видѣ особой брошюры, какъ приложение къ докладамъ управы земскому собранію; а моя вступительная рѣчь при открытіи съѣзда была помѣщена въ „Костромскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ (1873 г.).

Въ слѣдующемъ 1874 году я былъ приглашенъ руководить учительскими съѣздами: въ Кострому, въ Херсонъ и въ Псковъ. Предполагался съѣздъ и въ Воронежѣ подъ моимъ руководствомъ, но разрѣшеніе его затянулось по проискамъ мѣстной инспекціи (г. Кулжинскаго, тупого и низко-пробнаго ханжи), почему я принялъ запоздалое предложеніе псковскаго земства, полученное мною уже въ Костромѣ, передъ отъѣздомъ въ Херсонъ. Такимъ образомъ, лѣто 1874 года было у меня истинно трудовое „страдное“ лѣто. Я сдѣлалъ круговую поѣздку черезъ всю Европейскую Россію почти безъ отдыха. Едва окончились экзамены въ военной гимназій, я поѣхалъ въ Кострому, черезъ Москву и Ярославль, и здѣсь работалъ на этотъ разъ двѣ недѣли. На мнѣ лежала организація временной школы и занятія въ ней, изложеніе и объясненіе общихъ основъ правильнаго воспитывающаго обученія грамотѣ и родному языку.

Окончивши свое дѣло въ Костромѣ, я отправился съ моимъ багажомъ въ Херсонъ. Упоминаю о багажѣ, чтобы разъ навсегда сказать, что я на всѣ съѣзды, которыми мнѣ приходилось руководить, возилъ съ собою большую

коллекцію учебныхъ пособій, съ которыми знакомилъ учителей и учительницъ и которыя примѣнялись къ обученію на урокахъ во временной школѣ какъ мною, такъ и другими практикантами.

Въ Херсонѣ занятія съѣзда продолжались болѣе четырехъ недѣль. Это было въ іюлѣ, при нестерпимомъ зноѣ. За все время не было ни одного дождя. Надъ городомъ стояла мелкая бѣлая пыль. Тоція бѣлыя акаціи поблекли отъ жару, засухи и пыли. Въ залѣ дворянскаго дома, гдѣ происходили занятія, всѣ окна были закрыты жалюзи,—и все-таки было невыносимо жарко и душно, тѣмъ болѣе, что народу собиралось множество: были полны и залъ, и аванзалъ, и комната за заломъ, и хоры. И здѣсь учительскій съездъ, съ его занятіями, уроками въ школѣ, лекціями, обсужденіями, произвелъ такое же общественное оживленіе, какъ въ Костромѣ. Работа шла живая, одушевленная, бодрая. Отдыхать приходилось мало.

Учительскій персоналъ Херсонской губерніи, а особенно Одесскаго градоначальства, оказался гораздо интеллигентнѣе и развитѣе костромскаго. Съ учителями и учительницами города Одессы пріѣхалъ на съездъ наблюдатель за городскими школами отъ городского самоуправления, солидный и отлично образованный педагогъ Земеръ, чрезвычайно сердечный и милый человѣкъ.

Директоръ училищъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ Соловьевъ, былъ добрякъ и хлопотунъ, хотя педагогъ не важный и мало понимающій дѣло; семья его приняла меня, какъ родного, и мнѣ жилось въ Херсонѣ очень хорошо. Изъ Херсона я съ Ѳ. Ѳ. Соловьевымъ поѣхалъ въ Одессу, гдѣ пробылъ около недѣли. Этотъ красивый и оригинальный городъ, съ его приморскимъ бульваромъ, съ чуднымъ видомъ на море, съ оживленіемъ на красивыхъ улицахъ, съ превосходной русской оперой (тогда въ Одессѣ гостили лучшіе артисты маринской сцены изъ Петербурга: Лавровская, Мельниковъ, Орловъ и др.), произвелъ чарующее впечатлѣніе. Въ Одессѣ я познакомился съ педагогомъ-ветераномъ, Василиемъ Андреевичемъ Золотовымъ, который завѣдывалъ тогда Воронцовскимъ сиротскимъ домомъ и начальной школой при немъ, и съ молодымъ педагогомъ И. П. Деркачевымъ, который завѣдывалъ земскими школами Одесскаго уѣзда и устроилъ при земской управѣ кабинетъ учебныхъ пособій. Такъ какъ этотъ кабинетъ вызвалъ со стороны нѣкоторыхъ мѣстныхъ людей осужденіе, яко-бы совсѣмъ лишнее и ни на что ненужное предпріятіе, напрасно поглотившее нѣкоторую сумму изъ земскихъ средствъ, то меня просили высказать о немъ свое слово. Посему я напечаталъ въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ (1874 г.) статейку о кабинетѣ Деркачева и о Воронцовской школѣ Золотова, хорошо поставленной и снабженной превосходнымъ запасомъ учебныхъ пособій. Нашелъ я въ Одессѣ и богатый магазинъ съ учебными пособиями, гдѣ оказалось очень много превосходныхъ заграничныхъ изданій Семенюты, и пріобрѣлъ здѣсь не мало хорошаго для моей Воронежской школы. Золотовъ тогда былъ уже совсѣмъ сѣдой старичекъ, но вся его маленькая фигурка еще дышала умомъ, энергіей и любовью къ школѣ. Деркачевъ былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, солидный и спокойный. Семюнита мнѣ показался живымъ и способнымъ человѣкомъ, въ заботахъ о школѣ, однако, не забывающимъ и свои интересы, что и понятно. Золотовъ показалъ мнѣ не только воронцовскую школу, которая была подъ его

управленіемъ, но и частную женскую гимназію, которую устроила его дочь. Отдохнувъ въ Одессѣ, я отправился въ Псковъ, гдѣ остановился у предсѣдателя уѣздной земской управы, Николая Александровича Ваганова, и занимался три недѣли, руководя съѣздомъ народныхъ учителей и учительницъ. И здѣсь бросалось въ глаза то же общественное оживленіе во время съѣзда, какъ въ Костромѣ и Херсонѣ. И здѣсь залъ дворянскаго собранія, гдѣ происходили занятія, былъ постоянно полонъ публикой. И здѣсь работа шла живая, неутомимая. Въ дополненіе къ привезенной мною коллекціи учебныхъ пособій на псковскій съѣздъ было привезено много вещей изъ Петербурга книгопродавцемъ Надѣинымъ и собственникомъ типографіи Котоминымъ, уроженцами Псковской губерніи, которые принимали теплое участіе въ земскихъ дѣлахъ губерніи, а особенно, въ усовершенствованіи ея школы. Кромѣ земскихъ людей и другихъ близкихъ къ дѣлу лицъ, занятія съѣзда постоянно посѣщали два педагога, съ которыми я сошелся особенно хорошо: директоръ реального училища Николай Ивановичъ Раевскій, авторъ довольно распространенныхъ руководствъ по ботаникѣ, и директоръ учительской семинаріи, которая тогда только что открывалась во Псковѣ; фамилію послѣдняго я забылъ: этотъ живой и симпатичный человекъ, близко къ сердцу принимавшій дѣло народнаго образованія, горячо принялся за организацію семинаріи, но, къ сожалѣнію, не долго оставался во главѣ ея,—онъ умеръ преждевременно, оставивъ по себѣ самую свѣтлую память и въ семинаріи, и вообще во Псковѣ. Среди множества посѣтителей съѣзда нельзя было не обратить особеннаго вниманія на одного высокаго, сѣдовласаго, согбеннаго старца-слѣпца, съ сѣдой длинной бородой и необыкновенно благообразнымъ лицомъ, котораго вводила въ залъ молодая дѣвушка въ черномъ платьѣ, и который внимательно прислушивался ко всему, что говорилось на съѣздѣ: и къ урокамъ во временной школѣ, и къ совѣщаніямъ и къ лекціямъ. Очевидно, что для этого старца съ апостольской наружностью съѣздъ народныхъ учителей представлялъ собой нѣчто особенно интересное, близкое сердцу, желанное и радостное, какъ осуществленіе давней мечты. Меня представили этому старцу, къ которому всѣ относились съ особеннымъ, почти благословѣннымъ уваженіемъ. Это былъ возвращенный декабристъ Михаилъ Александровичъ Назимовъ. Изъ разговоровъ съ нимъ я убѣдился, что съѣздъ народныхъ учителей для него, состарѣвшагося въ идеальныхъ мечтахъ и стремленіяхъ къ освобожденію и просвѣщенію народа, для него, такъ много пострадавшаго за свои высоко-гуманныя и честныя идеи, съѣздъ народныхъ учителей, дѣйствительно, представлялъ особенный интересъ: въ народненіи русской народной школы, рядомъ съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, ему чужалось осуществленіе стремленій и надеждъ его далекой молодости... Увы! и въ старости, на порогѣ смерти, онъ оставался тѣмъ же идеалистомъ, довѣрчивымъ, честнымъ и любящимъ, какимъ много лѣтъ тому назадъ шелъ въ Сибирь. Молодая дѣвушка, скромно одѣтая, съ гладко причесанными темными волосами, съ кроткимъ и умнымъ взглядомъ карихъ глазъ, вводившая его въ залъ, была его внучка—народная учительница, промѣнявшая долю обезпеченной провинціальной барышни-дворянки на дѣло учительства въ сельской школѣ. Съ какимъ живымъ и теплымъ интересомъ относился онъ къ занятіямъ съѣзда! Какъ

вѣрилъ въ освобожденіе и просвѣщеніе народа и во всѣ начинанія и реформы того времени! Какое живое и оживляющее другихъ участіе принималъ въ земскихъ дѣлахъ, постоянно отстаивая интересы крестьянства, какъ основной массы русскаго народа, главной силы и материка Россіи! Благо для него, что этотъ идеалистъ не дожилъ до нашихъ печальныхъ дней и нѣсколько лѣтъ тому назадъ сошелъ въ могилу, не утративъ своей вѣры въ полное освобожденіе русскаго народа, надежды на скорое истинное просвѣщеніе его и любви къ власти, давшей ему и эту свободу, и это просвѣщеніе, не доживъ до того полнаго разгрома его идеальныхъ стремленій, до котораго пришлось дожить намъ... Все равно, ему не пережить бы этого разгрома... Я еще разъ видѣлся и бесѣдовалъ съ нимъ черезъ восемь лѣтъ, руководя съѣздомъ народныхъ учителей во Псковѣ въ 1882 году, почти наканунѣ его смерти, и за великое счастье считаю, что получилъ отъ него его фотографію, на которую нерѣдко гляжу съ чувствомъ глубокаго умиленія. „Да, были личности... Не пропадетъ народъ, обрѣтшій ихъ во времена тугія... Мудренными путями Богъ ведетъ тебя, многострадальная Россія!“ (Некрасовъ, „Медвѣжья охота“)... Да, это были „люди“, настоящіе люди, сильные тѣломъ и духомъ, крѣпкіе, какъ сибирскій ледъ, и горячіе, какъ пламя. Есть ли у насъ теперь такіе люди? Должно быть есть, но... гдѣ они? Думается, что ихъ пора еще придетъ, и эта дума миритъ съ жизнью.

Изъ Пскова я заѣхалъ на нѣсколько дней въ Петербургъ и возвратился въ Воронежъ какъ разъ къ началу занятій и въ военной гимназіи, и въ моей школѣ. Пришлось немедленно приниматься за работу. Одновременно съ уроками въ гимназіи, съ уроками и наблюденіями въ школѣ, надо было обрабатывать отчеты о всѣхъ проработанныхъ съѣздахъ и мои лекціи, которыя я обѣщаль Юл. Ив. Симашко для напечатанія въ „Семьѣ и Школѣ“. Отчеты мои о второмъ костромскомъ, о херсонскомъ и псковскомъ съѣздахъ были напечатаны земствами особыми брошюрками, какъ приложение къ докладамъ управы. Наиболѣе объемистымъ изъ нихъ былъ херсонскій, потому что въ составъ его вошли всѣ протоколы обсужденій и нѣкоторые доклады. Лекціи мои, обнимающія всѣ стороны учебно-воспитательнаго дѣла въ народной школѣ, съ изложеніемъ его антропологическихъ основъ и съ историческими очерками его, начиная съ Сократа, были напечатаны въ журналѣ „Семья и Школа“ за 1875 годъ и тогда же изданы отдѣльно Ю. И. Симашко въ видѣ большого тома, около 30 печатныхъ листовъ большого формата, подъ заглавіемъ „Школьное дѣло“.

Вообще говоря, я вынесъ изъ съѣздовъ народныхъ учителей самыя отрадныя впечатлѣнія и полное убѣжденіе въ полезности ихъ для дѣла. Конечно, ихъ можно бы поставить и вести лучше, талантливіѣе, съ большимъ знаніемъ дѣла, нежели могъ и умѣлъ это сдѣлать я при всемъ моемъ стараніи и при всей моей любви къ этому дѣлу,—конечно, тогда ихъ полезность была бы гораздо значительнѣе; но и въ томъ несовершенномъ видѣ, какъ они шли подъ моимъ руководствомъ, по моему убѣжденію и по отзывамъ многихъ другихъ, болѣе или менѣе компетентныхъ и близко стоящихъ къ народной школѣ лицъ, они приносили много пользы. Они возбуждали мысль и самостоятельность работниковъ народной школы, сближали ихъ между собою, воодушевляли ихъ, придавали имъ много бодрости, энтузіазма и силъ для возможно живого, луч-

шаго, плодотворнаго исполненія ихъ труднаго дѣла, плохо вознаграждаемаго и крайне изнурительнаго. А поддержка, ободреніе имъ всѣмъ очень нужны: однимъ—въ виду недовольства самимъ собой, своими силами, своимъ умѣньемъ, другимъ—въ виду ихъ неудовлетворенности результатами своей работы, третьимъ—въ виду привязчивости и несообразныхъ требованій начальства, четвертымъ—въ виду крайней скудости вознагражденія и неприглядности житейскихъ условій, пятымъ—въ виду равнодушія, а то и враждебности мѣстнаго населенія къ школѣ, къ обученію, къ учителю, шестымъ—въ виду полного одиночества во время учебнаго года, безъ общества, безъ товарищества, безъ малѣйшихъ бесѣдъ и общеній съ живыми интеллигентными людьми, безъ книгъ, безъ журналовъ и газетъ, седьмымъ—въ виду разныхъ интригъ и каверзъ со стороны людей, враждебно относящихся къ народному образованію, въ родѣ землевладѣльца съ крѣпостническими вождедѣніями, или становаго съ кулачной расправой, или сельскаго богача-кулака, или, всего чаще, жаднаго и безбожнаго попа. Учителство на сѣздѣ все время находится въ какомъ-то возбужденномъ состояніи благодаря урокамъ, обсужденіямъ, обмѣну наблюденій и мыслей, спорамъ, общему вниманію, на немъ сосредоточенному, общему интересу, его сближающему. Оно проникается сознаніемъ важности и отвѣтственности своего дѣла и поста, стремленіемъ къ самоусовершенствованію, нравственно освѣжается и подымается, бодро и смѣло глядитъ впередъ, забывая всѣ тяготы своей обычной жизни, съ ея неудобствами, лишеніями, нуждой. Не мало свѣтлыхъ личностей встрѣтилъ я въ этой средѣ людей, работающихъ въ глухихъ захолустьяхъ,—личностей чуткихъ, воспріимчивыхъ, самоотверженно преданныхъ народной школѣ и скромному дѣлу учительства. А сколько вниманія, ласки, дружбы и нѣжной преданности видѣлъ я отъ этихъ людей, проводящихъ лучшіе годы жизни среди крестьянъ и крестьянскихъ ребятъ, людей грубоватыхъ на видъ, но способныхъ и серьезно мыслить, и глубоко чувствовать, и энергически дѣйствовать во имя идеи, забывая личныя выгоды, интересы и расчеты!

Наиболѣе интеллигентными мнѣ показались учителя и учительницы Херсонской губерніи—по крайней мѣрѣ въ большинствѣ: здѣсь уже нѣсколько лѣтъ дѣйствовала учительская семинарія, подымавшая уровень требованій отъ кандидатовъ на учительскія мѣста; здѣсь было много учительницъ, окончившихъ курсъ женской гимназіи, и появленіе въ средѣ учительства образованныхъ дѣвушекъ, всегда отличающихся нѣсколько идеальнымъ складомъ мыслей, чувствъ и стремленій, отзывалось благотворно на общемъ фонѣ среды; здѣсь и школы были лучше устроены и обставлены, и учительскій трудъ лучше вознаграждался. Въ Псковской губерніи дѣло только что налаживалось; семинарія только что открывалась; среди учительства, набраннаго случайно, были и дѣльные работники, преданные дѣлу, жаждующіе самообразования и самоусовершенствованія (Верещагинъ), и самонадѣянныя молодцы, безъ подготовки и знаній, но съ увѣренностью, что они совсѣмъ готовы и все знаютъ (Волотовскій), и безнадежные тупицы, балбесы, лѣнтяи, приткнувшіеся къ учительству отъ некуда дѣваться. Въ Костромской губерніи замѣчалась тоже большая пестрота въ учительскомъ персоналѣ, но общій характеръ сердечнаго увлеченія дѣломъ—

отчасти, можетъ быть, внесенный сюда Василиемъ Ивановичемъ Водовозовымъ, руководившимъ здѣсь учительскимъ съѣздомъ передо мною, въ 1872 году—и преобладаніе женскаго элемента, вообще выгодное для начальной школы, сглаживало неровности и шероховатости.

Въ общемъ у меня осталось такое впечатлѣніе, что въ русской народной школѣ уже есть не мало хорошихъ, надежныхъ работниковъ, а особенно работницъ, которые искренно и безкорыстно преданы дѣлу, поведутъ его разумно, умѣло, дѣльно и горячо, а между этими работниками и работницами попадаются и истинные народные герои, полные живого энтузіазма, способные всѣмъ пожертвовать ради народнаго блага, которое они видятъ въ грамотѣ, въ образованіи, въ наукѣ. Я очень люблю просматривать сотни фотографій, вывезенныхъ мною съ учительскихъ съѣздовъ: всматриваясь въ эти знакомыя лица, припоминая при этомъ мои дружескія бесѣды и живую общую работу съ ними, я опять переживаю тѣ далекіе счастливые дни, когда сотни людей, вмѣстѣ со мной, горѣли однимъ и тѣмъ же воодушевленіемъ и съ вѣрою рвались къ одному святому дѣлу...

VII.

Пора невзгодъ и огорченій.

Конецъ 70-хъ годовъ въ провинціи 1875—1880.

С. Петино. 1893 г., мая 2.

Какъ ни тяжела была работа на учительскихъ съѣздахъ, она содержала въ себѣ столько привлекательнаго и живого интереса, что я не задумываясь принялъ приглашеніе трехъ земствъ на лѣто 1875 года и отклонилъ четвертое, въ Херсонъ, только по той причинѣ, что оно запоздало и у меня уже не оставалось свободнаго времени до начала занятій въ военной гимназіи: четыре съѣзда невозможно было вмѣстить въ непродолжительный срокъ лѣтнихъ каникулъ. Но—увы!—Министерство народнаго просвѣщенія на сей разъ почему-то подвергло меня, какъ руководителя съѣздовъ, опалѣ: всѣ съѣзды, подѣ моимъ руководствомъ, подверглись запрещенію. Причины этой неожиданной опалы и до сихъ поръ мнѣ совершенно не извѣстны,—доносы ли какіе были направлены противъ меня, или это было просто враждебное отношеніе къ человѣку чужаго вѣдомства, при томъ непріязненнаго, т. е. военнаго, которое тогда, съ его просвѣтительными стремленіями, было бѣльмомъ на глазу для мин. нар. просвѣщенія,—къ человѣку независимому, или какія либо мои неосторожныя рѣчи возбудили недовѣріе ко мнѣ, или не нравились тѣ знаки расположенія, какими я пользовался со стороны земства и общества, при недовѣрїи и нерасположенїи, почти всеобщемъ, къ министерскимъ инспекторамъ и директорамъ. Не знаю, но могу сказать, положа руку на сердце, что съѣзды, мной руководимые, занимались только дѣломъ, никогда не выходили изъ предѣловъ дозволеннаго и прямо

относящагося къ школѣ и школьному дѣлу. Какъ бы то ни было, руководство съѣздами народныхъ учителей у меня было отнято, и это было для меня тяжелымъ ударомъ—не въ матеріальномъ, а въ нравственномъ отношеніи: мнѣ предстояло лѣто безъ той живой работы, безъ того симпатичнаго общества молодежи, работающей въ народныхъ школахъ, безъ тѣхъ сладостныхъ волненій, въ которыя я уже втянулся, которыя стали самымъ дорогимъ интересомъ въ моей жизни.

Въ декабрѣ 1874 года у меня родился сынъ, котораго я назвалъ Александромъ въ честь царя-освободителя, такъ какъ я все-таки крѣпко вѣрилъ въ освободительную силу и освободительныя стремленія этой личности: вышелъ какъ разъ Александръ Николаевичъ.

Теперь, въ виду прекращенія моей руководительской дѣятельности, я сосредоточился на урокахъ въ гимназіи, на моей школѣ и литературно педагогическихъ работахъ, мечтая про себя о томъ, какъ бы поближе пристроиться къ народной школѣ—уже не въ качествѣ „учителя учителей“, а непосредственнымъ работникомъ. Но далеко еще было то время, когда явилась возможность осуществить эту мечту.

Вообще, вторая половина семидесятыхъ годовъ была для меня тяжелымъ временемъ: тяжкіе удары сыпались на меня одинъ за другимъ. Первымъ ударомъ было устраненіе меня отъ руководства съѣздами. Не успѣлъ я отправиться отъ этого удара и примириться съ насильственнымъ разрывомъ съ обществомъ народныхъ учителей, какъ другой ударъ нанесъ мнѣ опять таки графъ Толстой, но не Дм. Андр., а самъ Левъ Никол. къ которому я относился съ такимъ восторгомъ, какъ къ автору „Дѣтства“, „Отрочества“, „Семейнаго очастья“, „Севастопольскихъ разсказовъ“, „Война и миръ“, какъ къ основателю Ясно-Полянской школы, издателю журнала „Ясная-Поляна“. Этотъ ударъ шель изъ статьи „О народномъ образованіи“, появившейся въ 1874 году въ „Отечественныхъ Запискахъ“, самомъ популярномъ и, дѣйствительно, лучшимъ русскомъ журналѣ того времени, благодаря тому, что во главѣ его стояли такія личности, какъ Ник. Ал. Некрасовъ и Мих. Евф. Салтыковъ-Щедринъ, очень сильные и почтенные. Но, къ сожалѣнію, они вели журналъ съ участіемъ въ редакціи не такихъ крупныхъ людей, каковы были Добролюдовъ и Чернышевскій, главные столпы „Современника“. То былъ вѣкъ богатырей, но смѣшались шашки,—и полѣзли изъ щелей“... Михайловскіе, Скабичевскіе и Буренины... Конечно, и эти писатели не безъ таланта, но у нихъ уже не было той выдержки направленія, той разборчивости, послѣдовательности и стойкости, которыя прежде преграждали дорогу въ „Современникъ“ даже Тургеневу. Потому-то въ „Отечественныхъ Запискахъ“, рядомъ съ сатирами Шедрина и стихами Некрасова, стали возможны—и мистическій романъ Достоевскаго, и статья Л. Толстого съ пропагандой народной школы, руководимой дьячками и отставными солдатами. Гр. Л. Н. Толстой рѣзко высказывалъ въ „Ясной Полянѣ“ какое-то злобно—презрительное отношеніе къ тому направленію, представителемъ котораго былъ „Современникъ“, а потомъ—„Отечественныя Записки“, и уже давно не давалъ ни въ который изъ этихъ журналовъ своихъ художественныхъ произведеній; не давалъ онъ ихъ въ „Отечественныя Записки“ и послѣ статьи „О народномъ

образованіи“, не обращая вниманія на всѣ лакейскія заискиванія нѣкоторыхъ заправиль журнала (не главныхъ, т. е. не Щедрина и Некрасова, а второстепенныхъ): какъ „Война и миръ“, такъ и „Анна Каренина“, оба эти произведе- нія печатались въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ Каткова. Но эту статью онъ бросилъ въ презираемый имъ журналъ,—вѣроятно, въ виду его распространенности, а мнимые продолжатели Добролюбова и Чернышевскаго жадно подхватили слу- чайную подачку славнаго писателя, яко-бы удостоившаго ихъ своимъ сотру- дничествомъ, и поспѣшили воскурить ему фиміамъ, провозгласивъ его статью „новымъ словомъ“, достойнымъ особаго и общаго вниманія. Извѣстно, что зна- менитый авторъ „Войны и мира“ въ своей статьѣ жестоко нападаетъ на новое обученіе и новую школу, созданную земствомъ, вообще, а въ частности—на меня и на покойнаго Евтушевскаго, какъ яко-бы на самыхъ видныхъ предста- вителей новаго обученія, и набрасываетъ планъ такой народной русской школы, какова она должна быть, по его мнѣнію—планъ, впрочемъ, вовсе не напоми- нающій о той Ясно-Полянской школѣ, которая рисовалась въ очеркахъ и статьяхъ журнала „Ясная Поляна“ и еще въ Вологдѣ привлекала къ себѣ мою симпатію. Въ тѣхъ очеркахъ свѣтилась живая и любящая творческая сила, а въ этой статьѣ была разрушающая и ненавидящая, какое-то раздраженіе и даже озлобленіе съ сильнымъ личнымъ отгѣнкомъ, а рядомъ—непріятное само- хвальство. Дѣло въ томъ, что передъ этимъ гр. Л. Н. Толстой издалъ свою двухрублевую азбуку, которая прошла незамѣченной и вовсе не привилась къ народной школѣ, не смотря на обиліе превосходнаго матеріала для чтенія. Причины неуспѣха заключались: въ способѣ обученія грамотѣ (буквослагатель- номъ), къ которому книга была приспособлена, который рекомендовался авто- ромъ, и въ дороговизнѣ книги, не соотвѣтствовавшей средствамъ русской народ- ной школы. Очевидно, что автора раздражало и то обстоятельство, что на его книгу не обратили вниманія,—педагогическая литература какъ-бы вовсе не за- мѣтила ея, и неуспѣхъ книги въ школѣ, которая не хотѣла пользоваться ею, тогда какъ книги и руководства какого-то Бунакова идутъ, употребляются въ школахъ и обращаютъ на себя вниманіе. Я увѣренъ, что это личное раздраже- ніе было однимъ изъ главныхъ стимуловъ, вызвавшихъ злобное нападеніе гр. Л. Н. Толстого на новую школу, новое обученіе и на меня, грѣшнаго. Тѣмъ не менѣе новая педагогическая статья его, какъ болѣе „пикантная“, произвела гораздо больше шуму и тревоги въ литературѣ и въ обществѣ, нежели очерки и статьи журнала „Ясная Поляна“ въ свое время. Это объясняется всего болѣе тѣмъ, что въ литературѣ на мѣсто сильныхъ умовъ и талантовъ съ крѣпкими опредѣленными убѣжденіями, сошедшихъ со сцены, въ родѣ Добролюбова и Чернышевскаго, выступила мелюзга, не обладающая такими убѣжденіями, но съ гигантскими самолюбіями, съ великими претензіями и волчьими аппетитами, самымъ яркимъ представителемъ которой можетъ служить господинъ Буренинъ, начавшій свою литературную карьеру въ „Отечественныхъ Запискахъ“, и воспи- тавшійся въ этой школѣ для тѣхъ подвиговъ, какіе потомъ сталъ совершать въ „Новомъ Времени“, какъ правая рука Суворина. Въ обществѣ-же тогда уже выступила цѣлая фаланга лицъ, враждебно относившихся къ земству вообще, а особенно къ его заботамъ о народѣ, въ смыслѣ крестьянства, и о народной

школѣ: словомъ,—уже чуялись тѣ дворянскія и поповскія вождедѣнія, которыя пышнымъ цвѣтомъ распустились въ 90-хъ годахъ, пріостановивъ или исказивъ многія благія начинанія предшествовавшихъ десятилѣтій.

Какъ орла, говорятъ, всегда сопровождаетъ разная пернатая сволочь,—такъ и слѣдомъ за статьей геніальнаго Толстого послѣдовали бранныя статьишки разныхъ мелкихъ писаекъ, въ родѣ фельетоновъ Буренина, глумившихся надъ русской земскою народною школою, надъ новымъ, яко-бы—„нѣмецкимъ“ обученіемъ, надъ звуковымъ способомъ, наглядными бесѣдами, ариѣметическимъ ящикомъ и т. под., а особенно надо мной и Евтушевскимъ. Замѣчательно, что въ глумленіяхъ этихъ сквозилата скверная нотка, что вотъ—моль эти педагоги загребаютъ тысячи за свои азбуки, сборники задачъ, руководства и тому подобную школьную дребедень, тогда какъ мы, заправскіе литераторы, питающіе русское общество настоящей умственной пищей, получаемъ умѣренную полезную плату; ихъ книжки расходятся десятками тысячъ экземпляровъ, выдерживаютъ десятки изданій, а мы должны ограничиваться однимъ печатаніемъ своихъ произведеній на страницахъ журнала, и не помышляя объ отдѣльномъ изданіи ихъ. Нотка оставалась бы скверной даже и въ томъ случаѣ, если бы загребанье тысячъ было дѣйствительнымъ фактомъ. А на самомъ дѣлѣ факты были таковы: Евтушевскій, черезъ нѣсколько лѣтъ разбитый параличомъ въ лучшую пору жизни, страшно мучился нравственно, что уже никогда не въ состояніи будетъ работать, если даже останется въ живыхъ, а его семьѣ придется бѣдствовать. Я былъ очевидцемъ этихъ его нравственныхъ страданій и напрасно старался ободрить и успокоить его. Онъ, дѣйствительно, не возвратился къ работѣ и скоро умеръ, а семья его не бѣдствуетъ только благодаря пенсіону, назначенному ей изъ милости, какъ семьѣ наставника, который давалъ математическое образованіе Наслѣднику престола. Изъ всѣхъ педагоговъ только Ушинскій оставилъ хорошее наслѣдство женѣ и дѣтямъ своими книгами, которыя давали очень умѣренный доходъ ему самому, но шибко пошли („Родное слово“ и „Дѣтскій міръ“) послѣ его смерти, возбуждая и зависть, и всяческія интриги и въ официальныхъ и въ частныхъ кружкахъ. Что касается меня, тоже вызвавшего упреки (и за что тутъ упрекать, если бы это была и правда?) въ загребаньи тысячъ, то я получалъ съ экземпляра моей азбуки, работа надъ которой, возможная только послѣ продолжительнаго учительства и многолѣтнихъ внимательныхъ наблюденій, доводила меня просто до одурѣнія, 2. 3 и 3²/₄ к., при номинальной цѣнѣ ея въ 25 коп.;—слѣдовательно, для полученія не то что тысячъ, но даже и одной тысячи, надо было продать отъ тридцати до пятидесяти тысячъ экземпляровъ. Я знаю, что другіе авторы-педагоги получали и того меньше, а большинство пребывало и пребываетъ въ полной власти издателей-эксплоататоровъ, безъ которыхъ нельзя обойтись тому, кто существуетъ своимъ трудомъ и не имѣетъ никакого свободнаго запаса, а тѣмъ болѣе—если еще обремененъ значительной семьей.

Я былъ страшно потрясенъ статьей гр. Толстого. На меня подѣйствовали не столько оскорбительныя глумленія, которыя содержатся въ статьѣ, а вслѣдъ затѣмъ посыпались на мою голову со всѣхъ сторонъ, сколько подавляющія сомнѣнія: свое ли дѣло и дѣло ли я дѣлаю? по своей ли дорогѣ иду? не слѣ-

дуетъ ли мнѣ добросовѣстно свернуть съ этой дороги и искать другой, болѣе соотвѣтствующей моимъ силамъ и способностямъ? Во-первыхъ, мнѣ казалось, что я окончательно оторванъ отъ того живого дѣла, которое наполняло мою жизнь, было главнымъ интересомъ ея въ послѣдніе годы, безъ котораго она представлялась мнѣ пустой, скучной, безсодержательной и ненужной, что моя „пѣсенка спѣта“, что я убитъ наповаль. Во-вторыхъ, невольно въ умѣ копошились и мучили смутные вопросы: полно, не правъ ли Толстой? полно, полезное ли дѣло дѣлалъ я, какъ „учитель учителей“.—не сбивалъ ли съ толку и работниковъ народной русской школы, и самую эту школу, и земство въ его заботахъ о народномъ образованіи? Не была ли вся моя страстная дѣятельность ради усовершенствованія народной школы только однимъ зломъ для того самага дѣла, которому я хотѣлъ служить? Мѣсяца три я ходилъ какъ въ воду опущенный, не могъ ни разобраться въ путаницѣ мыслей и сомнѣній, овладѣвшихъ мной, ни справиться съ самимъ собой, невольно поддаваясь мрачнымъ отчаяннымъ думамъ и чувствамъ. Въ это время у меня гостилъ мой любимый братъ, Петръ Ѳедоровичъ Бунаковъ, разошедшійся съ кн. Долгорукимъ, имѣніемъ котораго управлялъ; мы съ нимъ всегда были друзьями и всегда поддерживали другъ друга въ трудные дни жизни. Онъ былъ человѣкъ совершенно посторонній школьному дѣлу, но съ яснымъ дѣловымъ умомъ, который отличался трезвостью и устойчивостью. Кромѣ того, онъ былъ искренно привязанъ ко мнѣ не какъ братъ, а какъ другъ и человѣкъ, уважающій мою дѣятельность. Его трезвыя и участливыя рѣчи на меня дѣйствовали успокоительно. Онъ спокойно и безпристрастно, какъ посторонній человѣкъ, разбиралъ самую сущность статьи гр. Толстого, отдѣляя въ ней истину отъ преувеличеній, выдумокъ и злобныхъ выходокъ, раскрывая ту настоящую подкладку статьи, которая прикрывалась фразами о любви къ народу и о желаніи ему блага. Мало-по-малу и я началъ иначе относиться къ этой статьѣ, смутившей мой душевный покой, различать въ ней истину отъ парадоксовъ, понимать ея сущность, которая—должна принести пользу для дѣла, затерявшагося въ шумихѣ задорнаго бахвальства, несообразныхъ фантазій и злобныхъ глумленій. Разрушительное значеніе статьи въ глазахъ моихъ уменьшилось, сомнѣнія мои улеглись, вѣра въ себя и въ свое дѣло прояснилась, пробудилась съ новою силою и жажда дѣятельности. Братъ настаивалъ, чтобы я непременно напечаталъ возраженіе на гр. Толстого, указалъ бы на разныя несправедливости и лживыя выходки этой статьи противъ меня и противъ новой школы съ новымъ обученіемъ. О томъ же писалъ мнѣ издатель „Семьи и Школы“. Ю. Ив. Симашко, печатавшій въ то время мое „Школьное дѣло“ (лекціи на учительскихъ сѣздахъ). Мнѣ и самому дулалось, что молчать нельзя. Я написалъ очень краткое и рѣзкое возраженіе уважаемому автору „Войны и мира“, въ формѣ письма къ редактору-издателю „Семьи и Школы“, которое было напечатано въ этомъ журналѣ (1874 г., съ сочувственной выноской отъ редакціи. Въ этой выноскѣ, между прочимъ, говорится:

„Намѣреваясь вскорѣ представить читателямъ доказательства того, что взгляды гр. Л. Толстого на народное образованіе въ ихъ основаніи не выдерживаютъ серьезной критики, мы помѣщаемъ здѣсь письмо почтеннаго дѣятеля

школы Н. Θ. Бунакова, какъ не отразимое доказательство того, до какой степени безцеремонно обращается съ словомъ и своимъ талантомъ авторъ статьи о народномъ образованіи. Мы жалѣемъ о томъ, что на страницахъ нашего журнала приходится допустить слово жестокое, но затрудняемся подобрать слово болѣе мягкое и равносильное выраженію нашего сотрудника“. Это жестокое слово было слово „ложь“ и заключалось оно въ слѣдующихъ выраженіяхъ моего письма: 1) „Нельзя обойти молчаніемъ ту ложь, которою съ начала до конца проникнута статья гр. Толстого, написанная увлекательно, остроумно и такимъ прекраснымъ языкомъ, какимъ умѣетъ писать только авторъ „Войны и мира“ (вступленіе). 2) Гр. Толстой говоритъ, что онъ очень любитъ русскій народъ и народную школу. Опять не смѣю сомнѣваться. Но нельзя не сказать, что въ статьѣ его, посвященной народному образованію, скорѣе выражается громадное себялюбіе, нежели народолюбіе. Лишь этимъ себялюбіемъ объясняются и тѣ приемы, которыми онъ пользуется для утвержденія своей правоты,— это сплошное сцѣпленіе лжи, голословныхъ приговоровъ и сужденій свысока“.

Дѣйствительно, въ статьѣ гр. Л. Н. Толстого „О народномъ образованіи“ надо различать двѣ стороны: справедливое и мѣткое указаніе геніальнаго ума на нѣкоторыя преувеличенія и односторонности, которыми грѣшили всѣ дѣятели русской начальной школы того времени (въ числѣ ихъ и я); а рядомъ— собственные преувеличенія и односторонности, чуть ли не болѣе опасныя, нежели тѣ, которыя авторъ обличалъ въ другихъ (напр., возвеличеніе русскихъ крестьянскихъ дѣтей, яко-бы въ массѣ обладающихъ познаніями и пониманіемъ взрослыхъ людей, и т. п.), и массу мелкой лжи, которая сказывается въ искаженіи и фальшиво-карикатурномъ представленіи чужихъ дѣяній, мнѣній и рѣчей, а пуще всего того обученія, которое авторомъ не одобряется, и тѣхъ учебныхъ книгъ, которыя вошли въ школу и не очистили мѣста для двухрублевой азбуки гр. Толстого: выходитъ не критика, не опроверженіе, а грубое и не совсѣмъ добросовѣстное глумленіе, да и можетъ-ли быть „добросовѣстное“ глумленіе? Не менѣе того въ статьѣ гр. Толстого—тщеславнаго сомнѣнія, хвастливой самоувѣренности, показного афишированія своей непогрѣшимости, весьма сомнительной. Слышится и большая доля личнаго раздраженія, вызваннаго и не успѣхомъ двухрублевой азбуки, и возраженіями, какія автору пришлось выслушать въ московскомъ комитетѣ грамотности, наперекоръ желаніямъ заправиль и тузовъ этого комитета. Раскрытіе преувеличеній, лжи и односторонности, содержащихся въ статьѣ „О народномъ образованіи“, фактическое и спокойное, а не голословное раздражительное, безъ всякаго оттѣнка глумленій и гаерства, сжатое, краткое, безъ всякаго фразерства и размазыванія, было сущностью моего письма къ редактору „Семьи и Школы“. Оно, сколько мнѣ извѣстно, произвело хорошее впечатлѣніе; я слышалъ одобреніе за него отъ многихъ видныхъ петербургскихъ педагоговъ на вечерѣ у покойнаго Федора Николаевича Мѣдника, издателя и редактора „Народной Школы“: отъ Сергѣя Иринеевича Миропольскаго, Карла Карловича Сентъ-Илера, Николая Ивановича Раевского и др. Помнится, даже господинъ Буренинъ, первый застрѣльщикъ тревоги по поводу статьи гр. Толстого, отозвался одобрительно объ этомъ письмѣ въ одномъ изъ своихъ фельетоновъ. Только одинъ господинъ Михай-

ловскій, вмѣнявшій себѣ въ великую заслугу, что онъ де открылъ гр. Толстого и первый понялъ и оцѣнилъ его, подсмѣивался, что я называю „прекраснымъ“ языкъ гр. Толстого и нахожу въ немъ какія то особенныя достоинства, тогда какъ языкъ этого писателя,—дурной, неправильный языкъ, полный тяжелыхъ, нескладныхъ фразъ и грамматическихъ неправильностей. Очевидно, что глубоко-мысленный критикъ и публицистъ „Отечественныхъ Записокъ“ не понялъ, въ какомъ смыслѣ языкъ писателя-художника называютъ „прекраснымъ“, въ какомъ смыслѣ я выразился, что такимъ языкомъ, какимъ написанъ романъ „Война и миръ“, умѣеть писать одинъ только гр. Л. Толстой, въ какомъ смыслѣ говорятъ о прелести и высокомъ художественномъ достоинствѣ языка Гоголя, Тургенева, гр. Л. Толстого. Понятно, что тутъ имѣется въ виду не грамматическая правильность языка, нерѣдко отсутствующая у гр. Л. Толстого, еще чаще—у Гоголя, а его художественная изобрѣтательность, сила и мѣткость, оригинальность, естественность и простота, — качества, зависящія отъ художественной силы писателя, которыя не даются ни грамматикой, ни самой тщательной кропотливой отдѣлкой. Въ этомъ смыслѣ весьма неправильный языкъ Гоголя все таки можно назвать „прекраснымъ“, можно сказать, что „такимъ прекраснымъ языкомъ умѣлъ писать только Гоголь“. Въ этомъ же смыслѣ я выразился и готовъ повторить, что языкъ автора „Войны и мира“—прекрасенъ и нынѣ у насъ только онъ умѣеть писать такимъ языкомъ, который всегда можно узнать даже и безъ подписи автора. Все это, кажется, надо бы понимать писателю, который имѣеть претензію быть критикомъ. Евтушевскій тоже отвѣчалъ на статью гр. Толстого уже въ слѣдующемъ году объемистой отдѣльной брошюрой, которая прошла незамѣченной: во-первыхъ, его брошюра запоздала; во-вторыхъ, она вышла довольно расплывчата, длинна и утомительна; въ-третьихъ, авторъ наговорилъ кучу банальностей; въ-четвертыхъ, въ этомъ отвѣтѣ неприятно сквозило стремленіе отвести удары гр. Толстого только отъ своей головы и представить подъ нихъ головы другихъ. Какъ бы то ни было, брошюру читали весьма немногіе, и въ литературѣ, какъ общей, такъ и педагогической, о ней никто не заикнулся. Говорили, что Евтушевскій хотѣлъ напечатать свою отвѣтную статью въ „Вѣстникѣ Европы“, но редакція этого журнала уклонилась отъ печатанія ея, заявивъ, что напечатаетъ статью, опровергающую гр. Толстого, написанную г. Евгениемъ Марковымъ. И дѣйствительно, въ „Вѣстникѣ Европы“ появилась эта водянистая, бойко-хвастливая и мало-содержательная статья, отмѣченная всѣми отрицательными достоинствами, свойственными этому плодовитому автору, писанія котораго находили себѣ мѣсто въ журналахъ всѣхъ направленій и лагерей: въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ Каткова, и въ „Голосѣ“ Краевского, и въ „Русскомъ Словѣ“ Благосвѣтлова, и въ „Нивѣ“ Маркса и Ключникова, и въ „Недѣлѣ“ Гайдебурова...

Мало-по-малу шумъ, произведенный авторомъ „Войны и мира“, затихъ. Слѣдомъ его грозной статьи осталось только нерѣдкое проскакиваніе, и въ общей и въ педагогической литературѣ, довольно-таки тупого глумленія надъ современнымъ обученіемъ, съ его звуковымъ способомъ, наглядностью и проч., которое стали называть „нѣмецкимъ обученіемъ“, „нѣмецкими штукаами, вы-

думками, фокусами“. Конечно, такой слѣдъ не дѣлаетъ чести писателю, его вызвавшему. Но остался послѣ его статьи и другой слѣдъ—менѣе бьющій въ глаза, многими не замѣченный, но существенно важный, придающій статьѣ гр. Л. Толстого „О народномъ образованіи“ немаловажное значеніе въ исторіи русскаго педагогическаго дѣла, на которое едва ли рассчитывалъ самъ авторъ и о которомъ мнѣ потомъ не разъ приходилось говорить печатно въ журналѣ „Русскій Начальный Учитель“, когда я сдѣлался постояннымъ и дѣятельнымъ сотрудникомъ этого журнала, съ 1880 года, по приглашенію его издателя-редактора В. А. Латышева, о чемъ буду говорить въ свое время.

Дѣло въ томъ, что статья гр. Л. Н. Толстого, не смотря на ея намѣренно лживый характеръ во многихъ подробностяхъ и нападкахъ на школу и отдѣльных работниковъ ея, сущностью своею произвела полезное „отрезвляющее“ вліяніе на специалистовъ школьнаго дѣла, невольно впадавшихъ въ преувеличеніе и крайности, какъ это нерѣдко бываетъ со всякими специалистами, которые слишкомъ увлекаются своимъ дѣломъ, незамѣтно для самихъ себя суживаютъ свой кругозоръ и перестаютъ обращать вниманіе на многое, что находится внѣ ихъ специальности, но чего не слѣдовало бы имъ упускать изъ виду въ интересахъ ихъ спеціальнаго дѣла. Такъ, иной врачъ-гигиенистъ начинаетъ предписывать больнымъ крестьянамъ такого качества питаніе и такія условія жизни, которыя немислимы въ крестьянскомъ быту. Не знаю, какъ на другихъ, но на меня и мою дальнѣйшую дѣятельность статья гр. Л. Н. Толстого въ концѣ-концовъ имѣла большое и вполне благотворное вліяніе—конечно тогда, когда изгладилось первое впечатлѣніе, буря въ стаканѣ воды улеглась, а наступила пора спокойнаго размышленія,—и потому въ моей душѣ не осталось никакого иного чувства къ великому русскому художнику, жестоко отдѣлавшему меня, кромѣ чувства благодарности. Статья „О народномъ образованіи“ не умалила ни значенія „звукового способа“, ни разумности „принципа наглядности въ обученіи“, ни важности спеціальной подготовки и широкаго общаго образованія для народнаго учителя, ни стремленія придавать обученію развивающій характеръ, ни вѣры въ возможность такого характера и въ развивающую силу разумнаго обученія; но она побуждала всматриваться въ народную жизнь, напоминая, что не народъ существуетъ для школы, а школа для народа, всматриваться въ житейскія условія дѣятельности народной школы, въ ея живыя потребности; она побуждала относиться съ должнымъ уваженіемъ къ правамъ и потребностямъ народной жизни и согласовать съ ними дѣло обученія въ народной школѣ.

Покойный В. А. Евтушевскій, сколько мнѣ извѣстно, такъ и въ могилу ушелъ съ чувствомъ озлобленія противъ гр. Л. Н. Толстого, а І. И. Паульсонъ еще недавно, въ своей книгѣ „Методика грамоты“ (1887—1892), обругалъ гр. Л. Н. Толстого, какъ виновника какого-то „педагогическаго нигилизма“, якобы обуявшаго корпорацію русскихъ народныхъ учителей („Методика грамоты“, т. I, 1887 г., и т. II, 1892). Какъ это ни странно, мнѣ именно пришлось возражать г. Паульсону по этому поводу, разъясняя и фантастичность этого, „педагогическаго нигилизма“, выдуманнаго почтеннымъ педагогомъ, и дѣйствительное значеніе статьи гр. Л. Н. Толстого. Разбирая I-ый томъ названнаго сочиненія г.

Паульсона, вообще говоря весьма почтеннаго и полезнаго, въ № 8—9 „Русскаго Начальнаго Учителя“ за 1888 годъ, я писалъ (301 стр.): „Въ этихъ полемическихъ выходкахъ г. Паульсона все несправедливо: и обвиненіе начальныхъ учителей въ какомъ-то безшабашномъ отрицаніи, въ „педагогическомъ нигилизмѣ“, и обвиненіе этихъ учителей въ поголовномъ неумѣннѣ дѣлать свое дѣло, и указаніе на сочиненія гр. Л. Н. Толстого, какъ на источникъ какого-то „педагогическаго нигилизма“. „Прежде всего установимъ правильный взглядъ на значеніе знаменитой статьи нашего геніальнаго романиста „О народномъ образованіи“, въ которой сжато и ярко высказалась вся суть педагогическихъ воззрѣній знаменитаго писателя. Эта статья, несмотря на произведенный ею шумъ, конечно, не упразднила ни звукового способа обученія грамотѣ, ни сборника задачъ Евтушевскаго, ни вообще новой школы, замѣнившей русскую дореформенную школу, съ азами, часословомъ и всѣми ея атрибутами, возбуждавшими въ ученикахъ чувство ужаса; но она не породила и не могла породить никакого „педагогическаго нигилизма“. Напротивъ, она подѣйствовала, такъ сказать „отрезвляющимъ“ образомъ на педагоговъ, увлекшихся нѣмецкой методикой, забывшихъ, въ своемъ увлеченіи, требованія народной жизни и невольно впадавшихъ въ крайности и преувеличенія. Нельзя сказать, чтобы и самъ г. Паульсонъ былъ свободенъ отъ такихъ крайностей и преувеличеній, а до появленія статьи гр. Толстого это была почти общая характеристическая слабость русскихъ педагоговъ. Потому-то своимъ горячимъ протестомъ во имя правъ народной жизни гр. Толстой принесъ не мало пользы русской начальной школѣ, а своими книжками для чтенія, полными правды и поэзіи, написанными самымъ простымъ, чисто народнымъ поэтическимъ языкомъ, онъ противодѣйствовалъ вторженію въ школу сухого и узкаго утилитаризма, который и началъ было забираться въ нее съ легкой руки барона Н. А. Корфа. Не „исканіе совершенно новыхъ путей“, какъ говоритъ г. Паульсонъ, а „исканіе новыхъ народныхъ жизненныхъ формъ“ для практическаго приложенія педагогическихъ идей,— вотъ что было вызвано статьей гр. Толстого и стало живой потребностью времени. Да, статья о народномъ образованіи гр. Л. Н. Толстого подѣйствовала на русскій педагогическій міръ „отрезвляющимъ образомъ“.

Я самъ на себѣ и вполне прочувствовалъ это „отрезвляющее“ дѣйствіе статьи гр. Толстого, и оно отозвалось на всѣхъ моихъ работахъ послѣдняго времени, на всей моей дѣятельности 80—90 годовъ, особенно ярко отразилось въ переработкѣ „азбуки“ и въ рядѣ очерковъ „Сельская школа и народная жизнь“, напечатанныхъ мною въ „Русскомъ Начальномъ Училищѣ“.

Въ концѣ-концовъ статья гр. Толстого, въ которой знаменитый авторъ „Войны и мира“, „великій писатель Русской земли“ (по выраженію Тургенева), отдѣлалъ меня, что называется, „на обѣ корки“, была для меня только новымъ счастливымъ обстоятельствомъ, толкавшимъ меня впередъ по той же дорогѣ, на которую я вступилъ одновременно съ появленіемъ первыхъ №№ журнала того же гр. Л. Н. Толстого „Ясная Поляна“, способствовавшимъ созданію моей почетной извѣстности, какъ дѣятеля и работника русской народной школы.

Напечатавъ мое письмо въ „Семьѣ и Школѣ“, я совершенно успокоился: рядомъ съ сознаніемъ своихъ ошибокъ, увлеченій, крайностей, преувеличеній

не въ существѣ дѣла, а въ подробностяхъ, въ частностяхъ, ожила вѣра въ свои силы и окрѣпло убѣжденіе, что я долженъ оставаться при томъ же любимомъ дѣлѣ, которому могу служить съ пользой, не измѣняя самому себѣ въ общемъ. только освободившись отъ тѣхъ спеціальныхъ увлеченій, которыя заслоняли для меня права и потребности народной жизни. Что касается отношенія ко мнѣ дѣятелей народной школы, то я скоро убѣдился, что статья гр. Л. Н. Толстого отнюдь не повредила мнѣ. Напротивъ, то обстоятельство, что знаменитый писатель избралъ меня, рядомъ съ Евтушевскимъ, объектомъ для пораженія новой школы и новаго обученія, какъ одного изъ самыхъ видныхъ представителей его, даже удостоилъ названіемъ „знаменитаго педагога“ (конечно, въ ироническомъ смыслѣ?) и „учителя учителей“, — это обстоятельство сдѣлало статью гр. Л. Н. Толстого самой лучшей рекламой для меня, помимо намѣреній автора и безъ малѣйшаго желанія съ моей стороны. Ко мнѣ стали обращаться за совѣтомъ. Мои книги получили небывалую ходкость. Издатели стали усиленно привлекать меня въ свои издательскія предпріятія. Если бы въ это время не были воспрещены Министерствомъ народнаго просвѣщенія всякіе съѣзды и собранія народныхъ учителей, подъ чьимъ бы то ни было руководствомъ, я навѣрно получилъ бы не мало предложеній: въ этомъ вскорѣ убѣдился, когда новый Министръ народнаго просвѣщенія бар. Николаи снялъ съ учительскихъ собраній, съѣздовъ и курсовъ запретъ, наложенный на нихъ гр. Л. Н. Толстымъ. Впослѣдствіи я убѣдился, что иные тщеславные педагоги просто завидовали и досадовали, что грома и молніи автора „Войны и мира“ достались на мою голову: это навлекло съ ихъ стороны безсильное брюзжанье и противъ моей маленькой особы, и противъ „великаго писателя Русской земли“ (см. „Методику грамоты“ г. Паульсона).

Посвящая большую часть своего времени военной гимназіи и моей школѣ, я въ это время усередно принялся за работы, давно задуманныя и начатыя, но пріостановившіяся вслѣдствіе то недосуга, то пережитыхъ мною волненій: за книгу для чтенія въ народныхъ школахъ „Въ школѣ и дома“ и за послѣдній отдѣлъ (IV) моей „Хрестоматіи для изученія образцовъ русской словесности“ (переводы величайшихъ иностранныхъ поэтовъ съ міровымъ значеніемъ: Гомера, Софокла, Шекспира, Гете, Шиллера). Обѣ эти работы были окончены, приготовлены къ печати и изданы въ первый разъ въ 1875 году моимъ новымъ издателемъ, Полубояриновымъ. Хрестоматія моя, одобренная самимъ А. Д. Галаховымъ, какъ членомъ ученаго комитета Мин. нар. просв., и до сихъ поръ издается въ четырехъ томахъ, согласно съ ея первоначальнымъ планомъ: томъ первый—для логическаго и стилистическаго разбора, томъ второй—для ознакомленія съ родами и видами прозы и поэзіи, томъ третій—для историческаго изученія главнѣйшихъ русскихъ писателей, съ ихъ біографіями, дѣятельностью и характеристическими особенностями, томъ четвертый—для изученія главнѣйшихъ міровыхъ поэтовъ въ переводахъ русскихъ писателей. Понятно, что съ каждымъ новымъ изданіемъ въ нее вносятся разныя измѣненія и дополненія, но общій планъ и характеръ книги остается все тотъ же. Книга же „Въ школѣ и дома“ нѣсколько разъ подвергалась существеннымъ переработкамъ—то по указаніямъ опыта и сближенія съ народной школой, то по требованіямъ особаго отдѣла

Ученаго Комитета Мин. нар. пр. въ 1877, 1881 и 1889 годахъ. Первоначально она состояла изъ пяти концентрическихъ круговъ, съ тремя отдѣлами въ каждомъ для чтенія и разсказа, для изученія окружающей дѣйствительности, для грамматическихъ и орфографическихъ упражненій. Потомъ изъ нея выдѣлилась: „Книжка-Первинка“, какъ книжка для первоначальнаго чтенія послѣ азбуки (I-ое изданіе, Полубояринова, вышло въ 1881 году), и „Грамматическія и орфографическія упражненія“, какъ практической учебникъ грамматики и правописанія для народной школы съ 3-го-го-дичнымъ курсомъ (I-ое изданіе, Полубояринова, въ 1881 году); а сама она стала печататься въ трехъ частяхъ: 1) Книга для чтенія второго учебнаго года народной школы, 2) Книга чтенія для третьяго учебнаго года народной школы, 3) Хрестоматія для городскихъ училищъ съ очерками по исторіи письменности и литературы и біографіями писателей.

Въ 1876 году въ литературѣ и даже въ официальныхъ сферахъ поднятъ былъ вопросъ объ обязательномъ обученіи, который очень заинтересовалъ меня и я напечаталъ въ „Народной Школѣ“ Фед. Ник. Мѣдника „Замѣтки объ обязательномъ обученіи“, какъ отвѣтъ на вопросы редакціи, въ которомъ старался доказать необходимость и возможность въ Россіи обязательнаго обученія, устанавливаемого законодательнымъ путемъ.

Всѣ изданія мои съ 1875 года я постепенно сталъ передавать въ руки Дм. Дм. Полубояринова, въ Петербургѣ, и до сихъ поръ не имѣлъ случая раскаиваться въ этомъ. Началѣ нашего сближенія съ Полубояриновымъ произошло такъ.

Братъ мой, Петръ Федоровичъ Бунаковъ, покончивъ дѣло съ кн. Долгорукимъ, имѣніемъ котораго управлялъ, нѣсколько разъ гостилъ у меня въ Воронежѣ. Онъ убѣждалъ меня взять на себя изданіе моихъ книгъ, не прибѣгая къ издателямъ, и я охотно поручилъ это дѣло ему, передавъ въ его распоряженіе и тѣ небольшія деньги (тысячи двѣ съ чѣмъ-то), какія у меня тогда были. Онъ уѣхалъ въ Петербургъ, чтобы заняться этимъ дѣломъ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ написалъ мнѣ, что передалъ это дѣло Полубояринову. Въ концѣ 1876 года вся эта исторія окончилась весьма плачевно: на мою голову упалъ новый тяжелый ударъ. Нѣсколько мѣсяцевъ отъ брата не было никакихъ извѣстій; вдругъ, совершенно неожиданно получаю я изъ Кіева, черезъ транспортную контору, сундукъ съ его вещами, платьемъ, бѣльемъ, бумагами и пр. и пр., что меня крайне удивило. Еще черезъ нѣсколько времени получаю и письмо отъ брата, въ которомъ онъ откровенно сознался, что мои деньги ушли не на изданіе книгъ, а на биржевую игру, которою онъ надѣялся разбогатѣть и которая довела его до крайности, что онъ, поэтому, не рѣшился видѣться со мной, чувствуя себя вполнѣ виноватымъ передо мною, сдалъ мои дѣла Полубояринову, а самъ поѣхалъ на югъ искать дѣла, но ничего не нашелъ и теперь прощается со мной навсегда. По прочтеніи этого письма, меня охватилъ ужасъ... Очевидно, что мой любимый братъ навсегда потерянь мною. Напрасно я принималъ всевозможныя мѣры передать ему мое письмо съ просьбой бросить все, забыть и пріѣзжать ко мнѣ. Пропалъ человекъ, и вотъ уже семнадцать лѣтъ о немъ ни слуху, ни духу. Долго я не терялъ надежды увидѣть его: мнѣ казалось, что онъ скрылся на время, перемѣнилъ имя, а черезъ нѣ-

сколько лѣтъ, поправивъ свои дѣла, явится ко мнѣ; человѣкъ онъ былъ способный, но теперь я потерялъ эту надежду; думаю, что онъ покончилъ съ собой: не даромъ, посылая мнѣ всѣ свои вещи, онъ оставилъ при себѣ револьверъ. Много слезъ и горькаго раздумья вызвала съ моей стороны гибель этого дорогого мнѣ человѣка. Само собой разумѣется, что я ни одной минуты не думалъ о моихъ пропавшихъ деньгахъ и объ участи моихъ книгъ. „Что деньги? деньги дѣло наживное!“ Я отдалъ бы Богъ знаетъ что, если бы оказалась малѣйшая возможность спасти и привлечь ко мнѣ въ Воронежъ моего любимаго брата и друга... Даже и теперь, черезъ 17 лѣтъ, я не могу думать о немъ безъ горькаго и тоскливаго чувства. Ни за что погибъ даровитый человѣкъ, способный къ дѣльной и полезной работѣ, съ гордымъ и горячимъ сердцемъ, съ серьезнымъ и яснымъ умомъ, съ энергическимъ и твердымъ характеромъ. Несчастная погоня за скорой наживой погубила его. Вся бѣда въ томъ, что онъ, управляя большимъ имѣніемъ, сдѣлалъ привычку жить широко, ни въ чемъ себя не стѣсняя и не ограничивая, а потомъ, когда изъ гордаго самолюбія разошелся съ хозяиномъ, уже не хотѣлъ или не могъ примириться съ ограниченными доходами и скромной трудовой жизнью...

Такъ-то посыпались на мою голову невзгоды, одна вслѣдъ за другой. Я чувствовалъ ихъ тѣмъ сильнѣе, что моя домашняя жизнь въ то время была—охъ!—не хороша. Рожденіе сына не улучшило семейныхъ отношеній, и жизнь становилась все тяжелѣе съ каждымъ годомъ. Все очевиднѣе и очевиднѣе выяснялась необходимость разлуки, которая осуществилась въ 1876 году: я остался одинъ въ Воронежѣ съ моими занятіями въ школѣ и въ гимназіи, а жена съ сыномъ уѣхала сперва къ брату, Алексѣю Мих. Смѣкалову, служившему тогда губернаторомъ во Владикавказѣ, а потомъ, въ 1877 году, въ Вологду.

Невзгоды, павшія на мою голову въ срединѣ семидесятыхъ годовъ, т.-е. устраненіе отъ сѣздовъ, и удары гр. Л. Н. Толстого, и исчезновеніе брата Петра Федоровича, все-таки подѣйствовали на меня удручающимъ образомъ, а соединенныя съ ними тревоги, волненія, безпокойства поразстроили мое здорье. И все-таки я пережилъ эти невзгоды благополучно, благодаря знакомству и сближенію съ однимъ хорошимъ человѣкомъ, которое поддерживало и ободряло меня. Мое знакомство съ Л. И. Михайловой началось въ 1875 году и вскорѣ перешло въ самую нѣжную дружбу. Я встрѣтилъ богато одаренную натуру, много страдавшую отъ неблагопріятныхъ условій жизни, испытывавшую тоску одиночества, того душевнаго одиночества, которое ведетъ человѣка къ замкнутости, сосредоточенности и внѣшней суровости...

Полезна была, въ существѣ дѣла, и пріостановка сѣздовъ, которая дала мнѣ возможность отдохнуть отъ непомѣрнаго напряженія силъ, соединеннаго съ работой на сѣздахъ, и сдѣлать нѣсколько поѣздокъ, подкрѣпившихъ мои силы. Лѣто 1876 года я провелъ въ Крыму, купаясь въ морѣ и восхищаясь богатой и прекрасной природой южнаго берега, а лѣто 1877 года—на Волгѣ. Обѣ поѣздки были для меня хорошимъ развлеченіемъ и отдыхомъ, благодаря новизнѣ и разнообразію впечатлѣній и совершенной свободѣ отъ всякихъ обязательныхъ работъ. Все-таки перенесенныя мною невзгоды и волненія не прошли для меня даромъ. Меня, такъ сказать, „караулила“ страшная болѣзнь. Благо-

приятныя обстоятельства 1876—77 гг. только отсрочивали нападеніе болѣзни, которая какъ бы дожидалась удобнаго случая. Такой случай представился ей осенью 1878 года. Лѣтомъ въ этомъ году я провелъ приятный мѣсяць опять въ Крыму. Это былъ одинъ изъ самыхъ счастливыхъ мѣсяцевъ въ моей жизни. Спокойный и бодрый возвратился я въ Воронежъ къ моимъ занятіямъ въ военной гимназіи и въ моей школѣ. Но въ военной гимназіи въ это время произошли важныя перемѣны: директоръ Тыртовъ и инспекторъ Хотяинцевъ перессорились, и оба были переведены; на мѣсто перваго пріѣхалъ Готовъ, бывший когда-то инспекторомъ воронежской военной гимназіи, человекъ умный, но двуличный и ненадежный; на мѣсто втораго пріѣхалъ нѣкто Смирновъ, человекъ глупый и низменный, котораго мы съ перваго раза прозвали „урядникомъ“. У меня и у нѣкоторыхъ моихъ пріятелей (Кильчевскаго, Савостьянова) тотчасъ пошли столкновенія и непріятности съ Смирновымъ. Результатомъ этихъ непріятностей у меня появились головныя боли, которыя соединялись съ помраченіемъ зрѣнія и головокруженіемъ. Случалось, что во время урока какой-то туманъ застилалъ мнѣ глаза, и я тщетно протиралъ ихъ, надѣясь возстановить зрѣніе. Въ концѣ концовъ, меня поразилъ параличъ всей лѣвой половины моего тѣла. Такъ какъ я никогда не предавался никакимъ излишествамъ, да при томъ не отличался ни полнотой тѣла, ни полнокровіемъ, ни короткой шеей, что обыкновенно считается указаніемъ возможности паралича, то врачи объяснили мою болѣзнь продолжительнымъ и усиленнымъ умственнымъ напряженіемъ и нравственными потрясеніями, мной пережитыми въ послѣдніе годы жизни. Я думаю, что врачи не ошиблись. Какъ бы то ни было, болѣзнь признали неизлѣчимой и опасной для жизни, продолженіе учительской службы невозможнымъ. Нѣсколько поправившись въ Воронежѣ, уже въ 1879 году я подалъ въ отставку и поѣхалъ продолжать лѣченіе въ Москву и Петербургъ. Въ Москвѣ мнѣ много помогъ П. И. Боковъ, который переселился сюда изъ Петербурга, принялъ меня чрезвычайно внимательно и пользовалъ электричествомъ. Лѣченіе электричествомъ я продолжалъ и въ Петербургѣ у П. И. Успенскаго, къ которому меня направилъ Боковъ. Я прожилъ въ Петербургѣ мѣсяца два, захвативъ Великій постъ. То были послѣдніе годы либеральнаго періода. Либерализмъ выражался, напимѣръ, въ томъ, что въ Великій постъ были разрѣшены оперные и драматическіе спектакли, и я усердно посѣщалъ русскую оперу, которая тогда процвѣтала въ Петербургѣ. Но борьба между правительствомъ и недовольными имъ элементами, которыхъ не удовлетворялъ либерализмъ, ограничивающійся разрѣшеніемъ спектаклей въ Великій постъ, которые ждали и требовали чего-либо болѣе серьезнаго для освобожденія русской жизни и русскаго народа отъ вѣковой опеки,—борьба эта уже замѣтно обострялась и принимала все болѣе и болѣе угрожающій характеръ. Несмотря на мое болѣзненное состояніе, я замѣчалъ въ петербургскомъ воздухѣ признаки грозы.

Лѣто 1879 года я провелъ въ Крыму, по совѣту Бокова; признаки грозы и отчаянной борьбы и здѣсь замѣтны были не менѣе, чѣмъ въ Петербургѣ. Жизнь больныхъ, проживавшихъ въ Ялтѣ и ея окрестностяхъ, была окружена всевозможными стѣсненіями. То и дѣло приходилось слышать объ обыскахъ, высылкахъ, арестахъ. Полицейскіе урядники безпрестанно посѣщали всѣ мирные

пріюты людей, пріѣхавшихъ въ Крымъ для лѣченія. Лѣто 1880 года я провелъ на Кавказѣ, въ Кисловодскѣ, купаясь въ Нарзанѣ. Вылѣчиться окончательно я не вылѣчился, болѣзнь не прошла безслѣдно, но продолжительное лѣченіе, соединенное съ правильнымъ образомъ жизни и отдыхомъ при такихъ благопріятныхъ условіяхъ, какъ воздухъ Крыма и Кисловодска, и внимательная заботливость обо мнѣ добрыхъ людей, особенно Л. И. Михайловой, настолько смягчили разрушительную силу болѣзни, поправили и укрѣпили мои силы, что мнѣ скоро открылась возможность возвратиться къ умственной, письменной и педагогической работѣ, конечно съ нѣкоторой осторожностью и при строго правильномъ образѣ жизни, который съ тѣхъ поръ сдѣлался для меня привычнымъ и который я веду понынѣ.

Службу я оставилъ съ чувствомъ глубокой благодарности къ вѣдомству военно-учебныхъ заведеній, которое сохраняю до конца моей жизни. Конечно, я говорю объ этомъ вѣдомствѣ съ Николаемъ Васильевичемъ Исаковымъ во главѣ,—этимъ суровымъ на видъ, но глубоко гуманнымъ и высоко-просвѣщеннымъ (т. ч. гуманность и просвѣщеніе чуть-ли не синонимы) человѣкомъ, который умѣлъ съ твердостью и любовью проводить въ жизнь идеи просвѣщенія и разумной человѣчности, никогда не измѣняя имъ, но и не впадая въ опасныя крайности. Военное вѣдомство, при такомъ военномъ министрѣ, какъ Д. А. Милютинъ, и при такомъ начальникѣ военно-учебныхъ заведеній, какъ Н. В. Исаковъ, конечно, шло объ руку съ министерствомъ народнаго просвѣщенія А. В. Головнина и восполняло отсутствіе или недостаточность просвѣтительнаго начала въ послѣднемъ, когда во главѣ его сталъ гр. Д. А. Толстой, который самъ былъ не чуждъ просвѣщенія, но вовсе не желалъ распространять его въ Россіи, а особенно въ народѣ, разумѣя подъ народомъ русское крестьянство.

Въ 1879 году я уже работалъ перомъ безъ особенныхъ опасеній, а только съ благоразумной осторожностью. Кромѣ постоянныхъ текущихъ поправокъ и дополненій въ моихъ печатныхъ работахъ для каждаго новаго изданія, въ этомъ году я составилъ и напечаталъ „Курсъ русской грамматики для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и для городскихъ училищъ“, который считаю одною изъ лучшихъ моихъ работъ, хотя онъ далеко не получилъ такого распространенія, какъ мои другія работы, гораздо болѣе слабыя. Въ эту книжку я вложилъ всю мою многолѣтнюю опытность въ преподаваніи русской грамматики дѣтямъ. Въ этомъ курсѣ я не только каждую главу, но и каждый § серьезно продумалъ и съ тщаніемъ обработалъ. Мин. Нар. Пр. одобрило книгу (А. Д. Галаховъ), но почему-то она не привилась къ школѣ и расходится туго.

Съ прекращеніемъ занятій въ военной гимназіи, я усиленно занялся въ моей школѣ, отдавая ей все утро, а по вечерамъ собиралъ дѣтей на картины волшебнаго фонаря съ спиртокислороднымъ освѣщеніемъ, и въ 1880 году напечаталъ подробное описаніе школы въ журналѣ „Русскій Начальный Учитель“, подъ заглавіемъ: „Частная элементарная школа въ Воронежѣ“. Это обстоятельство было поводомъ для приглашенія меня въ постоянные сотрудники журнала. Я согласился охотно сколько по сочувствію къ журналу, столько въ силу стариннаго знакомства съ его издателемъ-редакторомъ. Это былъ преподаватель

с.-петербургскаго учительскаго института В. А. Латышевъ (нынѣ директоръ училищъ С.-Петербургской губерніи), а теперь помощникъ попечителя с.-п. учебнаго округа (1903 г.), продолжающій свой журналъ и по сіе время. Онъ старшій сынъ того Латышева, который когда то былъ директоромъ вологодской гимназіи и училищъ Вологодской губерніи (тогда то и другое соединялось въ одномъ лицѣ), а потомъ помощникомъ попечителя с.-петербургскаго округа и умеръ приблизительно въ 1866 году.

Редакція „Рус. Нач. Учителя“ всегда считала очень важнымъ и желательнымъ привлечь къ журналу непосредственное участіе народныхъ учителей и учительницъ въ формѣ—писемъ, записокъ, замѣтокъ, и т. под. Когда я познакомился близко съ постановкою и веденіемъ дѣла въ „Рус. Нач. Уч.“, хорошо узналъ взглядъ на дѣло народнаго образованія и на школу народную редакціи, я сталъ особенно усерднымъ сотрудникомъ журнала. И вотъ, съ 1881 года я принялъ въ немъ дѣятельное и непрерывное участіе, которое продолжаю и теперь, чувствуя себя въ этомъ журналѣ какъ дома.

Между тѣмъ событія внутренняго разлада, борьба между недовольными элементами и правительствомъ, шли быстро; внутренняя война все разгоралась. Массы самыхъ способныхъ, самыхъ честныхъ и энергичныхъ людей обоого пола, которые при другихъ условіяхъ были бы гордостью и славой своего отечества, удалялись въ ссылку, въ Сибирь, на каторгу и гибли для своихъ семей, для отечества, для человѣчества. Что они переносили и какъ переносили, что это были за люди и какъ велика была ихъ преступность, объ этомъ всего лучше можно узнать изъ интересной, содержательной и правдивой книги Кенана „Сибирь“. Онъ рассказывалъ объ этомъ, какъ очевидецъ, самъ объѣхавшій всѣ мѣста ссылки, лично познакомившійся съ этими преступниками и сильно предубѣжденный противъ нихъ, какъ безбожныхъ нигилистовъ и злодѣевъ. Читая эту книгу, знакомишься съ фактами самой пламенной любви къ Россіи и къ русскому народу, фактами самопожертвованія, великодушія, геройскихъ подвиговъ, почти геніальныхъ предпріятій, съ одной стороны, и съ фактами злой беспощадной мести, дикаго произвола, отвратительнаго варварства, съ другой? Право, ужасы Россіи въ 80-хъ годахъ немного отстали отъ ужасовъ царствования Іоанна Грознаго... Пронесся рядъ покушеній... Пронесся рядъ отчаянныхъ, безумныхъ манифестацій... Пронесся рядъ героическихъ попытокъ... Катковъ писалъ зловѣщія статьи и каркалъ какъ воронъ, все толкуя о какой-то таинственной „рукѣ“, якобы всѣмъ руководящей и тянущей Россію къ гибели. Признаюсь, я никогда не могъ догадаться, кому именно принадлежитъ эта таинственная „рука“... Смертная казнь стала явленіемъ болѣе зауряднымъ, нежели наказаніе плетью при Николаѣ... Дѣло Вѣры Засуличъ раскрыло закулисныя злодѣянія и полный произволъ новыхъ опричниковъ. Скоро во главѣ причины всталъ знаменитый сокрушитель казанской чумы, генераль Лорисъ-Меликовъ. Онъ съ торжествомъ столкнулъ графа Толстого (Д. А.), чѣмъ угодилъ многимъ, но не сдѣлалъ пользы для Россіи: при всемъ его ретроградствѣ, гр. Д. А. Толстой все-таки былъ образованнѣе, умнѣе и честнѣе этого хитраго и пронырливаго армянскаго барина. Какъ человѣкъ двуличный, онъ; либеральничалъ въ Петербургѣ и бравировалъ своей неустрашимостью передъ революціонерами, но

много усилилъ правительственныя злодѣянiя въ Сибири, о чемъ обстоятельно разсказано въ упомянутой книгѣ Кенана. Настроенiе общества и въ Петербургѣ, и въ провинціи было смутно и неопредѣленно. Съ одной стороны, слышались громкія требованiя и видѣлись явныя надежды, съ другой—раздавались отчаянныя возгласы завзятыхъ бюрократовъ, что того и гляди ихъ всѣхъ перестрѣляютъ, какъ Трепова, и Россiя погибнетъ. Большинство, какъ всегда, держалось выжидательно и подло: никакихъ опредѣленныхъ убѣжденiй и стремленiй у него не было, вся забота сосредоточивалась на своей шкурѣ; оно выжидало, чья возьметъ, что будетъ впереди, и въ сущности ему было все равно, чѣмъ бы дѣло ни кончилось: освобожденiемъ-ли и конституціей, закрѣпленiемъ ли и казнями: оно готовилось съ легкимъ сердцемъ пристать къ той сторонѣ, которая побѣдитъ... Дѣло кончилось катастрофой 1-го марта.

VIII.

Опять среди народныхъ учителей.

Начало 80-хъ годовъ въ провинціи.

С. Петино, 1893 г. ноября 3.

(1881—1883 г.).

Первые годы новаго царствованiя имѣли довольно неопредѣленный, такъ сказать, смѣшанный и колебательный, характеръ. Съ одной стороны, шла раздѣлка и безпощадная месть, съ другой—послѣднiя военныя дѣйствiя. Въ правящемъ классѣ замѣчались два противоположныхъ влiянiя: одно настаивало на уступкахъ и на продолженiи реформъ въ духѣ 60-хъ годовъ, другое требовало возврата къ далекому прошлому, къ политикѣ Николая, смѣлымъ уничтоженiемъ всего, что дали Россiи 60-ые годы. Катковъ громилъ новый судъ и земство, вопiя о безсилiи власти. Другiе прямо говорили о восстановленiи крѣпостного права и публичныхъ плетей и кнутовъ. Послѣднее влiянiе одолѣло въ концѣ-концовъ. Но въ 1881 году еще всѣ были въ ожиданiи и съ самыми разнообразными надеждами. Въ области народной школы и народнаго образованiя даже продолжалось то кратковременное оживленiе, которое началось съ удаленiемъ отъ министерства гр. Д. А. Толстого. И неумѣлый Сабуровъ, и благоразумный баронъ Николай къ народной школѣ и къ земству, съ его заботами о школѣ, относились лучше, нежели гр. Толстой и Катковъ.

Весной 1881 года я неожиданно получилъ приглашенiе отъ верхотурскаго земства, Пермской губерніи, принять на себя руководительство съѣздомъ народныхъ учителей, который предположено было собрать въ Нижне-Тагильскомъ заводѣ. Этотъ заводъ стоитъ на пути желѣзной дороги, соединяющей Пермь съ Екатеринбургомъ, тогда какъ уѣздный городъ Верхотурье отброшенъ на востокъ, и попадать въ него надо на лошадахъ по довольно длинной и глухой грунтовой дорогѣ. И обрадовало, и смутило меня это приглашенiе. Какъ было

не обрадоваться: явилась возможность опять приблизиться къ любимому дѣлу, войти въ среду молодежи, работающей въ народной школѣ, войти съ запасомъ новыхъ наблюдений, выводовъ и думъ. Смущала меня мысль, снята ли съ меня жестокая опала, еще недавно отстранявшая отъ руководства съѣздами? Да и вообще еще было вопросомъ, можно ли ожидать разрѣшенія учительскихъ съѣздовъ? Ожидали стѣсненій и запретовъ на всякія собранія, и ожиданія эти дѣйствительно оправдались, но нѣсколько позже. Думалось и о томъ, хватитъ ли у меня силъ для той трудной работы, безъ которой руководителю учительскаго съѣзда нельзя обойтись? Да и сохранилъ ли я умѣнье вести это дѣло, отъ котораго поневолѣ нѣсколько отсталъ? И взяться за дѣло было страшно: какъ да силъ не хватитъ? какъ да я не справлюсь съ дѣломъ? И отказаться не хотѣлось. Одна мысль о томъ воодушевленіи, которое, бывало, возбуждали во мнѣ учительскіе съѣзды, о тѣхъ свѣтлыхъ, радостныхъ часахъ, какіе они мнѣ давали, была настолько соблазнительна, что я не могъ отказаться. Я принялъ предложеніе верхотурскаго земства, вступилъ съ нимъ въ переговоры и послалъ программу занятій, предоставивъ ему хлопотать о разрѣшеніи задуманнаго съѣзда. Самъ я приступилъ немедленно къ приготовленіямъ. Пришлось поработать. Вообще этотъ годъ для меня былъ годомъ пробъ, испытанія моихъ силъ послѣ болѣзни. Въ Воронежѣ мнѣ пришлось испытать себя, какъ лектора: общество вспомошествованія учащимся, только что основанное въ Воронежѣ, нуждалось въ средствахъ, задумало публичныя лекціи и предложило мнѣ принять въ нихъ участіе. Подумавши, я тоже согласился и написалъ программу двухъ публичныхъ лекцій—о Пушкинѣ и Некрасовѣ. Программа, черезъ губернатора, пошла къ попечителю харьковскаго учебнаго округа для разрѣшенія. Рядомъ съ моими предложены были тоже двѣ лекціи преподавателя реальнаго училища А. П. Киселева о телеграфѣ, съ опытами. Мѣстомъ для лекцій былъ избранъ залъ реальнаго училища. Разрѣшеніе лекцій затянулось. Наконецъ, было получено увѣдомленіе, что лекціи Киселева разрѣшены, а мои нѣтъ. Это, признаюсь, крайне раздражило меня. Я рѣшился вступить въ личную переписку съ попечителемъ округа Максимовскимъ, такъ какъ имѣлъ о немъ свѣдѣнія, какъ о человѣкѣ достойномъ уваженія. Мое письмо, въ которомъ я обстоятельно разъяснялъ тѣ выраженія и мѣста моей программы, особенно—о Некрасовѣ, которыя, по моимъ соображеніямъ, могли подавать поводъ къ сомнѣніямъ и лжетолкованіямъ, подѣйствовало въ благопріятномъ смыслѣ. Конечно, можно было просто написать объ лекціи, а потомъ читать по тетрадкѣ, предварительно цензурированной. Тогда не понадобились бы никакія объясненія, потому что въ моихъ лекціяхъ не предполагалось и не могло быть ничего опаснаго, зловреднаго, нецензурнаго. Но, во-первыхъ, это потребовало бы большой затраты времени: для чтенія надо лекцію обработать съ тѣмъ же тщаніемъ, какъ и статью для печати, не говоря уже о значительномъ количествѣ механической работы писанія и переписыванія. Между тѣмъ я уже пріобрѣлъ достаточный навыкъ импровизированнаго изложенія по подробной программѣ. Во-вторыхъ, не хотѣлось стѣснять себя точно опредѣленнымъ текстомъ рукописи, а сохранить за собой право на тотъ просторъ,—впрочемъ-все таки довольно ограниченный,—который даетъ лектору программа, съ ея общими

фразами; опять-таки скажу, что я приобрѣлъ достаточную сноровку составлять программы лекцій такъ, чтобы въ программу можно было вносить, при изложеніи лекцій, кое-что не предусмотрѣнное разрѣшающими властями, тѣ живыя искры импровизаціи, которыя вызываются лекціоннымъ возбужденіемъ мысли и чувства, и безъ которыхъ всякая лекція получаетъ нѣсколько вялый, такъ сказать, мертвый характеръ, но которыя, однако-же, не впадаютъ въ противорѣчіе съ точнымъ смысломъ общихъ выраженій программы, не выходятъ изъ ея рамокъ. Въ-третьихъ, чтеніе по тетрадкѣ совсѣмъ не то, что живое слово, каковымъ, по моему мнѣнію, должна быть лекція. Въ этомъ я имѣлъ случай убѣдиться еще въ 1872 году на всероссійскомъ съѣздѣ народныхъ учителей при московской политехнической выставкѣ, сравнивая мои первыя лекціи съ лекціями Евтушевскаго: я первыя лекціи какъ новичекъ въ дѣлѣ лекторства, просто читалъ по тетрадкѣ, а Евтушевскій говорилъ, какъ опытный лекторъ. Разница выходила громадная, хотя въ изложеніи методики ариѳметики, конечно, трудно было внести что-либо сверхъ изложеннаго въ книгѣ того же Евтушевскаго („Методика ариѳметики“). Лекціи состоялись только на Святой недѣлѣ, 15 и 18 апрѣля, и съ полнымъ успѣхомъ.

Въ маѣ я уѣхалъ въ Кисловодскъ, гдѣ поселился въ своемъ домѣ, въ слободкѣ, рядомъ съ крѣпостью, и тамъ ждалъ извѣстій и окончательнаго рѣшенія о Нижне-Тагильскомъ съѣздѣ, все еще мало вѣря въ его осуществимость. Раньше я забылъ сказать, что еще въ прошедшемъ году купилъ въ Кисловодскѣ домъ. Это была большая глупость и только черезъ нѣсколько лѣтъ, уже въ 1885 году мнѣ удалось поправить эту глупость, то-есть продать мой Кисловодскій домъ съ небольшимъ убыткомъ.

Въ концѣ іюня я получилъ, наконецъ, увѣдомленіе, что съѣздъ народныхъ учителей и учительницъ Верхотурскаго уѣзда въ Нижне-Тагильскомъ заводѣ, подъ моимъ руководствомъ и съ занятіями по составленной мною программѣ, разрѣшенъ, и что меня ждутъ къ началу іюля. И вотъ я вмѣстѣ съ Л. И. Михайловой, отправился съ Кавказа на Уралъ: путешествіе порядочное и, надо правду сказать, болѣе пріятное, нежели утомительное. Пришлось ѣхать по желѣзной дорогѣ до Москвы и Нижняго, а отсюда на пароходѣ по Волгѣ и Камѣ до Перми и опять по желѣзной дорогѣ до Нижне-Тагильска. Особенно понравилась мнѣ полноводная Кама съ ея дикими лѣсистыми берегами. Хороша и горно-заводская Уральская желѣзная дорога съ прекрасными удобными вагонами и станціями. Нижне-Тагильскій заводъ, принадлежавшій Демидову, оказался цѣлымъ городкомъ, съ населеніемъ въ 20 тысячъ, съ порядочными постройками, съ театромъ, съ монументами Демидову и Карамзину (сыну историка) на площади, съ общественнымъ садомъ на берегу озера, въ которомъ т. е. въ саду по праздникамъ играетъ оркестръ музыки. Учителя и учительницы уже были въ сборѣ не только Верхотурскіе, но и съ сосѣднихъ уѣздовъ. Пріѣхалъ также и инспекторъ народныхъ училищъ г. Воробьевъ, человекъ скромный, простой и недалекій, который по своей скромности не вмѣшивался въ дѣло, никого не стѣснялъ и ничему не мѣшалъ. Мѣстомъ для занятій сперва избрали было залъ въ домѣ заводскаго управленія, гдѣ и происходило открытіе съѣзда, т. е. служили молебень, и я изложилъ программу

занятій, мой взглядъ на значеніе и задачи съѣзда, наконецъ, порядокъ работы. Потомъ нашли болѣе удобнымъ перенести занятія въ зданіе театра, тогда свободное. На сценѣ помѣщалась временная школа изъ трехъ отдѣленій—для практическихъ занятій, а въ партерѣ—учителя, учительницы и вся многочисленная публика, постоянно посѣщавшая занятія. Порядокъ и содержаніе этихъ занятій, приблизительно, были тѣ же, что на съѣздахъ въ Костромѣ, Херсонѣ и Псковѣ: уроки въ школѣ мои съ объясненіемъ, и желающихъ изъ учителей и учительницъ, съ объясненіями и разборомъ; мои лекціи дидактическаго и методическаго содержанія; наконецъ, обсужденіе заготовленныхъ учителями и учительницами докладовъ по разнымъ вопросамъ школы и школьнаго дѣла. Лекціи свои я значительно переработалъ, особенно изложеніе по психологіи, такъ какъ за это время пришлось перечитать не мало новаго по этому предмету,—новаго и солиднаго. Не удовлетворялся я и прежней методикой начальнаго обученія въ примѣненіи къ русской народной школѣ, послѣ того впечатлѣнія, которое произвела на меня статья гр. Л. Н. Толстого и которое я называю „отрезвляющимъ“ впечатлѣніемъ.

Къ удивленію, я замѣтилъ, что статья эта прошла мимо непосредственныхъ работниковъ русской народной школы. Не то, чтобы они не читали ея,—нѣтъ, но она не имѣла никакого вліянія на образъ ихъ мыслей по отношенію къ дѣлу обученія въ народныхъ школахъ. И не то, чтобы они удовлетворялись установившимися способами обученія, осужденными Толстымъ, и относились къ нимъ безъ критики, нѣтъ, они не были слѣпыми исполнителями тѣхъ программъ и наставленій, какія содержатся въ книгахъ, относились къ этимъ книгамъ критически. Но эта была критика совершенно независимая отъ статьи Толстого,—критика практиковъ, близко стоящихъ къ народной жизни и работавшихъ въ народной школѣ не въ качествѣ дилетантовъ-добровольцевъ. Надобно сказать, что учительство Пермской губ., собравшееся на Нижне-Тагильскомъ съѣздѣ, представляло собой очень пеструю толпу: тутъ были и молодые люди изъ духовной семинаріи, и гимназистки, прошедшіе восемь классовъ, и прогимназистки, и ученики реального училища: но въ общемъ это были мыслящіе работники, много читавшіе и мыслившіе, любящіе учительское дѣло, школу и народъ. Я близко и хорошо сошелся съ ними и встрѣтилъ въ этой симпатичной средѣ чуть ли не больше, чѣмъ гдѣ-либо, душелюбія, сердечности, прямоты. Дѣло съѣзда шло одушевленно, бодро, весело. Свободнаго времени было мало, и это свободное время было занято осмотромъ горно-заводскаго дѣла, прогулками и бесѣдами съ учителями и учительницами. Кромѣ массы личныхъ наблюденій, я вывезъ съ Урала цѣлую коллекцію минеральныхъ богатствъ этого интереснаго края и нѣсколько превосходныхъ фотографій этой мѣстности, подаренныхъ мнѣ предсѣдателемъ земской управы Пермьяковымъ и Ник.Ив. Алексѣевымъ, управляющимъ Нижне-Сальдинскимъ заводомъ, сосѣднимъ съ Нижне-Тагильскимъ. Пермьяковъ, дѣлавшій и работающій земскій дѣятель, вскорѣ былъ избранъ предсѣдателемъ губернской земской управы и переселился въ Пермь. Алексѣевъ, чрезвычайно милый и добрый человекъ, возилъ меня и М. къ себѣ на заводъ, а отсюда мы ѣздили въ Верхне-Сальдинскій заводъ, гдѣ видѣли прокатку рельсовъ и бессемированіе, т. е. приготовленіе стали непосредственно

изъ чугуна посредствомъ продувки воздухомъ, и провели нѣсколько пріятныхъ часовъ въ семействѣ управляющаго г. Полѣнова, человѣка высоко образованнаго и въ высшей степени оригинальнаго. Занятія съѣзда продолжались четыре недѣли съ неослабѣвающей энергіей. Подробный отчетъ о нихъ напечатанъ мною въ II-мъ № „Русскаго начальнаго учителя“ за 1881 годъ. За четыре недѣли я такъ сжился съ кружкомъ честной работающей молодежи, что разставаться съ ней, по всей вѣроятности на всегда, было и тяжело и грустно. Проводы были очень сердечные и даже трогательные, съ теплыми рѣчами председателя управы Пермякова, члена училищнаго совѣта, доктора Рудановскаго и учителя Мартынова, который передалъ мнѣ на память отъ съѣзда очень красивое каменное пресъ-папье мѣстной работы (на яшмовой доскѣ, съ приличной надписью, ягоды и фрукты изъ разныхъ камней, сердолика, селинита, орлеца и т. п.), съ букетами и цвѣтами. Когда мы пріѣхали въ вокзалъ, тамъ собрались всѣ наши Нижне-Тагильскіе друзья и предложили дружескій обѣдъ. Когда я шелъ изъ вокзала въ вагонъ съ букетами въ рукахъ передо мной по пути рассыпали цвѣты. Передъ тѣмъ, какъ тронутся поѣзду, раздалось дружное „ура“. Эти проводы были описаны А. И. Мартыновымъ въ „Екатеринбургской Недѣлѣ“. Тамъ же была напечатана моя вступительная рѣчь при открытіи съѣзда. Въ Нижнемъ Тагилѣ, во время занятій, я совершенно неожиданно получилъ телеграмму отъ съѣзда Херсонскихъ учителей и учительницъ, происходившаго тогда же подъ руководствомъ барона Н. А. Корфа, уже возвратившагося изъ-за границы и поселившагося снова въ своемъ имѣніи въ Александр. у., Екатерин. г. Въ телеграммѣ выражалось удовольствіе, что мое здоровье поправилось, и пожеланіе мнѣ всякихъ благъ. Послѣ мнѣ говорили и писали изъ Херсона, что Херсонское земство желаетъ предложить руководство съѣздомъ по примѣру 1874 года, мнѣ, согласно съ желаніемъ учителей; но баронъ Корфъ противодействовалъ этому приглашенію, увѣряя, что я безнадежно боленъ и не могу взяться за это дѣло. Не знаю, вѣрно ли это; но личное знакомство съ барономъ Н. А. Корфомъ въ этомъ же году, въ Петербургѣ, произвело на меня такое впечатлѣніе, которое внушало мнѣ довѣріе къ этимъ извѣстіямъ: очень тщеславный былъ человѣкъ баронъ Николай Александровичъ, онъ считалъ южныя губерніи своей областью и досадовалъ, что въ эту область вторгается другой, что эта область какъ будто уходитъ отъ его безраздѣльнаго вліянія. Когда я зимой, по обыкновенію, пріѣхалъ въ Петербургъ, на другой же день, довольно рано утромъ, едва я успѣлъ умыться и выпить стаканъ чаю, меня, къ удивленію, посѣтилъ баронъ Корфъ. Онъ пріѣхалъ ко мнѣ знакомиться: раньше намъ случалось переписываться, но знакомы мы не были, не встрѣчались. Онъ началъ разсыпаться въ любезностяхъ, говорилъ о томъ, какое хорошее воспоминаніе сохраняетъ обо мнѣ Херсонская губернія послѣ съѣзда 1874 года, потомъ перешелъ къ съѣзду 1881 года и какъ-то торопился рассказать кое-какіе эпизоды этого съѣзда, съ желательнымъ освѣщеніемъ и такимъ тономъ, какъ будто чувствовалъ себя не совсѣмъ правымъ предо мной, какъ будто подозревалъ, что другіе предупредили его сообщеніемъ мнѣ этихъ эпизодовъ въ иномъ свѣтѣ. Его, дѣйствительно, предупредили нѣкоторые изъ херсонскихъ учителей, бывшіе на этомъ съѣздѣ, въ полученныхъ мною письмахъ. Но я постарался отвѣчать

гостю въ успокоительномъ тонѣ, потому что вовсе не считалъ себя обиженнымъ, да и со стороны барона Корфа не считалъ преступленіемъ это маленькое тщеславіе, побуждавшее его вытѣснять другого дѣятеля изъ области его вліянія. Замѣтно было, какъ Николай Александровичъ мало-по-малу освобождался отъ своихъ опасеній, а затѣмъ это опасеніе и совсѣмъ успокоилось. Тутъ-то этотъ тщеславный человѣкъ, какъ павлинъ, во всей красѣ распустилъ свой хвостъ и заговорилъ уже иначе, изображая собой истиннаго героя, который пожертвовалъ народной школѣ блестящей карьерой, предстоявшей ему и по его аристократическому происхожденію, и по связямъ съ вліятельными людьми, и по незауряднымъ талантамъ, и по образованію. При этомъ слышались осторожные намеки на мою сравнительную малость съ блестящимъ барономъ, малость ничтожнаго учителя съ темнымъ происхожденіемъ, безъ связей, безъ наслѣдственнаго обезпеченія, обреченнаго на жизнь безвѣстнаго мелкаго работника и только случайно выскочившаго вонъ изъ ряда. Ну, словомъ, очевидно было, что я долженъ смиренно преклониться передъ героемъ, удостоившимъ меня своего вниманія, и разъ навсегда отречься отъ всякаго соперничества съ нимъ. Объ Ушинскомъ, Паульсонѣ, Резенерѣ и др. баронъ Корфъ, упоминая ихъ вскользь, говорилъ свысока и такимъ тономъ, какъ будто и они преклонялись передъ нимъ,—значить, я долженъ преклоняться и подавно... Ну, я и преклонился, то есть внимательно слушалъ, ничего не оспаривалъ и только высказалъ мнѣніе, что положеніе популярнаго педагога, вдохновителя народныхъ учителей и двигателя народной школы—тоже блестящая карьера, которая нисколько не уступаетъ карьерѣ упомянутыхъ имъ товарищей, занимающихъ высокія должности. Мы разстались друзьями и потомъ видѣлись довольно часто, такъ какъ оба прожили въ Петербургѣ нѣсколько мѣсяцевъ. Скажу откровенно, что общее впечатлѣніе, произведенное на меня этимъ педагогомъ-аристократомъ, при всѣхъ его талантахъ, было не изъ пріятныхъ. Какъ его книга для чтенія „Нашъ другъ“, въ свое время (1870—1871 г.) надѣлавшая много шуму, но теперь уже почти забытая, была мнѣ всегда не симпатична своею сухостью, своимъ узко-утилитарнымъ характеромъ, такъ и личность автора не привлекала меня къ себѣ, на каждомъ шагу обнаруживая нѣчто дѣланное, рассчитанное, фальшивое. Бросались въ глаза преувеличенныя претензіи, усиленное стремленіе вездѣ, гдѣ бы онъ ни появлялся, играть первую роль, роль главы, двигателя, творца, глашатая „новаго слова“, хотя въ сущности, что же онъ двинулъ впередъ и какое-же „новое слово“ онъ провозгласилъ? Въ Петербургѣ въ этомъ году онъ провозгласилъ два такихъ „новыхъ слова“, много ораторствовалъ по поводу ихъ и очень старался раздуть ихъ „паче мѣры“, а именно: „родиновѣдѣніе“ и „воскресныя повторительныя школы“, яко бы долженствующія „увѣнчать зданіе народной школы, созданной земствомъ“. Первое (родиновѣдѣніе) было старое-престарое слово, и баронъ Корфъ ничего не сдѣлалъ въ интересахъ родиновѣдѣнія, какъ предмета обученія въ народной школѣ. А „воскресныя повторительныя школы“ въ томъ видѣ, какъ онѣ были предложены барономъ Корфомъ, не могли „увѣнчать никакого зданія“.

Я уже говорилъ, что въ 1881 году, хотя это былъ страшный годъ „сыска“ и свирѣпой мести, еще продолжалось то оживленіе школьнаго дѣла, которое

было возбуждено министерствомъ барона Николаи, съ его истиннымъ доброжелательствомъ къ дѣлу народнаго образованія, съ его прямымъ и честнымъ отношеніемъ къ учебному міру. Какъ это ни странно, въ это время появились надежды на что-то особенно плодотворное и рѣшительное, пошли толки объ усиленномъ распространеніи грамотности и начальнаго образованія въ народѣ, о подвижныхъ и воскресныхъ школахъ, о расширеніи курса народной школы, объ округленіи, пополненіи и завершеніи его, объ „увѣнчаніи зданія“, какъ выражался баронъ Корфъ, немедленно напечатавшій, въ интересахъ этого увѣнчанія, довольно странную книжку, въ видѣ какого-то альбома, весьма бѣдную содержаніемъ, подъ заглавіемъ: „Руководство для воскресныхъ повторительныхъ школъ“. И я, грѣшный, въ это время напечаталъ книжку „Русская подвижная школа“ (изд. I-ое 1881 года Полубояринова), въ которой разработалъ полный, но мало практичный, планъ русской подвижной школы, съ подробнымъ распредѣленіемъ занятій. Кромѣ того, имѣя въ виду именно подвижныя школы, я напечаталъ „стѣнные таблицы для обученія грамотѣ безъ книгъ“, способъ пользованія коими изложенъ въ выше сказанной книжкѣ, и для чтенія послѣ „таблицъ“—„Книжку-Первинку“, которая, вмѣстѣ съ тѣмъ, являлась продолженіемъ моей „азбуки“, значительно мною передѣланной, какъ чтеніе для перваго года начальной школы послѣ прохожденія азбуки (изд. I-ое Полубояринова 1881 года). Подвижныя школы, несмотря на сочувственное отношеніе къ нимъ литературы, не привились въ Россіи; мои „Таблицы“, изданныя въ 1881 г. Полубояриновымъ, пошли туго, и это изданіе, кажется, до сихъ поръ еще не разошлось, — можетъ быть, отчасти и по той причинѣ, что Полубояриновъ назначилъ имъ нѣсколько неумѣренную цѣну: 5 р. за 20 таблицъ; но правда, что и ему самому это изданіе обошлось не дешево, онъ издалъ ихъ очень хорошо: на превосходной плотной бумагѣ, очень крупными и четкими красивыми шрифтами, какихъ въ Петербургѣ на лицо не оказалось, такъ что ихъ пришлось нарочно заказывать. Въ декабрѣ происходилъ съѣздъ народныхъ учителей Петербургской губерніи, занятія которыхъ состояли исключительно изъ бесѣдъ и обсужденія разныхъ докладовъ и сообщеній, заблаговременно подготовленныхъ, подъ руководствомъ директора училищъ Петербургской губ. С. Е. Рождественскаго, автора довольно распространенныхъ руководствъ по Русской исторіи (говоря по правдѣ,—весьма посредственныхъ). Рождественскій, человѣкъ не далекій, но довольно тщеславный, не тѣмъ будь помянуть (онъ уже померъ), желая придать съѣзду нѣкоторый блескъ, просилъ принять въ немъ участіе—барона Корфа и меня. Баронъ Корфъ говорилъ о ремесленномъ обученіи въ народной школѣ. Онъ стоялъ за отдѣльныя ремесленныя учебныя заведенія, въ которыя должны поступать молодые люди, съ успѣхомъ прошедшіе полный курсъ начальной образовательной школы. Ему возражалъ Е. А. Андреевъ, извѣстный сторонникъ введенія въ народную школу обязательнаго ремесленнаго обученія; возражали кое кто и изъ учителей. Но баронъ Корфъ былъ въ данномъ случаѣ совершенно правъ и твердо стоялъ на своемъ. Говорилъ онъ бойко, красиво и убѣдительно. Я уже давно слышалъ, еще отъ покойнаго В. А. Евтушевскаго, что баронъ Корфъ „замѣчательный ораторъ“. Но самъ я не могу этого сказать. Правда, у барона Корфа была бойкая, иногда красивая,

рѣчь, онъ былъ очень находчивъ, иногда остроуменъ; но его рѣчь въ то же время страдала сухостью, была монотонна, мало одушевлена, жидка и блѣдна. По моему мнѣнiю, какъ ораторъ, гораздо выше его стоялъ С. И. Миропольскiй и гораздо выше стоялъ Ушинскiй. Дня черезъ два пришла и моя очередь или мой „бенефисъ“, какъ выражался баронъ Корфъ. Я хотѣлъ познакомить съѣздъ съ моими „таблицами для обученiя грамоты безъ книгъ“, только что вышедшими изъ печати. Я сперва изложилъ основы истинно-звукового способа обученiя грамотѣ, какъ я его понимаю, и характеристическiя отличiя его отъ способа буквослагательнаго, потомъ—практическое примѣненiе къ обученiю грамотѣ по звуковому способу изданныхъ мною таблицъ, которыя были выставлены на съѣздѣ. Нѣкоторые учителя и учительницы сдѣлали нѣсколько замѣчанiй и указали недостатки въ таблицахъ. Очень придирчиво и желчно, но не умно, нападалъ на меня городской учитель Кореневъ.

Въ этомъ же году я получилъ изъ Верхотурья выраженiе благодарности земскаго собранiя за руководство учительскимъ съѣздомъ, которому собранiе придавало большое полезное значенiе для усовершенствованiя народныхъ школъ. Думаю, что въ этомъ мнѣнiи собранiя много справедливаго: главная польза учительскихъ съѣздовъ въ томъ, что они расшевеливаютъ мысль, воодушевляютъ и толкаютъ, безъ насилiя, къ самоусовершенствованiямъ, къ наилучшему исполненiю своего дѣла работниковъ школы. Если съѣздъ достигаетъ этого, онъ безусловно приноситъ большую пользу школъ. При мертвомъ же характерѣ съѣзда, при отсутствii въ немъ всякой воодушевляющей силы, полезность его сомнительна. Думается, что всѣ съѣзды, мной руководимые, имѣли живительный характеръ: возбуждали, воодушевляли, толкали впередъ. Впрочемъ, самъ себѣ я не судья. Въ Петербургѣ меня посѣтилъ псковскiй земскiй дѣятель, товарищъ предсѣдателя с.-петербургскаго комитета грамотности, Николай Ѳедоровичъ фонъ-деръ-Флитъ, съ предложенiемъ принять на себя руководство двумя съѣздами народныхъ учителей Псковской губернii, въ Псковѣ и въ Великихъ Лукахъ, лѣтомъ 1882 г. Я, конечно, принялъ предложенiе. Весь 1882 г. прошелъ для меня въ усиленной работѣ: послѣ испытанiя, произведеннаго мной въ прошедшемъ году, я уже не боялся работы и такъ втянулся въ нее, что уклоняться отъ нея у меня не хватало воли. Я чувствовалъ такой подъемъ силы, что во мнѣ сложилась увѣренность въ полной безопасности этой работы для здоровья. Кромѣ обычныхъ занятiй въ моей воронежской школѣ, мнѣ пришлось: во-первыхъ, совершенно переработать книгу „Въ школѣ и дома“, сообразно съ указанiями практики и потребностями народной школы, какъ я ихъ понималъ; во-вторыхъ, написать, по соглашенiю съ Полубояриновымъ, новую книгу „Дневникъ народной общеобразовательной школы съ трехгодичнымъ курсомъ, тремя отдѣленiями и однимъ учителемъ“ (1-е изд. 1882 г.) и новую же книгу „Руководство для учителей къ употребленiю книги „Въ школѣ и дома“ (1-е изд. 1882 года); въ третьихъ, надо было сперва готовиться къ предстоящимъ съѣздамъ, а потомъ руководить ими во Псковѣ и Великихъ Лукахъ, а это руководство, какъ я ихъ понималъ и исполнялъ, было серьезной и усиленной работой; въ четвертыхъ, надо было написать, по соглашенiю съ Латышевымъ, рядъ статей подъ общимъ заглавiемъ „Характеристика

руководствъ для обученія грамотѣ, азбукъ и книгъ для первоначальнаго чтенія“, „Обзоръ учебнаго отдѣла московской выставки 1882 г.“ и болѣе двадцати рецензій о новыхъ книгахъ для начальной школы; все это и было напечатано въ „Русскомъ Нач. Учителѣ“ за 1882 г.; въ пятыхъ, я долженъ былъ своевременно составить подробный отчетъ о псковскомъ и великолукскомъ съѣздахъ, который тоже былъ напечатанъ въ „Русскомъ Нач. Учителѣ“ (1893 года), а небольшая замѣтка о нѣкоторыхъ особенностяхъ этихъ съѣздовъ была напечатана въ газетѣ „Голосъ“ за 1892 годъ; въ шестыхъ, надо было приготовить и изложить публичную лекцію въ пользу воронежскаго общества вспомошествованія учащимся для нѣ котораго пополненія его оскудѣвающей кассы, которая и состоялась осенью въ залѣ воронежской городской думы.

Предметомъ лекціи на этотъ разъ я взялъ русскую литературу XVI вѣка. Поводомъ къ тому послужило извѣстное восклицаніе И. С. Аксакова въ „Руси“, по поводу страшныхъ событій 1881 г.: „Пора домой!“ Восклицаніе было обращено къ правительству и обществу, какъ патріотическій призывъ возвратиться къ древне-русской московской старинѣ. Лекція была озаглавлена „Идеалы московскаго государства“. Она содержала въ себѣ: предисловіе, излагавшее взглядъ на литературу, какъ отраженіе идеальныхъ представленій общества и его представителей, краткую характеристику идеальныхъ представленій, отразившихся въ древне-русскихъ словесныхъ произведеніяхъ, устныхъ и письменныхъ, тѣхъ періодовъ, которые предшествовали московскому, обзоръ литературныхъ памятниковъ московскаго періода, съ изложеніемъ ихъ содержанія, и выводъ идеальныхъ представленій, въ нихъ отразившихся, какъ „идеаловъ московскаго государства“. Я окончилъ лекцію, приблизительно, такимъ заключеніемъ: „Такіе-то идеалы выработались въ русской жизни и отразились въ словесныхъ произведеніяхъ XVI в. Этимъ очеркомъ идеальныхъ представленій московскаго государства и оканчивается моя задача. Но какъ же быть съ знаменитымъ восклицаніемъ „Пора домой!“, которое было поводомъ для этой экскурсіи въ далекое прошлое?—Что касается этого, то мнѣ думается вопросъ здѣсь не въ томъ, хороши или дурны, симпатичны или несимпатичны идеалы московскаго государства для современной Россіи, а въ томъ, возможно ли возвращеніе къ этимъ идеаламъ?—мы видѣли, что въ свое время они возникали и развились изъ предыдущихъ подъ тяготѣніемъ извѣстныхъ историческихъ обстоятельствъ, что московскіе люди не произвольно облюбили и усвоили эти идеалы, а пришли къ нимъ въ силу исторической необходимости. Точно также и мы пришли къ своимъ идеаламъ, во имя которыхъ живемъ, работаемъ и боремся, которые еще недавно, но болѣе или менѣе прочно, закрѣплены за нами всѣми преобразованіями освободительной эпохи. Существуютъ ли въ настоящее время на Руси историческія условія, побуждающія насъ отречься отъ нашихъ идеаловъ и возвратиться къ тѣмъ идеаламъ московскаго государства, которые выясняютъ изученіе русской словесности XVI вѣка? Умѣстны ли, своевременны ли, возможны ли такіе идеалы для нашего времени и для того поколѣнія, которое пережило эпоху господства освободительныхъ идей и едва ли можетъ не передать ихъ грядущему поколѣнію, какъ самое цѣнное и дорогое

наслѣдство?—вотъ въ чемъ вопросъ, и этимъ вопросомъ позвольте и мнѣ, мм. гг. и мм. гг., окончить мою лекцію!“.

Часть мая и іюня я провелъ въ Москвѣ, вмѣстѣ съ Л. И. Михайловой на дачѣ близъ Петровскаго парка, ежедневно посѣщая выставку и приготовляясь къ сѣзду. Учебный отдѣлъ выставки, сравнительно съ 1872 г., былъ бѣденъ и не представлялъ ничего новаго: очевидно, что развитіе учебнаго дѣла за десять лѣтъ въ Россіи не прогрессировало, остановилось, замерло. Обзоръ этого отдѣла выставки я напечаталъ въ 11 и 12 № „Русскаго Нач. Учителя“.

Изъ Москвы я отправился въ Великіе Луки, гдѣ уже были въ сборѣ учителя и учительницы южной части Псковской губерніи и было все приготовлено для занятій. Я расположился въ приготовленномъ для меня номерѣ при общественномъ клубѣ, познакомился съ представителями мѣстнаго земства и немедленно открылъ занятія въ просторномъ помѣщеніи городского училища на берегу Ловати.

Съ самыми свѣтлыми впечатлѣніями перекочевалъ я въ Псковъ, гдѣ собрались учителя и учительницы сѣверной части губерніи. По примѣру великолукскаго, и псковское земство устроило общежитія и общій обѣдъ въ городскомъ саду. Здѣсь сѣздъ былъ многолюднѣе, число постороннихъ посѣтителей больше, что и понятно, да и вообще вся обстановка сѣзда, обстановка „губернская“, много отличалась отъ великолукской съ ея уѣздной простотой. Занятія происходили въ богатомъ залѣ дворянскаго дома, съ хорошими зеркалами и портретами въ золотыхъ рамахъ. Часто на занятіяхъ присутствовали то губернаторъ, то архіерей, то другія почетныя лица. Опять пришлось видѣть и благообразнаго, сѣдобородаго слѣпца-декабриста М. А. Назимова, который вскорѣ и скончался. Миръ праху твоему, многострадавшій идеалистъ, пережившій большую часть своихъ сверстниковъ, но сохранившій до конца жизни вѣру въ свои юношескіе идеалы.

Учительство Псковской губерніи, какъ было замѣтно на обоихъ сѣздахъ 1882 года, я разумѣю промежуткомъ между двумя сѣздами, которыми руководилъ: 1874 и 1882 г., за восемь лѣтъ, сдѣлало большой шагъ впередъ.

Это, конечно, много зависѣло отъ того, что въ эти восемь лѣтъ дѣйствовала учительская семинарія, открытая осенью 1874 года и давшая значительное число хорошо подготовленныхъ учителей, а чуть ли не болѣе оттого, что народная школа стала привлекать къ себѣ молодыхъ дѣвушекъ, окончившихъ курсъ Псковской женской гимназіи и Великолукской женской прогимназіи. Въ Псковѣ я встрѣтилъ кое-кого изъ моихъ старыхъ знакомыхъ: бывшаго директора Вологодской гимназіи, съ которымъ когда-то служилъ и я, Ив. Ив. Красова, какъ разъ въ это время переведеннаго въ Псковъ. Это былъ все тотъ же добродушный человѣкъ, не особенно постарѣвшій, но—увы!—почти потерявшій зрѣніе. Мы встрѣтились съ нимъ, какъ старые друзья, и много говорили про старое время, про нашихъ общихъ сослуживцевъ, и онъ потомъ усердно посѣщалъ занятія сѣзда; бывшаго Херсонскаго епископа Нафанаила, который еще въ Херсонѣ благословилъ меня иконой, послѣ того побывалъ въ Архангельскѣ и теперь очутился въ Псковѣ; онъ тоже одинъ разъ посѣтилъ сѣздъ; бывшую учительницу моей Воронежской школы, Ек. Вас. Стемковскую, жену воспита-

теля военной гимназіи, которая давно покинула Воронежъ, овдовѣла и жила въ Псковѣ; она тоже посѣщала съѣздъ. Вообще залъ почти всегда былъ полонъ, а въ послѣдній день, когда я произносилъ заключительную рѣчь, въ которой излагалъ исторію идеи воспитывающаго обученія и прощался съ учителями и учительницами, и залъ, и хоры были переполнены.

По окончаніи моей рѣчи съ хоръ посыпался дождь цвѣтовъ. Одинъ изъ учителей сказалъ нѣсколько „теплыхъ словъ“ отъ всего учительства, а хоръ, подъ управленіемъ учителя городскаго училища Кондратьева, пропѣлъ нѣсколько приличествующихъ случаю піесъ. Говорилъ еще, обращаясь къ учителямъ и ко мнѣ, предсѣдатель губернской земской управы.

Вечеромъ въ этотъ же день земство устроило для учителей и учительницъ пиръ съ танцами, хоровымъ пѣніемъ и угощеніемъ, а ночью—я уѣхалъ изъ Пскова. Въ „Новомъ Времени“ вскорѣ появилась чья-то сочувственная корреспонденція о Псковскомъ съѣздѣ, восхвалявшая меня паче мѣры. Не скажу, чтобы это было мнѣ непріятно, но все таки, по совѣсти говорю, что лучше, если бы ее не было. Она дала поводъ „Гражданину“ ругнуть меня, какъ либерала и опаснаго коновода. А извѣстный романистъ Всеволодъ Крестовскій (не псевдонимъ, а Крестовскій, извѣстный подъ именемъ „Трущобнаго“, то есть сочинитель „Петербургскихъ трущобъ“) написалъ на меня и Псковскій съѣздъ довольно аляповатую каррикутуру, съ довольно сквернымъ душкомъ, въ одномъ изъ своихъ отмѣнно длинныхъ романовъ, напечатанныхъ, конечно, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“. Не скажу, чтобы мнѣ это было пріятно, но все-таки по совѣсти говорю, эта каррикутура нисколько не огорчила и не раздражила меня, — тѣмъ болѣе, что я самъ чувствовалъ за собой въ далекомъ прошедшемъ грѣшки подобнаго рода; я когда-то самъ описывалъ подобныя каррикутуры („Бѣсовское навожденіе“ въ „Русскомъ Словѣ“, „Выборъ старшинъ“ въ „Искрѣ“ и друг.): что дѣлать,—„любишь кататься, люби и саночки возить“.

Изъ Пскова я поѣхалъ на отдыхъ въ Кисловодскъ вмѣстѣ съ Л. И. Михайловой, моимъ единственнымъ другомъ, который уже много лѣтъ не оставлялъ меня ни въ трудные, ни въ радостные дни моей жизни, слѣдилъ за моимъ здоровьемъ, удерживалъ отъ опасныхъ увлеченій, утѣшалъ въ неудачахъ, выручалъ въ затрудненіяхъ. Изъ Кисловодска я заѣзжалъ на нѣсколько дней въ гости къ брату жены, Алексѣю Михайловичу Смѣкалову, во Владикавказъ. Смѣкаловъ тогда былъ уже начальникомъ Терской области и атаманомъ Терскихъ казаковъ; но онъ оставался все тѣмъ же простымъ и добрымъ малымъ, какимъ былъ и послѣ выпуска изъ академіи генеральнаго штаба, при началѣ своей службы. Въ его семьѣ я встрѣтилъ самый дружескій пріемъ. Съ Смѣкаловымъ мы прокатились по военно-грузинской дорогѣ до Дарьяльскаго ущелья и я полюбовался на разнообразныя горныя виды.

С.-Петербургскій комитетъ грамотности, состоящій при вольно-экономическомъ обществѣ, въ 1882 г. единогласно присудилъ мнѣ за труды и заслуги (какія?) по народному образованію свою золотую медаль, которая до меня была имъ присуждена: В. И. Водовозову, барону Н. А. Корфу, О. Н. Мѣдникову (за изданіе журнала „Народная Школа“), протоіерею Д. П. Соколову (за учебники по Закону Божію),

Г. И. Паульсону, С. И. Миропольскому (должно быть за многописание и многоглаголаніе?), В. А. Золотову (по случаю пятидесятилѣтняго юбилея его народно-педагогической дѣятельности), В. А. Евтушевскому и П. Р. Рѣдкину. Послѣ меня таже медаль присуждена: Х. Д. Алчевской (за Харьковскую воскресную школу и книгу „Что читать народу?“), П. П. Максимовичу (за женскую учительскую семинарію въ Твери), Н. О. Фонъ-дер-Флиту (какъ земскому дѣятелю Псковской губерніи, не мало сдѣлавшему для народной школы своего края), Д. И. Тихомирову, П. И. Макушеву (много потрудившемуся для народнаго образованія въ Сибири) и В. А. Морозовой (московской богачкѣ, много денегъ пожертвовавшей на народную школу). Нельзя не обратить вниманія на разнокалиберность этихъ избранниковъ комитета грамотности, удостоенныхъ имъ одной и той же награды. Какъ-то странно видѣть, что между этими избранниками нѣтъ такого большого человѣка, большого не только по рѣчамъ, но и по дѣламъ, какъ гр. Л. Н. Толстой. Признаюсь, я считаю для себя слишкомъ большой честью видѣть мое скромное имя рядомъ съ П. Г. Рѣдкинымъ, но думаю, что и нѣкоторые другіе изъ названныхъ должны бы чувствовать себя не особенно ловко на-ряду съ этимъ истинно-заслуженнымъ человѣкомъ.

Во всякомъ случаѣ, я принялъ награду комитета грамотности, какъ величайшую честь для меня, далеко превосходящую мои маленькія заслуги, и рѣшилъ никогда не разставаться съ этой медалью, дорогой для меня не по ея значительной цѣнности (20 червонцевъ), а по существу, какъ наградой, полученной не отъ благосклоннаго начальства, а отъ свободнаго общественнаго мнѣнія, — если не заслуженной, то и не выпрошенной, не вытянутой путемъ угодничества и сдѣлокъ съ совѣстью. Такъ какъ медаль дается не для ношенія, а для храненія, то надо было придумать способъ, какъ бы приспособить ее, чтобы она всегда оставалась при мнѣ, а не въ ящикѣ письменнаго стола, гдѣ хранятся всѣ другія полученные мною награды, хотя они даны прямо для ношенія въ петлицѣ или на шеѣ.

Я поручилъ Мозеру перепелить мою медаль на двѣ пластинки и привѣшивать къ крышкамъ моихъ карманныхъ часовъ. Часы стали немножко тяжеловаты, но за то драгоценная награда, возлагающая на меня обязанность усердно работать и жертвовать для дѣла народнаго образованія, находится всегда при мнѣ и напоминаетъ мнѣ постоянно, что я еще много долженъ сдѣлать, чтобы ее заслужить, и носить, не чувствуя нѣкотораго стыда. Вотъ теперь, слишкомъ черезъ десять лѣтъ, я освободился отъ этого стыда и полагаю, что кое-что сдѣлалъ, — пожалуй, — достойное этой преждевременной награды.

Въ 1883 году я получилъ приглашеніе на три съѣзда: въ Ирбитъ и Шадринскъ, Пермской губерніи, и въ Тверь, гдѣ предполагался съѣздъ учительницъ, окончившихъ курсъ семинаріи Максимовича. Отъ послѣдняго съѣзда мнѣ пришлось отказаться, потому что я раньше принялъ приглашеніе земствъ Ирбитскаго и Шадринскаго. Въ Пермскую губернію я отправился въ маѣ знакомымъ путемъ: по желѣзной дорогѣ до Нижняго, на пароходѣ по Волгѣ и Камѣ до Перми, опять по желѣзной дорогѣ до Екатеринбурга, наконецъ на лошадахъ — сперва въ Ирбитъ, потомъ въ Шадринъ, наконецъ опять въ Екатеринбургъ. На этихъ съѣздахъ я встрѣтилъ много знакомыхъ и старыхъ прія-

телей по Нижне-Тагильскому съѣзду. Встрѣча была очень сердечная, и оба съѣзда шли весьма оживленно.

Порядокъ, содержаніе и ходъ занятій здѣсь были тѣ-же, что и на другихъ съѣздахъ подѣ моимъ руководствомъ. Особенно удачно здѣсь удалось организовать временную школу и провести въ ней практическія занятія, придавъ имъ нѣкоторую цѣльность и законченность. Лекціи мои были значительно пополнены и переработаны. Эти лекціи и мои уроки въ школѣ, довольно подробно записанные, вошли въ составъ моей книги „Школьное дѣло“ во 2-мъ ея изданіи (Полубояринова, 1886 г.) Въ составѣ мѣстнаго учительства оказалось не мало дѣльныхъ и преданныхъ дѣлу учителей, а особенно учительницъ, изъ которыхъ особенно памятна мнѣ: Елиз. Мих. Буторина, (о которой скажу подробнѣе послѣ, одновременно съ ея сестрой, учительницей Шадринскаго уѣзда), Ев. Сем. Топоркова. Между учителями здѣсь на меня особенно пріятное впечатлѣніе произвели молодые люди изъ крестьянъ, которые окончили курсъ начальной народной школы, потомъ оставались при школѣ, чтобы присмотрѣться къ дѣлу обученія, наконецъ сдали экзаменъ на право сельскаго учителя и теперь работаютъ въ народной школѣ. Изъ нихъ вышли хорошіе, работающіе и сердечные народные учителя совершенно своеобразнаго и очень симпатичнаго типа, на который до сихъ поръ мнѣ не приходилось наталкиваться.

Въ какой то повѣсти А. Потѣхина, напечатанной въ „Вѣстникѣ Европы“ лѣтъ 7—8 тому назадъ, есть намекъ на этотъ симпатичный типъ русскаго народнаго учителя. Особенно памятна мнѣ изъ учителей этого типа Ив. В. Воробьевъ и Александръ Ив. Фадѣевъ. Воробьевъ, впрочемъ, полемиковѣсье, хотя онъ пускался даже въ литературу и печаталъ кое-какія замѣтки въ „Русскомъ Нач. Учителѣ“. А. Фадѣевъ личность безспорно выдающаяся. Это юноша-крѣпышъ съ крайне пытливымъ умомъ, съ неутомимой жаждой знанія и труда на благо народу, съ непоколебимой вѣрой въ науку. Черезъ много лѣтъ, когда я уже поселился въ деревнѣ и устроилъ свою народную школу, ко мнѣ неожиданно, съ котомкой за плечами, явился Ал. Ив. Фадѣевъ: оказалось, что онъ работалъ въ Смоленской губерніи, въ Батищевѣ у Энгельгардта и „по пути“ вернулся ко мнѣ (это изъ Смоленской—то губ. въ Пермскую—по пути!) повидаться, потолковать. Мы потолковали всласть, Фадѣевъ отдохнулъ и опять отправился, по образу пѣшаго хожденія, въ путь на Саратовъ. Я далъ ему письмо къ моему пріятелю доктору Буховцеву, у котораго въ Саратовѣ была своя частная лѣчебница. Фадѣевъ поступилъ на нѣкоторое время, чтобы полѣчиться, служителемъ въ эту лѣчебницу. Не знаю, что было съ нимъ дальше, а цѣлью его было—возвратиться въ Пермскую губернію и снова сдѣлаться народнымъ учителемъ, но уже съ запасомъ новыхъ знаній, какія онъ считалъ особенно важными для народнаго учителя и приобрѣлъ частью у Энгельгардта, частью у Буховцева.

Кромѣ педагогическихъ лекцій, на Ирбитскомъ съѣздѣ были устроены лекціи гигіены съ необходимыми объясненіями анатомическаго, фізіологическаго и физико-химическаго содержанія. Эти лекціи, соединенныя съ экспериментами, прекрасно излагалъ врачъ П. Н. Сере—ковъ, чрезвычайно талантливый человекъ, хорошій врачъ и отличный лекторъ; а эксперименты принялъ на себя

врачъ Сем. Ераст. Крупинъ, тоже личность не заурядная. Лекціи и эксперименты Серебренникова и Крупина чрезвычайно увлекали учителей и учительницъ. Надо было видѣть, съ какой жадностью слушаль эти лекціи Фадѣевъ.

Съ Серебренниковымъ, его женой, женщиной врачомъ Евг. Пав. Серебренниковой и Крупинымъ я очень подружился, и воспоминаніе о часахъ, проведенныхъ въ ихъ обществѣ, одно изъ моихъ самыхъ пріятныхъ Ирбитскихъ воспоминаній. Потомъ я встрѣчался съ ними въ Петербургѣ, гдѣ Павелъ Николаевичъ держалъ экзамень на доктора, Евг. Павл. состояла ассистентомъ при профессорѣ Добровольскомъ, а Крупинъ поступилъ завѣдующимъ городскою барачною больницею.

Общежитія для учителей и учительницъ здѣсь не было, но все-таки большую часть времени мы проводили вмѣстѣ, какъ одна дружная и единомышленная семья. Съ 9 часовъ утра начинались занятія и продолжались до 3—4 часовъ; послѣ обѣда всѣ ѣхали или шли куда-нибудь за городъ („въ поле“, какъ говорятъ здѣсь), располагались на землѣ около самовара, вели разговоры, которые все вертѣлись около школы и школьнаго дѣла, пѣли и пили непомѣрное количество чаю.

Благодаря инициативѣ Е. П. Серебренниковой, устроился любительскій спектакль въ мѣстномъ театрѣ, который былъ наполненъ преимущественно учителями и учительницами. Играли „На порогѣ къ дѣлу“. Піеса шла прекрасно. Словомъ сказать, три недѣли пролетѣли живо, и вотъ наступилъ послѣдній день. Утромъ я простился съ учительствомъ и сказалъ заключительное слово, мнѣ отвѣчалъ сочувственной рѣчью инспекторъ народныхъ училищъ г. Протодьяконовъ, говоря откровенно человѣкъ не симпатичный и не пользовавшійся любовью и уваженіемъ учителей и учительницъ, и благодарственнымъ словомъ одинъ изъ учителей, при чемъ мнѣ поднесли на память двѣ вазы съ цвѣтами; одна изъ этихъ вазъ и до сихъ поръ у меня цѣла, другая разбилась въ дорогѣ. При этомъ прощаньи я былъ растроганъ почти до обморока. Мѣстный исправникъ, онъ же членъ училищнаго совѣта, г. Ивановъ, очень живой и умный человѣкъ, вывелъ меня подъ руку, посадилъ въ свой экипажъ и повезъ прокатиться за городъ. Вечеромъ въ этотъ же день всѣ собрались въ помѣщеніе городского училища, гдѣ земство устроило для всѣхъ участниковъ съѣзда вечеринку съ танцами и угощеніемъ. Здѣсь учительница Е. С. Калинина прочитала и передала мнѣ стихотвореніе учительницы мѣстной прогимназіи Клеопатры Николаевны Эйгеръ. К. Н. Эйгеръ пользовалась въ своемъ кругу извѣстностью поэта. Ея стихотворный привѣтъ очень тронулъ меня. Конечно, въ немъ много преувеличеннаго, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, когда непосредственное чувство заглушаетъ критическую мысль. Но, зная К. Н. Эйгеръ и лично, и по отзывамъ ея близкихъ друзей и знакомыхъ, я вѣрилъ и вѣрю искренности этого привѣта и сохраняю ея стихотвореніе, какъ драгоценную память о томъ счастливомъ времени, которое—увы!—уже никогда не возвратится. Да, вполне счастливымъ чувствовалъ я себя тогда, въ кругу молодыхъ людей и дѣвушекъ, которые относились ко мнѣ съ любовью и довѣріемъ, которые были одушевлены самыми чистыми идеальными стремленіями и самыми благородными альтруистическими чувствами. Стихотвореніе К. Н. Эйгеръ не лишено

поэзии, въ немъ чувствуется живой и чистый огонекъ. Я послалъ ей тоже стихотворный отвѣтъ уже изъ Шадринска. Но у меня вышла прямо чистая проза въ стихахъ. Я никогда не былъ поэтомъ, а въ это время сохранилъ только нѣкоторое умѣнье складывать довольно гладкіе стихи. Записываю оба стихотворенія цѣликомъ.

Николаю Федоровичу Бунакову.

Ирбитъ 1883 г. іюня 22.

Бываютъ минуты, минуты святые,
Когда просыпаются громко въ душѣ
Стремленія чистыя, мысли благія,
И свѣтомъ—тепломъ согрѣваютъ онѣ,—
Тѣмъ свѣтомъ горячимъ, что душу живую,
Средь міра тревогъ и невзгодъ,
Спасаетъ отъ смерти и вѣру иную
Въ великую правду и знанье даетъ,
А тотъ, кто доставилъ минуту такую,
Намъ будетъ любимый, родной,
И въ пору безсилья, въ борьбу трудовую,
Намъ память о немъ будетъ щить боевой:

Мы снова подыmemъ упавшія руки,
Мы снова и вѣру, и силы найдемъ,
И всѣ поблѣднѣютъ, забудутся муки,
И смѣлую пѣсню мы бодро споемъ!
Живи-же, учитель, товарищъ любимый,
Ты родинѣ нуженъ—и тѣмъ,
Кто скромно идетъ и трудится незримый,
Кто часто готовъ опуститься совсѣмъ,
Кто мало участія и ласки встрѣчаетъ,
Кого такъ не балуетъ жизнь,
Кто съ теплою любовью тебя провожаетъ
И помнитъ завѣтъ твой: „борись!“

К. Эйгеръ.

Отвѣтъ Клеопатрѣ Николаевнѣ Эйгеръ.

Шадринскъ. 1883 г. іюня 25.

1.

Пятнадцать, больше—двадцать лѣтъ
Стихами я не занимался,
Хоть иногда, въ душѣ поэтъ,
Чужими страстно упивался,
Чего нисколько не стыжусь,
Въ чемъ откровенно сознаюсь.
Но Вашимъ тронутый привѣтомъ,
Я снова, не скажу поэтомъ,
А стихотворцемъ становлюсь.

2.

Я постараюсь, какъ умѣю,
Въ отвѣтъ на пламенную рѣчь,
Въ стихи и образы облечь
Одну правдивую идею:
Чтобъ пламя яркое зажечь,
И молніи небесной мало,
Несущей Божій жаръ и свѣтъ,
Когда довольно матеріала
Воспламеняемаго нѣтъ.

3.

Да, молніи небесной мало:
Какъ небеса не бороздитъ,
Но вѣковѣчнаго Урала
Холодный камень діоритъ
Ея огнемъ не загоритъ.
Увы! молніеноснымъ словомъ
Меня Господь не одарилъ,
Чтобъ въ сердцѣ черствомъ и суровомъ
Жаръ чувства я воспламенилъ.

4.

Но человекъ съ натурой честной
И съ воспримчивой душой
И не отъ молніи небесной
Воспламеняется порой.
Одно рѣшительное слово,
Простой призывъ на честный бой
Съ невѣжествомъ, съ неправдой злой,
На трудъ, на подвигъ,—и готово:
Пылаетъ свѣточъ огневой!

5.

Пылай-же, свѣточь! Ночи сонной
И мракъ, и холодъ разгоняй!
Ничтожной искрою зажженный,
Неугасаемо пылай,

Тепло и свѣтъ распространяя!
Въ твоёмъ сіяньи пусть теряетъ
Малютка-искорка лучи,
Какъ въ блескѣ солнца исчезаетъ

Сіянье блѣдное свѣчи...

Н. Бунаковъ.

Итакъ, я переѣхалъ изъ Ирбита въ Шадринскъ. Со мной переѣхали и нѣкоторые участники Ирбитскаго съѣзда, пожелавшіе быть участниками и Шадринскаго: Ел. М. Буторина, Ал. Ив. Мартыновъ и др. Въ Шадринскѣ я прочиталъ сочувственную корреспонденцію объ Ирбитскомъ съѣздѣ, написанную мѣстнымъ писателемъ и поэтомъ *Θ. Θ. Филимоновымъ* и напечатанную въ „Екатеринбургской Недѣлѣ“.

Θ. Θ. Филимоновъ тогда жилъ въ Ирбитѣ, помнится, подъ надзоромъ полиціи. Онъ былъ одаренъ несомнѣнно поэтическимъ дарованіемъ и печаталъ свои красивыя и прочувствованныя стихотворенія въ „Наблюдателѣ“ *А. П. Пятковскаго*; но жизнь въ глухомъ городкѣ, гдѣ только изрѣдка обнаруживалось оживленіе, какъ во время учительскаго съѣзда, а затѣмъ на много мѣсяцевъ водворялась мертвенная спячка, уже положила на него печать той распушенности, которую такъ безпощадно налагаетъ русская провинціальная глушь на своихъ невольныхъ обитателей. Уже давно я ничего не знаю о немъ. Шадринскій съѣздъ мало отличался отъ Ирбитскаго. Тотъ-же порядокъ и то же содержаніе занятій Тѣ-же разговоры и споры. Тѣ-же поѣздки и „походы въ поле“ съ чаепитіемъ и пѣніемъ. Въ учительствѣ здѣсь замѣтно преобладаніе женскаго элемента. Екатеринбургская женская гимназія явилась настоящимъ разсадникомъ, который даетъ Шадринскому земству не мало прекрасныхъ сельскихъ учительницъ, съ хорошей подготовкой, съ энергіей и горячей любовью къ дѣлу.

Особенно видную роль въ средѣ Шадринскаго учительства, да и вообще въ средѣ лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу народнаго образованія, играла учительница *Августина Михайловна Буторина*, которая много способствовала развитію и хорошей постановкѣ школьнаго дѣла въ уѣздѣ, потому что работала неутомимо, страстно и честно, настойчиво и безкорыстно, пользуясь общимъ уваженіемъ и большимъ вліяніемъ въ средѣ мѣстнаго земства. Обѣ Буторины, *Ельз. Мих.*, служившая въ Ирбитскомъ уѣздѣ, о которой я уже упоминалъ, и *Авг. Мих.* служившая въ Шадринскомъ уѣздѣ, были родныя сестры, связанные не только родствомъ, но и общностью интересовъ, идеаловъ, стремленій. Онѣ вышли изъ зажиточной семьи, учились въ Екатеринбургской женской гимназіи; имъ предоставлялась въ будущемъ спокойная и беззаботная жизнь, но обѣ онѣ пренебрегли житейскими благами, вопреки желанію родныхъ ушли въ сельскія учительницы и въ народъ, какъ его разумныя и искреннія друзья, отдали всѣ свои недюжинныя силы народной школѣ и народному образованію. *Авг. Мих.*, какъ наиболѣе ретивая и безпощадная къ себѣ, отдавшаяся дѣлу безраздѣльно, года три тому назадъ преждевременно угасла и сошла въ могилу, не забывая о школѣ и народѣ даже въ послѣднія минуты своей недолгой жизни, какъ настоя-

щая, хотя незамѣтная и скромная, героиня. Вѣсть о ея смерти не могла не огорчить всякаго, кто зналъ ее и кому дороги интересы народной школы и народной жизни. Это была до такой степени чистая, идеально-высоко-нравственная человѣческая личность, что даже и тупой и черствый чиновникъ-инспекторъ народныхъ училищъ г. Поповъ, занявшій это мѣсто уже позже моего пребыванія въ Шадринскѣ и показавшій себя въ весьма неблагоприятномъ свѣтѣ (какъ мнѣ извѣстно изъ писемъ учителей), написалъ о ней сочувственную статейку въ „Рус. Нач. Уч.“

Постановка и организація народнаго образованія въ Шадринскомъ уѣздѣ тогда была превосходная. Она представляла двѣ особенности, установленіе коихъ въ значительной мѣрѣ (если не всецѣло) зависѣло отъ вліянія и энергіи покойной Авг. Мих. Буториной. Во-первыхъ, здѣсь общее собраніе учителей и учительницъ избрало изъ среды себя особую школьную комисію, которая обсуждала всѣ вопросы, нужды и потребности школы и учительства, вносила въ земское собраніе свои доклады съ предположеніями и проэ debated, разъясняя ихъ собранію, которое относилось къ этимъ докладамъ съ полнымъ довѣріемъ и уваженіемъ. Въ сущности, народная школа имѣла свое представительство въ земскомъ собраніи, т. е. учительство не только допускалось, но привлекалось къ участию въ обсужденіи школьныхъ вопросовъ и въ рѣшеніи ихъ, какъ живая активная сила. Нѣчто подобное тогда было въ Ирбитскомъ уѣздѣ, который вообще старался въ земскомъ дѣлѣ идти по слѣдамъ Шадринскаго: здѣсь для обсужденія вопросовъ школы и народнаго образованія приглашались въ земское собраніе депутаты отъ учительства, имъ самимъ избираемые. Второю особенностью въ организаціи народно-учебнаго дѣла въ Шадринскомъ уѣздѣ были превосходно поставленныя домашнія школки грамотности, устраиваемыя земствомъ. Опираясь на извѣстный циркуляръ Министерства Нар. Просв. (барона Николаи), допускавшій полную свободу начальнаго обученія, безъ всякихъ особыхъ правъ для обучающихъ лицъ и безъ всякаго оффиціальнаго надзора за обученіемъ, Шадринское земство, черезъ посредство и подъ наблюденіемъ своихъ учителей и учительницъ, стало устраивать школки грамотности въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ не было нормальной земской школы, назначая учителями и учительницами (безъ правъ) въ этихъ школкахъ молодыхъ людей, съ успѣхомъ окончившихъ курсъ нормальной школы. Эти школки стоили земству, сравнительно, очень дешево, а пошли превосходно, благодаря энергическому и теплому отношенію къ нимъ земскаго учительства, особенно Ав. Мих. Буториной, много и дѣльно поработавшей на пользу этихъ школокъ. Ея отчеты о школкахъ ея района полны живого и глубокаго интереса; отрывки изъ нихъ были напечатаны въ моей брошюркѣ „О домашнихъ школкахъ грамотности въ народѣ“, изд. въ 1885 г. Число школокъ росло съ каждымъ годомъ, потому что онѣ понравились крестьянству, которое охотно давало для нихъ квартиру съ отопленіемъ, а земство давало учебныя пособія и вознагражденіе учащимъ въ размѣрахъ до 60 руб. въ годъ. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ школокъ съ особенно даровитыми и трудолюбивыми учащимися молодыми людьми, работавшими подъ непосредственнымъ руководствомъ хорошихъ земскихъ учителей, въ родѣ А. М. Буториной, дѣло пошло на столько успѣшно, что въ сущности проходилъ полный курсъ народной

школы. Словомъ сказать, въ Шадринскомъ уѣздѣ это дѣло развивалось и росло безпрепятственно и съ полнымъ успѣхомъ, съ самыми плодотворными результатами. Но въ Ирбитскомъ, земство и учительство котораго и въ этомъ дѣлѣ хотѣло слѣдовать примѣру Шадринскаго, встрѣтилось странное и довольно невѣжественное противодѣйствіе со стороны представителя Мин. Нар. Просв., инспектора народныхъ училищъ г. Протодьяконова, Онъ, вообще состоя въ непріязненныхъ отношеніяхъ съ земствомъ, представилъ все дѣло въ извращенномъ видѣ на усмотрѣніе Оренбургскаго Попечителя округа, настаивая, что земство самовольно открываетъ какія-то незаконныя школы съ учителями безъ права обученія, неподлежащія инспекціи и вредныя, которыя слѣдуетъ закрыть полицейскимъ порядкомъ. Этотъ злой и тупой формалистъ, для котораго дѣло народнаго образованія было дѣломъ вовсе чуждымъ и неинтереснымъ, добился таки распоряженія о закрытіи школокъ грамотности черезъ полицію. Къ счастью, мѣстный исправникъ г. Ивановъ, бывшій и членомъ училищнаго совѣта, оказался человѣкомъ болѣе просвѣщеннымъ и понимающимъ народное благо, нежели представитель Мин. Нар. Пр., и только его разумное и сочувственное отношеніе къ дѣлу на этотъ разъ спасло Ирбитскія школки грамотности... впрочемъ не надолго: чего не удалось съѣсть Мин. Нар. Пр., то съѣло дружественное съ нимъ духовное вѣдомство.

С.-Петербургскій Комитетъ грамотности въ 1883—1884 годахъ очень заинтересовался дешевыми школками грамотности, создавшимися въ русскомъ народѣ помимо оффиціальныхъ школъ, и собралъ, черезъ земства и училищные совѣты, довольно обширные и интересные матеріалы о нихъ, намѣреваясь, съ своей стороны, способствовать ихъ распространенію и улучшенію. Матеріалы эти были переданы мнѣ для обработки черезъ редакцію „Русскаго Начальнаго Учителя“. Они и послужили содержаніемъ для моего очерка „О домашнихъ школахъ грамотности въ народѣ“, который былъ напечатанъ сперва въ журналѣ „Рус. Нач. Уч.“ (№ 6—7, 8—9 и 10 за 1885 г.), а потомъ отдѣльной книжкой. Наилучшей постановкой и организаціей этого дѣла оказалась постановка и организація его именно въ Шадринскомъ уѣздѣ. Но и вообще обнаружилось, что домашнія школки, сами собой возникающія въ народѣ, чуть ли не успѣшнѣе распространяютъ въ немъ грамотность, нежели школы оффиціальныя, особенно тамъ, гдѣ ихъ поддерживаетъ земство.

Въ моей книжкѣ изложена и некрасивая исторія, борьбы ирбитскаго земства съ представителемъ мин. нар. пр. за существованіе школокъ грамотности.

Забѣгая впередъ, скажу, что черезъ нѣсколько лѣтъ для задержанія успѣховъ народнаго образованія на Руси, яко-бы ужъ слишкомъ быстро развернувшася и угрожающаго какими-то опасностями благоденствію Россійскаго государства, была придумана очень радикальная мѣра: задумали передать это дѣло въ руки испытаннаго гасильника,—въ руки русскаго духовенства, стали открывать разныя гасильныя „братства“ и „церковно-приходскія“ яко-бы „школы“. Началась ярая пропаганда идеи о полной передачѣ духовенству всего дѣла народнаго образованія,—это нашему то, невѣжественному, распущенному и корыстному духовенству, конечно, не безъ исключеній, весьма не многочислен-

ныхъ, всегда стоявшему за мракобѣсіе и за угнетеніе народа, всегда бывшему угодникомъ—только не передъ Богомъ, а передъ всякими земными властями и вообще передъ сильными міра сего. Затѣя эта, за которую особенно усердно, съ настойчивостью, достойной лучшаго дѣла, ухватился выжившій изъ ума К. П. Побѣдоносцевъ, тогда чуть ли не самый сильный и вліятельный человѣкъ въ Россіи,—затѣя эта, какъ извѣстно, пока не осуществилась во всей полнотѣ (Богъ дастъ—осуществится, п. ч. всѣ глупыя и дикія затѣи у насъ приходятся „ко двору“); но всѣ школки грамотности, дѣйствительно, переданы въ „загребущія“ поповскія руки, т. е. обречены на искалѣченіе и задушеніе. И вотъ, сколько мнѣ извѣстно, дѣло это, такъ успѣшно двинутое шадринскимъ земствомъ и обѣщавшее въ непродолжительномъ времени чуть ли не всеобщую грамотность цѣлаго обширнаго края за Уральскими горами, нынѣ совсѣмъ упало. Упомянутая учительница А. М. Буторина, много силъ, энергіи и здоровья положившая на это дѣло, къ ея счѣстью, видѣла только радостный расцвѣтъ его и сошла въ могилу съ увѣренностью, что оно поставлено прочно, непоколебимо, что недалеко пора всеобщей грамотности въ Шадринскомъ уѣздѣ. Преждевременная смерть, вызванная усиленными трудами на просвѣщеніе и благо русскаго крестьянства, избавила ее отъ плачевнаго зрѣлища разрушенія и оплеванія того зданія, надъ постройкой котораго она такъ много потрудилась съ необычайной энергіей и съ изумительнымъ терпѣніемъ. Не знаю, гдѣ живетъ и что теперь дѣлаетъ ея сестра, Е. М. Буторина. Слышалъ, что и она изъ Ирбитскаго уѣзда, гдѣ тоже много хлопотала о развитіи и прочной постановкѣ школокъ грамотности, перешла въ Шадринскій. Очень вѣроятно, что мракъ, опустившійся на русскую народную школу въ послѣдніе годы, благодаря зловѣщему вторженію въ нее нашего дикаго духовенства, заставилъ ее бросить учительство, которому она беззавѣтно и безкорыстно отдала лучшіе годы своей жизни. А можетъ быть, что преждевременная смерть любимой сестры, къ которой она питала чувство, близкое къ благоговѣнію, сломила и ея силы. Обѣ сестры были настоящія героини русской народной школы. Надо сказать, что подобныя примѣры безкорыстнаго и горячаго служенія народу, безъ всякихъ политическихъ идей и задачъ, а просто изъ какой-то органической любви къ нему, изъ истиннаго, а не напускнаго, изъ сердечнаго, а не головнаго, состраданія къ его бѣдности, были не исключеніями въ этомъ краю, гдѣ мнѣ бросалось въ глаза обиліе талантливыхъ, честныхъ и энергичныхъ людей, сравнительно съ Воронежскимъ безлюдьемъ; гдѣ я видѣлъ много глупыхъ баричей, жирныхъ купчиковъ, хвастливыхъ чиновниковъ, глуповатыхъ пройдохъ, тщеславныхъ либераловъ и либералокъ, но людей почти не встрѣчалъ.

Въ Шадринскѣ мое пребываніе окончилось тоже вечеринкой, устроенной земствомъ въ томъ самомъ залѣ земской управы, гдѣ происходили занятія съѣзда. Танцовали, пѣли, пили чай, говорили тосты и рѣчи. Мнѣ учителя и учительницы поднесли на память альбомъ съ фотографіями и приличной надписью. Если бы кому-нибудь пришлось читать эти мои записки, то, пожалуй, меня упрекнутъ за эти упоминанія о полученныхъ мною преподнесеніяхъ, о трогательныхъ проводахъ, оваціяхъ и т. п. Пожалуй, скажутъ, что я объ этихъ мелочахъ говорю изъ сквернаго тщеславія, говорю чуть ли не больше, чѣмъ о

дѣлѣ. Можетъ быть, тутъ и есть доля правды. Но о дѣлѣ, о томъ, что и какъ дѣлалось на сѣздахъ, я говорю подробно въ отчетахъ, мною напечатанныхъ. Здѣсь-же, вспоминая свою жизнь для себя лично, свои горести и свои радости, я, какъ весьма естественно, невольно останавливаюсь на тѣхъ проявленіяхъ сочувствія ко мнѣ лично и къ моей дѣятельности, которыя мнѣ особенно дороги не въ матеріальномъ, а въ нравственномъ смыслѣ, воспоминаніе о которыхъ и теперь, черезъ много лѣтъ, вноситъ отраду въ мою жизнь, свѣтлое радостное настроеніе въ мою душу.

Изъ Шадринска я проѣхалъ въ Крымъ, въ Ялту, на отдыхъ. Но по дорогѣ я прогостилъ нѣсколько дней въ Екатеринбургѣ и нѣсколько дней въ Перми. Въ Ялтѣ, мы сѣхались съ Л. И. Михайловой и провели тамъ августъ. Погода стояла превосходная, ясная, теплая, тихая. Купанье было прекрасное, прибой самый умѣренный, да и купальни въ Ялтѣ оказались значительно улучшенными. Виноградъ уже поспѣлъ и продавался по умѣреннымъ цѣнамъ. Здѣсь, на свободѣ, я привелъ въ порядокъ матеріалы о проработанныхъ сѣздахъ и шутя приготовилъ обстоятельное изложеніе занятій въ Ирбитѣ и Шадринскѣ для „Рус. нач. уч.“.

Переписка съ учителями и учительницами обоихъ уѣздовъ у меня продолжалась еще долго. Были письма даже отъ учениковъ временныхъ школъ. Образовалось большое собраніе фотографій—Нижне-Тагильскихъ, Ирбитскихъ, Шадринскихъ. Вообще воспоминаніе о сѣздахъ, которыми мнѣ приходилось руководить, одно изъ самыхъ свѣтлыхъ воспоминаній моей жизни.

Въ 1883 году воронежское общество вспомошествованія учащимся избрало меня своимъ почетнымъ членомъ, и въ этомъ же году мнѣ опять пришлось излагать, въ пользу общества, публичную лекцію о Тургеневѣ. Поводомъ для лекціи была смерть знаменитаго романиста, котораго дружно оплакивала вся Россія. Горевало и воронежское общество, особенно молодежь и женщины. Симпатіи молодежи въ послѣдніе годы вернулись къ Тургеневу, съ появленіемъ „Нови“ и „Стихотвореній въ прозѣ“, съ отстраненіемъ Тургенева отъ ненавистнаго всѣмъ Каткова, который не приминулъ пустить изъ своихъ изданій нѣсколько ядовитыхъ стрѣлъ въ своего стараго пріятеля, обвиняя его въ заискиваніи, популярности у либераловъ и молодежи. Едва ли кончину какого либо другого писателя Россія оплакивала такъ горько и такъ дружно. Вотъ воронежское общество вспомошествованія учащимся и задумало устроить литературный вечеръ въ честь покойнаго писателя, состоящій изъ лекціи о немъ и чтенія его произведеній. Я разсматривалъ Тургенева въ связи съ предшествовавшими литературными явленіями съ точки зрѣнія общественныхъ идеаловъ въ нихъ отразившихся, и съ особенной обстоятельностью изложилъ, какъ въ произведеніяхъ Тургенева послѣдовательно отражались явленія русской жизни, преимущественно останавливаясь на его женскихъ образахъ. Лекція вышла эффектная, и вообще вечеръ на столько удался, что его рѣшили повторить. Онъ происходилъ въ залѣ городской думы, не особенно просторномъ, залѣ, который не могъ вмѣстить всѣхъ желающихъ, и оба раза залъ былъ биткомъ набитъ.

IX.

Послѣдній годъ въ городѣ и переселеніе въ деревню.

Ст. Петино, 1894 г. марта 26.

1884 годъ.

Въ 1884 году воронежское общество вспомошествованія учащимся избрало меня своимъ предсѣдателемъ. Почти одновременно съ этимъ, я былъ избранъ членомъ и предсѣдателемъ попечительнаго совѣта открывшейся въ Воронежѣ частной гимназіи А. Н. Гоголь-Яновской. На эту женскую гимназію многіе возлагали большія надежды. Правительственная женская гимназія въ Воронежѣ всегда хромала, а въ послѣднее время съ каждымъ годомъ становилась все плоше и плоше.

Многіе радостно привѣтствовали предпріятіе А. Н. Гоголь-Яновской, которая обѣщала поставить иначе дѣло въ своей гимназіи. Инспекторомъ она избрала, и попечитель округа утвердилъ, преподавателя реального училища А. П. Киселева, математика, человѣка талантливаго и серьезнаго, очень популярнаго въ Воронежѣ. Казалось, что получится, дѣйствительно, хорошее учебное заведеніе. Но Гоголь-Яновская оказалась личностью, у которой на первомъ планѣ личные интересы, которая устраивала гимназію, какъ выгодное предпріятіе, безъ опредѣленныхъ педагогическихъ идеаловъ и задачъ. Лучшія личности, примкнувшія было къ ея дѣлу, А. Н. Киселевъ, выписанная изъ Кіева учительница Хропаль, курсистка изъ Петербурга О. А. Котляревская, скоро ушли изъ гимназіи, которая и погрузилась въ ту же рутину, какая господствуетъ въ казенной гимназіи — развѣ только съ той разницей, что въ ней выдвинуты на первый планъ—танцы, болтовня на французскомъ языкѣ и обученіе „манерамъ“: словомъ, это вышла гимназія съ институтскимъ пошибомъ, во вкусѣ институтовъ стараго добраго времени.

Я сначала тоже горячо взялся за дѣла гимназіи, но мнѣ пришлось уйти изъ нея раньше, нежели вполнѣ выяснился ея характеръ и опредѣлилась личность учредительницы: почему, — скажу дальше. Женская гимназія, общество вспомошествованія учащимся и моя школа брали все мое утро. По вечерамъ я преимущественно игралъ въ шахматы, хотя никогда не былъ хорошимъ и серьезнымъ шахматистомъ. Я началъ играть въ шахматы еще 16-лѣтнимъ мальчикомъ съ братомъ К. А. Березкинымъ; но всегда относился къ шахматамъ, какъ пріятному удовольствію, теоріей никогда не занимался, и игралъ порядочно, но не серьезно и больше по вдохновенію, нежели по теоріи и по расчету. Отчасти я дорожилъ этой игрой, какъ противовѣсомъ ненавистнымъ картамъ. Въ Воронежѣ въ то время собралось не мало любителей шахматной игры, между которыми были и серьезные шахматисты, изучившіе теорію игры и достигшіе большаго искусства: А. П. Киселевъ, И. И. Пляписъ, Д. П. Кандауровъ, Александровъ. Они стали собираться у меня, и мало-по-малу въ моей квартирѣ устроился шахматный клубъ. Собиралось иногда 20—30 человѣкъ; играли на 6—8 доскахъ; устраивались турниры. А рядомъ съ игрой шли разговоры и споры о современ-

ныхъ событіяхъ русской жизни. Это были живые и разумные вечера, которыми я очень дорожилъ.

Но все-таки жизнь въ томъ видѣ, какъ она сложилась, не удовлетворяла меня. Ни моя городская школа, ни общество вспомошествованія учащимся, ни женская гимназія, ни публичныя лекціи, не давали мнѣ надлежащаго нравственнаго удовлетворенія. Мнѣ была нужна народная школа. Задумалъ было я, въ связи съ моей школой для зажиточныхъ классовъ, приготовлявшей дѣтей для среднихъ учебныхъ заведеній, устроить другую—для уличныхъ и вообще бѣдныхъ дѣтей, чтобы учить и готовить ихъ прямо для жизни, съ курсомъ и программой народной школы, какова она должна и можетъ быть по моимъ понятіямъ. Предполагалось, что такая школа могла бы существовать отъ избытковъ первой, уже стоявшей твердо и прочно. Въ виду такого намѣренія, я сталъ приторговывать въ Воронежѣ большой домъ на лучшей (большой Дворянской) улицѣ, принадлежавшій наслѣдникамъ умершаго богача Алексѣева, рѣшившись потратить на это свои сбереженія и прибѣгнуть къ залoгу дома въ городской банкъ. Въ этомъ домѣ хватило бы помѣщенія для обѣихъ школъ и для меня лично. При домѣ былъ садъ и нѣсколько флигелей. Дѣло о покупкѣ дома налаживалось, какъ вдругъ неожиданное обстоятельство дало мнѣ возможность устроиться совершенно иначе, болѣе сообразно съ моими задушевными стремленіями и съ потребностями моего здоровья: представился удобный случай переселиться въ деревню. Въ 15—16 верстахъ отъ Воронежа, при селѣ Петинѣ, гдѣ была дача Л. И. Михайловой, продавалось небольшое имѣніе, съ усадьбой, съ 70—80 десятинами пашни, съ лугомъ на берегу Дона и съ лѣсомъ въ 20 десятинъ. Такъ какъ оно продавалось съ переводомъ долга въ городской банкъ, то было мнѣ по средствамъ: надо было уплатить наличными деньгами тысячъ десять, да имѣть тысячъ пять-шесть для приспособленій и для оборота. Я ухватился за это дѣло обѣими руками, а о домѣ въ Воронежѣ и думать забылъ.

Въ это время я неожиданно получилъ письмо изъ Москвы отъ моего младшаго брата, А. Ѳ. Бунакова, котораго давно потерялъ изъ виду. Оказалось, что онъ находится въ самомъ трудномъ положеніи. Это былъ самый способный и самый лучший изъ всѣхъ насъ (четырехъ) братьевъ Бунаковыхъ. Не окончивъ курса гимназіи, онъ, по желанію покойнаго отца, поступилъ въ морской корпусъ, но послѣ смерти отца вышелъ тоже до окончанія курса, много учился самостоятельно и пріобрѣлъ большія познанія по математическимъ и естественнымъ наукамъ, существуя уроками. Нужда заставила его сдать экзаменъ на учителя уѣзднаго училища и взять мѣсто въ городѣ Торопцѣ, Псковской губерніи. Тамъ онъ работалъ честно и усердно, но уѣздная жизнь томила его. Только привѣтливый пріемъ и родственное участіе одного мѣстнаго семейства, о которомъ онъ до конца жизни вспоминалъ съ чувствомъ глубокой благодарности (къ сожалѣнію, я не помню фамиліи этого семейства), мирило его съ уныніемъ и пустотой уѣздной жизни. Тамъ же случайно сошелся онъ съ извѣстнымъ Соловьевымъ, который черезъ нѣсколько времени плачевно кончилъ свою жизнь, какъ политическій преступникъ. Ссора съ смотрителемъ училища заставила брата выйти въ отставку, а знакомство съ Соловьевымъ

бросило на него ту опасную тѣнь, которая лишила его права заниматься учительствомъ. Послѣ этого, какъ я узналъ изъ его письма, полученнаго въ это время (я потерялъ его изъ виду вскорѣ послѣ выхода изъ Морского корпуса), онъ много бѣдствовалъ и наконецъ пристроился въ Москвѣ въ качествѣ не официальнаго редактора мелкой спекулятивной газетки (кажется, „Московского Листка“). И работа эта, и издатель газетки, кулакъ-промышленникъ, были противны ему, и отношенія были непріятны, п. ч. издатель тянулъ въ одну сторону, а его, какъ редактора, тянуло въ другую. Наконецъ, онъ пришелъ въ отчаяніе и готовъ былъ покончить съ собой, п. ч. всѣ попытки снять съ себя пятно политической неблагонадежности и пристроиться къ болѣе симпатичной работѣ не удавались, а оставаться въ этомъ положеніи ради куска хлѣба, насилуя себя нравственно, не хватало силъ. Все это онъ изложилъ мнѣ въ подробномъ и очень длинномъ письмѣ. Я, прежде всего, постарался ободрить его, а затѣмъ писалъ, чтобы онъ немедленно развязался съ противной газетой, обѣщая ему ежемѣсячно высылать необходимую сумму денегъ для жизни, пока не откроется возможность пристроить его къ иной работѣ, болѣе соответствующей его нравственному характеру.

Деликатный и добросовѣстный, онъ очень стѣснялся брать отъ меня деньги и настаивалъ на томъ, чтобы я такъ или иначе пристроилъ его къ работѣ. Я просилъ его принимать мою помощь только временно, обѣщаясь въ возможной скорости избавить его отъ необходимости пользоваться ею, и предложилъ ему поступить въ сельскіе учителя: я надѣялся, что мнѣ удастся устроить его въ какую-нибудь земскую школу Псковской, Херсонской или, всего лучше, Пермской губерніи. Братъ съ радостью ухватился за эту мысль. Ему удалось получить отъ Лорисъ-Меликова очищеніе своей личности отъ пятна политической неблагонадежности, а мнѣ удалось пристроить его въ земскую школу въ Шадринскій уѣздъ, гдѣ онъ принялся усердно работать, привлекъ къ себѣ общее уваженіе и приобрѣлъ большое вліяніе въ кругу учителей и въ земствѣ.

Продолжая работать для „Русскаго Начальнаго Учителя“, кромѣ многочисленныхъ рецензій, я въ этомъ году, по просьбѣ В. А. Латышева, составилъ сборникъ былинь для народно-учебной бібліотеки съ довольно большой статьей о нихъ, которую назвалъ „Объяснительнымъ словомъ“, и примѣчаніями (Рус. Нач. Уч. за 1884 годъ) № 5, 6—7, 8—9, 10, 11 и 12. Потомъ редакція „Р. Н. Уч.“ выпустила этотъ сборникъ и особымъ изданіемъ. Къ сожалѣнію, многоумный ученый Комитетъ Мин. Нар. Пр. нашелъ возможнымъ одобрить этотъ сборникъ только для среднихъ учебныхъ заведеній, тогда какъ моя мысль была именно та, чтобы, посредствомъ дешевой книжки (40 к.), возвратитъ въ народъ эти перлы народнаго творчества, взятые у народа интиллигенціей. Я никогда не могъ понять причины, почему Комитетъ считалъ вреднымъ или опаснымъ допустить былины, какъ чтеніе для народа и учениковъ народной школы. Думаю, что причиной была моя объяснительная статья: чуть ли не показалось Комитету, что моя характеристика богатырей, какъ сословныхъ представителей (Добрыни, Алеши Поповича, Васьки Долгополага, Ильи Муромца) возбуждаетъ вражду между сословіями, возвеличивая крестьянина Илью Муромца и унижая представителей дворянства и духовенства. Само собой разумѣется, что это

взоръ, но нѣтъ такого вздора, котораго не могъ помыслить Ученый Комитетъ нашего Мин. Нар. Пр., особенно при И. Д. Деляновѣ. Я вскорѣ испыталъ это на себѣ еще разъ по поводу изданія сочиненій Пушкина для народно-учебной библіотеки, въ которомъ оказались опасными, чуть не революціонными: повѣсть „Дубровскій“ и стихотвореніе „Въ деревнѣ“,—вѣроятно за эти стихи:

„Увижу ль я друзья, народъ неугнетенный
„И рабство падшее по маніи Царя,
„И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
„Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря“?

Бѣдный Пушкинъ! Терзалъ тебя и тащилъ на погибель мин. нар. просв. гр. Уваровъ, какъ опаснаго либерала и бездарнаго поэта. Продолжаетъ терзать (хотя здѣсь умѣстнѣе было бы употребить слово не столь ужасное: чтобы терзать, все-таки нужна нравственная сила, хоть и темная) и мин. нар. пр. гр. Деляновъ! Да, бѣдный Пушкинъ! Между тѣмъ, дѣло о покупкѣ имѣнія улаживалось, не на шутку. Осмотрѣвши это имѣніе, я нашель, что мнѣ трудно найти что-либо подходящее и по моимъ средствамъ, весьма умѣреннымъ, и согласно съ тѣми планами и стремленіями, которые влекли меня въ деревню. Село Петино расположено на высококомъ правомъ берегу Дона; мѣсто красивое и здоровое, воздухъ превосходный, хорошее купанье. Черезъ рѣку весной ходитъ баркасъ, а къ лѣту строится мостъ. Населеніе села, около тысячи душъ, чисто земледѣльческое. Школы и грамотныхъ крестьянъ, кромѣ двухъ-трехъ, обучившихся на службѣ, нѣтъ, школы никогда и не было, а она нужна, и устроить ее можно на самыхъ свѣжихъ началахъ, потому что въ селѣ нѣтъ традицій старой, дореформенной, школы, съ азами, часословомъ и зашеніями. Въ томъ же селѣ жилъ небогатый землевладѣлецъ (нынѣ покойный) А. Н. Бахметевъ,—человѣкъ, нѣсколько плутоватый и небрезговавшій никакими средствами нажить рубль-другой, но услужливый и весьма не глупый, сынъ котораго учился въ моей школѣ. Онъ принялъ на себя роль посредника между мной, какъ покупателемъ, и продавцомъ имѣнія, и уладилъ дѣло. Онъ же взялся за двѣ тысячи рублей построить деревянный домъ, съ соломенной крышей, для школы по плану, мной составленному. Въ этомъ же домѣ предположено было устроить квартиру для учителя или учительницы и помѣщеніе для аптеки и амбулаторіи отдѣленное отъ школы капитальной стѣной. По условію, домъ долженъ былъ поспѣть окончательно къ августу. Къ тому же времени обѣщался выѣхать изъ имѣнія, покончивъ полевые работы и всѣ свои дѣла, арендаторъ. Мою городскую школу пожелала принять на себя, съ сохраненіемъ на первое время моей фирмы, одна изъ ея учительницъ, Е. И. Афанасьева въ компаніи съ сестрой своей Надеждой Ивановной, а учебныя принадлежности и пособія я раздѣлилъ такъ, чтобы всего было достаточно и въ моей сельской школѣ, и въ городской школѣ Афанасьевыхъ.

Уладивъ всѣ дѣла по покупкѣ имѣнія и постройкѣ дома, я поѣхалъ послѣдній разъ въ Кисловодскъ, чтобы, возвратившись къ августу, окончательно поселиться въ деревнѣ. Въ Кисловодскѣ мнѣ хотѣлось—во-первыхъ, еще разъ попользоваться освѣжающей и укрѣпляющей силой Нарзана, во-вторыхъ, такъ

или иначе раздѣлаться съ моимъ домомъ. Чтобы не таскать съ собой всѣ деньги, которыя у меня оставались для окончательнаго расчета, я хотѣлъ помѣстить ихъ на текущій счетъ въ Воронежское Общество взаимнаго кредита, членомъ котораго я состоялъ нѣсколько лѣтъ. Хотя для меня лично это членство не имѣло никакого значенія, не давало мнѣ никакихъ выгодъ, п. ч. я не прибѣгалъ ни къ кредиту, ни къ учету векселей и т. под. операціямъ, но я симпатизировалъ обществу по принципу и безпрекословно несъ всѣ обязанности члена, почти не пользуясь соединенными съ ними правами и преимуществами. Нѣсколько лѣтъ дѣла общества шли хорошо, и заправилы его получали благодарности, адреса и денежныя награды отъ общаго собранія членовъ. Но въ это время прошли слухи неблагопріятные. Я зналъ, что „не всякому слуху вѣрь“, но, на всякій случай, конфиденціально спросилъ одного изъ членовъ правленія, моего хорошаго знакомаго, И. В. Веретенникова, который очень хорошо зналъ, что у меня нѣтъ другихъ денегъ, кромѣ трудовыхъ, и что деньги эти мнѣ необходимо понадобятся въ августѣ,—могу ли я быть покойнымъ за свои деньги, если передамъ ихъ до августа на текущій счетъ общества взаимнаго кредита, не посовѣтуетъ ли онъ мнѣ на этотъ разъ поостеречься и помѣстить мои деньги иначе. Я получилъ отъ И. В. Веретенникова самый успокоительный отвѣтъ и рѣшительныя увѣренія, что бояться нечего. Я уѣхалъ въ Кисловодскъ, поручивъ знакомому архитектору А. М. Баранову наблюденіе за постройкой дома подъ школу въ Петинѣ, —конечно, не даромъ, а за 100 руб., какъ назначилъ онъ самъ: онъ жилъ на дачѣ въ сосѣднемъ селѣ Устьѣ, и наблюденіе это для него было совершенно удобно.

Пробывъ около мѣсяца въ Кисловодскѣ, гдѣ порядочно-таки поскучалъ, и оставивъ одному знакомому полномочіе для продажи моего дома, которая и состоялась черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, я возвратился въ Воронежъ и первымъ дѣломъ предъявилъ въ правленіе общества взаимнаго кредита чекъ для полученія своихъ денегъ. Къ удивленію, тотъ-же самый И. В. Веретенниковъ, который такъ усердно успокаивалъ меня раньше относительно безопасности денегъ, положенныхъ на текущій счетъ общества, и теперь исполнялъ обязанность кассира, отказалъ мнѣ въ выдачѣ денегъ по чеку безъ объясненія причинъ. Обманулъ ли онъ тогда меня намѣренно, не считалъ ли себя въ правѣ говорить истину о положеніи дѣлъ общества, въ которомъ состоялъ на службѣ, или самъ опростоволосился, будучи игрушкой въ рукахъ другихъ, болѣе близкихъ къ дѣлу людей,—только онъ поставилъ меня въ крайне затруднительное положеніе. Въ городѣ уже всѣ знали, что дѣла общества, вслѣдствіе злоупотребленій, допущенныхъ членами правленія, пошатнулись, и что пошатнулись они еще весной, о чемъ едва ли могъ не знать и Веретенниковъ, успокаивавшій меня, хотя въ злоупотребленіяхъ и хищеніяхъ онъ не участвовалъ. Помѣстивъ свои деньги на текущій счетъ общества передъ отъѣздомъ на Кавказъ, я, что называется, „влопался“... Я, какъ понятно, былъ ошеломленъ и взбѣшенъ. Дѣлать нечего, приходилось начинать судебный процессъ и дѣйствовать съ возможной быстротой и энергіей, „ковать желѣзо, пока горячо“. Все дѣло моего переселенія въ деревню и моей народной школы висѣло на волоскѣ, п. ч. зависѣло отъ полученія моихъ денегъ, задержанныхъ обществомъ взаимнаго кре-

дита, вѣрнѣе—хищниками его заправителями. Такъ послѣднее время моей городской жизни и было отравлено этой непріятной борьбой съ банкомъ и множествомъ мелкихъ непріятностей, связанныхъ съ этой борьбой. Только мое полное торжество въ этой борьбѣ скрашиваетъ мои воспоминанія о ней и побуждаетъ излагать ихъ. Да, я побѣдилъ безсовѣстныхъ заправителей, погубившихъ симпатичный банкъ, набившихъ свои карманы его деньгами. Увы! эти деньги не пошли имъ въ прокъ: всѣ они скоро раззорились и тяжелыми бѣдствіями искупили свою вину передъ членами общества взаимнаго кредита. Благополучно вынырнулъ изъ всѣхъ только одинъ И. В. Веретенниковъ, который и самъ здѣсь переживалъ въ „чужомъ пиру похмелье“, а попался по недомыслию, какъ овсянка съ воробьями въ баснѣ Измайлова. Онъ вскорѣ вышелъ въ чиновники и, кажется, „сдѣлалъ карьеру“, благодаря своей скромности, благонамѣренности и т. п. добродѣтелямъ, украшающимъ хорошихъ русскихъ чиновниковъ и помогающимъ имъ подыматься по ступенькамъ служебной лѣстницы. Одного изъ пострадавшихъ заправилъ погибшаго симпатичнаго банка я встрѣчаю и теперь (Ал. С. Кретова): изъ бойкаго и довольнаго, бодрого и зажиточнаго торговца и съемщика степей, глядѣвшаго тузомъ, да еще козырнымъ тузомъ—по крайней мѣрѣ въ правленіи общества, гдѣ онъ былъ предсѣдателемъ,—Кретовъ сталъ захудалымъ и посѣдѣвшимъ, скромнымъ и унылымъ обывателемъ Воронежа, цѣпляющимся за самое скромное мѣстечко въ городскомъ самоуправленіи, кое-какъ питающее его самага и его многочисленную семью.

Я повелъ дѣло рѣшительно и быстро, но пережилъ мѣсяць волненій и страшнаго нервнаго напряженія. До сихъ поръ дивлюсь, какъ меня тогда не постигъ и не свалилъ вторичный параличъ. Мое дѣло съ обществомъ взаимнаго кредита надѣлало много шуму въ городѣ и вызвало противъ меня цѣлую бурю, п. ч. у заправителей банка оказалось гораздо больше пристрастныхъ сторонниковъ и интимныхъ друзей, явныхъ и тайныхъ, нежели я предполагалъ. Больше было людей, которые возмущались моими требованіями, нежели насиліемъ правленія надъ чужой собственностью. Пользуясь совѣтами нотаріуса Кульжинскаго (теперь уже умершаго), присяжнаго повѣреннаго С. С. Розенберга, моего добраго стараго знакомаго, представлявшаго собой одну изъ самыхъ чистыхъ личностей, какія мнѣ встрѣчались въ жизни, и члена окружнаго суда М. М. Цѣхановскаго, я обратился къ суду съ прошеніемъ о взысканіи моихъ денегъ и о немедленномъ наложеніи ареста на кассу общества для обезпеченія моего иска. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я просилъ судъ не только рѣшить дѣло въ мою пользу, но и подвергнуть это рѣшеніе предварительному исполненію. Вотъ тутъ-то въ городѣ и поднялась буря. Поднялось, загалдѣло и заинтриговало все пріятельство и родство членовъ правленія. Родственники И. В. Веретенникова, который такъ безцеремонно злоупотребилъ моимъ довѣріемъ и подвелъ меня, перестали мнѣ кланяться, точно я велъ искъ противъ нихъ и совершилъ нѣкое позорное преступленіе. Даже мой домашній врачъ, Ан. Хр. Сабининъ, состоя прихвостнемъ при докторѣ Федяевскомъ, женатомъ на сестрѣ Веретенникова, по какимъ-то чисто лакейскимъ побужденіямъ, при встрѣчѣ на улицѣ отворачивался отъ меня съ гримасой неудовольствія. Начались всевозможные подвохи и интриги—

и через предсѣдателя суда, через предводителя дворянства и через управляющаго отдѣленіемъ государственнаго банка. Особенно усердно дѣйствовали въ пользу хищниковъ взаимнаго кредита и старались противодѣйствовать мнѣ—воронежскій уѣздный предводитель дворянства Столбиковъ... то бишь М. П. Савостьяновъ, а подъ именемъ Столбикова онъ изображается (очень вѣрно) въ очеркахъ Астырева „Въ волостныхъ писаряхъ“, и управляющій отдѣленіемъ государственнаго банка А. Н. Аносовъ.

Вотъ эти два господина, Савостьяновъ, впутавшійся во всевозможныя кредиты, слѣдовательно, и въ кредитъ въ обществѣ взаимнаго кредита, и Аносовъ, состоявшій въ интимныхъ отношеніяхъ съ членами правленія, особенно негодовали на меня за поднятое дѣло; интриговали, злословили и подставляли мнѣ ногу. Но все-таки изъ этого ничего не вышло: дѣло пошло своимъ законнымъ порядкомъ, а я лично не обращалъ вниманія на козни и выходки этихъ господъ. Судебный приставъ, по распоряженію суда, подѣ угрозой запечатать всю кассу, получилъ отъ Веретенникова, какъ кассира, полную сумму, 3.250 р., обезпечивающую мой искъ, и внесъ ее въ казначейство; а черезъ нѣсколько дней было назначено разбирательство моего дѣла въ окружномъ судѣ. Тутъ я лично на себѣ испыталъ всѣ великія преимущества новаго гласнаго суда передъ судомъ до-реформеннымъ, и его нелицепріятіе, и его разумность, и его быстроту, и его высокое нравственное достоинство,—и понятно, что мое уваженіе къ этому новому суду, послѣ испытанія на своей шкурѣ, еще возросло во много разъ.

Не рѣшаясь самъ выходить передъ судомъ, сколько по моей совершенной неопытности въ судебныхъ дѣлахъ, столько же изъ опасенія рисковать своимъ здоровьемъ, подвергая себя опасному волненію и излишнему нервному возбужденію, я искалъ повѣреннаго. Къ сожалѣнію, мой добрый пріятель, которому я всего болѣе расположенъ былъ поручить мое дѣло, С. С. Розенбергъ, не могъ взять его на себя, потому что помощникъ его Долгополовъ, былъ повѣреннымъ противной стороны. Другіе воронежскіе адвокаты тоже уклонялись по разнымъ причинамъ. Наконецъ, за дѣло взялся (конечно, не бесплатно, чего я и не могъ допустить) нѣкто В. Д. Кольцовъ, впрочемъ, не состоящій въ родствѣ съ Кольцовымъ—поэтомъ,—человѣкъ солидный и уважаемый въ городѣ, и это значительно успокоило меня. Но вотъ, наканунѣ судебного разбирательства мой повѣренный пріѣзжаетъ ко мнѣ съ отказомъ безъ всякихъ серьезныхъ причинъ. Я просто впалъ въ отчаяніе и не зналъ, что мнѣ дѣлать. Очевидно было, что почтеннаго адвоката пугнули, уговорили, а можетъ быть, и заставили какимъ-нибудь способомъ отказаться отъ моего дѣла наканунѣ рѣшительнаго дня, чтобы поставить меня въ положеніе, которое моимъ недругамъ казалось безвыходнымъ: найти другого повѣреннаго, по ихъ расчетамъ, довольно основательнымъ въ этомъ отношеніи, было невозможно,—вѣдь въ моемъ распоряженіи оставалась одна ночь, а самъ я, вынужденный лично явиться для судоговоренія, по ихъ соображеніямъ, долженъ былъ непременно испортить все дѣло—и своимъ незнаніемъ, и своей горячностью, усиленной понятнымъ нервнымъ возбужденіемъ. Такой расчетъ, не особенно честный, довольно явно обнаружился изъ полученной мною записки Аносова, когда я самъ лично одержалъ побѣду надъ повѣреннымъ общества взаимнаго кредита и выигралъ дѣло. Словомъ, второе

соображеніе моихъ недруговъ оказалось ошибочнымъ. Вынужденный лично выступить передъ судомъ, благодаря совѣтамъ и успокоительнымъ рѣчамъ Розенберга, я своего дѣла не испортилъ. Вечеръ этого дня я провелъ съ С. С. Розенбергомъ, а ночью приготовилъ конспектъ рѣчи и до утра упражнялся въ произнесеніи этой рѣчи. Изъ разговора съ Кольцовымъ, который въ своемъ смущеніи по поводу неблагоприятнаго отказа отъ дѣла накануне его производства, невольно выболталъ мнѣ кое что, чего не слѣдовало было говорить, я выловилъ главные пункты, на которые будетъ бить противная сторона, опровергая мой искъ, и это мнѣ дало возможность предупредить удары непріятеля и приготовить отвѣты на его самые сильные аргументы, конечно при помощи С. С. Розенберга. Утромъ я явился въ судъ во всеоружіи, намѣреваясь сразиться съ г. Долгополовымъ не на животь а на смерть. Въ душѣ моей не было ни страха, ни сомнѣній: всѣ другія чувства вытѣснила спокойная злость. Вдругъ оказывается, что моимъ противникомъ явился не г. Долгополовъ, мелкій и не извѣстный адвокатикъ, а самъ М. Н. Нечаевъ, чуть ли не первая звѣзда Воронежской адвокатуры, бывшій членъ окружнаго суда, а теперь присяжный повѣренный, г. очень важный, съ апломбомъ и бойкимъ словомъ, но съ репутаціей не совсѣмъ чистой. Правленіе общества, недовольное на Долгополова уже за то, что онъ допустилъ предварительный арестъ кассы въ обезпеченіе моего иска (какъ будто онъ или кто либо другой могъ не допустить этого!), и не надѣясь на него, рѣшилось двинуть на меня самого Нечаева, который рѣзко осуждалъ мнимую оплошность Долгополова и увѣрялъ, что онъ, Нечаевъ, никогда бы не допустилъ этого, да и теперь еще можетъ поправить дѣло. Я сначала было струхнулъ, но потомъ подумалъ, что если „Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ“, и успокоился. Только моя холодная злость еще усилилась, и я уже дополнялъ мысленно мою рѣчь разными шпильками и неожиданными ударами. Интересное дѣло привлекло не мало любопытныхъ. Мѣстная адвокатура была вся на лицо. Очень кстати для меня, сперва судъ разбиралъ нѣсколько дѣлъ по взысканіямъ того же общества взаимнаго кредита съ разныхъ частныхъ лицъ. Дошла очередь и до меня.

Пользуясь совѣтомъ С. С. Розенберга, я, не начиная моей рѣчи, просилъ судъ спросить у противной стороны, признаетъ ли она мой искъ безспорнымъ по существу: это мнѣ было нужно для пріобрѣтенія права на предварительное исполненіе рѣшенія.

Нечаевъ, видимо, не ожидалъ такого запроса и не приготовился къ нему. Онъ отвѣчалъ довольно длинно, запутанно и темно: наговорилъ къ чему то разныхъ любезностей по моему адресу, восхваляя въ моемъ лицѣ исправнаго члена общества, намекнулъ о какихъ-то особыхъ обстоятельствахъ, вынуждающихъ общество задержать мои деньги, обмолвился о грозящей ему ликвидаціи дѣлъ и о необходимости гарантировать отвѣтственность членовъ, къ числу которыхъ принадлежу я,—словомъ, раньше времени открылъ свои карты, напуталъ—и всетаки не могъ не признать безспорности иска по существу, и это признаніе я просилъ судъ занести въ протоколъ. Эта болтовня повѣреннаго противной стороны дала мнѣ возможность дополнить и округлить мою рѣчь, и я уже совершенно спокойно и увѣренно приступилъ къ изложенію ея передъ

судомъ. Важность дѣла для моей будущности, для осуществленія моихъ давнихъ задушевныхъ мечтаній, озлобленіе, до котораго довели меня интриги, и выходы всѣхъ этихъ Аносовыхъ, Савостьяновыхъ и пр., присутствіе публики и всей мѣстной адвокатуры, все это поддавало мнѣ силы и жару, и рѣчь моя вышла гораздо удачнѣе, нежели я предполагалъ. По общимъ отзывамъ, она вышла эффектна и убѣдительно. Такою показалась она и мнѣ. Выказавшись, я совсѣмъ успокоился, считая свое дѣло выиграннымъ. Нечаевъ отвѣчалъ совсѣмъ слабо, и я не нашелъ нужнымъ затягивать пренія новымъ возраженіемъ: дѣло, по моему убѣжденію, было достаточно ясно, и судъ долженъ былъ исполнить мою просьбу: рѣшить искъ въ мою пользу и подвергнуть рѣшеніе предварительному исполненію. Такъ оно и вышло вопреки увѣреніямъ Нечаева во время антракта, когда судъ удалился для постановки рѣшенія, что „предварительнаго исполненія мнѣ ни въ какомъ случаѣ не дадутъ“. Кажется онъ говорилъ это для собственнаго успокоенія, потому что послѣ судоговоренія казался сильно упавшимъ духомъ. Не могу выразить, какое облегченіе почувствовалъ я, выслушавъ рѣшеніе суда: точно громадная тяжесть свалилась съ моихъ плечъ, точно я вышелъ изъ какого-то мрачнаго и душнаго заключенія, точно всталъ послѣ мучительной и опасной болѣзни. Представители мѣстной адвокатуры дружески поздравляли меня и хвалили мою рѣчь. Особенно въ восторгъ былъ присяжный повѣренный И. Пан. Ольшанскій (нынѣ умершій), непримиримый врагъ Нечаева, веселый и симпатичный хохоль. „Главное, спасибо, говорилъ онъ, что пріятеля-то моего вы побили, въ лоскъ уложили!“ Очень сожалѣю, что я тогда же, по свѣжимъ слѣдамъ, не записалъ для себя моей рѣчи, но мнѣ было не до того: я только и думалъ о томъ, какъ бы скорѣе получить свои деньги, развязаться съ городомъ и переселиться въ деревню. Жизнь въ городѣ, помимо личныхъ непріятностей, вообще становилась тяжелѣе съ каждымъ годомъ. Люди такъ замѣтно опошлялись, дѣлались все подлѣе и подлѣе, интересы такъ суживались, что противно было смотрѣть. Куда дѣвались тѣ идеальныя стремленія, тѣ пылкіе порывы, тѣ свободные и широкіе замыслы, которые, бывало, заявлялись прежде? Все уходило въ угожденіе сильнымъ міра сего, въ заботу о карьерѣ, въ мелкіе расчеты и... въ карты, какъ самое безопасное благонамѣренное времяпрепровожденіе. Хотѣлось поскорѣе вырваться изъ этой душной атмосферы къ живому дѣлу, къ свободному труду внѣ полицейскаго и всяческаго надзора.

Судъ, возстановить поруганную правду, присудивъ мнѣ мои 3.250 р., нынѣ хранящіеся въ Воронежскомъ казначействѣ, а также судебныя издержки, и подвергнувъ таковое свое правдивое рѣшеніе предварительному исполненію, въ силу I, II и VI пунктовъ 737 статьи „устава гражд. судопроизводства“. Получивъ свои деньги изъ казначейства и судебныя издержки изъ кассы правленія, которое совершенно смирилось и только держалось относительно меня съ напускной холодностью, я спѣшилъ покончить мои городскія дѣла и окончательно переселиться въ Петино. Судебныя издержки, полученныя изъ общества взаимнаго кредита, я пожертвовалъ въ общество вспомошествованія учащимся, предсѣдателемъ котораго я состоялъ тогда, а вмѣстѣ съ тѣмъ отказался отъ этого предсѣдательства въ виду скорого выѣзда изъ города, предлагая своему

товарищу А. Н. Аносову принять отъ меня всѣ дѣла и, между прочимъ, указывая на необходимость поскорѣе выцарапать деньги общества изъ злосчастнаго взаимнаго кредита. Но Аносовъ былъ страшно золъ на меня и не преминулъ, въ отвѣтъ на мое письмо, кольнуть меня за процессъ съ взаимнымъ кредитомъ и особенно за взысканіе судебныхъ издержекъ. Когда же открылось, что эти судебныя издержки поступили не въ мой карманъ, а именно въ общество вспомошествованія учащимся, онъ прикусилъ языкъ, но еще пущая злоба поселилась въ его душѣ противъ меня. Но я въ это время былъ совершенно равнодушенъ и къ злобѣ, и къ любви воронежцевъ, я ни о чемъ не думалъ, кромѣ переселенія въ деревню которое и состоялось 1-го сентября. Грустно мнѣ было разставаться только съ моей школой, которая была мною создана и доведена до цвѣтущаго и прочнаго положенія. Я уже говорилъ, что передалъ ее, съ хорошимъ запасомъ классныхъ принадлежностей и учебныхъ пособій, сестрамъ Афанасьевымъ, Екат. Ив. и Над. Ив. Теперь скажу нѣсколько словъ о дальнѣйшей судьбѣ этой школы, чтобы болѣе не возвращаться къ этому предмету.

Года три она сохраняла мою фирму, и я принималъ въ ней непосредственное участіе, посѣщая ее время отъ времени, руководя занятіями, сколько это возможно было, производя періодическія испытанія учащихся. Екат. Ив. Афанасьева, конечно, вела дѣло превосходно, а сестра ея, Над. Ив., оказалась очень талантливой и умѣлой учительницей, дѣтей было довольно, трудъ вознаграждался,—словомъ, дѣло шло хорошо.

Но вотъ Над. Ив. уѣхала въ Кіевъ къ роднымъ, тамъ вышла замужъ, да тамъ и осталась. Екат. Ив., оставшись одна, воспользовалась предложеніемъ А. Н. Гоголь-Яновской и поступила учительницей въ ея частную гимназію. Школа была закрыта. Да и вообще времена пошли иныя. Уровень педагогическихъ понятій понизился. Преданія Ушинскаго, Резенера и друг. стали забываться. Въ обществѣ отношеніе къ наукѣ, къ книгѣ, къ ученію измѣнилось. Въ сферу педагогическаго дѣла все болѣе и болѣе тѣснились спекуляція, шарлатанство, реклама и невѣжество. Открылся какой-то „дѣтскій садъ“ съ практикой французскаго языка и танцами. Явился глухой педагогъ Г. Михельсонъ, который душилъ маленькихъ дѣтей формализмомъ, грамматическими отвлеченностями и правописаніемъ. Тупой и ограниченный, онъ, однако же, обнаружилъ большую способность къ педагогическимъ фокусамъ въ новомъ родѣ, давая видъ, что готовить дѣтей къ серьезному труду, и приводилъ въ восторгъ тѣхъ дамъ, которыя, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, проникались идеалами Руссо, Песталоцци, и Фребеля. Словомъ, „стали сжигать все, чему поклонялись“. Таково было обще-русское теченіе, а Воронежъ всегда отличался особенно слабымъ сопротивленіемъ общему теченію, въ противоположность Вологдѣ и другимъ сѣвернымъ городамъ, гдѣ упорно и долго сохранялись въ маленькихъ кружкахъ традиціи 60-хъ годовъ. Возвращаюсь къ школѣ Афанасьевыхъ. Черезъ годъ Екат. Ив. бросила гимназію Гоголь-Яновской: не могла она сладить съ спекулятивнымъ духомъ, который здѣсь бросался въ глаза на каждомъ шагу. Она вздумала возобновить школу. Но, во-первыхъ, она осталась одна, во-вторыхъ, какъ я говорилъ, открылись новыя школы, а ее, Екат. Ив. Афанасьеву, прекрасную

учительницу и столь же прекрасную душу, за годъ уже успѣли позабыть, и дѣло пошло слабо. Увы! и Екат. Ив. стала приспособляться къ новымъ педагогическимъ (вѣрнѣе антипедагогическимъ) понятіямъ и направлять дѣло обученія по установившемуся теченію. Не смотря на то, школа существовала кое-какъ. Она, кажется, потеряла весь тотъ престижъ, которымъ когда-то пользовалась. Она существовала еще и въ 1893 году съ 10—12 дѣтьми, но съ прежней моей школой у нея уже не было ничего общаго. До такой степени она удалась отъ моихъ завѣтовъ, что стали не нужными ей всѣ прекрасныя наглядныя пособія, какія были оставлены ей мною, и Ек. Ив. Афанасьева большую часть этихъ пособій, за ненадобностью, возвратила мнѣ... Признаюсь, это было для меня очень грустно.

Итакъ, въ сентябрѣ 1884 года я былъ уже жителемъ села Петина, землевладѣльцемъ и хозяиномъ.

Постройка дома для школы и для амбулаторіи съ аптекой затянулась, да и обошлась мнѣ значительно дороже, нежели я предполагалъ. Открытіе училища было разрѣшено безъ всякихъ затрудненій на такихъ условіяхъ: земское собраніе избрало, а училищный совѣтъ утвердилъ меня попечителемъ, причемъ я принялъ на себя помѣщеніе, ремонтъ его, отопленіе и освѣщеніе, классныя принадлежности и учебныя пособія и получилъ право избранія учащихся лицъ; а земство приняло на себя жалованіе законоучителю и учителю или учительницѣ.

Мѣстный приходскій священникъ, А. Θ. Взоровъ, согласился быть законоучителемъ. Хотя трудно было рассчитывать, чтобы изъ него вышелъ хорошій преподаватель, но выбора не было. А. Θ. Взоровъ съ перваго же раза наговорилъ мнѣ много непріятныхъ вещей о мѣстномъ (крестьянскомъ) населеніи: и мошенники-то, и воры, и пьяницы. „Ужъ такой-то поганый народецъ, такіе-то окаянныя, прости Господи! Я, знаете, не привыкъ имѣть дѣло съ такимъ народомъ. Я вѣдь не тутошній, я изъ Владимірской губ. (онъ и говорилъ по Владимірки, съ сильнымъ удареніемъ на о). Въ нашихъ мѣстахъ народъ не въ примѣръ лучше... Воры, пьяницы, охальники всѣ тутъ поголовно... а попа обругать это имъ первое удовольствіе... Сколько я натерпѣлся отъ нихъ... не приведи Господи! Черти окаянныя (батюшка любилъ „чертыхаться“, а „окаянныя“ было одно изъ его любимыхъ словъ вывезенныхъ изъ Владимірской губ.), да и все!.. Я даже испугался, выслушивая аттестацію „батюшки“, характеризующую жителей того села, гдѣ мнѣ предстояло жить, но потомъ подумалъ: „Ну, что жъ такихъ-то и надо учить да просвѣщать“. Однако, вскорѣ я убѣдился, что батюшка впадаетъ въ крайнее преувеличеніе. Я не искалъ, но и не избѣгалъ сближенія съ мѣстными крестьянами, а случаевъ для этого представлялось не мало: сдача земли въ аренду мелкими участками и на короткіе сроки, наемъ работниковъ, покупка разныхъ продуктовъ крестьянскаго хозяйства и множество иныхъ столкновеній и общихъ съ крестьянами дѣлъ, заставляли всматриваться въ мѣстнаго человѣка, приглядываться къ нравамъ мужицкой среды, ея нуждамъ, понятіямъ, желаніямъ, обычаямъ, ея семейному и общественному быту.

Крестьяне, дѣйствительно, оказались людьми не высокой нравственности. Пользуясь незнаніемъ, довѣрчивостью и затрудненіями новаго, заѣзжаго чело-

вѣка, они за все брали въ три-дорога, обманывали, плутовали, при случаѣ и крали—то мѣру-другую изъ зерна, отпущеннаго на посѣвъ, то копну сѣна съ луга, то копну хлѣба съ поля, то дерево изъ лѣсу, а то и со двора, что плохо лежитъ, доску, листъ кровельнаго желѣза, вязанку соломы изъ омета, и т. п. Но всматриваясь въ дѣло и добираясь до изнанки его, мнѣ пришлось убѣдиться, что крестьяне и теоретически не считаютъ предосудительнымъ и несправедливымъ съ своей стороны кражу или обманъ по отношенію ко всякому, кто „не свой братъ, не крестьянинъ“. У своего брата, у „Мужика“ стащить что-нибудь грѣшно и преступно, а у барина, у попа, у всякаго „не мужика“ можно и чуть ли даже не должно; „объегорить-то его нашему брату мужику и грѣха нѣтъ, разъ онъ не крестьянинъ?“ его-то облапошить самое то-есть разлюбезное дѣло; и никто меня за это самое осудить не можетъ, только не попадайся, да пуще всего не сознавайся, знать молъ не знаю, вѣдать не вѣдаю, а свидѣтелей нѣтъ, потому развѣ наши своего брата ему выдадутъ?.. Да ни въ жизни!“

Такія нравственныя понятія, которыя только съ перваго разу могутъ показаться странными или ужасными, выработались и утвердились въ крестьянствѣ издавна и постепенно, подъ давленіемъ жизненныхъ обстоятельствъ, переходя изъ поколѣнія въ поколѣніе. Дѣло въ томъ, что всѣ, кто „не мужикъ“, такъ долго и беспощадно издѣвались надъ мужикомъ, обирали и всячески эксплуатировали его, а при этомъ еще такъ упорно и жестоко его ругали и били, унижали, позорили, не признавая въ нихъ человѣческаго достоинства и ничего не дѣлая для поднятія въ немъ этого достоинства, что мужикъ постепенно утратилъ и довѣріе и уваженіе, не внѣшнее, которое выражается скиданіемъ шапки, а истинное внутреннее душевное уваженіе человѣка къ человѣку, ко всякому „не мужику“. Ничего добраго человѣческаго онъ не ожидаетъ для себя отъ всякаго, кто „не свой братъ“, „не мужикъ“. Во всякомъ добромъ и совершенно безкорыстномъ начинаніи такого человѣка онъ или подозрѣваетъ подвохъ, ловушку или видитъ просто дурацкую барскую затѣю ради собственной потѣхи. Кто не обманываетъ, не ругаетъ, не эксплуатируетъ его, тотъ въ его глазахъ или плутъ, котораго надо остерегаться, или „чудной“, „блажной“, вродѣ дурачка. Какъ таки, человѣкъ имѣетъ возможность обдирать и всласть глумиться надъ мужикомъ, и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, не дѣлаетъ ни того, ни другого; конечно, или плутуетъ, чтобы потомъ съ мужика же вдесятеро слупить, или дурить, „съ жиру бѣсится“, ну а съ такимъ что церемониться? Грубость мужика, которой, конечно, нельзя не признавать, тоже продуктъ долгихъ годовъ и безчисленныхъ примѣровъ. Ничему, кромѣ грубости, никто и никогда его не училъ. Мужикъ научился и привыкъ артистически ругаться, и ругань стала его общеупотребительной разговорной рѣчью. Грубость, мало-по-малу, глубоко забралась въ мужицкіе нравы, ничѣмъ не смягчаемые.

У мужика ссть трудъ, тяжелый и непрерывный мускульный трудъ, но у него существуетъ также законная человѣческая потребность отдохнуть, не въ смыслѣ выпастся только, а въ смыслѣ развлечься, повеселиться, доставить себѣ какое-нибудь захватывающее наслажденіе, пожалуй, забыться, вырваться на время изъ круга однообразной и тяжелой „обыденщины“. Единственнымъ допускаемымъ для него такимъ наслажденіемъ является выпивка и соединен-

ное съ ней безпечальное одуреніе, которое даетъ ему возможность забыть обычную тяготу и неприглядность жизни. Вотъ почему крестьяне за вино охотно соглашаются на многое, на что не сманишь ихъ ни словами, ни деньгами: слишкомъ дешево продаютъ свой хлѣбъ, свои дрова, свой трудъ, за полцѣны сдаютъ общественную землю, соглашаются давать ложныя показанія слѣдователю, даже подъ присягой обѣлить виноватаго, и т. п. Ловкіе люди, особенно попы, знаютъ это очень хорошо и безъ зазрѣнія совѣсти всякій пользуется слабостью мужика къ вину въ своихъ интересахъ. Да, мужикъ любитъ выпить и выпить не рюмку, не стаканчикъ, а выпить здорово, до нѣкотораго самозабвенія или, по крайней мѣрѣ, до того блаженнаго состоянія, когда человѣкъ становится „весель безконечно“. Но все таки это не пристрастіе къ вину, а просто естественный выходъ для естественной потребности того захватывающаго наслажденія, которое хоть не надолго отрываетъ человѣка отъ утомившей его неприглядной обыденности, съ ея безконечной полѣвой работой, съ ея всегдашними лишеніями, ея однообразными интересами и впечатлѣніями. Полное отсутствіе всякихъ наслажденій высшаго порядка, болѣе доброкачественныхъ, нежели эта выпивка до самозабвенія, при избыткѣ грубой воловьей черной работы и всяческой тяготы,—вотъ что объясняетъ эту притягательную силу, эту „власть вина“, которая тяготѣетъ надъ нашей деревней. Да, при полномъ отсутствіи „просвѣтителей“—„спаивателей“ у нея всегда было много: ее спаивалъ и спаиваетъ и попъ, и баринъ, и чиновникъ, и купецъ, и свой братъ мужикъ-кулакъ. И все таки, вообще гооря, мужикъ рѣдко „пропивается“. Онъ не любитъ пропивать свои трудовыя деньги, а больше любитъ выпить на „даровщинку“, хотя даровщина понимается имъ очень своеобразно и широко.

Итакъ, о. Александръ Взоровъ согласился быть законоучителемъ въ моей школѣ. Для обученія грамотѣ и другимъ предметамъ я непременно хотѣлъ пригласить учительницу. Наблюденія и непосредственный опытъ показали мнѣ, что для начальнаго обученія, особенно въ нашей народной школѣ, гдѣ требуется отъ обучающаго нѣкоторое идеальное настроеніе, учительница гораздо пригоднѣе, что при томъ — у насъ въ учительницы идутъ больше лучшія изъ женщинъ, самыя даровитыя, съ наилучшими идеальными стремленіями, высоко настроенныя, а въ учителя (начальные) только плохонькіе изъ мужчинъ, которымъ больше некуда дѣваться,—конечно, не безъ исключеній. Я пригласилъ учительницу М. А. Иванову, получившую образованіе въ Воронежской женской гимназіи и уже работавшую въ сельской школѣ въ Тамбовской губерніи, когда тамъ одно время главнымъ земскимъ двигателемъ былъ нѣкто князь Вяземскій, впослѣдствіи получившій мѣсто Астраханскаго губернатора и тогда съ легкимъ сердцемъ бросившій земское дѣло ради административной служебной карьеры. А какимъ убѣжденнымъ и горячимъ земцемъ казался этотъ несомнѣнно даровитый князекъ. Я имѣлъ случай познакомиться съ нимъ, когда онъ былъ въ Воронежѣ и посѣтилъ мою школу, обращаясь, между прочимъ, ко мнѣ съ просьбой рекомендовать ему учительницъ для земскихъ школъ, что и было исполнено мною. Съ какой любовью и вѣрой отдавался онъ земскимъ дѣламъ вообще, а дѣлу народнаго образованія въ особенности! Говорятъ, что эта вѣра въ немъ скоро померкла и эта любовь остыла. Мнѣ и тогда казался не проч-

нымъ, мало надежнымъ этотъ щеголеватый гвардейскій офицерикъ съ флигель-адъютантской выправкой, толкующій о народной школѣ, о просвѣщеніи народа, о задачахъ земства, и т. п. Но и вообще удивительно-непрочны идеальныя увлеченія русскихъ людей,—можетъ быть, именно потому, что это только „увлеченія“, а не настоящія идеальныя стремленія, въ основѣ которыхъ должно лежать глубокое и серьезное убѣжденіе, которыя входятъ въ плоть и кровь человѣка, отъ которыхъ онъ не откажется и въ деревенской глуши, и при дворѣ, и въ снѣгахъ Сибири, какъ лучшіе изъ „декабристовъ“. Какъ бы то ни было, а превращеніе горячаго, вѣрующаго общественника-земца въ карьериста чиновника, почти въ холопа,—у насъ не рѣдкость, а въ послѣднее десятилѣтіе такія превращенія стали заурядными.—

Классная мебель, вся школьная обстановка и всѣ учебныя пособія у меня были готовы, потому что всѣ богатства моей городской школы я раздѣлилъ между городомъ и деревней: и тамъ, и тамъ всего было въ изобиліи.

Для пріема больныхъ въ амбулаторіи я пригласилъ земскаго врача В. К. Зедерберга. По его указаніямъ была устроена и аптека, а для приготовленія лѣкарствъ былъ приглашенъ земскій фельдшеръ изъ сосѣдняго села Дѣвицы, И. Е. Гликманъ.

Словомъ, все было готово къ открытію и школы и амбулаторіи.

Наконецъ, въ половинѣ октября, было готово и помѣщеніе. Немедленно состоялся первый пріемъ больныхъ, а 22-го октября послѣдовало открытіе школы съ надлежащимъ священнодѣйствіемъ и „большимъ кормленіемъ“, безъ котораго русскіе люди не могутъ обойтись ни при открытіи кабака, ни при освященіи церкви.

Замѣчательно, что, когда строился домъ подъ училище, мѣстные крестьяне рѣшительно не вѣрили, что это будетъ училище. Почему-то они пришли къ убѣжденію, что строится не училище, а трактиръ,—и почти всѣ были довольны, не многіе (больше бабы) роптали. „Николи у насъ училища не было?“—И на какой лядъ намъ она, это самое училище?—„Все жили такъ, а тутъ на-ко, пріѣхалъ какой-то съ бураго болота, да намъ училищу строить,—какъ-же, держи карманъ!“—Вѣрное слово,—трактиръ будетъ, бѣлая харчевня—значить. Баринъ Бухтовъ (Бахметевъ) кабакъ поставилъ, а этотъ трактиръ задумалъ,—потому эта штука повыгоднѣе будетъ,—онъ и задавитъ Бухтова-то... хитеръ!—„И разлюбезное это дѣло, братцы; выпить ли захочешь, закусить-ли, чайку попить, али цыгарочки покурить,—все тебѣ съ нашимъ почтеніемъ.“—И сдерутъ же съ тебя за это самое почтеніе, только держись!—„Ну, вѣстимо, безъ этого, чудака, разѣ возможно? Ты смотри, домъ-то какой, одно слово—хо-ро-мы! Небось, прорву деньжищъ-то въ него ухлопаешь, надо съ кого нинаесть вертать, да еще и барышъ получить“.

Въ постройку трактира, гдѣ съ нихъ будутъ драть въ три-дорога, въ предпріятіе выгодное для предпринимателя и рассчитанное на трудовыя крестьянскія деньги, вѣрили, а въ постройку школы, гдѣ будутъ даромъ учить ребятъ, предпріятіе безкорыстное, неприкосновенное ни къ ихъ деньгамъ, ни къ ихъ спинамъ, рѣшительно отказывались вѣрить, и съ своей точки зрѣнія были правы. Только нѣкоторыя бабы тужили и ворчали, что въ этомъ „трактирѣ“

много мужицкаго добра уйдетъ: то былъ одинъ какъ „Бухтова“, откуда приходилось силкомъ тащить разгулявшихся мужиковъ, а теперь будетъ еще „трактиръ“,—какъ-же не тужить?

Но вотъ открылось училище, а не трактиръ. Многіе разочаровались, но были и такіе, которые порадовались“. А денегъ съ насъ на эту самую училищу не потянутъ? былъ первый вопросъ мужиковъ. Когда убѣдились, что денегъ „не потянутъ“, успокоились и повели ребятъ въ науку. А въ безкорыстіе мое все-таки не повѣрили. „Не можетъ быть, чтобы такъ... дѣло не чисто!“—„Мы ему не вѣримъ“, прямо говорили мужики про меня (конечно, за глаза), т. е. не вѣря моему безкорыстію.

Вскорѣ кто-то чутъ ли ни о. Александръ Взоровъ, съ которымъ у насъ въ непродолжительномъ времени пошли столкновенія и нелады, пустилъ по селу слухъ, будто „казна“ мнѣ платитъ за каждаго мальчика, поступившаго въ школу, сорокъ рублей,—ни больше не меньше, какъ сорокъ. Слухъ пришелся съ одной стороны, кстати: у крестьянъ, по крайней мѣрѣ, ослабѣло опасеніе, что съ нихъ потянутъ деньги на содержаніе училища: если „казна“ платитъ, то съ нихъ ужъ, конечно, не потянутъ. Но, съ другой стороны, этотъ слухъ усиливаль недовѣріе къ моему безкорыстію, даже возбудилъ въ нѣкоторыхъ хищническія поползновенія: нельзя ли имъ самимъ что-нибудь сорвать за своихъ ребятъ—съ меня, съ учительницы, съ батюшки,—„изъ сорока-то рублей можно удѣлить малую толику,—ну, хоть на поль-ведерка. „Вотъ прошло почти десять лѣтъ, а легенда о сорока рубляхъ, объ этой подачкѣ изъ казны, мною получаемой, все еще живетъ между крестьянами. Ея прочности способствовала, говоря откровенно, и моя,—если хотите,—безтактность, за которую, впрочемъ, меня едва-ли можно упрекнуть и осуждать: она заключалась въ нескрываемой горячей заботѣ, чтобы въ школѣ было побольше учащихся и чтобы изъ нихъ побольше доходило до конца курса. Въ этихъ заботахъ крестьяне видѣли только проявленіе моей алчности, чтобы да побольше получить изъ казны сорока рублевыхъ подачекъ.

Какъ бы то ни было, зимой 1884 года ново-открытая школа была въ полномъ ходу. Занимался батюшка, валя „черезъ пень въ колоду“, старательно занималась М. А. Иванова, занимался и я, посѣщая школу ежедневно. Употреблялись мои учебныя книги, и я уже замѣчалъ въ нихъ нѣкоторыя несоотвѣтствія съ условіями обученія въ сельской школѣ. На декабрь я уѣхалъ въ Петербургъ и возвратился домой къ новому году.

Х.

Въ народной школѣ.

Конецъ 80-хъ годовъ въ русской деревнѣ.

С.-Петербургъ. 1894 г. Мая 3.

1885—1889.

Въ крещенье въ нашей сельской школѣ была устроена для учащихся елка, и въ первый разъ я показывалъ картины волшебнаго фонаря: хорошій фонарь, дающій изображенія 4 арш. въ квадратѣ, съ порядочной коллекціей картинъ разнообразнаго содержанія, былъ вывезенъ мной изъ городской школы. Къ елкѣ и картинамъ были допущены (даже приглашены) родители и родственники учащихся въ неограниченномъ числѣ. Желавшихъ оказалось столько, что не было возможности вмѣстить всѣхъ. Но трудно было и удерживать напирющую толпу, которая не внимала ни просьбамъ, ни убѣжденьямъ, ни угрозамъ, — ломались и лѣзли на проломъ, одержимые непобѣдимымъ любопытствомъ. Произошла просто свалка; побили стекла, поломали перила: совершенные дикари. Пришлось, ради порядка и безопасности, приглашать волостное и сельское начальство, а иногда и урядника, благо—тогда въ нашемъ участкѣ урядникомъ былъ милѣйшій хохоль Яковъ Ивановичъ, фамилію забылъ, веселый, разбитной и услужливый человекъ, чтобы не допускать въ домъ безъ билетовъ и оградить его отъ безобразія. Все таки надлежащій порядокъ установился нескоро. Требовалось, въ нѣкоторомъ родѣ, перевоспитаніе грубой и мало-мыслящей толпы, которая никакъ не хотѣла или не умѣла понять, что въ чужой домъ можно вмѣстить только опредѣленное число людей, что въ чужой домъ нельзя врываться силкомъ, противъ воли хозяина, что въ помѣщеніи училища, какъ въ храмѣ, больше чѣмъ гдѣ-либо, требуется соблюденіе порядка и благообразія. Еще долго тѣ, кому не пришлось получить билета, приходили съ пустыми руками: и упрашивали, и кланялись, и ругались, и угрожали, и насильно врывались, и хитростью протискивались въ домъ.

Недовѣріе къ безкорыстію и доброй волѣ учредителей, со стороны крестьянъ, распространялось и на амбулаторію; поддерживалось оно и тѣмъ обстоятельствомъ, что принималъ больныхъ земскій врачъ (конечно—за особую плату, а лекарство приготавливалъ земскій фельдшеръ) тоже—конечно—за особую плату. Бабы прямо говорили Л. И. Михайловой, какъ лицу, принимавшему самое дѣятельное участіе въ дѣлѣ амбулаторіи и производившему пользованіе больныхъ въ промежуточное время между пріѣздами врача, что-молъ „хоть все это и казенное, а все-таки спасибо тебѣ за хлопоты“. Онѣ настойчиво требовали отъ Л. И. Михайловой лѣченія и лекарства, выражая неудовольствіе — въ случаѣ замедленія или отказа.

Изъ Петербурга я привезъ себѣ довольно большую работу, которую поручилъ мнѣ, черезъ В. А. Латышева, С.-Петерб. Комитетъ грамотности и о которой я уже говорилъ раньше (стр. 342): надо было разобрать и обработать собранные

Комитетомъ матеріалы о домашнихъ школахъ грамотности въ народѣ. Эта работа моя была напечатана въ „Рус. Нач. Учителѣ“ за 1885 г. и издана отдѣльной брошюрой. Матеріалы, собранные комитетомъ, не отличались полнотой, п. ч. многія земскія управы и многіе училищные совѣты или уклонялись отъ исполненія просьбы Комитета, изложенной въ его циркулярѣ по этому вопросу, или полѣнились собрать нужные матеріалы. Но все-таки въ этихъ матеріалахъ было не мало интереснаго. Самые интересные изъ нихъ относились къ Шадринскому уѣзду, Пермской губерніи: тутъ я нашелъ полную картину превосходной организаціи школокъ грамотности, при помощи земства и подъ руководствомъ земскихъ учителей.

Съ переселеніемъ въ деревню, я не только не прекратилъ моего дѣятельнаго сотрудничества въ „Русскомъ Начальномъ Учителѣ“, но еще усилилъ его. Во-первыхъ, я самъ всталъ ближе къ народной школѣ, какъ постоянный непосредственный работникъ ея. Во-вторыхъ, я съ каждымъ годомъ все больше сближался съ Латышевыми, этими превосходными, столь же дѣльными, сколько сердечными, людьми. Такъ какъ мое участіе въ „Русскомъ Начальномъ Учителѣ“ было самой существенной моей литературной работой за послѣдніе 14 лѣтъ и самъ я особенно цѣню это участіе, то, дабы не возвращаться болѣе къ этому предмету, внесу сюда полный перечень всего, что было мной напечатано въ этомъ журналѣ, начиная съ 1880 года, и буду здѣсь же дополнять этотъ перечень, пока будетъ мѣсто. Почти всѣ рецензіи печатались безъ подписи, потому что редакція всегда была солидарна съ моими мнѣніями и отзывами. Въ концѣ оставляю мѣсто для постепеннаго пополненія этого перечня, потому что надѣюсь продолжить мое сотрудничество, пока не умретъ кто-нибудь изъ насъ, или журналъ, или я.

М о и р а б о т ы в ъ „ Р у с . Н а ч . У ч и т е л ѣ “.

1880 г.

„Частная элементарная школа въ Воронежѣ“. № 11.

1881 г.

Р е ц е н з і и .

„Трудовой крестьянскій годъ“ Блинова. № 2.

„Звѣздочка“ Петрова. № 3.

„Аленькій цвѣточекъ“ Аксакова, „Прохожіи“ Григоровича, „Робинзонъ“ Яхонтова. Изд. Комит. грамотности. № 4.

„Азбука“ Пуцыковича. № 4.

„Методика обученія правописанію“ Дьяченко. „Учебникъ русской грамматики“ Рождественскаго. „Русскій языкъ“ Соколовскаго. № 5.

„Методика русскаго языка и ариѳметики“ Матвѣева. № 6—7.

„. № 6—7.

„Дружка первой учебной книжкѣ“ Паульсона. № 10.

„Земская служба“ Блинова. № 12.

„Изъ русской природы и жизни“, картины для нагляднаго обученія, изд. Фену и К°. № 12.

„Крутиковъ“ Коваленской. № 12.

С т а т ь и и з а м ь т к и.

„Обученіе грамотъ“ (характеристика азбукъ, руководствъ и первыхъ книгъ для чтенія послѣ азбуки).

Ст. 1, 2; 3, 4, 5, 6, 7. № 2, 3, 4, 6—7.

„По поводу статьи Павлова о способѣ обученія грамотъ учителя Распопова“. № 3.

„По поводу собранія народныхъ учителей Петербургской губерніи во Владимірскомъ училищѣ“. № 5.

„О доставленныхъ работахъ учителей по объяснительному чтенію“. № 8—9.

„Съѣздъ народныхъ учителей Верхотурскаго уѣзда, Пермской губерніи, въ Нижне-Тагильскомъ заводѣ“. № 11.

„О курсѣ городскихъ училищъ по русскому языку“. № 12.

1882 г.

Р е ц е н з і и.

„Нашъ другъ“, книга для чтенія барона Н. А. Корфа. „Сельская школа“, книга для чтенія Ермина и Волотовскаго. № 1.

„Азбука—къ мудрости ступенька“ Ермина и Некрасова. № 2.

„Родная нива“ Лубенца. № 6—7.

„Сборникъ самостоятельныхъ письменныхъ работъ“ Зуева. № 6—7.

„Руководство для воскресныхъ повторительныхъ школъ“ барона Н. А. Корфа. № 6—7.

„Алфавитный сборникъ русскихъ неправильныхъ глаголовъ“. № 6—7.

„Картинный географическій атласъ“ Михайлова (изд. Полубояринова). № 8—9.

„300 письменныхъ работъ“ барона Н. А. Корфа. № 11.

„Первоначальное правописаніе“ барона Н. А. Корфа. № 11.

„Сборникъ грамматическихъ правилъ и задачъ“ Разыграева. № 11.

„Графленіе тетрадей“, приборъ Вересова. № 12.

„Обзоръ господствующихъ методовъ обученія грамотъ“ Снегирева. № 12.

„Задача и организація школьнаго дѣла въ уѣздѣ“ Александрова. 1881 г. № 5.

„Сельская общественная служба“ Блинова. № 8—9.

„Русская азбука“ Гербача. № 8—9.

„Письмо-чтеніе“ Ислентьева. № 3.

„Злодѣй и Петька“ Погосскаго. № 4.

„Трудъ и знаніе“, книга для чтенія Путяты. № 4.

„Отечественная исторія“ въ картинахъ Рождественскаго. № 1.

„Объяснительное чтеніе“, книга для чтенія Савенко. № 4.

„Сборникъ матеріаловъ для описанія Кавказа“. № 8—9.

„Постоялый дворъ“ Тургенева. № 3.

„Батрачка“ Шевченко. № 4.

С т а т ь и и з а м ы т к и.

„Къ вопросу объ организаціи подвижныхъ школъ въ Россіи“. № 1.

„Отвѣтъ учителю“ (объясненіе словъ въ „Родномъ Словѣ“ и о приготовленіи чернилъ). № 2.

„Обученіе грамотъ“. Ст. 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, и заключеніе. №№ 3, 5, 8—9, 11, 12.

„Замытки объ учебномъ отдѣлѣ Всероссійской промышленно-художественной выставки 1882 г. въ Москвѣ“. № 11 и 12.

„Примычаніе къ статьѣ учителя Ситникова о предлогахъ“. № 11.

1883 г.

Р е ц е н з і и.

„Начальная школа“ Страхова. № 1.

„Способы начального обученія и воспитанія“ Морачевскаго.

„Книга для чтенія“ Баранова. № 2.

„Указка“ Радонежскаго. № 2.

„Руководство къ обученію грамотъ“ Александрова. № 3.

„Опытъ уроковъ церк.-славянскаго языка“ Кошменскаго. № 3.

„Украшенія для плоскихъ поверхностей“ Вересова. № 3.

„Задача и организація школьнаго дѣла въ уѣздѣ 1882 г.“ Александрова. № 5.

„Полезныя свѣдѣнія о лошади и другихъ домашнихъ животныхъ и птицахъ“ Савельева. № 5.

„Изъ чтеній на съѣздѣ“ Анастасіева. № 8—9.

„Былины и стихотворенія“ гр. А. К. Толстого. № 10.

„Честный воръ“ Достоевскаго. № 10.

„Руководство къ преподаванію грамоты“ Иванова. № 4.

„Руководящій букварь“ П. И. № 6—7.

С т а т ь и и з а м ы т к и.

„Замытки о двухъ съѣздахъ въ Псковской губерніи“. № 1 и 2.

„Обученіе грамотъ“, дополненіе, статьи 16. № 5.

„Замытки къ письмамъ учителя Ипполитова о правописаніи и грамматикѣ въ народной школѣ“. № 4.

1884 г.

Р е ц е н з і и.

„Бѣглый“, рассказъ. № 1.

„Сборникъ упражненій въ правописаніи“ Кокшарова. № 1.

„Начальная русская грамматика“ Бучинскаго. № 2.

„Учебникъ географіи“ Воронежскаго. № 2.

„Начатки географіи“ Тихомирова и Зенгбуша. № 2.

„Вологодская губернія“, элементарный курсъ географіи Кукшина и Пахолкова. № 2.

„Планы объяснительнаго чтенія“ Виноградова. № 2.

„Практическое руководство къ наглядному усвоенію русскаго правописанія“ Булгаковскаго. № 3.

„Родныя картины“, сборникъ стихотвореній. № 4.

„Что читать народу?“ № 6--7.

„Чѣмъ люди живы?“ гр. Л. Н. Толстого. № 6—7.

„Пахарь“ Григоровича. № 6—7.

„Изъ бесѣды о любви къ животнымъ“. № 6—7.

„Дѣтямъ на память отъ законоучителя“. № 6—7.

„Азбука для взрослых“ Абазы. № 8—9.

„Книга для чтенія“ Баранова, изд. 3-е, и руководство къ ней. № 8—9.

„Задача и организація школьнаго дѣла въ уѣздѣ“ Александрова, 1883 г.

„Книга для церк.-слав. чтенія“ Тихомирова. № 12.

„Майская ночь“ Гоголя. № 12.

„Ночь передъ Рождествомъ“ Гоголя. № 12.

„Севастопольская оборона“ гр. Л. Н. Толстого. № 12.

С т а т ь и и с б о р н и к и.

„Сѣзды народныхъ учителей въ гг. Ирбитѣ и Шадринскѣ, Пермской губерніи“. № 1, 3 и 5.

„Народныя былины о русскихъ могучихъ богатыряхъ“, съ объяснительнымъ словомъ и примѣчаніями, изд. для народно-учебной бібліотеки. № 5, 6—7, 8—9, 10, 11, 12.

1885 г.

Р е ц е н з і и.

„Сборникъ матеріаловъ для описанія Кавказа“. № 1.

„Родная нива“ Лубенца. № 1.

„Отчетъ о первомъ сѣздѣ семинарокъ земской школы Максимовича“. № 1.

„Разказы о землѣ и небѣ“ Иванова. № 2.

„Синтаксисъ“ Петрова. № 2.

„Общій очеркъ состоянія народныхъ училищъ въ Таврической губерніи“ директора Дьяконова. № 2.

„Посѣвы“ Грекова. № 4.

„Грамматика-пропись“ Яновскаго и приложение къ ней. № 4.

„Объяснительное чтеніе“ Савенко, изд. 2-е. № 4.

„Конспектъ занятій по „Родному Слову“ Романченко. № 5.

„Книга для первоначальнаго чтенія“ Романченко. № 5.

„Русское правописаніе“ Грота. № 6—7.

„Родное чтеніе“ Виноградова. № 8—9.

„Начатки грамматики“ Тихомирова. № 11.

„Руководство къ преподаванію по „Родному чтенію“ Виноградова. № 11.

С т а т ь и и з а м ѣ т к и.

„Замѣтки о думахъ учителя Богословскаго объ обученіи грамотѣ“. № 5.

„О домашнихъ школкахъ грамотности въ народѣ“ (обработка матеріаловъ, собранныхъ Комит. Грамотности). № 6—7, 8—9, 10.

„Замѣтки по поводу статьи учителя Овчинникова объ объяснительномъ чтеніи“. № 12.

1886 г.

Р е ц е н з і и.

- „Азбука Екатеринбургскихъ учителей“. № 1.
- „Ученье—свѣтъ“ и „Пчелка“ Блинова. № 3.
- „Жуковский“ для народнаго чтенія. № 6—7.
- „Крымъ“ для народнаго чтенія. № 6—7.
- „Словяно-русская азбука“ Кулина. № 6—7.
- „Азбука—къ мудрости ступенька“ Ермина и Некрасова, изд. 2-е. № 6—7.
- „Азбука“ Люстрицкаго. № 6—7.
- „Букварь“ Медвѣдева. № 6—7.
- „Народная школа“ Комарова. № 6—7.
- „Новая книга“ Ермина и Вологовскаго. № 6—7.

З а м ѣ т к и.

„Замѣтки по поводу отчета о занятіяхъ на временныхъ педагогическихъ курсахъ въ Чистополѣ въ 1883 г.“. № 6—7.

1887 г.

Р е ц е н з і и.

- „Князь Серебряный“ Свѣшниковой. № 1.
- „Басурманъ“ Свѣшниковой. № 1.
- „Стрѣльцы“ Брагинской. № 1.
- „Изъ быта крестьянъ“ протоіерея Владиславлева. № 1.
- „Слово крестьянина“ Дм. Иванова. № 1.
- „О волостномъ и сельскомъ управленіи“ Сорокина. № 1.
- „Справочникъ по русскому правописанію“ Зелинскаго. № 2.
- „Курсъ русскаго правописанія“ Исслентьева. № 2.
- „Школа грамотности“ Тихомирова. № 2.
- „Русская христоматія“ Савенко. № 2.
- „Другъ школы“, книга послѣ азбуки. № 2.
- „Осминогъ Вакула“ Маляревскаго. № 5.
- „Дѣдъ Ермилъ и его внукъ“. № 5.
- „Родное чтеніе“ Виноградова. кн. 2-я. № 6—7.
- „Русскіе педагогическіе дѣятели“ Острогорскаго и Семенова. № 6—7.
- „Родной мірокъ“, азбука и первая книга для чтенія, Руднева. № 6—7.

С т а т ь и и с б о р н и к и.

- „Къ вопросу о книгахъ для народа“. № 1.
- „По поводу отчета о съѣздѣ народныхъ учителей въ Кадниковѣ въ 1884 г.“. № 1.
- „Сочиненія А. С. Пушкина“, изданіе для народно-учебной бібліотеки, выпускъ 1-й, со статьей о Пушкинѣ и его поэзіи съ примѣчаніями. №№ 1, 2, 5, 6—7, 8—9, 10, 12.

1888 г.

Р е ц е н з і и.

„Практическій курсъ грамматики“ Вертоградскаго и „Методическія замѣтки“ его же. № 2.

„Учебникъ русской грамматики“ Романова. № 2.

„Справочный словарь церк.-слав. языка съ примѣрами“ Тихомирова. № 5.

„Методика грамоты“ Паульсона, ч. 1-я. № 8—9.

„Руководство къ устройству школьнаго дѣла въ народ. учил.“ Александрова. № 10.

С т а т ь и, з а м ѣ т к и и с б о р н и к и.

„Очерки школьнаго дѣла въ Россіи: расходы городовъ, Московская губ.“. № 5.

„Сочиненіе А. С. Пушкина“, Выпускъ 2, съ примѣчаніями. № 6—7, 8—9, 11.

„Очерки школьнаго дѣла въ Россіи: Херсонская губ. по официальнымъ даннымъ“. № 6—7.

1889 г.

Р е ц е н з і и.

„Городская школа“ Павлова. № 5.

„Дѣтское чтеніе и игры“ Славинскаго. № 6—7.

„Новый задачникъ самостоятельныхъ работъ“ Цвѣткова № 10.

„Диктовка въ начальномъ училищѣ“ г. Скворцовой № 10.

„Краткій учебникъ правописанія“ Давыдова. № 10.

„Первые уроки русской грамматики“ Гербача. № 10.

„Таблицы для этимологическаго разбора“ Э. Т. № 10.

„Учебникъ русской грамматики“ Фоминскаго. № 10.

„Постановка знаковъ препинанія“ Потоцкаго. № 10.

„Русское правописаніе“ Иванова. № 10.

С т а т ь и и с б о р н и к и.

„Двадцатипятилѣтіе земской дѣятельности по народному образованію“. № 1.

„Очерки школьнаго дѣла въ Россіи: Таврическая губернія“. № 1.

„Сельская школа и народная жизнь. Замѣтки и наблюденія сельскаго жителя. 1. Нѣчто о народныхъ воззрѣніяхъ на школу и школьное обученіе“. № 2.

„Сельская школа и народная жизнь. 2. Какъ бы желательно поставить обученіе грамотѣ въ сельской школѣ“? № 4.

„Сельская школа и народ. жизнь. 3. О классномъ и внѣклассномъ чтеніи“. № 8—9.

„Сочиненія А. С. Пушкина“, окончаніе второго выпуска. № 6—7, 8—9, 10.

„Замѣтки о преподаваніи Русскаго языка въ народ. школѣ“ (по поводу книжки Горбова. „Основы об. Р. яз. въ нар. ш.“). № 10 и 11.

1890 г.

Р е ц е н з і и.

„Очеркъ психологіи“ Попова. № 3.

„Читальня народной школы за 1889 г.“. № 4.

- „Учебникъ грамоты“ Головина. № 5.
„Учебникъ грамоты для молодыхъ солдатъ“ Миропольскаго. № 5.
„Букварь“ Ерошенко. № 5.
„Новичекъ“, русскій букварь Желѣзняка. № 5.
„Нашъ языкъ“, учебно-педагогическіе этюды Сорокина. № 5.
„Что читать народу?“ Т. 2-ой. № 6—7.
„Новый путь обученія родному языку“ Мартынова. № 6—7.
„Первое домашнее чтеніе школьника“ Крижа, в. I. корешекъ къ нему, съ брошюркой „О домашнемъ чтеніи“. № 8—9.
„Зрительный диктантъ“ Зелинскаго. № 11.
„Учебникъ правописанія“ Чернецкаго. № 11.
Курсъ практическаго правописанія“ Глодовскаго. № 11.
„Сборникъ письменныхъ работъ“ Яхонтова. № 11.

С т а т ь и и з а м ѣ т к и.

- „Сельская школа и народная жизнь. 4. О письменныхъ работахъ и правописаніи въ народной школѣ“. № 2 и 3.
„Сельская школа и народная жизнь. 5. Нѣкоторыя черты крестьянскаго быта и нравственно-религіозныхъ понятій. Законъ Божій, церковно-славянское чтеніе и пѣніе въ народ. школѣ“. № 11.
„Очерки школьнаго дѣла въ Россіи: Казанская губ.“. № 11.

1891 г.

Р е ц е н з і и.

- „Для школъ и грамотнаго народа“, изд. Жиркова въ Рязани: „Пастухъ“, „Нѣтъ худа безъ добра“, „На берегу моря“, „Спасибо отцу“, „Эпитимія“, „Отомстиль“, „Сапожникъ и музыкантъ“. № 1.
„Народная школа“ Анастасіева. № 4.
„Читальня народной школы за 1890 г.“. № 6—7.

С т а т ь и и с б о р н и к и.

- „Сельская школа и народная жизнь. 6. Ариѳметика въ народной жизни и въ школѣ“. № 1.
„Сельская школа и народная жизнь. 8. Экзамены и свидѣтельства въ сельской школѣ“. № 6—7.
„Сельская школа и народная жизнь. 7. Учебный годъ въ сельской школѣ“. № 3.
„Сельская школа и народная жизнь. 9. О вліяніи школы на бытъ и нравы мѣстнаго населенія“. № 8—9.
„Сочиненія М. Ю. Лермонтова, изд. для нар. учебн. библ., со статьей о поэтѣ и примѣч.“. № 6—7, 8—9, 10, 11.

1892 г.

Р е ц е н з і и.

- „Практическое руководство къ употребленію знаковъ препинанія“ Гусева. № 1.
„Орфографическій словарь“ Гусева. № 1.

„Сборникъ упражненій въ толковомъ и грамотномъ изложеніи“ Некрасова. № 2.

„Три учебные предмета: русскій языкъ, географія, исторія. „Книга для чтенія Савина-Савчука“. № 3.

С т а т ь и и с б о р н и к и.

„Сельская школа и народная жизнь. 10. Опытъ народнаго театра“. № 1.

„Сочиненіе М. Ю. Лермонтова“ (окончаніе). № 3, 5, 6—7, 8—9.

„Стихотворенія А. В. Кольцова со статьей о жизни, личности и поэзиі Кольцова“, изд. для народ.-учебной библ. № 8—9, 10.

„Сельская школа и народная жизнь. 11. Итоги и уроки голоднаго“. № 10, 11, 12,

„Всемирный педагогъ-славянинъ“ (къ 300 лѣтнему юбилею Коменскаго). № 2.

1893 г.

Р е ц е н з і и.

„Металлическіе трафареты“ Канаева. № 3.

„Линейка“ Ласонова. № 3.

„Тетради съ прописями“ Гербача. № 3.

„Руков. къ церк.-славян. чтенію“ Яхонтова. № 3.

„Повѣсти и рассказы Григоровича“ изд. для народа Мартынова. № 3.

„Сборникъ стихотвореній съ приложеніемъ статьи о качествахъ и условіяхъ хорошаго чтенія и объяснительныхъ примѣчаній“ Анастасіева. № 4.

„Подарокъ дѣтямъ“, стихотв. Анастасіева. № 4.

„Зернышко“, первая книга послѣ азбуки Лубенца. № 5.

„О воспитаніи, наслѣдственности и обученіи“, Казань. № 5.

„Пособіе для литературныхъ бесѣдъ“, Балталона. № 6—7.

„Русская азбука“ Крижа и руководство къ ней. № 6—7.

„Азбука“ Александрова. № 6—7.

„Предварительныя звуковыя упражненія“ Ширяева. № 6—7.

„Букварь“ Ширяева. № 6—7.

„Русско-славянск. азбука“ Анастасіева. № 6—7.

„Методика грамоты“ Паульсона, ч. 2, съ приложеніемъ букваря. № 8—9.

„Предварительный курсъ краткой русской грамматики“, по программѣ Женскаго патріотическаго общества. № 8—9.

„Учебники начальной русской грамматики“ Рапешской. № 8—9.

„Русская грамматика въ диктовкахъ“ Матвѣевой. № 8—9.

Указатель при разстановкѣ знаковъ препинанія“ (2-ой выпускъ „Справочника по русскому правописанію“) Зелинскаго. № 8—9.

„Курсъ русскаго правописанія“ Исментьева. № 10.

„Правописаніе“ Славнина. № 10.

„Русскій языкъ“, синтаксисъ въ образцахъ Петрова, переработанное изданіе. № 10.

С т а т ь и и с б о р н и к и.

„Стихотвореніе Кольцова“ (окончаніе). № 5, 6—7.

„Очерки школьнаго дѣла въ Россіи: Херсонская губернія“. № 6—7.

1894 г.

Р е ц е н з і и.

- „Грамотей“, азбука Поповой и Пошехоновой. № 1.
„Русское чтение“ Жемчужина. № 1.
„Мысли о воспитаніи“ Шестакова. № 1.
„Очерки дѣятельности Тихвинскаго земства“ (Новгородск. губ.). Береди-
никова. № 1.
„Дѣтскія игры и гимнастика“ Покровскаго. № 4.
„Первоучка“ азбука Славнина. № 4.
„Послѣ азбуки“ Некрасова. № 4.
„Первое домашнее чтение“ Крижа, изд. 2-ое съ иллюстраціями. № 4.
„Примѣры для диктовки въ млад. отдѣленіи начальной школы“ Миха-
лева. № 4.
„Новая хрестоматія для старшаго отдѣленія и нач. учил. и низшихъ клас.
въ сред. уч. завед.“, сост. кружкомъ учительницъ подъ редак. Воскресенскаго. № 5.
„Элемент. учебн. ц.-сл. языка“ Гусева. № 5.
„Диктовка“, сост. Преображенская. № 5.
„Русская исторія для нач. училищъ“, сост. Ярмоловичъ. № 5.
„Свѣдѣнія объ учительницахъ, окончив. курсъ въ учит. школѣ Макси-
мовича“. № 6—7.
„Ежегодникъ“, обзоръ книгъ для народнаго чтенія 1891 г. Тоже—1892 г. № 6—7.
„Крит. Указатель дѣт. и педаг. литературы за 1893 г.“. № 6—7.
„Сочиненія Фурмана“: Н. Б. Долгорукова“, „Петръ Ждановъ“. № 6—7.
„Русская грамматика въ примѣрахъ“, составилъ Я. Егоровъ. № 6—7.
„Циркуляръ г. директора училищъ Херсонской губерніи“. № 8—9.
„Сборникъ письменныхъ упражненій по русскому языку“ Яхонтова, изд. 2,
то же выпускъ 2, изд. 2. № 8—9.
Методическое руководство къ „Сборнику“ Яхонтова. № 8—9.
„Первая книга для чтенія, письменныхъ работъ и диктантовъ“ Цвѣтковой
и Шатериной. № 8—9.
„Важнѣйшія свѣдѣнія по русскому правописанію“ Долибскаго. № 8—9.
„Инструкція для начальныхъ народныхъ училищъ Курской губерніи“.
№ 8—9.
„Опытъ наставленія о главнѣйшихъ обязанностяхъ народнаго учителя“
Савенкова. № 8—9.

С т а т ь и.

- „Сельская школа и народная жизнь“. XII.
„Крестьянство и крестьян. школа на выставкѣ“. № 12.
„Иванъ Андреевичъ Крыловъ. По поводу пятидесятилѣтія со дня его кон-
чины“. № 10.

1895 г.

Р е ц е н з і и, с т а т ь и, з а м ѣ т к и.

- „А. Н. Энгельгардъ“ С. Шарапова № 1.

„Памяти Яна Коменскаго“. № 1.

„Ив. С. Тургеневъ“ Ч. Вѣтринскаго. № 3.

„Систематическій обзоръ народно-учебн. литер. С. П. Комитета Грамотности“, выпускъ 1-ый. № 4 и 5.

Народное образованіе въ Петровскомъ уѣздѣ, Саратовской губ. („Очерки школьнаго дѣла въ Россіи“). № 5

„Записка, составленная комиссіей по всеобщему обученію при Московскомъ Комитетѣ грамотности“. № 5.

„Пособіе къ обуч. неграмотныхъ Закону Божию“ Страхова. № 6—7.

„Азбука Екатеринбург. учителей“, изд. 2. № 6—7.

„Русскій букварь“ Ислентьева. № 6—7.

„Ясная звѣздочка“, кн. для чтенія Горбунова-Посадова. № 6—7.

„Сельская школа и народная жизнь: XIII“.

„Десятилѣтіе школы и обязательное обученіе“ № 6—7.

С. Петино. 1894 г., августа 15.

Весной 1885 года мнѣ пришлось приступить и къ сельскому хозяйству въ качествѣ землевладѣльца, хозяина и распорядителя: въ первый разъ надо было самостоятельно распорядиться землей и заняться весенними посѣвами; осенніе посѣвы были сдѣланы, по моей просьбѣ, прежнимъ хозяиномъ, арендаторомъ имѣнія, В. С. Маринымъ, весьма порядочнымъ человѣкомъ изъ раззорившихся тамбовскихъ баръ, теперь уже покойнымъ. Я когда-то, много лѣтъ тому назадъ, еще въ Вологдѣ, очень интересовался сельскимъ хозяйствомъ въ теоріи и приобрѣлъ кое-какія теоретическія свѣдѣнія по агрономіи, даже приобрѣлъ и протудировалъ Либиха. Тогда я печаталъ „Сельскохозяйственные очерки“ въ „Русскомъ Дневникѣ“ П. И. Мельникова и корреспонденціи въ „Земледѣльческой газетѣ“, а въ лицѣ брата К. А. Березкина имѣлъ собесѣдника по вопросамъ сельскаго хозяйства, собесѣдника-практика, вполне увлеченнаго дѣломъ: онъ завелъ образцовое хозяйство въ имѣніи своей жены, подъ Вологдой. Но къ этому времени теоретическія познанія мои испарились; много лѣтъ они не освѣжались и не пополнялись, такъ какъ я вовсе не предполагалъ никакой надобности въ нихъ, вполне отдавшись педагогическому дѣлу; а практика дѣла мнѣ была и совершенно чужда. Теперь необходимо было обратиться къ этой практикѣ.

Само собой разумѣется, что никакихъ преобразованій и нововведеній я не могъ предпринимать. Кромѣ того, сдѣлаться дѣятельнымъ хозяиномъ—мнѣ препятствовали—и мое здоровье, разстроенное параличемъ, и мои привычки. Да и не туда тянули меня склонности. Школа, книжный шкапъ и письменный столъ мнѣ были куда любѣе, нежели поле и гумно. Все-таки я намѣтилъ если не планъ будущаго хозяйства, то его основную задачу, и повелъ дѣло не безъ успѣха, имѣя въ виду эту задачу, черезъ посредство довѣренныхъ лицъ,—не дорогихъ управляющихъ, которые мнѣ не по средствамъ, а простыхъ рабочихъ, въ выборѣ которыхъ мнѣ-таки везеть.

Основной задачей моего маленькаго хозяйства, сообразно съ небольшимъ

количествомъ земли, которая принадлежитъ мнѣ, я поставилъ: добиться, чтобы у меня, по возможности, было все свое и въ достаточномъ количествѣ. Только излишки должны идти на продажу; но вообще денежный доходъ возможенъ только въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ, не свыше 600—800 руб., которые дополняютъ мой пенсіонъ и мой литературный заработокъ. Удовлетвореніе моихъ насущныхъ потребностей, соединенное съ нѣкоторыми удобствами, и кое-какихъ прихотей, какъ красивый садъ съ цвѣтами, ягодами, фруктами, какъ тройка выѣздныхъ лошадей и удобный экипажъ, а также нѣкоторыхъ идеальныхъ стремленій, какъ содержаніе школы,—вотъ въ чемъ долженъ состоять доходъ моего имѣнія. Впрочемъ, присмотрѣвшись къ дѣлу, я въ послѣдствіи сдѣлалъ въ хозяйствѣ кое-какія измѣненія, отступая отъ господствующей въ немъ рутины. Я улучшилъ почву посредствомъ плужной пашки и достаточнаго удобренія. Я завелъ сѣмена лучшаго качества, снабжая ими и мѣстныхъ крестьянъ. Я ввелъ въ сѣвооборотъ ячмень, яровую пшеницу, вику и кормовую свеклу. Я установилъ взметку ярового поля съ осени. Я улучшилъ свой лугъ, оберегая его отъ скотины и ѣзды. Я улучшилъ и свой лѣсъ подчисткой и охраненіемъ его, поселивъ въ немъ постояннаго и надежнаго лѣсного сторожа. Я развелъ красивый садъ съ декоративными и фруктовыми деревьями, съ роскошными цвѣтниками, съ розами и жасминами. На садъ я обратилъ особенное вниманіе съ перваго года моего переселенія въ деревню, и много положилъ на него денегъ. Не скажу, чтобы добился многого, но все-же теперь въ моемъ саду уже есть тѣнь отъ деревьевъ, посаженныхъ мною, поспѣваютъ фрукты и ягоды, мной разведенные, лѣтомъ ежегодно бываетъ много розъ и всякихъ цвѣтовъ. Но за то содержаніе сада въ порядкѣ и теперь мнѣ обходится не дешево... Что дѣлать, вѣдь это единственное удовольствіе, которое я позволяю себѣ въ продолженіе всей моей деревенской жизни, а я живу въ деревнѣ почти безвыѣздно одиннадцать мѣсяцевъ; двѣнадцатый уходитъ на поѣздку въ Петербургъ для расчетовъ съ Полубояриновымъ, для посѣщенія театровъ и для свиданія съ моими петербургскими пріятелями, число которыхъ съ каждымъ годомъ уменьшается. Результаты перваго учебнаго года въ моей сельской школѣ (1885—6) оказались весьма удовлетворительными. Передъ Пасхой я сдѣлалъ общій экзамень, послѣ котораго мы, вдвоемъ съ Л. И. Михайловой, усердно принялись исправлять нѣкоторые промахи и упущенія учительницы М. А. Ивановой. Вообще говоря, она была учительница старательная и добросовѣстная, но недостаточно подготовленная (она прошла только семь классовъ женской гимназіи), не прошедшая педагогической школы, нѣсколько вялая по натурѣ, неспособная увлекаться какой-нибудь работой, лишенная энергіи и энтузіазма. Все-таки она оставила по себѣ добрую память, и очень жаль, что обстоятельства заставили ее уйти изъ моей школы послѣ перваго же учебнаго года.

Тогда я пригласилъ въ свою школу учителя сосѣдней школы въ селѣ Устьѣ, которую тогда содержалъ богатый землевладѣлецъ В. И. Лихачевъ. Этого учителя звали П. П. Свибловъ. Я познакомился съ нимъ, нѣсколько разъ посѣщая школу Лихачева. Его обученіе мнѣ понравилось. Кромѣ того, я замѣтилъ въ немъ склонность подчиниться моему вліянію и вести дѣло именно такъ, какъ мнѣ хотѣлось: не ограничиваться подготовкой учениковъ къ экза-

мену, а имѣть въ виду подготовленіе ихъ къ жизни болѣе человѣческой, нежели та, какую живетъ наше крестьянство, посредствомъ сообщенія имъ знаній научнаго характера и усиленнаго умственнаго развитія. Было въ Свибловѣ и еще кое-что, побуждавшее меня пригласить его, измѣняя своему убѣжденію, что для начальной школы желательнѣе учительница, нежели учитель: Свибловъ хорошо зналъ хоровое пѣніе и былъ хорошій регентъ. Онъ уже занимался въ моей школѣ пѣніемъ и раньше, пріѣзжая въ Петино раза два въ недѣлю. Я убѣжденъ, что пѣніе нужно въ народной школѣ, какъ самое доступное и наиболѣе понятное изъ всѣхъ искусствъ, какъ отличное средство не только для возможнаго и необходимаго эстетическаго развитія, но и для разумнаго дисциплинированія дѣтей. Въ моей городской школѣ дѣти постоянно пѣли—молитвы съ законоучителемъ, а легкія дѣтскія пѣсенки съ особымъ учителемъ пѣнія и съ учительницами. На учительскихъ съѣздахъ, которыми мнѣ приходилось руководить, подымался и обсуждался вопросъ о пѣнии въ народной школѣ и единодушно разрѣшался въ томъ смыслѣ, что хоровое пѣніе необходимо должно входить въ программу народной школы, какъ обязательный предметъ. Въ Костромѣ было дано нѣсколько уроковъ хорового пѣнія дѣтямъ временной школы при съѣздѣ учителемъ Яблоковымъ.

Въ Херсонѣ учитель Стрѣлковъ излагалъ курсъ пѣнія, по системѣ Шеве, учителямъ и учительницамъ; въ Нижне-Тагильскомъ заводѣ занимался пѣніемъ учитель Щеголевъ; въ Псковѣ занятія съѣзда были закончены хоровымъ пѣніемъ подъ управленіемъ учителя Кондратьева. Помнится, еще Ушинскій говорилъ, что „наши школы только тогда пойдутъ хорошо, когда запоютъ“. Русскій народъ любитъ пѣніе—и въ церкви, и за работой, и на свободѣ, и на попойкѣ. Правда, это пѣніе русскаго народа довольно дикое, но школа-то и должна его улучшить, облагородить. Въ школѣ оно чрезвычайно важно, и особенно въ народной русской школѣ. Оно оказываетъ огромное благотворное вліяніе на учащихся и на массу. Оно способствуетъ церковному благолѣпію, усиливаетъ молитвенное настроеніе, возвышаетъ духъ и поющихъ и слушающихъ. Уроки пѣнія способствуютъ, чтобы дѣти не только понимали „внѣшній смыслъ“ той или другой молитвы, но и прочувствовали бы ея „внутренній“ смыслъ. Уроки пѣнія обладаютъ вліяніемъ, способнымъ упорядочить и облагородить грубыхъ крестьянскихъ ребятъ, чему еще болѣе способствуетъ участіе въ церковномъ богослуженіи, которое налагаетъ на нихъ замѣтную печать мягкости, вѣжества, серьезности и благообразія. Вотъ почему я и рѣшился пригласить въ свою школу Свиблова, учителя, знающаго пѣніе и способнаго быть регентомъ.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ Свибловъ съ своей семьей, т. е. женой и тремя дѣтьми, переселился изъ Устья въ Петино, и въ сентябрѣ начались занятія въ школѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и уроки пѣнія. Начался второй учебный годъ. У насъ со второго же года образовались всѣ три отдѣленія: новички, 1-ое отдѣленіе, второгодники, 2-ое отдѣленіе, а пять дѣтей, поступившихъ въ школу съ умѣньемъ читать и писать, составили третье отдѣленіе, которое готовилось къ экзамену. Чтобы облегчить трудъ учителя, мы съ Л. И. Михайловой приняли на себя всѣ занятія съ среднимъ отдѣленіемъ; съ этими дѣтьми мы занимались уже и въ прошедшемъ году, и намъ хотѣлось провести ихъ до конца курса. Только въ

декабрѣ, когда оба мы уѣхали въ Петербургъ, и съ этимъ отдѣленіемъ пришлось заниматься недѣли четыре Свиблову. Свибловъ велъ свое дѣло толково и усердно. Образовался порядочный хоръ, который принималъ участіе въ церковномъ богослуженіи. Устраивались вечера съ волшебнымъ фонаремъ, чтеніемъ и хоровымъ пѣніемъ, на которые собиралось много народу. Вообще дѣло шло очень оживленно и стройно.

Весной 1886 года у насъ былъ первый выпускной экзаменъ, который сошелъ блистательно: наши три мальчика и двѣ дѣвочки оказались подготовленными очень хорошо, и честь этой подготовки всецѣло принадлежитъ Свиблову. Лѣтомъ пришлось произвести значительный ремонтъ школьнаго дома.

Въ 1886—7 учебномъ году мы съ Л. И. Михайловой вели уже 3-е, старшее, отдѣленіе школы, которое состояло изъ 14 человѣкъ,—12 м. и 2 дѣв. Большая часть изъ нихъ были молодые люди достаточно взрослые, очень способные и любознательные; они учились охотно, понимали и усвоивали знанія легко и прочно. Работать съ ними было весело.

Въ 1886 году, на основаніи непосредственныхъ наблюденій и опытовъ, я совершенно переработалъ книгу „Въ школѣ и дома“ и написалъ заново книгу „Школьное дѣло“, въ новое изданіе которой вошли мои лекціи на учительскихъ сѣздахъ въ Нижнемъ Тагилѣ, Псковѣ, Великихъ Лукахъ, Ирбитѣ и Шадринскѣ, да и весь матеріалъ, который проработывался на сѣздахъ подъ моимъ руководствомъ. Эту книгу во 2-мъ изданіи (Полубояринова) я считаю одной изъ лучшихъ моихъ работъ, хотя она одна изъ малоходоходнѣйшихъ моихъ книгъ. И книга „Въ школѣ и дома“ мнѣ кажется наиболѣе совершенной и соотвѣтствующей истиннымъ потребностямъ русской народной школы, именно въ обработкѣ 1886 года, особенно 2-ая часть ея. Дальнѣйшими переработками, въ которыхъ я мало виноватъ, она во многихъ отношеніяхъ испорчена. Въ этомъ же году я исправилъ и передалъ Полубояринову мой „Концентрической учебникъ русской грамматики“, который печатался приложеніемъ къ „Семѣ и школѣ“ и издавался раньше Ю. И. Симашко. Наконецъ, въ эту же зиму я приготовилъ второе изданіе книжки „Подвижная школа“, которую не только исправилъ, но и значительно дополнилъ, такъ что она вышла ужъ подъ другимъ, расширеннымъ, заглавіемъ, сообразно съ ея новымъ содержаніемъ: „Подвижная школа, воскресныя занятія и учительскія собранія“. Была задумана и переработка „Азбуки“ и „Книжки-Первинки“, согласно съ потребностями сельской школы и условіями обученія въ ней; но этимъ дѣломъ я рѣшился не спѣшить, чтобы основательно провѣрить мой планъ и детали исполненія наблюденіями и опытами въ школѣ. Работа была готова, но оставлена на нѣсколько лѣтъ въ рукописи.

Вся зима прошла въ непрерывной работѣ, изъ-за которой не видно было, какъ летитъ время: то переработка книгъ, то рецензіи для „Русскаго Начальнаго Учителя“, то уроки въ школѣ, то вечера съ волшебнымъ фонаремъ. Вспомнивъ старину, я написалъ рядъ стихотвореній къ картинамъ по священной исторіи. Такъ-то мнѣ случилось еще разъ вернуться къ стихотворству. Конечно, и теперь поэтическаго дара во мнѣ не оказалось, но умѣнье владѣть стихомъ сохранилось, и получился рядъ гладкихъ стихотворныхъ пьесъ, составляющихъ

приличный текстъ къ картинамъ по священной исторіи. Запишу, для памяти, нѣсколько изъ этихъ стихотвореній.

1. Первые люди въ раю.

1885.

Не боясь ни зла, ни смерти,
Беззаботные, какъ дѣти,
Проводили жизнь свою
Люди первые въ раю.
Какъ слуга, природа рая
Все готовила для нихъ;
Берегла, какъ мать родная
Бережетъ дѣтей своихъ.

Никакая злая сила
Имъ бѣдою не грозила:
Жили радостно они
Подъ деревьями въ тѣни.
Лишь плоды съ деревьевъ ѣли,
Пили воду изъ ручья;
Звѣри ихъ кусать не смѣли
И не жалила змѣя.

2. Изгнаніе изъ рая.

Но соблазнилъ людей лукавый
Нарушить заповѣдь. Тогда
Господь разгнѣванный и правый
Лишилъ ихъ рая навсегда.
И ангелъ Божій у порога
Возсталъ, блистающій, съ мечемъ.
Адамъ слышалъ слово Бога,
Надъ нимъ гремящее, какъ громъ:

„Трудись! Тяжелая работа
„Тебѣ замѣнитъ этотъ рай,—
„Трудомъ, работая до пота,
„Насущный хлѣбъ свой добывай!“
Потомъ сказалъ Всевышній Евѣ:
„Терпи! Тебѣ удѣль—страдать:
„Въ болѣзняхъ, съ муками во чревѣ,
„Отнынѣ будешь чадъ рождать!“

3. Рождество Христово.

1885.

Въ ясляхъ Божій Сынъ явился
Міру на спасенье.
Къ этимъ яслямъ люди съ вѣрой
Шли на поклоненье.
Шли и пастыри простые
Съ чистыми сердцами,
Шли за чудною звѣздою
И волхвы съ дарами.
Всѣмъ изъ яслей отъ Младенца
Радостью сіяло:

Въ этихъ ясляхъ новой жизни
Видѣлось начало...
Да, изъ нихъ пришло на землю
Новое ученье—
И любви, и правды вѣчной,—
Міра обновленье.
Люди-братья, прочь гоните
Нынѣ духа злого,
Будьте братьями—и славьте
Рождество Христово!

4. Крещеніе Господне.

1885.

Когда Предтеча Іоаннъ
Крестилъ народъ, Христосъ явился
И тоже въ свѣтлый Іорданъ
Принять крещенье погрузился.
Вотъ Онъ выходитъ. Въ этотъ мигъ
Съ небесъ вдругъ голубъ опустился

И надъ Христомъ остановился
На бѣлыхъ крыльяхъ снѣговыхъ.
И людямъ всѣмъ на удивленье,
Раздался голосъ неземной:
„Се Сынъ едиnorodный Мой,
„На Немъ Мое благоволенье!“

(Напечатано въ 1-ой части книги „Въ школѣ и дома“, изд. 1886 г.) безъ подписи.

5. Тайная Вечеря.

1885.

Когда Христось съ учениками
На тайной вечери сидѣлъ,—
Въ раздумьи, грустными очами
Онъ на апостоловъ глядѣлъ.
Онъ зналъ, что близится страданье,
Что скоро Онъ на смерть пойдетъ,
Что злымъ врагамъ на поруганье
Его предасть Искаріотъ.

Но Онъ съ предателемъ съ любовью
Дѣлилъ свой хлѣбъ и пилъ вино:
Онъ и предательство его
Хотѣлъ омыть своею кровью.
И вотъ, надъ чашею склоня
Свое чело, скорбя глубоко,
Онъ кротко молвилъ безъ упрека:
„Одинъ изъ васъ предасть Меня!“

(Напечатано тамъ-же) безъ подписи.

6. Въ терновомъ вѣнцѣ.

1886.

Вотъ на чело Христа враги
Вѣнецъ терновый возложили,
И крови божеской струи
Лицо Страдальца обагрили.
Враги ругались надъ Христомъ,
Его въ насмѣшку величали

Своимъ владыкою, царемъ,
И стать на царство призывали.
А Онъ, спокоенъ, молчаливъ,
Лишь грустью за людей томился;
Свои страданія забывъ,
Онъ за враговъ своихъ молился.

(Напечатано тамъ-же) безъ подписи.

7. Смерть Христа.

Настала ночь. Кончина приближалась...
Вдругъ ужасъ смерти овладѣлъ землей:
Церковная завѣса разодралась,
И грянулъ громъ, и дрогнулъ шаръ земной...

Вздохнулъ Христось; слеза остановилась
Въ Его очахъ, какъ чистая роса.
Страдалецъ громко молвилъ: „совершилось!“
И Божество сокрылось въ небеса.

8. Воскресеніе Христово.

1886.

1.

Пришли ко гробу двѣ жены—
И удивленьемъ смущены:
„Кѣмъ гробъ Господень отворенъ,
Отъ гроба камень отваленъ,

„И кѣмъ Господь изъ гроба взятъ?“
Но два посланника небесъ
Смущеннымъ женамъ говорятъ:
„Христось воскресъ! Христось воскресъ!“

2.

И стало на землѣ свѣтло,
И прячется отъ свѣта зло,
Разлился въ мірѣ свѣтъ Христовъ,
И таетъ снѣговой покровъ,

И межъ людьми любовь царить...
Идетъ весна, пора чудесъ,
И громкій благовѣстъ гудить:
„Христось воскресъ! Христось воскресъ!“

9. Праздниковъ праздникъ.

1886.

1.

Изъ храма Божьяго народъ
Толпами пестрыми идетъ.
Ночь непроглядная прошла,
И зорька глянула съ небесъ,
И говорятъ колокола:

„Христось воскресе! Христось воскресе!“

(Напечатано въ „Книжкѣ-Первинкѣ“) безъ подписи.

2.

Блеснуло солнце въ небесахъ,
Блеснула зелень на поляхъ,
И съ юга ласточки летять,
И ожилъ лугъ, и ожилъ лѣсъ,
И люди радостно гласять:

„Воскресе! во-истину воскресе!“

10. Вознесение Христа.

1886.

Не яркой молніей, съ грозой,
Вознесся въ горнюю обитель
Вѣнчанный терніемъ Спаситель,—
Нѣтъ, предразсвѣтною звѣздой
Предъ изумленными свѣтился
Священный образъ въ небесахъ,—

Зане Онъ въ дальній міръ явился
Не съ громомъ, не съ грозой въ рукахъ,
Не для войны и не для мщенья,—
Нѣтъ, Онъ сошелъ для насажденья
Святого мира межъ людьми
И всепрощающей любви.

Осенью 1886 года въ Петинской школѣ былъ первый актъ, и съ тѣхъ поръ у насъ установился обычай: ежегодно, 22 октября, въ день открытія школы, устраивать празнованіе въ видѣ акта. На актѣ читается отчетъ школы за истекшій учебный годъ, ежегодно составляемый мною, раздаются свидѣтельства объ окончаніи курса и награды. Я, въ качествѣ попечителя, обыкновенно обращаюсь съ рѣчью къ родителямъ учащихся и вообще къ мѣстнымъ людямъ, всегда присутствующимъ на актѣ. Нѣкоторые изъ учениковъ читаютъ свои сочиненія, заранѣе приготовленныя, а хоръ поетъ подходящія пьесы. Актъ оканчивается, обыкновенно, угощеніемъ учащихся. Я слышалъ осужденіе за мои отчеты, прочитываемые на актахъ. Они-де возбуждаютъ и поддерживаютъ въ крестьянахъ заблужденіе о получаемыхъ мною изъ казны деньгахъ, о какихъ-то барышахъ моихъ отъ школы. Говорятъ, что эти отчеты имѣютъ смыслъ какого-то заискиванія передъ крестьянами съ моей стороны. Говорятъ, что крестьяне, не участвуя въ расходахъ на содержаніе школы, не имѣютъ права на отчетъ о ея содержаніи и дѣятельности, что предлагать имъ таковой—значитъ внушать имъ ложную мысль о мнимомъ правѣ требовать отчета. Не знаю, есть ли въ этихъ мнѣніяхъ какая-нибудь доля правды, но я смотрю на дѣло и на отвѣтственность школы такъ, что не могъ и въ будущемъ не могу уклоняться отъ отчета передъ родителями учащихся и передъ обществомъ, которому школа хочетъ служить. Объ этомъ я печаталъ и повторяю здѣсь слѣдующее. Школа—не фабрика, которая обязана отчетомъ только передъ хозяиномъ предпринимателемъ; учитель—не управляющій фабрикой, который никого не хочетъ знать и можетъ никого не знать, кромѣ хозяина фабрики. Къ обу-

ченію дѣтей, особенно при его современномъ, воспитывающемъ, характерѣ, нельзя относиться, какъ къ обработкѣ хлопка или тряпья. Школа и учитель, прежде всего, отвѣтственны не передъ тѣмъ лицомъ, кто школу основалъ и содержитъ, а передъ обществомъ, которому они служатъ (а они непременно должны служить обществу), и передъ родителями, которые довѣряютъ имъ своихъ дѣтей, за плату или бесплатно—это все равно,—и отъ этой отвѣтственности ни школа, ни ея учредителю (государство, земство, частное лицо), ни учитель,—не должны и не могутъ уклоняться, изъ чьего бы кармана ни отпущались деньги на содержаніе этой школы. [И чтобы ни толковали по поводу моихъ отчетовъ мѣстные и иные люди, какъ бы они ни понимали эти отчеты, я не измѣню высказанной идеѣ объ отвѣтственности школы, съ ея руководителями и учителями. Я былъ вѣренъ этой идеѣ, когда велъ городскую школу, взимая плату за обученіе; остаюсь вѣренъ ей и въ моей сельской бесплатной школѣ, и не думаю, чтобы правдивая идея могла привести къ какому-нибудь злу.

Мы съ Л. М. Михайловой проработали съ своими учениками довольно широкой и содержательный курсъ. Кромѣ обязательныхъ предметовъ начальной народной школы, были пройдены, при помощи наглядныхъ пособій: очеркъ минералогіи (свѣдѣнія по зоологіи и ботаникѣ, а также объ устройствѣ человеческого тѣла были сообщены въ прошедшемъ году), кое-что изъ физики, краткій курсъ русской географіи и міровѣдѣнія, очеркъ отечественной исторіи. Практическій курсъ русской грамматики, имѣющій въ виду не только орфографическую, но и формальную цѣль, развитіе сознательнаго отношенія къ языку, начатъ былъ въ прошедшемъ году и теперь приведенъ къ концу. Ученики упражнялись въ сочиненіи, т. е. въ толковомъ и складномъ изложеніи своихъ знаній, мыслей, чувствъ и желаній. При этомъ задачей преподаванія было, конечно, не красивое литературное изложеніе, даже не грамматическая правильность, а такое изложеніе, которое понятно всякому неглупому русскому читателю или слушателю, которое достаточно ясно передаетъ именно то, что хочетъ сказать сочинитель. Такое умѣнье сочинять нужно грамотному русскому человѣку для жизни, и оно-то, вмѣстѣ съ умѣньемъ читать, понимая и усваивая читаемое, должно составить главнѣйшую задачу преподаванія родного языка въ народной школѣ.

Душать дѣтей скучной и бесполезной диктовкой, не приохочивая ни къ книгѣ, ни къ ученюю вообще. Объ упражненіяхъ въ сочиненіи—и рѣчи нѣтъ, диктовка чуть ли не единственное письменное упражненіе въ родномъ языкѣ, которое практикуется въ нашихъ народныхъ школахъ. Вся бѣда въ томъ, что официальные руководители, а за ними и учителя, имъ подчиненные, готовятъ учениковъ не къ жизни, а къ экзамену; на экзаменѣ-же требуется именно эта „диктовочная“ грамотность, эта диктовочная орфографическая муштровка, и вовсе не требуется—ни умственное развитіе, ни реальныя знанія, пригодныя для жизни, ни умѣнье письменно и устно владѣть языкомъ для выраженія своихъ знаній, мыслей, чувствъ, желаній. У насъ, кажется, вовсе и не желаютъ, чтобы у дѣтей народа были дѣйствительныя знанія, а тѣмъ паче—свои собственныя мысли, чувства, желанія. Выраженіе же обязательныхъ, навязанныхъ, не

продуманныхъ и не прочувствованныхъ, мыслей, чувствъ и желаній, конечно не нуждается въ свободномъ и самостоятельномъ пользованіи языкомъ: ихъ прекрасно выражаютъ готовыми и заученными фразами, въ родъ той бессмысленной „словесности“, которою душатъ въ русской арміи молодыхъ солдатъ... Съ гордостью могу сказать, что мои Петинскіе ученики 1886—7 учебнаго года имѣли „свои“ мысли, чувства и желанія и умѣли толково излагать ихъ устно и письменно, хотя писали не безъ погрѣшностей противъ орфографическаго законодательства, прославившаго академика Грота, царство ему небесное. Когда я былъ зимою въ Петербургѣ, я получалъ отъ этихъ моихъ учениковъ письма: это были умныя, толковыя письма, которыя весьма порадовали меня.

Въ 1887 году предстояло празднованіе пятидесятилѣтняго юбилея Пушкина. В. А. Латышевъ поручилъ мнѣ приготовить сокращенное изданіе сочиненій Пушкина для народно-учебной бібліотеки и написать для этого изданія статью о Пушкинѣ. Это изданіе, съ моей статьей и моими примѣчаніями, появилось въ 1887—8 года, сперва приложеніемъ къ „Русскому Начальному Учителю“, потомъ отдѣльно, въ двухъ книжкахъ, по 15 коп. каждая. Ученый комитетъ мин. нар. пр. и тутъ привязался ко мнѣ съ довольно нелѣпыми замѣчаніями. Въ первой книжкѣ онъ осудилъ мою вступительную статью, находя, что въ ней мало говорится о Пушкинѣ, какъ патриотѣ (?), а въ біографіи введены вовсе лишнія свѣдѣнія о домашнемъ воспитаніи поэта и о его дуэли, которая преждевременно свела его въ могилу. Еще осудилъ онъ 1-ую книжку за то, что въ ней помѣщенъ только отрывокъ изъ „Мѣднаго всадника“ (Петръ на берегу Невы и его думы), а не вся повѣсть. Между тѣмъ, это было сдѣлано мною чисто по цензурнымъ соображеніямъ, и я увѣренъ, что помѣсти я „Мѣднаго всадника“ цѣликомъ, тотъ же комитетъ за это не допустилъ бы мою книжку въ народно-учебную бібліотеку, какъ не допустилъ вторую книжку за „Дубровскаго“ и стихотвореніе „Въ деревнѣ“, которые привели его (о, добродѣтельный комитетъ!) просто въ ужасъ. Право-же, это можно считать за одинъ изъ самыхъ невѣроятныхъ анекдотовъ, какіе рассказываютъ о русскихъ оффиціальныхъ нравахъ. Чего добраго, по соображеніямъ мин. нар. просв., изображеніе барства временъ крѣпостного права въ „Дубровскомъ“ можетъ вызвать революцію, а тѣмъ болѣе эти слова изъ стих. „Въ деревнѣ“: „Увижу-ль я, друзья, народъ неугнетенный

И рабство, павшее по манію Царя,

И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной

Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря“?

Первая книжка, благодаря тому, что я поостерегся помѣстить въ ней „Мѣднаго всадника“ цѣликомъ, съ хулой Евгенія на Петра („Добро, строитель чудотворный! Ужо тебя!“), допущена была въ народно-учебную бібліотеку, а вторая рѣшительно запрещена.

Словомъ, съ Пушкинымъ мнѣ въ 1887 году не повезло. Воронежъ тоже вздумалъ почтить память великаго поэта. Общество вспомошествованія учащимся просило меня о публичной лекціи со сборомъ въ его пользу, которая и состоялась въ февралѣ, въ залѣ дворянскаго дома; за лекціей слѣдовало нѣчто въ родъ концерта. Вечеръ удался. Залъ былъ полонъ. Получился хорошій

сборъ. Но моя лекція вызвала противъ меня цѣлую „бурю въ стаканѣ воды“. Эта буря тоже забавный анекдотъ изъ россійскихъ нравовъ послѣдняго десятилѣтія. Говоря о преждевременной и трагической смерти поэта, мнѣ пришлось коснуться того великосвѣтскаго петербургскаго общества, которое всего болѣе было виновато въ преждевременной смерти Пушкина, и сказать о немъ нѣсколько рѣзкихъ словъ. Можетъ быть, у меня эти слова, подъ вліяніемъ временнаго настроенія, вышли слишкомъ рѣзки; я говорилъ лекцію по программѣ, но безъ готовыхъ фразъ,—но вѣдь эти рѣзкости, во всякомъ случаѣ, относились къ обществу, жившему пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, да и то именно Петербургскому. Мнѣ и въ голову не могло придти, что этими рѣзкостями могутъ оскорбиться „Воронежскіе аристократы“ (говоря откровенно, весьма сомнительнаго достоинства), возсѣдавшіе въ креслахъ перваго ряда, принимая ихъ на свой счетъ. Къ удивленію, это случилось. Вознегодоваль губернской предводитель дворянства, Н. А. Звегинцевъ, человѣкъ сомнительнаго достоинства во всѣхъ отношеніяхъ: сомнительнаго ума, сомнительнаго образованія, сомнительной нравственности и даже сомнительнаго происхожденія. Его предокъ, создавшій благосостояніе рода Звегинцевыхъ, нынѣ гордящагося своимъ аристократизмомъ, былъ просто на просто экономъ казеннаго заведенія, набившій карманъ извѣстными средствами всѣхъ россійскихъ экономовъ. Но господинъ Звегинцевъ 1887 года уже забылъ происхожденіе своей знатности и своего благосостоянія. Кичливый, пустой, болтливый, онъ выдаетъ себя за человѣка чистѣйшей „бѣлой кости“, за представителя и защитника родовитаго россійскаго дворянства. Вотъ сей то тузь козырной масти (вѣдь дворянская масть въ послѣдніе годы стала не на шутку „козырной масть“) и ухитрился съ большого ума найти, будто я, говоря о петербургской знати 1837 года, оскорбилъ воронежское дворянство и его, Звегинцева, какъ представителя и предводителя онаго дворянства. Въ своихъ упрекахъ и обвиненіяхъ по моему адресу онъ дошелъ до такихъ курьезовъ: „мы (т. е. воронежское дворянство) ему (т. е. мнѣ) дали дворянскій залъ, а онъ насъ же и ругаетъ!“ Но залъ дали вовсе не „ему“, а обществу вспомошествованія учащимся, въ пользу котораго пошелъ сборъ. А главное: глупо предводителю воронежскаго дворянства и вообще воронежскому дворянству 1886 года принимать на свой счетъ выраженія, относившіяся къ петербургскому большому свѣту 1837 года. Звегинцевъ сдѣлалъ на меня доносъ, а губернаторъ Богдановичъ прислалъ въ Петино новаго директора училищъ, В. И. Чеботарева, провѣдать, не вношу-ли я чего опаснаго въ школу. Чеботаревъ оказался человѣкомъ интереснымъ, типическимъ представителемъ людей „новаго курса“. Человѣкъ несомнѣнно умный, ловкій и весьма пріятный въ обществѣ, охотникъ побалагурить и мастеръ прикидываться въ компаніи добродушнымъ болтуномъ, онъ съ тою же ловкостью и полной беззастѣнчивостью—передъ начальствомъ, не только непосредственнымъ, но и всякимъ, прикидывается благочестивымъ ханжой и строгимъ блюстителемъ интересовъ православія и самодержавія, исполнительнымъ чиновникомъ, горячимъ вѣрно-подданнымъ, патриотомъ-народникомъ въ новомъ вкусѣ, яко-бы убѣжденнымъ, что суть русской народности въ рабской преданности церкви и престолу. При этомъ онъ всегда готовъ принести въ жертву хоть родного отца—не на altarъ

отечества, а на алтарь предержавшей власти ради достиженія личныхъ выгодъ. Словомъ, въ этомъ человѣкѣ, при несомнѣнномъ умѣ, впрочемъ,—умѣ чисто практическомъ, узкомъ и одностороннемъ, полное отсутствіе всякаго нравственнаго чувства и достоинства. Онъ усердно ходитъ по церквамъ, бесѣдуетъ съ архіереями и лобызаетъ ихъ руки, въ школахъ всего болѣе обращаетъ вниманія на законъ Божій, экзаменуетъ по закону Божію самъ, оттирая священника,—и, надо правду сказать, экзаменуетъ дѣльно и толково, куда лучше нашихъ тупоумныхъ законоучителей,—говоритъ рѣчи о необходимости церковнаго характера въ обученіи дѣтей народа, что не мѣшаетъ ему иронически отзываться о церковно-приходскихъ школахъ (какъ же иначе: вѣдь въ случаѣ, если духовенство окончательно захватитъ народную школу въ свои руки,—тогда и директоровъ, пожалуй, упразднить, упразднить и его, Чеботарева), яростно преслѣдуетъ Льва Толстого и его сочиненія для народа, да и вообще изданія „Посредника“, какъ зловредныя, и главное, какъ не одобряемыя высшимъ начальствомъ и архіереями.

Вотъ сей-то господинъ и пріѣхалъ въ нашу школу нюхать ея духъ, искать слѣдовъ моего зловреднаго вліянія, испытывать мою политическую благонадежность, заподозрѣнную г. Звегинцевымъ. Конечно, никакой зловредности не оказалось, потому что ея и дѣйствительно не было, да и я былъ не настолько простодушенъ, чтобы не понять смысла этого неожиданнаго посѣщенія. Г. директору не къ чему было привязаться. Онъ указалъ только, что въ классной комнатѣ „мала икона“, да просилъ изъять изъ школьной бібліотеки изданія „Посредника“, особенно рассказы Льва Толстого. Я не поддакивалъ, но и не спорилъ. Въ школѣ нашелся даже „Часословъ“, къ которому г. Чеботаревъ питаетъ особенное уваженіе. Оказался въ школѣ и портретъ Государя въ личной рамѣ. Словомъ, подозрѣнія и злостныя ожиданія г. Звегинцева и К^о не оправдались. Затѣмъ мы съ Чеботаревымъ много толковали уже совершенно въ дружескомъ тонѣ, что не мѣшало бы мнѣ быть осторожнымъ и воздержаннымъ. Къ слѣдующему пріѣзду г. директора была воздвигнута въ классѣ очень большая икона, а въ каталогѣ школьной бібліотеки противъ изданій „Посредника“ сдѣлана помѣта, что они „изъяты“; но, на самомъ дѣлѣ, я не могъ изъять изъ употребленія такіе превосходные рассказы, какъ „Два старика“ или „Упустишь огонь, не потушишь“ Л. Н. Толстого. Экзамень въ школѣ происходилъ въ маѣ. Онъ сошелъ хорошо, но производился поверхностно, наскоро и неполно. Экзаменаторы не умѣли вполне оцѣнить этого превосходнаго, лучшаго изъ всѣхъ, выпуска нашей школы, лучшаго за все время ея существованія—и по знаніямъ, и по развитію, и по прочности обученія, много зависѣвшей отъ значительнаго возраста учениковъ. Въ день экзамена нѣкоторые изъ нихъ до обѣда пахали, а послѣ обѣда держали экзамень. Это были уже молодые люди, а не дѣти; они учились сознательно и солидно, были заинтересованы ученьемъ и дорожили имъ.

Лѣтомъ нашъ учитель П. П. Свибловъ задумалъ уйти отъ насъ. Причинами этого были и нѣкоторыя непріятныя столкновенія, впрочемъ, не имѣвшія связи съ его учительскимъ дѣломъ, которое онъ велъ дѣльно, не подавая повода ни къ какимъ неудовольствіямъ съ моей стороны; но главной причиной было

желаніе Свиблова найти себѣ мѣсто съ большимъ содержаніемъ и большими удобствами для семьи: онъ былъ человѣкъ семейный, имѣлъ жену и нѣсколько дѣтей. Мѣсто нашлось въ Тамбовской губерніи. Желая найти для своей школы опять-таки учителя съ пѣніемъ, я обратился къ директору Воронежской учительской семинаріи, С. М. Карпинскому, моему доброму знакомому, который и прислалъ мнѣ молодого человѣка, только что окончившаго курсъ и знающаго пѣніе, Ѳ. И. Тютюнникова, изъ крестьянъ Бирюченскаго уѣзда. Молодой человѣкъ мнѣ показался подающимъ надежды. За него говорили и молодость, къ которой я всегда былъ пристрастенъ, и семинарское образованіе, и даже крестьянское происхожденіе. Ради этихъ достоинствъ я мирился съ видимой ограниченностью юноши, съ нескладной рѣчью и съ нѣсколько лакейской манерой себя держать. Я рѣшилъ про себя, что этого юношу можно будетъ направить, развить, и втянуть въ учительское дѣло и сдѣлать хорошимъ народнымъ учителемъ. Но никогда еще я такъ глубоко не ошибался, какъ на этотъ разъ. Тютюнниковъ поступилъ въ нашу школу осенью 1887 года и служилъ у насъ пять лѣтъ, т. е. до 1892—93 учебнаго года. Съ этимъ я разстался очень неблагополучно, т. е. долженъ былъ удалить изъ нашей школы помимо его желанія. Больше всего виню самого себя. Я не умѣлъ направить молодого человѣка,— правда, туповатаго и лѣниваго по натурѣ, съ весьма дурными нравственными задатками. Я не умѣлъ направить его къ труду, къ самообразованію и къ честному исполненію учительскаго дѣла. Въ отношеніяхъ къ нему я велъ себя, какъ самый недалъновидный идеалистъ, который видитъ совсѣмъ не то, что есть на самомъ дѣлѣ, и дѣлаетъ совсѣмъ не то, чего требуетъ дѣйствительность. Имѣя въ виду неопытность молодого учителя и трудность одновременной работы съ тремя отдѣленіями, а частью въ силу внутренней потребности, я сталъ слишкомъ много работать въ школѣ самъ и ужъ слишкомъ облегчать трудъ Тютюнникова. А окончательная отдѣлка, если можно такъ выразиться, всего учебнаго курса въ старшемъ отдѣленіи и подготовка учащихся къ экзамену и выпуску ужъ всецѣло лежала на мнѣ. Увлекаясь этой работой, добровольно принятой на себя, я забывалъ о Тютюнниковѣ. Я упускалъ изъ виду, что малый начинаетъ „шалберничать“, пріучается „загребать жаръ чужими руками“, самъ отъ дѣла отбивается и ужъ, конечно, не совершенствуется; а на мою работу привыкаетъ смотрѣть, какъ на обязательную помощь ему, которая будетъ продолжаться безъ конца. Я имѣлъ наивность предполагать, что онъ все-таки поучается, и ожидать, что вотъ-вотъ онъ пожелаетъ принять отъ меня дѣло, движимый желаніемъ быть въ школѣ тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть, т. е. первымъ и главнымъ работникомъ. Но это было напрасное ожиданіе. Какъ я увлекался дѣломъ, такъ Тютюнниковъ увлекался бездѣльемъ, ничему не поучаясь, ни къ чему не стремясь: исправно получалъ свое жалованье, исправно ѣлъ и спалъ, иногда прикидывался больнымъ, хотя толстѣлъ не по днямъ, а по часамъ, но никакой охоты и любви къ дѣлу не обнаруживалъ. Я сталъ ему выговаривать, стыдить его, надѣясь, что молодой человѣкъ, окончившій курсъ учительской семинаріи, не можетъ же не заражаться учительскимъ энтузіазмомъ отъ своего сотрудника, работающаго не по обязанности, а просто изъ любви къ дѣлу, такъ легко впасть въ циническое ничего недѣланье и вовсе опуститься при

условіяхъ, которыя благопріятствуютъ какъ разъ самымъ противоположнымъ проявленіямъ. Но ничто не дѣйствовало,—что дальше, то хуже. Я сталъ сокращать свои занятія, оставляя все большую и большую долю работы Тютюнникову. Дѣло въ школѣ пошло все хуже и хуже. Учитель не только не работалъ надъ собой и не втягивался въ дѣло, валя его „черезъ пень въ колоду“, но еще сталъ тайно практиковаться въ истязаніи дѣтей: запретъ ихъ въ классѣ, а самъ уйдетъ и заляжетъ спать,—конечно, въ такіе часы, когда не ожидаетъ меня; заманить въ свою комнату тѣхъ, которые чѣмъ-нибудь не угодили ему, да и начнетъ лупить самымъ варварскимъ образомъ. Я сталъ заводить ужъ очень рѣзкіе разговоры, не только стыдить и уговаривать, а прямо требовать добросовѣстнаго труда и честнаго отношенія къ дѣлу. Тутъ-то и оказалась вся низменность этого малаго, крайняя узость понятій, полное отсутствіе всякихъ идеальныхъ представленій и стремленій, полное отсутствіе и чувство человѣческаго достоинства. Его невозможно было пробрать ни убѣжденіями, ни просьбами, ни бранью и упреками,—онъ все выслушивалъ съ лакейскимъ подобострастіемъ, а затѣмъ... просилъ у меня денегъ, продолжалъ исправно ѣсть (онъ имѣлъ столъ отъ меня) и спать, бездѣльничать, тиранить дѣтей и толстѣть. Но я уже убѣждалъ нѣсколько впередъ... Въ 1888 году, да и дальше, я еще питалъ надежды, что изъ Тютюнникова выработается что-нибудь путное и смотрѣлъ на него сквозь фальшивые очки. Въ это время я велъ дѣятельную переписку съ учителями другихъ губерній, особенно съ И. И. Звѣревымъ, учителемъ Псковской губерніи, большимъ идеалистомъ, съ которымъ я близко сошелся на учительскихъ сѣздахъ въ Псковѣ и Великихъ Лукахъ, и съ моимъ младшимъ братомъ А. Ѳ. Бунаковымъ, который служилъ народнымъ учителемъ въ Кабанскомъ училищѣ Шадринскаго уѣзда (Пермской губерніи), вполнѣ отдался дѣлу народной школы и въ идеализмъ ушелъ еще дальше, нежели Звѣревъ, какъ это ни странно; послѣдній былъ юноша, а братъ—почти пожилой человѣкъ.

Братъ А. Ѳ. Бунаковъ писалъ мнѣ очень длинныя письма о своей учительской работѣ, о своей школѣ, о своихъ литературныхъ планахъ, вообще о школахъ и о земствѣ Шадринскаго уѣзда, гдѣ пользовался большимъ уваженіемъ и приобрѣлъ вліяніе на земство; но съ инспекціей ладилъ плохо.

Въ 1888 г. у насъ въ Петинѣ возникла новая затѣя: явилась мысль впервые высказанная Л. И. Михайловой, устроить народные спектакли съ исполнителями изъ бывшихъ учениковъ и ученицъ школы и съ крестьянской публикой. Рѣшили сдѣлать опытъ, который и былъ произведенъ 23 февраля. Кое-какъ, на широкихъ бумажныхъ полосахъ, были намалеваны декораціи для выбранной пьесы Васильева „Сиротка“, въ 2-хъ дѣйствіяхъ: пьеска со смысломъ, изъ народнаго быта, веселенькая, съ пѣніемъ народныхъ пѣсень; особенно удачно 2-е дѣйствіе: ребята въ ночномъ, въ лѣсу,—нѣчто въ родѣ Тургеневскаго „Бѣжина луга“. Переписали и роздали роли, сдѣлали больше десяти репетицій. Когда дѣло наладилось, отдѣлили часть классной комнаты для сцены и приладили раздвижной занавѣсъ; классная комната у насъ очень длинная и удобная для устройства домашнихъ спектаклей. Для перваго раза спектакль сошелъ болѣе, чѣмъ удачно, а нѣкоторые изъ мальчиковъ во 2-мъ дѣйствіи исполняли свои роли вполнѣ хорошо. Мѣстнымъ людямъ спектакль очень понравился, но

видѣть его пришлось далеко не всѣмъ: больше 60 человекъ нашъ зрительный залъ вмѣстить не могъ. Поэтому спектакль повторили 24 и 25-го февраля, оба раза при полномъ залѣ. Съ тѣхъ поръ у насъ и организовался народный театръ, который до 1892 года устраивался въ классной комнатѣ, на масляной недѣлѣ, а съ 1892 года перешелъ въ особое приспособленное помѣщеніе, въ верхнемъ этажѣ моего дома, и продолжается почти всю зиму послѣ Рождества, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Со второго же года (1889) зрители посѣщаютъ театръ ужъ не бесплатно, а по билетамъ, за которые платятъ 20 к., 15 к., 10 к., 5 к., 2 к. и 1 к. Иногда устраиваются, кромѣ того, спектакли интеллигентныхъ любителей. Дорогія мѣста назначаются для городскихъ зрителей, для сосѣднихъ землевладѣльцевъ и для сельской аристократіи, въ родѣ волостныхъ властей, сельскихъ торговцевъ и т. под. Нашъ театръ сталъ привлекать массу пріѣзжихъ изъ города и сосѣднихъ селеній,—конечно, не художественными достоинствами, а своей оригинальностью: какъ же, актеры изъ крестьянскихъ ребятъ, да и публика—мужики и бабы,—интересно!.. Крестьяне же почти не покупаютъ билетовъ дороже 5 коп. Но всегда зрительный залъ полонъ,—значитъ, театръ нравится, входитъ въ нравы, отвлекаетъ отъ кабака, и я считаю его хорошей школой, вліяющей и на грамотныхъ, и на неграмотныхъ, въ чемъ его преимущество передъ библіотекой и книгой, не говоря уже о сравнительной силѣ впечатлѣнія. Весь валовой сборъ, по окончаніи сезона, раздѣляется между исполнителями—крестьянскими ребятами (сюда же поступаетъ сборъ и съ любительскихъ спектаклей), сообразно съ участіемъ каждаго. Получаютъ отъ 1 р. до 9 и 10 рублей за сезонъ, и большинство смотритъ на свое участіе въ театрѣ, какъ на заработокъ; но есть и такіе исполнители, которые полюбили самое дѣло, независимо отъ заработка, играютъ съ увлеченіемъ, съ огонькомъ, но почти исключительно мальчики. Изъ дѣвицъ только двѣ обнаружили нѣкоторую бойкость и способность къ дальнѣйшему овершенствованію, а большинство—вялы, автоматичны. При томъ наши актрисы сходятъ со сцены, какъ только становятся невѣстами, а о замужнихъ и говорить нечего: имъ, и по обычаю, и по недосугу, играть не приходится, тогда какъ женатые парни продолжаютъ участвовать въ спектакляхъ.

Въ 1889 году Комитетъ Воронежской публичной библіотеки, съ К. В. Федяевскимъ во главѣ, обратился ко мнѣ съ просьбою о публичной лекціи въ пользу библіотеки, заявивъ при этомъ желаніе, чтобы лекція была посвящена Кольцову. Такъ какъ я всегда особенно любилъ Кольцова и давно уже занимался изученіемъ его поэзіи, да интересовался и личностью поэта, слишкомъ возвеличенной Бѣлинскимъ и слишкомъ приниженою Де-Пуле, то охотно согласился и тотчасъ же набросилъ программу лекціи, которая и состоялась зимою въ залѣ Воронежской городской думы. О залѣ дворянскаго собранія, при губернскомъ предводителѣ Звегинцевѣ, нечего было и думать послѣ пушкинской исторіи. Хотя залъ думы и маловатъ, но сборъ получился хороший. Впослѣдствіи я воспользовался матеріалами, которые дали содержаніе этой лекціи, для юбилейной статьи о Кольцовѣ, напечатанной въ „Филологическихъ Запискахъ“ (1892 г. выпускъ IV). Лекція удалась. Можетъ быть, я слишкомъ поднялъ значеніе Кольцова, но полагаю, что все же способствовалъ правильной оцѣнкѣ ея съ

исторической точки зрѣнія и привлекъ къ ней симпатію молодежи, которая собралась на лекцію въ значительномъ количествѣ. Я сначала излагалъ жизнь поэта, стараясь дать живой образъ; потомъ я разсматривалъ его поэзію, ея содержаніе и форму, стараясь опредѣлить ея историческое значеніе. Лекція была закончена такими выводами:

1. До Кольцова въ русской книжной поэзіи отсутствовалъ крестьянскій элементъ, безъ котораго она не могла быть истинно народной.

2. Въ поэзіи Кольцова, въ первый разъ, явился передъ русскимъ интеллигентнымъ обществомъ русскій мужикъ во весь свой ростъ,—явился какъ человѣкъ, а не простая рабочая сила, явился со всѣми своими человѣческими правами и свойствами; Кольцовъ, своими „пѣсенными стихотвореніями, открылъ для русской поэзіи новые горизонты: крестьянскій бытъ и крестьянскую душу,—заслуга, которую несправедливо приписывали то Тургеневу, то Григоровичу, якобы „открывшими для русской литературы русскаго мужика“, послѣ Кольцова незачѣмъ было открывать русскаго мужика такъ какъ въ поэзіи Кольцова онъ самъ открылся и открылъ всю душу свою.

3. Въ своихъ „пѣсенныхъ стихотвореніяхъ“, по богатству и широтѣ ихъ содержанія, Кольцовъ представляется не подражателемъ, а продолжателемъ русской народной пѣсни, но при этомъ личное творчество у него возвышается до творчества народнаго; вотъ почему Кольцова надо признать чуть ли не единственнымъ у насъ истинно-народнымъ поэтомъ, въ самомъ широкомъ и всестороннемъ смыслѣ слова.

4. Своеобразнымъ стихомъ своимъ, созданнымъ не простою подражательностью, а народной творческой силой самого поэта. Кольцовъ такъ обогатилъ русскій поэтическій языкъ, что въ этомъ отношеніи у насъ, послѣ Пушкина, не было поэта, равнаго ему.

5. Своей поэзіей Кольцовъ безсознательно способствовалъ возбужденію въ обществѣ и литературѣ живого интереса къ крестьянству, какъ къ совокупности полноправныхъ человѣческихъ личностей, а вмѣстѣ съ тѣмъ—и торжеству гуманнхъ освободительныхъ идей.

6. Для русской школы, средней и низшей, поэзія Кольцова даетъ превосходный педагогическій матеріалъ, а потому надо радоваться и способствовать водворенію ея въ школы.

Въ заключеніе я обратилъ вниманіе аудиторіи на то обстоятельство, что Кольцовъ занялъ видное мѣсто въ исторіи русской литературы, при отсутствіи всякаго образованія, что образованіе, конечно, много подняло бы его силу и значеніе, какъ оно дало значеніе и силу Ломоносову; что у насъ люди изъ народа нерѣдко являлись двигателями науки, искусства, литературы, просвѣщенія (Никонъ, Посошковъ, Ломоносовъ, Щепкинъ, Никитенко, Коркинъ, Крамской, Шевченко), между тѣмъ, какъ привилегированныя сословія вырождаются; а потому наша школа, не только низшая, но и средняя, и высшая, должна широко открыть свои двери для людей „изъ народа“, а затруднять „дѣтямъ народа“ доступъ въ школы, гимназіи и университеты—у насъ прямо преступно.

„Надо желать, закончилъ я, чтобы не слѣпая случайность, а разумная школа, свободная отъ губительной сословной замкнутости, умѣющая толково и

внимательно относиться къ дѣтямъ народа, давала намъ время отъ времени, какъ силу освѣжающую вырождающееся общество, Ломоносовыхъ и Кольцовыхъ“.

Это заключеніе было направлено противъ тогдашнихъ покушеній Мин. Нар. Просв. (хорошо просвѣщеніе!) закрыть гимназіи и университеты для крестьянства, мѣщанства и для бѣдныхъ людей, и присутствовавшій на лекціи писатель Евгений Львовичъ Марковъ, тогда только-что пріѣхавшій въ Воронежъ управлять дворянскимъ банкомъ, замѣтилъ мнѣ, что „голубые мундиры“, пожалуй, будутъ очень недовольны моимъ заключеніемъ, какъ дворянство было недовольно лекціей о Пушкинѣ. Онъ высказалъ мнѣ тогда, что я преувеличилъ значеніе Кольцова, но въ 1892 году почти все содержаніе для своей юбилейной рѣчи заимствовалъ изъ моей лекціи, кромѣ неумѣстныхъ выстрѣловъ по Бѣлинскому и его кружку: эта рѣчь напечатана тоже въ IV выпускѣ „Филологическихъ Записокъ“ за 1892 годъ. Родъ Бѣлинскаго въ жизни и поэтическомъ творествѣ Кольцова Марковымъ совершенно не понятъ: Бѣлинскій и его друзья, которыхъ Марковъ, называетъ „нашими гегельянцами“, не только не сбивали Кольцова съ толку, а именно и вывели на дорогу народнаго пѣсеннаго творчества. Если бы—не Бѣлинскій, Кольцовъ навсегда остался бы посредственнымъ стихотворцемъ подражателемъ, т. е. мы не имѣли бы Кольцова, какимъ знаемъ и любимъ его теперь.

Кстати скажу, что Марковъ, этотъ плодовитый и многошумный писатель, шумѣвшій съ одинаковымъ самодовольствомъ и въ „Русскомъ Вѣтникѣ“ Каткова, и въ „Вѣстникѣ Европы“ Стасюлевича, и въ „Дѣлѣ“ Благосвѣтлова, и въ „Недѣлѣ“ Гайдебурова, и въ „Нивѣ“ Маркса, произвелъ на меня не особенно пріятное впечатлѣніе. Чиновническая внѣшность, заносчивость, фразерство и пошловатая претензія казаться „настоящимъ русскимъ бариномъ“,—вотъ черты, которыя мнѣ бросились въ глаза съ перваго же раза, когда онъ подошелъ ко мнѣ, выражая желаніе познакомиться и съ разными любезностями по моему адресу. Не любилъ я его никогда, какъ писателя; не полюбилъ и какъ человѣка, а потому не стремился и къ продолженію нашего знакомства.

Въ томъ же 1889 г. вдругъ явилась крайняя необходимость выпустить всѣ мои школьныя книги въ совершенно переработанномъ видѣ. Эта переработка дорого стоила мнѣ, много волновала меня, даже просто мучила, потому что во многомъ была скорѣе вынужденная, нежели добровольная. Дѣло въ томъ, что „особый отдѣлъ“ Учен. Комитета Мин. Нар. Пр., отчасти подчиняясь общему гасильному направленію, овладѣвшему Россіей, отчасти поддаваясь своекорыстнымъ стремленіямъ нѣкоторыхъ членовъ, въ родѣ г. Радонежскаго, неожиданно заявилъ новую программу для книгъ, которыя будутъ допускаться въ начальныхъ школахъ, какъ учебники, и даже объявилъ конкурсъ, чтобы сдѣлать обязательною ту книгу, которая будетъ признана лучшею по конкурсу. Программа оказалась такого сорта, что конкурировать рѣшились только совершенно „мѣдные лбы“ въ родѣ г. Баранова. Но передѣлать книги сдѣлалось необходимою, чтобы на нихъ не было наложено безпощаднаго и безъ апелляціоннаго запрещенія. Къ счастью, надъ переработкой „Азбуки“ я уже трудился нѣсколько лѣтъ, она была готова въчернѣ, и переработка эта настолько соответствовала потребностямъ

народной школы, не впадая въ рѣзкія противорѣчія и съ требованіями конкурсной программы, что я за нее не боялся. Еще надо было, согласно съ требованіями Мин. Нар. Пр., внести достаточное (точно опредѣленное) количество церковно-славянскаго текста, въ видѣ особаго отдѣла, что и было сдѣлано. Дѣйствительно, переработанная „Азбука“ благополучно прошла черезъ „особый отдѣлъ“ и водворилась въ школѣ, расходясь ежегодно въ количествѣ 80 тысячъ экземпляровъ. Такъ же благополучно прошла переработанная „Книжка-Первинка“. Обѣ эти работы не заставляли меня „перекрашиваться въ другой цвѣтъ“ и рѣзко поступаться своими задушевными убѣжденіями, а потому не были ни противны, ни мучительны. Не то было съ 1 и 2 частями книги „Въ школѣ и дома“. Тутъ, уступая требованіямъ „особаго комитета“ и требованіямъ издателя, который, конечно, имѣлъ въ виду только доходность книги, вовсе не думая объ интересахъ школы, приходилось безпощадно ломать самого себя. Это было такъ мучительно, что я заболѣлъ и написалъ своему старому знакомому, А. А. Кочетову, члену и секретарю „особаго отдѣла“, чтобы онъ увѣдомилъ меня, нѣтъ ли возможности избавиться отъ этой мучительной ломки, не подвергаясь изгнанію изъ школы. Кочетовъ прислалъ мнѣ суровый отвѣтъ, что пощады и уступокъ не можетъ быть. Къ счастью, издатель предложилъ мнѣ принять на себя передѣлку книги согласно съ требованіями „особаго отдѣла“, оставляя за мной общую редакцію и переработку „Руководства“ и „Школьнаго года“. Необходимость заставила меня принять это предложеніе: я согласился на всѣ, довольно таки тяжелыя, условія издателя. Но и общая редакція книги въ новомъ видѣ—буквально измучила меня нравственно, какъ самая жестокая операція: приходилось вести съ издателемъ непріятную переписку, получать отъ него грубыя письма, отстаивая шагъ за шагомъ свои убѣжденія о потребностяхъ народной школы и жизни, волноваться, убѣждать и т. п. Много я отстоялъ, во многомъ отступилъ, стараясь смягчить эти уступки и пропуски въ книгѣ для чтенія дополненіями въ „Руководствѣ“ для учителя и въ „Школьномъ годѣ“ при распредѣленіи учебнаго матеріала. Издатель же, имѣя въ виду только соображенія издательскія, а не авторскія и учильскія, при томъ чувствуя на своей сторонѣ силу и войдя въ роль спасителя книги, обреченной на смерть, производилъ звѣрскую операцію съ безпощадностью самаго грубаго, примитивнаго хирурга-практика. Онъ, по-своему, былъ правъ, потому что хорошо зналъ официальные требованія и условія спасенія книги, какъ „товара“, каковымъ она была въ его глазахъ. Какое дѣло было ему до моихъ убѣжденій и нравственныхъ страданій, до потребностей народной школы и народнаго образованія? За работу же,—дѣйствительно не легкую, очень спѣшную и совпадавшую съ порой лѣтнихъ жаровъ,—онъ взялъ съ меня шесть тысячъ рублей, ко торые я предоставилъ ему постепенно вычитать изъ моей доли за 1 и 2 части „Въ школѣ и дома“. Я и до сихъ поръ выплачиваю этотъ долгъ, значительно сократившій мой годовой доходъ на нѣсколько лѣтъ. Неискалѣченною осталась 3-ья часть книги, содержащая хрестоматію для городскихъ училищъ. Но за-то и обѣ первыя части, дѣйствительно, были спасены отъ запрещенія. Конкурсъ кончился ничѣмъ, потому что не было ни одного порядочнаго конкурента. Явились со своими произведеніями только спекуляторы, въ родѣ г. Баранова, и провалились.

Кстати два слова объ этомъ Барановѣ. Это типъ ловкаго, угодливаго, покладливаго и всегда благонамѣреннаго чиновника, который одинаково усердно готовъ служить и Богу, и чорту, кому когда выгоднѣе служить. Занимая мѣсто директора учительской семинаріи, онъ былъ пропагандистомъ книгъ Ушинскаго до тѣхъ поръ, пока не было воздвигнуто официальное гоненіе противъ нихъ, и составилъ плохонькую книгу для чтенія, какъ „продолженіе“ „Родного Слова“, когда былъ псдвергнутъ опалѣ „Дѣтскій Миръ“. Когда же опала распространилась и на „Родное Слово“, тогда составилъ книгу „Наше родное“, долженствующую замѣнить всѣ книги Ушинскаго, о которыхъ сталъ отзываться съ осужденіемъ и свысока, при чемъ старался угодить и „особому отдѣлу“ учен. Ком. Мин. Нар. Пр., и комитету церковно-приходскихъ школъ. Послѣдній забраковалъ „Наше родное“, да и на конкурсѣ „особаго отдѣла“ оно провалилось. Дѣйствительно, это чистое спекуляторское изданіе, въ которомъ нѣтъ ни оригинальной живой педагогической идеи, ни самостоятельнаго выбора литературныхъ произведеній, все понадергано изъ другихъ однородныхъ книгъ. Все-таки ему удалось добиться одобренія и пустить свою книгу въ школы, чему много способствовало то обстоятельство, что онъ получилъ мѣсто инспектора при попечителѣ Московскаго округа, какъ благонамѣренный и надежный чиновникъ. Какъ лицо официальное, онъ усердно сталъ навязывать свою книгу школамъ, особенно, Московскаго округа, и непосредственно, и черезъ посредство другихъ официальныхъ лицъ. Даже въ Воронежской губерніи у него нашелся прозелить, инспекторъ нар. учил. А. Ѳ. Комаровъ, составившій посредственный „Сборникъ задачъ для народныхъ училищъ“: Комаровъ тискаетъ въ школы книгу Баранова, Барановъ распространяетъ сборникъ Комарова, рука руку моетъ. Славные педагоги! Нравы высокаго качества! А все-таки и книга Баранова распространяется, и сборникъ Комарова идетъ, оба не въ убыткѣ“. О, дружба! это ты!“—Возвращаюсь къ конкурсу.

Говорятъ, что изобрѣтатели его ожидали, что дѣло кончится ничѣмъ, и даже желали этого, рассчитывая провести свою собственную коллективнуюстряпню, какъ единственную обязательную книгу для чтенія въ народной школѣ. Дѣльцо было выгодное, но оно не выгорѣло. Пришлось разсмотрѣть, съ точки зрѣнія новыхъ требованій, существующія книги, чтобы прихлопнуть ихъ. Моя книга въ переработанномъ видѣ не противорѣчила основнымъ требованіямъ конкурсной программы. Разсмотрѣніе ея взялъ на себя, какъ членъ „особаго отдѣла“, помощникъ попечителя С.Пб. учебнаго округа Лаврентьевъ, который и настоялъ, вопреки придиркамъ другихъ членовъ, чтобы книги были одобрены. Мнѣ лично 1 и 2 части „Въ школѣ и дома“, въ переработанномъ видѣ, очень не симпатичны и вовсе не представляются соответствующими истиннымъ потребностямъ народной школы и жизни; много цѣннаго и нужнаго выброшено, а внесено много хламу, и въ прежнемъ видѣ эти книги, особенно 2-ая, были несомнѣнно лучше. Къ лучшему измѣнился только общій планъ, но исполненіе его, подборъ матеріала,—плохи.

Впрочемъ, въ сравненіи съ другими одобренными книгами, она по моему все-таки еще недурна. Кое-какіе недостатки ея я постарался восполнить въ „Руководствѣ для учителя“, которое не рассчитывалъ представлять и не пред-

ставлялъ на разсмотрѣніе „особаго отдѣла“: его не пропустили бы, вѣроятно. Такимъ образомъ всѣ мои школьныя книги („Азбука“, „Руководство“ къ ней „Книжка-Первинка“, 1 и 2 ч. „Въ школѣ и дома“, „Руководство“ къ ней и „Школьный годъ“) въ 1889 г. вышли въ новомъ видѣ, въ которомъ печатаются и теперь до болѣе благопріятнаго времени, когда внѣшнія обстоятельства дозволяютъ снова передѣлать ихъ—приблизительно къ тому виду, какъ они печатались прежде.

Продолжая непрерывно работать для „Рус. Нач. Уч.“, въ этомъ году я, между прочимъ, написалъ для него, по желанію Редакціи, статью: „Двадцатипятилѣтіе земской дѣятельности по народному образованію“ (№ 1),—конечно, полную сочувствія къ заслугамъ земства, и началъ печатать мои записки о жизни въ деревнѣ и преимущественно о нашей сельской школѣ, подъ заглавіемъ „Сельская школа и народная жизнь“. Эти записки, представляющія рядъ отдѣльныхъ очерковъ, я продолжаю писать и печатать и до сихъ поръ. Пока напечатано одиннадцать очерковъ, 12-ый, вѣроятно, пойдетъ въ этомъ году, а сколько будетъ всѣхъ, этого я и самъ не знаю. Нѣкоторые изъ нихъ были предварительно прочитаны, въ видѣ докладовъ, на собраніяхъ С. Пб. Комитета грамотности „Опытъ народнаго театра“ и „Итоги и уроки голоднаго года“. Педагогическая, а частью и общая литература обратила вниманіе на эти мои очерки.

Въ декабрѣ я ежегодно уѣзжалъ въ Петербургъ для расчетовъ съ Полу-бояриновымъ, который съ каждымъ годомъ все богатѣлъ и толстѣлъ, но оставался все такимъ же аккуратнымъ въ расчетахъ и энергическимъ издателемъ, для освѣженія себя въ кругу петербургскихъ друзей и для посѣщенія театровъ, особенно оперы. Но къ новому году или даже къ Рождеству я возвращался домой и новый годъ встрѣчалъ всегда дома, въ обществѣ Л. И. М-ой. Набросаю очеркъ нашего учебнаго года. Учебный годъ въ нашей школѣ начинается поздно осенью и оканчивается рано весной. Все лѣто ребята заняты и нужны дома. Но вотъ надвигается осень. Осими засѣяны. Мелкій черный лѣсъ (чернолѣсье) подъ селомъ золотится и краснѣетъ. Около 20 сентября крестьяне получаютъ приглашеніе въ школу къ молебну передъ ученіемъ. Они идутъ сюда послѣ обѣдни. Собираются и ребята, но далеко не всѣ. Приводятъ новичковъ, которые не нужны дома, и весьма не много приходитъ второгодниковъ, а особенно третье годниковъ. Всегда собираются къ молебну бывшіе ученики и ученицы, не порвавшіе связи съ школой и принимающіе участіе во всѣхъ ея торжествахъ и праздникахъ, какъ свои люди. Послѣ молебна то одинъ, то другой изъ отцовъ проситъ „уволить“ его Ивана или тамъ Петра что ли, то до Покрова, то до „родителей“ (20—21 октября), а то и прямо „до снѣгу“: „съ овченками не кому ходить, никакъ невозможно“. Какъ не уволить: въ этихъ просьбахъ слышится настоящая мужицкая нужда. Но бывали и такіе случаи, что мужикъ нанимаетъ мальчика—односельца, чтобы освободить сына и дать ему возможность съ успѣхомъ доучиться, „дойти до дѣла“. Значитъ, въ крестьянствѣ зарождается высокая оцѣнка книжнаго ученья, если ради него хоть отдѣльныя личности готовы кое чѣмъ жертвовать. Но нельзя этимъ единичнымъ случаямъ придавать большого и общаго значенія: въ общемъ наше крестьянство не особенно стремится къ школѣ, къ книжкѣ, къ ученью, считая это дѣло „барскимъ“, и въ серьезное значеніе книги и ученья не вѣритъ.

Первый мѣсяць учебнаго года проходитъ при весьма небольшомъ числѣ учащихся, и съ этимъ надо мириться: противъ жизни не пойдешь. Только послѣ Покрова начинается постепенная прибыль учащихся средняго и старшаго отдѣленій, которая особенно усиливается послѣ Казанской, 22 октября. Большое значеніе имѣетъ пора выпаденія снѣга: чѣмъ раньше снѣжная пелена одѣнетъ наши луга, поля и выгоны, тѣмъ раньше наполняется школа.

Октября 22, въ день Казанской Божіей Матери,—годовой праздникъ нашей школы, какъ день ея открытія, и въ школѣ въ этотъ день мы устраиваемъ торжественный актъ съ чтеніемъ отчета и ученическихъ сочиненій, съ раздачей свидѣтельствъ и наградъ, съ хоровымъ пѣніемъ, съ угощеніемъ для ребятъ.

Хотя настоящая зима, съ прочнымъ саннымъ путемъ, съ снѣгами и морозами, у насъ устанавливается только во второй половинѣ декабря, все таки въ ноябрѣ прекращаются всѣ крестьянскія дѣла, отвлекающія ребятъ отъ школы, да и нѣкоторые родители, возбужденные впечатлѣніями акта, съ его отчетомъ и рѣчами, стараются освободить дѣтей, чтобы они могли безпрепятственно ходить на уроки. Кромѣ мѣстныхъ, у насъ ежегодно учатся пришлыя дѣти, которыхъ привозятъ за пять, за десять верстъ и больше, помѣщая на квартирахъ у мѣстныхъ жителей. Признаюсь я даже особенно дорожу этими „иностранцами“: они являются живымъ укоромъ тѣмъ мѣстнымъ людямъ, которые не пользуются школой, оставляя своихъ дѣтей безъ наученія. Декабрь съ его морозами и снѣгами, съ его ясными зимними днями, застаетъ школу въ полномъ сборѣ, а учебное дѣло, такъ сказать на „самомъ интересномъ мѣстѣ“. Маленькія дѣти уже читаютъ и рассказываютъ о прочитанномъ на своемъ народномъ языкѣ, весьма выразительномъ и своеобразномъ. Среднія ведутъ бесѣды о природѣ и жизни родины при помощи картинъ, которыми богата наша школа; они уже пріобрѣли нѣкоторое умѣніе работать и читать самостоятельно. Старшія читаютъ рассказы изъ отечественной исторіи, практикуются въ выразительномъ чтеніи, рѣшаютъ задачи на составныя именованныя числа и постоянно пишутъ „сочиненія“. Иногда находятъ стихотворцы, которые слагаютъ подходящія стихотворенія къ слѣдующему акту.

Въ январѣ я, обыкновенно, въ особыхъ тетрадкахъ, завязываю періодическую переписку съ ребятами старшаго отдѣленія. Первое письмо пишутъ обыкновенно они. Я прочитываю и поправляю эти письма и каждому пишу отвѣтъ, т. е. свое письмо, въ которое вносятся и отвѣты, и вопросы. Переписка, сначала безцвѣтная и неумѣлая, мало по малу оживляется; въ нее входятъ и текущія школьныя занятія, и внѣ-классное чтеніе, и домашняя жизнь, и сужденія о разныхъ вопросахъ, отвлеченныхъ и практическихъ, житейскихъ.

Разъ или два въ недѣлю, по вечерамъ, я собираю дѣтей смотрѣть свѣтотыя картины, соединяя ихъ съ разговорами, объясненіями и чтеніемъ. Съ дѣтьми всегда приходятъ на эти вечера родители и родственники, но уже не стало той беспорядочности при этомъ, какая замѣчалась въ первое время. По воскресеньямъ раздача книгъ изъ школьной библіотеки, которую всегда производилъ и произвожу я самъ. Бывало до 70—80 читателей, которые брали книги для домашняго чтенія. Съ началомъ зимы начинаются и репетиціи народныхъ спектаклей. Піесы, роли, декорации приготовлены еще лѣтомъ.хлопотъ и труда не мало.

Мнѣ приходится быть и переписчикомъ ролей, и декораторомъ, и машинистомъ, и режисеромъ, и суфлеромъ, а иногда и авторомъ, потому что пьесы необходимо то сокращать, то передѣлывать, то дополнять, сообразно съ силами исполнителей, пониманіемъ крестьянской публики, средствами театра. О нашемъ театрѣ я уже говорилъ раньше. Внесу сюда лѣтопись его за все время, а потомъ буду продолжать ее въ своемъ мѣстѣ.

Лѣтопись народнаго театра въ селѣ Петинѣ.

Годъ первый, 1888.

Въ помѣщеніи училища. Бесплатно.

Февраля 23 (1—1) „Сиротка“, сцены въ 2 д. Васильева, въ 1 разъ.

Февраля 24 (2—2) „Сиротка“, во 2 разъ

Февраля 25 (3—3). „Сиротка“, въ 3 разъ.

Годъ второй 1889.

Тамъ-же. Цѣны: 20 к., 10 к., 5 к., 1 к.,

Февраля 6. (4—4). „Сиротка“, въ 2 разъ.

Февраля 7 (5—2) „Жизнь за царя“, въ 1 разъ.

Февраля 8 (6—3) „Жизнь за царя“ во 2 разъ.

Февраля 9 (7—4) „Сиротка“, въ 3 разъ.

Февраля 10 (8—5) „Жизнь за царя“, въ 3 разъ.

Годъ третій 1890.

Тамъ-же. Цѣны тѣ же.

Января 28. „Жизнь за Царя“ въ 4 раза (2—1).

Января 30. „Не такъ живи“, Островскаго, въ 3 д., въ 1-ый разъ.

Января 31. „Сиротка“, въ 4 разъ. „Недоросль“, въ 1 разъ (11—3).

Февраля 2. „Не такъ живи“, во 2 разъ. (12—4).

Февраля 4. „Не такъ живи“, въ 3 разъ. и 4 „Жизнь за Царя“, въ 5 разъ (13—5).

Годъ четвертый 1891.

Тамъ же. Цѣны: 20 к., 10 к., 5 к. 1 к. (стоять).

Февраля 24 (14—1) „Омутъ“, комедія въ двухъ д. Полушина, въ 1 разъ

Дивертисментъ, въ первый разъ.

Февраля 25 (15—2) „Козьма Захаревичъ Мининъ-Сухоруковъ“, сд. изъ драм. хроники Островскаго, въ 1 разъ.

„Что такое жена“? комедія въ 1 д. Полушина, въ 1 разъ.

Дивертисментъ, во 2 разъ.

Февраля 26 (16—3) „К. З. Мининъ Сух.“, во 2 разъ.

(Утромъ).

Дивертисментъ, въ 3 разъ.

Примѣчаніе. Дивертисменты состояли изъ чтенія, пѣнія и музыки. Игралъ „оркестръ-манопанъ“, въ этомъ году купленный мною въ Петербургѣ. Утренній

спектакль былъ устроенъ исключительно для учениковъ школы. Обѣ пьесы Полушина, изданныя „Посредникомъ“, оказались скучноваты, вслѣдствіе преувеличеннаго стремленія поучать, которое заставило автора выводить на сцену скучныхъ резонеровъ, въ длинныхъ рѣчахъ повторяющихъ одно и то же. Обѣ комедіи пришлось сильно поурѣзать, выбросивъ длинныя поучительныя рѣчи: при этомъ условіи онѣ могутъ идти, п. ч. и по замыслу, и по языку не дурны.

Годъ пятый 1892.

Въ новомъ помѣщеніи. Цѣна: 50 к., 20, 10, 2,

Половина сбора поступила въ распоряженіе сельскаго попечительства въ пользу голодающихъ: это было въ голодный годъ.

Января 12 (17—1) „Жизнь за Царя“, въ 6 разъ.

19 (18—2) „Чужое добро въ прокъ нейдетъ“, др. въ 3 д.

А. Потѣхина, въ 1 разъ.

26 (19—3) „Степка Отпѣтый“, комед. въ 3 д. Грекова („чит. народ. школы“) въ 1 разъ.

Февраля 2 (20—4) „Майская ночь“, комедія въ 3 д. изъ повѣсти Гоголя (по либретто оперы), въ 1 разъ.

9 (21—5) „Сиротка“, въ 7 разъ.

„Слава Богу, мужъ лапотъ сплелъ“, ком. въ 1 д.

Кохановской, въ 1 разъ.

Годъ шестой. 1892—93,

Тамъ же. Цѣны: 30 к., 20, 15, 5, 2, 1 к.

Ноября 9 (22—1) „Не такъ живи“, въ 4 разъ.

Интеллигентные любители.

Ноября 15 (23—2) Литературный вечеръ: лекція по русской исторіи, пѣніе чтеніе, музыка и свѣтотыя картины, въ 1 разъ.

Ноября 23 (24—3) Тоже: лекція 2-ая, пѣніе, чтеніе и пр. во 2-ой разъ.

Ноября 29 (25—4) Тоже: лекція 3-ья, пѣніе, чтеніе и пр., въ 3 р.

Января 3 (26—5) „Жизнь за Царя“, въ 7 разъ.

— „ — 10 (27—6) „Степка Отп.“, во 2 р.

— „ — 17 (28—7) „Чужое добро“, во 2 р.

„Слава Богу“... во 2 р.

— „ — 24 (29—8). „Первый винокуръ“, сказка въ лицахъ Л. Толстого, въ 6 карт., въ 1 разъ.

Января 31 (30—9). „Степка Отп.“, въ 3 разъ.

Февраля 2 (31—10) „Не такъ живи“, въ 5 разъ.

Годъ седьмой, 1893—94

Тамъ-же. Цѣны: 30 к., 20, 15, 10, 2 к.

Ноября 7 (32—1). „Не въ свои сани не садись“, комедія Островскаго въ 3 д., въ 1 разъ. „Простушка и воспитанная“, водевиль въ 1 д. Ленскаго, въ 1 разъ.

Интеллигентные любители.

Ноября 28 (33—2) „Въ чужомъ пиру похмѣлье“, комедія въ 2 д. Островскаго, въ 1 разъ. Дивертисментъ, въ 3 разъ.

Интеллигентные любители.

- Января 16 (34—3) „Бобыль“, ком. въ 3 д. Круглополова, въ 1 разъ.
— “ — 23 (35—4) „Майская ночь“, во 2 разъ.
— “ — 30 (36—5) „Омутъ“, во 2 разъ. „Ямщики“, сцена въ 1 д. Григорьева, въ 1 разъ.
Февраля 6 (37—6) „Степка Отп.“, въ 4 р. „Ямщики“, во 2 разъ.
— “ — 13 (38—7) „Бобыль“, во 2 разъ. „Ямщики“, въ 3 разъ.
Юня 16 (40—9) „Отрѣзанный ломоть“, ком. въ 4 д. Потѣхина, въ 1 разъ.
Дивертисментъ, въ 4 разъ.

Интеллигентные любители.

Вотъ окончился театральнй сезонъ, приходитъ къ концу и зима. Наступаетъ великій постъ. Въ эти шесть недѣль молитвы и поста наши школьники очень много, охотно и усердно работаютъ, особенно старшіе, которымъ надо оканчивать курсъ и сдавать экзамень. Работа кипитъ и какъ-то чрезвычайно спорится. По всѣмъ предметамъ завершается курсъ, подводятся итоги, производится провѣрка приобрѣтенныхъ знаній и умѣній.

Въ маѣ, не позже 15, назначается экзамень для оканчивающихъ курсъ. Говоря откровенно, эти экзамены, съ ихъ свидѣтельствами на льготу по воинской повинности, съ полнымъ равнодушіемъ къ дѣлу большинства экзаменаторовъ и чисто формальнымъ отношеніемъ ихъ къ дѣлу, скорѣе вредны для дѣла, нежели полезны. Времени тратится много на мало производительныя занятія, по существу, вродѣ диктовки и письменнаго рѣшенія сложныхъ задачъ, а существенное для жизни по неволѣ упускается, потому что не нужно для экзамена, напр. свѣдѣнія о природѣ, умѣнье владѣть языкомъ для выраженія своихъ знаній, мыслей, чувствъ, желаній, пониманіе сущности ученія Христова, умѣнье владѣть торговыми счетами. Школа нынѣ готовитъ учениковъ не къ жизни, а къ экзамену. И ученики начинаютъ учиться не ради наученія, а ради свидѣтельства, гнаться за баллами и похвальными листами. Очень жаль, что и въ народную школу вторгнулся мертвящій формализмъ, съ экзаменами, свидѣтельствами, похвальными листами, парализуя ея чистое, благое и свободное дѣло.

Вообще это дѣло народнаго обученія стало заражаться антипедагогическимъ духомъ формализма съ тѣхъ поръ, какъ у насъ завелась армія чиновниковъ—инспекторовъ, говоря по правдѣ—ни на что не нужныхъ, мало понимающихъ дѣло, неспособныхъ (въ большинствѣ) направлять его, служащихъ только ради жалованія и пенсіона, совершенно равнодушныхъ къ школѣ и къ народному образованію, а иногда вдающихся то въ спекуляторство посредствомъ распространенія своихъ или пріятельскихъ книжекъ, то въ жандармское служеніе посредствомъ доносовъ, науськиваній и т. п., впрочемъ, тоже изъ спекуляторскихъ побужденій. Эта армія заведена гр. Дм. А. Толстымъ, который, какъ извѣстно, былъ не особенно разборчивъ при выборѣ людей на эти должности. Завелись экзамены, свидѣтельства, похвальные листы, замѣнившіе книжку, которую прежде давала школа на память каждому своему ученику. Началось ученье не ради ученья, а ради свидѣтельства и похвальнаго листа, ради льготы по воинской повинности. Кстати объ этой льготѣ. Я считаю ее не справедли-

вой и не желательной. Не слѣдуетъ привлекать ребятъ въ школу какими бы то ни было посторонними льготами, которыя не вытекаютъ изъ существа дѣла. Грамотному вообще, а особенно развитому умственно, и безъ льготы воинская служба легче дается, какъ и всякое дѣло, и чѣмъ больше и лучше молодой человѣкъ учится въ школѣ, тѣмъ легче ему служить,—это очень хорошо понимаютъ и крестьяне: вотъ льгота, сама собой вытекающая изъ существа дѣла. Грамотность, пріобрѣтенная въ школѣ, знанія и умѣнья, соединенныя съ умственнымъ развитіемъ,—сами по себѣ большое преимущество для человѣка, и нѣтъ причины давать этому человѣку еще такія-то льготы, сравнительно съ людьми, почему либо лишенными такого преимущества. Какъ бы то ни было, теперь экзамены, свидѣтельства, похвальные листы, льгота по воинской повинности,—навязаны народной школѣ, которая отъ нихъ ничего не выигрываетъ, какъ не выигрываетъ отъ нихъ вообще дѣло народнаго образованія, у насъ въ Россіи медленно и туго подвигающееся впередъ. „Русскіе люди“, сказалъ еще въ XVII вѣкѣ Юрій Крижаничъ, умный и наблюдательный сербъ, „суть коснаго разума“, и двинуть дѣло народнаго образованія у насъ можетъ только разумная и твердая правительственная власть, „казенная дума“, по выраженію того же Крижанича. Намъ болѣе, чѣмъ всякому другому народу, необходимъ законъ объ обязательномъ обученіи.

Съ окончаніемъ экзамена всѣ школьныя занятія и дѣла пріостанавливаются до осени, если не считать заботъ о ремонтѣ дома и учебныхъ пособій. Чѣмъ же наполнить жизнь? На смѣну школы выступаютъ заботы хозяйственныя, а остальное время уходитъ на чтеніе и на письменныя работы, которыхъ всегда довольно.

XI.

Въ морѣ народнаго горя.

Начало 90-хъ годовъ въ русской деревнѣ.

1890—93 С. Петино 1894 г. Ок. 18.

Не всегда жизнь въ деревнѣ шла безъ тревогъ и волненій если не личныхъ, то въ нѣкоторомъ родѣ—общественныхъ. Человѣкъ животное общественное по преимуществу. Онъ не можетъ жить исключительно личной жизнью, невольно сближается съ окружающими его людьми, входитъ въ ихъ интересы, раздѣляетъ ихъ радости и горести, выручаетъ ихъ при случаѣ изъ бѣды. Тоже было и со мной, и съ Л. И. Михайловой, когда мы поселились въ Петинѣ.

У насъ народное горе—дѣйствительно море, и это море—неминуемое мѣсто для столкновеній и сближеній съ крестьянствомъ для всякаго, кто поселился въ деревнѣ. Это море вырветъ изъ „безпечальнаго созерцанія“, изъ эгоистическаго покоя, даже самаго черстватаго эгоиста, и онъ пойдетъ къ народу съ своей сильной помощью, съ словомъ утѣшенія, съ возможнымъ приношеніемъ...

Въ этомъ отношеніи жизнь среди нашего народа очень полезна для всѣхъ эгоистовъ. Среди этого „моря народнаго горя“ они поймутъ, что такое „альтруистическое“ чувство, которое раньше имъ казалось смѣшнымъ и фальшивымъ, и незамѣтно для самихъ себя проникнутся этимъ смѣшнымъ чувствомъ помимо всякихъ народническихъ тенденцій, хорошо понимая всѣ темныя стороны крестьянства и невольно прощая ихъ. Да, за все время съ 1884 по 1891 годъ мнѣ пришлось вдоволь насмотрѣться на непривлекательныя стороны нашего крестьянства, очень таки озвѣрѣвшаго, оскотинившагося, благодаря вѣковому рабству, и на его бѣдствія, на его жалкую жизнь, мало похожую на человѣческую. Эта жизнь сложилась столько же подъ гнетомъ нужды и безконечнаго грубаго воловьего труда, сколько подъ вліяніемъ глубокаго, безпросвѣтнаго, закоренѣлаго невѣжества, въ которомъ упорно держали и держать его правящіе классы. Конечно, пришлось принимать возможное участіе въ облегченіи народныхъ бѣдствій—не въ силу какихъ нибудь тенденцій и не изъ сентиментальныхъ побужденій, а во имя простой справедливости и подъ вліяніемъ непосредственнаго чувства. Но главное и самое тяжкое было еще впереди. Оно подвигалось постепенно. Еще въ концѣ 80-хъ годовъ стали обнаруживаться весьма зловѣщіе признаки для земледѣльческаго люда, злокачественность которыхъ, со всѣмъ ея ужасомъ, развернулась въ 1891 г. Пошли упорныя и продолжительныя засухи, которыя усиливались съ каждымъ годомъ. Въ 1890 году дождей уже почти не было и постоянно дули сухіе восточные вѣтры. То было необычайно жаркое и сухое лѣто. И всетаки, благодаря старому запасу влаги и зимнимъ снѣгамъ, урожай въ томъ году былъ выше средняго, но на него наша земля потратила свои послѣднія силы. Думали, что послѣ сухого лѣта будетъ, какъ бывало прежде, „мочливая“ осень—и удасться озимый посѣвъ. Но прошелъ августъ, перевалило за половину сентября, а дождя нѣтъ, какъ нѣтъ. Населеніемъ стало овладѣвать уныніе, точно предчувствіе какой то страшной бѣды. Нѣкоторые посѣяли „на сухую“, другіе все ждали—и дождались... утреннихъ заморозковъ. Медлить больше не приходилось. Кто не поторопился, тѣ такъ и остались съ незасѣянной землей. Я посѣялся раньше многихъ, но всетаки толку вышло мало. Въ октябрѣ, когда только озимы ранняго сѣва „вышли изъ краски“, начало порядочно морозить, а въ первыхъ числахъ ноября началась настоящая зима, суровая и немилостивая, какой давно не бывало, а при мнѣ ни разу. Около 10 ноября уже установилась санная ѣзда; но больше снѣгу не прибавлялось, а морозы пошли сплошные и очень сильныя, ниже—25° по Р., съ рѣзкими восточными вѣтрами и метелями, которыя скоро смели съ полей весь снѣгъ и обнажили ихъ. Ужъ сухая осень не обѣщала урожая въ будущемъ году, зима еще уменьшила шансы на урожай, а весна убила всякую надежду, довершивъ убійственное дѣйствіе осени и зимы. Наступила эта весна 1891 года рано и дружно, но какая? Безъ воды, безъ разлива, съ сильными жарамы, со всѣмъ не весенними, въ самомъ началѣ, съ неожиданными морозами во второй половинѣ, но безъ капли дождя безъ снѣга. Озимы погибли, да и яровые посѣвы ничего не обѣщали. Грустно было смотрѣть на поля, на луга, на сады и огороды. А тутъ еще появилось небывалое множество „пустушекъ“ (удодъ), которыя своимъ унылымъ постукиваніемъ просто наводили тоску: въ народѣ

онѣ слывутъ предвѣстницами голода. И на этотъ разъ народное повѣріе оправдалось: пустушка накликала голодъ, и для людей и для животныхъ.

На лугахъ, безъ разлива, не было травы. Поля представляли самое безнадежное зрѣлище. Въ садахъ пропали груши, сливы, даже и простыя русскія вишни. Все лѣто прошло безъ дождя, если не считать такихъ дождиковъ, которые даже прибить пыль на дорогѣ не могли. Земля дала глубокія трещины. Понятно, что получился самый жаркій урожай на все, на хлѣба, озимые и яровые, на овощи. на сѣно,—лучше сказать, получился полный неурожай. Рожь давала 2—3 копны на десятинѣ, да и съ тѣхъ зерно получалось мелкое, тощее, маловѣсное, по 1 по 2 мѣры съ копны,—словомъ, и сѣмянъ не собрали, нечѣмъ было засѣвать поля для другого года, а чѣмъ прокормиться до новаго урожая, объ этомъ всѣ и думать боялись. Овесъ и просо косить было невозможно, дергали руками. Не было ни хлѣба, ни соломы, ни сѣна, ни картофеля, ни капусты, ни конопли. Приуныло наше село. Слышимъ—и кругомъ вездѣ то же во всемъ уѣздѣ, во всей губерніи. Читаемъ въ газетахъ—и въ другихъ губерніяхъ то же: неурожай захватилъ самую плодородную часть Россіи, снабжавшую своимъ хлѣбомъ и тѣ губерніи, которыя никогда не обходятся безъ привознаго хлѣба. Подошла пора озимаго посѣва, а сѣмянъ нѣтъ. Къ счастью, своевременно подошла земская ссуда, и наши крестьяне успѣли посѣяться во время и очень удачно: сѣвъ пришелся подъ дождь и послѣ дождя. Вдохнули было наши крестьяне. Но тутъ на нихъ всею тяжестью налегла забота о томъ, какъ прожить зиму безъ хлѣба, безъ каши, безъ картошекъ, безъ капусты, безъ сѣна, соломы, какъ самимъ прокормиться и прокормить скотину. Запасы и у самыхъ зажиточныхъ были скудны. Село притихло, словно значительная часть населенія не то вымерла, не то куда-то ушла. Всѣ какъ-то съежились, попрятались. Улица опустѣла. Не то что пѣсенъ и голоса-то человѣческаго не слышалось. Уже въ сентябрѣ, во многихъ семьяхъ стали обнаруживаться яркіе признаки безхлѣбницы. Изъ сосѣднихъ селеній доходили слухи о случаяхъ голодной смерти, можетъ быть, и ложные или преувеличенные, но которые казались вѣроятными въ виду того, что ужасъ голодовки и у насъ уже, очевидно, висѣлъ въ воздухѣ. На бѣду безхлѣбница соединилась съ безработицей. А цѣны на зерно на муку, на пшено, быстро росли: ржаная мука сомнительнаго качества съ подмѣсями, въ городѣ уже продавалась по 1 р. 42 к. за пудъ. Пошла торопливая распродажа скота по дешевой цѣнѣ.. Подходило очень трудное время. Я и на себѣ чувствовалъ трудность положенія: у меня тоже своего ничего не было, все надо было покупать, да еще по цѣнѣ тройной противъ обыкновенныхъ цѣнъ. Но я могъ урѣзать, и урѣзалъ свои расходы, а крестьянамъ урѣзывать нечего,—вѣдь не песокъ-же или глину употреблять въ пищу вмѣсто муки? Вотъ когда пришлось извѣдать всю глубину этого моря, которое я назвалъ „мужицкимъ горемъ“. Надо было откинуть всякую заботу о самомъ себѣ и безъ замедленія идти на помощь къ крестьянству. Въ городѣ все еще мало вѣрили въ возможность голодовки. Новый Воронежскій губернаторъ замѣнившій старика Богдановича, Евгеній Александровичъ Куровскій, порядочный таки хлыщъ, человѣкъ недалекій, самоувѣренный и „случайный“ (въ свойствѣ съ Мин. Вн. Дѣлъ Дурново), громко заявилъ, что „въ моей губерніи никогда не можетъ

быть голода“. Онъ скоро увидѣлъ свою глупую ошибку и, надо правду сказать, потомъ много хлопоталъ и много сдѣлалъ для крестьянства Воронежской губерніи, которая оказалась чуть ли не на первомъ мѣстѣ въ ряду „неблагополучныхъ“ (по оффиціальному выраженію, попросту—голодающихъ) губерній. Но больше мужа сдѣлала для бѣдствующаго крестьянства жена губернатора, Елизавета Михайловна Куровская, дама нѣсколько кисло-сладкая, но добрая и энергичная въ добрѣ. Впрочемъ, дѣятельность Куровскихъ и другихъ городскихъ людей началась и развернулась позже, когда правительство успѣшило забрать въ свои руки дѣло помощи голодающей Россіи, и когда эта Россія уже вдоволь наголодалась. Въ октябрѣ же сельское населеніе пока было предоставлено само себѣ, и на вопли его мало обращали вниманія, даже покрикивали: „цыць!“ Мы въ Петинѣ спѣшно организовали частное попечительство для борьбы съ бѣдствіемъ собственными средствами. Конечно, средствъ было мало, потому что богатыхъ людей въ составѣ нашего попечительства не было. Кромѣ меня избраннаго предсѣдателемъ, и Л. И. Михайловой, принявшей въ дѣлѣ самое горячее участіе, къ попечительству пристала проживающая въ Петинѣ семья Романовыхъ. С. И. Романова, вдова землемѣра, поселилась въ Петинѣ года два тому назадъ, съ матерью-старушкой и дочерью гимназисткой. Человѣкъ, живой и сердечный, она была нашей хорошей знакомой и много поработала, какъ членъ нашего попечительства. Надо было изыскивать средства. Я послалъ было горячее воззваніе въ мѣстную Воронежскую газету „Донъ“, но цензура, т. е. вице-губернаторъ Д. М. Познякъ, не рѣшилась пропустить его; обратились къ Куровскому, который его окончательнo воспретилъ: тогда еще старались замаскировать голодъ, постигшій Россію. Дѣлать нечего, пришлось ограничиться рукописными и устными обращеніями за помощью въ тѣсномъ кругу своихъ знакомыхъ.

Наши обращенія, письменныя и устныя, не остались безъ послѣдствій: средства, мало по малу, стали скопляться. Мы устроили продажу муки хорошаго качества по удешевленной цѣнѣ для тѣхъ, кто еще могъ покупать, и раздачу пищевыхъ матеріаловъ подъ будущія работы, а слабымъ и больнымъ, вдовамъ и сиротамъ,—совершенно безвозмездно, на опредѣленные сроки, внушая бережное, экономное обращеніе съ этими матеріалами въ виду ихъ дороговизны и постепенно возрастающей нужды. Пришлось обратиться за помощью и къ оффиціальнымъ лицамъ и учрежденіямъ, т. е. прежде всего къ губернатору. Куровскій сперва отнесся къ намъ, отвѣчая на мое письмо, очень холодно, но потомъ поддерживалъ и одобрялъ дѣятельность нашего попечительства. Особенно понравилось ему высказанная въ одномъ изъ нашихъ отчетовъ забота объ устройствѣ общественныхъ работъ. Но это не мѣшало ему очень придирчиво относиться къ печатанію этихъ отчетовъ, по возможности, сокращая и искажая ихъ въ печати.

Наше уѣздное земство дѣлало все, что могло, при ограниченности средствъ. Главнымъ двигателемъ и душою его въ это время былъ секретарь Л. В. Македоновъ, человѣкъ живой, изъ „пострадавшихъ“, очень развитой и начитанный; онъ явился энергичнымъ и умѣлымъ работникомъ въ это трудное время народнаго бѣдствія, и, благодаря ему,—наше земство

съ честью вышло изъ того затруднительнаго положенія, въ которомъ оно тогда находилось при всей обширности бѣдствія и бѣдности земскихъ средствъ. Очень интересная и умѣлая работа Македонова „Неурожаи 1891—92 годовъ и продовольственное дѣло по Воронежскому уѣзду“—представляетъ полную картину бѣдствія и земскаго участія въ борьбѣ съ нимъ; она издана въ 1893 году статистическимъ отдѣленіемъ губернской земской управы. Помощь земства заключалась въ выдачѣ ссуды въ видѣ зерна—сперва для посѣва, потомъ (съ декабря) и на продовольствіе. До декабря же крестьяне для продовольствія пользовались только помощью своего попечительства, которая, впрочемъ, оказалась необходимой и при земской ссудѣ, потому что этой ссуды было недостаточно, да и выдавалась она не всѣмъ. Кромѣ продажи пищевыхъ матеріаловъ по удешевленнымъ цѣнамъ и раздачи ихъ бесплатно и подъ работу, попечительство устроило кормленіе дѣтей-школьниковъ въ училищѣ и столовую для маленькихъ дѣтей во дворѣ (въ кухнѣ) Л. И. Михайловой

Почему не устроило оно общей столовой для взрослыхъ, какъ устраивали такія столовыя во многихъ губерніяхъ, по примѣру Л. Н. Толстого?

Наше попечительство съ перваго раза выяснило для своей дѣятельности два основные принципа, справедливость которыхъ подтвердилъ непосредственный опытъ всей его дѣятельности, такъ что оно до конца не находило нужнымъ уклоняться отъ этихъ принциповъ:

1) Лучше помогать крестьянамъ, пострадавшимъ отъ неурожая, не внѣ семьи (общественныя столовыя), а въ самыхъ семьяхъ, улучшая семейное питаніе, приблизительно, до установившейся въ народномъ быту нормы, не отрывая отъ семейнаго очага немногихъ и не оставляя безпомощнымъ большинство, не нарушая установившагося семейнаго строя, не давая поводовъ къ зависти, попрекамъ, разладу.

2) Слѣдуетъ избѣгать, кромѣ крайнихъ случаевъ, унижительной совершенно даровой помощи, напоминающей пресловутую „патріархальность“ крѣпостнаго права и барскую помощь того стараго добраго времени, даровой кормежки въ какомъ бы то ни было видѣ, а для этого можно и должно: во-первыхъ, противодѣйствовать возвышенію цѣнъ на хлѣбъ посредствомъ организаціи на мѣстѣ продажи зерна и муки хорошаго качества по удешевленнымъ цѣнамъ; во-вторыхъ, противодѣйствовать безработицѣ, сопровождающей безхлѣбицу, посредствомъ организаціи общественныхъ работъ на мѣстѣ, на пользу сельскаго общества, съ хорошимъ вознагражденіемъ за трудъ—не деньгами, а пищевыми матеріалами хорошаго качества.

У насъ крестьяне и сами отказались отъ столовыхъ, выражая желаніе получать пищевые матеріалы на домъ и обѣщаясь отработать за нихъ въ свое время.

Въ январѣ 1892 года оказалась возможность организовать и общественныя работы: Куровскій отпустилъ для этого нашему попечительству 300 рублей изъ благотворительныхъ суммъ. Эти деньги мы опредѣлили на матеріалы для работъ, а для вознагражденія за трудъ мы уже располагали достаточными средствами, помимо этихъ 300 рублей.

Общественныя работы оживили и ободрили крестьянъ, хорошо дѣйстви-

вали и на духъ, и на тѣло. Благодаря своевременному началу помощи и устраненію отъ употребленія недоброкачественныхъ пищевыхъ матеріаловъ, а также хорошему вліянію работъ на открытомъ воздухѣ, санитарное состояніе нашего села все время оставалось вполне удовлетворительно. Наблюденія нашей лѣчебницы для приходящихъ показали, что число заболѣваній не увеличилось, сравнительно съ соотвѣтствующими мѣсяцами прежнихъ сытыхъ годовъ. Ужасы цынги и голоднаго тифа, кое гдѣ свирѣпствовали въ губерніи, совершенно миновали насъ. Само собой разумѣется, что триста рублей, отпущенныя Куровскимъ, ушли только на матеріалы для работъ (дерево, желѣзо, камень и проч.), а оплата труда всецѣло лежала на попечительствѣ и обошлась ему въ 1478 руб. за 3107 рабочихъ дней; среднимъ числомъ одинъ рабочій день обошелся въ 47¹/₂ коп.; въ дѣйствительности же день коннаго рабочаго оплачивался по 75 коп., пѣшаго 50 коп., а работницы и подростка 30 коп.,—конечно, не деньгами, а пищевыми матеріалами, которые оцѣнивались не по существующей возвышенной, а по обычной цѣнѣ. Зато наши крестьяне не питались, какъ нищіе, насчетъ добродѣтельныхъ дателей баръ, какъ во времена крѣпостнаго права, а зарабатывали свой хлѣбъ, какъ здоровые свободные люди, способные къ работѣ, въ то время какъ въ другихъ селахъ, около насъ, шла безшабашная даровая кормежка во славу господъ благодѣтелей, сильно развратившая населеніе. И наши крестьяне до сихъ поръ съ гордостью говорятъ объ этомъ, а у меня, не скрою, духъ радуется, когда я слышу такія рѣчи. Правда, я не слышу и благодарственныхъ рѣчей, но мнѣ только та помощь и кажется хорошею, не унижительной для нуждающихся и радостной для помогающихъ которая не обязываетъ первыхъ благодарностью къ послѣднимъ.

Отъ 300 р., полученныхъ отъ губернатора, осталось 43 коп., которыя и были своевременно возвращены въ благотворительный Комитетъ и въ полученіи которыхъ намъ выслана квитанція.

Много помогла попечительству въ расплатѣ за работы американская мука, которую мы получили отъ американскаго посланника.

Весной, когда разлился Донъ, пришлось устраивать, въ значительныхъ размѣрахъ, продажу зерна и соли по удешевленнымъ цѣнамъ—ужь не для Петина только, а для всего за-Донскаго края. Мы запаслись зерномъ и солью въ кредитъ, благодаря благотворительному Комитету, и эта хлопотливая операція сошла удачно.

Потомъ пришлось позаботиться о томъ, чтобы крестьяне имѣли возможность возстановить свое разстроенное скотоводство, сильно пострадавшее и отъ безхлѣбицы, и отъ безкормицы. Хотя попечительство всѣми силами препятствовало распродажѣ скота и способствовало продовольствію его, особенно лошадей, все-таки количество скота въ селѣ сильно уменьшилось, обнаружилось много безлошадныхъ домохозяевъ. Къ веснѣ многимъ пахарямъ не предвидѣлось возможности пахать. Я обращался за помощью ко многимъ учрежденіямъ и лицамъ,—и получилъ въ мое личное распоряженіе, изъ Московскаго Комитета В. Кн. Елизаветы Ѳедоровны, 500 рублей. Это дало возможность нашему попечительству оказать помощь для приобрѣтенія лошадей и коровъ не только крестьянамъ нашего района, но и сосѣднему попечительству (Еманецкому), гдѣ

главнымъ дѣятелемъ былъ нѣкто Н. А. Милицынъ, управляющій имѣніемъ купца Петрова (Елецкаго). мой хорошій знакомый, человекъ съ душой и свѣтлыми идеальными наклонностями. Несмотря на гнетущее бѣдствіе, у насъ въ Петинѣ и въ эту зиму (1892 г.) состоялось нѣсколько народныхъ спектаклей, но половина сбора съ нихъ поступила въ распоряженіе попечительства и только половина въ пользу исполнителей. Спектакли на этотъ разъ были перенесены изъ училища въ новое помѣщеніе въ верхнемъ этажѣ моего дома, удобно приспособленное для театра. Сборы были хорошіе, и на долю попечительства досталось 25 р. 66 коп. На всѣхъ 6 спектакляхъ, по воскресеньямъ, начиная съ 12 января, театръ былъ полонъ. Кромѣ того, для усиленія средствъ попечительства я задумалъ публичную лекцію о Кольцовѣ и Никитинѣ. Имѣя въ виду, что 1892 годъ былъ годомъ Кольцова (окончилось 50 лѣтъ со дня смерти), какъ 91—годомъ Лермонтова, а 87—годомъ Пушкина, и что слава Кольцова—всероссійская, а не только воронежская слава, я предполагалъ совершить съ моей лекціей путешествіе въ Рязань, въ Тамбовъ, въ Харьковъ, Ростовъ, Таганрогъ, съ той же благотворительной цѣлью. Но осуществить это предположеніе не удалось. Пришлось ограничиться Воронежомъ и Рязанью.

Программа моей лекціи и въ Воронежѣ, и въ Рязани была одна и таже, но въ Рязани она вышла, какъ мнѣ кажется, удачнѣе. И ясная весенняя погода, и новая публика, и то обстоятельство, что я дорогой, въ вагонѣ, лучше обдумалъ мою лекцію, кое-что рѣшилъ выбросить, кое-что прибавить, все это способствовало удачѣ. Я былъ въ ударѣ, мысль развивалась полнѣе и отчетливѣе, фразы выходили образнѣе и красивѣе.

Въ своемъ вступленіи я объяснялъ причину, почему Кольцовъ въ 1892 году привлекъ къ себѣ особенное вниманіе, и почему я хочу рядомъ съ Кольцовымъ говорить о Никитинѣ. Дальше я говорилъ объ отличительныхъ свойствахъ поэтической природы вообще и о значеніи въ дѣлѣ поэтическаго творчества умственной силы, умственнаго и научнаго образованія. Затѣмъ слѣдовала характеристика Кольцова, какъ личности, въ которой ярко проявились всѣ характерическія свойства поэтической природы. Дѣлая бѣглый обзоръ жизни Кольцова, я старался съ особенной яркостью указать значеніе Бѣлинскаго и его кружка, а также чтенія, какъ причинъ, которыя спасли поэтическій „геніальный талантъ“ Кольцова отъ подражательности и той ложной дороги, которая свела бы его къ ничтожеству. Рѣчь о Кольцовѣ была окончена характеристикой содержания, формы и историческаго значенія его поэзіи, какъ продолжателя, а не подражателя русской народной пѣснѣ.

Послѣ этого я перешелъ къ Никитину и прежде всего указалъ ошибочность обычнаго сопоставленія его съ Кольцовымъ. Фактами изъ жизни Никитина и свидѣтельствами близкихъ людей я старался выяснить, что въ немъ не было вовсе ярко выраженныхъ свойствъ поэтической природы, что самое стремленіе его къ стихотворству вовсе не вытекало изъ потребности поэтическаго творчества. Разсматривая сочиненія Никитина въ связи съ его жизнью, я старался показать, что въ нихъ больше ума и идейности развитаго человека 50-хъ годовъ, нежели самобытнаго поэтическаго творчества, что именно эта идейность придала нѣко-

торое значеніе „Кулаку“ и нѣкоторымъ другимъ стихотворнымъ сочиненіямъ Никитина, преимущественно изображающимъ жизнь городского мѣщанства.

Я закончилъ, приблизительно, слѣдующимъ заключеніемъ:

„Мнѣ остается подвести итоги подъ обѣими частями моего изложенія. Думаю, что они сами собой вытекаютъ изъ всего сказаннаго, а потому не требуютъ много времени. Во-первыхъ, изъ моего изложенія видно, что разница между Кольцовымъ и Никитинымъ въ слѣдующемъ: Кольцовъ, благодаря своему „геніальному таланту“ и вліянію передовыхъ просвѣщенныхъ людей времени, давшихъ широкое развитіе его „необыкновенному“ (по выраженію Тургенева) уму, возбуждалъ въ русскомъ обществѣ новые интересы и потребности самъ же первый, своими „пѣсенными стихотвореніями“, превосходно удовлетворялъ ихъ. А Никитинъ, какъ человѣкъ умный и очень развитой, но больше стихотворецъ, нежели поэтъ, только пытался, вмѣстѣ съ другими, удовлетворять уже возбужденные не имъ общественные интересы и потребности. Кольцовъ, при новизнѣ и богатствѣ содержанія его изображеній, создалъ для нихъ столь же новыя и богатыя формы и явился совершенно самостоятельнымъ поэтомъ. А Никитинъ пользовался уже готовымъ содержаніемъ, въ которое внесъ очень немного своего, и готовыми формами, которыя вовсе не совершенствовались, да которыя уже и были до него достаточно совершенны, а у многихъ русскихъ поэтовъ, напр. у Лермонтова, Майкова, даже у Мея, даже совершеннѣе, нежели у Никитина. Вообще Никитинъ въ своихъ произведеніяхъ является умнымъ и образованнымъ человѣкомъ 50-хъ годовъ, но очень маленькимъ поэтомъ.

Во-вторыхъ, изъ моего изложенія видно, что крупный, яркій и совершенно оригинальный талантъ Кольцова, справедливо названный Бѣлинскимъ и Катковымъ „геніальнымъ талантомъ“, едва не заглохъ и не пропалъ безслѣдно вслѣдствіе невѣжества и за недостаткомъ умственного развитія. Только вліяніе высокообразованныхъ людей, какъ Станкевичъ, Бѣлинскій, Катковъ, съ которыми Кольцовъ случайно сблизился, спасло для Россіи эту могучую, незаурядную поэтическую силу, которая оставила намъ цѣлую группу блестящихъ „пѣсенныхъ стихотвореній“, истинныхъ перловъ русской поэзіи. Изъ моего изложенія видно также, что очень маленькая и даже довольно сомнительная художественная сила Никитина пріобрѣла нѣкоторую значительность и создала такое интересное произведеніе, какъ поэма „Кулакъ“, только благодаря тому, что она была усилена образованіемъ и значительнымъ умственнымъ развитіемъ. Да, М. Г., внѣ широкаго умственного развитія и науки для насъ нѣтъ спасенія. Научное знаніе, широкій умственный кругозоръ и сильная развитая мысль одинаково необходимы на всѣхъ поприщахъ человѣческой дѣятельности. Это все равно, что свѣтъ, безъ котораго не возможна никакая производительная работа. Недостатокъ въ этомъ свѣтѣ главная и чуть ли ни единственная бѣда нашего отечества, этого царства невѣжества и безграмотности; отъ этого же недостатка мало производительна, неблагоприятна и наша земледѣльческая промышленность, разорившая и дворянъ-помѣщиковъ, и крестьянъ-собственниковъ. Отъ недостатка въ этомъ свѣтѣ приходится переживать то умственные, то тѣлесныя голодовки. Чтобы избавить русскій народъ отъ такихъ голодовокъ, надо думать не о томъ, какъ бы его подтянуть, о чемъ въ послѣднее время у насъ такъ много заботятся, возлагая

это дѣло на земскихъ начальниковъ, а о томъ, какъ бы припустить въ народъ, смиреніемъ и такъ отъ Господа необиженный, побольше желаннаго свѣта, т. е. распространить въ народной массѣ научное знаніе, усилить ея умственное развитіе, оживить и укрѣпить бѣдную русскую мысль, вывести изъ того глубокаго мрака, въ которомъ она бѣдствуетъ не одно столѣтіе, и я не знаю ничего лучшаго для заключенія моей лекціи, какъ это предсмертное восклицаніе одного изъ величайшихъ міровыхъ геніевъ: „свѣта намъ, свѣта,—какъ можно больше свѣта!“

Весна и начало лѣта прошли въ хлопотахъ и заботахъ. Только въ іюлѣ явилась основательная надежда, что близокъ конецъ бѣдствію, которое измучило всѣхъ и пострадавшихъ, и помогавшихъ.

Наше попечительство пригласило крестьянъ къ благодарственному молебствію на площадь противъ церкви и новаго общественнаго сада. Молебствіе было совершено торжественно, съ поднятіемъ иконъ и колокольнымъ звономъ.

Казалось, что наступилъ конецъ бѣдствіямъ, и предстоитъ отдыхъ для всѣхъ. Какъ вдругъ пришли вѣсти о приближеніи новой бѣды: въ предѣлы Воронежской губерніи уже вступила грозная и страшная восточная гостья, азиатская холера. Мечты объ отдыхѣ быстро разсѣялись... Но прежде, чѣмъ говорить о дальнѣйшихъ событіяхъ, закончу мои записки о голодномъ годѣ выводами, къ которымъ меня привело особенно тѣсное сближеніе съ народомъ, выводами относительно нравственнаго достоинства и вообще характера нашего крестьянства.

Прежде всего, въ нашемъ крестьянствѣ бьетъ въ глаза неистощимый запасъ изумительнаго терпѣнія и почти нечеловѣческой выносливости. Не особенно часто, но иногда замѣчается, въ связи съ этой выносливостью, доля совѣстливости въ исканіи помощи, явное предпочтеніе трудового хлѣба даровому. А рядомъ огромная способность къ самому тяжелому и черному труду. Эта добродушная, рѣдко-унылая, а по большей части веселая или, по крайней мѣрѣ, беззаботно покорная выносливость; эта грубоватая совѣстливость, наиболѣе проявляемая бѣдняками; эта наивная неразборчивость въ работѣ, готовность къ самому грубому воловьему труду изъ-за куска хлѣба,—все это иногда дивитъ и трогаетъ, иногда раздражаетъ и возмущаетъ. Съ другой стороны, вы видите полную неумѣлость, даже,—пожалуй,—нежеланіе, устроить свою жизнь скольконибудь по-человѣчески; отсутствіе всякихъ потребностей и привычекъ самой примитивной человѣчности,—не отсюда ли изумительное терпѣніе и нечеловѣческая выносливость?

Еще видите совершенную темноту относительно своихъ правъ и обязанностей. Нѣтъ ничего легче и проще, какъ обмануть, обидѣть, обокрасть и разорить мужика. Онъ не знаетъ, кому вѣрить, кого остерегаться, часто не вѣритъ своимъ истиннымъ доброжелателямъ, оскорбляя ихъ и отталкивая отъ себя, но вполне довѣряетъ кулакамъ-міроѣдамъ, вводящимъ его въ расходы и въ бѣды, или какому-нибудь проходимцу, приносящему нелѣпное извѣстіе объ отобраніи у баръ и купцовъ земли и о раздѣлѣ ея между крестьянами, о тайномъ приѣздѣ въ село Царя или Наслѣдника для провѣрки на мѣстѣ, какъ господа кормятъ крестьянъ, пострадавшихъ отъ неурожая. Мужикъ не знаетъ, что ему можно, чего нельзя, въ какихъ случаяхъ, въ какихъ отношеніяхъ и въ какой мѣрѣ

гарантирована его личность и его собственность, куда и въ какихъ случаяхъ онъ можетъ обращаться за разъясненіями, за охраненіемъ, защитой, помощью. У него не соединяется никакихъ ясныхъ и опредѣленныхъ понятій со словами: земская управа, земскій начальникъ, исправникъ, становой, урядникъ, предводитель, губернаторъ и пр. Правда, что и путаница нашего управленія способствуетъ путаницѣ его понятій, особенно съ учрежденіемъ нелѣпаго института земскихъ начальниковъ. Люди на эти должности попались больше плохіе, такъ какъ лучшихъ взять было негдѣ,—порядочные люди не пожелали быть земскими начальниками. А между тѣмъ, съ первыхъ же шаговъ между земскими начальниками и чинами земской полиціи проявился антагонизмъ, пошли пререканія, подвохи, столкновенія... Мужикъ не знаетъ, кого слушать, кому повиноваться, у кого искать защиты.

Очень слабы въ мужикахъ истинно-христіанскія альтруистическія чувствованія, любовь къ ближнему, доброжелательство, состраданіе, благодарность и т. п. Напротивъ, въ немъ легко и скоро возбуждаются такія чувствованія, какъ зависть, мелкое себялюбіе, злорадство, почти человѣконенавистничество,—и не только по отношенію къ человѣку постороннему, „не-мужику“, который вообще не пользуется (и не безъ основанія) его расположеніемъ и довѣріемъ, но и къ своему брату-мужику. Въ эту бѣдственную пору безхлѣбцы и безработицы я имѣлъ много случаевъ наглядѣться на проявленіе этой зависти, этого злорадства, этого человѣконенавистничества. Да, какъ посмотришь поближе на наше крестьянство, невольно подумается: Господи, какъ „оскотинили“ этотъ народъ, хорошій и способный по природѣ, — кто? — да тѣ же господа славянофилы и народопоклонники, благонамѣреннѣйшіе и православнонѣйшіе патріоты своего отечества, со своими предками, боярами Московскаго государства, или откупщиками славнаго „николаевскаго“ времени. А—вѣдь—„оскотинить“—то его было куда легче, нежели теперь „очеловѣчить“, если бы даже была къ тому склонность; но — увы! — этой склонности въ нашихъ правящихъ верхахъ вовсе не замѣчается, самоуправленіе давятъ, школу притѣсняють, розгу поддерживаютъ, кулакъ и нагайку одобряють... ужъ какое тутъ „очеловѣченіе“?

Обстоятельный отчетъ о дѣятельности нашего сельскаго попечительства, въ которомъ предполагалось развернуть полную картину „голоднаго года“ въ нашемъ селѣ, съ группировкой фактовъ и выводами, я напечаталъ въ „Русскомъ Начальномъ Учителѣ“ за 1892 г., №№ 10, 11, 12 подъ названіемъ „Итоги и уроки голоднаго года“, а отдѣльные оттиски разослалъ всѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, съ которыми попечительству приходилось имѣть дѣла и сношенія. Въ оффиціальнхъ мѣстныхъ кружкахъ нашъ отчетъ, ускользнувшій отъ мѣстной цензуры, которая его, конечно, не пропустила бы, не понравился.

Но это была не единственная моя литературная работа, исполненная и напечатанная въ 1891—92 годахъ. Кромѣ другихъ, довольно многочисленныхъ, работъ, напечатанныхъ въ „Рус. Нач. Уч.“, въ томъ числѣ „Сочиненій Лермонтова“ и „Стихотвореній Кольцова“ для народно-учебной бібліотеки, со вступительными критико-біографическими очерками (о Кольцовѣ довольно обширнымъ), я напечаталъ: 1) по поводу Кольцовскаго юбилея большую статью „А. В. Кольцовъ, какъ человѣкъ и какъ поэтъ“ въ „Филологическихъ Запискахъ“ за 1892 г.,

2) обстоятельный критико-біографическій очеркъ о священникѣ-педагогѣ и общественномъ дѣятелѣ Николаѣ Николаевичѣ Блиновѣ въ „Критико-біографическомъ Словарѣ“ С. А. Венгерова, написанный по просьбѣ издателя (томъ III), стр. 381—389). Съ особеннымъ удовольствіемъ писалъ я послѣднюю статью: отрадно было въ наше глухое время, среди этого унылаго безлюдья, оживить въ памяти свѣтлый образъ одного изъ самыхъ чистыхъ энтузіастовъ 60-хъ годовъ, съ ихъ идеальными стремленіями.

• Очень огорчилъ меня въ 1891 году мой сынъ Саша. Совершенно неожиданно получаю я извѣстіе, что онъ, до сихъ поръ такъ успѣшно проходившій курсъ гимназіи, вдругъ вышелъ и намѣревается поступить въ военную службу въ качествѣ вольноопредѣляющагося. Мнѣ было и горько за него, и обидно за себя, потому что дѣло дѣлалось безъ всякаго совѣта со мной. Оскорбленный, раздраженный и огорченный, я послалъ прямое и рѣзкое письмо такого содержания, что не препятствую ему поступать, какъ хочетъ, но прекращаю съ нимъ всякія сношенія, если онъ вновь не поступитъ въ гимназію и снова не сдѣлается хорошимъ ученикомъ, чтобы работать для полученія аттестата зрѣлости и приготовления къ университету, при чемъ я старался выяснить ему разницу между двумя путями, безотраднымъ путемъ военной службы и казарменной жизни и свѣтлымъ путемъ научнаго образованія, мирнаго общественнаго служенія и разумной человѣческой жизни.

Не знаю мои ли письма имѣли хорошее вліяніе, или какія-либо другія обстоятельства, но мой юноша спохватился, съ полнымъ убѣжденіемъ цѣлый годъ усердно работалъ и своевременно поступилъ по экзамену въ слѣдующій классъ, такъ что времени потеряно не было, а самостоятельная годовая работа принесла свою долю пользы, — ужъ то большая польза, что съ той поры онъ сталъ учиться съ убѣжденіемъ, охотно и сознательно, несмотря на безобразіе гимназическихъ порядковъ и крайне плохое преподаваніе.

Между тѣмъ, въ нашей Петинской школѣ дѣло страшно упало. Поглощенный дѣлами попечительства и заботами о голодающемъ населеніи, я въ 1891—92 учебномъ году рѣшительно не имѣлъ возможности не только давать уроки, но и слѣдить за работой учителя: все утро, съ 6—7 часовъ до 3—4, у меня было занято. Тютюниковъ въ первый разъ былъ предоставленъ самому себѣ. Правду сказать, я былъ доволенъ, что такъ случилось по причинамъ, отъ меня независимымъ. Добровольно я не отсталъ бы отъ школы, а тутъ необходимость заставила сдѣлать испытаніе, чего можно ожидать отъ нашего учителя безъ моего сотрудничества. Результаты получились самые жалкіе сколько отъ скудоумія и неумѣлости Тютюникова, столько же, если не болѣе, отъ его лѣни и безсовѣстности.

Въ концѣ поста я получилъ отношеніе отъ училищнаго совѣта съ просьбой произвести выпускные экзамены въ училищахъ: Гремяченскомъ, Костенскомъ, Васильевскомъ (на Еманчѣ), Дѣвицкомъ и Петинскомъ, въ качествѣ предсѣдателя экзаменной комиссіи, что и было исполнено мною. Ученики нашего училища на этотъ разъ оказались, сравнительно, очень слабыми.

Окончивъ экзамены въ Петинѣ, я объявилъ Тютюникову, чтобы онъ сдалъ учебныя пособія мнѣ, а самъ немедленно уѣзжалъ и болѣе не возвращался, что

такого учителя, вредно вліяющаго своимъ личнымъ примѣромъ на учениковъ, я не могу терпѣть въ училищѣ.

Къ разсказаннымъ неприятнымъ обстоятельствамъ „голоднаго года“ присоединилось еще одно: мой младшій братъ, Андрей Ѳедоровичъ Бунаковъ, который служилъ народнымъ учителемъ въ Пермской губерніи, разладилъ съ законоучителемъ своей Кабанской школы (Шадринскаго уѣзда), а черезъ него и съ инспекторомъ г. В. Поповымъ, и долженъ былъ выйти въ отставку. Онъ надѣялся получить мѣсто въ Ирбитскомъ или другомъ изъ уѣздовъ въ Пермской губерніи, но сильно тосковалъ по своей Кабанской школѣ, гдѣ долго и горячо работалъ, очень упалъ духомъ и нуждался въ средствахъ, какъ человѣкъ, неумѣющій приберечь копейку на черный день. Я старался ободрить его и помогать ему, сколько могъ. Братъ отъ меня деньги онъ крайне стѣснялся: все писалъ, что онъ и такъ у меня въ неоплатномъ долгу, осуждалъ себя, что не умѣлъ за 7—8 лѣтъ, служа въ Кабанской школѣ, ничего скопить ни для уплаты долга, ни для себя на случай нужды. Но я зналъ хорошо, почему онъ ничего не скопилъ, почему и никогда не могъ ничего скопить: не на себя, а на ту же Кабанскую школу, да на ея бѣдныхъ учениковъ, расходовалъ онъ большую долю зарабатываемыхъ денегъ.

Это, конечно, было не практично, но за то, сказать подъ рифму, очень симпатично. Поэтому я посылая ему посильную помощь, разъ на всегда просилъ, чтобы онъ не считалъ себя моимъ должникомъ. Потомъ я нѣсколько мѣсяцевъ не имѣлъ о немъ свѣдѣній и только въ 1892 году осенью узналъ, что онъ переѣхалъ въ Пинскій уѣздъ, Минской губерніи, гдѣ служилъ тогда инспекторомъ народныхъ училищъ другой мой братъ, В. Ѳ. Бунаковъ, который и устроилъ его учителемъ въ одну изъ школъ своего района. Андрей нѣсколько разъ писалъ мнѣ изъ Пинскаго уѣзда, но тамъ жилось ему плохо: и край тотъ, съ его населеніемъ, ему не нравился, и школа поставлена была плохо, и съ братомъ Владиміромъ онъ не сошелся, и климатъ оказался не по его здорověю.

Возвращаюсь къ холерѣ; она появилась въ нашемъ селѣ въ іюль 1892 г. и повела дѣло круто, заболѣвающіе всѣ умирали. Наконецъ, командировали на всю нашу волость студента-медика московскаго университета, Н. И. Напалкова, уже окончившаго курсъ, но еще не сдавшаго выпускныхъ экзаменовъ и поѣхавшаго въ Воронежскую губернію „на холеру“, по вызову земской управы. Онъ уже успѣлъ справиться съ холерой въ подгородней слободѣ Чижевкѣ, а прямо оттуда отправился въ нашъ край и поселился у насъ въ Петинѣ, въ нашей амбулаторіи. Съ его пріѣздомъ и у насъ началась правильная и успѣшная борьба съ страшной гостьей. Серьезный не по лѣтамъ, преданный наукѣ, суровый на видъ, но въ сущности сердечный и мягкій человѣкъ, Напалковъ съ перваго раза внушалъ къ себѣ уваженіе, любовь и довѣріе. Я и Л. И. Михайлова близко сошлись съ нимъ, и онъ проводилъ съ нами все свободное время. Мало по малу, болѣзнь стала ослабѣвать, какъ вдругъ заболѣлъ фельдшеръ. Напалковъ отходилъ-таки его съ большимъ рискомъ для себя, но самъ видимо сталъ уставать и тяготился своимъ положеніемъ. Однако же онъ довелъ свое дѣло до конца съ неослабѣ-

вающей добросовѣстностью, явно насилуя себя, и уѣхалъ отъ насъ, около 20 сентября, только тогда, когда холера у насъ окончательно прекратилась, и въ Петинѣ и во всемъ районѣ, ему ввѣренномъ, когда была произведена правильная дезинфекція, когда онъ въ правѣ былъ уѣхать, до конца исполнивъ свой долгъ. Мы проводили его въ Воронежъ и на поѣздъ желѣзной дороги и съ истинной грустью расстались съ этимъ замѣчательнымъ молодымъ человѣкомъ. Наше земство тогда же предложило ему мѣсто земскаго врача въ Воронежскомъ уѣздѣ. И вотъ, получивъ дипломъ, онъ возвратился въ уѣздъ на службу, только не въ нашъ участокъ. Но онъ не забывалъ Петина и своихъ Петинскихъ друзей, время отъ времени пріѣзжаетъ къ намъ, какъ дорогой и желанный гость.

Какъ разъ во время холеры мнѣ надо было хлопотать о пріисканіи учителя или учительницы для моей школы. На этотъ разъ, въ видѣ опыта, я задумалъ раздѣлить обученіе общеобразовательнымъ предметамъ и пѣніе, убѣдившись, что соединеніе ихъ на практикѣ возможно только въ исключительныхъ случаяхъ, а по большей части приводитъ къ тому, что и общеобразовательные предметы идутъ плохо, да и пѣніе не лучше.

У Тютюникова неуспѣхи обученія всегда объяснялись пѣніемъ, а плохое пѣніе — недосугомъ по случаю обремененія общеобразовательными занятіями,—и все было плохо. Производя экзаменъ въ селѣ Гремячемъ, я уже намѣтилъ подходящаго учителя пѣнія и регента, Е. Н. Безхмѣльницына, который когда-то служилъ волостнымъ писаремъ, но не сжился съ этой собачьей службой и въ послѣднее время состоялъ регентомъ при церкви въ селѣ Гремячемъ. Я не знаю, гдѣ и когда онъ пріобрѣлъ знанія и умѣнья, для этого нужныя, но его хоръ въ Гремячемъ былъ хорошъ. Послѣ экзамена, законоучитель училища, священникъ о. Александръ, вздумалъ похвастать мѣстнымъ хоромъ, какъ любитель пѣнія. Наскоро собрали хоръ и пригласили регента Безхмѣльницына, который оказался очень порядочнымъ человѣкомъ. Онъ дослуживалъ въ Гремячемъ срокъ, на который былъ приглашенъ церковнымъ ктиторомъ Петровымъ, и ничего не имѣлъ въ виду. Я и предложилъ ему переселиться къ намъ въ качествѣ учителя пѣнія и регента за вознагражденіе по 20 рублей въ мѣсяць, съ готовой квартирой. Родомъ онъ былъ изъ крестьянъ, любилъ деревню и имѣніе и выглядѣлъ очень симпатичнымъ человѣкомъ. Онъ принялъ мое предложеніе. Оставалось избрать учительницу: я рѣшилъ опять передать дѣло обученія въ женскія руки, но быть въ выборѣ очень осмотрительнымъ. Но совершенно случайно это благое намѣреніе не осуществилось, и я еще разъ, что называется, „влопался“. Какъ разъ въ это время пріѣхала погостить къ Л. И. Михайловой сестра моего садовника, учительница Задонскаго уѣзда, А. М. Гайдукова. Я зналъ ее уже нѣсколько лѣтъ, какъ дѣвушку съ умѣреннымъ образованіемъ (она окончила курсъ прогимназіи), но съ природнымъ умомъ и съ большей энергіей. Она нѣсколько разъ пріѣзжала къ своему брату-садовнику и гостила то у меня, то у Л. И. Михайловой. Пропедавшее ея было какъ-то весьма таинственно, и она говорила о немъ больше въ какихъ-то неопредѣленныхъ, туманныхъ выраженіяхъ. Служила она учительницей въ Харьковской губерніи, не то въ семьѣ, не то въ школѣ, былъ

у нея тамъ какой-то неудачный романъ, потомъ она почему, то бросила мѣсто и неожиданно явилась къ роднымъ въ Воронежъ. Вскорѣ она стала искать мѣста въ Воронежской губерніи, и мнѣ, послѣ многихъ хлопотъ, удалось пристроить ее учительницей въ Задонскій уѣздъ, въ село Мечекъ, въ районъ инспектора Александра Ѳедоровича Комарова, который всегда былъ ко мнѣ очень любезенъ, хотя въ душѣ всегда ненавидѣлъ меня: двоедушіе, которое я нерѣдко замѣчалъ въ „хохлахъ“ (малороссахъ). Но очевидно, что Гайдукова была не особенно довольна своимъ мѣстомъ: она вела себя по отношенію ко мнѣ и Л. И. Михайловой съ явнымъ заискивающимъ вниманіемъ. Естественно, что возникъ вопросъ о переселеніи ея къ намъ въ школу, гдѣ и жалованья больше (22 р. вмѣсто 17 р.), и удобствъ больше (ближе къ городу, лучше квартира, мѣсто не столь глухое и безлюдное, какъ въ Мечкѣ). Все это было сдѣлано какъ-то необдуманно и торопливо, вовсе безъ той осмотрительности, которою я задавался для выбора новой учительницы,—и вотъ Гайдукова поселилась у насъ въ качествѣ учительницы. Пріѣхалъ и Безхмѣльницынъ. Начался учебный годъ.

Такъ какъ Тютюнниковъ оставилъ школу, дѣйствительно, въ весьма плохомъ состояніи, то я согласился съ желаніемъ учительницы, чтобы пріема дѣтей въ этомъ году не было, почему число учащихся, сравнительно съ прежними годами, очень сократилось, а къ экзамену приходилось готовить только пять мальчиковъ, изъ которыхъ двое уже держали экзаменъ въ прошедшемъ году, но по малолѣтству (имъ было по десяти лѣтъ) не получили свидѣтельства объ окончаніи курса.

Октября 22 мы, по обыкновенію, праздновали открытіе школы актомъ, который на этотъ разъ соединялся съ юбилеемъ Кольцова: въ 1892 году исполнилось 50 лѣтъ со дня его смерти.

На актѣ былъ выставленъ портретъ Кольцова, любезно приготовленный для насъ Воронежскимъ художникомъ Л. Г. Соловьевымъ, моимъ старымъ пріателемъ, страстно преданнымъ искусству и поэзіи. Портретъ былъ украшенъ гирляндами и вѣнками. Я произнесъ рѣчь о Кольцовѣ и его заслугахъ для русскаго народа вообще и для русскаго крестьянства въ особенности. Еще читалъ о Кольцовѣ свое сочиненіе одинъ изъ учениковъ. Хоръ пѣлъ нѣкоторыя пѣсни Кольцова.

Дѣло въ нашей школѣ съ новой учительницей пошло вовсе не такъ, какъ бы мнѣ хотѣлось. Вскорѣ оказалось, что Гайдукова, съ ея практическимъ умомъ, черствымъ сердцемъ и самодурной энергіей, учительница совсѣмъ для насъ не подходящая. Правда, она была чрезвычайно аккуратна, дѣятельна, старательна и, по своему, добросовѣстна, но съ перваго же раза въ ней обнаружились очень рѣзко: крайняя узость понятій, полная неспособность придавать обученію развивающую силу и воспитывающій характеръ; грубое и черствое отношеніе къ дѣтямъ народа и къ крестьянству вообще; нелѣпое и ни на чемъ не основанное самомнѣніе и безнадежная косность, не подающая никакой надежды на развитіе, на усовершенствованіе, на движеніе впередъ. Школа получила характеръ военнаго лагеря: крикъ, брань, щелчки, дѣтскія

слезы, дуботолка, зубренье, механизмъ, безжизненность, скука... Число дѣтей въ школѣ стало убавляться; стали исчезать то дѣвочки, то мальчики. Не любовь, а страхъ и отвращеніе внушала дѣтямъ школа. Въ ноябрѣ въ школѣ совершенно случайно, появилась младшая учительница, или помощница, и это дало школѣ возможность принять нѣсколько неучившихся дѣтей, привлеченныхъ именно этой помощницей, и образовать четвертое отдѣленіе. Дѣло въ томъ, что у С. И. Романовой, о которой я уже говорилъ и которая принимала самое живое участіе въ дѣятельности нашего попечительства въ 1891—9 годахъ, въ это время окончила курсъ восьмого класса женской гимназіи старшая дочь. Вотъ она то. Е. С. Романова, и пожелала зачислиться бесплатной помощницей при нашей школѣ. Само собой разумѣется, что устроить это было не трудно: кто же будетъ противъ бесплатной работницы? А между тѣмъ эта бесплатная работница пріобрѣла своей бесплатной работой преимущественное право на полученіе мѣста. Романовы нуждались въ средствахъ, Елизавета Сергѣевна, какъ дѣвушка умная и съ хорошимъ сердцемъ, готова была помочь матери, у которой, кромѣ нея, еще четверо дѣтей, и вотъ она поступила къ намъ бесплатной помощницей въ расчетѣ на скорое полученіе штатнаго мѣста. Она не ошиблась въ расчетѣ, а нашей школѣ принесла не мало пользы, потому что и бесплатно работала умѣло и усердно. Она обнаружила большую способность не только къ учительскому дѣлу, но и привлекать дѣтей къ ученью. Всегда спокойная, ласковая, кроткая, она представляя собой совершенную противоположность Гайдуковой, всегда раздраженной, грубой и грозной. Поэтому, между учительницей и помощницей съ перваго раза обнаружился, по крайней мѣрѣ со стороны первой, антогонизмъ; послѣдняя была настолько умна и тактична, что не обнаруживала его, но первая злилась, пускала шпильки въ глаза и злобныя выходки за глаза. Какъ бы то ни было, ученики помощницы больше любили школу и ученье, нежели ученики учительницы, и къ веснѣ сравнялись въ успѣхахъ съ тѣмъ младшимъ отдѣленіемъ, которое училось другой годъ, сперва съ Тютюниковымъ, потомъ съ Гайдуковой. Помощница все хвалила и ободряла своихъ учениковъ, а учительница своихъ ругала въ глаза и за глаза, пощипывала, пугала и забивала. Особенно нападала она на старшее отдѣленіе, увѣряя, что нѣтъ возможности приготовить его къ экзамену. Дѣлать нечего, опять пришлось мнѣ взять занятія въ старшемъ отдѣленіи на себя. Скоро я убѣдился, что это мальчики совсѣмъ не тупые и не лѣнныя, какъ расписывала ихъ Гайдукова. Правда ихъ знанія были умѣренны, развитіе недостаточно, умѣнья не бойки и не совершенны, но заниматься съ ними было можно съ успѣхомъ и удовольствіемъ. Дѣло у насъ пошло живо, такъ что я занимался охотно и подхвалявалъ своихъ учениковъ Гайдуковой, а она пожимала плечами и злилась. Экзаменъ эти пять мальчиковъ сдали вполне хорошо.

Лѣтомъ 1893 года у насъ въ школѣ разыгрался романъ. Учитель пѣнія Безхмѣльницынъ и учительница Гайдукова заявили, что они намѣрены вступить въ бракъ. Я въ душѣ не сочувствовалъ такому браку, но считалъ неумѣстнымъ вмѣшиваться въ это дѣло. Нельзя было предвидѣть ничего хорошаго отъ этого брака: невѣста старше жениха, зла и свирѣпа, какъ большая

часть калѣкъ (она хромая), дѣторожденіе для нея невозможно, а женихъ мягкаго и кроткаго характера, лишеннаго всякой самостоятельности, и съ глубокой наклонностью къ семейной жизни; этотъ бракъ не могъ ему принести ни семейныхъ и никакихъ радостей, но налагалъ на него цѣпи, отъ которыхъ можетъ освободить его развѣ смерть. На этого не глупаго и добродушнаго молодого человѣка нашель какой-то туманъ; мнѣ извѣстно, что родные и друзья удерживали его отъ этого губительнаго брака, но напрасно: хитрая, жестокая и энергичная дѣвица безвозвратно забрала несчастнаго въ свои руки и заставляла безпрекословно плясать по своей дудкѣ. Въ августѣ отпировали свадьбу. Я преподнесъ молодымъ хорошенькій чайный сервизъ и желалъ всякаго счастья, въ душѣ вовсе не вѣря въ него. Гайдукова растрогалась и говорила, что мнѣ „больше обязана, чѣмъ родному отцу“, хотя я, право, не понимаю настоящаго смысла этой фразы, думаю, что это была просто „фраза“, оно такъ и оказалось: вскорѣ „отецъ“ обратился въ нѣчто другое. Въ сентябрѣ начались занятія въ школѣ. Немного прошло времени, какъ стало замѣтно, что перемѣна отношеній между учащими нехорошо отзывается на школьныхъ дѣлахъ. Учительница, сдѣлавшись m-me Безхмѣльницыной, стала еще раздражительнѣе и злѣе. Ея уроки и прежде были сухи и лишены всякой развивающей и воспитывающей силы, а теперь стали еще безжизненнѣе, грубѣе и мало производительнѣе. Въ школѣ только и раздавались—брань, грубые возгласы, лишеныя смысла (въ родѣ „я тебѣ голову оторву“, „я тебя по губамъ шлепну“ и т. п.), съ одной стороны, вопли и жалобные голоса съ другой. Число учащихся все убывало. Пѣніе, которое недурно шло въ прошедшемъ году, тоже замѣтно стало падать. Спѣвки пустѣли, хоръ сокращался. Учитель утратилъ свою аккуратность и любовь къ дѣлу. Или семейныя и хозяйственныя заботы отвлекали его отъ дѣла, къ которому раньше онъ относился такъ горячо и внимательно, или онъ тогда же задумалъ, подъ вліяніемъ своей властительной жены, уйти на болѣе доходное мѣсто, только онъ повелъ теперь дѣло апатично, лѣнливо, недобросовѣстно. Выходило, что я чуть ли не даромъ бросалъ ежемѣсячно 20 рублей.

Помощница наша, Ел. С. Романова, получила мѣсто учительницы верстахъ въ 15 отъ насъ, въ селѣ Семилуки, куда и переселилась съ матерью, и въ школѣ стало совсѣмъ уныло, безжизненно, скучно, какъ никогда не было.

Чтобы покончить съ 1893 годомъ, запишу печальное событіе, которымъ онъ ознаменовался для меня: скончался мой братъ А. Ѳ. Бунаковъ. Я получилъ отъ него очень странное письмо, вмѣстѣ съ письмомъ фельдшера, увѣдомляющаго меня о его смерти. Оказалось, что климатъ пинскихъ болотъ окончательно сломилъ здоровье Андрея. Онъ долго боролся съ болѣзнью, наконецъ слегъ, но все надѣялся поправиться и снова приняться за работу. Но это была обманчивая надежда человѣка, постигнутаго скоротечной чахоткой. За нѣсколько дней до смерти онъ началъ писать мнѣ письмо и писалъ нѣчто въ родѣ дневника; сначала писалъ твердой рукой, а потомъ съ каждымъ днемъ все слабѣе и слабѣе. Тутъ были и грустныя, и ласковыя слова, и жалобы на болѣзнь, и просьбы, и отчаяніе, и надежды. Послѣднія строки написаны наканунѣ смерти, карандашемъ и крупными неправильными буквами и содержатъ въ себѣ только подпись и адресъ „черезъ погостъ“ (кладбище), указывающій на сознание уми-

рающаго, что ему не долго жить. Видно, что онъ все откладывалъ отправку письма ко мнѣ—почему?—потому-ли, что надѣялся поправиться, потому-ли, что стѣснялся,—Богъ знаетъ. Только я такъ и не зналъ о его болѣзни до самаго конца. О ней зналъ братъ Владиміръ и не только самъ покинулъ брата, но не увѣдомилъ и меня о его безнадежномъ положеніи. Я имѣлъ полную возможность поѣхать къ больному и сколько-нибудь облегчить его послѣдніе дни. И вотъ онъ умеръ—одинокій, покинутый, на рукахъ фельдшера... Бѣдный! Вся жизнь его была наполнена идеальными стремленіями, въ которыхъ, можетъ быть, было не мало заблужденій, но не было ни лжи, ни тщеславія, ни себялюбія, и честнымъ трудомъ, безъ всякихъ личныхъ расчетовъ и безъ всякихъ личныхъ радостей. Долго я перечитывалъ его послѣднее письмо и плакалъ надъ нимъ горькими слезами... Безполезныя запоздалыя слезы! Я никогда не перестану упрекать себя, что мало сдѣлалъ для этого хорошаго человѣка, лучшаго изъ насъ, братьевъ Бунаковыхъ...

ХІІ.

И т о г и.

Десятый годъ въ деревнѣ.

1894.

С. Петиво. 1894 г., ноября 8.

Зима 1893—4 года у меня была наполнена занятіями въ школѣ и народными спектаклями. Я почти непрерывно занимался съ дѣтьми старшаго отдѣленія, особенно послѣ возвращенія изъ Петербурга, т. е. съ января. На этотъ разъ готовилось къ экзамену 14 дѣтей, 10 мальчиковъ и 4 дѣвочки; въ числѣ послѣднихъ была дочь умершаго сосѣда, Алекс. Ник. Бехметева, которая раньше училась въ городѣ, въ частной школѣ г-жи Вяхиревой, и поступила къ намъ прямо въ старшее отдѣленіе. Я уже въ началѣ учебнаго года видѣлъ, что наша учительница не можетъ ни развить этихъ дѣтей, ни сообщить имъ нужнаго знанія, что она не приготовитъ ихъ къ экзамену даже въ скромныхъ предѣлахъ казенной программы, а только забьетъ и притупитъ. Я видѣлъ, что большая часть времени у г-жи Гайдуковой-Безхмѣльницыной уходитъ на безплодныя и неприличныя ругательства, убивающія въ дѣтяхъ всякую охоту къ ученью, парализующія ихъ воспримчивость, пониманіе и память. Тщетно я старался воздержать и образумить эту злую и грубую женщину—и словами, и письмами. Разговоры оканчивались упреками по моему адресу, воплями, чуть не истериками, хотя я говорилъ отнюдь не рѣзко, даже преувеличенно мягко; а письма, которыя я считалъ наиболѣе удобной и деликатной формой для выраженія моихъ

замѣчаній, совѣтовъ и желаній, еще пуще злили эту госпожу. Она сама высказывала, что ничего не можетъ сдѣлать съ дѣтьми старшаго отдѣленія, и оправдывала малоуспѣшность ихъ тѣмъ, что не она занималась съ ними раньше: „погодите, вотъ мои перейдутъ въ старшее отдѣленіе, тогда увидите результаты моей работы!“ И я видѣлъ эти результаты: увы, даже Тютюнниковъ, при всей его тупости и лѣности, давалъ лучшіе результаты.

Дѣлать было нечего, надо было самому приняться за дѣло. Двоихъ учительница уже перевела обратно въ среднее отдѣленіе; изъ остальныхъ нѣкоторые уже угрожали уйти изъ школы до конца года. Я усердно принялся работать и успѣлъ удержать всѣхъ двѣнадцать. Я занимался себѣ да похваливалъ дѣтей, которыя оказались, правда, мало подготовленными, запуганными и нѣсколько забитыми „учебой“ г-жи Безхмѣльницыной, но способными: они скоро оживились и стали дѣлать быстрые успѣхи, когда увидѣли, что надъ ними не виситъ ни кулакъ, ни палка. Я занимался съ ними чтеніемъ, письменными работами, рѣшеніемъ ариѳметическихъ задачъ, прошелъ съ ними обзоръ Россіи и очеркъ русской исторіи, сообщилъ, на разборѣ, свѣдѣнія изъ русской грамматики, познакомилъ съ квадратными и кубическими мѣрами, съ простѣйшими дробями, практиковалъ въ выразительномъ произношеніи стихотвореній. Учительница дѣлала мнѣ на каждомъ шагу непріятности, но я старался не замѣчать ихъ и настойчиво работалъ: мнѣ хотѣлось показать на дѣлѣ, что старшее отдѣленіе этого года, посредствомъ толковыхъ занятій и истинно педагогическаго отношенія, можно не только приготовить къ экзамену, но и сдѣлать однимъ изъ лучшихъ выпусковъ, какіе не часто бывають въ нашихъ народныхъ школахъ.

Народные спектакли начались 16 января и окончились 20 февраля. Эти спектакли и постоянные уроки въ своей школѣ не давали мнѣ возможности достаточно часто посѣщать Дѣвицкую школу и заниматься въ ней, какъ я занимался въ прошедшемъ году. Но я не забывалъ, что состою попечителемъ этой школы, и старался сдѣлать для нея, что только могъ. Въ этомъ году мнѣ удалось собрать для этой школы небольшую народно-учебную бібліотеку для внѣ-класснаго чтенія: я добылъ кое-какія пригодныя книжки отъ комитета грамотности черезъ А. М. Калмыкову, отъ В. А. Латышева и отъ Ал. Н. Альмедингена, издателя „Родника“. Все это съ моей личной добавкой, составило до 300 №№. Теперь домашнее чтеніе начинаетъ прививаться въ селѣ Дѣвицѣ. Село большое, до 6 тысячъ душъ, грамотныхъ много, п. ч. училище существуетъ больше 20 лѣтъ, а читать нечего, грамотность остается безъ примѣненія и практики. Дѣло въ школѣ идетъ порядочно. Учительница, когда-то учившаяся въ моей Воронежской школѣ, а потомъ окончившая курсъ женской прогимназіи, М. Д. Павлова, не отличается ни значительнымъ умомъ, ни развитіемъ, но старательная и очень добрая. Дѣти и крестьяне ее любятъ. Къ сожалѣнію, помѣщеніе школы очень плохо и мало для такого большого села, и до сихъ поръ я тщетно настаиваю на постройкѣ новаго дома, болѣе удобнаго, просторнаго и здороваго. Общество богатое, средства есть, общественныя деньги пропиваются, а чуть пойдетъ рѣчь о постройкѣ дома для школы, сейчасъ поднимаются голоса: „на что она намъ нужна, эта школа! пусть закрываютъ, и безъ

нее проживемъ!“ Да, съ горькимъ чувствомъ приходится сознаваться, что у нашего крестьянства и до сихъ поръ, черезъ тридцать лѣтъ послѣ освобожденія отъ барской и казенной опеки, не замѣтно потребности въ грамотѣ, въ научномъ знаніи, въ наукѣ: не та ли причина, что эта продолжительная опека развила въ немъ прочную, упорную косность и непобѣдимое мракобѣсіе, а освобожденіе дано далеко не полное, съ такими ограниченіями, которыя лишали его нравственной силы, болѣе кажущееся, нежели дѣйствительное? „Дѣло вѣковъ поправлять не легко, а полумѣрами, да мелкими уступками его и нельзя поправить, нужны крутыя и рѣшительныя мѣры: наше крестьянство все еще ждетъ своего Петра Великаго, который такъ же круто повернулъ бы его, какъ первый Петръ Великій повернулъ боярство... Но Петры Великіе рождаются даже не вѣками, а тысячелѣтіями, а зауряднымъ людямъ, не одареннымъ отъ Бога ни большимъ умомъ, ни силою воли, доброй и благожелательной, это дѣло не подъ силу.

Въ 1894 году училищный совѣтъ просилъ меня опять произвести выпускные экзамены, въ качествѣ предсѣдателя экзаменной комиссіи, въ училищахъ за Донского края; въ нашемъ Петинскомъ, Гремяченскомъ, Костенскомъ, Дѣвицкомъ и Васильевскомъ (на Еманчѣ), что и было исполнено мною.

Въ общемъ, результаты обученія въ нашихъ народныхъ школахъ, какъ они обнаружались на экзаменахъ, съ оффиціальной точки зрѣнія, оказались болѣе нежели удовлетворительными, но меня лично, признаюсь, они не удовлетворили. Недостаточность ихъ, съ моей точки зрѣнія, заключается въ слѣдующемъ:

По Закону Божію или мало знаютъ (какъ у насъ въ Петинѣ), или просто отзубрили все, что требуется на экзаменѣ: не видно ни отчетливаго пониманія, ни проникновенія духомъ христіанскаго вѣроученія. Наши знаютъ мало, но зато сознательнѣе относятся къ вопросамъ и толковѣе отвѣчаютъ; заученнаго на память у нихъ мало, даже слишкомъ мало, п. ч. даже молитвы, опредѣленныя программой, они выучили не достаточно твердо. Кажется, что о воспитательномъ значеніи Закона Божія для жизни, о сознательномъ усвоеніи ученія Христа—у о. законоучителей и мысли нѣтъ; одна зубрежка для экзамена, и больше ничего. По чтенію—удовлетворительный механизмъ, но грубое мѣстное произношеніе и слабое пониманіе, нѣтъ надлежащаго умѣнья излагать и объяснять прочитанное; выразительности чтеніе совершенно лишено. Наши и въ этомъ отношеніи оказались много лучше другихъ: механизмъ, пожалуй, и слабѣе, но больше пониманія, чтеніе толковѣе и выразительнѣе. Едва ли гдѣ, кромѣ Петина, учащія лица смотрѣли на чтеніе, какъ на средство для пріобрѣтенія знаній, а учащіяся пріобрѣли, посредствомъ чтенія, какія-либо знанія.

По письму, путемъ большихъ усилій со стороны учащихся и, вѣроятно, большой скуки и безплодныхъ страданій со стороны учащихся, достигнуто весьма порядочное „диктовочное“ правописаніе, именно „диктовочное“ п. ч. внѣ диктовки—правописаніе учащихся гораздо слабѣе, напр., въ самостоятельныхъ изложеніяхъ.

При этомъ очень плохая внѣшность письма, въ смыслѣ благообразія и

четкости, и полное отсутствіе умѣнья владѣть языкомъ, письменнo излагать свои знанія, мысли, чувства, желанія. И тутъ наши Петинскіе явились блестящимъ исключеніемъ: они довольно хорошо написали сочиненія на данныя темы и по данному плану. Правописаніе ихъ оказалось не только „диктовочнымъ“, въ сочиненіяхъ оно чуть ли не лучше, чѣмъ въ диктовкѣ. По ариѳметикѣ мало и научности, въ смыслѣ правильной выработки математическихъ понятій, въ смыслѣ правильнаго математическаго развитія, и мало практичности, въ смыслѣ бойкаго рѣшенія практическихъ задачъ, употребленія русскихъ торговыхъ счетъ, бойкаго умственнаго вычисленія. О квадратныхъ и кубическихъ мѣрахъ и о дробяхъ во всѣхъ училищахъ, кромѣ нашего, учащіеся и понятія не имѣютъ. Общее направленіе учительскаго персонала въ нашемъ уѣздѣ, сколько мнѣ извѣстно, малоудовлетворительно: формальная подготовка дѣтей къ выпускному экзамену по устарѣлой и жалкой казенной программѣ, во вкусѣ современной казенной инспекціи, безъ всякой заботы о развитіи, о сообщеніи общеобразовательныхъ знаній, о подготовкѣ къ разумной человѣческой жизни. Многогрѣшенъ въ этомъ случаѣ нашъ инспекторъ народныхъ училищъ, Д. М. Минаевъ, лѣтъ тридцать занимающій это мѣсто. Онъ и въ цвѣтущую пору едва ли отличался широтой понятій, а къ старости совсѣмъ опустился; онъ не можетъ не только направить дѣло народнаго образованія, но даже и „надзирать“ за нимъ. Впрочемъ, судя по нашей учительницѣ Гайдукой-Безхмѣльницыной, перешедшей къ намъ изъ района инспектора А. О. Комарова, и въ томъ районѣ господствуетъ тоже направленіе въ народныхъ школахъ и въ учительствѣ. Вообще Комаровъ, очень либеральный въ разговорахъ, — на сколько можно судить по рассказамъ Гайдуковой и другихъ знающихъ его на дѣлѣ людей, — истинный чиновникъ, а въ дѣлѣ обученія обнаруживаетъ больше претензій, нежели пониманія. Въ тоже время онъ оказывается и довольно наглымъ промышленникомъ. Составилъ онъ заурядный сборникъ ариѳметическихъ задачъ и, чтобы пожать плоды своихъ трудовъ, вступилъ въ сдѣлку съ г. Барановымъ, составителемъ книги „Наше родное“, для взаимнаго распространенія своихъ произведеній. Да, чиновникъ и спекуляторъ мало по малу забираются въ русскую народную школу, а за ними въ нее лѣзетъ еще и прожорливый пощъ: сожрутъ они ее, сожрутъ и все русское народное образованіе. А кто показалъ имъ дорогу сюда и открылъ имъ дверь въ народную школу. Конечно, покойный графъ Д. А. Толстой и будущій графъ К. П. Побѣдоносцевъ.

Экзамены, произведенные мной въ этомъ году, послужили мнѣ матеріаломъ для статьи „О результатахъ обученія въ нашихъ народныхъ школахъ“, напечатанной въ 5 и 6 выпускахъ журнала „Городской и сельскій учитель“, издаваемого съ этого 1894 года въ Симбирскѣ инспекторомъ народныхъ училищъ Анастасіевымъ.

Между тѣмъ разладъ между учительницей Гайдуковой-Безхмѣльницыной и мною все усиливался. Ея мужъ, Е. Н. Безхмѣльницынъ, лѣтомъ заявилъ мнѣ, что онъ немедленно уѣзжаетъ изъ Петина, такъ какъ получилъ мѣсто волостнаго писаря въ другомъ концѣ уѣзда, а жена временно остается, пока не получитъ мѣста въ томъ же краю. Онъ, этотъ скромный человѣкъ, любитель пѣнія, разъ уже бѣжавшій отъ писарства и еще недавно увѣрявшій, что ни-

когда къ писарству не вернется, что оно ему не по душѣ, что онъ неспособенъ нести эту „собачью службу“, — втихомолку, не сказавши ни слова мнѣ, хлопочетъ и неожиданно для меня поступаетъ опять-таки въ волостные писаря! Очевидно, что это было дѣломъ его энергической жены, забравшей слабохарактернаго мужа въ свои цѣпкія руки. Она рассчитала, что мужъ, поступивъ въ писаря, будетъ получать не 20 р., какъ въ Петинѣ, а 40, не говоря о „доходахъ“, которые могутъ попадать прямо въ ея руки, помимо его, да она получитъ какъ учительница, около 20 рублей, — всего и составитъ до 60 р. въ мѣсяць, кромѣ упомянутыхъ доходовъ. Работать же въ той школѣ ей будетъ куда легче и удобнѣе, потому что она все время будетъ оставаться одна, на полной своей волѣ, безъ всякаго надзора: учи, какъ хочешь и чему хочешь, лупи дѣтей сколько влѣзетъ!

Лѣтомъ 1894 года въ первый разъ гостилъ у меня въ Петинѣ мой сынъ Саша.

За лѣто, кромѣ значительнаго числа рецензій, я написалъ въ „Рус. Нач. Учил.“ юбилейную статью о Крыловѣ по случаю истеченія перваго десятилѣтія со дня его кончины, которая и была напечатана въ 10 № журнала. Эта была вторая моя юбилейная статья о нашемъ знаменитомъ баснописцѣ. Первая была написана двадцать шесть лѣтъ тому назадъ (1868 г.) по поводу столѣтія со дня рожденія Крылова и напечатана въ „Педагогическомъ Сборникѣ“ Н. Х. Веселя („Басни Крылова, какъ нравственно-педагогическій матеріаль“). Черезъ 26 лѣтъ мое отношеніе къ баснямъ Крылова, какъ нравственно-педагогическій матеріаль, нѣсколько измѣнилось, но не въ существенномъ. Я освободился отъ преувеличеннаго пуризма и пришелъ къ тому убѣжденію, что неудовлетворительность морали Крылова, часто слишкомъ узкой и практичной, не мѣшаетъ пользоваться даже и тѣми баснями, мораль которыхъ довольно низменна, для педагогическихъ цѣлей (напр. „Стрекоза и Муравей“, „Котъ и Поваръ“, „Два голубя“), но при этомъ необходимы нѣкоторыя умѣлыя разъясненія, чтобы впечатлѣніе художественныхъ образовъ, въ концѣ-концовъ, соотвѣтствовало истиннымъ идеаламъ общечеловѣческой и христіанской нравственности. Но все же остаюсь при томъ мнѣніи, что Крыловъ, въ своихъ басняхъ, является не столько моралистомъ съ воспитывающими тенденціями, сколько сатирикомъ чисто народнаго русскаго характера, сатирикомъ „себѣ на умѣ“, желающимъ и „язвить“, и свою шкуру сберечь, и для педагогическихъ цѣлей его баснями слѣдуетъ пользоваться съ выборомъ, осмотрительно и умѣючи. Не считаю, чтобы черезъ 26 лѣтъ я рѣзко измѣнилъ своимъ прежнимъ взглядамъ.

С. Петино 1894 г. Декабря 21.

Въ концѣ іюля Саша уѣхалъ. Въ августѣ большое удовольствіе доставила намъ своимъ пріѣздомъ въ Петино гостья изъ Пермской губерніи, учительница Е. М. Буторина, которая дружески сошлась со мной и Л. И. Михайловой еще на Нижне-Тагильскомъ съѣздѣ народныхъ учителей и учительницъ, а потомъ

была и на съѣздахъ Ирбитскомъ и Шадринскомъ. Она прогостила у насъ недѣли двѣ. Оказывается, что въ томъ краю дѣло народнаго образованія и понынѣ не смотря на всѣ неблагопріятныя условія послѣдняго времени, ограниченія, притѣсненія и проч., идетъ порядочно и стоитъ гораздо лучше, нежели въ центральной Россіи. Елизавета Михайловна еще настолько сохранила наивной вѣры въ возможность свободнаго развитія и роста земской народной школы, что надѣется на возможность учительскаго съѣзда въ Оханскѣ подѣ моимъ руководствомъ, на подобіе съѣздовъ Ирбитскаго и Шадринскаго. „Мечты, мечты, гдѣ ваша сладость?“ Увы! время свободныхъ учительскихъ съѣздовъ миновало, а меня въ руководители едва ли пустять, да и я, грѣшный, едва ли годенъ для этого живого дѣла... А все же чѣмъ-то свѣжимъ и живительнымъ пахнули на меня мечтанія Пермской учительницы-идеалистки. Невольно думалось: „какъ знать,—можетъ быть, опять проглянетъ солнышко для русской народной школы и для идеалистовъ 60—70-хъ годовъ?“

Какъ разъ въ это время въ русской печати проскользнули неожиданныя вѣсти, будто мин. нар. просвѣщенія, это съ Деляновымъ-то во главѣ! рѣшило немедленно вводить въ Россіи всеобщее обязательное обученіе и для перваго опыта избрало пять губерній, въ число которыхъ яко-бы вошла и... Воронежская. Невѣроятное извѣстіе вообще, а особенно относительно Воронежской губерніи, которая представляетъ слишкомъ мало благопріятныхъ условій для такого опыта, сравнительно со многими другими губерніями.

Въ сентябрѣ въ Воронежѣ происходила сельскохозяйственная выставка съ земскимъ отдѣломъ и съ отдѣленіемъ въ немъ „народное образованіе“, куда мной были представлены мои книги и брошюры, а также двѣ картограммы: „Десятилѣтіе Петинской сельской школы“ и „Опытъ народнаго театра“. Выставка была устроена красиво и полно въ общемъ, но народная школа была представлена плохо, да и вообще земскій отдѣлъ былъ бѣденъ. При этомъ выставка поражала отсутствіемъ крестьянства, для котораго она могла быть особенно интересна и полезна, въ родѣ „нагляднаго обученія“. Не позаботились не только привлечь на выставку крестьянство, но даже и сдѣлать ее доступной для крестьянъ, посредствомъ разумныхъ заблаговременныхъ оповѣщеній и возможныхъ льготъ. Вотъ и получилась нарядная барская затѣя, дорого стоившая, далеко не окупившая расходовъ, бесполезная для народной массы, бессмысленная и пустая, какъ всѣ затѣи нашихъ баръ. Свой взглядъ на Воронежскую выставку я изложилъ въ статьѣ „Крестьянство и крестьянская школа на мѣстной сельскохозяйственной выставкѣ“, которую напечаталъ въ „Русскомъ Народномъ Учителѣ“, какъ новый очеркъ подѣ общей рубрикой „Сельская школа и народная жизнь“. „Р. Н. Уч.“ за 1894 г. № 12.

С. Петно, 1895 г. февраля 20.

Отдѣльные оттиски моей статьи о Воронежской выставкѣ я разослалъ всѣмъ ея заправиламъ и дѣятелямъ. Статья произвела въ нѣкоторомъ родѣ сенсацию. Говорили даже, будто ею воспользовались недруги губернскаго предводителя

дворянства, благодушнаго и безцвѣтнаго М. А. Веневитинова, чтобы провалить его на выборахъ: онъ былъ одинъ изъ главныхъ заправиль выставки. Но вредить этому благодушному человѣку и предводителю дворянства вовсе не входило въ мои намѣренія. И какъ человѣкъ, и какъ предводитель, онъ былъ гораздо интеллигентнѣе, чище и симпатичнѣе всѣхъ извѣстныхъ мнѣ своихъ предшественниковъ, и я очень сожалѣю, если своей статьей повредилъ ему и оказалъ поддержку его недоброжелателямъ, людямъ сомнительнаго качества, въ родѣ Н. А. Звегинцева, о которомъ мнѣ уже приходилось говорить,

Вновь выбранный совершенно случайно губернский предводитель Сомовъ, имени не знаю—очень жалкая фигура, соединяющая въ себѣ и безцвѣтность, и умственную тупость, и позорное хамство.

Моя статья о выставкѣ разозлила не на шутку нѣкоторыхъ ея заправиль особенно Θ . Д. Черткова, человѣка весьма ограниченнаго, но считающаго себя столпомъ мѣстнаго барства.

Въ концѣ сентября начались занятія въ школѣ—съ новой учительницей и подѣ новой инспекціей. А. М. Гайдукову-Безхмѣльницыну перевели, а на ея мѣсто назначили изъ Семилукъ Е. С. Романову, и въ нашей школѣ водворилась ясная погода. Правда, Е. С. Романова не отличается ни особенной даровитостью, ни богатствомъ идеальныхъ стремленій, а по натурѣ своей довольно рыбообразна; она малокровна, вяла и холодна, но она дѣвушка не глупая, окончила восемь классовъ женской гимназіи, характеръ у нея мягкій, сердца мало, но все же она добра и ласкова къ дѣтямъ. Въ школѣ не стало ни криковъ, ни ругани, ни бессмысленныхъ угрозъ, которыми, бывало, такъ и сыпала прежняя учительница, какъ изъ рога изобилія. Наслѣдство, оставленное свирѣпой учительницей, оказалось незавиднымъ: дѣти были запуганы, малоразвиты, знали мало, ученья и книги не любили. Мы принялись за дѣло дружно, настойчиво и весело, и дѣло пошло съ замѣтнымъ успѣхомъ. Е. С. Романова работала усердно, спокойно, съ любовью. Я не менѣе усердно ей помогаль, преимущественно въ старшемъ отдѣленіи, а въ младшемъ занималась ея мать, С. И. Романова—хоть и неумѣло, но съ большой энергіей.

Нашъ инспекторъ, Д. М. Минаевъ, вышелъ въ отставку за выслугой лѣтъ, хотя и противъ собственнаго желанія. Человѣкъ онъ былъ хорошій, а какъ инспекторъ былъ удобенъ своей пассивностью; пользы не приносилъ, но и не вредилъ, не мѣшалъ. Замѣнившій его И. В. По—въ—человѣкъ съ лучшимъ образованіемъ, натуралистъ, бывший преподаватель учительскаго института, очень благонамѣренный и мягкій, но—кажется, нѣсколько формалистъ изъ преувеличеннаго самосохраненія, которое у насъ нерѣдко ведетъ къ сквернымъ послѣдствіямъ: отъ такого самосохраненія до... подлости—одинъ шагъ.

Въ октябрѣ пошли совершенно неожиданные—сперва слухи, потомъ газетныя извѣстія о болѣзни Императора Александра III-го, а 20-го числа Государь „отошелъ въ вѣчность“, и на престолъ вступилъ Николай II-ой. Глубина Россіи равнодушно отнеслась къ этимъ событіямъ, но столицы и газеты изо всей мочи трубили о добродѣтельныхъ и необычайныхъ заслугахъ усопшаго, котораго и окрестили почетнымъ прозвищемъ „Царя миротворца“. Говоря по совѣсти, царствованіе было безцвѣтное, и Россія за тридцать лѣтъ или дремала,

или пятилась назадъ... Сильно бѣсновалась Франція, въ которой стали замѣчаться какія-то странныя проявленія почти русскаго холопства: вѣнки, букеты, даже толки о монументѣ Александру III-му въ Парижѣ! Положимъ, все это политика, имѣющая въ виду сближеніе съ Россіей для усиленія международнаго положенія Франціи.

Мы въ этомъ году собрались праздновать десятилѣтіе нашей школы въ декабрѣ, и для этого мнѣ пришлось отложить до января мою поѣздку въ Петербургъ. Къ торжеству надо было приготовиться, и поѣздка помѣшала-бы этимъ приготовленіямъ. Празднованіе происходило въ такомъ порядкѣ. Декабря 27 производилось повѣрочное испытаніе бывшихъ учениковъ, окончившихъ курсъ въ нашей школѣ. Началось оно въ 9 часовъ утра, окончилось въ 4 ч. дня. Досадно было, что къ испытанію явились далеко не всѣ, хотя и общее число окончившихъ курсъ, особенно за исключеніемъ „иностранныхъ“ (изъ другихъ селеній, уѣздовъ, даже губерній), сравнительно съ количествомъ заботъ и затратъ, оказалось не велико, хотя всѣмъ было разослано приглашеніе, съ программой и обѣщаніемъ угощенія, хотя всѣмъ была растолкована неофициальность испытанія, какъ простой домашней повѣрки, безъ всякихъ послѣдствій. Общее число окончившихъ оказалось 101, м. п. 83, ж. п. 18; мѣстныхъ 76, иностранныхъ 25. Явилось къ испытанію только 46, т. е. менѣе половины: м. п. 38, ж. п. 8, женатыхъ 5, замужнихъ 0, холостыхъ 33, дѣвицъ 8; мѣстныхъ 45, иностранныхъ 1, случайно бывший въ это время въ Петинѣ.

Собравшихся молодыхъ людей, послѣ молитвы, прежде всего засадили за письменныя работы: каждый писалъ нѣчто въ родѣ сочиненія о своемъ домѣ, о семьѣ, о хозяйствѣ, о своихъ занятіяхъ; каждый рѣшалъ письменно арифметическую задачу съ данными изъ крестьянскаго быта. И всетаки весело было смотрѣть на эту полусотню (почти: 46) молодыхъ людей, наполнявшихъ классную комнату и съ серьезнымъ озабоченнымъ видомъ склонившихся надъ бумагой, съ перомъ въ рукѣ, съ думой на лицѣ... Если бы это была полная сотня! Устное испытаніе производилось за пятью столами разомъ, чтобы не затянуть дѣла. Производили его: я, Л. И. Михайлова, Е. С. Романова, Н. Θ. Нимандъ (учительница сосѣдней церковно-приходской школы), А. Θ. Нимандъ (бывшій учитель гдѣ-то въ Харьковской губерніи), Саша. Всѣ экзаменаторы увлекались и вели дѣло оживленно и весело, а особенно Саша. Удовлетворительность отвѣтовъ, указывавшая на добропорядочность и прочность результатовъ обученія, поддавала жару. Даже у меня на душѣ становилось свѣтлѣе: мракъ унынія, нагнанный точной повѣркой итоговъ и далеко не полнымъ комплектомъ явившихся, расфевался. Спрашивали по Закону Божію изъ всего курса. Читали по ц.-славянски Евангеліе, съ переводомъ на рус. языкъ и объясненіями, порусски съ изложеніемъ своими словами (Толстого). Отвѣчали на вопросы о Россіи и о событіяхъ русской исторіи. Говорили наизусть стихотворенія, кто какое запомнилъ. Считали на торговыхъ счетахъ, рѣшали устно легкія задачи. Результаты испытанія порадовали и ободрили. Можно и должно продолжать дѣло съ прежней энергіей. Пусть взрослое населеніе мало измѣнилось къ лучшему. Пусть преувеличенныя ожиданія, съ которыми я приступалъ къ дѣлу десять лѣтъ тому назадъ, далеко не оправдались, благодаря инертности и не-

восприимчивости взрослога крестьянства, а отчасти его недовѣрчивости ко всякимъ интеллигентнымъ начинаніямъ, далеко не оправдались,—будемъ работать и жертвовать для отдаленнаго будущаго, „дѣло вѣковъ поправлять не легко.

По окончаніи испытанія, всѣмъ молодымъ людямъ было предложено угощеніе: чай съ булками и лакомства. Въ раздѣвальной комнатѣ были разставлены столики и скамейки, и эта комната представляла веселую и живописную картину. Пили чай, кто сколько хотѣлъ, а потомъ всякій уносилъ съ собой пакетъ съ лакомствами и ту кружку, изъ которой пилъ чай. Результаты испытанія я тутъ же привелъ въ порядокъ и прочиталъ экзаменовавшимся, по ихъ желанію. Эти результаты, какъ и описаніе всего нашего юбилейнаго торжества, я подробно изложилъ въ статьѣ „Десятилѣтіе сельской школы и обязательное всеобщее обученіе“, которая напечатана въ 6—7 № „Рус. Нач. Уч.“, какъ XII очеркъ подъ общей рубрикой „Сельская школа и народная жизнь“ („Р. Н. Уч.“ 1895 г. №№ 6—7). Замѣчательно, что изъ взрослога населенія изъ отцовъ и родственниковъ, никто испытаніемъ не поинтересовался и не заглянулъ въ этотъ день въ школу. Всѣ были увлечены праздничнымъ пьянствомъ, больше ни о чемъ не думая, ничѣмъ не интересуясь.

Декабря 29, въ 5 часовъ вечера, въ моемъ залѣ, происходилъ актъ, составлявшій, такъ сказать, второе дѣйствіе юбилейнаго торжества. Къ акту пріѣхалъ новый инспекторъ, И. В. Поповъ, прогостившій у насъ два дня и производившій на всѣхъ пріятное впечатлѣніе своей простотой, сердечностью и умными разговорами. Одна бѣда: кажется, онъ слишкомъ мнительный и осторожный человѣкъ. Пріѣхали и другіе посѣтители изъ города и сосѣднихъ селеній. Но взрослыхъ крестьянъ, стариковъ, сверхъ обыкновенія было мало, хотя время было праздничное, свободное. Пѣли, читали отчетъ за всѣ десять лѣтъ, съ выводами, раздавали свидѣтельства и награды. Ученикъ Федоръ Протопоповъ прочиталъ свое сочиненіе „Кольцовъ о лѣнивомъ мужикѣ“ и стихотвореніе „Что ты спишь, мужичекъ?“. Грубоватый увалень, настоящій мужикъ, онъ выразительно и оригинально сказалъ стихотвореніе Кольцова. Ученица Акулина (Акилина) Дочкина прочитала стихотвореніе „Десятилѣтіе нашей школы“, написанное ею, въ товариществѣ съ подругой Маріей Сезиной, на данную тему и по данному плану: каждая сочиняла сама по себѣ, а потомъ изъ двухъ стихотвореній я составилъ одно: кое-что выбросилъ, кое-что прибавилъ, кое-что погладилъ, кое-что они сами исправили по моимъ замѣчаніямъ и указаніямъ, и получилось стихотвореніе грубоватое, лишенное поэзіи, но довольно стройное, складное и подходящее къ случаю. Вотъ оно:

Десятилѣтіе нашей школы.

Стихотвореніе крестьянскихъ дѣвочекъ Акилины Дочкиной и Маріи Сезиной.

1894 г.

1.

Десять лѣтъ тому назадъ
Школу въ Петинѣ открыли;
Десять лѣтъ у насъ ребята
Уму разуму учили:
И молиться, и считать,
Книжки умныя читать
И рассказывать толково,
Письма складныя писать,
И ученіе Христово
Понимать и соблюдать.

2.

Наша школа и тепла,
И доступна, и просторна
Для ребятъ всего села,
Да и учать въ ней проворно.
Всѣмъ даетъ она добро,
Всѣмъ и книжку, и перо.
А посмотришь—все въ ней пусто,
Хоть бы сотня собралась...
А посмотришь—все не густо
Грамотѣями у насъ.

3.

Плохо наши мужики
Пользу школы понимаютъ;
Неохотно старики
Насъ въ науку посылають:
„Для-ча—моль—наука намъ,
Черносошнымъ мужикамъ?
Наши дѣды не читали,
Не учились письменамъ,
А досыта ѣли, спали
И служили господамъ“...

4.

Десять лѣтъ еще пройдутъ,—
Дѣло двинется живѣе,
Какъ въ ученье побѣгутъ
Дѣти нашихъ грамотѣевъ.
Тотъ, кто граммату позналъ,
Кто свѣтъ Божій увидалъ,
Ужъ не будетъ безъ причины,
Какъ упрямый дуrolомъ,
Оставлятъ родного сына
Безъ науки слѣпышомъ.

5.

Наконецъ пора придетъ,
Благодатная настанетъ:
Просвѣтитъ нашъ народъ,
Всѣ крестьянки и крестьяне.
Вотъ тогда-то мужики
Жизнь наладятъ по-людски:
Честно, дружно и толково
Будутъ жить и работать,
И ученіе Христово
Понимать и соблюдать.

Заключеніемъ акта была моя рѣчь, которую я сказалъ горячо, наполнивъ рѣзкими упреками по отношенію къ мѣстному населенію и горькимъ чувствомъ обманутыхъ надеждъ и ожиданій. Она почти цѣликомъ помѣщена въ упомянутой моей статьѣ.

Третьимъ дѣйствіемъ нашего юбилейнаго торжества былъ народный спектакль, билеты на который были бесплатно розданы всѣмъ молодымъ людямъ, явившимся на испытаніе 27 декабря. Спектакль происходилъ 30 декабря. Поставлены были „Ямщики“, „Слава Богу мужъ лапотъ сплелъ“ и „Апоѳеозъ школы“. Это былъ первый сезонный спектакль 1894—95 года въ нашемъ народномъ театрѣ, которому на этотъ разъ пришлось выдержать довольно странную борьбу, чтобы отстоять право на свое существованіе. Дѣло въ томъ, что Воронежскій архіерей Анастасій, человѣкъ тупой и низменный, что ярко отразилось и на его лицѣ, и въ его дѣйствіяхъ, посѣтивъ Петино лѣтомъ, въ церкви говорилъ крестьянамъ: „слышалъ-молъ я, что у васъ тутъ происходятъ какія-то кумедіи,—такъ это великій грѣхъ“, а потомъ, открывая церковно-приходскую школу въ сосѣднемъ селѣ Устьѣ, тоже сказалъ: „да смотрите, чтобы у васъ тутъ кумедій не было—вотъ какъ въ Петинѣ“. Такія слова не произвели на крестьянъ, которые едва ли и поняли, въ чемъ дѣло, никакого впечатлѣнія. Но они запали въ голову нашего псаломщика, В. С. Котова, недоучившагося семинариста, святоши и крайне ограниченнаго малаго, который, опираясь на рѣчи архіерея, и предпринялъ цѣлый походъ противъ нашего театра, сбивая съ толку мужиковъ, бабъ и ребятъ, угрожая имъ, что и театръ, и наше училище, и все село провалится въ тартарары. Напугалъ всѣхъ, пришлось вести съ нимъ борьбу—конечно, тоже посредствомъ слова,—и здравый смыслъ взялъ перевѣсъ надъ проповѣдью тупого изувѣрства. Театръ удалось спасти и только пришлось отказаться отъ прекрасной, очень живой и поучительной, пьесы Л. Н. Толстого „Первый винокуръ“, которою изувѣръ-псаломщикъ больше всего пользовался для своего доказательства, что театръ „дѣло „бѣсовское“, такъ какъ въ немъ дѣтей подростковъ наряжаютъ чертями. Отъ „Перваго винокура“ всѣ наши актеры отказались рѣшительно, ссылаясь на родителей. А жаль: и пьеса хороша, и исполнялась она прекрасно.

Юбилейный спектакль сошелъ очень хорошо, бойко и весело. „Апоѳеозъ школы“ состоялъ въ слѣдующемъ: вдали виднѣлся домъ школы и группа школьниковъ, освѣщенная бенгальскимъ огнемъ, а на аванъ-сценѣ стоялъ старикъ съ сѣдой бородой (Василій Куколевъ), опираясь на посохъ и говорилъ стихи, указывая на школу и школьниковъ; каждый куплетъ стихотворенія сопровождался хоромъ: пѣли школьники.

Апоѳеозъ школы.

СТАРИКЪ.

1894 г.

Встало солнце надъ землею,
И ребята встали,—
Помолились да гурьбою
Въ школу побѣжали...
Съ Богомъ! время дорогое,
Дѣти, берегите.

И училище родное
Всей душой любите!
Кто позналъ ученья сладость
И достигъ успѣха,
Тотъ отцу родному радость,
Матери утѣха.

ХОРЪ.

Хоромъ, хоромъ, пойте дружно:
Братцы, намъ ученье нужно—
И отчизнѣ на служенье,
И селу на поученье,
И семьѣ на вспоможенье,
И на радость старикамъ!

СТАРИКЪ.

Тамъ, гдѣ грамота ведется,
Жизнь идетъ умнѣе,
Тамъ все лучше удается,
Честный трудъ скорѣе.
Меньше грубости и пьянства,
И въ крестьянской хатѣ

Больше разума и братства,
Божьей благодати.
Хороша ты, Русь родная,
Міру удивленье,
Одного намъ не хватаетъ:
Книжнаго ученья!

ХОРЪ.

Хоромъ, хоромъ, и т. д.

СТАРИКЪ.

Безъ науки—грязны хаты,
Пусты огороды,
Кабакки одни богаты,
Въ полѣ недороды.
Безъ науки насъ смущаютъ
Кривотолки злые,

И всѣмъ міромъ заправляютъ
Кулаки лихіе.
Помоги, Господь Владыка,
Русскому народу!
Ты разлей въ Руси великой
Къ грамотѣ охоту!

ХОРЪ.

Хоромъ, хоромъ, и т. д.

Оканчивая запись событій 1894 года, я долженъ сюда же внести страшное событіе, которое произошло какъ разъ во время нашихъ юбилейныхъ затѣй, но о которомъ я узналъ около 10 января 1895 года. Въ ночь на 28 декабря въ Вологдѣ сгорѣлъ домъ, въ которомъ жила моя старшая сестра, А. Ѳ. Юрѣева, съ семействомъ, а въ ея семьѣ жила и мать наша П. П. Бунакова, восьмидесятилѣтняя больная старуха. Занимая отдѣльную комнату, старуха ночью стала зажигать лампу и опрокинула ее. Вспыхнуло бѣлье на постели, начался пожаръ. Поднялась суматоха, всякій спасалъ себя, а больную старуху забыли, хотя тутъ было двое молодыхъ людей Юрѣевыхъ, ея внуковъ. Когда всѣ перебрались въ другой домъ, хватились старухи, но она пропала безъ вѣсти. Страшно сказать, но едва ли можно сомнѣваться, что моя несчастная мать, благодаря небрежности и легкомыслію окружавшихъ ее людей, задохлась въ дыму и сгорѣла. Исслѣдованія и раскопки, о которыхъ усердно хлопоталъ Саша, очень любившій бабушку, выѣхавшій изъ Воронежа 6-го января, однако не открыли никакихъ остатковъ сгорѣвшаго тѣла. Я не виню ни сестру, ни ея мужа и дѣтей, которымъ, конечно, не легко сознавать, что они своевременно не вспомнили о несчастной старухѣ. Событіе ужасное, но ничего больше не остается, какъ пре-

клониться передъ фактомъ да оплакивать погибшую, никого не упрекая и не обвиняя.

Такъ завершился этотъ годъ „итоговъ“, какъ я назвалъ его, имѣя въ виду итоги моей десятилѣтней дѣятельности въ сельской школѣ, но итоговъ оказалось гораздо больше, и названіе вполне удалось.

Во-первыхъ, я подвелъ итоги моей десятилѣтней жизни въ деревнѣ и десятилѣтняго существованія моей сельской школы.

Во-вторыхъ, русскимъ мыслящимъ людямъ пришлось подвести итоги тринадцатилѣтняго царствованія Александра III-го.

Въ-третьихъ, обнаружился итоги воспитанія моего сына: ему стукнуло 20 лѣтъ, и подходит къ концу его гимназическое обученіе.

Въ-четвертыхъ, роковая и ужасная случайность подвела итоги подъ жизнью моей бѣдной матери.

Но рядомъ съ подведеніемъ итоговъ явились надежды, ожиданія, мечты. Я многого жду отъ сына, способнаго и подающаго надежды. Россія многого ожидаетъ отъ молодого Императора, и рассказы сенсационнаго характера расходятся по самымъ глухимъ ея уголкамъ.

ХІІІ.

Годъ „безсмысленныхъ мечтаній“.

Начало новаго царствованія.

1895 г.

С. Петино. 1895 г., іюня 15-го.

Первые дни новаго года я провелъ съ сыномъ, ничего не зная объ ужасной участи, постигшей мою бѣдную мать. Января 2-го у насъ даже былъ любительскій спектакль („Сидоркино дѣло“, Аверкіева), въ которомъ Саша принималъ участіе, а 3-го—костюмированный вечеръ съ танцами, какъ продолженіе нашего юбилейнаго торжества. Я и Л. И. Михайлова всѣми силами старались развлекать нашего гостя. Послѣ этого черезъ нѣсколько дней, Саша уѣхалъ къ началу занятій въ Вологодской гимназіи, а я сталъ собираться въ Петербургъ. Въ Петербургѣ я пробылъ не болѣе двухъ недѣль. Съ перваго же приѣзда я попалъ на юбилей моего стараго пріятеля и земляка, М. Е. Доброписцева, который праздновало частное реальное училище Мая, на Васильевскомъ островѣ, гдѣ Доброписцевъ началъ и непрерывно продолжалъ свою учительскую дѣятельность, какъ преподаватель русскаго языка. Въ этомъ юбилей было много сердечности, искренности. Онъ напомнилъ мнѣ далекія-далекія времена, 60-ые годы, тѣмъ болѣе, что юбиляръ представлялъ собою чистый, незапятнанный продуктъ этихъ свѣтлыхъ годовъ. Тутъ были и его сослуживцы и его ученики, и вся эта масса людей разныхъ возрастовъ и профессій жила нѣсколько часовъ подъ вліяніемъ одного идеальнаго увлеченія, напоминавшаго беззавѣтныхъ увле-

ченія 60-хъ годовъ. Я былъ глубоко тронуть и взволнованъ, когда юбиляръ указалъ на меня, какъ яко бы руководителя его на первыхъ шагахъ его учительской дѣятельности въ Вологдѣ. Нѣсколько дней я находился подъ впечатлѣніемъ этого юбилея, и стало вѣрится, будто возвращается къ намъ плодотворное и честное оживленіе 60-хъ годовъ, съ его идеализмомъ, благороднымъ свободомысліемъ, энтузіазмомъ, тѣмъ болѣе, что и въ Петербургѣ воздухъ былъ пропитанъ ожиданіями и надеждами. Правда, легендарные рассказы, о которыхъ я упоминалъ, оказались выдумками праздныхъ людей, но многіе считали возможнымъ и большее довѣріе къ общественнымъ силамъ, нежели при Александрѣ III-мъ, и усиленную заботу о народномъ образованіи безъ давленія на это дѣло церковно-приходскихъ школъ, и уничтоженіе тѣлеснаго наказанія согласно съ ходатайствами объ этомъ многихъ земскихъ, и даже дворянскихъ, собраній, и устраненіе Дурново, Побѣдоносцева, Делянова, Ванновскаго, словомъ, полное освѣженіе государственнаго механизма. И вдругъ все это оказывается бессмысленными мечтаніями. Всѣ остались на своихъ мѣстахъ, и теченіе дѣлъ ни въ чемъ не измѣнилось. Да и можетъ ли оно измѣниться? По слухамъ, самый сильный человѣкъ, который все отлично понимаетъ, но вовсе не желаетъ, чтобы его понимали,—мин. финансовъ Витте, самый молодой изъ орловъ пришедшаго царствованія, умный и ловкій человѣкъ, а затѣмъ—умный честолюбецъ и министръ юстиціи Муравьевъ. Оптимисты ждутъ перемѣнъ, обновленія министерствъ и многихъ благъ, послѣ коронаціи, которая предполагается въ маѣ 1896 года.

Тотчасъ по возвращеніи моемъ изъ Петербурга у насъ начались, вѣрнѣе—продолжались, народные спектакли, которые привлекали не мало городскихъ посѣтителей и сошли хорошо. Дополняю лѣтопись нашего народнаго театра: томъ IV, стр. 477—об.

Лѣтопись народнаго театра въ с. Петинѣ.

Годъ восьмой, 1894—95.

Тамъ же. Цѣны: 20 к., 10 к., 5 к., 1 к.

Декабря 30 (41—1). „Слава Богу, мужъ лапотъ сплелъ“, ком. въ 1 д. изъ пьесы г-жи Кохановской (передѣлка), въ 3 разъ. „Ямщики“, сц. въ 1 д. Григорьева, въ 4 разъ. „Апоѳеозъ школы“ (по случаю десятилѣтія), сц. въ 1 д.

Января 2 (42—2). „Сидоркино дѣло“, ком. Аверкіева, въ 4 д., въ 1 разъ. (Интеллигентные любители).

Января 29 (43—3). „Омутъ“, ком. въ 2 д. Полушина, въ 4 разъ. „Слава Богу“... въ 4 разъ.

Февраля 2 (44—4). „Бобыль“, ком. въ 3 д. изъ сценъ Круглополева (передѣлка), въ 3 разъ. „Что такое жена?“ ком. въ 1 д., Полушина, во 2 разъ.

Февраля 5 (45—5). „Ямщики“, въ 5 разъ. „Въ ночномъ“, сц. изъ „Сиротки“ Васильева, въ 1 д., въ 8 разъ. „Недоросль“, сцены въ 1 д. изъ комедіи Фонвизина, во 2 разъ.

Съ наступленіемъ Великаго поста все мое время пошло на занятія въ

школъ, въ которой, впрочемъ, я занимался постоянно и раньше преимущественно русской исторіей и письменными работами въ старшемъ отдѣленіи, а также на работы для „Рус. Нач. Учителя“, для котораго надо было написать очеркъ по поводу нашего школьнаго юбилея и довольно много рецензій, между которыми одна (о новомъ изданіи „Обзора“ Спб. Комитета Грамотности) требовала большой обдуманности, п. ч. этотъ „Обзоръ“ назначается въ руководители нашимъ заправиламъ и учителямъ народной школы. Но эта работа не важная ни въ общихъ статьяхъ г. С. Миропольскаго и В. Острогорскаго, ни въ рецензіяхъ: надо было предостеречь отъ ложныхъ идей, анахронизмовъ, промаховъ и ошибокъ, которыми книга наполнена.

Училищный совѣтъ въ этомъ году поручилъ мнѣ произвести выпускные экзамены ученикамъ Петинскаго, Дѣвицкаго и Васильевскаго-Еманецкаго училищъ. У насъ экзамень сошелъ, говоря совершенно справедливо, очень хорошо. Надо отдать справедливость Ел. С. Романовой: она отлично справилась съ дѣломъ, ободрила, оживила и подвинула впередъ дѣтей, забытыхъ и запуганныхъ прежней учительницей. Признаюсь, послѣ экзамена, на которомъ присутствовалъ членъ управы, мой старый товарищъ по военной гимназій, В. В. Михайловъ, секретарь управы Л. В. Македоновъ и еще кое-кто, я искренно пожалъ руку учительницы и сказалъ ей слово благодарности. Нашъ экзамень происходилъ 4-го мая, а 5-го я поѣхалъ въ Дѣвицу, гдѣ собрались ученики дѣвицкіе и васильевскіе. Здѣсь результаты обученія оказались слабѣе, но въ общемъ довольно сносны, у васильевскихъ лучше, нежели у дѣвицкихъ.

С. Петино. 1895 г., Ноября 6-го.

Съ Сашей, который провелъ у меня лѣто, я послалъ В. А. Латышеву написанную лѣтомъ статью „Къ вопросу о всеобщемъ обязательномъ обученіи“. Надобно сказать, что къ числу „безсмысленныхъ мечтаній“ этого года надо отнести два вопроса, которыми настойчиво и горячо занималось русское общество и которые надѣялось благополучно и быстро разрѣшить. Вопросы, дѣйствительно, назрѣвшіе и въ высшей степени важные. Это—вопросъ о всеобщемъ обученіи, прежде всего поднятый въ столичныхъ комитетахъ грамотности, обнаружившихъ въ этомъ году чрезвычайную и живую дѣятельность, а потомъ перешедшій и въ земство, почему-то въ этомъ году особенно приналегшихъ на дѣло народнаго образованія, и вопросъ объ уничтоженіи тѣлеснаго наказанія. Второй вопросъ вызвалъ довольно дружныя ходатайства многихъ дворянскихъ, а преимущественно, земскихъ собраній передъ правительствомъ, а первый—усиленную работу надъ изученіемъ мѣстныхъ условій и надъ составленіемъ нормальной сѣти народныхъ школъ, которая дѣлала бы всеобщее обученіе возможнымъ. Отзываясь въ своей статьѣ на послѣдній вопросъ, я провожу мысль о необходимости и возможности немедленнаго установленія у насъ не только „всеобщаго“, но и „обязательнаго“ обученія,—сначала въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ, какъ у насъ въ Петинѣ, существующія школы (или школа) могутъ вмѣстить и обучать всѣхъ наличныхъ дѣтей школьнаго возраста, считая за таковой

9—12 лѣтъ. Возможны въ одной школѣ двѣ смѣны, при двойномъ комплектѣ учащихъ лицъ, утренняя и вечерняя. Еще я высказывался за объединеніе всѣхъ народныхъ школъ въ одномъ вѣдомствѣ, которому, по самой идеѣ и даже по названію, принадлежитъ право направлять и вѣдать дѣло народнаго образованія, т. е. въ мин. нар. просв. Я сравнивалъ существованіе въ государствѣ двухъ вѣдомствъ, вѣдающихъ народную школу и враждующихъ между собою, съ двумя независимыми и враждующими арміями: въ интересахъ ли это государственной силы? Пришлось довольно рѣзко говорить о церковно-приходскихъ школахъ, и за это мѣсто статьи я очень опасался. Такъ оно и вышло: статья появилась въ 10 № „Русск. Нач. Уч.“ съ урѣзками. Но все-таки я остался доволенъ ею, находя ее довольно убѣдительною.

Октября 22-го, въ день открытія нашей школы, у насъ состоялся, въ театральномъ залѣ, актъ, на этотъ разъ соединенный съ чествованіемъ памяти баснописца и учителя жизни Ивана Андреевича Крылова, по случаю истеченія пятидесятилѣтія со дня его смерти. Собственно говоря, это пятидесятилѣтіе совершилось въ 1894 году, но кончина Императора заставила тогда отложить чествованіе Крылова; мы въ школѣ, домашнимъ образомъ, безъ всякой торжественности, тогда поминали его, а торжество отложили на годъ. Къ этому торжеству добрый мой пріятель, воронежскій художникъ Л. Г. Соловьевъ, приготовилъ намъ большой портретъ Крылова, а я, неисправимый стихотворецъ, состряпалъ гимнъ, который былъ разученъ нашимъ хоромъ. Портретъ украсили зеленью и русскими узорчатыми полотенцами. Содержаніе акта было слѣдующее.

1. Хоръ пѣлъ „Царю небесный“.
 2. Я прочиталъ отчетъ за 1893—4 учебн. годъ.
 3. Раздавали свидѣтельства и награды.
 4. Хоръ пѣлъ „славу“ молодымъ грамотеямъ.
 5. Я, какъ попечитель, произнесъ рѣчь о надеждахъ школы.
 6. Хоръ пѣлъ „Славься“, съ колокольнымъ звономъ.
 7. Ученикъ Срывкинъ прочиталъ свое сочиненіе „Дѣдушка Крыловъ“.
 8. Хоръ пѣлъ гимнъ Крылову.
 9. Ученики и ученицы, окончившіе курсъ, представляли въ лицахъ басни Крылова: „Волкъ и Котъ“, „Щука и Котъ“, „Стрекоза и Муравей“.
 10. Хоръ пѣлъ „Спаси Господи“.
- Послѣ акта дѣти получили гостинцы, булочки, пряники и др. лакомства.

Гимнъ дѣдушкѣ Крылову.

1895.

Старецъ мудрый, старецъ добрый
На Руси когда-то жилъ;
Онъ людей добру и правдѣ
Побасенками училъ.
Братья, дѣдушку Крылова
Добрымъ словомъ помянемъ,

Братья, дѣдушкѣ Крылову
Дружно „славу“ пропоемъ:
Слава, слава, слава, слава,
До скончанія вѣковъ!
Славься русскій баснописецъ,
Мудрый дѣдушка Крыловъ!

Славься русскій баснописецъ,
Добрый дѣдушка Крыловъ!
Басни дѣдушки Крылова
Забавляютъ и смѣшатъ,
А пойми да раскуси ихъ—
Поумнѣешь во сто кратъ.
Братья, дѣдушку Крылова... и т. д.

Слава, слава, слава, слава,
До скончанія вѣковъ!
Эти щуки, эти волки,
Эти сказки про звѣрей...
Что за мудрые уроки
Въ нихъ даются для людей!
Братья, дѣдушку Крылова... и т. д.

Актъ происходилъ утромъ, а вечеромъ въ тотъ же день мы въ Петинѣ открыли нашъ театральнй сезонъ литературно-вокальнымъ вечеромъ съ свѣтовыми картинами. На этотъ вечеръ, въ числѣ другихъ гостей, я пригласилъ учительницу вновь открытой въ сосѣднемъ селѣ Малышевѣ (на другомъ берегу Дона) школы.

Учительница Малышевскаго училища, Е. Е. Сорокина, оказалась очень солидной и развитой особой, сохранившей вѣру въ дѣло, любовь къ дѣтямъ и энергію, хотя жизнь ее, повидимому, много была. Ея трудолюбіе и терпѣніе изумительны. Въ отвѣтъ на мое приглашеніе, она пѣшкомъ, несмотря на страшную грязь, пришла къ намъ съ десяткомъ ребятишекъ, своихъ учениковъ.

Литературно-вокальный вечеръ удался. Сорокина ночевала у насъ, ея ребятишки ночевали въ школѣ, а утромъ, чѣмъ свѣтъ, она уже отправилась,— конечно, не пѣшкомъ, а на моей лошади,—въ Малышево, къ началу учебныхъ занятій.

Московскій комитетъ грамотности затѣялъ устроить при всероссійской сельско-хозяйственной выставкѣ въ концѣ этого года (въ декабрѣ) отдѣлъ по народному образованію, включая сюда и школу, и народныя библіотеки, и народный театръ. Онъ разослалъ очень горячій циркуляръ, приглашая экспонентовъ, съ приложеніемъ программы. Кромѣ того, онъ собираетъ подробныя свѣдѣнія по школьному дѣлу въ Россіи. Получилъ приглашеніе комитета и я. Свѣдѣнія отправлены своевременно, а экспонатами моими будутъ: опять двѣ картограммы (Петинская школа и Петинскій народный театръ), заново составленныя и красиво исполненныя, письменныя экзаменныя работы, мои книги и брошюры. Вообще у насъ замѣчается большое оживленіе въ дѣлѣ народнаго образованія, оживленіе чисто-общественное, переходящее въ „безсмысленныя мечтанія“, потому что возлагаются большія надежды на правительство: и права-то земства въ этомъ дѣлѣ оно расширитъ, и денегъ-то дастъ, и частной-то инициативѣ откроетъ просторъ, окажетъ широкое довѣріе. Оживленіе обнаружилось даже въ нашемъ Воронежскомъ уѣздномъ земствѣ, которое вообще вяло и скупотно относилось къ дѣлу народнаго образованія: оно увеличило вознагражденіе учащимъ и установило прогрессивное увеличеніе его: начальное 240 р., черезъ пять лѣтъ прибавляется 24, еще черезъ пять опять 24 р. и т. д.

Такое стремленіе русскаго общества проявляется безпрепятственно, слава Богу; а вотъ другое подобное мечтаніе уже подвергнулось опалѣ. Я говорю объ уничтоженіи тѣлеснаго наказанія, отвращеніемъ къ которому вдругъ воспылала и Россійское дворянство, и многія земства. Они заговорили объ этомъ не на шутку и усердно принялись сочинять ходатайства и представленія; одни

желаютъ безусловнаго уничтоженія розги, другія—для окончившихъ курсъ въ училищѣ. Какъ не скромны эти ходатайства, но реакціонная печать уже внесла ихъ въ категорію „безсмысленныхъ мечтаній“ и усмотрѣла въ нихъ какія-то опасныя покушенія, даже стоящія внѣ закона. Новый министръ внутреннихъ дѣлъ г. Горемыкинъ, замѣнившій Дурново, назначеннаго предсѣдателемъ комитета министровъ вмѣсто умершаго Бунге, тѣмъ и началъ свою дѣятельность, что, во первыхъ, воспретилъ розничную продажу „Рускихъ Вѣдомостей“, газеты хоть и либеральной, но очень скромной и осторожной, во вторыхъ, разослалъ циркуляръ, воспреещающій дворянскимъ и земскимъ собраніямъ, подъ отвѣтственности предсѣдателей, разсуждать о вопросахъ, имѣющихъ общегосударственный характеръ. Имѣется въ виду „общегосударственное“ значеніе розги. „Гражданинъ“, газета кн. Мещерскаго, и „Московскія вѣдомости“ возликовали по поводу этого министерскаго распоряженія, ограничивающаго права дворянства и земства, принадлежащія имъ по закону, исходящему отъ верховной власти.

С. Петино. 1895 г. декабря 31.

Нынѣ я поѣхалъ въ Петербургъ раньше обыкновеннаго,—именно 24 ноября, рассчитывая подольше побыть съ сыномъ, а потомъ переѣхать въ Москву на выставку комитета грамотности. Но Саши въ Петербургѣ я не захватилъ: его телеграммой вызвали въ Вологду по случаю опасной болѣзни матери. Поэтому и я пробылъ въ Петербургѣ очень недолго. Полубояринова я захватилъ накануне отъѣзда за границу и немедленно покончилъ свои расчеты съ нимъ по изданію моихъ книгъ, повидался съ моими друзьями, да кое съ кѣмъ изъ моихъ учениковъ и старыхъ пріятелей, которыхъ давно-давно не видалъ, и къ 6-му декабря былъ уже въ Москвѣ. Старые пріятели оказались сильно постарѣвшими, выдохшимися и... поглупѣвшими. Таковымъ, между прочимъ, я нашелъ моего товарища по гимназіи, когда-то яраго радикала, нетерпимаго и суроваго, Ю. С. Лыткина, съ которымъ не видался лѣтъ 25. Онъ все еще служить преподавателемъ исторіи и географіи въ одной изъ Петербургскихъ гимназій, но занятъ, кажется, только самъ собой, своими учебниками географіи, сухими и скучными, и своими сочиненіями о Зырянскомъ краѣ, которые преподносятъ Высочайшимъ особамъ, добиваясь какихъ-то милостей. Разговоръ его, вялый и скучный, все вертится на его особѣ; обо мнѣ, о моей жизни, онъ даже и не поинтересовался, все рассказываетъ о себѣ, а я благоразумно не навязывался со своей особой и ушелъ съ твердымъ намѣреніемъ больше не возвращаться къ этой скучной развалинѣ. Таковымъ-же, хотя въ другомъ родѣ, нашелъ я другого стараго пріятели, тоже когда-то принадлежавшаго къ либеральному кружку Лыткина, Н. И. Гуляева. Онъ былъ воспитателемъ дѣтей министра Воронцова-Дашкова, а теперь получилъ мѣсто въ собственной Его Имп. Вел. канцеляріи и сталъ настоящимъ чиновникомъ, бесѣда съ которымъ не даетъ ничего ни пріятнаго, ни поучительнаго... Да, сильно измѣнились эти люди... Нѣтъ, это уже не люди, а живые трупы... Болѣе пріятное впечатлѣніе

произвели на меня мои ученики по военной гимназіи: артиллерійскій полковникъ Бѣдновъ, полковникъ генеральнаго штаба Смородскій и технологъ Блюмеръ, основатель и управляющій чугунно-литейнымъ заводомъ. Это милые живые и сердечные люди, и мнѣ пріятно сознавать, что они мои ученики. И я радъ былъ видѣться съ ними, они встрѣтили меня съ распростертыми объятіями.

Конечно, побывалъ я и въ Петербургскихъ театрахъ; между прочимъ, смотрѣлъ и „Власть тьмы“ Льва Толстого, которую нынѣ разрѣшили къ постановкѣ даже на казенныхъ сценахъ, и оптимисты увидѣли въ этомъ хорошій признакъ, — что-то вродѣ ласточки, предвѣстницы весны. Но забыли они, что „одна ласточка не дѣлаетъ весны“. Мнѣ сказали, что пьеса Толстого лучше идетъ въ Маломъ театрѣ, на частной сценѣ редактора-издателя „Новаго Времени“ Суворина, нежели на казенной сценѣ. Я и отправился въ Малый театръ. Но—увы!—она и здѣсь идетъ совсѣмъ плохо, безъ пониманія и натуры. Даже Стрепетова роль злодѣйки-матери героя играетъ фальшиво и неумѣло. Болѣе интереснымъ былъ для меня народный театръ Ив. Вас. Рукавишникова, въ селѣ Рождественѣ, близъ Сиверской, куда мнѣ удалось съѣздить съ В. А. Латышевымъ. Еще въ прошломъ году я собирался въ этотъ театръ, по приглашенію хозяина, но тогда мнѣ не удалось это, а теперь оказалось удобнымъ и возможнымъ. До Сиверской мы доѣхали по желѣзной дорогѣ, а на станціи насъ ждала лошадь. Мы пообѣдали у хозяина и отправились въ театръ, который помѣщается въ особомъ зданіи,—вполнѣ приспособленномъ и благоустроенномъ, но холодномъ. Театромъ завѣдуетъ женщина-врачъ (фамилію забылъ). Труппа изъ крестьянской молодежи, но съ участіемъ интеллигентныхъ любителей и даже съ режиссеромъ изъ провинціальныхъ актеровъ, что даетъ возможность ставить многія пьесы невозможныя у насъ, при труппѣ исключительно изъ крестьянской молодежи, вовсе незнающей никакой другой жизни, кромѣ крестьянской. Цѣны мѣстамъ 1 р. 50 к. и не дешевле 20 к. У насъ это было бы слишкомъ дорого. На этотъ разъ играли „Горячее сердце“ Островскаго и очень не дурно. Изъ доморощенныхъ исполнителей, на которыхъ было сосредоточено мое вниманіе, выдавались двѣ актрисы, толково и съ огонькомъ исполнявшія свои роли, далеко не легкія. Такихъ актрисъ у насъ нѣтъ и не было. Зрители—мѣстное и окрестное крестьянство. Говорятъ, что театръ пользуется большимъ успѣхомъ. Крестьяне его полюбили, втянулись, но постоянно требуютъ новинокъ; при повтореніяхъ бываетъ пусто: совсѣмъ не то, что у насъ, гдѣ возможно три-четыре раза подрядъ ставить одну и ту же пьесу, гдѣ зрители желаютъ и просятъ повторенія любимой пьесы вродѣ „Не такъ живи, какъ хочется“ или „Бобыля“. Спектакли въ Рождественѣ даются каждое воскресенье, и постановка постоянно новыхъ пьесъ крайне затруднительна: и выборъ пьесъ затрудняетъ, и выучивать роли, и достаточно срепетировать пьесу нѣтъ возможности.—Изъ народнаго театра въ Рождественѣ я прямо попалъ на выставку народнаго театра въ Москвѣ.

Выставка московскаго комитета грамотности при всероссійской сельскохозяйственной выставкѣ помѣщалась въ манежѣ, гдѣ много лѣтъ тому назадъ находилась та политехническая выставка, вѣрнѣе ея учебно-педагогическій отдѣлъ и аудиторія для лекцій (моихъ и Евтушевскаго) всероссійскаго съѣзда

русскихъ народныхъ учителей. Выставка комитета была не особенно декоративна, но весьма и весьма содержательна. Главное ея богатство заключалось въ массѣ матеріаловъ по всеобщему обученію изъ разныхъ губерній, представленныхъ въ картограммахъ, діаграммахъ, таблицахъ; въ этомъ матеріалѣ сказалось то движеніе нашихъ земствъ въ усиленной заботѣ о народномъ образованіи, о которомъ я говорилъ. Нѣкоторыя земства представили полные, хорошо обработанные планы всеобщаго обученія. Но, къ сожалѣнію, не замѣтно намѣренія придать этому всеобщему обученію обязательность, безъ которой у насъ едва ли что либо выйдетъ прочное и плодотворное. Еще Ушинскій настаивалъ на необходимости у насъ обязательнаго обученія. Я вынесъ убѣжденіе въ этой необходимости изъ непосредственнаго соприкосновенія съ народомъ и народной жизнью. Въ пользу ея говорить и вся исторія русскаго народа, коснаго, малоподвижнаго, тугого на подъемъ, привыкшаго испоконъ вѣку все, даже въ его собственныхъ интересахъ, дѣлать только по приказанію свыше, по распоряженію власти. Надо что нибудь одно: или дать ему полную свободу, отбросивъ всякую опеку, или вести послѣдовательно насильственнымъ путемъ, какъ вели его до сихъ поръ, хоть бы прямо только въ интересахъ государственныхъ. Грамотность, народное образованіе—потребность прямо государственная; безъ народнаго образованія въ настоящее время наше государство не можетъ быть сильно и играть выдающуюся роль въ Европѣ. Ну, и нужно, чтобы кто нибудь, слѣдуя за Петромъ Великимъ, взявшимъ за бороду русскаго боярина и заставившимъ его учиться, теперь взялъ мужика и насильно потащилъ въ школу. Безъ этого насилія наше крестьянство добровольно не примется за книжку, придерживаясь того мнѣнія, что дѣды и отцы жили не хуже безъ грамоты и книжки,—ну, значить, и мы проживемъ. Только для такого рѣшительнаго насилія нуженъ второй Петръ Великій. Говорятъ: это будетъ возмутительное насиліе, но въ сущности этимъ лжелиберальнымъ протестомъ противъ насилія прикрываютъ тайное опасеніе, чтобы де грамотное и мыслящее крестьянство не затерло погибающее дворянство, самодурное купечество и чиновническое лакейство. А всеобщая воинская повинность не насиліе, гораздо болѣе жестокое и противуестественное, вовсе не въ интересахъ насилуемыхъ, ничѣмъ не оправдываемое, кромѣ государственной потребности, вовсе не совпадающей съ потребностями народа? Я много спорилъ, и устно, и печатно по этому вопросу, терпѣливо выслушивая всякіе доводы и возраженія, и все таки остаюсь при твердомъ убѣжденіи, что только всеобщее „обязательное“ обученіе — спасеніе для Россіи, какъ народности и какъ государства. Могла-бы еще, можетъ быть, спасти полная свобода, безъ всякой опеки, но на такой экспериментъ кто же у насъ согласится? Ну, слѣдовательно, и надо благоразумно идти торной дорожкой насилія, по возможности, согласуя потребности государственныхныя съ потребностями народными. Такое согласованіе существовало при уничтоженіи крѣпостнаго права. Оно будетъ и въ обязательномъ обученіи. Въ обязательной всеобщей воинской повинности его не было.

Хорошо была представлена на выставкѣ московскаго комитета грамотности дѣятельность „Харьковскаго общества для распространенія грамотности въ народѣ“, съ его школами, чтеніями, изданіями, а также Харьковская частная воскресная школа, которую представляла сама Христина Даниловна Алчевская,

лично засѣдавшая на выставкѣ почти цѣлый день. Былъ особый отдѣлъ народнаго театра, гдѣ можно было видѣть даже дешевую сцену, съ занавѣсомъ и обстановкой, гдѣ была выставлена и картограмма Петинскаго театра съ моей брошюрой „Опытъ народнаго театра“. Отдѣломъ народнаго театра завѣдывали: Н. И. Тимковскій, молодой писатель, сотрудникъ „Русской Мысли“ и „Русскихъ Вѣдомостей“, и Н. А. Поповъ, тоже пишущій кое что для народнаго театра (напр. пьесу изъ народныхъ преданій „Шемякинъ Судъ“); съ обоими я хорошо сошелся.

Какъ только я пріѣхалъ въ Москву, меня завербовали въ экспертную комиссію, которая работала подъ предсѣдательствомъ князя Д. И. Шаховскаго, ярославскаго земца, въ составъ которой вошли: два инспектора народныхъ училищъ, Вахтеровъ, авторъ очень хорошихъ работъ по всеобщему обученію (въ „Русской Мысли“ за 1895 г.) и Пузыревскій, профессора Чупровъ и Карелинъ, докторъ-санитаръ Н. Ѳ. Михайловъ, секретарь комитета грамотности Сахаровъ, статистикъ Боголѣповъ, нѣсколько учительницъ, оба спеціалиста по народному театру, Тимковскій и Поповъ, и, конечно,—неизбѣжная Хр. Д. Алчевская.

Такимъ образомъ, у меня явилась масса знакомыхъ, съ которыми потолковать было пріятно. Большую часть времени я и проводилъ на выставкѣ, куда мнѣ и необходимо было ходить, во-первыхъ, для экспертизы, во-вторыхъ, для собиранія матеріаловъ, такъ какъ я общалъ В. А. Латышеву обстоятельную статью о выставкѣ для „Рус. Нач. Учит.“. Впрочемъ, Латышевъ и самъ на нѣсколько дней пріѣзжалъ въ Москву, но все-таки просилъ меня написать общанную статью, и я усердно собиралъ для этой статьи матеріалы, тѣмъ болѣе, что выставка, и по ея существу, и по направленію ея заправилъ была мнѣ очень симпатична. Матеріаловъ скопилось много, и предвидѣлась большая работа, которую я, конечно, отложилъ до Петина.

Совершенно сверхъ моихъ заслугъ и вопреки моему желанію, экспертная комиссія въ одномъ засѣданіи, на которомъ я не присутствовалъ, присудила мнѣ высшую награду, почетный дипломъ, наряду съ харьковскимъ обществомъ для распространенія грамотности, московскимъ губернскимъ земствомъ, фирмой „Посредникъ“, харьковской частной женской воскресной школой, — и только, такъ что личный почетный дипломъ оказался одинъ. Онъ былъ мотивированъ въ протоколѣ, въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ и особой брошюркѣ, изданной комитетомъ грамотности, въ слѣдующихъ выраженіяхъ, сильно преувеличивающихъ мои заслуги: „Почетный дипломъ Николаю Ѳедоровичу Бунакову за высоко-полезную и разностороннюю въ теченіе болѣе четверти вѣка личную дѣятельность по народному образованію и за особо-цѣнные труды его по учебно-педагогической литературѣ; за устройство образцовой школы и народныхъ спектаклей и за наглядное представленіе свѣдѣній о нихъ на выставкѣ“. Я настаивалъ, что экспертная комиссія въ этомъ случаѣ „хватила черезъ край“, но дѣло было уже рѣшено; но въ душѣ я все-таки чувствовалъ большое удовольствіе, ободряющее и придающее силъ для дальнѣйшей работы.

Между тѣмъ, изъ Вологды получились печальныя извѣстія, и, наконецъ, увѣдомленіе, что Александра Михайловна скончалась отъ астмы, осложненной

другими тяжелыми страданіями. Понятно, что ея смерть не могла произвести на меня особенно удручающаго впечатлѣнія.

Возвратившись домой и разбирая полученную безъ меня почту, я узналъ, что умеръ и братъ мой В. Ѳ. Бунаковъ послѣ довольно продолжительной душевной болѣзни. Способный былъ человекъ, но безъ прочныхъ убѣжденій, безъ солидныхъ нравственныхъ устоевъ, и чрезвычайно строптиваго и вздорнаго характера, чѣмъ объясняется то странное обстоятельство, что онъ вполне проникся чиновническимъ духомъ, служа инспекторомъ народныхъ училищъ и былъ, какъ отзывался о немъ братъ Андрей, „съ головы до ногъ“ казенный инспекторъ, и все-таки его выживали со службы и радовались, когда онъ вышелъ въ отставку, дослуживъ свои 25 лѣтъ. Итакъ, изъ насъ, четырехъ братьевъ Бунаковыхъ-Ѳедоровичей, остался одинъ я, старшій. Думаю, что не далека и моя очередь. Смерти не боюсь, но хотѣлъ бы, чтобы жизнь моя не прошла безслѣдно, чтобы подольше прожили мои начинанія... Кому я ихъ передамъ въ надежныя руки? Какъ и чѣмъ обезпечу болѣе или менѣе продолжительное ихъ существованіе?—Конечно, у меня сынъ, подающій надежды. При мысли о немъ невольно думаю, что вотъ изъ него выйдетъ честный и основательный общественный дѣятель, одушевляемый свѣтлыми идеальными стремленіями, что окончитъ курсъ университета, пойметъ смыслъ моихъ начинаній, убѣжденный, вооруженный знаніями, свободный и самостоятельный, вступить въ жизнь твердыми и смѣлыми шагами, и я передамъ ему всѣ мои дѣла... Но и это не „безсмысленныя ли мечтанія?“—Декабря 30 пріѣхалъ Саша.

XIV.

Годъ горькихъ разочарованій.

Попятное движеніе русской жизни.

1896.

С. Петино. 1896. Апрѣля 2.

Я не замѣтилъ, чтобы Саша былъ глубоко огорченъ смертью матери, хотя онъ писалъ мнѣ объ этомъ въ сильныхъ выраженіяхъ. Не даромъ покойная много разъ писала мнѣ, что онъ вовсе не любитъ ее.

Начало новаго года въ русской государственной жизни, въ отвѣтъ на всѣ „безсмысленныя мечтанія“, которыми жило и увлекалось легковѣрное наше общество въ прошедшемъ году, ознаменовалось: отпускомъ изъ государственнаго казначейства трехъ милліоновъ на церковно-приходскія школы, безъ всякаго увеличенія средствъ мин. нар. просвѣщенія на дѣло народнаго образованія, уничтоженіемъ всякой самостоятельности столичныхъ комитетовъ грамотности, переименованныхъ въ „общества“ и отданныхъ подъ строжайшую бюрократическую опеку; упорнымъ примѣненіемъ министерскаго распоряженія, чтобы дворянскія и земскія собранія отнюдь не разсуждали и не входили ни съ какими ходатайствами по вопросамъ обще-государственнымъ, какъ уничтоженіе тѣлес-

наго наказанія, и новымъ распоряженіемъ, чтобы дворянства, земства и города, въ виду предстоящей коронаціи, ограничились въ выраженіи вѣрноподданническихъ чувствъ преподнесеніемъ иконъ, блюдъ и т. п., но не дерзали бы являться ни съ какими „адресами“.

Я увѣренъ, наши чиновники, стоящіе вверху, вѣрятъ въ церковно-приходскую школу.

Нашъ театральный сезонъ мы начали съ „Жизни за Царя“. Теперь мы находимся въ распоряженіи новаго губернатора, переведеннаго изъ Вологды, нѣкоего г. Колѣнко, феноменальнаго дурака и самодура, который вмѣшивается во все, даже контролируетъ, говѣютъ ли всѣ служащіе, въ томъ числѣ и предводители дворянства. Надо было, на всякій случай, приготовить отпоръ, если бы этотъ дуракъ вздумалъ возставать противъ нашихъ народныхъ спектаклей, что легко могло быть вызвано шумными толками о народномъ театрѣ, возбужденными московской выставкой.

Опять дополняю лѣтопись нашего народнаго театра.

Лѣтопись народнаго театра въ с. Петинѣ.

Годъ девятый, 1895—96.

Въ томъ же помѣщеніи. Цѣны: 20 к., 10 к., 5 к., 1 к.

Октября 29 (46—1). Литературно-вокальный вечеръ съ волшебнымъ фонаремъ: чтенія, хоры, басни въ лицахъ, картины съ рассказами и объясненіями (призваніе князей и крещеніе Руси), въ 4-й разъ.

Января 14 (47—2). „Жизнь за Царя“, въ 8-й разъ.

Января 21 (48—3). „Бобыль“, въ 4-й разъ. „Въ ночномъ“, сцена изъ „Сиротки“, въ 9-й разъ.

Января 28 (49—4). „Что такое жена?“, въ 3-й разъ. „Бобыль“, въ 5-й разъ.

Января 30 (50—5). „Степка Отпѣтый“, въ 5-й разъ.

Февраля 18 (51—6). Литературно-вокальный вечеръ: чтеніе (Тихонъ Задонскій, стихотворенія), хоровое пѣніе, въ 5-й разъ.

Февраля 25 (52—4). Литературно-вокальный вечеръ: чтеніе (Іоаннъ Богословъ, рассказы и стихотв.), хоровое пѣніе, въ 6-й разъ.

Марта 3 (53—8). Литературно-вокальный вечеръ: чтеніе (Кириллъ и Меѳодій, Песталоцци и Ушинскій, стихотворенія), хоровое пѣніе, въ 7-й разъ.

Марта 10 (54—9). Литературно-вокальный вечеръ: чтеніе (Митрофанъ Воронежскій, стихотв.), хоровое пѣніе, въ 8-й разъ.

Нѣсколько разъ на литературно-вокальныхъ вечерахъ пѣли, между прочимъ, концертъ Григорьева „Благослови, душе моя...“, выборку изъ 103 псалма Давида, богатую высоко-поэтическимъ достоинствомъ, живыми образами, яркими красками и возвышеннымъ лиризмомъ. Прочитывая полный текстъ этого псалма, я увлекся его красотами и затѣялъ переложить его стихами на русскій языкъ. Помню, что въ русской поэзіи существуетъ переложеніе его, сдѣланное Державинимъ, съ которымъ, конечно, соперничать не мнѣ; онъ былъ высоко-талантливый поэтъ, а я только стихотворецъ. Но его переложеніе устарѣло (оно и 35 лѣтъ тому назадъ, когда я читалъ и изучалъ его, не отличалось свѣжестью

языка), да его и не было у меня подъ руками. Загорѣлась какая-то непреодолимая потребность стихотворства, которое заносу сюда.

Сто третій псаломъ Царя Давида.

1896.

Благослови Творца вселенной,
 Душа моя, Его воспой!..
 Великъ Ты, Боже! Несравненный,
 Господь, облекся Ты красой.

На тягѣ землю утвердилъ Ты,—
 Не поколеблется во вѣкъ,
 И воздухомъ ее повилъ Ты,
 И всю изрѣзаль сѣтью рѣкъ.

Вода лилась, вода шумѣла,
 Но Ты ей положилъ предѣль,
 И дальше этого предѣла
 Не разливаться повелѣлъ.

По слову Твоему, отъ вѣка
 Трава пестрѣетъ на лугахъ,
 И злакъ, на пользу человѣка,
 Колосья клонить на поляхъ.

Ты кедрѣ повелѣлъ стремиться
 Главой къ небесной вышинѣ;
 На кедрѣ томъ орелъ гнѣздится,
 И бѣлый аистъ на соснѣ.

Ты сотворилъ луну премудро
 Для показанія временъ:
 Взойдетъ—и солнышко до утра
 Скрывается за небосклонъ.

Восходить солнце, золотятся
 Его лучами небеса,—
 Въ берлоги хищники ложатся,
 Звучать пернатыхъ голоса.

Морей безбрежныя пучины
 Ты населилъ, Ты жизнь имъ далъ:
 Играютъ жадныя дельфины,
 Корабль бѣжитъ, растетъ коралль...

Одѣтый свѣтомъ, изъ лазури
 Раскинулъ небо, какъ шатеръ;
 На облакахъ, на крыльяхъ бури,
 Ты превознесся выше горъ.

Ты повелѣлъ,—и воды льются:
 Твоихъ велѣній внемля громъ,
 То легкимъ паромъ вверхъ несутся,
 То долу падаютъ дождемъ.

Смирясь, вода въ ключахъ прохладныхъ,
 Журчитъ въ долинахъ и горахъ,
 Поить звѣрей и травоядныхъ,
 И птицъ поющихъ на вѣтвяхъ.

И человѣкъ встаетъ сильнѣе,
 Вкусивъ отъ хлѣба послѣ сна,
 Лицо блистаетъ отъ елея,
 Бодрѣе сердце отъ вина.

Тамъ вихремъ мчится быстроногий
 Олень на горныхъ крутизнахъ;
 Тамъ заяцъ прячется убогий
 Между камнями въ кустахъ.

Падетъ на землю тьма ночная,
 Выходятъ звѣри изъ берлогъ,
 И львы рыкаютъ, ожидая,
 Какую пищу дастъ имъ Богъ.

И человѣкъ, покинувъ ложе,
 Выходитъ на труды свои...
 Какъ многочисленны, о Боже,
 Дѣла премудрости твои!

И все живое ожидаетъ
 Твоихъ, о Господи, щедротъ:
 Дохнешь Ты—жизнь кругомъ играетъ,
 Ты отвернешься—все умретъ...

Всѣ твари Господомъ живятся...
Онъ взглянетъ—и земля дрожитъ,
Коснется горъ—онѣ дымятся,
Речь и море закипитъ...

Его твореньемъ восхищенный,
Всю жизнь я буду пѣть Творца:
Прими, Господь мой, благосклонно
Хваленье Твоего пѣвца!

* * *

Исчезните съ земли смиренно,
Вы—нечестивцы, дѣти зла!
Благослови Творца вселенной,
Душа моя! Ему хвала!

* * *

Работа надъ этимъ псалмомъ остановила мое вниманіе на „Псалтырь“ вообще, и я нашелъ въ этой книгѣ массу поэтическихъ произведеній, которыя прекрасны не только сами по себѣ, какъ эхо и отраженіе отдаленнаго времени, но и по живому отношенію къ недалекой и даже теперешней современности, съ ея идейнымъ содержаніемъ и душевнымъ настроеніемъ, и я рѣшилъ не останавливаться на 103 псалмѣ. Многія другія пѣснопѣнія Давида, при недостаткѣ личной творческой силы, даютъ мнѣ готовые образы для выраженія моихъ личныхъ настроеній, какъ живого человѣка, переживаемаго нами времени. Вѣроятно же всего, что получится рядъ заурядныхъ стихотвореній, цѣнныхъ только для меня, но все же... хоть не „декадентскихъ“...

Между тѣмъ, толки объ уничтоженіи тѣлеснаго наказанія, и про и contra, все продолжаютъ, несмотря на министерское распоряженіе и губернаторскіе протесты. Нѣкоторыя земства, чтобы обойти сказанное распоряженіе, свели вопросъ на мѣстную почву. Напр., рязанское земство ходатайствуетъ объ уничтоженіи тѣлесныхъ наказаній для населенія Рязанской губерніи. Въ другихъ вопросъ прошелъ и въ общемъ видѣ, благодаря разумности и благородству предсѣдателей. Тамбовское земство обжаловало въ сенатѣ распоряженіе губернатора, положившаго подъ сукно постановленіе о ходатайствѣ. Много способствовала обществу по этому вопросу горячая и кровью написанная статья гр. Л. Н. Толстого „Стыдно!“, появившаяся въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“, перепечатанная въ 1-й книжкѣ „Недѣли“ за этотъ годъ, за которую нельзя не поблагодарить великаго русскаго старца. Можно думать, что въ этомъ случаѣ его голосъ будетъ полезенъ. Его не любятъ русское чиновничество, а особенно духовенство, но нѣсколько побаивается его.—Говорятъ, будто коронація, вмѣстѣ съ другими благами, принесетъ и уничтоженіе тѣлеснаго наказанія; но многіе сомнѣваются въ этомъ. Трудно сказать, что вѣроятно же, но вѣрю, что это былъ бы ловкій ходъ со стороны власти, если бы она, устраняя всѣ ходатайства интеллигенціи, сдѣлала дѣло какъ будто по собственной инициативѣ, подобно тому, какъ она устранила интеллигенцію въ дѣлѣ кормленія, во время голодовки 1891—92 годовъ, и приняла это дѣло, со всѣми народными симпатіями, на себя, направивъ на эту интеллигенцію всѣ чувства народной недоброжелательности, зависти, недовольство, озлобленіе и проч. Въ данномъ случаѣ это сдѣлать тѣмъ удобнѣе, что дворянство и бюрократія никогда не были, въ своей

совокупности, милостивы къ мужику, и представители дворянства, вродѣ Протопопова и другихъ земскихъ начальниковъ, еще недавно съ большимъ усердіемъ практиковали и теперь практикуютъ кулакъ и розгу. Но у чиновниковъ не хватитъ ни ума, ни рѣшимости на такой смѣлый шагъ, котораго воротить уже нельзя...

Въ январѣ мы съ Л. И. Михайловой посѣтили малышевское училище и его учительницу, которая просила меня проэкзаменовать ея учениковъ, что я и сдѣлалъ. Успѣхи въ такое короткое время (съ 23-го октября) сдѣланы значительные. Очевидно, что Ек. Евг. Сорокина учительница незаурядная. Боюсь только, что такая работа совсѣмъ подорветъ ея слабыя силы: это женщина— побитая жизнью, истощенная. Вообще, эта зима дала намъ нѣсколько знакомствъ очень пріятныхъ, которыя особенно дороги въ такомъ глухомъ и безлюдномъ краю, какъ нашъ. Въ 15-ти верстахъ отъ Петина находится имѣніе воронежскаго предводителя дворянства, И. П. Алисова, моего довольно хорошаго знакомаго, человѣка расположеннаго ко мнѣ.

Вдругъ неожиданно пріѣзжаетъ ко мнѣ мужъ и жена. Онъ рекомендуетъ, какъ управляющій тѣмъ самымъ имѣніемъ Алисова, о которомъ я говорилъ; оба заявляютъ желаніе познакомиться на основаніи слуховъ о моей дѣятельности въ деревнѣ, которая имъ очень симпатична. Люди очень пріятные и вполне интеллигентные. Зовутъ ихъ М. П. Золотаревъ и Зинаида Федоровна. Я встрѣтилъ ихъ съ распростертыми объятіями, познакомилъ ихъ съ Л. И. Михайловой, и мы сошлись очень хорошо. Они сдѣлались нашими частыми гостями, а на великопостныхъ нашихъ концертахъ — даже непосредственными участниками: она читала, а онъ пѣлъ въ хорѣ. Съ ними къ намъ пріѣзжала очень интересная и оригинальная особа, жена доктора П. И. Якоби, купившаго у Алисова участокъ земли и вознамѣрившагося сдѣлаться руссимъ землевладѣльцемъ, В. А. Якоби, урожденная Зайцева. Я встрѣчалъ Варвару Александровну много лѣтъ тому назадъ у Благосвѣтлова, тогда издававшего „Русское Слово“, въ которомъ ея братъ, В. А. Зайцевъ, былъ виднымъ сотрудникомъ. Но трудно было узнать въ этой очень пожилой и солидной женщинѣ ту свѣженькую и очень интересную нигилистку, какою она была тогда. Она тоже или не узнала, или сдѣлала видъ, что не узнала; такъ мы и встрѣтились, какъ будто, первый разъ въ жизни. Только потомъ, отъ Золотаревыхъ, я узналъ, что это В. А. Зайцева, но счелъ уже лишнимъ напоминать ей о нашемъ давнемъ знакомствѣ. Но теперь густыя нависшія брови и привычка многозначительно хмуриться напомнили мнѣ въ г-жѣ Якоби юную нигилистку Зайцеву. Не знаю, какъ и гдѣ именно Варвара Александровна изъ княгини Голицыной (она вступила съ княземъ Г. въ фиктивный бракъ, чтобы пріобрѣсти самостоятельность и независимость отъ отца) обратилась въ г-жу Якоби. Мужъ ея, братъ извѣстнаго художника (его „арестанты на привалѣ“, „смерть Роббеспьера“ и др.), довольно извѣстный психіаторъ, эмигрантъ и французскій гражданинъ, большую часть жизни провелъ за границей и пользовался большой популярностью между русскими больными, посѣщавшими Южную Францію. Смерть старшаго сына побудила супруговъ Якоби возвратиться со вторымъ сыномъ въ Россію. Здѣсь онъ устраивалъ психіатрическую больницу въ Москвѣ, а теперь завѣдуетъ

такой же больницей въ Орлѣ. Съ Алисовымъ онъ сошелся, кажется, еще за границей, встрѣтился въ Орлѣ и случайно купилъ у него 100 десятинъ земли. Вотъ какимъ образомъ жена его очутилась недалеко отъ Петина, а потомъ и въ Петинѣ. — Наши народные спектакли нынѣ пріобрѣли, благодаря Московской выставкѣ, довольно широкую извѣстность, и вотъ я сталъ получать изъ разныхъ мѣстъ запросы съ просьбой объ указаніяхъ и совѣтахъ: изъ Кіева, изъ Риги, изъ Курска, изъ Старога Оскола.

Вотъ уже не думалъ, чтобы когда нибудь сдѣлаться компетентнымъ человекомъ по театральной части! Даже получилъ, черезъ волостное правленіе, письмо изъ Вѣны на неправильномъ французскомъ языкѣ (очевидно — еврейской фабрикаціи), адресованное „Господину Бургомистру, село Петино, Воронежской губерніи“, въ которомъ корреспондентъ извѣщаетъ, что въ какомъ-то вѣнскомъ журналѣ напечатана статья о нашемъ театрѣ, и что я могу получить № журнала съ этой статьей, лестной для мѣня, если вышлю по адресу назначенную плату. Я, конечно, обстоятельно отвѣтилъ на всѣ остальные письма, это послѣднее оставилъ безъ отвѣта.

Еще въ концѣ января я получилъ очень интересное письмо изъ г. Елабуги, Вятской губерніи, отъ Вятскаго губернскаго гласнаго, Н. В. Алашеева, которое показываетъ, какъ оживился въ нашихъ земствахъ интересъ къ дѣлу народнаго образованія, и какое серьезное направленіе онъ принялъ. Н. В. Алашеевъ произнесъ рѣчь въ губернскомъ земскомъ собраніи, которую тоже прислалъ мнѣ: онъ доказывалъ, что стремленіе къ организаціи и установленію всеобщаго обученія очень почтенно и разумно, но не достаточно для правильной постановки народнаго образованія въ Россіи, что рядомъ съ этимъ въ настоящее время необходимо позаботиться объ основаніи народныхъ училищъ высшаго типа, сравнительно съ теперешней трехгодичной народной школой, т. е. съ болѣе продолжительнымъ и болѣе серьезнымъ курсомъ, чтобы, мало-по-малу, вносить въ народную массу не только грамотность, хотя бы и въ самомъ лучшемъ, самомъ широкомъ смыслѣ, но и научное знаніе, и болѣе широкое умственное развитіе. Поэтому, онъ предлагалъ и ассигновку земства на дѣло народнаго образованія раздѣлить на двѣ части, чтобы вести дѣло въ двухъ направленіяхъ: увеличивать число начальныхъ школъ для установленія всеобщаго обученія, съ одной стороны; открывать училища высшаго типа, съ расширенной программой, съ другой. Земское собраніе согласилось съ доводами Н. В. Алашеева и образовало особую комиссію для выработки новаго типа земской школы, и г. Алашеевъ попалъ въ эту комиссію, какъ инициаторъ дѣла. Вотъ онъ и обратился ко мнѣ съ просьбой высказать мое мнѣніе какъ вообще о намѣреніяхъ Вятскаго земства, имъ возбужденныхъ, такъ и программѣ народной школы высшаго типа. Письмо его проникнуто очевидной любовью къ дѣлу и пониманіемъ потребностей народной жизни, и я поспѣшилъ отозваться на него.

Въ школѣ я занимался ежедневно отъ 12 до 2 часовъ, а дома просматривалъ письменныя работы учащихся, такъ какъ главнымъ занятіемъ моимъ были упражненія въ сочиненіи. Для „Рус. Нач. Уч.“ въ февралѣ и мартѣ я написалъ 4 статьи о Московской выставкѣ, статью о Песталоцци и Ушинскомъ, по случаю 150 лѣтъ со дня рожденія перваго и 25 со дня смерти втораго, нѣсколько

„очерковъ“ школьнаго дѣла въ Россіи“ и массу рецензій. Весь этотъ матеріаль въ концѣ марта былъ уже у В. А. Латышева...

Училищный Совѣтъ опять поручилъ мнѣ произвести выпускные экзамены— въ нашей школѣ, въ Васильевской и Дѣвицкой, назначивъ экзамены на 17 и 19 апрѣля, — очень рано, по случаю предстоящей въ маѣ коронаціи. Учебный годъ у насъ опять сократился. Наши ученики, пожалуй, готовы къ экзамену, но какъ въ другихъ школахъ? У насъ оканчивается курсъ всего 6 человѣкъ, и дѣти порядочныя, способныя. Но я думаю нынѣ произвести экзамены не только оканчивающимъ курсъ, а всей школѣ. Безспорно, что Е. С. Романова добросовѣстная и способная учительница. Я увѣренъ, что успѣхи хороши. Но въ младшемъ отдѣленіи она почти не занималась, поручивъ его матери, а среднее, кажется, запустила, и во всякомъ случаѣ надо поближе познакомиться съ результатами обученія, да кстати и сдѣлать кое-какія указанія для будущаго. Боюсь, что эти экзамены для младшаго и средняго отдѣленій раздражатъ учительницу, но дружба дружбой, а дѣло дѣломъ.

С. Петино. 1896 г. Апрѣля 18.

Вчера произвелъ экзамень въ Дѣвицкомъ училищѣ. До села добрался съ большимъ трудомъ, 8 верстъ ѣхалъ почти 2 часа, грязь страшная, а мѣстами еще лежитъ снѣгъ. Весна очень поздняя, тепла до сихъ поръ нѣтъ, а по утрамъ—легкіе морозы,—вотъ такъ югъ!

На экзамень, при 100 учащихъ, было представлено только 9, да и тѣ не очень-то хороши, а въ письмѣ прямо плохи.

Принялся за псалмы и обработалъ 1-й.

Первый псаломъ царя Давида.

1896.

Хорошо тому, кто смѣло
Отъ распутныхъ прочь бѣжить,
И кого ни злое дѣло,
Ни развратъ не соблазнить;
Кто свершаетъ путь тернистый
Правды, чести и труда,
Человѣка образъ чистый
Не пятная никогда.
Будетъ онъ, что садъ, растущій
У истока свѣжихъ водъ,
Въ изобиліи цвѣтущій,
Приносящій многій плодъ;

Онъ прекрасныя мечтанья
Въ дѣло жизни претворить!
Онъ благія начинанья
Къ общей пользѣ довершить.
Но жестоко посрамятся
Всѣ, живущіе въ грѣхахъ:
Ихъ дѣянья разлетятся,
Какъ отъ вѣтра легкій прахъ.
Воцарится надъ землею
Божья правда, чesныхъ щить,
И могущею рукою
Нечестивцевъ сокрушить!

С. Петино. 1896 г. Апрѣля 30.

У насъ экзамены сошли особенно хорошо, — даже по Закону Божію, хотя нашъ законоучитель ведетъ дѣло не важно, вяло и безтолково. Экзаменовались

3 мальчика и 3 дѣвочки. Особенно хороши вышли сочиненія на данныя темы и по данному плану. Темы я выбралъ самыя разнообразныя — и по русской исторіи, и по отечествовѣдѣнію, и по физикѣ (о водѣ, о теплѣ), и по естествознанію (желѣзо). Подобныя же сочиненія сносно написали Васильевскіе ученики, пріѣзжавшіе экзаменоваться къ намъ, во всякомъ случаѣ гораздо лучше Дѣвицкихъ.

Окончивъ экзамены, опять взялся за псалмы. На этотъ разъ я выбралъ 136 псаломъ („На рѣкахъ вавилонскихъ“), хотя помню переложеніе его сдѣланное Языковымъ. Не мечтая соперничать съ этимъ крупнымъ поэтомъ, я сдѣлалъ, конечно, не лучше, но все таки оригинальное переложеніе.

Сто тридцать шестой псаломъ царя Давида.

1896.

При рѣкахъ вавилонскихъ сидѣли
Мы въ слезахъ, вспоминая Сіонъ;
Наши арфы на вербахъ висѣли,
Погруженные въ сонъ.

* * *

„Отчего вы замолкли съ тоскою?
Отчего вы поникли челомъ?
Вы потѣште насъ пѣсней родною
О Сіонѣ своемъ!“

* * *

Пусть прилипнетъ языкъ мой къ гортани,
Пусть отсохнетъ десница моя,
Если въ пору народныхъ страданій
Буду тѣшиться я!

* * *

И припомнятъ враги въ день расплаты,
Какъ кричали, исчадія зла:
„Разрушайте его безъ пощады,
Этотъ городъ до тла!“

* * *

Нашъ прекрасный Солимъ разорили,
Увели насъ въ неволю къ врагамъ,
И со смѣхомъ враги говорили
Беззащитнымъ рабамъ:

Нѣтъ, мы пѣсни Сіона священной
На потѣху врагамъ не дадимъ!
Мы и въ рабствѣ твои, незабвенный,
Нашъ прекрасный Солимъ!

Онъ придетъ грозный день воздаянья
За неволю, за тяжесть цѣпей,
За раззоръ, за позоръ, за страданья,
Беззащитныхъ людей,—

О, блаженъ, кто злодѣямъ сторицей
За гибель Солима воздастъ—
И младенцевъ ихъ смѣлой десницей
Лютой смерти предастъ!

Жестокій псаломъ, и надо правду сказать, что самыя сильныя пѣснопѣнія Давида тѣ, которыя кипятъ озлобленіемъ, ненавистью, местию. Въ нихъ чрезвычайная энергія образовъ, красокъ, чувствъ и слова.

С. Петино. 1896 г. Іюня 11.

Совершилась коронація, но объ упраздненіи тѣлеснаго наказанія рѣчи нѣтъ. Говорятъ, что рано. Инициаторамъ дѣла зажмутъ ротъ, а многіе и добровольно отступятся. Вѣдь ни глубокаго убѣжденія, ни упорнаго и твердаго

стремленія къ какой-нибудь опредѣленной цѣли — у насъ нѣтъ. Такъ только вскипимъ, поболтаемъ да и бросимъ.

Подвернулся мнѣ девяносто третій псаломъ Давида, и я сгоряча написалъ (право на этотъ разъ по вдохновенію, близкому къ поэтическому) его переложеніе:

Девяносто третій псаломъ царя Давида.

1896.

1.

Явись, о грозный Богъ отмщенья,
Спаси поработенный край,
Гордыню зла—безъ сожалѣнья
Суди, карай!

Довольно себялюбцамъ лживымъ
Святую правду попірять,
Довольно злымъ и нечестивымъ
Торжествовать!

* * *

Безстыдныхъ хищниковъ ватага
Поработила Твой народъ,
Себѣ взяла всѣ жизни блага,
Власть и почетъ.

Разврата баловни, сурово
Живую мысль, свободный трудъ
И независимое слово
Они гнетутъ.

* * *

Гордясъ сомнительнымъ успѣхомъ,
Протеста шепотъ, дальній громъ,
Они встрѣчаютъ грубымъ смѣхомъ
И кулакомъ...

2.

И возглашаютъ вслухъ они, жрецы порока:
„Исчезъ, погасъ предвѣчной правды свѣтъ!
Надъ нами больше нѣтъ всевидящаго ока,
Карающаго Бога, нѣтъ!“

Безумцы жалкіе! вашъ разумъ ослѣпляетъ
Невѣжество и обаянье зла:
Господь, Богъ правды, живъ всевидящій! Онъ
знаетъ

Блаженъ, кто слѣдуетъ божественнымъ законамъ:
Подъ гнетомъ зла Господь его хранить,
Пока нечестіе, въ разгулѣ изступленномъ,
Само себя не поразитъ.

Онъ правду утвердитъ на бѣломъ свѣтѣ снова,
Поддержитъ Онъ забытыхъ бѣдняковъ;
Ихъ мысль, живую мысль, и руки ихъ, и слово
Освободитъ Онъ отъ оковъ.

Всѣ ваши мысли и дѣла!

А васъ Онъ поразитъ, могучій Богъ отмщенья;
Васъ, хищники, утратившіе стыдъ,
За беззаконія, за злыя преступленья,
Онъ безошадно истребитъ!

Мои отношенія съ сыномъ не только не улучшаются, а все ухудшаются. Это дѣйствуетъ на меня страшно угнетающимъ образомъ. Очевидно, что я не ошибся, догадываясь, что смерть матери не столько огорчила его, сколько „развязала ему руки“.

Получилъ заявленіе нашей учительницы Е. С. Романовой, что она съ

новаго учебнаго года покидаетъ наше училище, по домашнимъ обстоятельствамъ. Конечно, замѣнить ее не трудно, а ей надо отдохнуть и полѣчиться, но все-таки замѣна одного лица другимъ въ школѣ для меня соединена съ большими хлопотами. Эта замѣна тѣмъ непріятнѣе, что у Е. С. Романовой дѣло шло хорошо, и она была лучшимъ изъ всѣхъ учащихся лицъ, какіе у насъ были.

Псалмы Давида не на шутку увлекаютъ меня, и вотъ еще два.

Третій псаломъ царя Давида.

1896.

Господи, какъ много у меня враговъ!
Надо мной глумятся, ложью называютъ
Идеаль мой свѣтлый, и въ концѣ концовъ
Гибель предрекаютъ.
Но напрасно злоба гибелью грозитъ,
Страха я не знаю, вѣры не теряю...
Идеаль мой свѣтлый, мой надежный—щитъ!
Я къ тебѣ взываю:

Будь ты мнѣ опорой, укрѣпи меня
Въ честномъ убѣжденіи, въ упованьи чистомъ,
Чтобы засыпая, не проснулся я
Трезвымъ эгоистомъ!
Идеаль мой свѣтлый, пусть въ борьбѣ съ тобой
Трезвые безумцы, смолкнутъ, осрамятся:
Пусть они невольнo вѣрой въ рай земной
Сами просвѣтятся!

Тринадцатый псаломъ царя Давида.

1896.

Напрасно безумецъ твердить, что нѣтъ Бога:
Богъ въ правдѣ, въ любви и въ святомъ идеалѣ.
Вела къ Нему прежде прямая дорога;
Но люди въ потемкахъ ее потеряли.
Въ погонѣ за благами жизни, сознанье,
Что правда, что ложь, извелось и пропало,
Позорное всюду звучитъ величанье
Бездушныхъ кумировъ,—и Бога не стало...

Стремятся къ наживѣ да къ почестямъ люди,
Корысть да тщеславіе ихъ обуяло,
Лишь злоба да зависть волнуетъ ихъ груди,
Вражда воцарилась,—и Бога не стало...
И всѣ озвѣрѣли въ разгарѣ стяжанья,
Нѣтъ свѣточа жизни,—ужь нѣтъ идеала,
О счастьи общемъ былия мечтанья
Закиданы грязью,—и Бога не стало.

Нѣтъ, живъ Онъ для смѣлыхъ, чья воля благая
Всѣ прелести жизни отдастъ безъ печали,
Чтобъ съ ложью борются, любя и страдая:
Богъ въ правдѣ, въ любви и въ святомъ идеалѣ!

Лѣто пока весьма непріятное: все дожди и дожди паче мѣры. Поля обѣщаютъ мало хорошаго. Пугаетъ и затруднительность уборки сѣна. Если такъ протянется, сѣна-то будетъ много, но толку будетъ мало: почернѣетъ, погніетъ, пропадетъ. Большое удовольствіе нынѣ даетъ мнѣ садъ и вообще цвѣтоводство, благодаря новому садовнику, хорошо знающему и любящему дѣло молодому нѣмцу. Какъ ни какъ, а нѣмецъ намъ необходимъ!

С. Петино. 1896 г., Іюня 23.

Получилъ длинное и очень скорбное письмо отъ стараго знакомаго (еще по Московской политехнической выставкѣ) Н. Н. Блинова, вятскаго педагога-священника, статью о которомъ не очень давно я писалъ для „Критико-біографическаго словаря“ С. А. Венгерова. Этотъ честный идеалистъ, одинъ изъ самыхъ чистыхъ представителей 60-хъ годовъ, съ наилучшими стремленіями, много потерявшій за свои прекрасные идеалы, слова и дѣла, казалось совершенно успокоившійся, потому что его, повидимому, оставили въ покоѣ, въ наше время безъидейности, своекорыстія и дикаго произвола опять попалъ въ трудное и бѣдственное положеніе. Шестнадцать лѣтъ онъ прожилъ въ городѣ Сарапулѣ, какъ настоятель городского собора, но прожилъ не въ безплодномъ бездѣйствіи, а все время и всѣ силы отдавая скромнымъ, но полезнымъ общественнымъ, благотворительнымъ и просвѣтительнымъ, дѣламъ и перу. Жилъ покойно съ своей многочисленной семьей и пользовался общей любовью, общимъ уваженіемъ. Нынѣ епархіальное начальство, во время самой полной весенней распутицы, вдругъ и безъ всякаго предварительнаго увѣдомленія, перевело его въ село за 200 верстъ отъ Сарапула, — за что? Да за то, что не бросаетъ своей общественной дѣятельности и пера. Клеветы, сплетни, злоба и зависть снова обрушились на голову хорошаго, работающаго и высоко-нравственнаго, человѣка и такъ довольнаго страдавшаго за свои идеалы. Теперь, измученный гоненіемъ, живя въ глухомъ селѣ, съ больной женой и дѣтьми, онъ мечтаетъ уйти „за штатъ“ и просить писательскаго пенсіона имени Николая II отъ академіи наукъ, чтобы остатокъ жизни на досугѣ посвятить обработкѣ статистическаго, экономическаго и этнографическаго матеріала, имъ собраннаго. Просить содѣйствія. Но какъ я, деревенскій житель, не имѣющій никакихъ связей въ высшихъ и вліятельныхъ сферахъ, могу ему содѣйствовать? Написалъ В. А. Латышеву, не поможетъ ли онъ? Посовѣтовалъ обратиться и къ С. И. Миропольскому: плохая онъ личность, съ которой непріятно связываться, но такіа-то личности нынѣ и пользуются вліяніемъ. Письмо бѣднаго страдальца вызвало у меня горькія думы. Я написалъ ему горячій и сердечный отвѣтъ, — пусть хоть слово участія и искренней любви, соединенной съ глубокимъ уваженіемъ, сколько-нибудь облегчитъ его уныніе. Впрочемъ, я увѣренъ, что онъ не поддается унынію, такъ же, какъ не пойдетъ на уступки и сдѣлки, не отступитъ отъ своихъ идеаловъ. Это одинъ изъ тѣхъ „праведниковъ“, ради коихъ Богъ помилуетъ цѣлый развращенный городъ.

Четырнадцатый псаломъ царя Давида.

1896.

Кто, о Боже, быть достоенъ
На горѣ Твоей святой?
— Тотъ, кто ясенъ и спокоенъ
Непорочною душой;

Кто стоитъ за правду съ честью
Предъ рабомъ и предъ паремъ;
Кто, гнушаясь подлой лестью,
Не лукавитъ языкомъ;

текст лекцій было и лѣнь, и некогда. Отвѣтъ пришелъ скоро: программа разрѣшена, лекціи (двѣ, согласно съ моей программой) назначены на 9 и 10 августа, въ 11 часовъ утра, въ залѣ народныхъ развлеченій; вознагражденіе по 50 рублей за часъ.

Я немедленно сталъ приготовляться, прочитывать источники, дѣлать извлеченія, распредѣлять матеріалъ и практиковаться въ послѣдовательномъ и, по возможности, красивомъ изложеніи.

Программа моя была такая:

1. Идея воспитывающаго обученія. Сократъ. Каменскій. Руссо. Песталоцци, Дистервегъ. Русская до-реформенная школа. Предшественники Ушинскаго: Янковичъ де-Мириево, Гуслистый, Золотовъ. Дѣтство и годы ученія Ушинскаго.

2. Ушинскій студентъ. Его педагогическая дѣятельность. Его статьи и книги. „Дѣтскій Миръ“, „Родное Слово“, „Человѣкъ“. Болѣзнь и смерть. Заключение.

С. Петино. 1896 г., августа 13.

Только что возвратился изъ Нижняго съ выставки и лекцій, которыя вполнѣ удались. Четыре дня въ Нижнемъ я провелъ среди учителей и учительницъ, между которыми встрѣтилъ не мало не только знакомыхъ, но ученицъ (изъ Вологодской губерніи) и друзей, какъ Е. М. Буторина, преимущественно на выставкѣ и часто въ чайной, устроенной для нихъ, куда они и собирались въ большомъ количествѣ для чаепитія и разговоровъ, иногда въ ихъ квартирахъ, бесплатно отведенныхъ имъ въ разныхъ городскихъ училищахъ. Народъ, въ большинствѣ, молодой, добродушный, съ живой любознательностью, съ хорошими стремленіями, съ порядочной дозой протеста противъ современныхъ порядковъ и тяготѣющаго надъ школой гнета. Въ этой средѣ мнѣ хорошо дышалось, и невольно припомнились мнѣ тѣ съѣзды, которыми мнѣ приходилось когда-то руководить. Я былъ „въ ударѣ“, говорилъ мои лекціи горячо и свободно, и, кажется, мои изложенія сильно увлекали аудиторію. Разсказъ о смерти Ушинскаго вызвалъ общее волненіе, даже слезы. Я самъ, при моихъ разстроенныхъ нервахъ, страшно волновался и съ большими усилиями, прерывающимся голосомъ, окончилъ мою вторую лекцію, приблизительно, слѣдующимъ заключеніемъ, которое было бы, можетъ быть, эффектнѣе, если бы я сказалъ его спокойнѣе и громче, но зато не было бы такъ проникнуто чувствомъ, какъ оно вышло.

„Думается, что изложенія мои, при всей ихъ отрывочности и неполнотѣ, достаточно подтверждаютъ ту мысль, которая была высказана мной вчера, въ самомъ началѣ моей первой бесѣды, и которую я считаю особенно важною для работниковъ народной школы, способной ихъ сблизать, ободрять и одушевлять въ интересахъ дѣла, ими исполняемаго, а именно, — что главною двигающею силою въ дѣятельности самыхъ крупныхъ педагоговъ, которыхъ можно назвать „учителями учителей“, были не столько ихъ, безъ сомнѣнія, сильные умы, сколько одушевлявшіе ихъ до конца жизни идеализмъ и горячая вѣра въ свое дѣло, соединенные съ чрезвычайной энергіей труда. Конечно, мы, скромные

чернорабочіе народной школы, неодаренные выдающимися умами и талантами, не отмѣченные перстомъ Божиимъ для крупныхъ и важныхъ дѣлъ, не смѣемъ равняться съ первоклассными дѣятелями, героями учебно-воспитательнаго дѣла. На вѣдь одна и та же сила солнечной теплоты нужна и могучему дубу, чтобы широко раскинуть зеленыя вѣтви, и скромной полевой былинкѣ, чтобы развернуть еле замѣтный листокъ.

Разница въ размѣрахъ, а двигающая сила нужна одна и та же и людямъ большимъ для дѣлъ большихъ, и людямъ маленькимъ для дѣлъ маленькихъ. Дорогие товарищи, народные учителя и учительницы Россійской имперіи!

Чтобы хорошо, честно и съ пользой, исполнять наше скромное дѣло, постараемся же, одушевляясь свѣтлыми образами героевъ воспитывающаго обученія, до конца нашихъ дней оставаться не черствыми чиновниками и практическими людьми, а честными идеалистами! Да не потухнетъ въ нашихъ душахъ теплая вѣра въ наше святое дѣло, да не ослабѣваетъ наша энергія въ трудѣ! Только подъ этимъ условіемъ и нашъ совокупный трудъ, трудъ тысячи рабочихъ пчель, дастъ замѣтные и благіе результаты для народной жизни, а каждый изъ насъ, глядя на эти результаты совокупнаго труда, вправѣ будетъ, подобно Крыловской пчелѣ, сказать самому себѣ: „я утѣшаюсь тѣмъ, на наши глядя соты, что въ нихъ и моего хоть капля меду есть!“ Право же это, повѣрьте вашему старому товарищу, драгоценное право: въ немъ содержится самое высокое, самое чистое счастье, какое только возможно въ этой жизни, и котораго я вамъ отъ всей души желаю!“

Послѣ лекціи поднялся такой громъ рукоплесканій, я выслушалъ столько благодарностей и самыхъ сердечныхъ привѣтствій, видѣлъ столько знаковъ дружескаго расположенія, что день 10-го августа 1896 г. могу назвать однимъ изъ счастливейшихъ въ моей жизни. Я выѣхалъ изъ Нижняго 11-го августа въ 9 часовъ вечера, и нѣкоторые изъ моихъ слушателей и слушательницъ провожали меня, собравшись въ вокзалѣ.

Однако, какое же общее впечатлѣніе вывезъ я съ Нижегородской выставки?

Первыя впечатлѣнія имѣли ободряющій и подымающій характеръ. Бросались въ глаза такіе факты: устроены разныя засѣданія, гдѣ говорятъ и спорятъ о важныхъ вопросахъ; устроенъ даже, негласный впрочемъ, съѣздъ представителей земскихъ управъ, и нашъ Воронежскій предсѣдатель губернской управы, В. И. Колюбакинъ, даже въ одномъ вагонѣ со мною ѣхалъ на этотъ съѣздъ; устроенъ съѣздъ учителей и учительницъ со всей Россіи, правда, не одновременный, а партіями по 600 человекъ; учителямъ и учительницамъ отводятъ бесплатно квартиры, устраиваютъ дешевое питаніе и удешевленный проѣздъ, устраиваютъ для нихъ лекціи и бесѣды, приглашая для того видныхъ русскихъ педагоговъ: имѣю въ виду, конечно, не себя, а другихъ, гг. Ельницкаго, Вахтерева, Лубенца, Касаткина и т. п. Учителство собирается, свободно толкуетъ о своихъ дѣлахъ и потребностяхъ; на собраніяхъ этихъ выдвигается на первый планъ вопросъ о самообразованіи, о систематическомъ чтеніи научнаго содержанія. Позволяютъ даже, публично и свободно, по программѣ, составленной въ самыхъ общихъ выраженіяхъ, говорить объ Ушинскомъ... Какой прогрессъ!

Какъ выросла Россія! Какая свободная наступила пора! Какъ много надо ожидать впереди! Я чуть было не на шутку не поддался такимъ иллюзіямъ о наступающей порѣ свободной мысли и свободного слова, общающей затѣмъ перейти въ пору и свободного дѣла, какъ вдругъ въ одинъ день и наканунѣ моего выѣзда изъ Нижняго, событія показали, что радоваться, торжествовать и ожидать чего-то хорошаго — рано и неосновательно. На одномъ съѣздѣ, подѣ председательствомъ Петербургскаго чиновника г. Кобеко, собранія окончились скандаломъ по поводу того, что члены протестовали противъ насилія председателя, безцеремонно зажимающаго рта и совершенно подавляющаго свободу мысли и слова.

Учителямъ и учительницамъ собираться и толковать о своихъ дѣлахъ, обмѣниваться мыслями—воспретили, угрожая изгнаніемъ изъ квартиръ и другими репрессіями. Чтенія для нихъ и бесѣды пошли самаго шаблоннаго и безжизненнаго содержанія: о чистописаніи, о ц.-славянскомъ чтеніи, о ручномъ трудѣ, о гимнастикѣ и т. под. Словомъ, то же лицемѣріе, та же бюрократическая ложь,—призракъ дѣла и свободы, какъ декорація, прикрывающая пустоту, мертвечину, гниль...

А надо послушать рассказы очевидцевъ, что дѣлается въ глубинахъ Россіи отданныхъ на полный произволъ и усмотрѣніе „чиновниковъ“,—въ большинствѣ—или дураковъ. въ родѣ нашего Колѣнко, или плутовъ, въ обоихъ случаяхъ—съ самодержавными замашками.

Обратно изъ Нижняго я ѣхалъ рядомъ съ однимъ студентомъ С.-Петербургскаго университета, демократическаго происхожденія. Способный и жизнерадостный, много читавшій и любящій литературу, но—конечно—юристъ; онъ проживаетъ, въ качествѣ гувернера, въ княжескомъ семействѣ... Господи! что за понятія! что за стремленія! съ какимъ лакейскимъ умиленіемъ говоритъ онъ, совершенно добродушно, даже наивно, о князѣ и его семьѣ! съ какимъ умиленіемъ—явнымъ сочувствіемъ, повторяетъ насмѣшливыя изрѣченія князя о стремленіяхъ гуманистовъ уничтожить въ Россіи розгу!

Кстати сказать, у насъ какъ-то удивительно уживаются—и ходатайства объ уничтоженіи тѣлеснаго наказанія для мужика, и стремленія забрать этого мужика въ ежовыя рукавицы, создающія удивительные проекты законоположеній въ родѣ возстановленія крѣпостнаго права. Послѣдніе, конечно, больше нравятся, нежели покушенія противъ розги. „Московскія Вѣдомости“ и „Гражданинъ“ очень усердствуютъ въ этомъ направленіи, предлагая расширить власть дворянства надъ крестьянами и поддержать разоряющееся, благодаря своей неумѣлости и лѣни, дворянство деньгами изъ государственнаго казначейства и льготами на счетъ другихъ сословій. Дворянство, особенно наиболѣе видные его представители, въ родѣ упомянутаго князя, съ умиленіемъ отзываются на таковыя предложенія. Вообще, мечты и планы о возстановленіи крѣпостнаго права, конечно, въ другой формѣ и подѣ другимъ названіемъ, у насъ видимо разрастаются и,—того и гляди,—осуществятся... И тутъ же рядомъ толки объ уничтоженіи „тѣлеснаго наказанія!“ Удивительно!.. Вотъ еще два псалма, которые привлекли особое вниманіе своимъ содержаніемъ въ виду современной русской жизни.

Сто двадцать пятый псаломъ царя Давида.

1896.

Когда Господь освобождалъ
Людей, людьми порабощенныхъ,
И къ новой жизни призывалъ
„Униженныхъ и оскорбленныхъ“,—
У честныхъ гражданъ въ оны дни
Сердца восторгомъ трепетали,
И пѣснь хвалебную они
Освободителю слагали.

„Господь, Богъ правды и любви!
Они всегда зывали смѣло:
Твори Твое благое дѣло,
Къ намъ приобщи ихъ, оживи
Жизнь нашу, мертвенно пустую,
Народной свѣжею волной,
Какъ ливнемъ землю полевою
Ты оживляешь въ лѣтній зной!

И тотъ, кто ниву сѣменами,
Какъ рабъ продажный, засѣвалъ,
Кто кровью, потомъ и слезами
Чужую землю поливалъ,—
Пусть подымаетъ снопы тяжелый,
Сбирая жатву съ нивы той,
Отнынѣ съ пѣснею веселой
И съ непродажною душой!“

Второй псаломъ царя Давида.

1896.

Что за сомнѣнья людей взволновали?
Что за тревога и кто на кого?
Противъ народной свободы возстали
„Сильные міра сего!“
Дружно толпою сплотившись, готовы
Страшное дѣло свершить: „разобьемъ
Правъ человѣческихъ мнимыхъ оковы,
Рабство вернемъ!“
Небо смѣется надъ злыми глупцами,
Грозно звучитъ вразумляющій гласъ:
„Развѣ людей, вамъ подобныхъ, рабами
Предназначалъ Я для васъ?“

Всѣхъ надѣлилъ Я свободной душою,
Всѣхъ васъ, людей, уравниалъ Я въ правахъ,
И сокрушу Я небесной грозою
Хищниковъ въ прахъ!“
„Сильные міра сего“, укротите,
Очеловѣчьте жестокій свой нравъ,
Дерзко ногами людей не топчите
И человѣческихъ правъ!
Или не ждите себѣ сожалѣнья:
Казнь Бога-Мстителя васъ разразитъ...
Благо, кто злыя свои вождѣленья
Въ пору смиритъ!

С. Петино, 1896, августа 31.

Въ дополненіе къ 103 псалму я написалъ переложеніе восьмаго, состоящаго въ тѣсной внутренней связи съ нимъ. Тутъ, въ обоихъ этихъ псалмахъ, мы видимъ восторженнаго поэта-пантеиста, для котораго твореніе и творецъ—едино, какъ матерія—и сила, который любитъ творца въ его твореніи, восхищаясь твореніемъ, восхищается творцомъ, не отдѣляетъ твореніе отъ творца, воспѣваетъ и

прославляетъ ихъ въ нераздѣльности, какъ нѣчто единое, цѣльное, неразъединимое. Это сказалось въ 103, а еще яснѣе въ 8-мъ псалмѣ.

Восьмой псаломъ царя Давида.

1896.

О, Господь! О, Творческая сила!
Вся земля наполнена Тобой...
И все небо, и небесныя свѣтила,
И весь міръ звучить Тебѣ хвалой.

И предъ этой дивною святыней,
Мірозданьемъ божескимъ Твоимъ,
Какъ ничтоженъ человѣкъ съ своей гордыней,
Съ безпокойнымъ разумомъ своимъ!

И уста грудныхъ младенцевъ нѣжныхъ
Совершаютъ Господу хвалу,
Заглушая голоса глушцовъ мятежныхъ,
Ихъ вражды безумную хулу.

Но вознесъ пигмея-человѣка
Ты на недоступный пьедесталь;
Надъ своимъ твореньемъ отъ начала вѣка
Власть и силу разуму Ты далъ:

Небосводъ, усыпанный звѣздами,
Надъ землей раскинулся, какъ храмъ,
И возносится торжественно, какъ въ храмѣ,
Отъ земли хваленій фиміамъ.

Надъ звѣрями дикими лѣсными
И надъ быстрой птицей въ облакахъ,
Надъ таинственными дивами морскими
И надъ рыбой вольною въ рѣкахъ.

Повелѣлъ Ты, чтобъ ему служила
Вся природа—и была рабой,
И вселенная звучить Тебѣ хвалой,
О, Господь! о, Творческая сила!

Зачѣмъ я занимаюсь этимъ стихотворствомъ, не признавая въ себѣ ни искры поэтическаго дара, творческой силы и художественной способности?— Конечно, для себя, въ силу внутренней потребности, подъ вліяніемъ поэтической силы, сказавшейся въ произведеніяхъ царя Давида, которыя у насъ читаются и слушаются (въ церкви) всѣми, но не многими понимаются и цѣнятся. При томъ, право же, мои переложенія псалмовъ (лучше сказать—„стихотворенія на мотивы изъ псалмовъ“) царя Давида, этого большого мірового поэта, не хуже, а лучше, и по содержанію, и по формѣ, тѣхъ „декадентскихъ“ стихотвореній, которыми угощаютъ насъ современные русскіе поэты, прямо бессмысленныхъ и нескладныхъ; образцы таковыхъ запишу сюда, какъ знаменія нашего безъидейнаго, пустопорожняго времени. Вотъ стихотвореніе молодого поэта Брюсова изъ печатнаго сборника.

„Русскіе символисты. Лѣто 1895 года“.

Тѣнь несозданныхъ созданій
Колыхается во снѣ,

Словно лопасти латаній
На эмалевой стѣнѣ.

Фиолетовыя руки
На эмалевой стѣнѣ
Полусонно чертятъ звуки
Въ звонко звучной тишинѣ.
И прозрачныя кіоски
Въ звонко звучной глубинѣ
Вырастаютъ точно блестки
При лазуревой лунѣ.

Всходитъ мѣсяць обнаженный
При лазуревой лунѣ;
Звуки рѣютъ полусонно,
Звуки ластятся ко мнѣ.
Тайны созданныхъ созданий
Съ лаской ластятся ко мнѣ,
И трепещетъ тѣнь латаній
На эмалевой стѣнѣ.

А вотъ стихотвореніе уже извѣстнаго поэта г. Д. Мережковскаго изъ „Сѣвернаго Вѣстника“, гдѣ имѣется и декадентская критика г. Волынскаго, развѣнчивающаго Бѣлинскаго и Добролюбова, разбивающаго ихъ въ дребезги;— впрочемъ, г. Мережковскому, какъ признанному поэту, открыты двери всѣхъ теперешнихъ русскихъ журналовъ, которые не обладаютъ разборчивостью покойнаго „Современника“.

Зимній вечеръ. („Сѣв. Вѣст.“ 1895 г. № 4).

О, блѣдная луна
Надъ блѣдными полями!
Какая тишина
Надъ зимними полями!
О, тусклая луна
Съ недобрыми очами...
Кругомъ покой великъ.
Къ землѣ тростникъ поникъ,
Нагой, сухой и тощій...
Луны проклятый ликъ
Исполненъ злобной мощи.

Къ землѣ поникъ тростникъ,
Больной, сухой и тощій...
Вороны хриплый крикъ
Изъ голой слышенъ рощи.
А въ небѣ тишина—
Какъ въ оскверненномъ храмѣ...
Какая тишина надъ зимними полями!
Преступная луна,
Ты ужасовъ полна
Надъ яркими снѣгами!

Вотъ русская поэзія нашего времени, вполне отражающая его содержаніе, его идеалы, чувства и стремленія: въ жизни пустота, и въ поэзіи пустота.

С. Петино, 1896 г., сентября 5.

Получилъ изъ Москвы довольно интересную книгу: „Народный театр. Сборникъ“. Еще въ февралѣ мои московскіе пріятели, Н. И. Тимковскій и Н. А. Поповъ, завѣдывавшіе отдѣломъ народнаго театра на выставкѣ Комитета Грамотности, писали мнѣ объ этомъ „сборникѣ“ и просили написать для него статью. Я исполнилъ ихъ просьбу, и вотъ теперь получился этотъ „сборникъ“ съ моей статейкой среди другихъ разнообразныхъ матеріаловъ (замѣтокъ, пьесъ, обзоровъ). Книга издана прекрасно, украшена картинками и стоитъ 2 рубля. Изданіе едва ли разойдется и окупится. Оно довольно дорого, но едва ли отвѣчаетъ на дѣйствительную потребность русской жизни. Мнѣ думается, что вопросъ, которому она посвящена, раздутый и вовсе не такой серьезный, какъ толкуютъ. Народу нашему, прежде всего, надо „поменьше опеки“, ограниченіе

которой надо начать упраздненіемъ розогъ и вообще варварскихъ насилій, а потомъ—нужна школа, общеобразовательная и содержательная европейская школа, достаточно свободная и самостоятельная, не подлежащая вмѣшательству духовенства.

Къ намъ въ школу назначена новая учительница, съ которой я познакомился у Л. В. Македонова. Она служила лѣтъ 6 или 7 помощницей у дяди-дьякона въ земской школѣ въ с. Орловѣ. Этотъ дядя, говорятъ, былъ замѣчательный учитель и очень развитой человекъ, но въ послѣдніе годы совсѣмъ почти не занимался въ школѣ, которая лежала всецѣло на помощницѣ—племянницѣ, С. М. Голубятниковой, окончившей курсъ въ женскомъ епархіальномъ училищѣ. Эта Софья Михайловна и назначена къ намъ, а ея мѣсто (помощницы) заняла младшая сестра, нынѣ окончившая курсъ того же епархіальнаго училища. С. М. Голубятникова очень симпатичная, чрезвычайно любознательная и мыслящая дѣвушка, самага скромнаго мнѣнія о самой себѣ, и при этомъ необыкновенной нравственной чистоты. Всякая ложь, рисовка, кокетство, фразерство и т. под. обычныя свойства російскихъ дѣвицъ, особенно гимназистокъ послѣдняго времени, ей совершенно чужды. Она даже черезчуръ пряма и правдива. Я бы сказалъ „наивно“ правдива, если бы въ этой правдивости не сквозилъ пытливый, здравый умъ. Какая она учительница, какъ поведетъ дѣло, объ этомъ узнаемъ, когда начнется ученье.

С. Петино, 1896 г., октября 24.

Съ 9 сентября началось ученье. С. М. Голубятникова оказалась очень умной и живой учительницей,—по крайней мѣрѣ, для перваго, младшаго отдѣленія, потому что съ отдѣленіями старшими настоящія занятія начнутся еще не скоро: они собираются въ полномъ составѣ не раньше ноября, и вся почти работа теперь сосредоточивается съ новичками; и эту работу новая учительница повела съ большимъ искусствомъ и полнымъ пониманіемъ дѣла.

По обыкновенію, 22 октября мы праздновали годовщину открытія школы (12-ую) актомъ, который на этотъ разъ соединялся съ чествованіемъ памяти Песталоцци и Ушинскаго.

Мы выставили портреты обоихъ педагоговъ, исполненные, по моей просьбѣ, все тѣмъ же воронежскимъ юношей-художникомъ Ал. М. Длугоканскимъ, который рисовалъ намъ новыя декораціи для театра. Портреты были украшены вѣнками изъ зелени и цвѣтовъ и прекрасной декораціей изъ пальмъ и другихъ тропическихъ растений, которыми теперь изобилуютъ мои теплицы. Впереди стоялъ столъ, покрытый краснымъ сукномъ, съ красиво разложенными подарками для дѣтей, свидѣтельствами, похвальными листами, книжками, карандашами, тетрадками и т. под. По сторонамъ сидѣли учащіе и почетные гости, а Песталоцци и Ушинскій какъ будто предсѣдательствовали въ этомъ собраніи. Въ числѣ гостей былъ и новый предсѣдатель земской управы, А. В. Стрижевскій, человекъ суровой внѣшности и чрезвычайно корректный, но въ сущности умный и сердечный, сравнительно, весьма порядочнаго направленія.

Актъ сошелъ блистательно.

Программа акта была такая:

1. Хоръ пропѣлъ „Царю небесный“.
2. Учительница прочитала отчетъ за 1895—96 учебный годъ.
3. Хоръ пропѣлъ „Грамота, грамота, мудреная моя“... (слова я подобралъ на мотивъ пѣсни „Ивушка, ивушка, зеленая моя“...)
4. Раздавали свидѣтельства и награды.
5. Хоръ пѣлъ каждому изъ получавшихъ свидѣтельство и всѣмъ вмѣстѣ: „Слава, слава тебѣ, грамотѣй, радостью будешь семьѣ ты своей! Да будетъ наука на благо тебѣ, родному селеню и русской землѣ!“ (На мотивъ „Славься“ изъ „Жизни за Царя“).

6. Я произнесъ рѣчь о причинахъ успѣшности обученія, вспомнивъ съ благодарностью о бывшей учительницѣ Е. С. Романовой, и указавъ на установившіеся въ школѣ способы обученія, благопріятствующіе успѣшности и прочности его, творцомъ которыхъ былъ Песталоцци и которые внесъ въ русскую школу Ушинскій. Это дало мнѣ поводъ объяснить, почему мы соединили нашъ актъ съ чтеніемъ памяти этихъ людей, и сказалъ нѣсколько словъ о ихъ заслугахъ.

7. Хоръ пѣлъ пѣсни „Съ пьянаго веселья умный поглупѣетъ, съ книжнаго ученья голова свѣтлѣетъ“ (слова подобраны на мотивъ „Пѣсни лихача-кудрявича“ Кольцова: „Съ радости-веселья“ и т. д.).

8. Хоръ пропѣлъ „Коль славень“... и затѣмъ слѣдовалъ часовой антрактъ.

9. Ученица Дочкина прочитала свое сочиненіе „Песталоцци, другъ дѣтей“.

10. Хоръ пропѣлъ гимнъ Песталоцци и Ушинскому, слова котораго приведу ниже.

11. Ученица Таранина сказала нѣсколько словъ о Кольцовѣ и прочитала его стихотвореніе „Лѣсъ“, и ученица Сезина прочитала другое стихотвореніе Кольцова—„Что ты спишь, мужичокъ?..“

12. Хоръ пропѣлъ „Что ты спишь, мужичокъ?..“

13. Ученикъ Дочкинъ сказалъ нѣсколько словъ о Никитинѣ и прочиталъ его стихотвореніе „Русь“, а ученикъ Сезинъ прочиталъ другое стихотвореніе Никитина „Зимняя ночь въ деревнѣ“.

14. Хоръ пропѣлъ „Достойно“.

Затѣмъ учащимся и окончившимъ курсъ роздали булки и лакомства.

Послѣ акта у меня оставался небольшой дружескій кружокъ, и еще долго мои гости занимались чаепитіемъ, разговорами и пѣніемъ. Люблю такіе кружки, гдѣ всѣ церемоніи отбрасываются, и люди проводятъ время, какъ дома, съ „душой нараспашку“.

Съ предсѣдателемъ управы я разговорился о предположеніи земства устроить 5-ый врачебный участокъ, съ врачомъ и больницей, именно для За-Донскаго края, для трехъ волостей, Костенской, Гремяченской и нашей Дѣвицкой. Такъ какъ наиболѣе центральнымъ пунктомъ этого края надо признать Устье или Петино, отстоящія другъ отъ друга на 3 версты, то я предложилъ въ помощь земству, для открытія 5-го врачебнаго участка, десятину земли и 500 рублей на тотъ случай, если врачебнымъ пунктомъ будетъ избрано Петино.

С. Петино. 1896 г., Октября 27-го.

Получилъ печальное извѣстіе, что наша бывшая учительница, Е. С. Романова, умерла въ Алупкѣ, куда ее повезли въ надеждѣ, что воздухъ благотворнаго южнаго берега спасетъ умирающую. Но было уже поздно: поѣздка въ Москву, соединенная съ утомленіемъ и простудой, доканала ея разстроенное здоровье, чохотка форсированнымъ маршемъ вела истощенный организмъ къ могилѣ. Мы сегодня (воскресенье) собрали нашихъ и бывшихъ учениковъ, а также пѣвчихъ, и послѣ обѣдни, съ нѣкоторою торжественностью, совершили панихиду по нашей покойной учительницѣ. Батюшка предпослалъ панихидѣ нѣсколько теплыхъ словъ, и всѣ предстоящіе остались на своихъ мѣстахъ до конца панихиды.

Записываю гимнъ Песталоцци и Ушинскому, который пѣли на актѣ и который забылъ внести на своемъ мѣстѣ.

Гимнъ Песталоцци и Ушинскому.

1896.

Было время,—не учили,
Только мучили дѣтей;
Но явился Песталоцци,
Научилъ учителей.

Слава дѣду Песталоцци,
Что училъ учителей!..
Слава, Генрихъ Песталоцци,
Другъ народа и дѣтей!
Слава, слава Песталоцци,
Другъ народа и дѣтей!
Слава дѣду Песталоцци,
Что училъ учителей!

Научилъ онъ, какъ должны мы
Дѣтямъ грамоту давать,
Какъ безъ брани и побоевъ
Умъ и сердце просвѣщать.
Слава дѣду и т. д.

О народномъ просвѣщеніи
Онъ и въ бѣдности мечталъ,
Дѣтямъ темнаго народа
Жизнь и силы отдавалъ.

Слава дѣду... и т. д.
Отъ него и нашъ Ушинскій
Ту науку перенялъ:
Онъ ученье Песталоцци
Въ русской школѣ насаждалъ.
И тебѣ, Ушинскій, слава,
Что училъ учителей!
Слава, свѣточъ русской школы,
Другъ народа и дѣтей!
Слава, гордость русской школы,
Другъ народа и дѣтей!
Слава, слава, нашъ Ушинскій,
Что училъ учителей!

С. Петино. 1896 г., Ноября 26.

Сегодня мнѣ стукнуло 59 лѣтъ, жизнь близится къ неизбѣжному концу. Надо почаще оглядываться назадъ, подводить итоги—и готовиться. Вспоминается мнѣ одно мое юношеское стихотвореніе, написанное въ тѣ времена, когда я еще вѣрилъ въ свой поэтическій даръ, принимая за него „плѣнной мысли раздраженіе“, 36 лѣтъ тому назадъ, на именины товарищу М. А. Нагорскому, теперь уже умершему. Въ этомъ стихотвореніи содержатся вопросы,

на которые я хотѣлъ бы отвѣтить теперь, въ пятьдесятъ девятую годину моего рожденія, именно въ видахъ подведенія итоговъ подъ моей жизнью. Вопросы я ставилъ 23 лѣтъ, но они только теперь получили полный смыслъ, п. ч. только теперь на нихъ можно дать отвѣты. Именно для этого вношу сюда это стихотвореніе.

Именинику - Товарищу.

1860.

Уходящія години
Нашей жизни молодой
Провожая въ именины,
Мы пируемъ всей душой.
И, бывало, не жалѣя,
Мы поемъ: лети скорѣе,
Жизнь, своею чередой!..
Жизнь летитъ,—и мы увянемъ...
Чѣмъ же молодость помянемъ
Мы, товарищъ дорогой?
Подневольною работой
Да погоней за рублемъ?
Надоѣдливой заботой
О питаніи дневномъ?
Неисполненнымъ желаньемъ,

Да напраснымъ ожиданьемъ,
Да разбитою мечтой?
Жизнь летитъ,—и мы увянемъ...
Чѣмъ же молодость помянемъ
Мы, товарищъ дорогой?
Старикомъ холоднымъ, хилымъ,
Грустно юность вспоманешь,
Пробѣжить ли вдругъ по жиламъ
Электрическая дрожь?
Ты работалъ ли свободно?
Рисковалъ ли благородно?
Зналъ ли счастья сладкій зной?
Жизнь летитъ,—и мы увянемъ...
Чѣмъ же молодость помянемъ
Мы, товарищъ дорогой?

Оглядываясь назадъ, чтобы отвѣчать на собственные вопросы этого юношескаго стихотворенія, прежде всего скажу, что юность мнѣ помянуть, пожалуй, нечѣмъ. Она была довольно-таки „сѣренькая“, не ознаменованная ни широкими и смѣлыми замыслами, ни глубокими чувствами, ни бурными страстями. Она была такая же „сѣренькая“, какъ та глухая уѣздная русская жизнь дореформенной поры, среди которой прошла. Пожалуй, ее только и можно помянуть „подневольной работой“, „погоней за рублемъ“ да заботой о хлѣбѣ насущномъ“. Были желанія, были ожиданія, были и мечты, но такія мелкія, жалкія, что не приходится жалѣть о томъ, что они не исполнились, не осуществились, разбились вдребезги. Ладно, что эта „подневольная работа“ всетаки была работа честная, что я всетаки не удовлетворялся ею, что „погоня за рублемъ“ не соединялась ни съ взятками, и съ другими подлостями, которыя были такъ обычны и для большинства прямо-таки неизбежны въ то до реформенное время. Ладно, что мой насущный хлѣбъ былъ и достаточно питательный, и трудовой, и не даровой, не краденый, не жалованный... Ладно, что тѣ желанья, ожиданья и мечты не оставили послѣ себя пустоты, ни горечи и озлобленія, а замѣнились новыми, гораздо лучшаго качества, съ которыми я и вступилъ въ пору зрѣлаго возраста. Положимъ, и эти остались безъ исполненія, разбились о подводные камни и береговые утесы; но они всетаки красили мою

жизнь, одушевляли меня и толкали на честную и довольно широкую дѣятельность. Испытываю ли я „электрическую дрожь“ при воспоминаніи о пережитомъ?—да, особенно при воспоминаніи о 60-хъ и 70-хъ годахъ. Была и „свободная“ работа, которая увлекала и наполняла жизнь, которую продолжаю и буду, вѣроятно, продолжать до конца жизни,—конечно, не съ той энергіей, не съ тѣмъ успѣхомъ, но все же съ интересомъ и любовью. Было довольно и „благороднаго риска“: хотя этотъ рискъ ни разу не привелъ меня ни къ тюремѣ, ни къ ссылкѣ; но могу ли я самъ себя упрекать, и могутъ ли другіе упрекнуть меня за это? Скажу по совѣсти, что не подлость и не излишняя осторожность были тутъ причиной. Было довольно и „сладкаго зноя счастья“, который приносятъ возданіе по заслугамъ или даже сверхъ заслугъ и чувство любви; да, такіа возданія еще и теперь вносятъ въ мою душу сладкую теплоту, на примѣръ—дружеское отношеніе ко мнѣ учителей и учительницъ въ Нижнемъ, да и нынѣ истинная любовь постоянно согрѣваетъ мою душу, внося въ жизнь если не „зной“, то все же „сладкую“ теплоту. Посему, въ общемъ, я долженъ быть доволенъ моимъ пережитымъ: много было хорошаго, свѣтлаго, отраднаго. Остается—честно и разумно распорядиться плодами личнаго труда, обезпечить, сколько нибудь, скромныя, но все же хорошія начинанія, въ которыя я вложилъ свою мысль, свой трудъ, свою душу,—и съ достоинствомъ сойти со сцены...

С. Петино. 1897 года, Января 2.

Только вчера возвратился я въ Петино послѣ обычной поѣздки въ Петербургъ. Съ впечатлѣніями мало отрадными, а частью и вовсе безотрадными. Прежде всего скверная атмосфера, полная безнадежность, никакихъ свѣтлыхъ ожиданій. „Бывали хуже времена“, сказалъ поэтъ (Некрасовъ), „но не было подлѣе“. Рѣчь шла о 80-хъ годахъ. А вотъ пришли времена—если не хуже, то во всякомъ случаѣ „подлѣе“...

Постигъ было Деянова параличъ, но въ замѣстители его намѣтили креатуру Побѣдоносцева Саблера. Поэтому, всѣ были довольны, что выжившій изъ ума Деяновъ, и въ пору зрѣлости не блиставшій умомъ, поправился: слабоуміе Деянова все таки лучше Саблеровскаго и Побѣдоносцевскаго ума, который слишкомъ дорого обошелся Россіи.—Въ Москвѣ разыгралось студенческое волненіе на почвѣ „Ходынскаго побоища“; участвовало болѣе 700 молодыхъ людей въ этомъ движеніи, которое не пройдетъ безъ многихъ жертвъ. Это движеніе отозвалось и въ Петербургѣ, но просто на почвѣ университетскихъ дѣлъ: требовали возвращенія къ старому свободному уставу. Но здѣсь попечитель округа Капустинъ умѣлъ успокоить студенчество обѣщаніями, которыхъ, конечно, никогда не исполнить, да вовсе и не намѣренъ исполнять. Во всякомъ случаѣ, здѣсь дѣло заглохло, студенчество спокойно разѣхалось на праздники, а что будетъ дальше—узнаемъ ужъ въ 1897 году.

XV.

Мнѣ стукнуло шестьдесятъ.

„Ничего въ волнахъ не видно“.

1897 г.

С. Петино 1897 г., Января 10.

Въ Воронежѣ мнѣ пришлось провести вечеръ въ собраніи мѣстныхъ либераловъ радикаловъ, гдѣ читали и обсуждали рукописное письмо Л. Н. Толстого „Къ русскимъ либераламъ“: нѣкоторые лица просили великаго писателя высказаться по поводу закрытія столичныхъ комитетовъ грамотности. Вотъ онъ и высказался, и письмо его въ многочисленныхъ спискахъ разошлось по Россіи.—Надо сказать, что въ Воронежѣ существуютъ два либеральные кружка: либералы просто, съ Е. В. Федяевской во главѣ, съ ея понедѣльниками, и либералы-радикалы, преимущественно поднадзорные, возвращенные каторжники и ссыльные, и т. п. Я не состою въ общихъ и постоянныхъ сношеніяхъ ни съ которымъ кружкомъ; но во второмъ мнѣ случалось бывать нѣсколько разъ, и вообще кружокъ „радикаловъ“ мнѣ кажется надежнѣе, честнѣе и симпатичнѣе. Во первыхъ, это люди, въ большинствѣ, уже пострадавшіе за свои убѣжденія и за поступки, съ этими убѣжденіями согласные... Во-вторыхъ, это болѣе люди дѣла, а не только слова, какъ либералы просто. Послѣдніе любятъ пошумѣть, „потолковать о меньшемъ братѣ, погорячиться о добрѣ“, но при случаѣ—и въ „охрану“ пойдутъ, какъ г. Киселевъ, и лакейскій адресъ напишутъ или подпишутъ, какъ г-жа Федяевская и др., оправдываясь разными ребяческими отговорками... Но и на вечерѣ радикаловъ самое интересное было—именно письмо Л. Н. Толстого, съ которымъ я во многомъ не согласенъ.

Мои работы въ Русскомъ Начальномъ учителѣ“. (Начало, см. т. III.

1895 г.

(Продолженіе).

„Начальная русская грамматика“ Алешинцева. № 8—9.

„Элементарная практическая грамматика русскаго языка“ Костина № 8—9.

„Систематическій диктантъ“. Его же. № 8—9.

„Сборникъ образцовъ систематическаго диктанта“. Ислентьева. № 8—9.

„Нѣмые диктанты“. Злобина. Вып. I. № 8—9.

Къ вопросу о всеобщемъ обученіи. № 10.

Дѣло народнаго образованія въ Тверской губерніи („Очерки школьнаго дѣла въ Россіи“) № 12.

1896 г.

„Библиографическій указатель книгъ и статей по народному образованію“. Изд. Спб. Комитета Грамотности. № 1.

Замѣтки объ отдѣлѣ Комитета Грамотности при Московской Всероссійской сельскохозяйственной выставкѣ 1895 года. № 3, 4, 5, 6—5, 8—9.

Всемирный педагогъ Песталоцци и русскій педагогъ Ушинскій, № 4.

„Нѣмые диктанты“ Злобина. Вып. 2. № 5.

„Элементарный учебникъ ц.-славянскаго языка“. Гусева. № 5.

„Грамматика современнаго ц.-славянскаго языка“. Муратова. № 5.

„Темы и планы ученическихъ сочиненій“. Цурикова. № 5.

„Темы и вопросы для письменныхъ упражненій по русскому языку“.

Воскресенскаго. № 5.

„Сердечное слово“. Волженскаго. № 6—7.

„Вліяніе учителя на школу“. В. Лапшина. № 6—7.

„Практическій курсъ элементарной грамматики“. Вертоградскаго. № 6—7.

„Сборникъ диктантовъ“. Его-же. № 6—7.

Народное образованіе въ Псковскомъ уѣздѣ. Бесплатная школа для бѣдныхъ дѣтей на Шлиссельбургскомъ проспектѣ.

(„Очерки школьнаго дѣла въ Россіи“). № 8—9.

„Басни И. А. Крылова“, 4 книжки. Изданіе Жиркова. № 8—9.

„Дѣти пастухи“. Кудрявцева. № 8—9.

Н. В. Гоголь и его произведенія“. Вѣтринскаго. № 8—9.

„Мысли объ основахъ житейской нравственности и человѣческаго счастья“. Соколовскаго. Ирбитъ. № 8—9.

„Счастіе“. Очерки нравственной философіи Гельти. № 8—9.

„Науки развиваютъ ли умъ или даютъ только знанія“? Соколова, № 8—9.

„О положительномъ воспитаніи“. Народ. учит. А. № 8—9.

„Родная азбука“. Сильченко. № 11.

„Родной языкъ“. Азб. и первая книжка. Яхонтова. № 11.

1899 г.

Народное образованіе въ Черниговскомъ уѣздѣ.—Педагогическіе курсы въ Черниговѣ.—Воскресные классы для взрослыхъ въ Нѣжичѣ.—О народномъ образованіи въ Лужскомъ уѣздѣ, С.-Петербургской губерніи.

(„Очерки шк. дѣла въ Россіи“). № 4—5.

Повѣрочное испытаніе бывшихъ учениковъ и ученицъ одной сельской школы. (Въ память Н. Ѳ. Фонъ-деръ-Флита). № 6—7.

„Записки по грамматикѣ для двухклассныхъ училищъ“. Составилъ учитель Утушкинъ. № 6—7.

„Программа для собираній особенностей говоровъ“. Изд. Ак. Н.

„Алфавитный сборникъ русскихъ неправильныхъ глаголовъ“. Волкова. Изд. 2. № 6—7.

А. Бѣляевскій. „Новая русская письменность“. № 6—7.

Нижегородская губернія. Общество распространенія начальнаго образованія. Общество взаимнаго вспомошествованія учителямъ и учительницамъ. Народное образованіе въ Нижегородскомъ уѣздѣ („Очерки школьнаго дѣла въ Россіи“). № 6—7.

Аргамаковъ. „Мысли о современномъ и будущемъ воспитаніи и обученіи № 8—9. Гербартъ. „Психологія“. № 8—9.

„Экономическая оцѣнка народнаго образованія“. Очерки И. И. Янжула, А. Н. Чупрова и Е. Н. Янжуль. № 8—9.

Тамбовскіе курсы для народныхъ учителей и учительницъ лѣтомъ 1897 г. №№ 10, 12.

Д. И. Тихомировъ. „Записки о губернскихъ краткосрочныхъ курсахъ въ Твери, 1896“ г. № 11.

Народное образованіе въ Симбирской губерніи. Училища и школы Богородскаго уѣзда, Тульской губ. („Очерки школьнаго дѣла въ Россіи“). № 12.

1898 г.

Заботы и работы по всеобщему обученію.

1. Московская губернія. № 2.

Народное образованіе въ Туркестанскомъ краѣ. Иностранческія учительскія школы въ Оренбургѣ и Бирскѣ. („Очерки школьнаго дѣла въ Россіи“). № 2.

Заботы и работы по всеобщему обученію.

2. Тверская губернія. 3. Вятская губернія. № 3.

В. Г. Бѣлинскій (Ко дню исполненія 50 лѣтъ со дня его кончины). № 4.

Начальное образованіе въ городахъ Саратовѣ и Кишиневѣ.—Народное образованіе въ Сердобльскомъ уѣздѣ, Саратовской губерніи („Очерки школьнаго дѣла въ Россіи“). № 4.

Памяти І. И. Паульсона. №№ 6—7.

Педагогическіе курсы въ городѣ Стародубѣ (Черниговской губерніи) и Ярославлѣ въ 1898 г. 1. Общій очеркъ курсовъ. № 11.

1899 г.

Я. П. Полонскій. № 1.

Ярославская земская школа, какъ она отразилась на учительскихъ курсахъ 1898 г. и въ показаніяхъ учащихся лицъ. №№ 2, 3.

„Новая русская педагогія, ея главнѣйшія идеи, направленія и дѣятели“ П. Катерева. № 2.

Э. Бемэ, „Воспитаніе сына“. Педагогическія письма къ молодой матери.

Переводъ съ нѣмецкаго Н. Федоровой. № 2.

„О преподаваніи русскаго языка въ начальныхъ училищъ“. Методика объяснительнаго чтенія, грамматики и письменныхъ упражненій В. А. Воскресенскаго, директора Гатчинской учительской семинарии. № 2.

Земская школа въ Стародубскомъ уѣздѣ, какъ она представляется въ показаніи учащихся лицъ. №№ 6—7, 10.

1900 г.

Чтеніе Н. Θ. Бунакова на курсахъ въ Павловскѣ (записаны слушателями и слушательницами). Лекція І, ч. 1-ая. № 1.

Воронежскій поэтъ И. С. Никитинъ. № 2.

Чтеніе Н. Θ. Бунакова на курсахъ въ Павловскѣ лек. 1, ч. 2, лек. 2, ч. 1. № 3. (Записаны слушателями и слушательницами).

Чтеніе Н. Θ. Бунакова лек. 2, ч. 2, лек. 3, ч. 1. (Записаны слушателями и слушательницами). № 5.

„Программы домашняго чтенія“. № 5.

Чтенія Н. Θ. Бунакова (Записаны слушателями и слушательницами) лек. 3, ч. 2, 4, № 8—9.

Лѣтніе педагогическіе курсы, Курскъ и Херсонъ. № 10.

Чтеніе Н. Θ. Бунакова (Записаны слушателями и слушательницами) лек. 5, ч. 1. № 11.

Чтенія Н. Θ. Бунакова (Запис. слуш. и слуш.). Лекція 5, ч. 2. № 12 *).

1901 г.

Сельская школа и народная жизнь.

Очеркъ XIV. Успѣхи и культурная сила народнаго театра. № 4.

Сельская школа и народная жизнь. Очеркъ XV. О повторительныхъ занятіяхъ съ бывшими учениками. № 5.

Опытъ народнаго университета въ Россіи (По поводу отчета о дѣятельности лекціоннаго комитета при Одесской городской аудиторіи за 1897 - 1900 учебные годы). № 10.

Кое-что объ орфографической терпимости въ школахъ. По поводу лекціи проф. Р. Θ. Брандта. № 11.

Учебно-воспитательное дѣло и экспериментальная психологія. (По поводу книги А. И. Нечаева „Совр. экспер. псих. въ ея отнош. къ вопр. шк. обученія“). № 12.

1902 годъ.

Н. В. Гоголь. Ко дню 50-ти лѣтія его памяти. № 1.

Новое слово по старому вопросу (По поводу брош. г. В. Флерова „Новый способъ об. сліянію звуковъ при обученіи грамотѣ“). № 2.

Сборникъ избранныхъ произведеній Н. В. Гоголя, листы 1, 2, 3 и 4, съ примѣч. и статьей о Гоголѣ (напеч. въ 1 №). № 2, № 3, 4 и т. д.

В. А. Жуковскій (ко дню 50-тія со дня его конч. 12 апр. 1852 г.). № 3.

Курсы въ Пензѣ для уч. ц. прих. школъ № 11.

1903 годъ.

Просмотръ русской литературы съ педагогической точки зрѣнія Стат. 1-я, № 5, тоже Стат. 1-я № 6—7.

Село Петино. 1897 г. марта 22.

Весь февраль прошелъ,—утро въ школахъ, гдѣ я постоянно давалъ уроки въ старшемъ отдѣленіи, вечеръ въ театрѣ, гдѣ ежедневно производились репетиціи народныхъ спектаклей, весь мартъ—въ писаніи работъ для „Рус. Нач. Учителя“ и въ приготовленіяхъ къ учительскимъ курсамъ въ Тамбовѣ, руко-

*) Лекція 6, ч. 1 и 2 напечатаны, по моей собств. подробн. записи, въ „Филологическихъ Запискахъ“, 1901 г.

водить которыми мнѣ предложило уѣздное Тамбовское земство. Но еще вопросъ, разрѣшать ли курсы и утверждать ли меня ихъ руководителемъ. Все-таки я считаю своимъ долгомъ готовиться къ дѣлу. Не бѣда, если мой трудъ останется при мнѣ: онъ пригодится и принесетъ плоды,—если не для тамбовскихъ школъ, то для меня лично и для Петинской школы. Скажу словами моей рѣчи, уже приготовленной для открытія курсовъ: „Наша доля учить,—слѣдовательно, учиться. Что дѣлать: нашему брату учителю болѣе, чѣмъ кому другому, надо сознавать, что учиться никогда не поздно, что трудъ не стыдъ человѣку, а честь, что правдивы и прекрасны эти русскія пословицы: „вѣкъ живи—вѣкъ учись“, „безъ труда—нѣтъ плода“. Что хочу сказать учителямъ, то, прежде всего, долженъ понимать самъ, примѣнительно къ самому себѣ.—Только въ усиленномъ трудѣ и находишь отдыхъ и душевное успокоеніе отъ тяжелыхъ впечатлѣній современной жизни... Вотъ какое возмутительное событіе, между прочимъ, совершилось въ Петербургѣ въ февралѣ мѣсяцѣ этого года. Пронесся по городу слухъ, подтвердившійся признаніемъ прокурорской власти, что слушательница высшихъ женскихъ курсовъ Марія Ѳ. Вѣтрова, посаженная въ одинъ изъ казематовъ Петропавловской крѣпости за найденныя у нея запрещенныя сочиненія, трагически покончила съ собой: она облилась керосиномъ и зажгла его. Крики мученицы-дѣвушки два дня оглашали корридоры крѣпости, такъ что ея сосѣдей по заключенію администрація сочла нужнымъ перевести въ „предварительное заключеніе“. Ужасную смерть Вѣтровой нѣсколько дней скрывали отъ сестры и матери, ежедневно приходившихъ справляться о ней, даже принимали вещи и письма, адресованныя на имя несчастной. Но „шила въ мѣшкѣ не утаишь“. Молодежь въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ заволновалась и на этотъ разъ оказалась достойною названія „университетской молодежи“, проявляя ту юношескую честность, тотъ нравственный подъемъ, которые напомнили молодежь 60-хъ годовъ. Вношу сюда списокъ съ литографированнаго листка, разошедшагося по Россіи изъ Петербурга.

„С. С. *) 45 объединенныхъ землячествъ получилъ слѣдующее сообщеніе: 12 февраля въ Петропавловской крѣпости, послѣ двухдневныхъ страшныхъ мученій умерла слуш. в. жен. курсовъ Марія Ѳеодосьевна Вѣтрова. 10 февраля по вынужденному, какъ увидимъ ниже, заявленію товарища прокурора, она облила себя керосиномъ и сожглась. Такимъ образомъ вновь наступаютъ времена, въ которыя самосожженіе было однимъ изъ цѣлага ряда способовъ кончить жизнь. М. Ѳ. была взята очень недавно,—въ ночь на 22 декабря 1896 года и обвинялась въ храненіи революціонныхъ изданій, такъ что могла ожидать не болѣе, какъ высылку на родину. По свидѣтельству людей, близко знавшихъ ее, это былъ человѣкъ убѣжденный и твердый, котораго не смутила бы и каторга. Въ характерѣ ея не было чертъ, которыя заставляли бы думать, что она могла малодушно испугаться будущаго, тѣмъ болѣе,—даже не страшнаго. Она не была склонна къ меланхоліи. Письма, полученныя отъ нея изъ заключенія, и дневникъ за это время подтверждаютъ сказанное. Наконецъ, недавно только у ней прекратились свиданія съ родными, за которыхъ она была совершенно спо-

*) Соединенный Совѣтъ?

койна. Что же, въ такомъ случаѣ, какое горе, какое отчаяніе заставило ее покончить съ собой такимъ ужаснымъ образомъ? Отвѣтить на это могла бы только она, да тѣ, кто были причиной ея ужасной смерти; но она покончила всякіе счеты съ жизнью, а виновники и свидѣтели ея самоубійства уже, конечно, не захотятъ рассказать, по правдѣ, все случившееся. Мы можемъ только догадываться, что эта смерть лишь финалъ какой-нибудь ужасной трагедіи. Наши догадки дѣлаются вполне основательными, если мы примемъ во вниманіе, съ одной стороны, личность покойной, съ другой тактику и порядки, господствующіе въ нашихъ застѣнкахъ. Тактика администраціи въ подобныхъ случаяхъ достаточно извѣстна изъ исторіи съ Чернышевскимъ, Коронинымъ, Астыревымъ, и др. Во всѣхъ этихъ случаяхъ нашъ застѣнокъ, доведя этихъ людей своими истязаніями почти до смерти, прилагалъ всѣ старанія къ тому, чтобы несчастныя жертвы умирали не въ его стѣнахъ, а на волѣ, и поэтому выпускалъ за нѣсколько, можно сказать, мгновеній до смерти. Этими лицемерными дѣйствіями застѣночные палачи хотѣли умыть руки въ смерти этихъ жертвъ, хотя бы передъ тѣми дряблыми, жалкими элементами нашего общества, которыхъ еще могутъ убѣдить крокодиловы слезы и лживыя заявленія истязателей. Если же теперь они не могли держаться своей обычной тактики, это значитъ, что они были къ тому вынуждены, значитъ, они были прямыми виновниками смерти несчастной жертвы въ борьбѣ съ царизмомъ. Почему они въ теченіе двухъ дней, которые прошли отъ момента самосожженія до смерти, не извѣстили родныхъ и друзей умиравшей? Почему они двѣ недѣли скрывали ея смерть и принимали на имя ея, яко бы живой, книги, и только когда уже изъ „предварилки“ отъ заключенныхъ пошли слухи въ публику, тогда только истязатели, вынужденные къ тому, объявили фактъ смерти. Вѣдь не будь они прямой причиной ея смерти, они могли бы допустить къ ней передъ смертью ея друзей, которымъ Вѣтрова высказала бы причину, побудившую ее къ такому ужасному рѣшенію? Можетъ быть, она назвала бы чисто личныя психическаго характера причины своего поступка, и этимъ отрицалась бы прямая виновность администраціи. Ничего подобнаго сдѣлано не было, и эта переменна тактики яркое доказательство виновности царскихъ слугъ въ смерти ихъ жертвы. Развѣ мы не знаемъ, до чего доходитъ рвеніе застѣнка? Развѣ мы не знаемъ, къ какимъ инквизиціоннымъ пыткамъ прибѣгаютъ царскіе янычары? Мы твердо убѣждены, что лишь глубокое, безысходное отчаяніе, явившееся слѣдствіемъ жестокаго униженія, могло заставить покойную рѣшиться на самоубійство. Мы не знаемъ, какъ дѣйствовали въ данномъ случаѣ застѣночные палачи, но что именно они довели покойную до самосожженія,—въ этомъ трудно сомнѣваться. Леденящій ужасъ охватываетъ душу при этомъ извѣстіи, ужасъ и вмѣстѣ негодованіе. Такіе факты нельзя замалчивать, нельзя оставлять безъ протеста, они нуждаются въ самой широкой огласкѣ. Къ этому мы призываемъ всѣхъ, кто способенъ возмущаться или вѣрнѣе кто способенъ чувствовать... И мы глубоко увѣрены, что на панихидѣ по безвременно погибшей М. Ѳ. Вѣтровой будутъ многія сотни. С.-Петербургъ.

Изъ другихъ источниковъ С. С. извѣстно слѣдующее. На панихиду (въ Казанскій соборъ) собралось до 3000 ч., священники отказались служить пани-

хиду, и собравшіеся сами пропѣли надлежащія молитвы; были произнесены рѣчи, между прочимъ профессоромъ Х. Собравшіеся демонстративно пошли по Невскому, но были остановлены; направившіеся по Казанской улицѣ были задержаны и переписаны, въ количествѣ 1500 чел. въ Каз. полиц. участкѣ“.

Для арестованныхъ, т. е. для большинства, дѣло окончилось благополучно. Не обошлось безъ исключеній и высылкъ, но въ умѣренномъ количествѣ. Ходила басня, будто благополучному исходу содѣйствоваль... Побѣдоносцевъ, который, будто бы, на вопросъ о его мнѣніи на счетъ административныхъ панихидъ, сказалъ: „Православная церковь не воспрещаетъ никому ни за кого молиться“. Вѣроятно,—басня, а впрочемъ—кто знаетъ? У насъ и нашихъ мудрецовъ возможны всякія неожиданности, то глупыя, то умныя.

С. Петино. 1897 г. іюня 7.

Тамбовскіе курсы до сихъ поръ не разрѣшены: попечитель Харьковскаго округа (г. Хрущовъ) представилъ на благоусмотрѣніе министра. А я совсѣмъ готовъ. Ужасно досадно. Ужъ и не вѣрится, чтобы дѣло состоялось. Приглашали еще меня руководить курсами въ Ярославль на августъ (Д. И. Шаховской); я согласился, но мѣстные земцы, опасаясь, что дѣло о разрѣшеніи затянется, отложили курсы до будущаго года. И благоразумно. Если Тамбовъ съ февраля не можетъ добиться разрѣшенія до іюня, то какъ добьется его Ярославль съ іюня до августа? Наша бюрократическая централизація, при ея крайней боязливости и бессмысленности, тормозитъ всякое живое дѣло... Такъ я и сижу въ ожиданіи. А пока запишу нашъ нынѣшній театральный сезонъ. На этотъ разъ дѣло шло особенно удачно. Во-первыхъ, вообще спектакли шли очень оживленно. Во-вторыхъ, въ первый разъ удалось привлечь къ участію замужнюю женщину. Я раньше писалъ, что наши актрисы тотчасъ сходятъ со сцены, какъ только выходятъ замужъ, и это одна изъ причинъ недостатка въ живыхъ и умѣлыхъ актрисахъ: какъ только молодая особа освоилась со сценой, такъ сказать—„наострилась“, стала играть толково, бойко, съ огонькомъ,—смотришь, ее просватали,—и дѣлу конецъ. А вотъ удалось одну убѣдить, чтобы она и въ замужествѣ не отказывалась отъ ролей, отъ участія въ театрѣ. Это Прасковья Сезина, вышедшая замужъ осенью 1896 г. Теперь она на афишахъ значилась Буханова-Сезина. Къ удивленію ея родня, и родня мужа, и вся сельская публика отнеслась къ факту терпимо. Дѣло оказалось вовсе не такъ страшно, какъ думали. Все-таки это была большая побѣда надъ закорузлыми мѣстными понятіями и нравами. Это былъ важный первый шагъ, за которымъ могутъ послѣдовать и второй, и третій. Лиха бѣда,—начать... На спектакляхъ перебивало много пріѣзжей публики. Между прочими—февраля 9 была изъ Воронежа извѣстная писательница г-жа Дмитріева, родомъ крестьянка, по образованію—женщина-врачъ. Она въ весьма живыхъ и правдивыхъ очеркахъ изобразила свою поѣздку къ намъ и впечатлѣнія свои отъ нашего театра въ газетѣ „Жизнь Юга“ за этотъ годъ. Вообще нашъ театръ становится интереснымъ для многихъ. Уже въ 20-хъ числахъ февраля, когда спектакли были окончены, изъ Воронежа пѣшкомъ привалили два гимназистика 8-го класса, жаждущіе быть

на народномъ спектаклѣ: кто-то ввелъ ихъ въ заблужденіе, что спектакли не кончились. Досадно было, что молодые люди, очень живые и симпатичные, мало похожіе на господствующій типъ современнаго русскаго гимназиста, напрасно сдѣлали прогулку за 15 верстъ, да еще по скверной дорогѣ, такъ какъ путь уже началъ портиться. Я, конечно, оставилъ ихъ ночевать; вечеръ они провели съ нами въ живой бесѣдѣ (у Л. И. Михайловой, которая, когда захочетъ, умѣетъ привѣттить молодежь), а утромъ отправились домой въ Воронежъ, но уже конечно—не пѣшкомъ. Потомъ я получилъ письмо отъ учительницы А. К. Яворской съ Харьковско-Николаевской желѣзной дороги, изъ дер. Гольмановки, съ просьбой о дозволеніи ей пріѣхать въ Петино и ознакомиться съ нашимъ народнымъ театромъ: она уже дѣлала опыты народныхъ спектаклей въ своей школѣ, но желала бы видѣть дѣло при болѣе солидной постановкѣ. Я, конечно, выражаю удовольствіе видѣть ее въ Петинѣ, но сомнѣваюсь, чтобы это удалось, потому что наши спектакли обыкновенно бываютъ въ учебное время, и измѣнить это прямо невозможно.

Лѣтопись Петинскаго народнаго театра.

Годъ десятый, 1896—97.

Въ томъ же помѣщеніи. Цѣна 30 к., 20 к., 10 к., 5 к., 1 к.

Декабря 1 (55—1). „Въ чужомъ пиру похмѣлье“, Островскаго, во 2 разъ. Дивертисментъ: чтеніе, пѣніе—дуэты и хоры, въ 5 разъ. (Интеллигентные любители).

Января 12 (56—2). „Домовой“, ком. въ 3 д., Тхоржевскаго, въ 1 разъ.

Января 19 (57—3). „Пройдоха“, ком. въ 4 д., передѣлка съ французскаго (Адвокатъ Пателенъ), въ 1 разъ.

Января 26 (58—4). „Бобыль“, въ 6 разъ.

Февраля 9 (59—5). „Не такъ живи, какъ хочется“, Островскаго, въ 6 р.

Февраля 16 (60—6). „Пройдоха“, во 2 разъ.

Марта 2 (61—7). Литературно-вокальный вечеръ (чтеніе и пѣніе), въ 9 р.

Предполагалась цѣлая серія литературно-музыкальныхъ вечеровъ по обдуманному плану: чтенія естественно-историческія о явленіяхъ природы (З. Ѳ. Золотарева), чтенія историческія (я), чтенія художественныя (Л. И. Михайлова, С. М. Голубятникова и др.), пѣніе преимущественно религіознаго характера (по случаю Великаго поста). Но послѣ 2 марта дорога уже испортилась, компанія разстроилась, такъ на первомъ вечерѣ дѣло и остановилось. Это былъ десятый сезонъ нашего театра, и въ нынѣшнемъ году осенью, вмѣстѣ съ актомъ училища, мы устроимъ десятилѣтній юбилей театра. Для этого юбилея ученики, подъ моимъ руководствомъ, писали подходящія сочиненія: 1) три ученика, сообща,—говоря откровенно,—не безъ значительнаго участія съ моей стороны, сварганили сцену въ стихахъ „Разговоръ о театрѣ двухъ мужиковъ, петинскаго и устьенскаго“, съ даннымъ содержаніемъ, 2) всѣ писали сочиненія на тему „Что я видѣлъ (или видѣла) въ театрѣ“, изъ которыхъ я выбралъ два,

сравнительно-лучшаго качества: одно о „Не такъ живи, какъ хочется“ (мальчика), другое о „Пройдохъ“ (дѣвочки). Если къ этому прибавить подходящія хоры да мою рѣчь о театрѣ, то и получится полное юбилейное торжество. Сдѣлаемъ оваціи лучшимъ актерамъ, а всѣмъ—угощеніе. Хорошо бы устроить и юбилейный спектакль, но боюсь, что 22 октября трудно будетъ собрать нашу группу.

Съ учениками старшаго отдѣленія я много занимался съ самаго начала учебнаго года и до самаго экзамена, который былъ назначенъ 4-го мая подъ моимъ предсѣдательствомъ; мнѣ же были поручены экзамены васильевскихъ. Въ своей школѣ я произвелъ экзамены не только оканчивающимъ курсъ, но и всѣмъ, и сообщая съ С. М. Голубятниковой мы рѣшили, кого перевести въ слѣдующее отдѣленіе, кого оставить на другой годъ въ томъ же. Вообще говоря, результаты весьма хороши. Сравнительно слабѣе среднее отдѣленіе, т. е. ученики С. И. Романовой (матери).

Ужасные слухи ходятъ о преслѣдованіяхъ, которымъ подвергаются на Кавказѣ духоборцы. Жестокія мѣры и гоненія прямо сживаютъ ихъ со свѣта, а они гибнутъ молча, безъ сопротивленія, даже безъ ропота...

Внутри теперъ опять началось заигрываніе съ дворянствомъ. Образована даже какая-то особая комиссія, подъ предсѣдательствомъ Дурново, которая должна изобрѣсти мѣры для поддержанія російскаго дворянства, погибающаго въ морѣ тупоумія, безпутства и долговъ. Старая пѣсня! Крѣпостного права не вернуть, а другихъ средствъ поднять это сословіе, лишенное всякой внутренней силы, изподличавшееся въ погонѣ за подачками и подъ бременемъ этихъ подачекъ, нѣтъ и быть не можетъ. Корни дерева погнили, вѣтви кое-гдѣ еще живутъ старыми соками, но блѣдны и хилы, и никакая сила не спасетъ ихъ. Сословіе обреченное, какъ продуктъ старой, уже умершей, Россіи.

С. Петино. 1897 г. Іюня 16.

Курсы въ Тамбовѣ замедлились: только теперъ получилъ увѣдомленіе о разрѣшеніи ихъ. Собираютъ учителей на 23-е. Къ 23-му поѣду и я, а начинать придется не раньше 24-го. Это вмѣсто 2-го или 3-го. Дѣло въ томъ, что попечитель Харьковскаго округа г. Хрущовъ (новый) не рѣшился разрѣшить ихъ своей властью и представилъ „на благоусмотрѣніе г. министра“,—вотъ дѣло и затянулось. Я ужъ рѣшилъ про себя, что дѣло совсѣмъ провалилось, и успокоился. Правда, жалко было потраченнаго труда: я вѣдь набросалъ для этихъ курсовъ до 70 листовъ разныхъ замѣтокъ и размышленій, для чего долженъ былъ прервать другія письменныя работы.

Лѣто у насъ очень жаркое и сухое. Въ поляхъ все погорѣло, и урожай получится довольно плохой. Если еще послѣдуетъ такой годъ, то—чего добраго—опять придетъ голодовка, какъ въ 91 г.

С. Петино. 1897 г. Августа 26.

Послѣ долгаго ожиданія, когда я уже потерялъ надежду, пришло изъ Тамбова увѣдомленіе, что курсы разрѣшены, и меня ждуть. Я живо отпра-

вился, и вотъ іюня 23-го курсы были торжественно открыты, а съ 24-го начались занятія и пошли полнымъ ходомъ. Первыя впечатлѣнія были не особенно пріятныя. Во-первыхъ, все, прикосновенное къ школѣ, было подѣ впечатлѣніемъ довольно позорнаго судебного процесса, только-что окончившагося въ Тамбовѣ и надѣлавшаго шуму на всю Россію, извѣстнаго подѣ названіемъ „процесса Слетовой“. Дѣло вотъ въ чемъ.

Дѣвица А. Н. Слетова, очень умная, живая, мыслящая молодая особа, завѣдывала Тамбовской воскресной школой. Она сообщила свѣдѣнія о своей школѣ Хр. Д. Алчевской для Нижегородской всероссійской выставки, нѣчто въ родѣ отчета. Между прочимъ, объясняя причину, почему въ воскресной школѣ учились подростки, которымъ настоящее мѣсто не въ воскресной, а въ одной изъ ежедневныхъ городскихъ школъ, А. Н. Слетова выразилась, что „нѣкоторые изъ городскихъ тамбовскихъ учителей дерутся“, а потому ихъ ученики и уходятъ въ воскресную школу. Этотъ отчетъ, вѣрнѣе,—эта записка о Тамбовской воскресной школѣ и лежала въ витринѣ воскресныхъ школъ Хр. Д. Алчевской на Нижегородской выставкѣ. А. Н. на выставкѣ была удостоена, кажется, почетнаго диплома. Все шло благополучно, пока кто-то не выудилъ приведенное выше выраженіе о тамбовскихъ дерущихся учителяхъ. Прежде всего, о нихъ явилась замѣтка въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ. Възѣлся мѣстный инспекторъ народныхъ училищъ М. А. Бо—въ. Възѣлся и директоръ училищъ г. Иль—ко. Оба отрицали возможность всякихъ побоевъ и неблагоустройствъ въ подчиненныхъ имъ тамбовскихъ школахъ, а г. Бо—въ даже напечаталъ оскорбительную замѣтку насчетъ А. Н. Слетовой, вмѣстѣ съ тѣмъ предложивъ ей оставить завѣдываніе воскресной школой и угрожая, въ случаѣ сопротивленія, насильственнымъ удаленіемъ. Она оставила школу, но предложила этому молодцу отказаться отъ оскорбленій, какія онъ напечаталъ въ губернскихъ вѣдомостяхъ, угрожая судомъ. Тогда г. Бо—въ приказалъ всѣмъ городскимъ учителямъ поднять уголовный искъ противъ Слетовой съ обвиненіемъ въ клеветѣ. Этимъ онъ избавилъ себя отъ процесса, но втянулъ учителей въ процессъ, осрамившій на всю Россію и этихъ учителей, и его самого. Судебное слѣдствіе обнаружило, путемъ свидѣтельскихъ показаній, довольно фактовъ, которые оправдывали отзывъ А. Н. Слетовой о городскихъ тамбовскихъ учителяхъ; клеветы не оказалось. За учителями, дѣйствительно, были грѣшки, которые на дѣлѣ, можетъ быть, и не такъ ужъ страшны (потасовки, толчки и т. п.), но на судѣ, при понятномъ стараніи защитника Слетовой, получили такое освѣщеніе, что учителямъ и Бо—ву, который продолжалъ хорохориться и говорить глупости, оставалось только „сгорѣть со стыда“. Однако же они не сгорѣли, а Слетову судъ, конечно, оправдалъ. Теперь тамбовскіе учителя и тамбовскій инспекторъ Бо—въ стали „притчей во языцѣхъ“.

Подѣ впечатлѣніемъ этого-то процесса засталъ я Тамбовъ и Тамбовское учительство. И этотъ-то самый Бо—въ, человѣкъ, вообще говоря, ограниченный, а теперь и озлобленный, но поддерживаемый своимъ начальствомъ, чиновникъ съ головы до ногъ, русскій чиновникъ „конца вѣка“,—этотъ-то Бо—въ назначенъ былъ министерскимъ „наблюдателемъ при курсахъ“. Вотъ, мое „во-вто-

рыхъ“, относительно первыхъ непріятныхъ впечатлѣній въ Тамбовѣ, и было—знакомство съ г. Бо—вымъ, какъ „наблюдателемъ“ при курсахъ. Онъ вознамѣрился—было забрать дѣло въ свои руки и взять на себя первенствующую роль. Я, конечно, постарался указать ему его истинное мѣсто, въ чемъ мнѣ помогли и „Правила о курсахъ“, довольно неопредѣленно обозначающія роль и дѣло „наблюдателя“, такъ что эту роль не трудно свести на роль чисто полицейскую, а это дѣло на дѣло какого-то цензора; помогло и общее отношеніе ко мнѣ тамбовскихъ людей, какъ къ нѣкоторому авторитету, да еще при томъ—къ человѣку совершенно независимому. Я даже прямо сказалъ Бо—ву: „вы видите, что „Правила“ возлагаютъ на васъ только пассивное участіе въ распредѣленіи занятій да активное наблюденіе за порядкомъ; при распредѣленіи занятій, вы можете подавать свой голосъ, обязательно присутствуя при этомъ, но ваше мнѣніе ни для кого не обязательно; во время занятій вы должны наблюдать за порядкомъ: если увидите что-либо неприличное, драку, пьянство и т. под., если услышите что-либо незаконное, противоправительственное, даже просто неприличное, ругань, дерзости и т. п.,—вы должны прекратить. Роль, какъ видите, чисто полицейская или цензорская,—роль, на мой взглядъ, даже обидная, которой я, на примѣръ, не взялъ бы на себя, но вы, какъ чиновникъ мин. нар. пр., должны помириться съ ней.. У меня же свое дѣло, другого содержанія и характера. Будемъ каждый дѣлать свое дѣло и не мѣшать другъ другу“. Такъ г. Бо—въ и уговорился. Присутствовалъ на курсахъ постоянно, но въ дѣло не вмѣшивался, а если и дѣлалъ попытки проявить свое „наблюдательство“, то получалъ щелчки. Зато меня онъ, должно быть, не взлюбилъ.

Въ-третьихъ, на меня непріятное впечатлѣніе произвела разрозненность учительства съ земствомъ. Здѣсь дѣло было поставлено такъ, что школа и учительство вполнѣ въ рукахъ инспекціи, которая всѣмъ заправляетъ, а земство въ сторонѣ. Вотъ я и поставилъ себѣ задачу—сблизить учительство съ земствомъ и привлечь послѣднее къ активному и сердечному участію въ школьномъ дѣлѣ, а довѣріе учительства къ инспекціи, по возможности, подорвать, п. ч. отъ этого довѣрія ничего не можетъ выйти, кромѣ зла. Надо сказать, что теперь во главѣ земства Тамбовскаго уѣзда стоятъ очень симпатичные люди,—не знаю, насколько они окажутся устойчивы, но теперь сильно возбуждены въ пользу школы. Это предводитель дворянства Петрово-Соловово, который недавно открыто протестовалъ противъ заискиваній дворянства передъ правительствомъ; правда, баринъ, но изъ баръ порядочныхъ, и въ умственномъ, и въ нравственномъ отношеніи; предсѣдатель земской управы (уѣздной) М. П. Колобовъ, человѣкъ образованный и живой, да еще состоящій подъ вліяніемъ очень хорошаго человѣка, В. А. Щербы. В. А. Щерба, живя въ Тамбовѣ подъ надзоромъ полиціи, пристроился въ земской управѣ, вноситъ въ земство много жизни, научности, правды, а самъ работаетъ неутомимо. Семейство Щербы (онъ и жена его, Марія Алексѣевна)—было для меня самымъ пріятнымъ домомъ, гдѣ я бывалъ часто и проводилъ пріятные часы среди живыхъ и милыхъ людей. Съ другой стороны, чины мин. нар. пр. въ Тамбовской губерніи вообще ниже всякой критики. Между прочимъ, учителя возставали на курсахъ противъ книгъ Баранова, распространенныхъ въ уѣздѣ, а Иль—ко и Бо—въ стояли за эти книги, дѣйстви-

тельно никуда не годныя. Оказалось, что эти чиновники пустили даже легенду о какомъ-то мнимомъ циркулярѣ мин. нар. пр., яко бы предписывающемъ употреблять въ народныхъ школахъ обязательно книги Баранова. Я, конечно, открыто опровергалъ эту легенду, и Бо—въ ничего не возразилъ противъ этого, а учителя сдѣлали постановленіе о негодности книгъ Баранова. Думается, что г. Барановъ, такъ или иначе, дѣлится съ г. Иль—комъ доходами отъ книгъ да заручился и поддержкой Бо—ва. Хороши молодцы. Всю эту исторію я разоблачаю и въ отчетѣ земству, и въ статьѣ о курсахъ для „Русск. Нач. Уч.“, хотя и рискую враждой г. Баранова, нынѣ окружнаго инспектора въ Москвѣ, а, можетъ быть, и устраненіемъ отъ роли руководителя курсовъ въ будущемъ. Но какъ же быть? „Волка бояться,—въ лѣсъ не ходить“. Нельзя же не разоблачать жуликовъ, какія бы видныя мѣста они ни занимали, какой бы властью облечены ни были. Да, я задался цѣлью—отвлечь довѣріе и симпатіи тамбовскаго учительства отъ этихъ поганныхъ людей и направить въ сторону земства, а послѣднее настроить въ пользу школы и дѣла народнаго образованія. И это, кажется, удалось мнѣ.

Работалъ я усердно и неумоимо—при весьма неблагоприятныхъ условіяхъ. Жара стояла страшная, а курсы собирались въ залѣ для народныхъ чтеній (Нарышкина),—превосходномъ и обширномъ, но съ желѣзнымъ гофрированнымъ потолкомъ и съ весьма слабой вентиляціей. Я давалъ уроки, объяснялъ ихъ, импровизировалъ лекціи, руководилъ бесѣдами, давалъ обстоятельные разъясненія и отвѣты на всѣ вопросы учащихся лицъ, резюмировалъ и записывалъ постановленія; вставалъ въ 6 часовъ, ложился иногда въ 2 ч. ночи,—и не уставалъ, не утомлялся, благодаря сильному нервному возбужденію. Время въ работѣ летѣло быстро. Съ учительствомъ я сошелся хорошо и пользовался съ его стороны довѣріемъ. Сначала дѣло шло вяло, но чѣмъ дальше, тѣмъ живѣе, сердечнѣе, интереснѣе, и разлука была самая трогательная, съ обѣщаніями, съ благодарностями, со слезами. Въ общемъ это учительство съ подготовкой, съ хорошими стремленіями, но задавленное чиновническимъ режимомъ. Курсы нѣсколько подняли его духъ, внесли нѣкоторый свѣтъ въ его понятія объ окружающихъ людяхъ, объ его отношеніяхъ, правахъ и обязанностяхъ. Надолго ли сохранятся слѣды курсовъ, трудно сказать, но думаю, что безслѣдно они не пройдутъ.

Едва покончилъ съ Тамбовскими курсами, какъ получилъ,—во-первыхъ, приглашеніе руководить курсами въ 1898 году (съ 20 іюля) отъ Ярославской губернской земской управы, во-вторыхъ, приглашеніе предсѣдателя Воронежской губернской земской управы В. И. Колюбакина пожаловать въ Воронежъ для участія, 24 августа, въ засѣданіи земскихъ врачей и предсѣдателей управъ для обсужденія докладовъ по школьному вопросу съ санитарно-гигіенической точки зрѣнія. На первое предложеніе послалъ согласіе, хотя боюсь, что меня не допустятъ руководить курсами послѣ строптивости, обнаруженной мною въ Тамбовѣ. На второе предложеніе отвѣчалъ самоличнымъ пріѣздомъ въ Воронежъ. Собраніе, засѣдавшее въ залѣ городской думы, было довольно многочисленное. Было порядочно и посторонней публики, даже дамъ. Два врача прочитали доклады, представляя положеніе воронежской народной школы, въ

санитарно-гигиеническомъ отношеніи, крайне безотраднѣмъ. Но изображеніе это было плохо обосновано, п. ч. собранный матеріалъ касался только развѣ $\frac{1}{10}$ части народныхъ школъ Воронежской губ. Дѣлать, на основаніи такого матеріала, рѣшительные общіе выводы было крайне рисковано. Хотѣли приступить къ обсужденію выводовъ и предложеній одного изъ докладчиковъ, но я просилъ позволенія сказать нѣсколько словъ по поводу обоихъ докладовъ вообще. Сравнивая выводы о санитарно-гигиеническомъ положеніи Воронежской народной школы, сдѣланные на сѣздѣ земскихъ врачей 15 лѣтъ тому назадъ *), съ новыми выводами, я сказалъ: „намъ опять рисуютъ безотрадную картину, какъ будто за 15 лѣтъ Воронежская народная школа не подвинулась, въ санитарно-гигиеническомъ отношеніи, ни на воробьиный шагъ. Отчего же это?“ Тутъ я напалъ на пассивное, иногда и активное, но совсѣмъ въ другую сторону, отношеніе къ народной школѣ со стороны земскихъ врачей, которые не потрудились даже собрать удовлетворительный матеріалъ для изученія санитарно-гигиеническаго состоянія школъ, а смѣло дѣлаютъ выводы о Воронежской школѣ, вообще, на ничтожной группѣ изслѣдованій. Для иллюстраціи моей мысли я указалъ два факта изъ дѣятельности двухъ земскихъ врачей Воронежскаго уѣзда. Оба факта подтверждаютъ не только пассивное отношеніе земскихъ врачей къ школѣ, но обнаруживаютъ или шарлатанство, или вредную активность. Врачи вознегодовали на меня, но держались по отношенію ко мнѣ сдержанно и осторожно. По существу дѣла сказали мало, а такъ, кое-что для оправданія своей недобросовѣстности и лѣни. Надѣюсь, что болѣе приглашать меня на свои засѣданія не будутъ. И Богъ съ ними!

Въ Петербургѣ безумствовали по поводу пріѣзда президента Французской республики Фора. Не знаешь, чему дивиться: либеральному ли духу Россіи, приниженности ли Франціи. Въ то же время—внутри Россіи дѣлается чортъ знаетъ что, выслали за границу послѣдователя Л. Толстого, Черткова; тиранятъ и убиваютъ медленной смертью „духоборовъ“, всячески обуздываютъ прессу, и безъ того слишкомъ смиренную и безцвѣтную, отпускаютъ милліоны на церковно-приходскія школы, признаютъ ученіе Л. Толстого одной изъ самыхъ опасныхъ ересей, противъ которой надо принимать самыя крутыя полицейскія мѣры, а вопросъ объ уничтоженіи тѣлеснаго наказанія общество забыло, а начальство похоронило.

С. Петино. 1897 г. Сентября 8.

Еще въ прошедшемъ году, въ Петербургѣ, Полубояриновъ, какъ-то мимоходомъ, предложилъ мнѣ переработать сообща книгу „Въ школѣ и дома“ для министерскаго конкурса, о которомъ опять объявлено на 1898 годъ.

„Условіе у насъ есть, пріѣзжайте лѣтомъ, и займемся, если вы можете работать“. Я согласился, въ увѣренности, что останется то условіе, какое существуетъ у насъ на счетъ книги „Въ школѣ и дома“. Въ маѣ получаю письмо съ вызовомъ и съ заявленіемъ, что къ этой книгѣ онъ намѣревается

*) На тотъ сѣздъ я тоже былъ приглашенъ. Тогда я обрабатывалъ собранные матеріалы и дѣлалъ докладъ.

примѣнить условіе, когда-то заключенное между нами на составленіе книги для церковно-приходскихъ школъ, на половину сокращающее и безъ того слишкомъ скромный мой процентъ (15%). Я написалъ, что на это условіе согласиться не могу, да и не свободенъ лѣтомъ, по случаю Тамбовскихъ курсовъ. Разозлился Полубояриновъ и уже въ августѣ прислалъ грубый отвѣтъ съ заявленіемъ, что отказывается отъ своего предложенія, которымъ хотѣлъ сдѣлать только „любезность“ мнѣ, хотя во мнѣ вовсе не нуждается. Я отвѣтилъ сдержанно и вѣжливо въ такомъ смыслѣ: „увѣренъ, что онъ во мнѣ не нуждается; жалѣю, что его раздражаю; а предложеніе его забуду, какъ непріятный сонъ; за многимъ не гонюсь; довольствуюся тѣмъ, что получаю съ моихъ книгъ, и буду дополнять этотъ доходъ трудомъ, пока не утратилъ способности работать“. Теперь сильно опасаюсь, что онъ будетъ мнѣ мстить за отказъ и сильно сократитъ мои доходы. Что дѣлать, попалъ я въ лапы этому кулаку по моей довѣрчивости, теперь трудно выпарапаться. На одно надѣюсь, что „Богъ не выдастъ,—свинья не съѣстъ“. Разозлились на меня и Воронежскіе земскіе врачи за участіе въ земско-врачебномъ совѣщаніи 24 августа: врачъ С—нъ, издающій „Медицинскую Бесѣду“ и считающійся у врачей „литературнымъ человѣкомъ“, напечаталъ въ 97 № газеты „Донъ“, за подписью С—нинъ, ехидную статейку на мой счетъ, выступая какъ бы уполномоченнымъ отъ всей земско-врачебной корпораціи. Но статейка („Неожиданный эпизодъ въ земско-врачебномъ совѣщаніи“) написана неумѣло и, по существу, несправедливо. Я послалъ въ тотъ же „Донъ“ еще болѣе ехидное возраженіе: „Мое участіе въ земско-врачебномъ совѣщаніи 24 августа“, съ эпиграфами: „правда глазъ колетъ“, „хороша дочь Аннушка, хвалить мать да бабушка“. Если пройдетъ цѣликомъ, еще пуще разозлятся. Боюсь, что пойдетъ безконечная полемика, но постараюсь быть воздержаннымъ: С—нъ искажаетъ мои слова и предложенія, грубо восхваляетъ врачей, а на мой счетъ пускаетъ въ ходъ довольно низменные экивоки, подмигиванія и т. под. Дальнѣйшія выходки такого рода можно будетъ оставить безъ отвѣта. Посмотримъ, что будетъ.

Сегодня мы въ школъ служили молебень передъ началомъ ученья. Собралось довольно много дѣтей, мужиковъ и бабъ. Батюшка привелъ даже 9 лѣтняго сына.

Завтра начинается ученье.

С. Петино. 1897 г. Октября 10.

Какъ я предполагалъ, такъ и случилось. Мое правдивое и, правду сказать, рѣзкое слово, на засѣданіи 24 августа, о „пассивномъ“ отношеніи земскихъ врачей къ народной школъ—вызвало противъ меня цѣлый рядъ полемическихъ статей — не только С—на, но и другихъ. Мои оппоненты, противорѣча другъ другу, всячески искажая правду, пускаясь въ личности и скверныя инсинуаціи, накинулись на меня. Но всѣми этими мерзостями они только дали мнѣ превосходное орудіе противъ самихъ себя. Правда, что „сама себя раба бьетъ, если не чисто жнетъ“. Чтобы покончить дѣло, я воспользовался собственными словами моихъ оппонентовъ о самихъ себѣ и подвелъ итоги въ статьѣ „Финалъ неожиданнаго инцидента“ („Донъ“, № 112). Думаю, что на эту статью трудно что-нибудь возражать, но во всякомъ случаѣ я за-

явилъ, что это „мое послѣднее слово“, и никакого отвѣта, что бы противъ меня еще ни печаталось, съ моей стороны больше не послѣдуетъ. Признаюсь, мнѣ порядочно надоѣла эта исторія.

С. Петино. 1897 г., Октября 20.

Вышелъ V томъ „Критико-біографическаго словаря“ С. А. Венгерова, въ которомъ (стр. 364—375) напечатана довольно большая статья обо мнѣ, В. А. Латышевымъ. Въ статьѣ довольно много фактическихъ ошибокъ, и написана она не мастерски (вообще Латышевъ писать не мастеръ), но съ большимъ сочувствіемъ къ моей личности и дѣятельности. Мои заслуги и мое значеніе въ „исторіи народнаго образованія въ Россіи“, на мой взглядъ, значительно преувеличены. Если бы я былъ о себѣ преувеличенно-высокаго мнѣнія, я долженъ бы чувствовать себя удовлетвореннымъ и сіять. А теперь чтеніе статьи произвело на меня довольно странное впечатлѣніе. Мнѣ кажется, какъ будто меня раздѣли до-нога и выставили на показъ передъ всѣми праздными и любопытными людьми: „смотрите—моль, вотъ онъ какой“!

С. Петино. 1897 г., Октября 23.

Получилъ предложеніе отъ Стародубской земской управы принять на себя руководство курсами для земскихъ учителей и учительницъ въ 1898 году, предполагаемыми съ 15 мая по 15 іюня. Согласился... И такъ, въ будущемъ году, если предположенія осуществятся, я буду съ 15 мая въ Стародубѣ, Черниговской губерніи, а съ 20 іюля—въ Ярославлѣ; мѣсяць между тѣми и другими курсами будетъ временемъ отдыха, которое проведу въ Петинѣ.

Вчера у насъ въ школѣ происходилъ обычный актъ, который нынѣ мы соединили съ юбилейнымъ десятилѣтіемъ существованія нашего народнаго театра. Были пріѣзжіе посѣтители, мѣстные люди и ученики.

Программа вечера (начало было въ 6 ч. веч.) была такова:

О т д ѣ л е н і е 1-о е.

1. „Царю небесный“. Хоръ.
2. Чтеніе отчета школы за 1896—7 учебный годъ. (Учительница).
3. Раздача свидѣтельствъ и наградъ.
4. „Слава, слава тебѣ, грамотей“... (для каждаго получившаго свидѣтельство) Хоръ.
5. Слово попечителя (мое) о связи между школой и народнымъ театромъ. Здѣсь секретарь земской управы Л. В. Македоновъ сказалъ нѣсколько хвалебныхъ словъ о моихъ дѣяніяхъ. Это было излишне, хотя было сказано отъ души, если не ошибаюсь: причинъ сомнѣваться нѣтъ.
6. „Услыши насъ, о Боже“! Хоръ.

О т д ѣ л е н і е 2-о е.

1. „Господь, твори добро народу“... Хоръ.
2. Ученикъ Ив. Протопоповъ читаетъ свое сочиненіе; „Что я видѣлъ въ театрѣ“.

3. „Какъ у насъ въ театрѣ“... Хоръ.

4. „Разговоры о театрѣ“. Двѣ сцены въ стихахъ. Сочиненіе ученика Дочкина, съ антрактомъ, исполняютъ бывшіе ученики Сезинъ и Кривоносовъ.

5. Хоровой дуэтъ: „Ребята, да вы куда пошли“... „Дѣвицы, да мы театръ смотрѣть“.. съ обще-хоровымъ заключеніемъ: „И вы, гости наши, приходите въ театръ“... Хоръ дѣвочекъ и хоръ мальчиковъ.

6. Антрактъ въ 4 № „Сяду я за столъ“. Хоръ.

Гвоздемъ театральнаго торжества были сцены въ стихахъ Дочкина, надъ которыми поработали, правду говоря, подъ моимъ руководствомъ, почти всѣ ученики, нынѣ окончившіе курсъ; но больше работалъ Дмитрій Дочкинъ, по малолѣтству оставшійся въ училищѣ еще на годъ. Вношу эти сцены сюда цѣликомъ ради воспоминанія.

Разговоры о театрѣ *).

Сцены въ стихахъ учен. 10 л. Дм. Дочкина.

1897 г.

1. На проселкѣ.

Пахомъ изъ Петина да Устьенскій Егоръ,
Дорогой встрѣтившись, вступили въ разговоръ.

— Здорово, кумъ Егоръ!—

„А, Петинскій Пахомъ!

Здорово, кумъ, здорово!...

Ну, какъ живешь“?

— Живемъ, да хлѣбъ жуемъ!

Что въ Устьѣ новаго?—

„Пьемъ, братецъ, пьемъ“!

— Ну, это, кумъ, не ново!—

„За то у насъ, кумъ, правильная жизнь,
Не то, что въ Петинѣ... Болтала Катерина,
Какіе-то у васъ кіатры завелись,

Прямая чертовщина!

Ребята, говорятъ, родителей срамятъ:

Напялятъ хари,

Привяжутъ бороды, галдятъ,

Какъ на пожарѣ,

Да пѣсни разныя голосятъ не путемъ...

Ой, это дѣло, кумъ, плохое,—

Вѣдь—грѣхъ, Пахомъ“!

— Пустое, кумъ, пустое!

*) Напечатаны въ моемъ первомъ письмѣ о деревенскомъ театрѣ въ 147. № „Сѣвернаго Края“, Ярославской газеты, за 1899 годъ, съ нѣкоторыми измѣненіями.

Театры въ Петинѣ и вправду завелись,
Да только нѣтъ грѣха въ томъ никакого,
И ничего плохого...

Вотъ слушай-ка, да самъ и разберись;
Когда умаемся отъ черной мы работы,
Да духомъ упадемъ,—
Въ театрѣ отдохнемъ,
Забудешь горести, нужду, заботы,
И размягчатся тутъ сердца,
А утромъ встанемъ мы бодрѣе,
И ласковѣе, и добрѣе...

„Вотъ глупости! А ты испей винца,
Такъ позабудешь всѣ печали“...
— Нѣтъ, братъ, едва-ли!

Вино-то, кумъ, и губить мужиковъ!
Въ театрѣ въ лицахъ представляли,
Какое зло приносить полуштофъ;
Ужъ точно,—не было печали,
Да черти накачали...

Спокойно жили мужики,
Хлѣбъ собирали,
Не вѣдали ни злобы, ни тоски;
А научила сила злая—
Глушцовъ вино курить,
Да пить,—
Вотъ и пошла бѣда лихая!
Перепились до срама старики,
И стали не людьми, а хитрыми лисами,
Потомъ зубастыми волками,
А наконецъ—погаными свиньями *).
Смотрѣли наши мужики,
Смѣялись умные да разуму учились,
А дураки озлились:
Толкуютъ, что срамятъ рябята насъ,—
Вѣдь правда колеть глазъ!
Зло отъ вина большое: тотъ озлится,
Тотъ проворуется, тотъ бѣгаетъ съ ножемъ,
Да въ прорубь угодить... **).

„Постой, Пахомъ!

Ты это не того... Нельзя же не напиться
Хошь въ праздникъ, напимѣръ, Господень... Да при томъ
Отъ кабаковъ казнѣ прибытокъ здоровенный:
Чѣмъ больше пьешь,

*) „Первый винокуръ“ Л. Н. Толстого.

***) „Не такъ живи“... А. Н. Островскаго.

Тѣмъ больше ты казнѣ доходу, кумъ, даешь.—
Ну, значить, человѣкъ почтенный,
— Казенный интересъ блюдешь!..
Нѣтъ, выпить хорошо, пріятно и здорово,
Особенно чужого“.
— Опять скажу: въ театрѣ я видалъ
Что въ прокъ нейдетъ добро чужое! *).
„Ну, это ты сказалъ
Совсѣмъ пустое!
Чужое украдешь,
Да въ кабакъ пропьешь.
— Свое, кумъ, сбережешь“...
— Да въ судъ и попадешь,
А тамъ и въ каменны палаты,
Въ острогъ!—
„Избави Богъ!
Есть на базарѣ аблакаты:
Они снѣгъ бѣлый очернять,
А сажу обѣлятъ,—
Лишь денежки отдай,—и въ ротъ тебѣ малина!“
— Эхъ, кумъ, когда бы ты въ театрѣ побывалъ,
Тогда бы вотъ что ты узналъ:
Базарный аблакатъ—что знахарь, все едино,
Тотъ и другой взять денежки готовъ,
Чтобъ облапошить мужиковъ... **).
Нѣтъ, кумъ, моли ты Бога,
Чтобы тебя Онъ спасъ—
Отъ завидущихъ глазъ
Да отъ суда и отъ острога!—
„Вишь, глупостевъ какихъ наслушался ты тамъ,
Въ кіатрѣ у себя! Вишь, что городятъ черти!
Ну и живи какъ хошь, а намъ тошнѣе это смерти!..
Вотъ и выходитъ, кумъ Пахомъ,
Что правду молвила старуха Катерина,
Что вашъ кіатръ—прямая чертовщина...
Брось, да въ кабакъ пойдемъ!
Такъ лучше будетъ:
Пуцай кабатчикъ насъ разсудить,
Онъ умный человѣкъ, умѣлъ нажить деньгу“...
— Да мужиковъ согнуть въ дугу?
Я не пойду судиться къ вору,
Наговорить онъ вздору...

*) „Чужое добро“... А. А. Потѣхина.

**) „Пройдоха“ („адвокатъ Потелень“), съ французскаго. „Бобыль“ Криглополова.

Прощай, добро, домой я побѣгу!—
„Прощай, Пахомъ, Господь тебя помилуй!
Погубить васъ кіатръ, мой милый!“
— Посмотримъ! А тебя избави Богъ,
Чтобъ ты не угодилъ въ острогъ!—

(Расходятся).

II.

Пахомъ одинъ. У волостного правленія.

— Кто что ни говори, а все мнѣ жаль Егора...
Онъ съ пьяныхъ глазъ стянулъ мѣшокъ пшена;
Въ холодную и засадили вора,
Да выдрали... Охъ, правда, пить до дна,
Такъ не видать добра! Онъ почесался,
Зашель въ кабакъ да заложилъ кафтанъ,
— Глядишь,—ужь пьянъ,
И вотъ теперь идти домой собрался...

(Входитъ Егоръ).

— Ну, что, почтенный другъ, Егоръ?
Знать, выдрали изрядно?
Знать,—воровать-то не повадно?—
„Хошь я и драный воръ
А проучу васъ, Петинскихъ, и съпьяна!...
Кумъ, не бранись!
Такъ выдрали... ну, просто, какъ барана...
За то у насъ, кумъ, правильная жизнь!
По Божьему живемъ, всей волости на диво...
Кіатровъ нѣтъ у насъ, бѣсовскихъ нѣтъ потѣхъ...
Мы знаемъ: это грѣхъ...
Нѣтъ, мы благочестиво
И праведно живемъ,
Живемъ—да Бога славимъ...
Ну, кумъ, теперь въ кабакъ пойдёмъ,
Бутылочку раздавимъ“!
— Нѣтъ, не хочу!—„Подлецъ, Пахомъ!...
Не хочешь? Эй, смотри, повѣса!...
Ну, коли такъ,—держись!
У насъ, братъ, праведная жизнь...
Я выучу тебя, какъ тѣшить бѣса!“..

(Егоръ размахнулся и упалъ)

— Что, праведникъ? Остервенясь,
На грѣшника меня ты размахнулся,
Да промахнулся,

Да вотъ за это прямо въ грязь

И растяннулся...

Когда проспнешься, да отряхнешься, братъ,

Не поумнѣешь-ли?... На-врядъ!...

Эти сцены произвели большой фуроръ, да и весь вечеръ 22 октября прошелъ очень оживленно, особенно второе отдѣленіе, представлявшее собой полную новинку по своему составу и характеру.

С. Петино. 1897 г., октября 28.

Сегодня мнѣ необыкновенно грустно... нѣтъ, не грустно, а горько.

Такія горькія думы въ головѣ и такъ горько въ роту даже... Доживаю 60-ый годъ; можетъ быть, стою уже на краю могилы,—и одинъ, одинъ. Почему же одинъ? Самъ ли я всѣхъ оттолкнулъ отъ себя? Или всѣ сами ушли отъ меня? Да, многихъ я оттолкнулъ самъ. Мало того, я способствовалъ и тѣмъ, которые сами отталкивались отъ меня. И вѣдь хоть бы я былъ злой и безсердечный человѣкъ,—ничуть; я до сихъ поръ чувствую въ себѣ большую способность и любить, и прощать, но какъ-то такъ случилось, что эта способность все оставалась при мнѣ, внутри меня, и вотъ въ концѣ 60-го года, на краю могилы, я оглядываюсь, на кого бы излить мнѣ чувство любви и прощенія. Оглядываюсь,—и вокругъ меня нѣтъ никого, кому бы нужно было это мое чувство. Одни—въ могилѣ, другіе—далеко, а близкіе—имъ оно не нужно, они ему не повѣрятъ, они, пожалуй, осмѣютъ его... Мною не на шутку овладѣваетъ боязнь, тоскливая и болѣзненная боязнь, не пришлось бы мнѣ умирать совершенно одинокимъ ипохондрикомъ, ни для кого ненужнымъ, для всѣхъ близкихъ несноснымъ и неприятнымъ... Боюсь, что придется умирать въ холодѣ, съ дрожью въ тѣлѣ, стуча зубами, и никакой ласковый и любящій голосъ и взглядъ не будетъ провожать меня въ дальнюю дорогу, и никто не вздохнетъ, не уронитъ слезы, когда тѣло мое вытянется и похолодѣетъ, никто не почувствуетъ никакой пустоты послѣ моей смерти ни въ домѣ, ни въ душѣ. „Туда,—моль, и дорога! Надоѣлъ“!

С. Петино. 1897 г., ноября 25.

Завтра мнѣ окончится 60 лѣтъ, а я въ послѣдніе дни моего шестидесятилѣтія, какъ говорится, „влопался въ исторію“. Дѣло вотъ въ чемъ. Только-что окончилась моя полемика съ врачами, которые, повидимому, сложили оружіе, какъ я затѣялъ полемику съ попами, и въ этой полемикѣ, кажется, не то чтобы мнѣ пришлось сложить оружіе, а у меня насильно отнимаютъ его.

Еще въ началѣ этого года земская управа разослала по школамъ кое-какія книжки для раздачи ученикамъ, окончившимъ курсъ. Между прочимъ, въ число этихъ книжекъ попала извѣстная сказка Пушкина про Кузьму Остолопа и его работника Балду въ изданіи Павленкова, который напечаталъ ее въ первоначальной редакціи („о попѣ Остолопѣ“). Взбѣленились попы и, между прочими, членъ училищнаго совѣта, инспекторъ духовной семинаріи В. П. Борисо-

гльбскій. Но пошумѣли, пошумѣли и замолкли. Казалось, что дѣло заглохло. Осенью ту же сказку мѣстная комиссія народныхъ чтеній прочитала на одномъ изъ своихъ вечеровъ, иллюстрируя ее свѣтовыми картинами, но не о „попѣ“, а о „купцѣ“ Остолопѣ, въ редакціи Жуковскаго. И вотъ появились въ газетѣ „Донъ“ поповскія статьи, увѣряющія, что и сказка-то Пушкина дрянь, что и читать-то ее не стоитъ, что и комиссіи-то стыдно наполнять свои вечера такими пустыми чтеніями, да и не только пустыми, но и вредными, оскорбляющими почтенное, безъ того-де гонимое поповское званіе, хотя на вечерѣ читали не о „попѣ“, а о „купцѣ“ Остолопѣ. Припомнили и земскую управу, съ особеннымъ остервенѣніемъ напали на нее. Главная, наиболѣе злостная, статья принадлежала Борисогльбскому № 121 „Дона“.

Закипѣло мое ретивое, и захотѣлось мнѣ побить поповъ. Вотъ въ № 125 „Дона“ я и напечаталъ ехидную статейку „Нѣсколько словъ о сказкахъ Пушкина“, въ которой съ особенной рельефностью выставлю „сословную щепетильность“, которая хотѣла бы отнять у русскаго народа и то небольшое, что разрѣшено предрержащими властями давать ему изъ Пушкина.

Пуще взбѣленился Борисогльбскій и напечаталъ въ отвѣтъ „вынужденную замѣтку“ (№ 127), упрекая меня въ инсинуаціяхъ злобнаго характера и опровергая мое мнѣніе о сказкахъ Пушкина выписками изъ Бѣлинскаго. Тонъ торжествующій.

Само собой разумѣется, что я не желаю оставлять эту статейку моего оппонента безъ отвѣта. Я написалъ въ „Донъ“ замѣтку „о Пушкинѣ, Бѣлинскомъ и еще кое о чемъ“, въ которой объясняю отзывы Бѣлинскаго о сказкахъ Пушкина, еще подкрѣпляю какъ мое мнѣніе о нихъ, такъ и мое объясненіе причины проявившагося негодованія на сказку о Кузьмѣ Остолопѣ, на земскую управу и на комиссію народныхъ чтеній. Говорю и объ истинномъ положеніи сельскаго духовенства, и о причинахъ враждебнаго отношенія къ нему со стороны народа, и о разумныхъ способахъ измѣнить это отношеніе къ лучшему: я настаиваю, что надо поднять его нравственное достоинство, а не прибѣгать къ внѣшнимъ, насильственнымъ, полицейскимъ и цензурнымъ, средствамъ.

Написалъ, отправилъ—и думаю, что все пойдетъ естественнымъ порядкомъ, какъ въ полемикѣ съ врачами. Не тутъ-то было. Оказывается, что въ Воронежѣ, и черезъ архіерея, и черезъ губернатора (все личности довольно низкой пробы и по уму, и по нравственному достоинству) уже приняли мѣры для огражденія духовенства, во главѣ съ о. Борисогльбскимъ, отъ оскорбленій.

Повидимому, моей отвѣтной статьѣ, хотя она написана въ весьма умѣренномъ тонѣ, воздержанно и болѣе игриво, чѣмъ зло, не суждено появиться въ печати, судя по письму, которое я получилъ отъ редактора В. Г. Веселовскаго (старикъ Г. М. Веселовскій, отецъ умеръ еще въ прошедшемъ году, и „Донъ“ перешелъ къ его сыну). Досадно. — Посмотримъ, что будетъ. Между тѣмъ въ томъ же „Донѣ“ появилось открытое письмо къ св. Борисогльбскому нѣкоего мерзавца Н. Н. Пантелѣевскаго, начальника техническаго желѣзно-дорожнаго училища, который заявляетъ о своемъ сочувствіи св. Борисогльбскому, какъ борцу за истинное народное просвѣщеніе и за достоинство гонимаго духовенства,—борцу, оскорбленному мною, какъ лицомъ изъ „либеральнаго концерта“.

Письмо пошлое и глупое, скорѣе марающее, нежели возвышающее того, къ кому оно написано, скорѣе роняющее, нежели отстаивающее и то дѣло, котораго оно касается. Если моя статья рѣшительно не пройдетъ, попробую воспользоваться этимъ письмомъ, чтобы подать еще разъ свой голосъ въ печати и заявить, что молчать мнѣ приходится только „поневолю“.

С. Петино. 1897 г., декабря 3.

Въ № 133 „Дона“ напечатана моя статья „о Бѣлинскомъ и Пушкинѣ“ (по поводу статьи св. Борисоглѣбскаго),— правда, сильно урѣзанная цензоромъ, но все же, на мой взглядъ, достаточно сильная, и я пока могу считать себя побѣдителемъ и въ схваткѣ съ попами, какъ было въ схваткѣ съ врачами. Впрочемъ „пока“ нельзя ручаться, что не послѣдуетъ возраженій. Но я едва-ли ужъ буду возражать: во-первыхъ, борьба не равная, попамъ цензура и власти благоволятъ, а на меня косятся, меня всячески урѣзываютъ; во-вторыхъ, мнѣ и некогда, надо ѣхать въ Петербургъ... Провалились они эти лицемѣры и дуботолки!

С. Петино. 1897 г., декабря 30.

Въ Воронежѣ въ первыхъ числахъ произведены аресты политическаго характера. Взято нѣсколько „поднадзорныхъ“, даже одна женщина, одинъ желѣзнодорожный врачъ (Исполатовъ), одинъ учитель желѣзнодорожнаго технического училища, котораго начальникъ училища (г. Пантелѣвскій) давно преслѣдовалъ, какъ „вольнодумца“; нѣсколько чиновниковъ и нѣсколько желѣзнодорожныхъ рабочихъ, всего 27—28 человекъ. Дѣло, говорятъ, возникло по доносу, — чуть ли не того самаго Пантелѣвскаго, который заявленіями о своихъ ультра-православныхъ и рабски-патріотическихъ чувствованіяхъ надѣется выслужиться... Конечно, все дѣло мыльный пузырь и представляетъ собой, очевидно, продолженіе той же политики „устрашенія“. Но много горя внесено въ жизнь людей, которымъ и безъ того жить не сладко. Въ городѣ обнаружилась паника. Жандармскій начальникъ Васильевъ усердствуетъ паче мѣры. Говорятъ, что у одного чиновника казенной палаты, даже не на дому, а въ самой палатѣ, нашли гектографъ и какіе-то возмутительные гектографированные листки. Конечно, все вздоръ, но ревнители, вѣроятно, создадутъ нѣчто опасное, устрашающее и ведущее пять-шесть человекъ къ болѣе или менѣе продолжительнымъ страданіямъ. Говорятъ, что особенно опасно положеніе двухъ арестованныхъ офицеровъ. Говорятъ еще, что, въ связи съ воронежскими арестами, произведены аресты въ Харьковѣ и обыски въ Москвѣ. Толковъ много, но не разберешь, что правда, что фантазія.

Въ Петербургъ нынѣ я поѣхалъ довольно поздно и пробылъ всего одну недѣлю. Опасался неладовъ съ Полубояриновымъ. Но все обошлось благополучно. Доходность книгъ вышла добропорядочная и никакихъ неприятныхъ разговоровъ или споровъ не было.

Въ Петербургѣ хорошаго мало. Та же неопредѣленность. То же шатанье. Та же унылая безнадежность. Руководители или выжившіе изъ ума старцы, или

жулики и карьеристы. Словомъ, „ничего въ волнахъ не видно“. Мнѣ сдѣлано предложеніе принять участіе въ курсахъ для учителей и учительницъ Петербургской губерніи, которые предполагаются въ сентябрѣ 1898 года. Подумаю. Тамъ курсы предполагаются по особой программѣ, а происходитъ будутъ въ Павловскѣ, во дворцѣ Константина Константиновича. Три недѣли будутъ читать учащимъ лекціи профессора и доценты Спб. университета, лекціи общеобразовательнаго содержанія (по психологіи, литературѣ и т. п.), а четвертая недѣля отдается лекціямъ по обученію родному языку и бесѣдамъ по разнымъ вопросамъ школьнаго дѣла. Вотъ мнѣ и предлагаютъ лекціи послѣдней недѣли. Надо рѣшить и послать программу къ 6-му января. Мнѣ было бы удобно: съ 15 мая Стародубъ, потомъ отдыхъ дома, съ 20 іюля Ярославль и опять отдыхъ дома, а съ 1-го сентября Петербургъ и Павловскъ. Лишь бы хватило силъ и умѣнья, а согласиться надо.

XVI.

Годъ Бѣлинскаго.

Пятьдесятъ лѣтъ со дня его кончины.

1898.

С. Петино. 1898 г., марта 31.

Новый годъ я встрѣтилъ дома, предвидя (не знаю, основательно или нѣтъ) много содержанія и движенія для моей личной жизни, но безъ надеждъ на оживленіе и полноту общерусской жизни, а при такихъ условіяхъ и полнота личной жизни мало радостна. — Умеръ престарѣлый и выжившій изъ ума министръ народнаго просвѣщенія Деляновъ, но на его мѣсто назначенъ попечитель Московскаго учебнаго округа Боголѣповъ, о которомъ говорятъ, какъ о большомъ формалистѣ и склонномъ прислушиваться къ разнымъ нашептываніямъ о „неблагонадежности“, при томъ лишенномъ всякой инициативы и способности вліять на другихъ. Радуются только, что это сокровище отбило мѣсто у г. Саблера, котораго желалъ провести Побѣдоносцевъ и который похоронилъ бы русскую народную школу въ объятіяхъ невѣжественнаго и жаднаго русскаго духовенства... Теперь новое царствованіе обладаетъ тремя новыми министрами: Муравьевымъ, министромъ иностранныхъ дѣлъ, Куропаткинымъ, военнымъ, и вотъ новымъ министромъ народнаго просвѣщенія. Какъ и всегда у насъ въ Россіи, плоше всѣхъ обставлено министерство народнаго просвѣщенія.

О Куропаткинѣ говорятъ хорошо, и удаленіе Ванновскаго, котораго онъ смѣнилъ, впрочемъ, удаленіе почетное и добровольное, объясняютъ осложненіями на дальнемъ востокѣ, предвидѣніемъ разложенія Китайской имперіи, которое идетъ довольно быстро послѣ того, какъ эту громадную имперію раблѣпства и застоя разбила въ пухъ и прахъ маленькая конституціонная и живая

Японія. Мало-по-малу, Китай начали расхищать. Начала Германія, потомъ не дала зѣвка Англія, потомъ приобрѣла и наша Россія незамерзающей Портъ-Артуръ, наконецъ протянула свою руку и Франція. Всѣ поживились, но трудно сказать, пойдетъ ли это расхищеніе огромной имперіи дальше такъ мирно. Очевидно, Россія желаетъ быть готовой къ большой войнѣ, которая легко можетъ вспыхнуть. Вотъ ей и понадобился умный и образованный военный министръ, понадобилось и усиленіе флота. На послѣднее дѣло отпущено разомъ 90 милліоновъ...

Только на дѣло народнаго образованія новыхъ ассигновокъ никакихъ не предвидится: у насъ все еще боятся народнаго образованія и только для отвода глазъ разводятъ церковно-приходскія школы, вносящія больше мрака и дикости въ народную массу, нежели свѣта и культуры.

Всѣ эти три мѣсяца у меня были поглощены четырьмя дѣлами.

Первымъ дѣломъ были ежедневныя занятія въ школѣ, преимущественно упражненіями въ сочиненіи и правописаніи, совмѣстно. Тутъ пришлось поработать усиленно, потому что составъ класса оказался неважнымъ, какъ предупредила меня наша учительница, С. М. Голубятникова; да кромѣ того, въ этомъ году насъ сокрушили болѣзни. Сперва открылась корь, и школу пришлось распустить недѣли на три; потомъ проклятая оспа,—потому въ полномъ составѣ школа собиралась рѣдко: то одинъ захвораетъ, то другой, а занятія и успѣхи отъ этого задерживались. Одинъ изъ хорошихъ, очень способный ученикъ 3-го отдѣленія, умеръ, другіе сильно отстали. Пришлось готовить къ экзамену только 10, вмѣсто 15-ти, да и въ этомъ числѣ половина слабыхъ.

Вторымъ моимъ дѣломъ за эти мѣсяцы было писаніе юбилейныхъ статей о Бѣлинскомъ—одной для „Русскаго Нач. Учителя“, по просьбѣ В. А. Латышева, другой для „Филологическихъ Записокъ“, по просьбѣ А. А. Хованскаго. Жалѣю, что не имѣлъ въ рукахъ въ то время, когда писалъ мои статьи, превосходныхъ статей С. А. Венгерова—въ „Русскомъ Богатствѣ“ № 3 и „Вѣстникѣ Европы“ № 3: очень оригинальныя по существу, очень сердечныя и превосходно написанныя, эти статьи мнѣ были бы очень полезны. Онѣ навели меня на важныя мысли о роли Бѣлинскаго въ исторіи русской литературы, въ связи съ общественнымъ развитіемъ. Я воспользуюсь ими, если придется гдѣ-нибудь говорить публичную лекцію о Бѣлинскомъ,—если не въ Воронежѣ, то, наприимѣръ, въ Стародубѣ, гдѣ я буду, вѣроятно, 26 мая (день годовщины смерти Бѣлинскаго). Статьи же мои давно отправлены по назначенію: одна набирается, другая („Филологическихъ Записокъ“) уже набрана и просмотрѣна мной въ корректурѣ.

Третьимъ дѣломъ моимъ, которое продолжаю и буду продолжать до осени, было приготовленіе къ курсамъ—въ Стародубѣ, Ярославлѣ и Павловскѣ, Петербургской губерніи. Были получены мною еще два предложенія, очень заманчивыя,—одно въ февраль, другое въ мартъ: въ Рязань и Нижній Новгородъ; но недостатокъ времени и опасеніе за свои силы заставили меня отклонить эти запоздалыя приглашенія. Въ особенно лестныхъ выраженіяхъ было сдѣлано приглашеніе въ Нижній,—вѣроятно, подъ вліяніемъ моей лекціи объ Ушинскомъ во время выставки.

Четвертымъ дѣломъ, наполнявшимъ мою жизнь за эти три мѣсяца, были, конечно, наши народные спектакли и литературно-вокальные вечера, происходившіе постомъ, по воскресеньямъ. Нынѣшній сезонъ былъ особенно удаченъ и по исполненію, и по выбору пьесъ, и по обилію публики изъ Воронежа и сосѣднихъ селеній. Очевидно, что мы „вошли въ моду“. Нашимъ театромъ интересуются. Пріѣзжали даже воронежскія актрисы и любители драматическаго искусства. Мы отправили и нашу труппу, почти въ полномъ составѣ, на одинъ спектакль въ Воронежъ. Наши артисты занимали три ложи въ бель-этажѣ, а содержатель театра, Г. Никулинъ былъ настолько любезенъ, что водилъ ихъ на сцену и въ уборныя, познакомилъ съ закулисной стороною театрального дѣла, да еще устроилъ имъ и приличное угощеніе въ фойѣ театра. Очень дивились наши артисты, что ихъ принимаютъ, „какъ господъ“. Этотъ пріемъ, кажется, произвелъ на нихъ больше впечатлѣнія, чѣмъ спектакль, которымъ они, впрочемъ, тоже остались очень довольны. Они начинаютъ понимать, что дѣло и званіе актера и актрисы—почетное, заслуживающее уваженія, и видимо подымается ихъ самоуваженіе, ихъ человѣческое достоинство.

Вообще, я убѣждаюсь все больше и больше, что нашъ театръ чуть ли не важнѣе школы по силѣ нравственнаго воздѣйствія на крестьянскую молодежь, хотя, конечно, безъ предварительнаго школьнаго обученія это воздѣйствіе театра было бы невозможно. Прежде всего, все-таки нужны толковая грамотность и нѣкоторое умственное развитіе, а потомъ—театръ, театръ и театръ, какъ упражненіе грамотности, какъ превосходное средство для расширенія умственнаго кругозора и какъ благотворное общеніе крестьянской молодежи съ интеллигентными людьми.

Я получаю нерѣдко письма съ вопросами о нашемъ театрѣ и съ просьбой сдѣлать указанія по этому дѣлу, и я немедленно отвѣчаю на эти письма, всячески стараясь способствовать распространенію народныхъ спектаклей, потому что придаю имъ громадное культурное значеніе для поднятія нашего крестьянства,—право, что тамъ ни говорятъ Л. Н. Толстой и народники, сильно озвѣрѣвшаго. Одна учительница Полтавской губерніи, г-жа Яворская, просила устроить спектакль на масляной недѣлѣ, чтобы она могла пріѣхать и посмотреть. Мы устроили въ четвергъ, но обстоятельства сложились такъ, что въ четвергъ ей удалось только выѣхать. Къ намъ же она поспѣла только въ субботу и, конечно, видѣть театра не могла: дѣло ограничилось личнымъ знакомствомъ и бесѣдами; да и то ужъ не въ Петинѣ, а въ Воронежѣ. Особа очень живая, развитая и энергичная. Живетъ въ деревнѣ, работаетъ въ школѣ и устраиваетъ спектакли; но ей хотѣлось видѣть „настоящій“ народный театръ. По обыкновенію, продолжаю лѣтопись нашего театра.

Лѣтопись Петинскаго народнаго театра.

Годъ одиннадцатый, 1898.

Въ томъ же помѣщеніи, ц.: 30 к., 20 к., 10 к., 5 к., 1 к.

Января 11 (62—1). „Не такъ живи“, Островскаго, драма въ 3 дѣйствіяхъ въ 7-й разъ, „Разговоръ о театрѣ“, сцены въ стихахъ Дочкина, въ 1-й разъ.

Января 18 (63—2). „Илья Муромецъ“, былины въ лицахъ, въ 4 дѣйств., въ 1-й разъ.

Января 25 (64—3). „Лѣкаръ по неволѣ“, комедія Мольера, въ 3 дѣйств., въ 1-й разъ.

Февраля 2 (63—4). „Лѣкаръ по неволѣ“, ком. Мольера, въ 3 дѣйств., во 2-й разъ. „Разговоръ о театрѣ“, во 2-й разъ.

Февраля 8 (66—5). „Пройдоха“, комедія въ 4 дѣйствіяхъ, съ французскаго (адвокатъ Пателенъ), въ 3-й разъ.

Февраля 13 (67—6). „Лѣкаръ по неволѣ“, ком. Мольера, въ 3 дѣйствіяхъ, въ 3-й разъ.

Февраля 22 (68—7). Литературно-вокальный вечеръ, въ 10-й разъ. Хоровое пѣніе, чтеніе рассказовъ, стихотвореній, фисъ-гармонія и скрипка, свѣтотыя картины съ рассказами и объясненіями (русская исторія).

Марта 1 (69—8). Литературный вечеръ, въ 11-й разъ. Пѣніе, чтеніе, музыка, свѣтотыя картины (русская исторія, продолженіе).

Марта 8 (70—9). Литературно-вокальный вечеръ, въ 12-й разъ. Пѣніе, музыка, чтеніе, свѣтотыя картины (русская исторія, продолженіе).

Марта 15 (71—10). Литературно-вокальный вечеръ, въ 13-й разъ. Пѣніе, музыка, чтеніе, свѣтотыя картины (русская исторія, окончаніе).

Марта 22 (72—11). Литературно-вокальный вечеръ, въ 14-й разъ. Пѣніе, музыка, чтеніе, свѣтотыя картины: путешествіе вокругъ свѣта.

Примѣчаніе 1. Наибольшій успѣхъ на этотъ разъ достался „Лѣкарю по неволѣ“ Мольера: и пьеса понравилась по ея живости и комизму, и исполненіе было весьма хорошо. Особенно удалась роль Станареля Андрею Буханову, изъ котораго выработается очень дѣльный, типичный и увлекающійся дѣломъ комическій актеръ. „Илья Муромецъ“ понравился красивой обстановкой, но вышелъ скучноватъ, по своему этическому характеру, несмотря на то, что въ пьесу было введено много хорошаго хорового пѣнія. Возни съ этой пьесой много, а движенія въ ней мало, „игра не стоитъ свѣчъ“. Предполагалось повторить, но нашли лучшимъ замѣнить это повтореніе „Лѣкаремъ поневолѣ“. На будущій годъ думаю повторить только одно дѣйствіе изъ „Ильи Муромца“: пиръ у князя Владиміра, а то жаль, что красивая обстановка пропадетъ.

Примѣчаніе 2-е. Читали: З. Θ. Золотарева, С. М. Голубятникова, я и нѣкоторые изъ нашихъ актеровъ и актрисъ. С. М. Голубятникова оказалась замѣчательно хорошей чтицей по задушевности чтенія: она такъ проникается сущью читаемаго, что всякій рассказъ въ ея чтеніи производитъ гораздо болѣе сильное впечатлѣніе, такъ и лѣзетъ въ пониманіе и въ душу слушателей. Наши актеры и актрисы весьма толково и выразительно прочитали нѣсколько стихотвореній Некрасова („Въ деревнѣ“, „Извозчикъ“, „Зеленый шумъ“, „Калистратъ“) и все тѣ же сцены Дочкина „Разговоръ о театрѣ“. Я рассказалъ о царѣ Давидѣ, какъ пѣвцѣ, и прочиталъ нѣсколько псалмовъ въ собственномъ стихотворномъ переложеніи,—именно тѣ, которые потомъ были пропѣты хоромъ („Господи кто обитаетъ“, „На рѣкахъ Вавилонскихъ“, „Благослови, душе моя“).

С. Петино, 1898 г., марта 15.

Сдѣлано важное дѣло. Въ четвергъ на Святой недѣлѣ мы съ Л. И. Михайловой поѣхали въ Воронежъ и 12-го апрѣля, въ воскресенье, обвѣнчались въ отдаленной Успенской церкви, на берегу рѣки Воронежа. Долговременная нѣжная и глубокая любовь на почвѣ общихъ интересовъ и стремленій связывала насъ прочно и безъ этого акта, въ которомъ мы, собственно говоря, вовсе не нуждались. Но безъ этого акта возникало не мало неловкихъ и неудобныхъ положеній, которыя мѣшали надлежащей полнотѣ и ясности жизни. Совершеніе этого акта въ данномъ случаѣ было тѣмъ разумнѣе, что мы, хорошо зная другъ друга, связанные нравственно, сумѣемъ сохранить каждый свою самостоятельность,—мало того, оба можемъ быть увѣрены, что ни съ которой стороны не можетъ послѣдовать даже покушеній на самостоятельность и полную независимость другого человѣка. Мы можемъ найти другъ въ другѣ только поддержку и сочувствіе, что бы ни предпринялъ каждый изъ насъ совершенно самостоятельно.

При нашихъ искреннихъ и хорошо испытанныхъ отношеніяхъ, было бы глупо бояться и избѣгать акта, опаснаго для другихъ и вызываемаго часто какими-либо расчетами, но чистаго и безопаснаго для насъ, такъ уважающихъ и любящихъ другъ друга, такъ исполненныхъ довѣрія другъ къ другу, такъ нужныхъ, почти необходимыхъ, другъ для друга. Сдѣлалось все, конечно, просто, скромно, втихомолку, и къ участію въ дѣлѣ были приглашены только наши испытанные и милые друзья М. П. и З. О. Золотаревы.

С. Петино, 1898 г., мая 6.

Училищный совѣтъ поручилъ мнѣ произвести экзамены ученикамъ Петинскаго, Дѣвицкаго и Васильевскаго училищъ, совмѣстно, въ Петинѣ 5-го мая. Я разсудилъ, что проэкзаменовать основательно учениковъ трехъ училищъ въ одинъ день невозможно и, во всякомъ случаѣ, крайне утомительно, а потому раздѣлилъ экзаменъ на 2 дня: 4-го проэкзаменовалъ нашихъ петинскихъ (9), а 5-го дѣвицкихъ (11) и васильевскихъ (6), и все-таки оба раза пришлось дѣйствовать съ 9-ти часовъ утра до 4 вечера.

Въ общемъ, экзамены сошли хорошо. Хотя въ этомъ году составъ нашего старшаго отдѣленія былъ не особенно хорошъ и по способностямъ, и по подготовкѣ, все-таки наши ученики мнѣ представляются гораздо развитѣе, интеллигентнѣе, владѣютъ запасомъ общеобразовательныхъ знаній, говорятъ языкомъ и говоромъ людей интеллигентныхъ, обнаруживаютъ яркіе признаки живой мысли. Ничего этого нѣтъ ни въ дѣвицкихъ, тѣмъ больше ни въ васильевскихъ. Они бойко отвѣчаютъ на вопросы, но смотрятъ дуботолками, не говорятъ, а какъ-то рубятъ, безъ признаковъ самостоятельной и дѣятельной мысли. Очевидно, что положено много учительскаго и ученическаго труда для подготовки къ экзамену, но это былъ трудъ больше механической, только и имѣвшій въ виду — экзаменъ, безъ разумной и широкой просвѣтительной подготовки, а потому мало производительный въ интересахъ народнаго образованія.

Говорятъ, лѣтомъ въ Воронежѣ тоже будутъ учительскіе курсы и что меня не пригласили по той причинѣ, что освѣдомлены о полной раздачѣ моего времени. Можетъ быть, а вѣрнѣе, что это было предлогомъ отдѣлаться отъ меня, какъ человѣка неудобнаго. И они рады, что отдѣлались, и я радъ, потому что руководить Воронежскими курсами для меня было бы неудобно во многихъ отношеніяхъ.

Послѣ экзамена я очень благодарилъ С. М. Голубятникову за ея живую, сердечную и плодотворную работу въ школѣ. Правда, и я поработалъ въ старшемъ отдѣленіи, но главная работа, основа всего дѣла, принадлежала ей. Она очень живая, дѣльная, любящая учительница, дѣйствительно вносящая въ дѣло душу свою, чистую и дѣвственную человѣческую душу. Дай Богъ, чтобы она подольше оставалась въ нашей школѣ.

С.-Петино. 1898 г., іюня 16.

Окончилъ Стародубскіе курсы и возвратился на отдыхъ домой, а здѣсь нашелъ увѣдомленіе о томъ, что разрѣшены и Ярославскіе, на которые надо поспѣть къ 15-му іюля. Времени для отдыха довольно. Нашелъ и 1-ую книжку „Филологическихъ Записокъ“ за этотъ годъ съ моей статьей о Бѣлинскомъ, и нѣкоторое количество оттисковъ этой статьи. День 26 мая, кажется, во всѣхъ значительныхъ, и во многихъ маленькихъ русскихъ городкахъ, судя по газетнымъ извѣстіямъ, былъ ознаменованъ чествованіемъ памяти Бѣлинскаго. Происходило нѣкоторое торжество даже въ моей глухой Вологдѣ. Даже въ еще болѣе глухомъ Стародубѣ, во время курсовъ, мы не забыли этого дня и почтили память великаго критика-публициста. Но Воронежъ, для котораго Бѣлинскій имѣлъ особенное значеніе, какъ для родины Кольцова, именно подъ руководствомъ и вліяніемъ Бѣлинскаго, вступившаго на путь свободнаго пѣсеннаго творчества, равнодушно отнесся къ обще-русскому торжеству, можно сказать, не участвовалъ въ немъ, если не признать за такое участіе мою статью о Бѣлинскомъ въ „Филологическихъ Запискахъ“, имѣющихъ очень мало связи съ Воронежомъ и всего менѣе извѣстныхъ мѣстному обществу. Вотъ какъ омертвѣлъ этотъ городъ за послѣднія 10—15 лѣтъ, а когда-то былъ городъ живой и отзывчивый... О нашемъ Стародубскомъ чествованіи памяти Бѣлинскаго скажу ниже: чествованіе, конечно, было скромное. Иначе не могло и быть. Стародубъ — старинный, но довольно дрянной городишка, набитый евреями, чиновниками и затхлымъ дворянствомъ. Жизнь въ городѣ прошла при самыхъ примитивныхъ условіяхъ, съ которыми въ первое время мириться было очень трудно. Земство скупое и съ дикими понятіями относительно народнаго образованія; школа обставлена крайне скудно, учительство получаетъ самое нищенское вознагражденіе за трудъ, но въ общемъ производитъ весьма порядочное впечатлѣніе. Я не говорю уже о счастливыхъ исключеніяхъ: учитель С. М. Колозовъ, окончившій курсъ Кіевской военной гимназіи во времена директора Юшенова, замѣчательнаго педагога, по сердечности и благородству направленія, да еще и потомъ много учившійся, учитель по призванію и учительница

О. А. Петрова, петербургская гимназистка и педагогичка, тоже сознательно, а не случайно вступившая въ народную школу,—явленія рѣдкія и высоко знаменательныя. Но и общій фонъ Стародубскаго учительства, при всей скромности образовательнаго ценза, чуть ли не симпатичнѣе Тамбовскаго. Между мной и учительствомъ установились дружескія, товарищескія отношенія съ перваго раза, и дѣло шло живо и, думаю, съ пользою. Питаю надежды, что и земство встряхнется, и учительство подбодрится, а, можетъ быть, и положеніе его улучшится. День 26 мая пришелся вскорѣ послѣ открытія курсовъ: утромъ были первые уроки въ школѣ и моя первая лекція: умственный процессъ и наглядность обученія, а вечеромъ, прежде чѣмъ приступить къ намѣченной по общему плану бесѣдѣ, я предложилъ, съ согласія г. инспектора, почтить память великаго критика-публициста В. Г. Бѣлинскаго. Я изложилъ біографію писателя, соединяя съ ней обзоръ его литературной дѣятельности и характеристику его общественнаго и литературнаго значенія. Получилась лекція, занявшая времени побольше часа. Въ концѣ я предложилъ почтить память писателя вставаніемъ и закончилъ стихами Некрасова: „Молясь твоей многострадальной тѣни“... и т. д. изъ „Медвѣжьей охоты“, которые аудиторія выслушала стоя. Затѣмъ занятія пошли своимъ порядкомъ. При закрытіи курсовъ, т. е. той части занятій, которая лежала на мнѣ, въ отвѣтъ на мою заключительную рѣчь мнѣ былъ прочитанъ (а) трогательный благодарственный адресъ отъ учительства, а на другой день, въ 5 ч. утра, мы выѣхали изъ Стародуба по его узкоколейной желѣзной дорогѣ, ведущей на станцію Унечу кіево-воронежской желѣзной дороги. Не смотря на раннее утро, насъ провожалъ довольно многочисленный кружокъ учителей и учительницъ, а также А. А. Бершадскій и П. И. Куриленко. Въ концѣ концовъ, я выѣхалъ изъ Стародуба съ хорошими впечатлѣніями, что и выразилъ со станціи Унечи въ телеграммѣ къ Стародубскому учительству. А это учительство прислало мнѣ товарищескій привѣтъ, послѣ окончательнаго закрытія курсовъ, ужъ въ Воронежѣ. Милые, сердечные люди! Плохо, малорадостно имъ живется. Тяжелый трудъ они несутъ... Едва-ли предвидится и въ будущемъ много радостей... Какъ бы я желалъ сознавать, что мнѣ удалось внести въ ихъ жизнь и душу хоть единый свѣтлый лучъ, что удалось хоть что-нибудь хорошее сдѣлать для нихъ.

С.-Петино. 1898 г., октября 24.

Побывалъ я и въ Ярославлѣ, гдѣ курсы открылись 15 іюля, а я оставался до 4 августа, включительно, т. е. ровно три недѣли, работая въ товариществѣ съ К. П. Аржениковымъ, преподавателемъ Поливановской учительской семинаріи (Московскаго уѣзда), который занимался ариѳметикой, и П. А. Романовскимъ, преподавателемъ Ярославскаго кадетскаго корпуса, занимавшимся чистописаніемъ. Здѣсь курсы были наряднѣе и многолюднѣе. Занятія шли въ превосходномъ актовомъ залѣ Женской гимназіи (Екатерининскій домъ призрабнѣя ближняго).

Открытіе курсовъ было очень торжественное, съ „генералами“. Эта торже-

ственность какъ-то подавила меня, и говорятъ, что я вяло произносилъ мою вступительную рѣчь, сравнительно съ Стародубомъ, гдѣ открытіе происходило гораздо проще, безъ всякихъ „генераловъ“. Тѣмъ не менѣе моя рѣчь понравилась,—кажется, всѣмъ. Но это было для меня не особенно важно. Важно, что она понравилась Д. Ив. Шаховскому, который придавалъ ей особенное значеніе и еще за мѣсяць до курсовъ просилъ меня внести мысли по вопросу о „народности“ земской школы, въ отпоръ ораторамъ курсовъ для учащихся въ ц.-приходскихъ школахъ.

Эти курсы въ Ярославлѣ открылись раньше нашихъ, и ораторы ихъ обвиняли земскую школу въ „ненародности“. Сочувствуя желанію Д. И. Шаховского (да и не его одного: онъ просилъ меня не отъ себя только) я въ своей рѣчи и развилъ мысль о томъ, какъ надо понимать народность обученія, и при какихъ условіяхъ, и въ какомъ видѣ эта народность желательна. Всѣ были довольны, а Д. И. Шаховской просилъ меня обработать мою рѣчь, отдѣливъ всѣ частности, относящіяся исключительно къ Ярославскимъ курсамъ, въ видѣ статьи, о желательномъ направленіи народной школы, и отдать эту статью для готовящагося къ изданію (въ Москвѣ) сборника „Всеобщее образованіе въ Россіи“, въ изданіи и редакціи котораго онъ принимаетъ участіе, въ товариществѣ съ И. П. Боголѣповымъ, А. А. Кизеветтеромъ, Ѳ. Ѳ. Ольденбургомъ и др. Я, конечно, исполнилъ желаніе Д. И. Шаховского: сдѣлалъ извлеченіе изъ рѣчи и отправилъ въ редакцію сказаннаго сборника, который начнутъ печатать въ ноябрѣ.—Временная школа при Ярославскихъ курсахъ была далеко не такъ цѣлесообразно организована, какъ въ Стародубѣ: тамъ были привезены настоящія крестьянскія дѣти, а тутъ собраны городскія, нарядныя и благовоспитанныя, издавшія виды. Уроковъ здѣсь я давалъ очень много, чуть ли еще не больше, чѣмъ въ Стародубѣ, и съ учительствомъ сошелся очень близко, отношенія установились чуть ли еще не сердечнѣе Стародубскихъ. Надо сказать, что Ярославское учительство, въ общемъ, значительно интеллигентнѣе Стародубскаго и очень предано своему дѣлу и школѣ, преобладаютъ дѣвушки - гимназистки. Ихъ уроки во временной школѣ, всѣ безъ исключенія, были очень хороши. Къ сожалѣнію, всякія обсужденія и бесѣды, внѣ уроковъ и дѣла учебнаго, здѣсь были крайне стѣснены наблюдателемъ и вообще господствующимъ направленіемъ Московскаго учебнаго округа, насквозь проникнутаго духомъ формализма и дешевой благонамѣренности. Было заготовлено много интересныхъ и хорошихъ докладовъ для товарищескаго обсужденія, которые не были допущены ни къ чтенію, ни къ обсужденію. Только весьма немногое мнѣ удалось провести въ связи съ обсужденіемъ уроковъ въ школѣ—чисто „обманнымъ“ образомъ, какъ вопросы училищевѣдѣнія, внесеннаго въ мою программу. Общее число слушателей было около 200, не считая массы постороннихъ посѣтителей. Было не мало пріѣзжихъ—изъ Костромы, изъ Новгорода, изъ Владиміра, изъ Вятки. Вообще курсы были очень многолюдныя и оживленныя. Я вынесъ изъ нихъ массу самыхъ свѣтлыхъ впечатлѣній. Но зато и усталъ. Съ ужасомъ думалось о томъ, что предстоятъ еще курсы въ Павловскѣ,—да еще какіе, не только съ „генералами“, но и съ „великими князьями“. Къ моему счастью, еще въ Ярославлѣ я получилъ отъ В. А. Латы-

пева увѣдомленіе, что Павловскіе курсы отложены до будущаго года: вышли какіе-то нелады съ новымъ министромъ нар. пр. Боголѣповымъ, который несочувственно отнесся къ предположеннымъ курсамъ общеобразовательнаго характера,—и вотъ пришлось курсы отложить. Латышевъ надѣется, что къ тому лѣту дѣло уладится, такъ какъ за эти курсы стоитъ Великій Князь Константинъ Константиновичъ. Получивъ это увѣдомленіе, признаюсь, я вздохнулъ свободнѣе и, въ виду близкаго отдыха, съ усиленной энергіей повелъ Ярославскіе курсы: уроки въ школѣ, и теоретическія изложенія, и совѣщательныя бесѣды, много выиграли отъ этой моей усиленной энергіи. А тутъ еще пріѣхали изъ Воронежа наши друзья Золотаревы, чтобы провести съ нами нѣсколько дней въ Ярославлѣ и вмѣстѣ ѣхать домой. Послѣдняя недѣля моихъ занятій шла особенно оживленно. Августа 4-го я далъ послѣдніе уроки въ школѣ, велъ прощальную бесѣду съ учительствомъ и тѣмъ покончилъ мои занятія. Въ отвѣтъ на мою прощальную рѣчь, одинъ изъ учителей *), отъ имени всего учительства, прочиталъ слѣдующія трогательныя слова, которыя всегда будутъ приводить меня въ умиленіе.

„Позвольте мнѣ задержать васъ на нѣсколько минутъ, многоуважаемый Николай Ѳедоровичъ, чтобы отъ лица уполномочившихъ меня товарищей по службѣ сказать вамъ нѣсколько прощальныхъ словъ. Когда мы собирались изъ разныхъ концовъ Ярославской губерніи, во многихъ изъ насъ поднимались тяжелые вопросы: къ чему эти курсы? что они дадутъ намъ новаго? Жизнь въ узкихъ школьныхъ рамкахъ, изолированная отъ освѣжающей атмосферы культурныхъ центровъ, поднимала въ душѣ нашей невольно эти вопросы, заставляя скептически относиться къ такому, какъ оказалось, отрадному явленію, какъ состоявшіеся курсы.

Вы не только побѣдили въ насъ это предубѣжденіе,—такая роль оказалась для васъ малою!—нѣтъ, своей свѣтлой личностью, яснымъ и трезвымъ взглядомъ на дѣло, вы сообщили намъ и передали, если можно такъ выразиться, часть своей души. Вотъ чего мы никогда не забудемъ! Личнымъ своимъ примѣромъ,—а что же можетъ быть лучше и достойнѣе его?—вы показали намъ, какъ можно сдѣлать много, если въ душѣ нашей тоже будетъ горѣть искра святой, чистой любви къ своему дѣлу, какая горитъ лично въ васъ самихъ, что мы постоянно видѣли на вашихъ увлекающихъ и увлекательныхъ, полныхъ глубокаго и широкаго опыта, урокахъ. Вы заставили насъ смотрѣть на свою школу не какъ на мастерскую, въ которой механически исполняется данная программа, но какъ на душу живу, какъ на живой самодѣятельный организмъ, въ которомъ учителю выпадаетъ роль только руководительная. Далеко, далеко разбросанные другъ отъ друга, въ минуты душевнаго одиночества, тревогъ, сомнѣній, разочарованій,—а такихъ минутъ много въ нашей жизни, Николай Ѳедоровичъ!—всѣ мы воспроизведемъ вашъ незабвенный образъ и будемъ находить въ немъ для себя подкрѣпленіе, указаніе, утѣшеніе, руководство.—Не поминайте насъ лихомъ, Николай Ѳедоровичъ, и простите, если въ нашихъ вопросахъ иногда вамъ слышались, можетъ быть, рѣзкія, крикливыя ноты. Не

*) Николаевскій.

школьный задоръ вызывалъ ихъ. Вамъ, какъ опытному педагогу и психологу, лучше насъ извѣстно, что по первому впечатлѣнію судить нельзя. Это должно было только показать вамъ, что вы затронули въ насъ жизненный нервъ, вызвали жгучій вопросъ въ нашей душѣ. Смѣемъ васъ увѣрить, что въ какой бы формѣ онъ, этотъ вопросъ, ни выразился, суть его всегда вытекала изъ положенія: въ чемъ же правда? Позвольте же, въ заключеніе, пожелать вамъ еще на долгіе годы энергіи, удачи и нравственной силы въ вашемъ святомъ дѣлѣ, чтобы вы еще и еще въ разныхъ углахъ нашего обширнаго отечества будили уснувшую душу такихъ же тружениковъ, какъ мы, воздвигая тѣмъ самымъ среди насъ, а черезъ насъ и въ миллионномъ русскомъ населеніи, заживо нерукотворный памятникъ!“

Я переносу сюда эту глубоко тронувшую меня маленькую рѣчь съ рукописи, полученной отъ автора. Конечно, въ ней много преувеличены мои достоинства, но ея искренность, бьющая въ глаза, заставляетъ меня вѣрить, что мнѣ, дѣйствительно, удалось затронуть „живу душу“ въ этихъ труженикахъ народной школы, возбудить въ нихъ хорошія идеальныя чувства и стремленія. Я вѣрю въ это, потому, конечно, что мнѣ хочется вѣрить.—Вечеромъ въ тотъ же день я съ женой и Золотаревы съ нами уѣзжали изъ Ярославля на пароходъ въ Нижній, чтобы ужъ оттуда ѣхать домой, въ Воронежъ, по желѣзной дорогѣ: хотѣлось прокатиться по Волгѣ. Все учительство, земцы, директоръ и даже инспекторъ, собрались на пристань и на пароходъ провожать меня. Прощанье было очень сердечное.

Возвратившись въ Петино, я получилъ и адресъ Стародубскаго учительства, который тоже заносу сюда, хотя онъ довольно блѣденъ, сравнительно съ Ярославскимъ, можетъ быть, отчасти по той причинѣ, что его редактировалъ инспекторъ—наблюдатель курсовъ, Ал. Ал. Бершадскій, очень милый человекъ, но имѣющій способность считать себя литературныхъ дѣлъ мастеромъ. По его же настоянію, адресъ этотъ напечатанъ и въ этомъ видѣ присланъ мнѣ:

„Глубокоуважаемый Николай Ѳедоровичъ! Примите отъ насъ, земскихъ учителей и учительницъ, глубокую признательность за руководство курсами и за ваше теплое, сердечное отношеніе къ народной школѣ и учителю. Ваше имя слишкомъ извѣстно въ учебной литературѣ, а ваши личныя указанія здѣсь, на курсахъ, ваше руководство, помогутъ намъ понять разумомъ наши обязанности въ школѣ,—обязанности, которыя мы до сихъ поръ понимали больше сердцемъ. Ваши уроки слишкомъ цѣнны, чтобы можно было много говорить объ этомъ; довольно сказать, что они дали намъ твердую почву въ нашемъ будущемъ трудѣ... Да сохранить Господь ваши силы! А мы всѣ, съ своей стороны, искренно желаемъ вамъ здоровья на многіе и многіе годы, для пользы близкаго и дорогаго всѣмъ намъ дѣла просвѣщенія родного народа“.

Это тоже не безъ преувеличеній, но преувеличенія здѣсь носятъ немного дѣланный и какой-то оффиціальныя характеръ. Впрочемъ, можетъ быть, я и ошибаюсь. Всѣ подписавшіеся подъ адресомъ—очень милые и сердечные люди; я не имѣю права не вѣрить ихъ искренности, и думается, что и нѣкоторую струю оффиціальности здѣсь подпустила посторонняя рука. Въ Ярославлѣ та-

кая рука, можетъ быть, и желала бы прикоснуться къ выраженію чувствъ учительства, но это ей не удалось. Вскорѣ послѣ моего возвращенія въ Петино, когда я еще отдыхалъ и только собирался засѣсть за отчетъ о Ярославскихъ курсахъ, меня неожиданно посѣтилъ старый другъ Николай Николаевичъ Блиновъ, Вятскій педагогъ—священникъ. Онъ возвращался со съѣзда натуралистовъ въ Кіевѣ и заѣхалъ ко мнѣ въ Петино. Онъ пробылъ у насъ только день, но сколько жизни и свѣта внесъ въ нашъ домъ! Онъ остался тѣмъ же идеалистомъ энтузіастомъ, какимъ я зналъ его 25 лѣтъ тому назадъ, искателемъ добра и правды, вѣрующимъ въ торжество своего идеала, возбуждающимъ и въ другихъ вѣру, надежду, любовь. Рѣчь и движенія его все такія же торопливыя, какъ будто онъ боится, что чего-то не успѣетъ додѣлать и договорить. Народникъ, въ лучшемъ значеніи слова, онъ видитъ всѣ темныя стороны нашего народа и народной жизни, но вѣритъ въ чудодѣйственную силу школы и науки, которая должна-де поднять, очистить и вывести народъ на прямую, широкую дорогу.

— Вотъ это человекъ, гораздо болѣе похожій на святого, нежели грубый и деревянный Іоаннъ Сергіевъ Кронштадскій!

— Дружески, еще болѣе любя и понимая другъ друга, разстались мы,—вѣроятно, опять лѣтъ на 20—25, а, можетъ быть, и навсегда. Слушая его восторженные мечтанія, его торопливые рассказы о его намѣреніяхъ, предположеніяхъ и упованіяхъ, я провѣрялъ мой очеркъ о немъ въ „Словарѣ“ С. А. Венгерова, и мнѣ кажется, что образъ священника-педагога вѣрно схваченъ въ этомъ очеркѣ.

Проводивъ Блинова, я побывалъ на временныхъ педагогическихъ курсахъ въ Воронежѣ, происходившихъ подъ руководствомъ мѣстныхъ инспекторовъ и подъ наблюденіемъ нашего инспектора Ив. В. Попова. Курсы шли вяло, были мало-содержательны и лишены возбуждающей силы.

Болѣе мѣсяца просидѣлъ я надъ писаніемъ отчета о Ярославскихъ курсахъ. Написалъ почти сто листовъ и отправилъ въ Губернскую Управу. Слѣдомъ—написалъ и для „Русскаго Нач. Учит.“ общій очеркъ Стародубскихъ и Ярославскихъ курсовъ, тоже листовъ сорокъ, и тоже отправилъ. Отправилъ и извлеченіе изъ моей вступительной Ярославской рѣчи въ редакцію сборника „Всеобщее обученіе въ Россіи“ *). Только послѣ этого начался для меня полный отдыхъ.

Между тѣмъ, съ 15 сентября началось ученье въ школѣ, начались и приготовления къ нашему обычному школьному празднику 22 октября, который на этотъ разъ я задумалъ соединить съ чествованіемъ Бѣлинскаго, которымъ былъ, такъ сказать, наполненъ этотъ годъ.

Нашъ актъ, годовой школьный праздникъ 22 октября, на этотъ разъ соединенный съ чествованіемъ Бѣлинскаго, прошелъ очень хорошо.

На эстрадѣ былъ выставленъ прекрасный большой портретъ Бѣлинскаго, украшенный вѣнкомъ, надписью изъ цвѣтовъ (Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій), зеленью и цвѣтами. Этотъ портретъ для насъ изобразила молодая худож-

*) Вышелъ въ свѣтъ въ 1902 году.

ница-самоучка Антонина Григорьевна Кравцова, дочь Антонины Петровны Кравцовой-Блюммеръ. Послѣ обычной молитвы (Царю Небесный), я обратилъ вниманіе присутствующихъ на этотъ портретъ. Затѣмъ торжество пошло въ такомъ порядкѣ: С. М. Голубятникова, наша учительница, прочитала составленный мною отчетъ за 1897—8 учебный годъ. Такъ какъ свидѣтельство отъ училищнаго Совѣта для окончившихъ курсъ мы еще не получили, то пришлось ограничиться раздачей подарковъ — отъ училища, отъ попечителя, отъ учительницы. Каждому изъ окончившихъ курсъ, при полученіи подарковъ, хоръ пѣлъ „славу“.

Послѣ этого ученикъ Дмитрій Дочкинъ толково и громко прочиталъ свое сочиненіе—„В. Г. Бѣлинскій“ и стихи Некрасова о Бѣлинскомъ („Молясь твоей многострадальной тѣни...“). Содержаніе для сочиненія было взято изъ классной бесѣды, которую я велъ въ старшемъ отдѣленіи въ февралѣ. Тогда всѣ ученики писали о Бѣлинскомъ, а лучшее сочиненіе и было выбрано для чтенія на актѣ. Дочкинъ, какъ второгодникъ, конечно, написалъ лучше всѣхъ. Послѣ этого хоръ пропѣлъ: „Господь, твори добро народу“... Ученикъ Сезинъ прочиталъ стихотвореніе Пушкина „Пиръ Петра Великаго“, съ предисловіемъ и словами Бѣлинскаго. Хоръ пропѣлъ то же стихотвореніе. Ученикъ Позняковъ прочиталъ стих. Лермонтова „Казачья колыбельная пѣсня“, съ предисловіемъ и словами Бѣлинскаго. Хоръ пропѣлъ то же стихотвореніе. Ученикъ Гуровъ прочиталъ стих. Кольцова—„Косарь“, съ предисловіемъ и словами Бѣлинскаго.— Это чтеніе Гурова, громкое, выразительное, полное пониманія и увлеченія, имѣло особый успѣхъ. Хоръ пропѣлъ отрывокъ изъ того же стихотворенія („Ахъ, ты степь моя, степь широкая“...).

Въ заключеніе я сказалъ, приблизительно, слѣдующее:

„Итакъ, сегодня окончилось четырнадцать лѣтъ съ основанія нашего Петинскаго училища. Оно было открыто 22 октября 1884 года, и съ тѣхъ поръ мы ежегодно, въ этотъ самый день, устраиваемъ годовой школьный праздникъ, называемый актомъ. Мы читаемъ отчетъ училища за минувшій годъ, раздаемъ свидѣтельства, если они получены (нынѣ мы свидѣтельствъ еще не получили отъ училищнаго Совѣта), книги и другіе подарки нашимъ ученикамъ. Наши ученики читаютъ свои дѣтскія сочиненія, поютъ и говорятъ молитвы и стихи, на радость и утѣшеніе своимъ родителямъ и учителямъ.

И почти каждый разъ намъ приходится соединять это скромное училищное торжество съ воспоминаніемъ и чествованіемъ какого-нибудь славнаго русскаго сочинителя, учителя жизни. Такъ, мы вспоминали Крылова, Пушкина, Кольцова, Ушинскаго, а нынѣ вспоминаемъ и чествуемъ Виссаріона Григорьевича Бѣлинскаго. Кто былъ этотъ Бѣлинскій, что онъ сочинялъ, чему училъ и за что его чествовала въ этомъ году вся грамотная Россія, объ этомъ читалъ свое сочиненіе нашъ ученикъ Дмитрій Дочкинъ. Довольно сказать, что прошло пятьдесятъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ умеръ Бѣлинскій, а сочиненія его не умерли, и Россія не забыла его. Значитъ, хорошъ былъ этотъ человѣкъ и много добра содержится въ его сочиненіяхъ. Скажутъ, пожалуй: да стоитъ ли поминать и чествовать какого-то сочинителя? Добро бы, генераль какой, или архіерей что-ли, а то какой-то писака,—важное кушанье! Велика важность, что человѣкъ книжки сочинялъ!

Это будутъ пустыя и вздорныя рѣчи,—и вотъ почему.

Во-первыхъ, всякій служить своему отечеству, кто чѣмъ можетъ, кого какими талантами, кого какой силой Господь наградила. Господь только повелѣлъ, чтобы люди не зарывали талантовъ въ землю, а употребляли ихъ на благо ближнимъ. Одному даны отъ Бога сильныя руки да ноги. Онъ пашетъ, рубитъ, работаетъ сохой, топоромъ, молотомъ, и приноситъ пользу своей работой. Поклонимся ему и скажемъ „спасибо“. Другому даны отъ Бога большой умъ и сильный даръ слова. Онъ самъ всю жизнь учится изъ книгъ, да и другихъ учить уму-разуму. Онъ работаетъ головой, словомъ, перомъ, и приноситъ пользу своей работой, да пользу-то не себѣ одному, а и другимъ людямъ. Поклонимся и ему и скажемъ „спасибо“.

И надо сказать, что людей съ сильными руками и ногами, способныхъ работать сохой, топоромъ, молотомъ, на бѣломъ свѣтѣ гораздо больше, нежели людей съ большимъ умомъ и сильнымъ словомъ, способныхъ работать головой и перомъ. А потому и цѣна работникамъ ума, слова, пера и печати дороже, и почета имъ больше,—все равно, какъ земля черноземъ дороже глинистой или песчаной, рѣдкая бѣлая или голубая глина дороже обыкновенной красной глины, золото дороже желѣза, заводскій конь-иноходецъ дороже простой рабочей лошади, крѣпкій дубъ дороже дряблой вербы или осины. Лишь бы человѣкъ не зарывалъ своихъ талантовъ въ землю, за всякую хорошую, добросовѣстную и честную работу надо отдать поклонъ и сказать „спасибо“; но золоту одна цѣна, а желѣзу другая, и за небольшой кусочекъ золота дадутъ много пудовъ желѣза. Во-вторыхъ, отъ пера и печати, отъ газетъ и книгъ, отъ сочинителей и живого слова, добра и пользы бываетъ на бѣломъ свѣтѣ ужъ никакъ не меньше, чѣмъ отъ сохи, топора, лопаты, молота, — только польза-то эта достается не одному только самому работнику, а многимъ людямъ. Я такъ скажу: все, что совершилось у насъ добраго за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ, добраго не для маленькой горсти людей, а для всего русскаго народа,—все это пошло отъ живого слова, отъ пера и печати. Это они, сорокъ лѣтъ тому назадъ, подняли дѣло объ уничтоженіи крѣпостного права. Это они втолковали, кому слѣдуетъ, что крестьянъ надо освободить и землей надѣлить. Это они вразумили всѣхъ въ негодности стараго неправеднаго и тягучаго суда, когда людей десятками лѣтъ держали подъ судомъ да въ острогахъ, знатныхъ и богатыхъ обѣляли, а маленькихъ да бѣдныхъ людей обвиняли, да тѣхъ и другихъ раззоряли взяткими и поборами. Это они раскрыли тяготу старой солдатчины, когда служить приходилось 25 лѣтъ и бѣдныхъ солдатъ то и дѣло заколачивали палками на смерть. Это они еще недавно, во время страшнаго неурожая 91-го года, подняли дѣло о помощи голодающихъ и вызвали эту помощь и отъ правительства, и отъ земства, и отъ частныхъ лицъ... И не перечислить всего добраго, что шло и теперь идетъ отъ живого слова, отъ пера и печати. Великое дѣло честное печатное слово: и у насъ и другихъ народовъ, оно всегда начинало и дѣлало большія хорошія дѣла.

Много на свѣтѣ зла и неправды. Много горя и бѣдствій приходится переживать маленькимъ людямъ, — и людей этихъ не десятки, не сотни, а многія тысячи и милліоны. Кто же заступится за нихъ? Кто повѣдаетъ міру про ихъ

бѣдствія? Кто обличить зло и неправду? Извѣстное дѣло: „дѣтя не плачеть, мать не разумѣеть“. Вотъ честное печатное слово, въ газетахъ да книгахъ, и подымаетъ свой голосъ за бѣдствующиxъ людей, обличая зло и неправду, — и съ этой пользой не можетъ равняться никакая другая польза. Въ-третьихъ, училищу, которое для того и существуетъ, чтобы распространять книжное ученье, конечно, всего болѣе подобаетъ отдавать почетъ работникамъ пера и печати, т. е. людямъ, которые въ печати стоятъ за добро и правду, и для этого сочиняютъ и печатаютъ хорошия честныя книги, какъ это дѣлалъ покойный В. Г. Бѣлинскій, который умеръ 50 лѣтъ тому назадъ, и котораго мы сегодня вспоминаемъ и чествуемъ.

Такъ-то, выходитъ, что мы обязаны помянуть съ благодарностью этого человѣка. Но, помяная его, возводимъ хвалу и вообще честному русскому печатному слову, направленному къ добру и правдѣ именно имъ, покойнымъ В. Г. Бѣлинскимъ!“

Въ заключеніе хоръ пропѣлъ слѣдующій гимнъ въ честь печатнаго слова, приготовленный мною на музыку Зайцева „Услыши насъ, о Боже, о Боже, съ высоты“:

„Тебя поемъ, и славу, и славу воздаемъ
Тебѣ, печатное учительное слово!
Добру и правдѣ ты служить всегда готово,
Надъ зломъ и ложью ты гремишь, какъ Божій громъ,
Какъ Божій громъ!“

Затѣмъ всѣ ученики школы получили приготовленное угощеніе, — и наше скромное торжество окончилось.

Въ общемъ, праздникъ удался. Въ будущемъ году имѣется въ виду столѣтіе со дня рожденія Пушкина, которое и должно дать содержаніе нашему акту 22 октября 1899 года. Да, хорошій матеріалъ оно дастъ и для учительскихъ курсовъ этого года; если только мнѣ придется руководить такими курсами гдѣ-нибудь, я воспользуюсь этимъ матеріаломъ, чтобы внести въ курсы побольше общеобразовательнаго характера, тѣмъ болѣе, что, говоря о Пушкинѣ, нельзя опять миновать и Бѣлинскаго.

С. Петино. 1898 г., октября 29-го.

Отголоски Ярославскихъ курсовъ все еще ласкаютъ мое скромное самолюбіе. Получаю изъ Ярославля самыя трогательныя письма: отъ Д. И. Шаховскаго, который такъ горячо благодаритъ меня за что-то, будто бы мной сдѣланное для Ярославскаго учительства и Ярославской школы. „Нѣкоторые часы, проведенные на курсахъ, говоритъ онъ, будутъ для меня на всю жизнь однимъ изъ самыхъ дорогихъ и возвышенныхъ воспоминаній. И это возвышающее душу и очищающее ее впечатлѣніе Вы дали не одному мнѣ, а сотнѣ воспитателей нашей крестьянской молодежи“. Конечно, для меня лестно читать такіе отзывы, особенно отъ такого, вообще говоря, сдержаннаго, но прямодушнаго человѣка, какъ Д. И. Шаховской; получаю письма очень сердечныя и отъ учащихъ лицъ.

Въ „Ярославскихъ Губ. Вѣдомостяхъ“ тоже печатаются статейки о курсахъ, очень лестныя для меня. И слова мои воспроизводятся, и личность моя превозносится... Но не надо поддаваться тщеславному самоуслажденію. Вся моя заслуга, очень скромная, состоитъ въ томъ, что я относился съ искренней любовью къ дѣлу и къ учительству, да работалъ добросовѣстно, по мѣрѣ моихъ силъ и умѣнья,—и дѣлалъ я такъ по той простой причинѣ, что иначе дѣлать не могу, пока у меня есть силы. Это та же заслуга, что и заслуга картежника, который просиживаетъ ночи за картами, проигрывая при этомъ свои послѣднія деньги, по той простой причинѣ, что иначе поступать не можетъ.

Вѣроятно, отголоскомъ Ярославскихъ курсовъ явилось и полученное мною на дняхъ предложеніе Тверской губернской земской управы отъ 23 октября принять на себя руководство курсами „въ предѣлахъ Тверской губерніи“ лѣтомъ 1899 года. Управа желаетъ „заранѣе заручиться моимъ согласіемъ“, чтобы въ январѣ сдѣлать докладъ „по сему предмету“ Земскому Собранію, почти навѣрно рассчитывая на его одобреніе.—Я рѣшилъ не торопиться отвѣтомъ, чтобы не связывать себя: хотѣлось бы куда-нибудь поужинѣе, поближе къ Крыму, а больше однихъ курсовъ въ будущемъ году я брать не предполагаю, если они состоятся. Трудно. Силы мои замѣтно слабѣютъ, надо не надорвать ихъ окончательно. Эхъ, кабы вернуть тѣ силы, съ которыми я, бывало, дѣйствовалъ въ Костромѣ и Херсонѣ; опытности было, конечно, гораздо меньше, а силъ, энергіи куда больше.

С. Петино. 1898 г., ноября 12.

Въ Ярославлѣ съ 1-го декабря будетъ издаваться большая ежедневная газета „Сѣверный Край“, которую будетъ издавать содержатель типографіи Э. Г. Фалькъ. Онъ же отвѣтственный редакторъ. Но душою газеты, повидимому, будетъ кн. Д. И. Шаховской, отъ котораго я получилъ посланіе съ просьбой принять участіе въ газетѣ и, прежде всего, дать свое имя для объявленія, какъ сотрудника. Я, конечно, согласился, но, не желая ограничиться только внесеніемъ въ число сотрудниковъ моего имени и одними обѣщаніями, немедленно написалъ и послалъ статейку „Поучительный прецедентъ въ жизни земской народной школы“ *). Прецедентъ этотъ—постановленіе Воронежскаго земскаго собранія (уѣзднаго) послѣдней сессіи: принять въ вѣдѣніе земства хозяйство народной школы отъ сельскихъ обществъ, съ ассигнованіемъ на каждую школу по 150 рублей. Это, дѣйствительно, поучительный прецедентъ: можно надѣяться, что школы будутъ хорошо отапливаться и чисто содержаться, а учащія лица будутъ избавлены не только отъ холода и грязи (при прежнемъ порядкѣ въ школахъ мытье и чистка происходили по три, по два раза въ годъ), но и отъ необходимости то кланяться земскимъ властямъ, то жаловаться начальству, что школу не топятъ и не моютъ, трубы не чистятъ, разбитыя стекла въ окнахъ не замѣняютъ новыми, и т. под. Для учителей это было страданіе и униженіе, а

*) „Сѣверный Край“ за 1898 г. № 5. Перепечатана (безъ моего разрѣшенія, прямо не спросясь) въ первомъ выпускѣ „Городскаго и сельскаго учителя“ за 1899 г. подъ измѣненнымъ заглавіемъ „Изъ жизни народной школы“, какъ бы статья сотрудника (съ моей подписью), даже безъ оговорки, что это перепечатка. Миѣ за это высылается журналъ.

для учительницъ и подавно. Въ Воронежскомъ земскомъ собраніи этотъ вопросъ, какъ и всѣ другіе вопросы по народному образованію (напр. объ увеличеніи учительскаго жалованія на 60 р. въ годъ) прошелъ блистательно, благодаря превосходному докладу управы, написанному Л. В. Македоновымъ. Это чрезвычайно способный человѣкъ, отлично направляющій земское дѣло и умѣющій, когда нужно, превосходно работать. Онъ дѣло народнаго образованія считаетъ самымъ главнымъ дѣломъ русскаго земства, и ему удалось быстро и сильно подвинуть его впередъ въ Воронежскомъ уѣздѣ, благодаря поддержкѣ предсѣдателя управы А. В. Стрижевскаго, безспорно одного изъ самыхъ умныхъ людей въ средѣ Воронежскаго дворянства, вообще вырождающагося и туповатаго. Я, конечно, въ этомъ случаѣ, вполне сочувствую Македонову.

С. Петино. 1898 г., декабря 23.

Только-что возвратился домой послѣ обычной поѣздки въ Петербургъ и дома нашелъ приглашеніе руководить курсами въ Саратовѣ. Немедленно послалъ отвѣтъ: назначаю три недѣли съ 15 мая. Такимъ образомъ, для предстоящаго лѣта у меня начаты переговоры съ Тверью и Саратовомъ. Можетъ быть, въ 1899 году состоятся и петербургскіе курсы въ Павловскѣ: предложеніе возобновлено, но удастся ли провести эти курсы, съ общеобразовательнымъ характеромъ, при настоящемъ министерствѣ народнаго просвѣщенія,—это вопросъ. Едва-ли. Вообще о новомъ министрѣ никакихъ хорошихъ слуховъ нѣтъ: малодоступный, упрямый и недалекій, съ весьма затхлыми понятіями, по общимъ отзывамъ, онъ не внесетъ въ Россію недостающаго ей просвѣщенія. Одно достоинство признаютъ за нимъ: не склоненъ къ уступкамъ Побѣдоносцеву, котораго, говорятъ, очень ограничилъ и отодвинулъ отъ тѣхъ претензій на дѣло народнаго образованія, съ какими онъ смѣло заявлялся къ покойному Делянову. Лучше отзываются о новомъ товарищѣ министра, Звѣревѣ: называютъ работникомъ, который будто бы и будетъ работать за Боголѣпова. Въ общемъ Петербургъ не оставилъ во мнѣ хорошихъ впечатлѣній.

Побывалъ я у земляка, Вологодскаго уроженца, П. В. Засодимскаго, который преподнесъ мнѣ собраніе своихъ сочиненій съ приличной надписью. Это честный, симпатичный писатель. Смотритъ старикомъ—не столько отъ лѣтъ, сколько отъ трудовой и малорадостной жизни.

Съ Полубояриновымъ повидались и сосчитались мирно, къ взаимному удовольствію. Слышалъ, что онъ съ Барановымъ состряпалъ новую книгу для чтенія по конкурсной программѣ. Барановъ теперь пользуется фаворомъ въ министерствѣ, а потому, пожалуй, проведетъ свою книгу, вытѣсняя прочія однородныя книги. Это для меня будетъ очень невыгодно, но, во-первыхъ, „Въ школѣ и дома“, благодаря переработкѣ, произведенной Полубояриновымъ, я и самъ считаю плохой книгой: если явится книга лучшаго качества для народной школы, я порадуюсь, примирясь съ моей личной невыгодой, только отъ Баранова и Полубояринова трудно ожидать чего-нибудь путнаго. Былъ, и теперь ходитъ слухъ, будто Барановъ даже замѣнитъ Капустина въ качествѣ попечителя петербургскаго округа. Сомнительно, но чѣмъ чортъ не шутитъ! Вотъ

тогда-то этот сухарь-чиновник восторжествует! Ужъ не даромъ Полубояриновъ опять съ нимъ снюхался: предвидить, вѣрно, большія выгоды. Мнѣ о своей новой книгѣ онъ, конечно, ни слова, и я слышалъ о ней стороной. Ну, Богъ съ ними. Во-вторыхъ, пусть мнѣ угрожаютъ убытки, пусть надвигаются тучи. Я все-таки надѣюсь и вѣрю, какъ надѣялся и вѣрилъ раньше, что „если Богъ не выдастъ, то свинья не съѣстъ“.

XVII.

Годъ Пушкина.

Сто лѣтъ со дня его рожденія.

1899 г.

С. Петино. 1899 г., января 3.

Съ добрыми чувствами проводилъ я истекшій годъ въ обществѣ только одной моей жены, да съ книгами педагогическаго содержанія, вѣрнѣе—книгами научнаго (психологическаго) содержанія, дающими устои, основы для учебно-воспитательной теоріи и дѣятельности: это были—„Психологія“ Уильяма Джемса и лекціи по психологіи профессора спб. унив. Введенскаго. Изученіе этихъ сочиненій мнѣ очень нужно для подготовленія и пополненія моихъ собственныхъ изложеній (не говорю „лекцій“: это было бы слишкомъ ужъ „важное“ названіе для моихъ скромныхъ изложеній) на предстоящихъ курсахъ для учителей и учительницъ, если только мнѣ придется руководить ими въ этомъ году гдѣ бы то ни было.

С. Петино. 1899 г., января 16.

Получилъ еще два приглашенія руководить курсами—изъ Курска и изъ Воронежа (курсы предполагаются въ Острогожскѣ). Курскъ очень соблазнителенъ, но отъ Воронежскаго предложенія я рѣшительно отказался, ссылаясь основательно на то, что раньше получилъ приглашенія изъ Твери, Саратова и Курска, не говоря уже о петербургскомъ приглашеніи, которое идетъ отъ 1897 года, что и нѣкоторыя изъ этихъ приглашеній придется отклонить за невозможностью взвалить на себя слишкомъ много тяжелаго труда. Думаю остановиться на Курскѣ, Саратовѣ и Павловскѣ (петербургскомъ), а впрочемъ... дѣло Божье, какъ говорятъ въ народѣ. Готовиться началъ. Предпринимаю большія подготовительныя работы.

С. Петино. 1899 г., января 28.

Получилъ еще два приглашенія руководить курсами лѣтомъ этого года: изъ Чистополя, Казанской губерніи, и Городни, Черниговской, но оба рѣши-

тельно отклонилъ. Готовлюсь усердно (нужны и новыя лекціи, и новыя уроки во временной школѣ), имѣя въ виду Тверь, Саратовъ, Курскъ и Павловскъ Петербургскій, хотя еще не рѣшено дѣло ни съ однимъ земствомъ. Все равно,— послѣ Стародуба, я ужъ боюсь затхлыхъ уѣздныхъ городовъ, безъ всякихъ культурныхъ условій для жизни.

На-дняхъ у насъ гостили — членъ Вор. губернской управы В. И. Колюбакинъ *), мой старый пріятель, дочь котораго, Антонина, училась въ моей школѣ въ Воронежѣ, и врачъ-психіатръ Н. Н. Баженовъ, приглашенный губернскимъ земствомъ въ качествѣ организатора и директора психіатрической больницы, на которую ассигновано 200.000 руб. Приѣхали они искать въ окрестностяхъ Петина подходящаго мѣста для постройки больницы. Нужно мѣсто здоровое, съ разнообразными угодьями для работъ, съ хорошей водой и лѣсомъ, всего до 100 десятинъ. Н. Н. Баженовъ — человѣкъ очень интересный, вполне европейскій, свободомыслящій, съ культурными европейскими привычками и бойкой рѣчью во французскомъ вкусѣ. Онъ напоминаетъ П. И. Якоби, но въ послѣднемъ еще болѣе виднѣется французъ,—какъ въ блескѣ, которымъ отличается и даже поражаетъ съ перваго раза его разговоръ, такъ и въ нѣкоторой поверхностности его сужденій. Оба много видали, подолгу жили за границей, оба любятъ поговорить, оба очень любезны и корректны, оба, — видимо,—не прочь порисоваться, оба сильны и талантливы въ своемъ дѣлѣ (въ психіатріи), но, думается, что Баженовъ основательнѣе и глубже. Я не совсѣмъ схожусь съ нимъ въ космополитическихъ сужденіяхъ, — онъ не признаетъ народности и увѣряетъ, что вовсе не чувствуетъ въ себѣ русскаго человѣка и совершенно равнодушенъ къ Россіи и къ русскому народу: гдѣ бы ни жить и ни работать, ему все равно, лишь бы можно было работать, какъ хочется, да трудъ бы вознаграждался, да были бы культурныя условія для жизни, а тосковать, даже вспоминать о Россіи онъ нигдѣ не будетъ. Я съ такими мыслями не могу согласиться. Я не понимаю словъ Тютчева, что „въ Россію можно вѣрить, а умомъ постичь нельзя“; я не вѣрю въ Россію и въ русскій народъ, но все-таки чувствую въ себѣ русскаго человѣка и убѣжденъ, что безъ Россіи я жить не могу: она мнѣ необходима, какъ воздухъ, при всемъ моемъ отрицательномъ отношеніи къ ней.

Вотъ слова Лермонтова: „люблю отчизну я... за что — не знаю самъ“, — я понимаю; глубокія прочувствованныя слова, а не сочиненныя въ паѳосѣ напускного, головного патріотизма довольно таки низкопробнаго, какъ слова Тютчева. Я спорилъ съ Баженовымъ и всячески ловилъ въ немъ русскаго человѣка, только теоретически напускающаго на себя космополитизмъ невозможный и фальшивый, на мой взглядъ. И мнѣ нѣсколько разъ удалось поймать въ немъ русскаго человѣка,—конечно, въ мелочахъ, но очень характерныхъ мелочахъ. Два дня съ этими милыми гостями прошли очень весело. Хорошо будетъ для насъ, если устроится въ сосѣдствѣ (имѣніе Баранникова, при деревнѣ Орловкѣ, находится верстахъ 2 — 3-хъ отъ Петина) психіатрическая больница, учрежденіе вполне культурное, съ цѣлой колоніей интеллигентныхъ людей. Чудеса, право, что у насъ въ Россіи рассадниками культуры являются колоніи

*) Бывшій предсѣдатель губ. зем. управы.

душевно-больныхъ, попросту сумасшедшихъ людей... Вотъ послѣ этого и вѣрь въ Россію! Какъ ни какъ, а это правда.

С. Петино. Мая 13 1899 г.

Давненько таки не раскрывалъ я моихъ записокъ. Все время былъ такъ занятъ, что не имѣлъ возможности записывать событія, — и вотъ ихъ накопилось таки порядочно, такъ что и теперь записать не успѣю: придется отложить на неопредѣленное время. Запишу пока о предполагаемыхъ курсахъ. Получилъ я еще приглашеніе въ Херсонъ, гдѣ уже былъ въ 1874 году, т. е. 25 лѣтъ тому назадъ. Тогда были еще не курсы по казенному шаблону, а свободный учительскій съѣздъ. Это предложеніе пришлось мнѣ очень по душѣ. Выяснилось окончательно, что нынѣ состоятся и Петербургскіе курсы въ Павловскѣ. Въ концѣ концовъ я остановился на Курскѣ, Херсонѣ и Павловскѣ. Если получатся надлежащія разрѣшенія, я лѣто проведу такъ: юнѣ съ 1-го по 22-е — въ Курскѣ, съ 20 іюля по 15 августа — въ Херсонѣ, съ 7 сентября по 15 — въ Павловскѣ. Кромѣ разрѣшенія, всѣ дѣла по этимъ курсамъ улажены. Лишь бы силъ хватило, да горѣлъ въ груди необходимый огонекъ, а тамъ — будь что будетъ. По обыкновенію, продолжаю „лѣтопись“ нашего театра:

Лѣтопись Петинскаго народнаго театра.

Годъ двѣнадцатый, 1899. (Тамъ же, ц. 20 к.--1 к.).

Января 10 (73—1) „Илья Муромецъ“, во 2-й разъ.

Января 17 (74—2) „Миронъ Петровичъ“, сцены изъ народнаго быта въ 4 д. Н. Н. Блинова, въ 1-й разъ.

Января 24 (75—3) „Пройдоха“, въ 4-й разъ.

Января 31 (76—4) „Бобыль“, въ 7-й разъ.

Февраля 7 (77—5) „Лѣкаръ по неволѣ“, въ 4-й разъ.

Февраля 14 (78—6) „Илья Муромецъ“, въ 3-й разъ.

Февраля 21 (79—7) „Не такъ живи“, въ 8-й разъ.

Марта 7 (80—8) Литературно-вокальный вечеръ, съ свѣтовыми картинами, въ 15-й разъ.

С. Петино. Октября 24, 1899 г.

Давно я не записывалъ событій этого „Пушкинскаго года“. Все было некогда.

Экзамень у насъ въ школѣ былъ 29 апрѣля, предсѣдателемъ комиссіи училищный совѣтъ назначилъ меня и въ Петинѣ, и въ Васильевскомъ училищѣ на Еманчѣ; ученики послѣдняго пріѣзжали къ намъ и у насъ экзаменовались. Наши писали сочиненіе о Пушкинѣ; диктовали имъ текстъ изъ Пушкина (изъ „Капитанской дочки“), говорили стихотворенія Пушкина. На экзамень явилось 8 : 7 мальчиковъ, 1 дѣвочка; 5 держали экзамень хорошо, 3 удовлетворительно. Общее впечатлѣніе получилось весьма хорошее. Послѣ экзамена мы начали усердно готовиться къ Пушкинскому празднику 26 мая. Задумали его широко. Я пригласилъ къ участію все учительство Воронежскаго уѣзда и затѣялъ при-

дать празднику чисто народный характеръ, — конечно, насколько это было возможно, при современномъ положеніи русской деревни и ея населенія.

Между тѣмъ, общее положеніе Россійскихъ дѣлъ въ это время было вовсе не праздничное. Пушкинскій годъ у насъ ознаменовался весьма печальными событіями. Во-первыхъ, воздвигались варварскія гоненія противъ духоборовъ и „Толстовцевъ“, явно принявшихъ участіе въ этихъ мирныхъ, кроткихъ и трудолюбивыхъ людяхъ. Дѣло кончилось раззореніемъ и переселеніемъ въ глухія убійственныя мѣста духоборовъ отчасти быстрымъ, отчасти медленнымъ избіеніемъ ихъ. Только нѣкоторой части ихъ, при помощи „Толстовцевъ“, удалось переселиться въ Америку, гдѣ ихъ приняли съ истиннымъ человѣческимъ участіемъ: вотъ пресловутое русское добродушіе, пресловутая терпимость русскихъ людей, и прославленная черствая расчетливость „янки“. Самаго дѣятельнаго „толстовца“ Черткова, правую руку Льва Николаевича, выслали за границу, и теперь онъ, говорятъ, поселился въ Лондонѣ.

Во-вторыхъ, воздвиглись суровыя мѣропріятія въ Финляндіи, которая мирно и благополучно цвѣла, благодаря ея исконной, сравнительной, свободѣ, которую сохраняла. Напрасно были всѣ мирные и деликатные протесты финляндскаго народа. Финляндію сведуть на общій низменный уровень Россійскихъ губерній, пожалуй, даже ниже, если имѣть въ виду неблагопріятныя условія суровой природы, побѣждать которыя населеніе могло при той сравнительной свободѣ, которою до сихъ поръ пользовалось.

Въ-третьихъ, съ 8 февраля началась печальная студенческая исторія — сперва въ Петербургѣ, а потомъ и во всѣхъ университетскихъ городахъ. Изложеніе начала этого безпримѣрнаго студенческаго движенія, охватившаго почти всѣ высшія учебныя заведенія въ Россіи и вызвавшаго симпатіи и поддержку даже въ средѣ нашего дремлющаго, обалдѣвшаго общества, заимствую изъ письма ко мнѣ одного самаго благонамѣреннаго пріятеля, петербургскаго чиновника, ужъ никакъ не либерала, а человѣка скорѣе ретроградныхъ, по крайней мѣрѣ—консервативныхъ убѣжденій.

„Теперь у насъ печальные дни, пишетъ онъ мнѣ отъ 17 февраля: по требованію Горемыкина (министра внутр. дѣлъ, нынѣ уже отставленнаго и сданнаго въ государственный совѣтъ, въ сонмъ отпѣтыхъ мудрецовъ, замѣннаго г. Сипягинымъ), мин. нар. просв. (Боголѣповъ, сидящій на мѣстѣ и понынѣ) потребовалъ вывѣски въ университетѣ передъ 8 февраля объявленія, предупреждавшаго о взысканіяхъ, по такимъ-то статьямъ уголовнаго кодекса, въ случаѣ производства безпорядковъ 8 февраля (день акта) на улицахъ. Форма предупрежденія была довольно грубая. Студенты обидѣлись, сорвали объявленіе и освидѣтали ректора на актѣ (мин. нар. просв. побоялся пріѣхать). Расходились студенты изъ университета въ полномъ спокойствіи и порядкѣ, маленькими группами. Но полиція загородила Дворцовый мостъ, заранѣе устроила проруби передъ спускомъ на Неву и тѣмъ вызвала скопленіе большой толпы студентовъ у моста. (Впослѣдствіи оказалось, что все это дѣлалось съ цѣлью вызвать безпорядки—для чего?—да для того, чтобы запугать, кого нужно, и тѣмъ закрѣпить положеніе и власть нѣкоторыхъ господъ; для этого дѣлалось многое и потомъ,—и запугали въ достаточной мѣрѣ. Не пропущенные на мостъ студенты,

уже большой толпой, пошли на Николаевскій мостъ. За ними ѣхалъ и офицеръ конной полиціи и бранился. Они подшучивали. Онъ приказалъ отряду конныхъ полицейскихъ (около 100 ч.) наступать. Ихъ встрѣтили снѣжками. Тогда былъ отданъ приказъ броситься въ атаку и бить (студентовъ) нагайками. Есть сильно пострадавшіе и 2—3 случайныхъ прохожихъ, говорятъ, задавлены. На другой день студенты рѣшили не допускать чтеніе лекцій, но держались совершенно спокойно и требовали отставки виновнаго поручика. Теперь во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ студенты также лекцій не слушаютъ, даже въ Духовной академіи, военно-юридической и, говорятъ, изъ Морской Академіи прислано сочувственное письмо. Огромное большинство пубрики также на сторонѣ студентовъ. Замѣшаны уч. зав. 6 вѣдомствъ. Витте (мин. финансовъ), Хилковъ (путей сообщенія), Ермоловъ (земледѣлія), говорятъ, признаютъ необходимость мягкихъ мѣръ въ виду виновности, прежде всего, полиціи. На актѣ былъ Витте и выразилъ удивленіе, что „гостей пригласили, а хозяевъ (мин. нар. пр., его товарища Звѣрева) нѣтъ“. Что будетъ,—неизвѣстно. Студенты очень спокойны и всюду вѣжливы, держатся хорошо. Даже въ Филологическомъ Институтѣ 60 человекъ подали прошеніе объ увольненіи. „Какъ бы тамъ ни было, студенты сами закрыли университетъ путемъ дружной „забастовки“. Пошли аресты и высылки, а рядомъ обѣщанія. Начались было лекціи, но студенты требовали освобожденія и возвращенія товарищей и прибѣгли ко второй забастовкѣ. Тогда университеты объявили закрытыми, а студентовъ исключенными съ правомъ поступить вновь по прошенію къ данному сроку и съ выборомъ. Между тѣмъ, приближались экзамены. Раздраженная молодежь стала увлекаться, на экзаменъ явилось немного, да и тѣ держали экзаменъ подъ защитой полиціи, п. ч. это были измѣнники, вызвавшіе общее негодованіе товарищей. Лѣтомъ было издано „повелѣніе“, что въ случаѣ подобныхъ „безпорядковъ“ въ новомъ учебномъ году—виновныхъ будутъ брать въ солдаты безъ всякаго разбора. Съ новаго учебнаго года въ университетахъ введены самые нелѣпые порядки; лучшіе профессора или ушли, или уволены ¹⁾; слушать некого; угроза солдатчиной едва-ли удержитъ молодежь, и будетъ, пожалуй, много жертвъ.

Таковыми-то печальными бѣдствіями, павшими на лучшихъ людей Россіи (духоборовъ, съ ихъ высоконравственными понятіями и честнымъ трудолюбіемъ, финляндцевъ, съ ихъ культурой и всеобщей грамотностью, молодежи, съ ея благородными стремленіями и жаждой знанія), ознаменовался въ Россіи „Пушкинскій“ годъ. И Пушкинскіе праздники въ Россіи прошли довольно глупо или безцвѣтно. Для народа, собственно говоря, не было сдѣлано ничего. Это были праздники чисто чиновническіе, въ которыхъ почти не замѣчалось ни живой русской мысли, ни любящаго русскаго сердца. Все было скучно и вяло. Я, въ компаніи съ В. А. Латышевымъ, издалъ „Сборникъ избранныхъ сочиненій Пушкина“ для народной школы, который и разошелся въ количествѣ 9 тыс. экземпляровъ. Въ „Филологическихъ запискахъ“, которыя лишились своего основателя А. Ан. Хованскаго, умершаго 29 января въ глубокой старости, я напечаталъ статью „Сто лѣтъ со дня рожденія Пушкина“, выпуски I и II за 1899 г.

¹⁾ Напр. Карѣевъ, чуть ли не самый популярный и заслуженный изъ петербургскихъ профессоровъ.

Не могу не сказать здѣсь нѣсколько словъ о покойномъ А. Ан. Хованскомъ. По поводу его смерти, какъ водится, печаталось много преувеличенно-хвалебныхъ статей, а когда кто-то въ газетѣ „Донъ“ обмолвился правдой, что этотъ, въ общемъ, очень почтенный человѣкъ, взялся вовсе не за свое дѣло, затѣявъ „Филологическія записки“, то его здорово обругали, нашли въ этихъ словахъ поруганіе какихъ-то великихъ заслугъ покойнаго. Въ сущности, это не больше, какъ правда, что къ покойному, добродушному, довольно ограниченному и безъ всякихъ сомѣстоименіи, замѣняющемъ слово Богъ, а въ чтеніи корректуръ совершенно лидныхъ знаній, очень мало образованному и даже не начитанному, А. Ан. Хованскому издательство и редакція „Филологическихъ записокъ“ шла столько же, какъ къ коровѣ сѣдло. Я не буду здѣсь повторять моего мнѣнія объ этомъ издателѣ-редакторѣ и объ этомъ журналѣ, которое уже было высказано мной въ этихъ запискахъ. А все-таки это былъ, по-своему, и труженикъ, и идеалистъ, котораго нельзя было не любить и не уважать... Миръ праху твоему, кроткій, добродушный и наивно-трудолюбивый человѣкъ, который филологію видѣлъ въ правилахъ объ употребленіи прописной буквы въ титулахъ сильныхъ міра сего и въ недоступныхъ его пониманію, ученую работу! Я пишу эти строки безъ намѣренія осмѣивать тебя, а только потому, что это правда—если и горькая, то развѣ въ смыслъ характеристики, что за филологія и что за ученость, которая возможна и уважается въ нашемъ отечествѣ! Да и пишу я не для публики, а только для себя: почему же, ради какихъ цѣлей и причинъ, я буду писать здѣсь не всю правду? Твои „Филологическія записки“ были плохи вообще, а твое личное участіе еще много усиливало ихъ дрянность, но ты самъ, какъ человѣкъ, все-таки, въ своемъ родѣ, былъ хорошъ и достоинъ симпатіи и уваженія! Возвращаюсь къ моей статьѣ о Пушкинѣ. Къ досадѣ моей, новые редакторы не рѣшились напечатать ея заключеніе въ томъ видѣ, какъ оно было мной написано, и напечатали его съ измѣненіемъ, которое совершенно исказило мою мысль. Журналъ выходитъ безъ цензуры,—значить, это была просто преувеличенная осторожность новой редакціи... полно,—нужная ли? Хоть здѣсь восстанавливаю мое заключеніе въ томъ видѣ, какъ я его написалъ, а потомъ и приношу на Пушкинскихъ вечерахъ въ Курскѣ и въ Херсонѣ. Вотъ оно:

„Таковъ идеальный образъ, который оставилъ нашъ Пушкинъ. Какое же значеніе имѣетъ онъ въ настоящее время? На этотъ вопросъ я отвѣчу тоже вопросами. Нуждается ли Россія въ общественныхъ дѣятеляхъ, способныхъ забывать свои личные интересы ради общественныхъ, всенародныхъ? На столько сильно въ нашемъ обществѣ сознается и чувствуется превосходство общественнаго и народнаго блага надъ личнымъ благосостояніемъ, чтобы не было надобности возбуждать и поддерживать такое честное сознаніе и такое альтруистическое чувство путемъ воспитанія, науки и поэзіи, съ ея живыми идеальными образами?—У русскаго общества послѣ Пушкина, почти на глазахъ нашихъ, были три великія испытанія его гражданской доблести и человѣчности: Крымская война, реформа 19-го февраля и послѣдняя турецкая война. Что же мы видѣли?—Безотвѣтную народную массу, которая покорно и *безсознательно* (подчеркнутое выброшено) шла туда, куда ее вели, тысячи *интеллигентовъ, которые или всячески противились проведенію въ жизни освободительной идеи или старались*

наловить какъ можно больше рыбы въ мутной водѣ (подчеркнутое пропущено), и только небольшую горсть истинныхъ гражданъ, искренно готовыхъ жертвовать личными интересами во имя общенароднаго блага. Эти истинные граждане и были тѣ люди, которые воспитались на поэзіи Пушкина“... и т. д. Неужели подчеркнутое такъ страшно и либерально, что не терпимо въ русской печати? Должно быть, п. ч. это же заключеніе не дало возможности, уже по причинѣ не редакціи, а цензуры, Херсонской газеты „Югъ“ напечатать вторую половину моей рѣчи, произнесенной на Пушкинскомъ вечерѣ въ Херсонѣ: цензура передѣлала мое заключеніе, а редакція не согласилась въ такомъ искаженномъ видѣ печатать рѣчь, которую она признала заслуживающей вниманія и которую я нарочно записалъ и выслалъ ей изъ Воронежа, уступая ея просьбамъ. Я редакцію одобряю, но цензурѣ, право, удивляюсь: что за преувеличенная строгость!

Перехожу къ нашему празднику въ честь Пушкина. Онъ вполнѣ удался. Печатавъ въ „Сѣверномъ Краѣ“, №№ 147 и 218, письма изъ русской деревни кн. Д. И. Ш-му (Шаховскому) „О деревенскомъ народномъ театрѣ“, во 2-мъ изъ этихъ писемъ я описалъ этотъ праздникъ. Въ день рожденія Пушкина, 26 мая, въ церкви мы служили заупокойную обѣдню, а потомъ торжественную панихиду. Нашъ священникъ, сверхъ всякаго ожиданія, передъ панихидой обратился къ народу, котораго собралось довольно много, кромѣ школьниковъ, потому что день былъ праздничный, съ короткимъ, но толковымъ объясненіемъ, по комъ и почему совершается панихида. Многочисленная толпа простого народа и группа школьниковъ, всѣ съ горящими свѣчами, черныя ризы, хоръ нашихъ пѣвчихъ съ заунывными и умилительными пѣснопѣніями,—все это производило трогательное впечатлѣніе. Вышла, дѣйствительно, „народная“ молитва за упокой души великаго и многострадальнаго народнаго русскаго поэта. Нѣкоторые изъ крестьянъ, выходя изъ церкви и зная, что у меня въ саду поставленъ бюстъ Пушкина, пожелали посмотрѣть на Пушкина. Я повелъ ихъ въ садъ: „Жаль такой еще молодой,—и такъ рано умеръ“, говорилъ толковый и грамотный П. К. Дочкинъ. Вечеромъ въ этотъ день не пришлось ничего устроить, потому что 26 было отданіе Пасхи, а 27 Васильевъ день. Поэтому и празднованіе столѣтія и было перенесено на 27 число. Утромъ происходило *литературно-вокальное чествованіе Пушкина въ помѣщеніи народнаго театра*. Былъ выставленъ портретъ поэта, очень хорошо исполненный юной художницей А. Г. Кравцовой, дочерью моей старой знакомой, о которой мнѣ уже приходилось упоминать, А. П. Блюммеръ (въ дѣвицахъ)—Кравцовой (по мужу, который умеръ). Портретъ былъ декорированъ лирой изъ зелени и цвѣтовъ и тропическими растеніями. Публики собралось очень много. Понаѣхало учителей и учительницъ и другихъ лицъ, человекъ 60. Хлопотъ было много, потому что пришлось всѣмъ устраивать и ночлегъ, и столъ, и всякія удобства. Жена моя за эти дни просто съ ногъ сбилась. Зато все было устроено хорошо и, говоря по правдѣ, получилась масса хорошихъ впечатлѣній. Приѣхала учительница даже изъ Тамбовской губерніи, М. К. Молчанова, съ своей помощницей, обѣ милыя дѣвушки. Я сдружился съ М. К. еще на курсахъ въ Тамбовѣ, все время былъ съ ней въ перепискѣ и звалъ къ намъ; а помощница ея, А. Н. (фамилію забылъ), сама вздумала приѣхать.

Утро началось..., да лучше я приведу цѣликомъ его программу.

I. Соберемся мы, люди русскіе... Хоръ.

Слова для этого хора, на голосъ „Сяду я за столъ да подумаю“, съ нѣкоторыми стихами изъ Кольцова, конечно, были составлены мной, какъ взятымъ стихотворцемъ. Вотъ эти слова:

„Соберемся мы,
Люди русскіе,
Помянемъ пѣвца
Святорусскаго.
Чудный даръ пріять
Онъ отъ Господа
Зажигать сердца
Словомъ огненнымъ.
Былъ онъ вѣрный сынъ
Своей родины,
Крѣпко онъ любилъ
Русь родимую,
И въ стихахъ его,
Словно въ зеркалѣ,
Отражалася
Жизнь народная.
Научаетъ онъ
Тѣми пѣснями

Понимать—любить
Русь великую.
Кто читаетъ ихъ,
Наслаждается,
А въ душѣ огонь
Разгорается.
Да во цвѣтѣ лѣтъ
Злые недруги
Въ гробъ свели его,
Горемычнаго,
„Съ богатырскихъ плечъ
Сняли голову
Не большой горой,
А соломенкой“.
Соберемся мы,
Люди русскіе,
Помянемъ пѣвца
Святорусскаго.

Затѣмъ слѣдовало мое „слово“ о Пушкинѣ. Я началъ его, приблизительно, такъ: „Вчера окончилось сто лѣтъ со дня рожденія Александра Сергѣевича Пушкина, и вся Россія, всѣ грамотные русскіе люди, отъ мала до велика, начиная сельскими школьниками, крестьянскими дѣтьми, и оканчивая людьми, облеченными высшей властью, празднуютъ день рожденія Пушкина.—За что же этому человѣку такая честь, какой не оказываютъ ни храбрымъ генераламъ, ни сильнымъ чиновникамъ, ни важнымъ и гордымъ барамъ, ни богатымъ кунцамъ и фабрикантамъ?—Правда, Пушкинъ не водилъ солдатъ въ кровавыя битвы, такъ сказать—на убой, не придумывалъ законовъ и правилъ о взысканіи податей, объ усмиреніи рабочихъ, требующихъ повышенія заработной платы и восьмичасового рабочаго дня; не гонялся за чинами и орденами; не заводилъ фабрикъ и торговыхъ заведеній; не наживалъ капиталовъ, не устраивалъ пышныхъ пировъ и гулянокъ для праздныхъ людей. Пушкинъ въ жизни былъ самый маленькій и скромный человѣкъ; но онъ былъ отмѣченъ перстомъ Божиимъ для дѣла, котораго не въ силахъ совершить никакіе генералы и чиновники, никакіе самые важные и богатые люди. Богъ далъ этому скромному человѣку большой, острый и глубокій умъ, да еще чудный и рѣдкій даръ прекраснаго, живого и могучаго слова, проникающаго въ души людей. Благодаря уму да этому дару, Пушкинъ умѣлъ свободнымъ подборомъ звучныхъ словъ, иначе сказать—стихами, рисовать такія живыя и яркія картины, которыя трогаютъ и волнуютъ людскія сердца, наводятъ умы на хорошія думы, направляютъ волю къ добру,

правдѣ и красотѣ. Благодаря этому чудному Божіему дару, Пушкинъ умѣлъ свободно и правдиво рисовать словами жизнь любого народа и природу любой страны, которой и самъ никогда не видалъ; но больше всего онъ любилъ и рисовалъ родную русскую природу и жизнь. Онъ рисовалъ ихъ въ своихъ стихахъ съ такою правдой и любовью, что и всякаго грамотнаго человѣка научаетъ понимать и крѣпко любить Россію и русскій народъ. Пушкинъ самъ хорошо понималъ, что этотъ Божій даръ обязываетъ его быть среди людей глашатаемъ Божіей правды, и вотъ какъ онъ говоритъ объ этомъ въ своихъ стихахъ, представляя себя въ видѣ библейскаго пророка:

„Духовной жаждою томимъ... и т. д.
(„Пророкъ“).

Человѣка, надѣленнаго отъ Бога такимъ чуднымъ даромъ, конечно,—если онъ не зарылъ этого дара въ землю, а употребляетъ его на благо людей вообще, особенно же на благо родного народа,—такого человѣка называютъ „народнымъ поэтомъ“ и „учителемъ жизни“. Вотъ нынѣ Россія и празднуетъ столѣтіе со дня рожденія своего великаго народнаго поэта и учителя жизни, избранника Божія“. Затѣмъ я кратко въ самыхъ существенныхъ чертахъ, изложилъ жизнь Пушкина и главные моменты его поэтической дѣятельности, иллюстрируя это изложеніе стихами поэта: „Въ деревнѣ“, „Къ нянѣ“, „Стансы“ (о Петрѣ Великомъ), отрывки изъ „Мѣднаго всадника“ и „Полтавы“, „Пиръ Петра Великаго“, познакомилъ съ сущностью романа „Евгеній Онѣгинъ“ и закончилъ очеркомъ идеальнаго изображенія Петра Великаго, какъ царя-гражданина, при чемъ старался дать понятіе о томъ, что значитъ „идеаль“ и зачѣмъ нужны людямъ идеалы. Воспроизведу еще, приблизительно, заключеніе моего слова: „Такое-то живое и яркое изображеніе настоящаго, разумнаго и честнаго человѣка далъ намъ Пушкинъ въ образѣ царя-гражданина Петра Великаго, какъ поучительный примѣръ для всѣхъ. Скажутъ: „это примѣръ для царей, а ужъ никакъ не для насъ, простыхъ чернорабочихъ“. Ничуть не бывало. Развѣ мы, чернорабочіе люди, не можемъ также честно и одушевленно, съ такой же настойчивостью и любовью, исполнять каждый свое маленькое дѣло?—Конечно, можемъ, а слѣдовательно, живой примѣръ, изображенный Пушкинымъ, годится и для насъ. Этому живому примѣру послѣдуетъ всякій простой крестьянинъ, если на сельскомъ сходѣ будетъ рѣзать правду-матку, не боясь кулаковъ-міроѣдовъ. Этому живому примѣру послѣдуетъ всякій волостной старшина или сельскій староста, если будетъ беречь, какъ зѣницу ока, мірскія деньги и тратить ихъ только на благо міру, а не на пропой и на свои расходы. Этому живому примѣру послѣдуетъ всякій волостной судья, если будетъ судить по правдѣ, по совѣсти, если не будетъ давать потачку и мирволить богачамъ, или своимъ сродникамъ и пріятелямъ, обижать бѣдныхъ и слабыхъ.

„Большому кораблю большое и плаваніе“, но и мы, маленькіе люди, можемъ слѣдовать нарисованному Пушкинымъ примѣру въ своихъ маленькихъ дѣлахъ. Такіе живые примѣры въ лицахъ называются *идеалами*. Великіе поэты, подобные Пушкину, тѣмъ-то и дороги, что даютъ людямъ идеалы. Правда, люди рѣдко достигаютъ этихъ идеаловъ, но если они стремятся хоть сколько-нибудь

походить на нихъ, и то хорошо: отъ одного этого они дѣлаются *лучше*.—На идеалахъ Пушкина воспитались самые лучшіе русскіе люди, сподвижники царя-освободителя, которые совершили освобожденіе крестьянъ отъ барской неволи, вводили земскія учрежденія, устраивали новый судъ, скорый, правый, милостивый, устанавливали общую воинскую повинность, хлопотали объ уничтоженіи тѣлеснаго наказанія, всегда стояли за добро и за правду, при чемъ иногда шли прямо противъ своихъ выгодъ, несли потери и навлекали на себя злобу сильныхъ міра сего. У такихъ людей всегда бываетъ много враговъ. Много ихъ было и у Пушкина. Но явно, открыто погубить его этимъ врагамъ не удавалось. Нечего дѣлать, стали они преслѣдовать Пушкина исподтишка—клеветой, сплетнями, ложью. Пушкинъ все переносилъ терпѣливо за работой съ перомъ въ рукахъ. Когда-же клеветники и сплетники стали оскорблять его жену, онъ не вытерпѣлъ,—вызвалъ одного негодяя, иноземнаго проходимца, на смертный бой. Этого-то враги и ждали: иноземный негодяй нанесъ Пушкину смертельную рану, вотъ 29 января 1837 года великаго поэта не стало. ¶Теперь и враги Пушкина, преждевременно погубившіе его, давно сошли въ могилу. Ихъ жизнь, ихъ дѣла, даже имена этихъ презрѣнныхъ людей, всѣми забыты. Но великаго Пушкина помнить вся Россія,—и вотъ нынѣ она празднуетъ сто лѣтъ со дня рожденія своего народнаго поэта и учителя жизни. Такъ исполнились собственныя слова Пушкина, написанныя имъ не за долго передъ смертью“:

„Я памятникъ воздвигъ себѣ...“ и т. д.
(„Памятникъ“).

Послѣ этого хоръ пропѣлъ (довольно плохо) стихотвореніе „Памятникъ“, а затѣмъ утро шло въ такомъ порядкѣ: крестьянская дѣвица Протопопова прочитала (очень хорошо) балладу „Женихъ“; хоръ пропѣлъ пѣсню изъ „Евгенія Онѣгина“ и „Душеньки-подруженьки“; крестьянскій мальчикъ Гуровъ прочиталъ (очень хорошо) сказку „Горе медвѣдя“; хоръ пропѣлъ изъ „Русалки“ пѣсню „Безтолковый Сватушка“, крестьянинъ Сезинъ 1-й прочиталъ (плохо: безъ приготовленія, п. ч. въ Воронежѣ мостилъ улицы и только въ этотъ день явился въ Петино) поэму „Братья разбойники“; хоръ пропѣлъ стих. „Донъ“ („Блеща средь полей широкихъ“...); крестьянинъ Сезинъ 2-й прочиталъ (плохо, тоже безъ приготовленія) „Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ“; хоръ пропѣлъ „Пиръ Петра Великаго“.

Въ заключеніе наша учительница С. М. Голубятникова превосходно прочитала стих. Лермонтова „На смерть Пушкина“, а хоръ пропѣлъ кантату Прибика—„Тебѣ, пѣвецъ родного края“, весьма посредственную.

Послѣ этого вся публика была приглашена въ школу. Здѣсь, въ виду портрета Пушкина, тоже украшеннаго лирой и герляндой изъ зелени и цвѣтовъ, происходили угощенія, раздавали „Сборникъ избр. произведеній Пушкина“ (мое изданіе) и портреты Пушкина, а окончившимъ нынѣ ученикамъ земство прислало сборники изъ сочиненій Пушкина, изд. Тихомирова. Гости наши отсюда отправились обѣдать въ домъ моей жены. Вечеромъ опять всѣ собрались въ театръ, гдѣ нѣкоторыми изъ учителей были исполнены сцены изъ „Бориса Годунова“, а въ антрактахъ хоръ пѣлъ тѣ же пьесы, которыя испол-

нялись утромъ. Изъ исполнителей былъ особенно хорошъ учитель школы, основанной А. И. Эртелемъ, Михаилъ Васильевичъ Ганорскій, истинный артистъ, вкладывающій въ исполняемую роль (Пименъ) всю душу свою. Вечеръ провели (послѣ спектакля) въ разговорахъ. Было просто и весело.

По окончаніи этого живого праздника мнѣ пришлось немедленно собираться въ Курскъ, гдѣ 1-го іюня было назначено открытіе курсовъ. 28 всѣ разъѣхались, — кажется, довольные и съ хорошими впечатлѣніями, а 29-го мая мы съ женой отправились въ Курскъ. Съ хорошими впечатлѣніями выѣхалъ я изъ дома.

Прежде, чѣмъ говорить о курсахъ нынѣшняго года, не могу не записать, что отъ Ярославскаго земства, которое напечатало мой отчетъ отдѣльной и очень опрятной книгой, вмѣстѣ съ отчетами Арженникова, Романовскаго и Алмазова, а также статьями объ открытіи и закрытіи курсовъ, я получилъ въ мартѣ благодарность такого содержанія:

„Губернское Земское Собраніе послѣдней сессіи въ утреннемъ засѣданіи отъ 19 января с. г. постановило: „Выразить глубокую благодарность отъ лица Собранія руководителю на бывшихъ педагогическихъ курсахъ въ г. Ярославлѣ, Н. Ф. Бунакову, за его труды, умѣлое и сердечное веденіе дѣла на курсахъ, за ту существенную пользу, какую оказали для учителей и учительницъ Ярославской губерніи его услуги въ дѣлѣ народнаго образованія“. Понятно, что это вниманіе Ярославскаго земства очень тронуло меня; эта вторая благодарность, полученная мною отъ земскаго собранія за руководство занятіями земскихъ учителей и учительницъ. Первая была получена мною (въ 1881 или 82 году) отъ Верхотурскаго земскаго собранія, Пермской губерніи, которое поблагодарило меня за руководство съѣздомъ, происходившимъ въ Нижне-Тагильскомъ заводѣ.

Въ Курскѣ занятія продолжались три недѣли, въ залѣ Дворянскаго Собранія, очень обширномъ, но не удобномъ въ акустическомъ отношеніи. Трудно было говорить, и слушать, надо было сильно напрягать и голосъ, и слухъ. Открытіе было очень торжественное, но у меня тотчасъ же произошло непріятное столкновеніе съ наблюдателемъ, директоромъ училищъ Н. П. Дарскимъ, добрымъ малымъ, но довольно-таки недалекимъ и пустымъ. Онъ при открытіи курсовъ болталъ, кромѣ разной обычной дребедени, о томъ, что суть занятій на курсахъ должна состоять въ усовершенствованіи приемовъ обученія, а я въ своемъ вступительномъ словѣ говорилъ, что суть дѣла не въ учительской технику, а въ расширеніи умственнаго кругозора, въ просвѣтленіи общихъ взглядовъ на дѣло и научныхъ основъ учебно-воспитательнаго дѣла. Онъ обидѣлся. Были потомъ и другія столкновенія съ нимъ, но всѣ они улаживались благополучно, п. ч. въ сущности это человѣкъ добродушный, хоть и легковѣсный.

Аудиторія собралась очень многолюдная: 341 чел. Въ этомъ числѣ половина (184) была „добровольцевъ“—отчасти Курскихъ, отчасти изъ другихъ губерній, былъ даже учитель русскаго языка какой-то прогимназіи *), очень милый молодой человѣкъ, случайно узнавшій о томъ, что въ Курскѣ курсы и что рус-

*) Изъ гор. Ромны, Полтавской губ., по фамиліи, Денисіевскій.

скимъ языкомъ занимаюсь я. Онъ объявилъ, что пріѣхалъ слушать именно меня, что для меня, конечно, очень лестно. Одинъ учитель Орловской губерніи пріѣхалъ съ письмомъ ко мнѣ отъ Н. А. Попова, моего Московскаго пріятеля по выставкѣ Комитета Грамотности, завѣдывавшаго отдѣломъ народнаго театра. Въ общемъ, занятія шли хорошо.

Земство Курское мнѣ показалось вялымъ и пассивнымъ; единственный живой человѣкъ—князь П. Д. Долгорукій, земець Суджанскаго уѣзда, но онъ мало былъ на курсахъ, захваченный личнымъ горемъ: онъ потерялъ любимаго брата, губернскаго предводителя дворянства Черниговской губерніи,—говорять, замѣчательнаго человѣка и общественнаго дѣятеля.

До 17 іюля я отдыхалъ дома, но во время этого отдыха успѣлъ набросать вчернѣ весь отчетъ Курскихъ курсовъ и составить довольно полный планъ для Херсонскихъ.

У насъ было обиліе фруктовъ и цвѣтовъ въ садахъ, даже грустно было покидать Петино въ такое хорошее время. Надо сказать, я одно время сильно колебался на счетъ поѣздки въ Херсонъ и даже рѣшился окончательно отказаться отъ нея. Дѣло въ томъ, что еще въ Курскѣ я получилъ копію съ бумаги мѣстнаго инспектора П. И. Голубева, долженствовавшаго быть наблюдателемъ при курсахъ, которая обнаруживала въ немъ самага закорузлаго чиновника и явнаго недоброжелателя курсовъ, а особенно моего. Я изъ Курска же и послалъ въ Херсонскую губернскую управу заявленіе о своемъ твердомъ намѣреніи уклониться отъ руководства курсами въ Херсонѣ, мотивируя свой отказъ нежеланіемъ имѣть дѣло въ товариществѣ съ г. П. Голубевымъ и совѣтуя Управѣ, въ интересахъ дѣла, замѣнить меня хоть бы тѣмъ же П. Голубевымъ или другимъ изъ мѣстныхъ инспекторовъ. Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ казалось рискованнымъ связаться съ такимъ господиномъ, который, на примѣръ, утверждаетъ, что необходимо особое Высочайшее повелѣніе, чтобы учителя составили описаніе своихъ школъ и своего преподаванія. А мнѣ такое описаніе по данной программѣ было нужно, чтобы сколько-нибудь познакомиться съ Херсонской школой и съ тѣмъ учительствомъ, занятіями котораго придется руководить, получить понятія о ихъ нуждахъ и потребностяхъ, составить цѣлесообразный планъ для занятій. Но въ отвѣтъ на мой отказъ я получилъ такія письма отъ Херсонскихъ земцевъ (ужь въ Петинѣ), предсѣдателя Губернской Управы В. П. Андреевскаго и члена училищнаго совѣта А. К. Парамонова, что отказъ для меня сдѣлался невозможнымъ. Они звали меня въ интересахъ дѣла и отъ имени учительства, которое уже теперь воодушевилось въ ожиданіи курсовъ подъ моимъ руководствомъ. Они обѣщали оградить меня и курсы отъ всякихъ непріятностей. Письма были полны искренности, теплоты и убѣдительности. Я согласился. Стали получаться желаемыя описанія, вопреки противодѣйствию г. Голубева. Получились и всѣ необходимыя свѣдѣнія для составленія плана занятій. И вотъ, 17-го іюля мы выѣхали изъ Петина въ Херсонъ втроемъ: я, жена и наша учительница С. М. Голубятникова, которая еще ни разу не выѣзжала изъ предѣловъ Воронежскаго уѣзда и очень рвалась на курсы подъ моимъ руководствомъ. Она въ прошедшемъ году вынесла очень плохія впечатлѣнія изъ Воронежскихъ курсовъ, и ей хотѣлось участвовать, хоть въ качествѣ посторонней посѣтительницы, безъ

права голоса, на курсахъ съ инымъ содержаніемъ и характеромъ, на подобіе тѣхъ, съ какими она познакомилась изъ моего прошлогодняго Ярославскаго отчета. Мы были рады такой милой компаніонкѣ—и поѣхали. Я и жена моя, да, кажется, и С. Мих. не только не пожалѣли, что поѣхали въ Херсонъ, но, думаю, никогда и не забудемъ тѣхъ впечатлѣній, какія вывели изъ Херсона, и едва-ли когда въ жизни еще будемъ переживать такія свѣтлыя впечатлѣнія. Они начались съ перваго шага въ Херсонъ. На пароходной пристани меня встрѣтила цѣлая толпа учителей и учительницъ, преимущественно Одесскихъ, которые пришли сюда съ сердечнымъ привѣтствіемъ. Такъ, съ перваго раза я почувствовалъ себя здѣсь въ средѣ преданныхъ и милыхъ друзей. Тутъ были и мои старые знакомцы по сѣзду 1874 года, и знакомые по Нижегородской лекціи объ Ушинскомъ, и даже одна знакомая по прошлогоднимъ Ярославскимъ курсамъ, которая тогда случайно попала на курсы, п. ч. гостила въ Ярославлѣ у своего брата *). Помѣщеніе для курсовъ было отведено неважное, въ одномъ изъ городскихъ училищъ. Наблюдатель, инспекторъ П. И. Голубевъ, оказался глупымъ и черствымъ чиновникомъ, формалистомъ. Но, живое, дѣятельное земство, отзывчивое и симпатичное мѣстное общество, а главное—учительство, представляющее кружокъ истинно интеллигентныхъ людей,—все это такъ ободряло, вдохновляло, возбуждало, что трехнедѣльная работа въ Херсонѣ была для меня прямо наслажденіемъ. Были столкновенія съ Голубевымъ. Были злобныя выходки и даже подвохи со стороны его клеветовъ, но они утопали въ морѣ свѣтлыхъ впечатлѣній и нисколько не ослабляли ни моей энергіи, ни моего воодушевленія. Еще нигдѣ, даже въ Ярославлѣ, не работалось такъ легко и и пріятно, какъ здѣсь.

Трудна была первая недѣля: и уроки всѣ давалъ я, и лекціи читалъ ежедневно, и разборомъ уроковъ руководилъ, и подробныя объясненія излагалъ, и вечерними бесѣдами руководилъ, принимая въ нихъ самое дѣятельное участіе. Потомъ пошло легче: уроки стали разбирать курсисты; но послѣдніе дни опять потребовали отъ меня усиленнаго труда, п. ч. я опять взялъ на себя всѣ уроки, чтобы завершить выполненіе задуманной программы. И ничего: я не особенно уставалъ, п. ч. все время чувствовалъ необычайное возбужденіе. Общее число слушателей, несмотря на умѣренные размѣры зала, доходило до 250, кромѣ совершенно постороннихъ посѣтителей. Какъ ни затруднялъ Голубевъ доступъ на курсы, разрѣшенные только для 80 слушателей, но ничего не могъ сдѣлать, все уступалъ, уступалъ, наконецъ—махнулъ рукой; такъ, на вечернія бесѣды, которыя мы перенесли, по случаю жары и духоты, на дворъ, приходили ужъ всѣ желающіе, безъ всякихъ разрѣшеній. Это были уже не курсы, а вполне сѣздъ, на подобіе сѣзда 1874 года. Въ числѣ курсистовъ были очень интересныя личности, съ которыми всѣ особенно подружились: 1) Болгарскій учитель Стефанъ Ганевъ; онъ пріѣхалъ въ Одессу, чтобы познакомиться сколько-нибудь съ Россіей, сошелся съ одесскими учителями, узналъ отъ нихъ о предполагаемыхъ курсахъ въ Херсонѣ и сталъ хлопотать, чтобы его допустили на курсы. Хлопотъ было много, но въ концѣ концовъ его допустили, обязавъ сло-

*) Марія Антоновна Пюнтковская.

вомъ, что онъ не будетъ ничего рассказывать о болгарскихъ порядкахъ—„Какъ-же можно, вѣдь тамъ учитель—полноправная личность, политическій агитаторъ; рассказы обо всемъ этомъ могутъ возбудить въ русскомъ человѣкѣ нежела- тельныя идеи и стремленія. Юноша оказался очень развитой, нервный и сер- дечный. Всѣ его полюбили, и въ средѣ нашего общества онъ сталъ вполнѣ своимъ и милымъ человѣкомъ. 2) Мой старый знакомый по съѣзду 1874 года С. А. Кожакинъ, одесскій учитель, уже старецъ, но все тотъ же идеалистъ- семидесятникъ; мы встрѣтились и обнялись съ нимъ, какъ братья; онъ все время относился ко мнѣ съ какой-то трогательной нѣжностью. Кажется, только для свиданія со мной, свидѣтелемъ его молодости, давшимъ первый толчекъ его идеализму, онъ и на курсы-то пріѣхалъ. 3) Одесскій учитель Левитскій; онъ теперь занимается въ частной женской гимназiи г-жи Козленко, которая тоже пріѣхала на курсы и была постоянной ихъ посѣтительницей, но прежде былъ народнымъ учителемъ въ Малороссiи; очень начитанный и развитой человѣкъ; онъ сдѣлалъ на курсахъ очень интересное сообщеніе о чтеніи народу Гоголя и о благотворныхъ впечатлѣніяхъ отъ этого чтенія.

Курсы постоянно посѣщали земцы, изъ которыхъ мы особенно близко сошлись съ предсѣдателемъ Губ. Управы В. П. Андреевскимъ, дядей извѣстнаго прижизнаго повѣреннаго и поэта Андреевскаго, старымъ земцемъ, сохранившимъ все традиціи 60-хъ и 70-хъ годовъ, умѣющимъ красиво и сердечно говорить: то рѣчи при открытіи и закрытіи курсовъ, а также на прощальной пирушкѣ пріестовъ, были очень эффектны и увлекательны,—и съ членомъ училищнаго вѣта А. К. Парамоновымъ, еще молодымъ, но нѣсколько суровымъ чело- вѣкомъ, трезво и серьезно относящимся къ земскому дѣлу вообще, а особенно къ дѣлу народнаго образованія.

Посѣтилъ курсы одинъ разъ и мѣстный губернаторъ князь И. М. Оболен- скій, сынъ того М. А. Оболенскаго, который когда-то былъ Воронежскимъ губер- наторомъ. Онъ изъ моряковъ, человѣкъ не глупый, иногда очень остроумный, простой, любитель потолковать, со всѣми земцами большой пріятель, особенно съ Андреевскимъ, но безпрестанно тормозящій предпріятія и постановленія зем- скихъ собраній. На курсахъ онъ пробылъ все утро, видѣлъ всѣ занятія, которыя произвели на него хорошее впечатлѣніе, и ко мнѣ все время относился очень дружелюбно.

Здѣсь тоже мы устроили Пушкинскій вечеръ, который собралъ все учитель- ство и мѣстное общество, кому только удалось добыть билетъ. Содержаніе его, приблизительно, было то же, что и въ Курскѣ, но сцены изъ „Бориса Годунова“ исполняли не любители, а учителя и учительницы; и исполняли очень хорошо, да и сценъ этихъ было больше. Наша Софія Михайловна прочитала стих. Лер- монтова „На смерть Пушкина“ такъ же хорошо, какъ читала его въ Петинѣ. Моя лекція произвела большое впечатлѣніе, и редакторъ газеты „Югъ“, В. И. Гошкевичъ, просилъ меня отдать ее для непечатанія въ „Югъ“. Я обѣщаль написать ее дома, т. к. въ Херсонѣ для этого у меня не было времени, и вы- слать. Газета „Югъ“ ведется такъ хорошо, что нашъ „Донъ“ послѣ нея грустно и видѣть. В. И. Гошкевичъ, хранитель мѣстнаго музея, знатокъ Херсонской старины и вообще человѣкъ хорошо образованный, такъ сердечно относился къ

курсамъ и къ учительству, что отказать ему не было возможности. Вообще, онъ просилъ моего сотрудничества для „Юга“. Уже изъ Петина я послалъ ему и лекцію о Пушкинѣ, и еще статейку изъ своихъ Херсонскихъ впечатлѣній „Херсонское учительство“ ¹⁾. Но съ лекціей приключился казусъ. Первая половина ея появилась въ 435 № „Юга“, съ теплымъ предисловіемъ редакціи, подъ заглавіемъ „Пушкинъ и воспитывающая сила его поэзіи“, но вторая половина, по словамъ редактора, подверглась такимъ цензурнымъ искаженіямъ, что онъ не рѣшился ее печатать въ такомъ общипанномъ видѣ, а напечаталъ заявленіе, что она не можетъ появиться въ „Югѣ“ по причинамъ, „отъ редакціи независящимъ. „Его сожалѣніе объ этомъ такъ искренно, и такъ просилъ онъ дать ему что-нибудь для „Юга“, что тогда-то я и отправилъ ему статейку о Херсонскомъ учительствѣ. Вѣроятно, причиной цензурной строгости было то самое заключеніе, котораго побоялась и редакція „Филологическихъ Записокъ“.

Мои лекціи привлекали массу постороннихъ слушателей. Очень оживленно шли вечернія бесѣды по разнымъ вопросамъ школы и учительства; всего обсудили 16 вопросовъ, которые особенно интересовали мѣстное учительство. На одной изъ нихъ Голубевъ произвелъ-было скандалъ, протестуя противъ вопроса самаго невиннаго—о общеніи между учащими лицами. Онъ протестовалъ въ самой грубой формѣ—съ визгомъ и стукомъ по столу кулакомъ; я тоже не вытерпѣлъ и крикнулъ. Учительство пришло въ такое негодованіе, что Голубевъ рисковалъ быть побитымъ, раздавались крики „дикарь“! Къ счастью, онъ торопливо выскочилъ на улицу, а меня друзья увели въ другую комнату. Въ залѣ въ это время присутствовалъ директоръ училищъ, явились, по вызову Андреевскій и Парамоновъ. Я объявилъ, что немедленно уѣзжаю; меня стали утѣшать и уговаривать. Дѣло уладилось, но послѣ этого Голубевъ былъ ужъ „тише воды, ниже травы“. Августа 10 занятія окончились. Послѣ молебна я сказалъ заключительное слово, содержащее въ себѣ „итоги“ занятій и выясненіе важности въ человѣческой жизни вообще, а въ жизни учительства особенно, идеаловъ. Потомъ говорилъ горячо и умно Андреевскій. Голубевъ сказалъ нѣсколько словъ о курсахъ съ точки зрѣнія выполненія казенныхъ правилъ. Учителямъ говорить было воспрещено, а потому настоящее прощанье съ учительствомъ происходило вечеромъ, на вечеринкѣ, устроенной за городомъ, въ прекрасномъ помѣщеніи психіатрической лѣчебницы подъ открытымъ небомъ и при электрическомъ освѣщеніи. Здѣсь много говорилось рѣчей, шла живая дружеская бесѣда; пѣли, но пили мало. Учитель Тираспольскаго уѣзда Г. В. Федоровъ, замѣчательный тѣмъ, что онъ соединилъ въ себѣ учителя, фельдшера, поэта и очень живого, симпатичнаго человѣка, прочиталъ написанное имъ на прощанье со мной стихотвореніе:

„Намъ мало словъ! Простое „досвиданье“
Не выразить того, что чувствуемъ всѣ мы.
Ты духъ нашъ разбудилъ и вмѣстѣ съ нимъ сознанье,
Что свѣтлый лучъ уже прокрался въ область тьмы,

Что недалекъ уже тотъ мигъ, давно желанный,
Когда заря иной поры въ глуши взойдетъ,
Когда въ пиру науки не избранный,
А всякій пищу для себя духовную найдетъ.

¹⁾ Напечатана въ 478 № отъ 3 ноября („Югъ“ за 1899) годъ.

Проникнувъ нашихъ душъ безмолвное томленье,
Ты всеобъемлющей и свѣтлою душой
Пошелъ навстрѣчу намъ, и братства единенье
Связало насъ и сдѣлало семьей.

И наша вся семья лишь одного желаетъ,
Чтобъ исходящей отъ тебя великой правды свѣтъ,
Который насъ раститъ, живитъ и ободряетъ,
Хранилъ въ тебѣ Творецъ еще на много лѣтъ“.

Быль прочитанъ и адресъ, который передали мнѣ на другой день въ роскошной папкѣ съ моими инициалами и съ цифрами 1874—1899. Проводы съ этой вечеринки были шумные и сердечные, даже слишкомъ сердечные, доведившіе до непреодолимаго волненія. Обнимались, цѣловались, но это была не пьяная распушенность, а искренній порывъ изъ глубины души. Одинъ завистникъ обвинялъ херсонское учительство въ преувеличенномъ восхваленіи моей особы, въ явной лести, которая, будто бы, вызвала протестъ даже съ моей стороны въ формѣ отвѣтной рѣчи. Можетъ быть, въ рѣчахъ учителей, въ ихъ восторгахъ и хвалахъ и была доля преувеличенія, но это преувеличеніе вытекало ужъ никакъ не изъ лести, которая не могла вызываться никакими побужденіями: что я херсонскимъ учителямъ? я лицо не оффиціальное, безъ власти, безъ значенія,—заискивать во мнѣ имъ не было никакого расчета. И я въ своихъ отвѣтныхъ словахъ на ихъ рѣчи, стихи и адресъ отнюдь не имѣлъ намѣренія протестовать противъ какой-то „лести“, а только хотѣлъ сдѣлать ту надлежащую оцѣнку самому себѣ, которая возможна съ моей стороны, со стороны человѣка 62-хъ лѣтъ, уже остывшаго отъ увлеченій и свободнаго отъ всякаго честолюбія, но едва-ли возможна со стороны людей, еще не охлажденныхъ долгими годами размышленія и опыта. Выше я внесъ стихотвореніе, адресованное ко мнѣ. Теперь приведу адресъ херсонскихъ учителей и мое отвѣтное слово, насколько мнѣ удастся его припомнить: оно было сказано экспромптомъ, безъ всякой подготовки, прямо отъ души. Вотъ адресъ:

„Глубокоуважаемый Николай Ѳедоровичъ! Сегодня намъ предстоитъ разстаться съ вами, и мы не можемъ не выразить вамъ нашей горячей, искренней благодарности. Вы пришли къ намъ въ минуту, когда мы особенно нуждались въ нравственной поддержкѣ: дорогое для насъ дѣло народной школы настойчиво требуетъ оживленія, потому что жизнь выдвигаетъ все большіе и большіе духовные запросы. Вашими убѣжденными рѣчами вы подняли въ насъ упавшій духъ, и мы глубоко благодаримъ васъ за это; вы изложили передъ нами ваши широкіе взгляды на задачи и средства народной школы. Вы убѣдили насъ въ томъ, что не одна простая механическая грамотность доступна нашимъ ученикамъ, но всѣ возвышающія душу сокровища литературы и науки могутъ быть прочувствованы ими. Вы напомили намъ о нашихъ „человѣчивающихъ“ обязанностяхъ. Изъ этого видно, что вы довѣряете нашимъ скромнымъ силамъ, что вы не сомнѣваетесь въ духовныхъ способностяхъ нашихъ учениковъ. Это вызываетъ въ насъ приливъ бодрости и вѣры въ наше дѣло, и этимъ мы обязаны вамъ. Среди насъ есть товарищи, которые слушали курсы подъ вашимъ руководствомъ 25 лѣтъ тому назадъ. Они говорятъ намъ, что за это время въ васъ не угасла ни энергія, ни горячая любовь къ дѣлу, ни готовность бороться за интересы народной школы. На нашемъ примѣрѣ мы убѣждаемся, что работа, которой и мы посвятили свои силы, не такъ ужъ неблагоприятна и жестока,

и эта увѣренность для насъ очень дорога, многоуважаемый Николай Федоровичъ!

Намъ остается только пожелать, чтобы Богъ сохранилъ ваши богатяя духовныя силы на многіе и многіе годы.

Ваша искренность, прямота, ваше увлеченіе дѣломъ оставляютъ въ насъ неизгладимый глубокий слѣдъ, но позвольте, разставаясь съ вами, сказать вамъ: „досвиданія“! Херсонъ 1899 г., 10 августа. 74 подписи.

Мое отвѣтное слово было таково:

„Очень благодарю васъ, дорогіе товарищи, за дружеское отношеніе ко мнѣ. Я жилъ въ Херсонѣ среди васъ, какъ въ родной семьѣ. Кромѣ того, я здѣсь испыталъ то рѣдкое счастье, которое достается на долю не всякому: я здѣсь видѣлъ сильныя, жизнеспособныя всходы посѣва, сдѣланнаго мною 25 лѣтъ тому назадъ. Никакія невзгоды, пережитыя за это время народной школой и учительствомъ Херсонской губерніи, не заглушили и не убили этихъ всходовъ. Сознаніе этого—такое счастье, котораго, право, можетъ хватить на всю жизнь... Объ одномъ усердно прошу васъ, дорогіе товарищи: ради Бога, не считайте меня за Крыловскую лягушку, которая хотѣла надуться съ вола. Я хорошо знаю истинную цѣну самому себѣ. Просматривая исторію русской педагогической мысли, я вижу въ ней только трехъ, дѣйствительно, „большихъ людей“. Это, во-первыхъ, Н. Ив. Пироговъ, провозгласившій у насъ идею человѣчности въ учебно-воспитательномъ дѣлѣ, во-вторыхъ, К. Д. Ушинскій, провозгласившій идею народности въ этомъ дѣлѣ, и, въ-третьихъ, Толстой, провозгласившій свободу обученія. Это, дѣйствительно, „большіе люди“. Остальные, въ томъ числѣ и мы съ вами, дорогіе товарищи,—только „чернорабочіе“ русской народной школы, и все мое честолюбіе заключается лишь въ томъ, чтобы сознать и чувствовать себя „своимъ человѣкомъ“ среди этихъ дорогихъ моему сердцу чернорабочихъ. Не думайте, что это слишкомъ мало. Вѣдь если для насъ, маленькихъ людей, нужны такіе большіе люди, какъ тѣ, кого я называлъ,—нужны, какъ путеводныя звѣзды, указывающія намъ путь, по какому намъ должно идти, то и такимъ большимъ людямъ нужна эта армія чернорабочихъ, подхватывающихъ ихъ свѣтлыя идеи и разносящихъ ихъ по бѣлому свѣту. Принадлежать къ этой арміи, быть въ ней „своимъ“ человѣкомъ,—развѣ этого мало для нашего маленькаго честолюбія?

Поэтому я провозглашаю пожеланіе здоровья, успѣховъ и всякихъ благъ всей арміи чернорабочихъ русской школы!“

Кромѣ адреса, кромѣ стиховъ Г. В. Федорова и самыхъ свѣтлыхъ впечатлѣній, я вывезъ изъ Херсона еще цѣлую коллекцію татарскихъ и греческихъ монетъ, стрѣлъ и другихъ интересныхъ древностей, которыя были добыты, посредствомъ раскопокъ, въ Херсонской губерніи для мѣстнаго музея. Они и были доставлены мнѣ изъ музея, по распоряженію И. М. Оболенскаго, его хранителемъ, редакторомъ-издателемъ „Юга“, В. И. Гошкевичемъ, при оригинальномъ письмѣ послѣдняго на древне-русскомъ языкѣ *). Предполагая подѣлиться этими древностями съ Воронежскимъ музеемъ, я письмоэто, на память, вношу сюда.

* Подлинникъ весь писанъ полу-уставомъ и съ древне-русскимъ правописаніемъ.

О учителей всея земли русскыя о учителю!

Возжелавшу тебѣ посылаю сосуды древнія. Стрѣлки громніи, яко невѣгласи глаголють, мы же речемъ стрѣлки лучніи, ножи каменныи и топорикъ серовиденъ налѣзохъ обанъ полъ Днѣпра, въ великихъ пескахъ страны, тоже Иродотъ еллински нарече Илеа. Ту бѣ во дни древніе становище языка дивія, его же имене не вѣмы, обаче акы въ гаданіяхъ глаголемъ кимеріанъ. Такожде и стрѣлки мѣдяны налѣзохъ во странѣ той. Вѣмы яко стрѣлки сія меташеть языкъ поганскій Скуфь. Нѣщыи стрѣли имуть крючки оstri, да рветъ тѣло себе язвенъ тѣма. Тако творять англяне до сего дне, пули имуще думъ-думъ.

Глазкы стекляныи и глиняныи, малыи и великыи, повертаны исъ городища стараго еллинскаго, рекомаго Ольвію, такожде и куны 10 (Т) града того.

Се все пріими на добрую память отъ смиреннаго гробокопателя, области Херсонскія лѣтописца,

инока Виктора“.

Весь день 11-го августа прошелъ въ сборахъ, а вечеръ въ обществѣ учителей, учительницъ и другихъ Херсонскихъ друзей.—Конечно, всѣ снялись большой группой. Эту дорогую группу я тоже увезъ съ собой. Опять пришло время отдыха въ Петинѣ, которое продолжалось до 1-го сентября.

Въ Павловскѣ начало моихъ лекцій было назначено на 4-е сентября. Курсы происходили во дворцѣ Великаго Князя Константина Константиновича и подъ его покровительствомъ, въ прекрасномъ залѣ. Курсистовъ было около 200 обоого пола, да вольнослушателей, пожалуй, до 100. Вношу сюда конспектъ моихъ лекцій.

I. 1) Учебно-воспитательное дѣло, какъ искусство, въ основу теоріи и практики котораго полагаются прочно установленныя научныя данныя. Сущность и значеніе учебно-воспитательной теоріи.—Условія успѣшности учебно-воспитательной практики.—Общечеловѣческая и національная сторона учебно-воспитательнаго дѣла.—Историческая справка.—Чѣмъ обусловливается народность школы и обученія.

2) Родной языкъ, какъ главное средство и орудіе для внесенія въ учебно-воспитательное дѣло живого народнаго начала.—Объ изученіи и пониманіи роднаго языка.—Преимущества русскаго языка и русской литературы, съ педагогической точки зрѣнія. Ушинскій и Тургеневъ о русскомъ языкѣ. Желательная подготовка для практическихъ работниковъ учебно-воспитательнаго дѣла, какъ искусства самаго важнаго, сложнаго и, такъ сказать, деликатнаго. Общеобразовательные и національные элементы въ этой подготовкѣ.

II. 1) Воспитывающій характеръ, какъ одно изъ главныхъ общечеловѣческихъ свойствъ обученія.—Психологическія данныя, на которыя опирается воспитывающее обученіе.—Душевныя явленія разсудочнаго процесса, чувствованія и волевыя явленія. Взаимная тѣсная связь между всѣми душевными явленіями, не смотря на ихъ различіе. Примѣры. Выводы.

2) Связность, послѣдовательность и основательность сообщенія и разработка учебнаго матеріала, какъ второе общечеловѣческое свойство хорошо поставлен-

наго обученія. Психологическія данныя.—Сохраняемость и воспроизводимость душевныхъ явленій. Память. Законъ ассоціаціи представленій.—Ассоціаціи по смежности и по сходству. Сложныя ассоціаціи. Значеніе тѣхъ и другихъ въ обученіи.—Концентрическая разработка учебнаго матеріала, ея преимущества и примѣненія. Примѣры. Установленіе связи между всѣми предметами обученія.—Самодѣятельность и личный интересъ учащихъ, какъ третье общечеловѣческое свойство хорошо поставленнаго обученія. Вниманіе и условія его развитія. Возбужденіе любознательности.

III. 1) Начало наглядности въ обученіи, какъ начало общечеловѣческое. Психологическія данныя.—Истинное познаніе предметовъ и явленій.—Мышленіе голыми словами.—Правильное пониманіе наглядности въ обученіи, съ психологической точки зрѣнія.—Примѣры.—Наглядность внѣшняя и внутренняя.—Возможность и случаи пользоваться внутренней наглядностью въ начальной школѣ.—Нужна ли наглядность въ обученіи русскихъ дѣтей?

2) Примѣненіе начала наглядности ко всѣмъ учебнымъ предметамъ и занятіямъ.—Обзоръ и оцѣнка наглядныхъ пособій.—Наглядныя пособия естественныя и искусственныя.—Пособія домашняго приготовленія и существующія въ продажѣ.—Группировка наглядныхъ пособій по ихъ учебному значенію.—Пособія, какія можно признать необходимыми и желательными для каждой школы.—Внѣшнія свойства, формы обученія, въ зависимости отъ выясненныхъ внутреннихъ общечеловѣческихъ его свойствъ.—Катехизація и изложеніе учителя.—Злоупотребленіе тѣмъ и другимъ.—Выводы о желательной формѣ обученія.

IV. 1) Живое народное начало въ дѣлѣ обученія и родной языкъ, какъ главное орудіе для внесенія этого начала.—Роль чтенія, бесѣдъ, словесныхъ упражненій и грамматики въ занятіяхъ роднымъ языкомъ, съ точки зрѣнія образовательнаго и жизненнаго значенія ихъ.—О содержаніи и формахъ матеріала для чтенія въ народной школѣ.—Идеальная книга для чтенія.—Общая оцѣнка существующихъ книгъ.—О возможности пользоваться существующими книгами.

2) Обученіе грамотѣ и значеніе этого процесса въ общей системѣ занятій роднымъ языкомъ.—Возможность и желательность чтенія (учителя), бесѣдъ и словесныхъ упражненій въ связи съ процессомъ обученія грамотѣ.—Сущность звуковаго способа.—Звуковыя изученія и упражненія, ихъ важность и разумные размѣры.—Новыя теченія въ практикѣ и теоріи звуковаго способа и оцѣнка ихъ.—О порядкѣ изученія звуковъ и буквъ.—О совмѣстномъ и раздѣльномъ обученіи чтенію и письму.—О средствахъ усилить успѣшность письма, чтобы оно не отставало отъ чтенія.—О желательности прививать дѣтямъ хорошіе орфографическіе навыки при обученіи грамотѣ.—О самостоятельныхъ работахъ „втихомолку“ въ связи съ обученіемъ грамотѣ.

V. 1) Общія задачи чтенія, какъ главнаго занятія на урокахъ родного языка въ народной школѣ.—Классное чтеніе перваго учебнаго года и словесныя упражненія въ связи съ нимъ.—Желательные результаты.—О чтеніи художественныхъ произведеній слова и о чтеніи дѣловыхъ вообще.—Учебно-воспитательное значеніе художественнаго чтенія.—Воспитаніе чувства.—Обзоръ чувствованій человѣка и связь ихъ съ умственнымъ процессомъ, а также съ воле-

выми явленіями.—Опасныя и благотворныя вліянія на чувства и волю учащихся.

2) Нравственное воздѣйствіе художественныхъ произведеній слова на учащихся.—Примѣненіе внутренней наглядности. Сила впечатлѣнія отъ художественныхъ образовъ, вліяніе ихъ на воображеніе и чувство.—Вліяніе художественнаго чтенія и объясненіе художественныхъ произведеній слова на умъ, на умственное развитіе учащихся.—Чтеніе и объясненіе художественныхъ произведеній въ народной школѣ на примѣрахъ.—Заучиваніе и упражненіе въ выразительномъ чтеніи.—Какъ надо понимать выразительность чтенія, возможную и желательную въ народной школѣ?—Пушкинъ въ народной школѣ.—Замѣтки о чтеніи церковно-славянскаго текста, какъ о могучемъ средствѣ для нравственнаго воздѣйствія на учащихся.—Постановка этого чтенія въ школѣ.

VI. 1) Чтеніе и изученіе дѣлового, популярно-научнаго матеріала во 2-мъ и 3-мъ отдѣленіяхъ, его задачи и содержаніе.—Приобрѣтеніе знаній о природѣ и объ отечествѣ посредствомъ чтенія.—Наученіе самостоятельно приобретать знанія изъ книги.—Чтеніе и изученіе дѣловой статьи, какъ системы мыслей. Установленіе связи между отдѣльными статьями.—Подготовительныя и заключительныя бесѣды.—Пользованія наглядными пособіями.—Самостоятельное чтеніе учениковъ.—Повѣрка его.—Отчетъ о прочитанномъ, его значеніе и содержаніе.

2) Письменныя упражненія въ народной школѣ.—Преувеличенная и безрезультатная погоня за совершенствомъ условнаго правописанія.—Злоупотребленіе грамматическими упражненіями, диктантами и списываніемъ.—Размѣры орфографической правильности письма, возможной и желательной въ школѣ съ трехгодичнымъ курсомъ, по 20—25 учебныхъ недѣль въ году.—Способы достиженія этой правильности.—Значеніе диктовки и списыванія.—Наилучшая постановка ихъ.—Упражненіе въ сочиненіи, какъ главное письменное упражненіе въ народной школѣ.—Желательные и возможные результаты.—Формы, содержаніе и послѣдовательность этихъ упражненій.—Исправленіе и возможное усовершенствованіе ихъ.—Значеніе грамматики въ народной школѣ.—Грамматическія понятія и грамматическія упражненія, которыми можно ограничиться, примѣнительно къ министерской программѣ 1897 г.

Заключеніе, объясняющее и оправдывающее общій характеръ всѣхъ изложеній, имѣющихъ въ виду идеальное представленіе народной школы и народнаго учителя.

Я послѣдовательно придержививался этой программы и, кажется, выполнилъ ее.

Въ Павловскѣ же, черезъ посредство М. Е. Доброписцева, который говорилъ мнѣ объ этомъ еще въ прошедшемъ году въ Петербургѣ, а теперь пріѣзжалъ въ Павловскъ повидаться со мной, потомъ непосредственно письмомъ генерала Макарова, Педагогическій музей военно-учебныхъ заведеній просилъ меня принять участіе въ разсмотрѣніи сочиненій, представленныхъ на премію имени К. Д. Ушинскаго. Конкурсъ на эту премію состоится въ этомъ году; мнѣ прислали три книги („О преподаваніи русскаго языка въ начальныхъ училищахъ“ Воскресенскаго, „Методика русской грамоты“ Страхова и „Бесѣды по русской

исторіи“, изд. уч. ком. при Свят. Синодѣ) и просили прислать отзы́вы о книгахъ къ 15 октября, что я и выполнилъ уже изъ Петина. Я нашелъ, что ни одна изъ названныхъ книгъ не подходитъ подъ условія конкурса и не должна быть удостоена преміи Ушинскаго. Не знаю, будутъ ли довольны моими мотивированными отзы́вами. Во всякомъ случаѣ, или мнѣ больше не будутъ присылать книгъ для разсмотрѣнія, т. е. освободятъ отъ лишняго и не особенно пріятнаго труда, или я самъ на будущее время уклонюсь отъ этого труда, если моимъ отзы́вамъ не будетъ придано надлежащаго значенія ¹⁾, особенно рѣзко (но справедливо) отозвался я о 3-ей книгѣ.

С. Петно, 1899 г., ноября 1.

Сентября 13-го я окончилъ свое дѣло въ Павловскѣ; вечеромъ у насъ были кое-кто изъ учителей и учительницъ съ выраженіемъ мнѣ своей благодарности и за разными совѣтами по школьному дѣлу, а утромъ 14-го мы выѣхали, провожаемые цѣлой многочисленной толпой. Словомъ, и изъ Павловска я выѣхалъ, состоя другомъ учительства, — и это самое дорогое, что даютъ мнѣ курсы: я, дѣйствительно, сознаю и чувствую себя „своимъ человѣкомъ“ въ арміи черно-рабочихъ русской народной школы, а это сознаніе и чувство дѣлаютъ меня счастливымъ, вполне удовлетворяя мое скромное тщеславіе.

Дома въ Петинѣ я, прежде всего, успѣшилъ окончить дѣла съ курсами: окончилъ и послалъ отчетъ о Курскихъ курсахъ, написалъ и отослалъ отчетъ о Херсонскихъ курсахъ, написалъ и послалъ въ „Югъ“ статейку „Херсонское учительство“ ²⁾; написалъ еще и отослалъ отзы́вы о книгахъ, представленныхъ на премію имени К. Д. Ушинскаго. Между тѣмъ въ школѣ началось ученіе и приближалось время нашего обычнаго акта, которымъ надо было закончить всѣ публичныя воспоминанія о Пушкинѣ, красной нитью прошедшія черезъ весь этотъ „пушкинскій“ годъ. Какъ и всегда, актъ состоялся 22 октября, въ день открытія школы, по такой программѣ, въ которую вошло кое-что изъ нашего Пушкинскаго праздника 27 мая:

1. Хоръ пропѣлъ гимнь: „Твори, Господь, добро народу“...
2. Я прочиталъ отчетъ, сопровождая его поясненіями.
3. Раздавали подарки (свидѣтельства еще не получились), а хоръ пѣлъ „Славу“.
4. Хоръ пропѣлъ думу о Пушкинѣ „Соберемся мы, люди русскіе“... которую пѣли и утромъ 27 мая.
5. Ученикъ Гуровъ прочиталъ сочиненіе — „За что мы любимъ Пушкина“.
6. Хоръ пропѣлъ хвалебный гимнь Пушкину:

Тебѣ, поэтъ, мы славу, мы славу воздаемъ,
Тебѣ, о Пушкинъ нашъ, учитель незабвенный!
Любви и правды ты пѣвецъ былъ несравненный,
Ты научаешь насъ любить своимъ стихомъ,

¹⁾ Такъ оно и вышло: отзы́вы мои, кажется, уважили: названныхъ книгъ не премировали, но книгъ для просмотра больше не присылали. 1901 г. Янв. 28.

²⁾ Напечатана въ № 478 („Югъ“, 1899 г., отъ 3 ноября).

Любить своимъ стихомъ,
Своимъ стихомъ!“

Вскорѣ я получилъ приглашеніе отъ Вологодскаго уѣзднаго земства руководить съѣздомъ (?) учителей Вологодскаго уѣзда лѣтомъ 1900 года. По многимъ соображеніямъ я послалъ уклончивый отвѣтъ. А затѣмъ пришло приглашеніе Ярославскаго Губернскаго земства, на которое такъ же пришлось отвѣчать уклончиво: почему-то мнѣ навязываютъ помощника, какого-то совершенно неизвѣстнаго мнѣ г. Клишко. Пока не узнаю истинныхъ мотивовъ этой неожиданности и не получу достаточныхъ свѣдѣній объ этомъ г. Клишко, согласія своего дать не могу. Такъ я и написалъ въ Управу. Судя по извѣстіямъ газеты „Югъ“, состоятся курсы въ Одессѣ ¹⁾. Итакъ, на лѣто у меня теперь уже въ виду: Александрія, Вологда, Ярославль, Одесса. Надо выбрать одни, наиболѣе пріятные, курсы.

С. Петино. 1899 г., ноября 15.

Ну, нравы въ Россійской имперіи! Не могу отказать себѣ въ удовольствіи, чтобы не внести сюда разсказа изъ письма В. И. Гошкевича издателя-редактора херсонской газеты „Югъ“, — разсказа маловѣроятнаго, но „инокъ Викторъ“ не такой человѣкъ, чтобы ему нельзя было вѣрить. Дѣло о нашемъ херсонскомъ пушкинскомъ вечерѣ и о моей лекціи. Вечеръ былъ въ отсутствіи губернатора, кн. И. М. Оболенскаго, губерніей управлялъ вице-губернаторъ А. Д. Масловъ, онъ же херсонскій цензоръ. Этотъ самый Масловъ не допустилъ и печатанія второй половины моей лекціи, а когда возвратился въ Херсонъ кн. Оболенскій, вотъ что разсказывалъ онъ у себя за обѣдомъ:

„Какъ только я вернулся въ Херсонъ, является ко мнѣ вице-губернаторъ и докладываетъ, что здѣсь затѣвалась революція, во главѣ съ Н. Ѳ. Бунаковымъ и съ нашимъ редакторомъ (Гошкевичемъ). Первый произнесъ со сцены возмутительную рѣчь, потрясающую основы, а второй началъ было ее печатать, но я въ-время вмѣшался и прекратилъ это дѣло. Но еще возмутительнѣе былъ спектакль. Вы только выслушайте, ваше сіятельство, что такое играли. Сидитъ за столомъ какой-то попъ — не попъ, дьякъ — не дьякъ, пишетъ какую-то ерунду. А мальчишка лежитъ у печи на соломѣ, спитъ. Только проснулся онъ и спрашиваетъ: „ты что, дѣдушка, пишешь?—А вотъ, отвѣчаетъ тотъ, описываю, какъ царевича убили“, да еще слово-то какое выговорилъ „зарѣзали“, говоритъ, царевича!—понимаете, ваше сіятельство, къ чему все это: мы трауръ-то по наследникѣ-цесаревичѣ носимъ ²⁾, а они вонъ какую рѣчь ведутъ!..“

„Тогда я ему сталъ объяснять, что это, очевидно, была сцена изъ „Бориса Годунова“... — Да повѣрьте, ваше сіятельство, отвѣчаетъ, — никакого Годунова тамъ не было, я вамъ въ точности докладываю, что было ихъ только двое: дьякъ этотъ да мальчишка...—Больше не сталъ я съ нимъ и разговаривать объ этомъ“.

¹⁾ Получилъ официалън. приглашен. 9 ноября (бумага Управы отъ 4-го).

²⁾ Георгіи Александровичѣ.

Хорошо? Это вѣдь за анекдотъ николаевскихъ временъ можно рассказывать.

Получилъ еще два приглашенія руководить курсами: изъ Нижняго Новгорода и изъ Нѣжина, Черниговской губерніи. Ужъ и самъ не знаю, что дѣлать, куда ѣхать. Приглашеніе изъ Нижняго рѣшительно отклонилъ: оно мнѣ показалось не симпатично, хотя идетъ и отъ Управы, и отъ директора училищъ, который старается смягчить впечатлѣніе управской бумаги любезностями по моему адресу и благожелательными обѣщаніями: но вѣдь не съ директоромъ мнѣ имѣть дѣло, и ради симпатичнаго директора я не хочу связываться съ несимпатичнымъ земствомъ. Отвѣтъ послалъ лаконическій.

С. Петино. 1899 г., декабря 15.

Съѣздивъ въ Петербургъ, гдѣ на этотъ разъ пробылъ всего 5 дней. Скучно. Разсчитался съ Полубояриновымъ, побывалъ разъ въ оперѣ (на „Пиковой дамѣ“ съ m-me Фигнеръ и съ посредственнымъ Морскимъ вмѣсто Фигнера), почти ни съ кѣмъ не видѣлся, купилъ „граммофонъ“ для нашихъ концертовъ съ разнообразнымъ репертуаромъ, да картинокъ для волшебнаго фонаря, дешевыхъ, но не важныхъ, вотъ и все.

XVIII.

Конецъ XIX вѣка.

Мрачный конецъ свѣтлаго столѣтія.

1900 г.

С. Петино. 1900 г., января 1.

Здравствуй, новый годъ! Что-то ты принесешь мнѣ, 62-лѣтнему старику? Болѣзни, разочарованія, безнадежность, промахи и глупости, такъ свойственныя старости? Или новое возбужденіе тѣлесныхъ и душевныхъ силъ, новыя, хотя и позднія, да сладостныя очарованія, мечты, упованія, разумныя дѣла, отрадныя для себя, полезныя для другихъ, какими хотѣлось бы завершить свою жизнь, хоть и лишенную какихъ-нибудь важныхъ, громкихъ, значительныхъ дѣлъ, но все же трудовую и честную?—Не хочу падать духомъ и предаваться унынію! Буду работать, пока есть силы, любить, вѣрить и надѣяться, пока чувствую въ себѣ способность къ этому! Чувствую, что жизни во мнѣ еще много.

Здравствуй, здравствуй, новый годъ! Привѣтствую тебя весело и доврчиво! Я говорю новый годъ, но не новый вѣкъ. Вопреки мнѣнію большинства, даже самого императора Вильгельма, я 1900 годъ считаю послѣднимъ годомъ XIX-го, но не первымъ XX-го вѣка, который, по-моему, начнется только 1901-мъ годомъ. Вѣдь первый вѣкъ начался первымъ годомъ, окончился 100-мъ, три-

надцатый начался 1201-мъ, окончился 1200-мъ и девятнадцатый начался 1801 окончился 1900. Иначе въ какомъ-нибудь одномъ вѣкѣ выйдетъ не 100, а 99 лѣтъ, что нелѣпо, потому что вѣкъ—это полное столѣтіе.

Еще разъ здравствуй, новый годъ, послѣдній годъ XIX-го столѣтія! Приноси побольше хорошаго, что украсило бы не только тебя, но и все уходящее XIX-ое столѣтіе!

С. Петиво. 1900 г., февраля 21.

Все время работаю для курсовъ. Приглашенія такъ и сыплются. Общее число ихъ на предстоящее лѣто выросло до 10: Александрія, Вологда, Нѣжинъ, Нижній, Ярославль, Одесса, Воронежъ, Саратовъ, Тамбовъ и Екатеринославъ. Я остановился на Ярославлѣ и Одессѣ, гдѣ буду среди старыхъ друзей—и симпатичныхъ земцевъ, и симпатичнаго учительства: въ Ярославлѣ съ 1-го іюня двѣ недѣли, въ Одессѣ съ 1 августа—три недѣли. Промежутокъ хорошій, можно будетъ отдохнуть и пожить дома. Для курсовъ готовлю все новыя лекціи въ новомъ родѣ и по широкой программѣ: первая серія развиваетъ основы занятій роднымъ языкомъ на психологической почвѣ, вторая серія—просмотръ русской литературы, съ древнѣйшихъ временъ, съ педагогической точки зрѣнія,—собственно говоря подъ этимъ предлогомъ—просто-на-просто сжатый курсъ исторіи литературы: хочется внести въ курсы какъ возможно больше общеобразовательнаго элемента. Не знаю, насколько и какъ это мнѣ удастся. Разсматривать литературные факты, и то лишь самые крупные, придется, конечно, кратко, главнымъ образомъ сосредоточиваясь на выводахъ, на тѣхъ идеальныхъ представленіяхъ, особенно педагогическихъ, какія въ нихъ сказались. Вѣдь, у меня въ распоряженіи на это дѣло будетъ не болѣе семи часовъ. Много не разговоришься. Общій планъ задуманныхъ мною лекцій таковъ:

1. Вступленіе о необходимости положить въ основу учебно-воспитательной практики данныя психологіи и логики и о важности для учителя внимательнаго изученія родного языка и родной литературы, о характерѣ, какой было бы желательно придать занятіямъ временныхъ курсовъ.

2. Жизнь тѣлесная и жизнь душевная. Основной методъ психологіи. Примѣненіе къ изученію явленій душевной жизни экспериментальнаго изслѣдованія. Ощущеніе и представленіе, общія представленія, познавательная дѣятельность. Аффекты, элюзіи, чувствованія. Инстинкты къ дѣйствию, волевыя явленія.

3. Законъ ассоціаціи представленій и его формы. Память. Основы обученія грамотѣ.

4. О способахъ мышленія. Индукція и дедукція. Основы для постановки грамматическихъ занятій въ школѣ.

5. Апперцепція. Начало наглядности, правильное пониманіе и примѣненіе его. Дѣловое (популярно-научное) чтеніе въ школѣ. Письменныя упражненія.

6. Обзоръ аффектовъ и чувствованій человѣка. Воспитаніе чувства. Чтеніе художественныхъ произведеній слова.

7. Начало волевыхъ явленій. Воля. Характеръ. Темпераментъ. Характеристика темпераментовъ. Воспитаніе воли. Соціальный и индивидуальный принципъ въ учебно-воспитательной практикѣ.

8. Понятіе о просмотрѣ литературы съ педагогической точки зрѣнія. Кіевскій періодъ исторіи русской литературы. Татарскій періодъ.

9. Московскій періодъ. Канунъ Петровской реформы.

10. Петръ Великій и первое сближеніе Россіи съ Западной Европой. Кантемиръ и Ломоносовъ.

11. Вѣкъ Екатерины II, Новиковъ, Фонвизинъ, Державинъ. Первая четверть XIX вѣка, Карамзинъ, Жуковскій, Батюшковъ, Гнѣдичъ, Озеровъ, Крыловъ.

12. Вторая четверть XIX вѣка, Грибоѣдовъ, Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Кольцовъ.

13. Бѣлинскій. Эпоха великихъ реформъ, Некрасовъ, Тургеневъ, Л. Толстой и другіе. Оживленіе литературы. Оживленіе науки. Оживленіе педагогическаго дѣла и созданіе народной школы.

14. Ушинскій. Заключение.

Программа довольно-таки широкая, хочется сказать и выяснитъ побольше, а главное возбудитъ въ слушателяхъ интересъ къ психологическимъ, логическимъ и литературнымъ изученіямъ. А времени въ распоряженіи немного: надо всю эту программу выполнить въ 14 часовъ, почему я и распредѣлилъ матеріалъ на 14 лекцій. Особенно трудно будетъ въ Ярославлѣ, куда всего-то ѣду на 14 дней, въ числѣ которыхъ будетъ 2 воскресенья. Боюсь и протестовъ со стороны наблюдателей, особенно ярославскаго директора училищъ, человѣка мнѣ неизвѣстнаго, который недавно замѣнилъ добродушнаго и покладистаго А. М. Безобразова.

С. Петино. 1900 г., марта 23.

На-дняхъ мы закончили нашъ театральнй сезонъ, который сошелъ очень хорошо и былъ украшенъ новыми музыкальными силами: во-первыхъ, мой неудобный монопанъ я замѣнилъ заводнымъ симфоніономъ; во-вторыхъ, въ Петербургѣ приобрѣлъ граммофонъ, который и поетъ, и играетъ, и рассказываетъ, и хохочетъ самымъ заразительнымъ хохотомъ. По обыкновенію занову сюда нашъ репертуаръ.

Я замѣчаю, что мои записки за послѣдніе годы приобрѣли нѣсколько шаблонный характеръ: репертуаръ, экзаменъ въ школѣ, курсы, актъ, поѣздки въ Петербургъ неизмѣнно повторяются въ записи каждаго года. Что жъ дѣлать, такъ установилась жизнь, это ея самые чувствительные пункты.

Лѣтопись Петинскаго народнаго театра.

Годъ тринадцатый, 1900.

(Въ томъ же помѣщеніи, ц. 1 к., 10 к., 20 к., 30 к.).

Января 9 (81—1). „Лѣкарь поневолѣ“, въ 5 разъ.

Января 16 (82—2). „Бобыль“, въ 8 разъ.

Января 23 (83—3). „Борисъ Годуновъ“, драма Пушкина, въ 1 разъ.

Января 30 (84—4). „Илья Муромецъ“, былины въ лицахъ, въ 4 разъ.

Февраля 6 (85—5). „Борисъ Годуновъ“, во 2 разъ.

Февраля 13 (86—6). „Не такъ живи“, въ 9 разъ.

Февраля 27 (87—7). Литературно-вокальный вечеръ, съ свѣтовыми картинами и граммофономъ, въ 16 разъ.

Марта 5 (88—8). То же, въ 17 разъ.

Марта 12 (89—9). То же, въ 18 разъ.

Русская жизнь катится такъ монотонно, такъ безцвѣтно, что русскимъ людямъ поневолѣ приходится волноваться, прямо жить, чужими интересами. Какъ въ прошедшемъ году такимъ чужимъ интересомъ у насъ было дѣло Дрейфуса, такъ въ нынѣшнемъ году мы поглощены борьбой южно-африканскихъ буровъ съ англичанами за свою независимость. Если бы наше сочувствіе, наши искреннія желанія и пламенные молитвы могли помочь этому честному и мужественному маленькому народцу, онъ вышелъ бы побѣдителемъ изъ борьбы съ надменнымъ врагомъ, во много разъ превосходящимъ его и богатствомъ, и численностью своей арміи. Но—увы!—сочувствія и молитвъ тутъ мало, а что можемъ мы дать имъ, кромѣ этого?—Ничего!

С. Петиво. 1900 г., апрѣля 29.

Прошелъ слухъ, будто русское правительство назначило Англии срокъ для окончанія кровопролитія въ Южной Африкѣ... Что-то не вѣрится, хотя послѣ гаагской конференціи, собранной по почину русскаго правительства въ интересахъ умиротворенія народовъ, на немъ, пожалуй, лежитъ нравственная обязанность заступиться за маленькую доблестную республику, отстаивающую свою независимость отъ хищническихъ вождедѣній богатой Англии, съ ея Чемберленами и Родсами. А все-таки въ заступничество Россіи не вѣрится, хотя и хотѣлось бы вѣрить. Вотъ только открытыя и рѣзкія порицанія русской прессы по адресу Англии, открытое сочувствіе ея бурамъ, за которое ее порицаютъ нѣмецкія газеты, показываютъ, что и это порицаніе, и это сочувствіе дозволено правительствомъ, изъ чего можно заключить, что то и другое согласно съ его видами. Но правительство упорно молчитъ. Мы знаемъ отвѣты другихъ правительствъ на обращеніе южно-африканскихъ республикъ о посредничествѣ: это отвѣты отрицательные, всѣ боятся Англии. Но отвѣтъ нашего правительства намъ неизвѣстенъ. Благодаря безгласію Россійской Имперіи, мы всего меньше знаемъ о томъ, что дѣлается у насъ дома.

На этой недѣлѣ произвелъ всѣ экзамены, возложенные на меня училищнымъ совѣтомъ. Ученіе окончилось. Училище заперто. Софья Михайловна поѣхала къ роднымъ въ Орлово, и чувствуется у насъ нѣкоторая пустота. Мы такъ привязались къ этой милой, чистой и умной дѣвушкѣ, что отсутствіе ея для насъ очень чувствительно. Впрочемъ, она черезъ недѣлю хотѣла пріѣхать, и мы собираемся отправиться вмѣстѣ съ нею въ Орлово. Получилъ увѣдомленіе о томъ, что разрѣшены курсы и мое руководительство: въ Ярославлѣ съ 1-го іюня, наблюдателемъ будетъ все тотъ же инспекторъ Фед. Ив. Носиловъ; въ Одессѣ съ 1-го августа, наблюдателемъ будетъ тоже знакомый инспекторъ Л. П. Шпановскій, очень милый и добродушный человекъ. Все это хорошо. Теперь принимаюсь за усиленную подготовку,—благо, экзамены свалилъ съ

плечь и времени свободнаго довольно. Вотъ только силы мои замѣтно слабѣютъ, лѣта сказываются. А хочется провести курсы какъ можно живѣе и плодотворнѣе. Въ Ярославль поѣдемъ вдвоемъ, а въ Одессу, вѣроятно, съ Софіей Михайловной: это будетъ хорошая компанія.

Въ сельскія училища Воронежской г. разосланъ циркуляръ о томъ, чтобы учащія лица „воспретили“ учащимся ловить и продавать птицъ. Распоряженіе, на мой взглядъ, нелѣпое. Нельзя воспрещать того, чего не воспрещаетъ законъ. Воспрещеніе, исполненіе котораго сомнительно, за исполненіемъ котораго воспрещающій не можетъ слѣдить, за неисполненіе котораго воспрещающій не имѣетъ возможности подвергать нарушителей никакой отвѣтственности, пустой звукъ; оно только уронитъ авторитетъ учащаго лица, а никакой пользы не принесетъ. Да и неизвѣстно, что имѣетъ въ виду этотъ циркуляръ: огражденіе ли птицъ отъ истребленія и страданій, смягченіе ли нравовъ крестьянства и крестьянскихъ ребятъ. Если первое, то оно не будетъ достигнуто такимъ путемъ, лишь напрасно уронитъ авторитетъ учащаго лица въ средѣ учащихся. Да и нельзя же на учащихся лицъ валить всевозможныя обязанности: и учи, и хоромъ управляй, и военной гимнастикой занимайся, и статистику составляй, и огороды да сады разводи, и ясли устраивай, и по праздникамъ обучай грамотѣ взрослыхъ, и чтеніе со свѣтовыми картинами веди, да еще и птицъ оберегай. Если предполагаютъ смягчить нравы, то не съ этого надо начать дѣло. Надо прежде всего правительству, дворянству, чиновничеству и духовенству признать въ крестьянинѣ полноправнаго человѣка, проникнуться уваженіемъ къ его человѣческому достоинству, — тогда нравы сами собой смягчатся, — конечно, не моментально, какъ не моментально они и огрубѣли. Мы не хотимъ избавить крестьянина отъ позорнаго наказанія розгами, отдаемъ его въ полное распоряженіе невѣжественныхъ и грубыхъ земскихъ начальниковъ, а хотимъ, чтобы нравы смягчились отъ запрещенія ловить и продавать птицъ. Не курьезъ ли это? Циркуляръ такъ раздражилъ меня, что я набросалъ протестующую статейку, которую и напечаталъ въ „Югѣ“ (№ 609: „Дѣло живое и дѣло бумажное“). Теперь, когда она благополучно (не безъ затрудненій, по словамъ редактора) прошла въ „Югѣ“, думаю въ иной обработкѣ послать ее и въ нашъ „Донъ“ ¹⁾, и въ „Сѣверный Край“, въ Ярославль.

С. Петино. 1900 г., сентября 12.

За это время, какъ я ни брался писать въ этой книгѣ, я успѣшно провель свои курсы и въ Ярославлѣ, и въ Одессѣ. Тѣ и другіе сошли блистательно. Въ Ярославлѣ собралось 330 слушателей. Я занимался двѣ недѣли. На мнѣ лежали всѣ теоретическія занятія по родному языку и училищевѣдѣнію, а уроки въ школѣ, которая во время моихъ занятій и состояла только изъ двухъ старшихъ отдѣленій, по всѣмъ отдѣламъ русскаго языка, кромѣ обученія грамотѣ. Всего у меня было 10 учебныхъ дней (въ школѣ); уроковъ родного языка, считая каждое отдѣленіе особо, было 40; изъ нихъ я далъ 28, желающіе изъ учителей и учительницъ 12. За всѣ двѣ недѣли я изложилъ, кромѣ вступи-

¹⁾ Ограничился «Дономъ» № 52. Замѣтка по поводу одного симпатичнаго распоряженія.

тельнаго слова и заключительной рѣчи объ Ушинскомъ, 12 лекцій, 6 по психологіи, логикѣ и преподаванію родного языка, 6 по исторіи русской литературы подъ предлогомъ просмотра литературы съ педагогической точки зрѣнія. Кромѣ меня, были и другіе руководители: священникъ, по ариѳметикѣ очень симпатичный и дѣльный математикъ В. К. Беллюстинъ (преподаватель учительской семинаріи), по чистописанію П. А. Романовскій, по пѣнію Н. Н. Алмазовъ; оба послѣдніе мои старые пріятели. Практику обученія грамотѣ послѣ меня и моего теоретическаго изложенія по этому вопросу, долженъ былъ вести преподаватель Тверской учительской школы (Максимовича) г. Клишко, очень милый молодой человекъ, но едва-ли специалистъ по дѣлу обученія грамотѣ. Но его округъ не утвердилъ, и не знаю, какъ это дѣло уладилось. Мои отношенія съ учительствомъ были очень хороши. Іюня 15 я сказалъ свое прощальное слово. Тутъ было много лестныхъ для меня рѣчей, были даже стихи (одной учительницы и одного учителя). Я тоже отозвался нѣсколькими „теплыми словами“. Потомъ началось прощаніе съ пожеланіями и даже со слезами. А вечеромъ на желѣзную дорогу собралась масса учителей и учительницъ, насъ провожающихъ. Вышло очень трогательно. Въ концѣ іюля мы отправились черезъ Кіевъ въ Одессу. Въ Кіевѣ остановились на два дня, отдохнули и полюбовались этимъ чуднымъ городомъ, необыкновенно живописнымъ и во многихъ отношеніяхъ интереснымъ. Въ Одессѣ мы были 30 іюля, а 1-го августа были открыты курсы—въ роскошной народной аудиторіи на Старопортофранковской улицѣ. Аудиторія могла бы вмѣстить болѣе тысячи человекъ; на курсы собралось слушателей болѣе 500. Такими многочисленными курсами мнѣ еще не приходилось руководить. Тутъ, какъ и въ Херсонѣ въ прошедшемъ году, я занимался три недѣли и совершенно одинъ: тяжело было подчасъ, но за то я былъ полный хозяинъ курсовъ. Здѣсь я велъ занятія съ тремя группами въ продолженіе первой недѣли, а потомъ съ двумя. Въ общемъ это были одни изъ самыхъ живыхъ курсовъ. Особенно симпатиченъ былъ кружокъ еврейскимъ учителей и учительницъ, очень развитыхъ и преданныхъ дѣлу. Вообще говоря, въ Одессѣ сильно развито іудофобство, и я считалъ своимъ долгомъ бороться съ этимъ зломъ и въ бесѣдахъ съ учительствомъ, и въ лекціяхъ, и даже на урокахъ въ школахъ, читая съ дѣтми притчу о милосердномъ самарянинѣ изъ Евангелія. Ко всѣмъ евреямъ я старался быть особенно внимательнымъ и много хлопоталъ о сближеніи еврейскихъ учительницъ и учителей съ русскими; въ нѣкоторой мѣрѣ это мнѣ удалось.—Пришлось еще отстаивать и одного дѣльнаго русскаго учителя, противъ котораго поднялъ войну мѣстный инспекторъ, г. Шенявскій, лукавый и вообще довольно низменный человекъ. Повидимому, тоже удалось отстоять этого учителя, фамилія котораго Ивашкинъ. Это человекъ суровый, гордый и довольно рѣзкій. Послѣ одного столкновенія Шенявскій не взлюбилъ его и непременно хотѣлъ устранить съ курсовъ, а когда Ивашкинъ сталъ упираться, опираясь на то, что получилъ командированный билетъ отъ земства, Шенявскій предложилъ ему уйти со службы, а деньги, присланные изъ Тираспольской земской управы для Ивашкина на его имя, послалъ обратно, заявляя, что этого учителя на курсахъ нѣтъ, да и вообще его не будетъ больше въ Тираспольскомъ уѣздѣ. Ивашкинъ рѣшилъ уйти изъ района этого инспектора, но ему необхо-

димо было получить деньги. Учительство, узнавъ обо всемъ этомъ, заволновалось. Я крупно поговорилъ съ Шенявскимъ и обратился кое къ кому съ настойчивымъ требованіемъ правды. Деньги прислали уже прямо на имя Ивашкина, но удастся ли ему пристроиться въ власть Шенявскаго, не знаю, хотя обѣщано (въ Херсонскомъ уѣздѣ). Охъ, ужъ эти г.г. инспектора народныхъ училищъ! Какой возмутительный подборъ! Дуракъ на дуракѣ, негодяй на негодяѣ, ни одного достойнаго уваженія.

С. Петино. 1900 г., сентября 14-го.

Получить „Сборникъ“, изданный Пермскимъ земствомъ въ память Е. П. Серебренниковой. Порядочный, хорошо изданный томъ, въ составъ котораго вошли и мои воспоминанія („Памяти Е. П. Серебренниковой“).

Кончаю отчетъ о ярославскихъ курсахъ, на той недѣлѣ его надо отправить и приняться за отчетъ объ одесскихъ курсахъ, къ которымъ и возвращаюсь.

Курсисты и курсистки, въ общемъ, представляли собой очень живое, увлеченное дѣломъ, интеллигентное общество. Всѣ жили во время курсовъ кипучею жизнью и работали усердно. Одесскіе курсы отличались отъ ярославскихъ большей оживленностью и свободой не только потому, что начальство здѣсь мягче, но и потому, что учительство интеллигентнѣе. Сама по себѣ Одесса, которой я не видалъ 26 лѣтъ, мнѣ не понравилась: это городъ внѣшняго блеска, прикрывающаго много сквернаго. По окончаніи курсовъ городское самоуправленіе устроило блестящій раутъ съ музыкой, танцами и ужиномъ. Тутъ были тосты, рѣчи, „ура“ и т. под. Мнѣ преподнесли адресъ въ нарядной папкѣ. Пришлось и мнѣ говорить прощальное слово, одно изъ тѣхъ парадныхъ словъ, какія всякому человѣку въ моемъ положеніи необходимо имѣть наготовѣ, „на всякій случай“. Все это было напечатано въ мѣстныхъ газетахъ. Надо сказать, что мѣстная пресса и въ Ярославлѣ („Сѣверный Край“), и въ Одессѣ („Южное Обозрѣніе“, „Одесскія Новости“, „Одесскій Листокъ“) очень много и внимательно занимались курсами, въ Ярославлѣ мѣстный писатель, вообще небезызвѣстный русскій беллетристъ, В. М. Михеевъ, который, между прочимъ, напечаталъ и посвятилъ мнѣ очень недурной рассказъ „Первые шаги попечителя“.

Курсы окончились 21 августа, а 22-го мы выѣхали изъ Одессы. Проводы были очень многолюдные и трогательные, съ поцѣлуями, слезами, криками „ура“.—Признаюсь, я сталъ относиться къ этимъ проводамъ, слезамъ и адресамъ, стихамъ и рѣчамъ съ нѣкотораго времени нѣсколько скептически и даже досадливо-равнодушно: все это, какъ оказывается, повторяется вездѣ и по отношенію ко всемъ, безъ различія, а потому мнѣ представляется нѣсколько шаблоннымъ. Можетъ быть, я и ошибаюсь, но прежняго умиленія въ моей душѣ все это теперь не возбуждаетъ. Поэтому-то я и на сей разъ не вношу въ мои записки ни адресовъ, ни рѣчей, ни стиховъ. Все это, конечно, у меня сохраняется, но вносить сюда... право, какъ-то руки неподымаются. Милый народъ это учительство, но подъ впечатлѣніемъ минуты оно, кажется, высказываетъ мысли и чувства, такъ сказать, „мимолетныя“, которымъ не надо придавать большого значенія.

Пока я еще не добрался до одесскаго отчета, но краткій общій очеркъ одесскихъ курсовъ набросалъ и послалъ въ „Югъ“¹⁾, исполняя желаніе издателя-редактора В. И. Гопшкевича („инока Виктора“, какъ онъ называлъ себя въ письмѣ ко мнѣ въ прошедшемъ году), а статейку о моихъ впечатлѣніяхъ ярославскихъ, курскихъ, херсонскихъ и одесскихъ, имѣя въ виду не только курсы, но и самые города, послалъ въ „Сѣверный Край“.

Подводя итоги подъ всѣми курсами, которыми я руководилъ въ послѣдніе годы (Тамбовъ, Стародубъ, Ярославль, Курскъ, Херсонъ, Одесса), я начинаю колебаться, слѣдуетъ ли мнѣ продолжать это дѣло... Думается, что затраты на курсы, со стороны земскихъ учрежденій денежныя, съ моей стороны и со стороны учительства—душевные, едва-ли окупаются и едва-ли могутъ окупиться соотвѣтствующими результатами. Эти деньги можно бы съ большею пользою израсходовать, напримѣръ, на школьныя бібліотеки, на снабженіе школъ наглядными пособіями, на улучшеніе учительскихъ квартиръ и т. под. Нашлось бы болѣе производительное приложеніе и для душевныхъ силъ, какія тратятся на курсы. Право, не остановиться ли мнѣ? Этотъ вопросъ въ настоящее время сильно смущаетъ меня, а рѣшить его окончательно никакъ не могу. Совѣтовался кое съ кѣмъ, но какъ вѣрить искренности всего того, что говорятъ мнѣ, руководителю курсовъ? Есть много причинъ, почему я не могу относиться къ этимъ рѣчамъ съ полнымъ довѣріемъ не потому, чтобы онѣ были нарочито лживы. Не по лживости только люди иногда бываютъ не вполне искренни. Всѣ эти восторги, рѣчи, слезы и т. п., во-первыхъ, объясняются настроеніемъ минуты, во-вторыхъ, вѣдь это движенія массовыя и въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ едва-ли сознательныя. Не должно увлекаться тѣмъ, что говорится въ такія минуты, и поддаваться соблазнительному самоуслажденію. Надо критически и здраво относиться къ самому себѣ и къ своему дѣлу, прежде всего, независимо отъ этой случайной и далеко не безпристрастной критики толпы, хорошей, симпатичной, но все-таки движимой только стихійной силой, а не трезвой мыслью... Ну, а критическое, спокойное, объективное отношеніе къ себѣ, къ своему дѣлу говорить мнѣ: „остановись!“

С. Петино. 1900 г., октября 1-го.

Вотъ тебѣ и остановился: получилъ приглашеніе тамбовскаго земства руководить курсами въ 1901 году, курсами съ общеобразовательнымъ характеромъ,—приглашеніе подписано старымъ пріятелемъ М. П. Колобовымъ, а при немъ письмо стараго же друга В. А. Щербы. Люди торопились пригласить меня, рассчитывая, что я пока еще никуда не обязался словомъ. И правда: я пока свободенъ, тамбовскіе курсы, какъ они задуманы, мнѣ симпатичны. Зовутъ люди хорошіе, искренно желающіе сдѣлать полезное дѣло. Какъ тутъ отказаться?!

Получилъ еще № „Южнаго Обозрѣнія“ изъ Одессы, въ которомъ напечатано мое письмо къ одному изъ сотрудниковъ, который, нѣсколько времени

¹⁾ Напечатанъ въ 724 н. 1900 г.

тому назадъ (С. М. Гольдвейберъ), спрашивалъ мое мнѣніе объ еврействѣ и сіонизмѣ, прося разрѣшенія напечатать мое письмо. Вотъ это-то письмо и попало въ 1269 № „Южнаго Обозрѣнія“. На основаніи личныхъ отношеній и тѣхъ ограниченныхъ свѣдѣній о сіонизмѣ, какія имѣю по газетнымъ и журнальнымъ статьямъ, я, конечно, выразилъ горячее сочувствіе интеллигентному еврейству, имѣя въ виду его прекрасный идеализмъ, и сіонизму, какъ благородной мечтѣ о созданіи общества, проникнутаго общечеловѣческимъ началомъ терпимости, справедливости, человѣчности. Такой „мечтой“ можно жить и чувствовать себя счастливымъ.

1900 г., октября 15-го С. Петино.

Получилъ приглашеніе руководить курсами лѣтомъ будущаго года въ Саратовѣ, но рѣшительно отклонилъ это приглашеніе. Думаю, что ограничусь тамбовскими, т. к. это близко, да и характеръ предполагаемыхъ тамъ курсовъ (общеобразовательный) мнѣ симпатиченъ... А впрочемъ,—я все время въ такомъ расположеніи духа, что не хочется думать ни о курсахъ, ни о школѣ, ни о чемъ. Это настроеніе вызвано уходомъ нашей милой, дорогой, несравненной и незамѣнимой С. М. Голубятниковой: открылась вакансія въ ея родномъ селѣ Орловѣ, и она переселилась туда, въ свою семью. Такой учительницы, такого чистаго человѣка, такого друга намъ ужъ никогда не najти. Не то, чтобы она была очень умна и талантлива, но очень ужъ человѣчна, чиста, благородна, очень ужъ пришлась намъ по душѣ. Безъ нея Петино и школа стали пусты, неинтересны, безжизненны. На ея мѣсто я пригласилъ знакомую учительницу изъ херсонской губерніи К. А. Мягкову, окончившую курсъ вологодской женской гимназіи съ золотой медалью. Но развѣ она можетъ замѣнить Софью Михайловну? Нѣтъ, она съ своей медалью не стоитъ и мизинца нашей дорогой Софіи Михайловны.

1900 г. декабря 31-го С. Петино.

Унылое настроеніе продолжало тяготить меня до конца года да еще усилилось нездоровьемъ, проклятой инфлюенцой, которая грызла меня и дома, и въ Воронежѣ, и въ Петербургѣ. Школа безъ Софіи Михайловны просто разваливается. Несмотря на то, что въ ней занимаются теперь двое, въ ней нѣтъ ни порядка, ни дисциплины, ни успѣховъ, п. ч. нѣтъ души... Уныло справили мы обычный актъ 22-го октября. Это было уже не живое школьное торжество, а нѣчто скучное, оффиціальное. Для порядка, заносу сюда его программу:

1. Хоръ: „Царю Небесный“.
2. Хоръ: „Вотъ наступилъ желанный праздникъ“.
3. Чтеніе отчета.
4. Раздача свидѣтельствъ и подарковъ.
5. „Манифестъ“, стих. Майкова, съ предисловіемъ... ученикъ Сезинъ.
6. Пѣніе—соло: „Манифестъ“.
7. „Нива“, стих. Майкова, съ предисловіемъ. ученикъ Дочкинъ.
8. Пѣніе „Ты заря ли“... хоръ „Полоса-ль моя“...

9. Хоръ: „Услыши насъ Боже“...

10. Угощеніе для дѣтей.

Въ Воронежѣ затѣвали справлять 15-го ноября сорокалѣтіе литературной дѣятельности Н. К. Михайловскаго, пригласили къ участию и меня. Ѡ. А. Щербина приготовилъ біографическую статью, В. І. Дмитриева—разсказъ, я—рѣчь „О связи искусства съ жизнью и о тенденціи въ искусствѣ“. Но увы!—это празднованіе было воспрещено,—вѣроятно, не въ Воронежѣ только, а по всей Россіи... О, времена! о, нравы!

Принялся я за составленіе новой книги для чтенія подѣ заглавіемъ „Живое слово для народной школы“, съ намѣреніемъ отнюдь не приспособляться къ постыднымъ оффиціальнымъ требованіямъ: пустятъ въ школу—ладно, нѣтъ—наплевать. Вдругъ меня захватила инфлюенца! Поправившись, поѣхалъ съ Лар. Ив. въ Воронежъ, чтобы отсюда отправиться въ Петербургъ. Но въ Воронежѣ я снова засѣлъ, просидѣлъ недѣлю въ номерѣ, почему поѣздку въ Петербургъ пришлось отложить и сократить. Въ Петербургѣ опять явилось недомоганіе, и мы пробыли всего 5 дней. Я успѣлъ сдѣлать только самыя необходимыя дѣла, т. е. расчитаться съ Полубояриновымъ (дѣло шло порядочно), повидался съ кое-кѣмъ и скорѣе домой. Декабря 23-го мы были уже дома,—и какъ я былъ доволенъ! Нигдѣ такъ не хорошо, какъ дома. Здѣсь я и болѣзни не боюсь. Праздникъ встрѣтили вдвоемъ, пріѣхала милая С. М. Голубятникова... Вотъ и конецъ 1900 года, и конецъ XIX-го столѣтія! Для меня годъ былъ не плохой, но въ общемъ—ой-ой-ой! Человѣчество въ концѣ вѣка запятнало себя гнусными дѣлами, и новое столѣтіе начнется не съ радужными мечтами о „свободѣ, равенствѣ и братствѣ“: гнусная война Англій съ мужественными бурами въ Южной Африкѣ, гнусная расправа великихъ европейскихъ державъ (особенно Германіи) съ Китаемъ, у насъ—угнетеніе Финляндіи, духоборовъ и университетской молодежи (въ Кіевѣ много студентовъ попало въ солдаты)... что за радость! Новый годъ, иди, спасай насъ!..

XIX.

Начало XX-го вѣка.

Что называется—„ни тпру, ни ну“...

1901.

С. Петино. 1901 г., февраля 17.

Скверно началось новое столѣтіе. Въ Китаѣ Европейскія Христіанскія Правительства все требуютъ казней и предпринимаютъ кровавые походы внутрь страны; главнымъ образомъ дѣйствуютъ въ этомъ направленіи нѣмцы, гораздо терпимѣе оказались изъ всѣхъ—американцы, какъ это и подобаешь, и по какому-то неожиданному благоразумію или мягкосердечію—русскіе; тѣ и другіе

даже отозвали изъ Китая свои войска. Въ Южной Африкѣ несчастнымъ героямъ-бурамъ приходится совсѣмъ плохо; герой Деветъ, какъ видно, ослабѣваетъ, а „просвѣщенные мореплаватели“ не жалѣютъ ни денегъ, ни людей, чтобы задавить геройскій народъ, отстаивающій свою независимость. Ни посредниковъ, ни защитниковъ у этого народа, для спасенія его отъ варварской расправы Англии, во всемъ просвѣщенномъ мірѣ не оказывается... Такъ дѣло идетъ въ началѣ двадцатаго вѣка въ чужихъ странахъ. А у насъ дома?! Во-первыхъ, новыя притѣсненія въ Финляндіи, у которой, какъ очевидно, хотять отнять всѣ ея вѣковыя права, чтобы она ничѣмъ не отличалась отъ безмолвствующихъ, пребывающихъ въ глубокомъ мракѣ, и то и дѣло голодающихъ, нашихъ російскихъ губерній. Во-вторыхъ, новыя покушенія убить и такъ уже умирающее земство: разосланъ пока еще проектъ инструкціи училищнымъ совѣтамъ, который обращаетъ эти совѣты, съ предсѣдателемъ—предводителемъ дворянства, съ представителями земства въ его составѣ, въ безправную канцелярію при полноправномъ владыкѣ-инспекторѣ. Земство и дворянство, конечно, протестуютъ, нѣтъ, не протестуютъ, а... ходатайствуютъ, какъ обыкновенно у насъ водится. Но главное то, что этотъ проектецъ очевидный намекъ на затаенное намѣреніе правительства отнять у земства народную школу—последнее живое дѣло, пока еще на немъ лежащее. Очевидно, что земство, какъ блѣдный призракъ ненавистнаго самоуправленія, хотять извести изморомъ, мало-по-малу прикрывая всѣ его функціи, одну за другой. Если школа народная, куда бы то ни было, уйдетъ отъ земства—тогда и ему, и этой школѣ капутъ. Съ болью сердца предвижу я это—и съ общей, и съ моей личной точки зрѣнія: вѣдь тогда и моя жизнь потеряетъ смыслъ, п. ч. оставаться при школѣ, руководимой попами или чиновниками, я не могу...

Въ третьихъ, студенческое движеніе охватило и Москву, и Петербургъ, вездѣ начались жестокія репрессіи, угроза солдатчиной, аресты, высылки и т. п. Жестокости, лицемѣрія, холопства—съ одной стороны, горячности и страданій—съ другой—и конца краю не видать. Въ школѣ у насъ дѣло пошло совсѣмъ хорошо. К. А. Мягкова оказалась даровитой и энергичной личностью, умѣющей увлекаться дѣломъ и увлекать другихъ. Дѣти оживились; наладились повторительныя занятія съ бывшими учениками, въ которыя вносятся много новаго, расширяющаго умственный кругозоръ слушателей, сильно заинтересовывающаго ихъ. По-моему именно такія, а не узко-повторительныя занятія и нужны для бывшихъ учениковъ школы, если мы хотимъ заинтересовать крестьянскую молодежь и двигать ее впередъ, не бесплодно затрачивая время и силы. Съ 7-го января начались спектакли народнаго театра, которые нынѣ, на мой взглядъ, шли прекрасно. Того же мнѣнія и Лариса Ивановна, руководящая ими съ прошедшаго года (я наслаждаюсь только въ качествѣ спокойнаго зрителя), и наши учительницы (К. А. Мягкова и Е. А. Шабашева), мнѣніе которыхъ особенно интересно, какъ людей новыхъ, никогда не выдавшихъ народнаго театра съ исполнителями изъ крестьянской молодежи... Кажется, мы окончательно побѣдили предубѣжденіе мѣстныхъ людей противъ театра: и зрителей—„стариковъ“ было больше, и замужнія получили разрѣшеніе играть на сценѣ,—и вотъ нынѣ у насъ были четыре замужнія актрисы. Да, это побѣда! Вотъ еще что интересно:

одинъ артистъ (Петръ Сезинъ) утромъ вѣнчался, а вечеромъ въ тотъ же день игралъ на сценѣ Сидорку („Сидоркино дѣло“ Аверкіева), да еще какъ игралъ-то! Прямо превосходно игралъ! Посѣтителей изъ города и окрестныхъ селеній было много; привозили ребятъ и изъ Малышева, и изъ Семилукъ, и даже изъ Ендовищей, Землянского уѣзда. И по содержанію, вышелъ одинъ изъ самыхъ удачныхъ сезоновъ: шутка-ли, играли „Женитьбу“ Гоголя, да еще и играли-то очень не дурно, а нѣкоторые роли сошли прямо художественно. Теперь пойдутъ вечера съ чтеніями, хорами, сценами, граммофономъ и свѣтовыми картинами. Когда все окончится, тогда занесу сюда репертуаръ этого года.

Получилъ я еще три (всѣхъ 5) приглашенія руководить курсами лѣтомъ этого года: изъ Александровска, Екатеринославской губерніи: отказался, изъ Бердянска, Таврической губерніи, и изъ Самары. Послѣднее приглашеніе мнѣ показалось симпатичнѣе: курсы предполагаются съ общеобразовательнымъ характеромъ, приглашаетъ земство, тогда какъ въ Бердянскѣ предполагаются тѣ обыкновенные курсы, отъ которыхъ я рѣшилъ уклоняться, о чемъ заявилъ еще въ моей вступительной рѣчи въ Одессѣ, да и приглашеніе я получилъ отъ г. Инспектора. Г. Инспекторъ пишетъ, что „онъ“ предполагаетъ устроить курсы, приглашаетъ меня и проситъ прислать ему программу. Имѣя въ виду всѣ эти условія, я послалъ свои условія въ Самару (довольно суровыя), а Бердянскому инспектору написалъ, что, не получивъ никакого приглашенія отъ земства, считаю не своевременнымъ входить въ переговоры о курсахъ съ кѣмъ то ни было. Изъ Самары немедленно телеграфировали, что принимаютъ всѣ мои условія и просятъ выслать программу, что я и сдѣлалъ немедленно. Тогда пришло приглашеніе и отъ Бердянскаго земства. Понятно, что я долженъ былъ отклонить это предложеніе, какъ запоздалое, да, говоря откровенно, и не симпатичное, и характеръ курсовъ мнѣ не нравится, и земство, которое все ввѣрило инспектору, мнѣ не симпатично. Въ отвѣтъ я подробно мотивировалъ свой отказъ. Значить, на это лѣто я остаюсь при Тамбовѣ (Іюнь, съ 2-го по 21) и Самарѣ (Іюль, съ 20-го по 12 Августа), если послѣдуетъ разрѣшеніе: Казанскій округъ (Самара) мнѣ пока совершенно чуждый,—пожалуй, взглянуть на меня недовѣрчиво.

С. Петино. 1901 г., марта 15-го.

Окончился нашъ театральнй сезонъ, на этотъ разъ обнаружившій большое движеніе впередъ: и репертуаръ былъ серьезнѣе, и исполненіе куда совершеннѣе прежняго, и отношеніе къ нему мѣстнаго населенія гораздо лучше. По обычаю, продолжаю лѣтопись нашего театра въ установленной формѣ.

Лѣтопись Петинскаго народнаго театра.

Годъ четырнадцатый, 1901.

(Въ томъ же помѣщеніи, ц. 1 к., 10 к., 20 к.)

Января 7 (90—1) „Не такъ живи“..., въ 10 разъ.

Января 14 (91—2) „Женитьба“ Гоголя, въ 1 р.

Января 21 (92—3) „Борись Годуновъ“, въ 3 р.

Января 28 (93—4) „Сидоркино дѣло“, комедія Аверкіева, въ 1 разъ.

Февраля 4 (94—5) „Сидоркино дѣло“, во 2 разъ.

Февраля 18 (95—6) Литературно-вокальный вечеръ съ участіемъ учениковъ (сцены и басни въ лицахъ и хоръ), въ 19 р.

Февраля 25 (96—7) То же 20 р.

Марта 4 (97—8) То же, въ 21 разъ.

Марта 11 (98—9) То же, въ 22 разъ.

Примѣчаніе: Ученики школы въ первый разъ нынѣ принимали участіе въ литературно-вокальныхъ вечерахъ. Исполненіе ими басенъ въ лицахъ и сценъ („Въ ночномъ“, „Маленькій мужичекъ“) было очень интересно и хорошо. Это было дѣло К. А. Мягковой, которая умѣетъ и оживить, и научить дѣтей, относящихся къ ней съ особенной довѣрчивостью и отлично понимающихъ ее. Это готовится новый контингентъ актеровъ.

Славныя дѣла у насъ творятся! Уже давненько держался слухъ, что гр. Л. Н. Толстой отлученъ отъ церкви, но не гласно, а втихомолку. „Воскресенье“, это удивительное произведеніе нашего гениальнаго соотечественника, напечатанное у насъ съ большими пропусками и искаженіями, но цѣликомъ изданное за границей Чертковымъ, такъ разозлило Побѣдоносцева, что онъ распорядился о гласномъ отлученіи великаго писателя Русской земли, возбуждая этимъ въ однихъ усиленный интересъ къ его произведеніямъ, въ другихъ усиленное озлобленіе противъ него. Нынѣ это негласное отлученіе стало гласнымъ: оно напечатано въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“, а изъ нихъ перешло во всѣ газеты. Какой это жалкій, двуличневый и характерный документъ! Между тѣмъ изъ Петербурга, да и изъ другихъ университетскихъ городовъ, получаютъ самыя печальныя, даже ужасныя, извѣстія: молодежь возмущается дикими порядками и всяческой неправдой, волнуется, протестуетъ открыто, честно протестуетъ, пренебрегая угрозами, не пугаясь даже „солдатчины“, которою ей грозятъ и которую уже осуществили въ Кіевѣ еще въ концѣ прошедшаго года; а власти не хотятъ, конечно, сдѣлать никакихъ уступокъ, не знаютъ и не хотятъ знать никакихъ мѣропріятій для успокоенія умовъ, кромѣ кулака... Полученныя мною частныя свѣдѣнія о томъ, что творилось въ Петербургѣ 19-го февраля (это въ великій-то день освобожденія) и особенно 4 марта, просто приводитъ въ ужасъ и въ озлобленіе. Борьба завязалась отчаянная. Дошло до террора. Въ концѣ февраля бывший студентъ Карповичъ, исключенный изъ двухъ университетовъ за участіе въ демонстраціяхъ, выстрѣлилъ въ Мин. Нар. Пр. Боголѣпова. Тогда же говорили, что онъ дѣлалъ это по назначенію, принося себя въ жертву. Рана оказалась опасною, и въ мартѣ министръ умеръ. А въ ночь съ 8-го на 9-ое марта нѣкто Лиговскій, служащій статистикомъ въ самарской губернской земской управѣ (о немъ изъ газетъ болѣе ничего не извѣстно,—вѣроятно, тоже изъ пострадавшихъ студентовъ), пустилъ съ улицы въ окно три выстрѣла въ Побѣдоносцева, но неудачно. Это подтверждаетъ слухи, что намѣчена казнь разстрѣляніемъ не одного Боголѣпова, но и другихъ недруговъ русской молодежи. Состоятъ ли эти дѣянія въ связи съ

студенческими движеніями,—это неизвѣстно, но что ихъ свяжутъ съ этими движеніями, это навѣрно. Ужъ и теперь въ правительственномъ сообщеніи о движеніяхъ въ Петербургѣ, Москвѣ и Харьковѣ студенты изображаются какими-то злодѣями, а полицейскіе чины, казацкіе и др. офицеры—жертвами; одно тутъ странно: что злодѣи, якобы избивающіе полицейскихъ чиновниковъ и офицеровъ, безоружные юноши, а жертвы — хорошо вооруженные возмужалые люди.

С. Петино. 1901 г., марта 19.

Почта принесла раздражающія извѣстія. Союзъ писателей, дерзнувшій выразить свое уваженіе Л. Н. Толстому, закрытъ по распоряженію градоначальника. Членъ государственнаго совѣта, князь Вяземскій, получилъ Высочайшій выговоръ за вмѣшательство въ распоряженія полиціи—конечно, во время избіенія студентовъ 4-го марта... Да, дѣло человѣчности и милосердія у насъ не одобряется: будь звѣрь, но ханжа и угодникъ не передъ Богомъ, а передъ полиціей!

Всякія собранія въ городахъ воспрещаются и будутъ беспощадно разгоняться нагайками и палками: это распоряженіе г. Сипягина. Вездѣ благодарственные молебны за спасеніе Побѣдоносцева. Шайка негодяевъ торжествуетъ.

Я получилъ еще приглашеніе руководить курсами (шестое) изъ Пскова, гдѣ будто-бы еще помнятъ и жаждутъ меня, моего слова. Но—уввы!—у меня уже нѣтъ свободнаго времени: я принужденъ уклониться.

Отлученіе отъ церкви Л. Н. Толстого такой возмутительный фактъ, что я рѣшился написать и послать адресъ съ выраженіемъ сочувствія ему, какъ провозвѣстнику „ученія правды и любви“, — конечно, не отъ себя только, а отъ значительной группы воронежскихъ людей. Адресъ этотъ я послалъ въ Воронежъ для собиранія подписей и для отправки. Не знаю, удастся ли собрать значительное число подписей. Вѣдь тусы у насъ люди, хотя чего боятся?

С. Петино. 1901 г., марта 28.

Получилъ еще приглашеніе руководить курсами—уже въ будущемъ году отъ Хотинскаго уѣзднаго земства, Бессарабской губерніи. Конечно, опредѣленнаго отвѣта дать не могу: очень ужъ заблаговременно это земство желаетъ записаться руководителемъ.

Вотъ еще новость: у насъ, наконецъ, убѣдились въ очевидныхъ недостаткахъ учебнаго строя въ Россіи и въ необходимости приступить немедленно „къ коренному его пересмотру и исправленію“, а для сего призываютъ въ министры народнаго просвѣщенія... бывшаго военнаго министра 79-ти лѣтняго Ванновскаго ¹⁾... Удивительно! Говорятъ, что это старецъ добрый, но Ванновскій и народное просвѣщеніе,—что между ними общаго?..

Вношу сюда и нашъ Воронежскій адресъ Л. Н. Толстому:

Л Е В Ъ Н И К О Л А Е В И Ч Ъ!

Въ наши скорбные дни, когда торжествуютъ всякія неправды и человѣконенавистническія чувства, позвольте жителямъ одной изъ глухихъ русскихъ

¹⁾ Съ кадетскимъ образованіемъ.

провинцій, людямъ разныхъ званій, состояній и возрастовъ, выразить вамъ чувство глубочайшаго уваженія и сердечной благодарности, какъ нашему дорогому учителю, возвѣщающему „любви и правды чистыя ученья“.

Вѣрьте, что мы хорошо понимаемъ высокій смыслъ этихъ ученій и стремимся проникнуться ими, сколько позволяютъ это намъ наши слабыя силы“!

Въ гектографическихъ спискахъ ходитъ отвѣтъ самого Л. Н. Толстого, отвѣтъ сильный и глубокий: Синодъ, конечно, не рѣшилъ печатать ни этого отвѣта, какъ напечаталъ письмо гр. С. А., ни своего возраженія прямо-таки невозможнаго. Это было бы слишкомъ рискованно. Вообще престижъ Л. Н., благодаря Синоду, сильно выросъ.

С. Петино. 1901 г., іюня 23.

Прошло 3 мѣсяца, какъ не писалъ я ничего въ эту книгу, а произошло не мало событій, требующихъ записи. Начну по порядку. Апрѣля 9-го въ актовомъ залѣ СПб. университета происходила сходка, съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія Ванновскаго, на которую, очевидно, возлагались большія надежды, какъ на умиротворяющее средство, почему и разрѣшили то, за что въ Кіевѣ сдавали студентовъ въ солдаты,—послѣдовательность удивительная! Въ Петербургѣ разрѣшили сходку, а кіевскихъ и другихъ студентовъ, пострадавшихъ именно за участіе въ сходкахъ, все-таки не возвратили изъ солдатчины. На сходку собралось болѣе 2.000 человекъ, а при окончательной баллотировкѣ оказалось 1.786 ч. Съ 10 ч. утра до 6 вечера продолжалось обсужденіе положенія дѣлъ. Собраніе остановилось на такой резолюціи, принятой большинствомъ: „Студенты СПб. Университета, вѣря благимъ начинаніямъ м. н. пр. и дабы дать ему возможность спокойно провести предстоящую реформу, рѣшили просить о прекращеніи занятій весной и о перенесеніи экзаменовъ на осень, когда студенты будутъ имѣть возможность держать ихъ вмѣстѣ съ возвращенными товарищами, такъ какъ экзамены въ настоящее время могутъ повести къ нежелательнымъ осложненіямъ“.

На другой день, на новой сходкѣ, былъ объявленъ отвѣтъ Ванновскаго, что никакихъ льготъ по отношенію къ экзаменамъ не будетъ, что экзамены начнутся съ 10-го числа, что уклоняющіеся отъ нихъ теряютъ годъ, что лица, которыя пытались-бы, путемъ обструкціи, мѣшать экзаменамъ, немедленно будутъ подвергнуты суду, а демонстраціи около дверей университета будутъ предупреждаемы и прекращаемы полицейскими мѣрами. Послѣдовало обсужденіе, и собраніе—уже не столь многочисленное—высказалось большинствомъ 587 голосовъ противъ 549 за недержаніе весной экзаменовъ, при чемъ предварительно подавляющимъ большинствомъ было рѣшено, что меньшинство должно подчиняться большинству. На эти рѣшенія нужно смотрѣть, какъ на голосъ всего университета, такъ какъ сходки были оффиціальныя. И все-таки экзамены начались съ 11-го числа, и наплisь студенты, которые измѣнили товариществу, экзаменовались и получали, конечно, удовлетворительные баллы—не за знанія, а за благонаравіе, въ смыслѣ измѣны товариществу и угодничества властямъ. Въ университетъ пускали только по билетамъ, не большими группами, отдѣльно на каждый факультетъ. Уличная демонстрація у Университета стала невозмож-

ной.—Тѣмъ пока дѣло и окончилось до осени. Студенты, вѣрные общему рѣшенію, стали разѣзжаться изъ СПб., а измѣнники остались пожинать дешевые лавры.

Училищный Совѣтъ, по обыкновенію, поручилъ мнѣ экзамены въ училищахъ—Петинскомъ, Дѣвицкомъ и Васильевскомъ.

Перехожу къ нѣкоторымъ важнымъ событіямъ въ моей личной жизни. Во-первыхъ, я попалъ въ число неблагонадежныхъ, что и выразилось устраненіемъ меня отъ руководства курсами. Изъ Тамбова мнѣ писали, что не могутъ дожидаться отзыва о моей личности отъ воронежскаго губернатора, и просили навести справки. Я навелъ (частнымъ путемъ). Сказали, что не получено необходимыхъ свѣдѣній. Потомъ сказали, что изъ департамента полиціи полученъ новый списокъ неблагонадежныхъ лицъ и что въ этотъ списокъ включенъ я. Тогда я немедленно написалъ и въ Тамбовъ, и въ Самару, что утверженіе меня въ качествѣ руководителя можетъ встрѣтить административныя затрудненія. Въ отвѣтъ изъ Тамбова получаю письмо, полное негодованія: Воронежскій губернаторъ (г. Слѣпцовъ) пишетъ, что назначеніе меня въ руководители курсовъ „нежелательно“. Возмущенные тамбовцы всячески старались разъяснить это дѣло. И я писалъ въ Петербургъ кое-кому. Оказалось, что Мин. Нар. Пр. ничего противъ меня не имѣетъ, что и губернаторъ ни при чемъ, а все дѣло идетъ изъ департамента полиціи. Я рѣшилъ махнуть рукой,—тѣмъ болѣе, что чувствовалъ потребность въ отдыхѣ, да и въ прошедшемъ году уже тяготился курсами въ томъ видѣ, какъ они практикуются въ настоящее время, а поставить ихъ иначе—не въ моей власти и не въ моихъ силахъ. Не даромъ я въ прошедшемъ году на открытіи курсовъ въ Одессѣ заявилъ громогласно, что это будутъ, вѣроятно, мои послѣдніе курсы. Не даромъ и мой одесскій отчетъ я закончилъ сомнѣніемъ въ цѣлесообразности руководимыхъ мною курсовъ:

„При открытіи курсовъ въ блестящемъ роскошномъ городѣ Одессѣ, въ его великолѣпной народной аудиторіи, я началъ мое вступительное слово заявленіемъ, что предстоящими занятіями намѣреваюсь закончить мою дѣятельность руководителя курсовъ, какъ они практикуются въ настоящее время. Теперь, задумываясь надъ моимъ отчетомъ объ Одесскихъ курсахъ, оживляя въ своей душѣ и всѣ трехнедѣльные занятія, и все многочисленное собраніе учителей и учительницъ, наполнявшее обширную аудиторію, я все-таки остаюсь при томъ же намѣреніи. Думается, что совсѣмъ не то нужно для современнаго русскаго учительства, съ его пытливой возбужденной мыслью, съ его жаждою знанія, съ потребностью живого дѣла, съ его горькимъ опытомъ и тяжелой жизнью. На курсы тратится такъ много хлопотъ, энергіи и вообще душевныхъ силъ, да не мало и денежныхъ средствъ: окупаются-ли всѣ эти затраты соответствующими результатами? Вотъ мучительный вопросъ, который я выношу со всѣхъ курсовъ, какими мнѣ приходится руководить въ послѣднее время“.

Всѣ эти мои прошлогоднія рѣчи оказались какъ бы пророческими. Разница только въ томъ, что я хотѣлъ „самъ“ остановиться, а выходитъ, что меня „другіе остановили“. Ну, что жъ, это и хорошо. Самому добровольно остановиться было бы трудно. Мнѣ и теперь, когда я читаю извѣстіе о курсахъ, происходящихъ въ разныхъ мѣстностяхъ, подъ руководствомъ другихъ лицъ, становится иногда

грустно: я втянулся въ это дѣло, привыкъ проводить лѣто среди работниковъ народной школы и работать дружно съ ними, привыкъ къ этому симпатичному обществу трудящейся молодежи, среди которой такъ хорошо жилось и въ Тамбовѣ, и въ Ярославлѣ, и въ Херсонѣ, и въ Одессѣ. Хорошо было, а все-таки пора, пора остановиться. Чего, можетъ быть, не въ состояніи былъ бы я сдѣлать самъ, поддаваясь разнымъ соблазнамъ, то сдѣлала грубая внѣшняя сила,— и хорошо. Грустно иногда бываетъ, но буду вѣрить, что все это къ лучшему. Вотъ что странно: долго не было извѣстій изъ Самары, но наконецъ управа увѣдомила, что она „не сомнѣвается“ въ разрѣшеніи курсовъ, которые и начнутся-де, какъ было предположено, 20-го іюля. Въ разрѣшеніи курсовъ не сомнѣваюсь и я, они разрѣшены и въ Тамбовѣ и начались, какъ было предположено, съ 1-го іюня. Но сомнѣваюсь, чтобы разрѣшили мнѣ быть руководителемъ: не разрѣшили въ Тамбовѣ, то же будетъ и съ Самарой. Ярославское губернское земство прислало мнѣ свою благодарность „за плодотворные труды на пользу ярославскаго учительства и ярославской народной школы въ качествѣ руководителя по родному языку на бывшихъ лѣтомъ въ г. Ярославлѣ педагогическихъ курсахъ“. Отвѣтилъ печатно черезъ „Сѣверный Край“, что успѣхъ курсовъ и плодотворные результаты ихъ, если они окажутся, всего больше зависятъ отъ учительства, на улучшеніе положенія котораго земству, прежде всего, и надо обратить вниманіе. Изъ Одессы получилъ привѣтственную телеграмму отъ учительства, съ директоромъ Уаровымъ и инспекторомъ Шпановскимъ во главѣ, изъ народной аудиторіи послѣ годичнаго акта училищъ одесскаго градоначальства. Отвѣтилъ печатно въ № 5513 „Одесскихъ Новостей“. Въ № 35 „Амурскаго Края“ за 1901 годъ напечатана корреспонденція изъ Воронежской губерніи „Театръ въ селѣ“, впечатлѣнія сельскаго учителя, очень тепло написанная и посвященная нашему театру, такъ что о нашемъ театрѣ нынѣ появились статьи во всѣхъ концахъ Россіи: въ Ярославлѣ („Сѣв. Край“ № 88 за 1901 г.—моя), въ Херсонѣ („Югъ“) № 878—моя (и даже въ Благовѣщенскѣ) „Амурскій Край“ № 35), да еще въ Петербургѣ („Русск. Нач. Уч.“ № 4—моя). Это хорошо. Надо всѣми мѣрами пропагандировать и отстаивать дѣло народнаго театра,—особенно въ виду грубыхъ выходовъ противъ него со стороны костромскаго архіерея, который увѣряетъ, что театръ даже хуже кабака, п. ч. кабакъ-де губить только тѣло, а театръ — душу! Пастырь! Диковинныя вещи открыто и беззастѣнчиво высказываются нынѣ на Руси. Вотъ это и есть самое ужасное, что нынѣ мы всякій стыдъ потеряли. Думали всякихъ гадостей и прежде, но хоть высказывать-то ихъ стыдились. Теперь и стыда не стало!

Хотя съ Самарой дѣло еще не рѣшено окончательно, все-таки я „отложилъ всякое попеченіе“ и весь сосредоточился на письменныхъ работахъ. Усердно заготовлялъ и заготовляю матеріалъ для задуманной книги для чтенія „Живое Слово“ и написалъ довольно много, кромѣ „Юга“ и „Сѣвернаго Края“ (о народномъ театрѣ), для „Рус. Нач. Уч.“, да еще приготовилъ для этого журнала „Избранныя сочиненія Гоголя“, со статьей и примѣчаніями, къ предстоящему въ 1902 году пятидесятилѣтію. Эти работы наполняли все то время, которое предполагалось отдать на приготовленіе къ курсамъ. — Затѣялъ я еще очень важное предпріятіе: мы живемъ на два дома, что весьма не удобно и расходи-

сто, вотъ я и задумалъ продать свою усадьяу, а купить у Ларисы Ивановны мѣсто, рядомъ съ ея усадьбой, и построить новый домъ—для школы и народнаго театра. Продажа, кажется, удалась: усадьба, съ 14 десятинами земли залогомъ продана за 14 тысячъ съ правомъ бесплатно пользоваться эту зиму школьнымъ и театральнымъ помѣщеніемъ. Купчую совершить не позже декабря. Строиться начну ранней весной, если дѣло о продажѣ не разстроится, а можно думать, что оно состоится своевременно. Покупательница А. М. Бѣлевцева, кажется, женщина хорошая. Между тѣмъ нѣкоторые знакомые стали убѣждать меня явиться на собраніе малоземельныхъ дворянъ для выбора уполномоченныхъ на выборы гласныхъ. Я до сихъ поръ сторонился отъ этого, но теперь, покончивъ съ курсами, рѣшилъ ѣхать. Вышло неожиданно удачно. Собраніе имѣло право выбрать 5 уполномоченныхъ, но выбрало только одного, и этимъ однимъ оказался я, всѣхъ остальныхъ забаллотировали, я же прошелъ очень хорошо 10-ю голосами изъ 16-ти. Какъ единый уполномоченный отъ группы малоземельныхъ, я уже не имѣлъ нравственнаго права уклоняться и отъ баллотировки въ уѣздные гласные. И опять вышла неожиданная для меня удача: меня выбрали и выбрали очень хорошо. Я получилъ 33 избирательныхъ изъ всѣхъ баллотировавшихся. Такимъ образомъ я становлюсь земскимъ дѣятелемъ, что очень кстати.

С. Петино. 1901 г., іюля 16.

Finita la comedia! Сегодня получилъ изъ Самары отъ Губернской управы телеграмму, что управляющій округомъ разрѣшаетъ курсы „съ условіемъ замѣны Бунакова другимъ лицомъ“. И горько, и хорошо.

С. Петино. 1901 г., августа 15.

Ужасный годъ! Масса тяжелыхъ впечатлѣній—и ничего отраднаго. Съ курсами—капуть, и все-таки этотъ „капуть“ внесъ въ душу мою много горечи. Горька эта невольная оторванность отъ учительской среды, съ которой я такъ сжился, въ которой такъ хорошо себя чувствовалъ. Вспомнишь Ярославль, Херсонъ, Одессу, чудные часы и глубокія впечатлѣнія происходившихъ послѣ курсовъ,—и невыразимая тоска щемитъ сердце...

Лѣто вышло необычайно жаркое и сухое. Урожай получился плохой. Мнѣ-то ничего, а крестьянамъ будетъ плохо. Зима предвидится очень трудная, голодная. Въ довершеніе всѣхъ золъ и тяжелыхъ впечатлѣній, 7-го августа въ Петинѣ у насъ произошло страшное бѣдствіе: пожаръ уничтожилъ 52 двора. Это былъ истинно ужасный пожаръ, который бросался изъ стороны въ сторону, хотя вѣтру, къ счастью, не было. Мой домъ и училище были окружены огнемъ; на гумнѣ сгорѣлъ скирдъ вики и стогъ сѣна, въ училищѣ всѣ стекла полопались отъ жару, обгорѣла одна рама; средствъ бороться съ огнемъ не было никакихъ, вода въ колодцахъ давно истошилась по причинѣ жаровъ, такъ что поливка въ саду, утратившемъ всю свою красоту, была давно прекращена,—и все-таки какимъ-то чудомъ мой домъ и училище уцѣлѣли. Я не оставлялъ жены, которая очень волновалась, и не зналъ, что дѣлается на моемъ дворѣ, а проходящіе

мимо говорили, что домъ священника сгорѣлъ, что и правда, что училище и мой домъ горять, что оказалось вздоромъ. Я на томъ и успокоился: ну, горить, такъ пусть,—тутъ ужъ бесполезно волноваться и скорбѣть, „дѣло, молю, Божье“. У многихъ крестьянъ сгорѣли не только дома, но и хлѣбъ, и кормъ для скота, и все имущество. Бѣдствіе страшное. Мы организовали кое-какую помощь: трудно помочь значительно пятидесяти семьямъ, но что можно, что по нашимъ силамъ и средствамъ—то сдѣлаемъ. Видъ пожарища наводитъ тоску. Каждый ударъ колокола пугаетъ.

С. Петино. 1901 г. X-26.

Ну, вотъ я дебютировалъ въ качествѣ гласнаго въ уѣздномъ земскомъ собраніи, происходившемъ [съ 1-го октября по 9-ое. Не скажу, чтобы я остался вполне доволенъ своимъ дебютомъ.

Лично ко мнѣ собраніе относилось очень довѣрчиво и съ достаточнымъ уваженіемъ. По вопросамъ народнаго образованія мои слова имѣли рѣшающее значеніе. Даже выбрали меня единогласно въ члены училищнаго совѣта, большимъ числомъ голосовъ—въ члены санитарнаго совѣта и въ губернскіе гласные. Думаю, что членомъ училищнаго совѣта губернаторъ меня не утвердитъ, да пожалуй и въ санитарный совѣтъ едва-ли допуститъ. А губернскимъ гласнымъ ужъ придется быть и, слѣдовательно, съ 25 ноября по 15 декабря пробывать въ Воронежѣ. Словомъ, я съ перваго раза долженъ окунуться во всѣ земскія дѣла. Ну, что жъ, будемъ дѣйствовать по мѣрѣ силъ. Думаю, что втянусь въ дѣло, войду въ курсъ, —и тогда, можетъ быть, перестану впадать въ промахи, неизбежныя въ незнакомомъ дѣлѣ. Октября 22 у насъ, по обыкновенію, въ школѣ происходилъ актъ. На актѣ происходило то же, что и всегда, по такой программѣ:

1. Хоръ изъ бывшихъ учениковъ пропѣлъ „Царю Небесный“.
 2. Я читалъ выдержки изъ отчета, дополняя ихъ объясненіями.
 3. Раздавали подъ музыку (Симфоніонъ) свидѣтельства, похвальные листы, книжки, тетради, карандаши и проч.
 4. Хоръ знаменской церкви (граммофонъ) пропѣлъ „Хвалите имя Господне“.
 5. Ученикъ Давыдовъ прочиталъ сочиненіе о Крыловѣ.
 6. Дѣти изображали въ лицахъ первую группу басенъ Крылова.
 7. Дѣтскій хоръ пропѣлъ: Ахъ „березынька“... и „Во полѣ береза“...
 8. Дѣти изображали въ лицахъ вторую группу басенъ Крылова.
 9. Хоръ изъ бывшихъ учениковъ пропѣлъ: „Господь твори добро народу“.
 10. Хоръ знаменской церкви (граммофонъ) пропѣлъ „Достойно“...
- Затѣмъ слѣдовало угощеніе и продолжительная бесѣда съ пріѣзжими гостями.

Въ общемъ вышло хорошо и весело.

Декабря 20. 1901 г. С. Петино.

Только-что возвратился изъ Воронежа съ губернскаго земскаго собранія, которое открылось 25 ноября и окончилось 15-го декабря: это былъ уже настоящій дебютъ мой, какъ земскаго гласнаго. Я воочию видѣлъ россійское само-

управленіе и принималъ въ немъ участіе, какъ гласный. Дебютъ былъ удаченъ. Говорять (если вѣрять), я занялъ видное мѣсто въ средѣ нашихъ губернскихъ гласныхъ, оживилъ собраніе, впустилъ въ него свѣжую, живую струю, что мои рѣчи не остались и безъ практическихъ послѣдствій. Но прежде, чѣмъ говорить объ этомъ, возвращаюсь назадъ, къ времени передъ моимъ отъѣздомъ изъ Петина. Благодаря живости и энергіи К. А. Мягковой, нынѣ мы особенно рано открыли дѣятельность нашего народнаго театра: 18 ноября у насъ уже состоялся вечеръ въ память Никитина (40 лѣтъ со дня его смерти), на который собралось довольно народу изъ Петина и изъ сосѣднихъ селъ. Вечеръ удался, но еще болѣе удалась живая бесѣда послѣ вечера. Программа вечера была такая:

1. Оркестръ (граммофонъ).
2. О Никитинѣ. Рѣчь Н. Ѳ. Бунакова.
3. „Жена ямщика“ Никитина, въ лицахъ. Дѣти, ученики школы.
4. „Бурлакъ“, ст. Никитина, читалъ Ив. Протопоповъ, одинъ изъ нашихъ актеровъ.
5. „Утро на берегу озера“. Тріо: двѣ Мягковы и О. М. Золотыхъ.
6. Оркестръ (граммофонъ).

Антрактъ.

1. Оркестръ (граммофонъ).
2. „Ссора“, ст. Никитина—К. А. Мягкова.
3. „Соха“, Никитина: хоръ подъ управленіемъ доморощеннаго регента Н Сезина. Пѣль прекрасно.
4. „Выѣздъ ямщика“. Хоръ дѣтей.
5. „Дѣлежъ“, ст. Никитина, читалъ Ив. Протопоповъ.
6. „Погость“, ст. Никитина. Хоръ дѣтей.
7. „Вырыта заступомъ яма глубокая“, прочиталъ бывшій ученикъ Дочкинъ и прочиталъ замѣчательно хорошо, что было даже неожиданно, если имѣть въ виду характеръ и содержаніе пьесы, мало доступной пониманію дѣтскаго возраста.
8. Оркестръ (граммофонъ).

Кромѣ того, пользуясь случаемъ, гость В. Петр. Андреевъ (фельдшеръ) въ антрактѣ разсказалъ о заразныхъ болѣзняхъ въ виду разыгравшагося у насъ дифтерита,—но разсказалъ не важно, хотя съ большими претензіями.—Теперь о земскомъ собраніи. Въ общемъ оно мнѣ не особенно понравилось. Преобладаютъ чиновники и землевладѣльцы съ бюрократическими замашками, карьеристы и тупицы. Свободныхъ людей мало, свободныхъ идей того меньше, да мало и свободныхъ денегъ. Поэтому, нѣтъ ни размаха, ни живого дѣла, а такъ формализмъ, интриги, подвохи, отсутствіе живого интереса. Предсѣдатель, губернской предводитель дворянства, Н. И. Шидловскій—въ своемъ родѣ типическая личность. Это юркій маленькій человѣчекъ, съ выразительнымъ, нѣсколько злымъ лицомъ, съ властнымъ взглядомъ и рѣзкимъ голосомъ, всегда въ форменномъ фракѣ со свѣтлыми пуговицами. Онъ очень уменъ, но это умъ безплодный, умъ карьериста-ракаліи, практическаго дѣльца, умѣющаго придать

приличную форму самому гаденькому дѣлу. Онъ обладаетъ и характеромъ, но характеромъ карьериста, упорно и послѣдовательно ведущаго „свою линію“. Онъ мастерски ведетъ земское собраніе въ смыслѣ дисциплины, ловко направляя его рѣшенія и дебаты къ намѣченной точкѣ; но все это дѣлаетъ въ приличной формѣ, такъ что лишь свѣжему человѣку замѣтенъ его плутоватый гнетъ. Большинство собранія, очень похожее на стадо барановъ, вполне довольно имъ и даже гордится своимъ предсѣдателемъ,—тѣмъ болѣе, что передъ этимъ предсѣдательствовалъ совершенный олухъ, нѣкто г. Сомовъ, года два тому назадъ сошедшій со сцены—вѣроятно, безвозвратно.

Открытіе земскаго собранія происходило 25 ноября: собралось человѣкъ 70 гласныхъ, явился предсѣдатель, послали за губернаторомъ. Этотъ господинъ высокій и прямой, точно проглотившій аршинъ, съ безцвѣтнымъ глуповатымъ лицомъ, какъ-то козыремъ влетѣлъ въ залъ, и объявилъ собраніе открытымъ—и такъ же козыремъ вылетѣлъ вонъ, сіяя глупостью и полу-дѣтскимъ наивнымъ сознаніемъ исполненнаго долга. Начались занятія, но въ общемъ шли вяло. Выдалось нѣсколько вопросовъ, вызвавшихъ болѣе или менѣе оживленные разговоры.

Вопросъ о лѣтнихъ ясляхъ для крестьянскихъ дѣтей, къ которымъ, въ ихъ настоящемъ видѣ и при современномъ положеніи нашего крестьянства, которое одной рукой подкармливаютъ, а другой порютъ, отношусь отрицательно какъ къ модной игрушкѣ и лицемѣрію. Вопросъ о временныхъ педагогическихъ курсахъ для учителей и учительницъ. Я настаивалъ на необходимости придать этимъ курсамъ общеобразовательный характеръ, что и удалось.

Вопросъ о періодическихъ прибавкахъ къ жалованію лицъ, служащихъ въ Управѣ, который я отстаивалъ всѣми силами, но безуспѣшно.

Вопросъ объ ознаменованіи 40-лѣтія освобожденія крестьянъ. Я предложилъ ознаменовать это событіе учрежденіемъ народныхъ школъ высшаго типа, чтобы дополнить внѣшнее освобожденіе народа тѣмъ внутреннимъ освобожденіемъ—отъ преданій темной старины, отъ невѣжества и предрасудковъ, которое можетъ совершить только школа съ широкой программой и общеобразовательнымъ характеромъ. Я предлагалъ гг. гласнымъ (исключительно дворянамъ) прежде всего самимъ освободиться отъ предрасудковъ и преданій темной старины, отъ мертвящаго бюрократизма и дворянской невѣжественной спеси—и честно дать народу не одну грамотность, какую даетъ ему современная убогая земская школа, а истинный свѣтъ знанія и науки. Это мое предложеніе имѣло успѣхъ.

Вопросъ о международной больницѣ. Седьмой вопросъ былъ поднятъ мной въ послѣдній день (15 декабря), который вообще вышелъ скандальный и очень неприятный для нашего бюрократа-предсѣдателя. Я заявилъ, что желаю сдѣлать предложеніе, когда приступили къ послѣднему докладу ревизіонной комиссіи, въ число членовъ которой попалъ и я (по избранію).—„О чемъ будетъ предложеніе“?—По поводу 50-лѣтія со дня смерти Гоголя; оно не требуетъ никакихъ ассигновокъ и расходовъ.—„Прекрасно,—такъ вотъ, какъ окончимъ послѣдній докладъ“.—Кончили. Мнѣ дано слово. Но это слово, при всей его умѣренности и воздержанности, оказалось такимъ горькимъ для г-на предсѣдателя, что онъ все время корчился и безпрестанно закрывалъ лицо руками. Очевидно, онъ

ожидалъ совсѣмъ не того, что услышалъ, а остановить меня не рѣшался потому, что уже дѣлалъ такую попытку по отношенію ко мнѣ: тогда я растерялся съ перваго раза по неожиданности, но потомъ нѣсколько разъ пускалъ по этому поводу шпильки. Онъ чуялъ, что во второй разъ я уже не растеряюсь, что готовъ къ отпору,—ну, вотъ потому и корчился, но терпѣлъ.

Привожу мою рѣчь полностью по стенограммѣ:

„Господа гласные! Теперь, когда наша работа пришла къ концу, я позволю себѣ сдѣлать одно скромное предложеніе.

„Прежде всего спѣшу успокоить васъ, что предложеніе мое ни съ какими расходами и ассигновками не соединено, что оно, такъ сказать, совершенно „безденежное“ предложеніе.

„Въ будущемъ году, 21 февраля, исполнится 50-лѣтіе со дня кончины Н. В. Гоголя. Просматривая газеты, мы видимъ, что всѣ земскія собранія и городскія самоуправленія Россіи уже озабочены, какъ бы достойно почтить въ этотъ день память великаго русскаго писателя и учителя жизни. Къ сожалѣнію, въ Воронежѣ и въ Воронежской губерніи до сихъ поръ такой заботы не замѣчается. Это, конечно, очень грустно.

„Какъ всѣмъ намъ хорошо извѣстно, Гоголь создавалъ свои бессмертные отрицательные типы, напримѣръ, Чичикова или Плюшкина, не съ тѣмъ, чтобы дать намъ этими типами образцы, къ которымъ мы должны стремиться, а тѣмъ болѣе не для того, чтобы мы изъ своихъ дѣтей приготавливали новыхъ Плюшкиныхъ и новыхъ Чичиковыхъ. Нѣтъ, совершенно напротивъ. Я человѣкъ достаточно пожившій. Я имѣлъ возможность наблюдать, какъ въ свое время, при появленіи въ свѣтъ „Мертвыхъ душъ“, дѣйствовали на тогдашнихъ мыслящихъ русскихъ людей отрицательные типы Гоголя: они вызывали въ нашихъ душахъ свѣтлый идеальный образъ истиннаго человѣка, безкорыстнаго, любящаго, одушевленнаго работника на общее благо, честнаго гражданина.—Надо сказать, что то было жестокое время, одно воспоминаніе о которомъ приводитъ въ содроганіе. Это была одна изъ тѣхъ мрачныхъ эпохъ, когда уровень идеальныхъ представленій въ обществѣ понижается ужасающимъ образомъ, когда всплываютъ на поверхность самые низменные идеалы и стремленія. Но и въ такія эпохи въ немногихъ личностяхъ сохраняется живой родникъ, который наконецъ прорывается наружу, бьетъ могучимъ ключомъ и въ своемъ широкомъ разливѣ захватываетъ задремавшее общество, пробуждая въ немъ чистыя человѣческія чувствованія и свѣтлые идеальные образы. Въ этомъ смыслѣ я и понимаю, какъ 2—3 праведника, т. е. 2—3 человѣка съ возвышенными идеалами, могутъ спасти отъ гибели цѣлый развращенный городъ, т. е. цѣлое общество съ низменными, пошлыми, ничтожными идеалами. Къ числу такихъ праведниковъ, безъ сомнѣнія, принадлежит и Гоголь. Потому-то даже въ то мрачное время все-таки были невозможны нѣкоторыя явленія, мимо которыхъ мы теперь проходимъ равнодушно и безмолвно. Приведу примѣръ. Въ будущемъ же году, когда мы собираемся чествовать память Гоголя, создавшаго отрицательные типы Чичикова и Плюшкина, въ этомъ самомъ году у насъ предполагаютъ открывать, такъ называемые, „школьныя кассы“,—и въ среднихъ, и въ низшихъ

школахъ ¹⁾. Посредствомъ этихъ кассъ предполагается прививать нашимъ дѣтямъ и дѣтямъ нашего народа бережливость и предупредить расточительность, приучая ихъ откладывать копейки, пятачки, гривеннички, какіе являются въ ихъ распоряженіи, съ самыхъ раннихъ лѣтъ втягивая ихъ въ это копление, всячески поощряя такое копление.

Но съ нравственно-педагогической точки зрѣнія дѣло представляется нѣсколько иначе. Привьемъ ли мы нашимъ дѣтямъ разумную бережливость, искусственно привлекая ихъ къ копленію рублей, гривенниковъ, пятачковъ, копеекъ,—это остается подъ большимъ сомнѣніемъ. Но что этимъ путемъ мы можемъ привить дѣтямъ низменное стремленіе къ наживѣ, къ крохоборству, къ пріобрѣтенію, безъ различія и разбора средствъ и путей, жадность къ наживѣ, зависть и многое другое, о чемъ даже и подумать страшно,—это, кажется, не подлежитъ сомнѣнію. И вотъ, когда я подумаю, что будетъ съ этими дѣтьми, отроками, юношами, которымъ мы будемъ искусственно, съ самаго ранняго возраста, въ школѣ прививать, подъ видомъ бережливости, вкусъ къ неразборчивому крохоборству, къ наживѣ, къ пріобрѣтенію,—мнѣ представляется самая безотрадная картина. Мнѣ видится группа русскихъ дѣтей, отроковъ, юношей, совершенно поглощенныхъ идеей пріобрѣтенія и наживы. Они толкуютъ между собой не о ребячьихъ забавахъ и геройскихъ, хотя бы сказочныхъ, подвигахъ, не „о Шиллерѣ, о славѣ, о любви“, какъ толковали сверстники Пушкина,—нѣтъ, они серьезно и съ увлеченіемъ разговариваютъ о томъ, у кого сколько скоплено рублей и копеекъ, сколько причитается на эти деньги процентовъ, потому что предполагается, что они будутъ откладывать свои копейки, пятачки, гривеннички не въ простую копилку, а въ такую, гдѣ будутъ насчитываться на нихъ проценты. Мнѣ видится, что дѣти наши сперва откладываютъ только свои свободныя деньги, но потомъ, по мѣрѣ того, какъ ими овладѣваетъ бѣсъ наживы и соперничества пріобрѣтенія, начинаютъ отказывать себѣ и въ завтракъ, и въ естественной радости помочь бѣдному товарищу, и во многомъ необходимомъ или хорошемъ, лишь бы увеличить сумму своей наживы. Но этого мало. Жадность къ наживѣ растетъ. Возбуждается усиленная зависть малоимущаго къ счастливымъ, скопившимъ больше. Появляется изобрѣтательность въ придумываніи школьныхъ промышленныхъ операций, какія изобрѣталъ въ школѣ П. И. Чичиковъ. Появляется и придумываніе наиболѣе безопасныхъ способовъ присвоить или похитить и чужія деньги. Мнѣ представляются юноши, въ которыхъ выпотрошены, убиты всякія свѣтлыя идеальныя стремленія,—все поглощено однимъ стремленіемъ копить и высчитывать тѣ проценты, которые на-ростутъ на эти накопленія... Какой ужасъ! Да вѣдь это юные Чичиковы и Плюшкины! Вотъ я предлагаю вамъ почтить память Гоголя хоть бы прямымъ, открытымъ, рѣшительнымъ заявленіемъ желательности, чтобы „школьныя кассы“ были отмѣнены, какъ мѣропріятіе, которое грозитъ дѣтямъ нашимъ и дѣтямъ нашего народа худшей изъ бѣдъ—растлѣніемъ ихъ душъ!“ ²⁾.

¹⁾ Нововведеніе мудраго министра нар. пр. генерала Ванновскаго, задуманное имъ по приглашенію съ Витте: это ли не министерство развращенія?

²⁾ Изъ этой рѣчи я составилъ еще фельетонъ—разказъ „Разговоръ о школьныхъ кассахъ“, который напечаталъ въ „Югѣ“, посвятивъ его „моимъ херсонскимъ друзьямъ“: „Югъ“ за 1902 г. № 1123.

Какъ ни корчился г. предсѣдатель, но не рѣшился меня остановить: онъ какъ будто махнулъ рукой, питая увѣренность, что предложеніе мое провалится. Такъ думалъ и я самъ. Но предсѣдатель ошибся, а я нѣсколько удовлетворился, когда съ хоръ раздались дружныя рукоплесканія по моему адресу. Предсѣдатель крикнулъ на публику, довольно грубо угрожая ей изгнаніемъ. Я сѣлъ и ждалъ спокойно провала. Но, къ моему удивленію и къ наибольшей досадѣ г. предсѣдателя, который таки свелъ мое предложеніе—на ходатайство объ отмѣнѣ школьныхъ кассъ, большинство приняло мое предложеніе,—не особенно большое, но значительное. Какъ же было не злиться нашему бюрократу-предсѣдателю: подъ его предсѣдательствомъ и руководствомъ вдругъ порицается распоряженіе правительства, этому порицанію аплодируютъ, и земское собраніе дерзаетъ ходатайствовать объ отмѣнѣ правительственнаго распоряженія! Не ужасъ ли? А онъ только-что отказался отъ смоленскаго губернаторства, рассчитывая получить нѣчто болѣе интересное въ Петербургѣ. Скандаль! Скандаль!

Утомленный жизнью въ городѣ и продолжительнымъ нервнымъ напряженіемъ въ земскомъ собраніи, я долженъ былъ пожить въ городѣ еще нѣсколько дней, надѣясь окончить дѣло съ покупателями моей усадьбы и съ подрядчикомъ по постройкѣ новаго зданія для театра и школы. Но и то, и другое пока не состоялось. И я, и жена, оба мы рвались поскорѣе домой въ Петино. Поѣздку въ Петербургъ пришлось отложить за недостаткомъ времени. А возвращеніемъ въ Петино надо было спѣшить. Стояло тепло, пошли дожди, страшно было, что санный путь пропадетъ, да чего добраго и Донъ вскрыется, и мостъ черезъ него сломаютъ. Вотъ мы и поспѣшили въ Петино къ нашимъ обычнымъ занятіямъ. Расчетъ съ Полубояриновымъ придется сдѣлать по перепискѣ, отъ столичныхъ театровъ отказаться... Что сказать по вопросу, доволенъ ли я, что сталъ земскимъ гласнымъ?—Все-таки доволенъ. По новости много я сдѣлалъ промаховъ, безтактностей, но все-таки поставилъ себя сносно и отъ всѣхъ видѣлъ къ себѣ хорошее отношеніе. Если все пройдетъ благополучно, въ будущемъ буду дѣйствовать тактичнѣе, осмотрительнѣе,—и съ большимъ успѣхомъ. Но членомъ училищнаго совѣта теперь меня ужъ не утвердятъ. Запросъ обо мнѣ по этому поводу пошелъ въ Петербургъ, но послѣднее мое предложеніе о школьныхъ кассахъ навѣрно испортило все.

С. Петино. 1901 г., декабря 30.

Еще годъ уходитъ въ вѣчность. Плохой, безрадостный былъ годъ и для всего міра, и для матушки Россіи, и для меня, многогрѣшнаго,—плохой именно по той причинѣ, что не было въ немъ ни живого движенія, ни мертваго покоя, всѣ дѣла все время оставались въ томъ неопредѣленномъ положеніи, которое характеризуется поговоркой „ни тпру, ни ну“. Въ этомъ положеніи остался китайскій вопросъ; въ этомъ же стоитъ вопросъ южно-африканскій.

У насъ, въ Россіи, въ этомъ положеніи остается университетскій вопросъ, да и вообще вопросъ о преобразованіи школы. А это вопросы, роковые для Россіи.

Разсказывая о земскихъ собраніяхъ, я опустилъ одинъ очень важный

эпизодъ, въ связи съ которымъ и состояло мое послѣднее предложеніе. Наканунѣ закрытія собранія—я и еще нѣкоторые гласные получили тайнственное гектографированное письмо слѣдующаго содержанія (повидимому—изъ Харькова): „М. Г.! Тяжкія условія, въ которыхъ поставлена въ настоящее время Россія и русское земство, побуждаютъ обратиться къ вамъ, М. Г., съ настоящимъ письмомъ, въ предположеніи встрѣтить съ вашей стороны сочувствіе высказаннымъ здѣсь мыслямъ и намѣреніямъ.

„1. Длинный рядъ печальныхъ и возмутительныхъ фактовъ, молчаливыми свидѣтелями которыхъ мы были за послѣднее время, мрачной тучей тяготѣетъ надъ общественной совѣстью, и передъ каждымъ интеллигентомъ ребромъ ставитъ роковой вопросъ: возможно ли далѣе политически бѣдствовать и тѣмъ пассивно участвовать въ прогрессирующемъ обнищаніи и развращеніи родины?

„Хроническіе неурожаи и непосильное податное бремя въ видѣ огромныхъ выкупныхъ платежей и накладныхъ сборовъ буквально разорило народъ, вырождая его физически. Фактическое же лишеніе крестьянства всякаго признака самоуправленія, мелочная опека оффиціальныхъ и добровольныхъ представителей „твердой власти“ и искусственная умственная голодовка, въ которой держать народъ непрощенные блюстители „самобытныхъ и исконныхъ началъ“, ослабляютъ его духовную мощь, его самодѣятельность и энергію.

„Производительныя силы страны нагло расхищаются отечественными и иноземными „дѣятелями“ при милостивомъ содѣйствіи играющихъ судьбами родины авантюристовъ.

„Тщетно „благодѣтельное“ правительство рядомъ мѣропріятій, одно другому противорѣчащихъ и наскоро придуманныхъ, силится замѣнить живую и планомерную борьбу экономическихъ группъ страны. Попечительное „содѣйствіе“ и „усмотрѣніе“ безсильны передъ зловѣщими предтечами хозяйственнаго и финансоваго банкротства Россіи: земледѣльческимъ, промышленнымъ и денежнымъ кризисами—блестящими результатами политики случая и авантюры. Печать задушена и лишена возможности пролить свѣтъ хотя бы на часть преступленій, ежечасно совершаемыхъ „защитниками порядка“ надъ свободой, достояніемъ и честью русскихъ гражданъ. Одинъ произволь, бессмысленный и жестокой, властно возвышаетъ свой голосъ и царитъ на всемъ необъятномъ пространствѣ разоренной, униженной и оскорбленной родной земли, не встрѣчая нигдѣ должнаго отпора.

„2. При такомъ положеніи вещей вполнѣ естественно систематическое недобріе правительства къ проявленіямъ частной и общественной инициативы, къ дѣятельности всякаго рода общественныхъ союзовъ, и въ частности къ земскимъ учрежденіямъ, — этому камню, на которомъ Россія 60-хъ годовъ чаяла увидѣть утвержденіе новаго царства. Торжествующей бюрократіей земскія учрежденія осуждены на медленную смерть, и каждый годъ наноситъ ударъ ихъ жизнедѣятельности, ихъ значенію и авторитету въ глазахъ общества и народа, который почти не отличаетъ земства отъ чиновной администраціи. Земскія собранія превращены въ сословно-бюрократическія совѣщанія вопреки ясно выраженному протесту всѣхъ прогрессивныхъ группъ страны и потеряли всякую связь съ массою русскаго народа. Земскія управы стали придатками губернаторскихъ кан-

целярій и, теряя въ самостоятельности, постепенно пріобрѣтають всѣ недостатки присутственнаго мѣста. Земскія избирательныя собранія низведены до какой-то комедіи. Малочисленность избирателей и дѣленіе послѣднихъ на сословныя группы, не давая собраніямъ возможности служить средствомъ для выраженія въ лицѣ избранныхъ гласныхъ различныхъ общественныхъ интересовъ, превращаютъ ихъ въ арену борьбы мелкихъ и личныхъ самолюбій. Предѣлы вѣдѣнія земскихъ учрежденій ограничиваются постепенно, но неуклонно. Продовольственное дѣло изъ компетенціи земства изъято. Въ дѣлѣ оцѣнки земство превращено въ исполнителя чиновничьихъ распоряженій. Въ области народнаго образованія роль земства сведена почти къ нулю. Выработанный министерствомъ Горемыкина врачебный уставъ формально не отмѣненъ и, какъ Дамокловъ мечъ, виситъ надъ земскою медициною. Черный призракъ наказа училищнымъ совѣтамъ, по видимому, разсѣялся. Но земство ничѣмъ не гарантировано отъ новаго появленія этого призрака, но уже воплощеннаго въ форму закона и связанной съ нимъ окончательной гибели земской народной школы. Взаимныя сношенія земскихъ учрежденій разныхъ губерній, необходимость которыхъ стала избитымъ общимъ мѣстомъ, встрѣчаютъ новое затрудненіе въ послѣднемъ циркулярѣ Мин. Вн. Дѣлъ по этому предмету. Каждый шагъ земства, какъ общественнаго учрежденія, связанъ сложной паутиной многочисленныхъ циркуляровъ различныхъ министровъ, и земскому дѣятелю, при проведеніи въ жизнь той или другой мѣры, приходится затрачивать немало времени, энергіи и остроумія на неблагоприятный трудъ распутыванія этой паутины. Пресловутая 87-ая статья земскаго положенія и особенно второй ея пунктъ отдаетъ всю дѣятельность земства на усмотрѣніе губернатора.

„Губернаторскія ревизіи земскихъ управъ все учащаются; въ лицѣ непремѣнныхъ членовъ Губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія правительство безцеремонно учреждаетъ гласный полицейскій надзоръ за земствомъ. Изданіемъ закона о предѣльности земскаго обложенія правительство открыто признается въ своемъ крайнемъ недовѣрїи къ основному праву земства,—праву самообложенія. Подъ диктовку департамента полиціи отъ земской дѣятельности насильственно отрываются лучшіе земскіе работники,—выбранные и наемные. Въ недалекомъ будущемъ, вѣроятно, получаютъ силу закона министерскіе проекты о контролированіи денежныхъ операцій земства чинами государственнаго контроля и объ „упорядоченіи“ дѣятельности земскихъ совѣщательныхъ комиссій. Земскія ходатайства не только не удовлетворяются, но даже не рассматриваются установленнымъ для того порядкомъ и небрежно отклоняются единственно властью министра. Работать при такихъ условіяхъ въ земствѣ, съ серьезной вѣрой въ плодотворность этой работы, представляется невозможнымъ. И на нашихъ глазахъ проходитъ процессъ все увеличивающагося оскудѣнія земской среды и въ особенности земскихъ исполнительныхъ органовъ—управъ. Уходятъ изъ земства люди, горячо преданные земскому дѣлу, но утратившіе вѣру въ плодотворность работы при нынѣшнихъ условіяхъ. И на смѣну имъ идетъ земецъ новой формаціи, идутъ оппортунисты, трусливо дрожащіе за имя, за форму земскихъ учрежденій и окончательно уничтожающіе ихъ достоинство уродливымъ пресмыканіемъ передъ администраціей. Въ результатѣ полу-

чается то внутреннее разложение земства, которое гораздо хуже формального уничтоженія самоуправленія.

„Открытый походъ правительства противъ самой идеи земства могъ бы привести къ широкому общественному возбужденію, котораго такъ боится бюрократія. Но на нашихъ глазахъ производится замаскированное умерщвление принципа самоуправления, и оно, къ несчастію, не встрѣчаетъ организованнаго отпора. При такомъ положеніи вещей сравнительная ничтожность матеріальныхъ итоговъ въ земской дѣятельности нисколько не восполняется ея воспитательнымъ значеніемъ, и почти 40-лѣтняя работа земскихъ учреждений, въ смыслѣ развитія гражданственности, общественнаго самосознанія и самодѣятельности, можетъ пропасть безслѣдно для ближайшаго будущаго. Съ этой точки зрѣнія спокойное покорное ожиданіе оппортунистовъ-земцевъ только содѣйствуетъ безславной и бесполезной смерти великой идеи земскихъ учреждений. Вывести земство изъ того тупика, куда привела его система опеки, возможно лишь, энергично борясь противъ нелѣпой мысли, что обсужденіе вопросовъ, выходящихъ за предѣлы мелочной мѣстной жизни, грозитъ народными бѣдствіями. Борьба съ этимъ жупеломъ, страшнымъ, конечно, для народа и государственной безопасности, съ этой мыслью, нелѣпость которой цинично признается самими ея защитниками (см. конфиденціальную записку Витте „Самодержавіе и земство“), земству надлежитъ путемъ открытаго и смѣлаго обсужденія въ земскихъ собраніяхъ вопросовъ общегосударственнаго значенія, тѣсно связанныхъ съ нуждами и пользами мѣстнаго населенія. И чѣмъ разностороннѣе, полнѣе и энергичнѣе будутъ земскія собранія обсуждать такого рода вопросы, тѣмъ съ большей очевидностью обнаружится, что публичное обсужденіе нашихъ народныхъ золъ не грозитъ народными бѣдствіями, а, наоборотъ, предупреждаетъ ихъ, что тотъ гнетъ, подъ которымъ находится въ настоящее время печать, полезень лишь врагамъ народа, что господствующей полиціей мысли и слова нельзя создать честныхъ гражданъ, что законность и свобода не находятся въ противорѣчій другъ съ другомъ. Публичное выясненіе всѣхъ публичныхъ вопросовъ одновременно въ нѣсколькихъ губернскихъ земскихъ собраніяхъ встрѣтитъ несомнѣнно сильнѣйшее сочувствіе всѣхъ слоевъ народа и вызоветъ энергичную работу общественной совѣсти.

„Если же земство ничѣмъ не реагируетъ на современное критическое положеніе Россіи, то, конечно, гг. Сипягины и Витте, отнявъ у него роль представителя интересовъ народа, не задумаются привести въ соотвѣтствіе съ общимъ „строемъ учреждений имперіи“ его окончательно. Какія формы приметъ это „соотвѣтствіе“, принимая во вниманіе глубокомысліе и изобрѣтательность теперешнихъ правителей страны, мы положительно отказываемся представить себѣ. Вѣдь хватило же наглости у г. министра внутреннихъ дѣлъ и удивительнаго презрѣнія къ первенствующему сословію имперіи, чтобы возложить на его избранниковъ—предводителей дворянства—гнусную роль шпионовъ по надзору за чтецами и „существомъ“ народныхъ чтеній.

„По изложеннымъ соображеніямъ мы полагаемъ, что наше бѣдствіе и дальнѣйшее смиренное подчиненіе всѣмъ экспериментамъ, которымъ бюрократія подвергаетъ земство и всю Россію, представляется не только своего рода само-

убійствомъ, но и тяжелымъ преступленіемъ передъ родной страной. Неосновательность, безуміе тактики оппортунизма—продажа первородства за „чечевичную похлебку“—достаточно доказаны намъ жизнью: самодержавная бюрократія, присвоивъ сначала право первородства, отняла теперь у насъ и чечевичную похлебку“....

Въ концѣ концовъ это письмо, подписанное „старыми земцами“ и страдающее однимъ существеннымъ недостаткомъ—растянутостью и ненужнымъ, (довольно бѣднымъ) пережевываніемъ очевидныхъ и простыхъ вещей, предлагаетъ слѣдующее: оказать содѣйствіе въ настоящую сессию губернскаго земскаго собранія, возбужденію, обсужденію и принятію соотвѣтственнымъ постановленій по нижеслѣдующимъ вопросамъ:

1. О пересмотрѣ положенія о земскихъ учрежденіяхъ и объ измѣненіи его въ смыслѣ: а) предоставленія одинаковыхъ избирательныхъ правъ всѣмъ группамъ населенія, безъ всякихъ сословныхъ различій, при условіи значительнаго пониженія имущественнаго избирательнаго ценза, б) устраненія изъ состава земства сословныхъ представителей, какъ таковыхъ, в) освобожденія земства во всѣхъ его дѣйствіяхъ отъ опеки администраціи, предоставленія земству полной самостоятельности во всѣхъ мѣстныхъ дѣлахъ, при условіи подчиненія его законамъ страны на общихъ основаніяхъ со всѣми прочими лицами и учрежденіями, г) расширенія компетенціи земства предоставленіемъ ему полной самостоятельности во всѣхъ мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ, на сколько онѣ не нарушаютъ интересовъ всего государства, д) отмѣны закона предѣльности земскаго обложенія, е) предоставленія земству самыхъ широкихъ правъ въ дѣлѣ распространенія всѣми способами народнаго образованія, при чемъ, кромѣ хозяйственныхъ заботъ, земству должно быть предоставлено право наблюденія и улучшенія учебной части, ж) отмѣны вышеупомянутаго врачебнаго устава, угрожающаго земской медицинѣ, з) возвращенія въ руки земства продовольственнаго дѣла, а равно и предоставленія ему полной самостоятельности въ организаціи земско-статистическаго оцѣночнаго дѣла, и) веденіе всего земскаго дѣла исключительно черезъ выборныхъ земскихъ людей, которые не должны подлежать утвержденію администраціи, а тѣмъ болѣе не должны быть назначаемы помимо воли земскихъ собраній, і) предоставленія права земству приглашать земскихъ служащихъ исключительно по своему усмотрѣнію безъ утвержденія администраціи, к) предоставленія права земству свободно обсуждать всѣ общегосударственные вопросы, имѣющіе отношеніе къ мѣстнымъ пользамъ и нуждамъ, при чемъ возбуждаемыя земствомъ ходатайства обязательно должны быть разсматриваемы высшими правительственными учрежденіями, въ теченіе опредѣленнаго срока, л) предоставленія всѣмъ земствамъ права сноситься между собою, а равно устраивать сѣзды земскихъ представителей для обсужденія вопросовъ, касающихся всѣхъ и нѣсколькихъ земствъ.

2. О пересмотрѣ и измѣненіи положенія о крестьянахъ въ смыслѣ полного уравненія ихъ правъ съ правами прочихъ сословій.

3) Объ измѣненіи податной системы въ смыслѣ уравненія податнаго бремени посредствомъ прогрессивнаго обложенія доходности имуществъ и при условіи освобожденія отъ обложенія извѣстныхъ минимальныхъ доходовъ.

4. О возстановленіи повсемѣстно мировыхъ учреждений, а равно объ отмѣнѣ всѣхъ законовъ, ограничивающихъ компетенцію суда присяжныхъ.

5. О предоставленіи бѣльшей свободы печати и о необходимости уничтоженія предварительной цензуры, объ измѣненіи цензурнаго устава въ смыслѣ опредѣленнаго и точнаго указація того, что можно, и чего нельзя печатать, устраненіи административнаго произвола въ цензурной практикѣ, о передачѣ объ всѣхъ дѣлѣ о преступленіяхъ въ печати исключительно вѣдѣнію гласнаго суда общихъ судебныхъ установленій.

6. О пересмотрѣ существующихъ законовъ и министерскихъ распоряженій относительно мѣръ охраненія государственной безопасности, объ устраненіи въ этомъ дѣлѣ тайнаго административнаго „усмотрѣнія“ и о гласномъ разсмотрѣніи всѣхъ дѣлѣ подобнаго рода въ общихъ судебныхъ учрежденіяхъ“.

Я цѣликомъ привелъ первую половину письма, потому что она даетъ очень вѣрную характеристику современнаго положенія нашего земства. Что касается практическихъ вопросовъ, поставленныхъ въ концѣ письма и тоже выписанныхъ мною, то позднее полученіе письма исключало всякую возможность предпринять что-либо во время исходящей сесіи. Можно было только потолковать кое съ кѣмъ изъ гласныхъ относительно сесіи будущаго года, да позондировать почву.

Ну, собирались, читали письмо, толковали, но пока не пришли ни къ чему опредѣленному. Все-таки я рѣшилъ позондировать почву,—и вотъ 15 декабря поставилъ вопросъ о школьныхъ кассахъ, который считалъ рискованнымъ,—во-первыхъ, какъ вопросъ не мѣстный, а общегосударственный, во-вторыхъ, какъ вопросъ, тѣсно связанный съ порицаемъ правительственнаго мѣропріятія; въ третьихъ, какъ вопросъ, долженствующій вызвать со стороны предсѣдателя стремленіе провалить его и осрамить меня.

Какъ я уже говорилъ, это ему не удалось, и я считаю, что произведенное мною зондированіе почвы дало благопріятныя показанія для возбужденія въ будущемъ году хоть нѣкоторыхъ вопросовъ, поставленныхъ въ письмѣ „старыхъ земцевъ“. Конечно, я мало вѣрю, чтобы путемъ „ходатайствъ“ можно было бы чего-нибудь добиться. Мало вѣрю и единомушію русскихъ земствъ: мы, русскіе люди, вообще страдаемъ недостаткомъ солидарности и сплоченности; у насъ все—„кто въ лѣсъ, кто по дрова“. Поэтому, самой важной и необходимой пропагандой у насъ надо признать пропаганду солидарности; когда она сдѣлаетъ свое дѣло, сплотить, объединить, тогда будутъ возможны какіе-нибудь серьезные и обильные результаты дѣйствія.

С. Петино. 1901 г., декабря 31.

Наша К. А. Мягкова, по энергіи и способностямъ, прямо рѣдкая дѣвушка. Мы вчера были свидѣтелями этого. Она устроила вчера очень интересный дѣтскій спектакль: дѣти прекрасно исполняли въ помѣщеніи нашего народнаго театра „Пройдоху“, при чемъ зрительный залъ былъ наполненъ школьниками и ихъ родственниками. Восторгу дѣтей не было конца. Послѣ спектакля пошли въ школу, гдѣ была очищена большая классная комната. Хоръ пѣлъ веселыя пѣсни, дѣти бѣгали, плясали топали, кричали. К. А. Мягкова и въ театрѣ, и

въ этомъ дѣтскомъ весельѣ была душой, тоже беззавѣтно и неумышленно отдаваясь веселью. Конечно, дѣтямъ было предложено угощеніе. Нѣкоторые мальчики вставали на табуретъ и говорили стихи. Словомъ, получился веселый и неординарный школьный праздникъ, не имѣющій ничего общаго съ шаблонными рождественскими елками, какія мнѣ приходилось видать и въ Воронежѣ, и въ Петербургѣ. Было до того весело, что забыли раздать дѣтямъ приготовленныя мной книжки. Ну, ничего, мы ихъ раздадимъ независимо отъ этого праздника...

Сегодня встрѣчать новый годъ... Дай Богъ, чтобы онъ для всѣхъ былъ лучше проходящаго! Такую надежду мнѣ внушаетъ измѣнившаяся погода: все шли дожди, дорога пропадала, страшно было перебираться черезъ Донъ, а сегодня—„морозъ и солнце,—день чудесный!“

XX.

Годъ Гоголя.

1902.

„Горькимъ словомъ моимъ посмѣются“.

Ликвидационный годъ. 1903. „Противъ рожна трудно прати“.

С. Петино. 1902 г., января 5.

Вотъ начался и второй годъ двадцатаго столѣтія. Начался онъ въ моей жизни опять-таки ударами во вкусъ прошедшаго года. Членомъ училищнаго совѣта меня не утвердили, какъ я и ожидалъ. Въ сущности, это хорошо, п. ч. я въ этомъ совѣтѣ попалъ бы въ неблагопріятную среду: я былъ бы тамъ одинъ противъ всѣхъ и нажилъ бы новыхъ враговъ и недоброжелателей, а ихъ у меня и безъ того довольно. Сдѣлать что-нибудь едва ли удалось бы, а волненій и побоищъ было бы много. Съ точки зрѣнія самолюбія, мнѣ пріятно, что земское собраніе избрало меня единогласно, а что не утвердилъ чиновникъ, носящій фамилію „Слѣпцовъ“ и титуль „губернатора“, это скорѣе лестно, нежели обидно. Такое отношеніе ко мнѣ администраціи воронежской и петербургской (г. Слѣпцовъ спрашивался въ Петербургѣ, какъ ему поступить относительно избранія меня въ учительскій совѣтъ) только развязываетъ мнѣ руки и языкъ для будущаго земскаго собранія: я уже не буду сдерживаться, какъ дѣлалъ это въ 1901 году. Чертъ съ ними! озлобили они меня до послѣдней крайности.

С. Петино. 1902 г., января 21.

Опять приглашаютъ въ Александровскъ и въ Самару на курсы. Я написалъ, что готовъ, но не надѣюсь, чтобы меня пустили. Посмотримъ, что будетъ. Готовиться и собираться не буду, п. ч. надеждъ не питаю, да, право — какъ

будто и не желаю: быть сдержаннымъ и лукавымъ я не могу, а прежняя откровенность и смѣлость приведетъ, пожалуй, къ недобрымъ результатамъ. Главное, — боюсь, чтобы меня не оторвали отъ петинскихъ дѣлъ, которыми живу и безъ которыхъ мнѣ прямо кажутъ. Вотъ и теперь я поглощенъ нашимъ народнымъ театромъ: съ 6-го начались спектакли и идутъ очень хорошо. Съѣздъ публики большой, и актеры наши видимо совершенствуются. Нынѣ поставили „Майскую ночь“ въ обработкѣ, которая болѣе соотвѣтствуетъ повѣсти Гоголя ¹⁾, и „Женитьбу Бальзамина“ Островскаго. Такъ какъ годъ Гоголевскій, то, кромѣ „Майской ночи“, идетъ опять и „Женитьба“. Мечтали о „Ревизорѣ“, но наша труппа не достаточно многолюдна и сцена тѣсна.

Кромѣ того, усердно работаю надъ книгой для чтенія, которую хочу назвать „Живое Слово“ и посвятить памяти Пушкина и Ушинскаго, что и выражу эпиграфами: „Глаголомъ жги сердца людей!“ (Пушкинъ) „Родное слово великій народный педагогъ“ (Ушинскій). Еще послалъ въ „Югъ“ фельетончикъ „Разговоръ о школьныхъ кассахъ“, въ которомъ все тѣ же мои мысли о школьныхъ кассахъ провожу въ формѣ разговора и съ большой дозой ироніи по отношенію къ современной русской жизни. Не знаю, пройдетъ ли этотъ разговоръ благополучно сквозь Херсонскую цензуру. У насъ и въ столицахъ-то съ печатью не церемонятся: закрыта газета „Россія“, издатель и отвѣтственный редакторъ улетѣлъ въ Нижній, сотрудникъ Амфитеатровъ — въ Иркутскъ. Все это безъ всякаго суда, въ одинъ моментъ. Появилось въ газетахъ только объявленіе отъ конторы, что газета пріостановилась по случаю выѣзда (?) изъ Петербурга редактора (Сазонова), и больше ничего. Нѣтъ даже оффиціального сообщенія о закрытіи газеты на основаніи такой-то статьи, какъ бывало прежде. Всю эту исторію вызвалъ фельетонъ Амфитеатрова въ № 13 „Семейство Обмановыхъ“. У меня въ рукахъ онъ былъ на полчаса, я прочиталъ его наскоро и долженъ былъ возвратитъ, п. ч. онъ долженъ совершать дальнѣйшее путешествіе изъ рукъ въ руки.

Разсказываютъ о какой-то петиціи, исходящей изъ 40 духовныхъ семинарій, требующей сокращенія въ семинаріяхъ богословскихъ наукъ, расширенія общеобразовательнаго курса, большей свободы для учащихся и... удаленія Побѣдоносцева! Извѣстіе объ этомъ, говорятъ, привезъ въ Воронежъ окружной инспекторъ, пріѣхавшій для ревизіи мин. нар. пр. Вотъ куда перемахнуло современное движеніе молодежи! Посмотримъ, что изъ этого выйдетъ. Очевидно, что мы живемъ въ неспокойное время, и никакое давленіе, никакія репрессіи движенія не могутъ остановить, — именно потому, что это „живое“ движеніе, т. е. движеніе, самой жизни, которая претъ и ломитъ на пути всѣ преграды.

С. Петин, 1902 г., января 28.

Удивительно: я опять получаю приглашеніе руководить курсами, какъ будто земства не знаютъ, или не хотятъ знать о наложенномъ на меня запрещеніи. Получилъ очень любезныя и лестныя приглашенія — изъ Твери и изъ

¹⁾ Сравнительно съ той, какую мы ставили прежде.

Владимира. Написалъ то же, что и въ Самару: готовъ, но сомнѣваюсь, чтобы меня разрѣшили; если устроите, къ вашимъ услугамъ. Вчера приѣзжіе посѣтители нашего театра сообщили, что въ № „Россіи“ отъ 15-го было продолженіе „Семейства Обмановыхъ“, — еще болѣе хлесткое, чѣмъ начало, но этотъ № былъ задержанъ уже на почтѣ и по Русской землѣ не разошелся. Трудно достать не то что подлинникъ, но и рукописную копію, которая, вѣроятно, появится.

С. Петино. 1902 г., февраля 6.

Еще приглашеніе на курсы: въ Тулу. Отвѣчалъ все то же: согласенъ, но едва-ли разрѣшать, хлопчите.

Только-что отправилъ отвѣтъ на предложеніе изъ Тулы, поздно вечеромъ получаю съ нарочнымъ телеграмму, присланную на станцію Латная (Курско-Воронежской желѣзн. дор.), адресованную мнѣ въ с. Петино. Признаюсь, я испугался. Распечатываю: изъ г. Уфы, Губернская Управа предлагаетъ „руководить курсами въ іюнѣ-іюлѣ, отвѣтъ уплаченъ“. Это ужъ шестое (и надѣюсь послѣднее) приглашеніе. Отвѣчаю: „согласенъ есть затрудненія, подробно письмомъ“. Немедленно же отправляю и письмо, разъясняя предстоящія затрудненія (на счетъ утвержденія меня). Выходитъ, что я принялъ всѣ 6 предложеній, но съ одной оговоркой. Думаю, что изъ всѣхъ шести моихъ согласій ничего не выйдетъ. Но я всѣмъ назначилъ срокъ для окончательнаго рѣшенія: 1-ое мая. Какому земству удастся преодолѣть административныя препятствія и какое раньше увѣдомитъ меня объ этомъ, туда и поѣду. Конечно, больше двоихъ курсовъ на себя не возьму, а вѣрнѣе, что ни однихъ брать не придется, п. ч. административная опала, постигшая меня (неизвѣстно — за что), продолжается; иначе я бы былъ утвержденъ членомъ училищнаго совѣта. Признаюсь, Уфа для меня особенно соблазнительна: я не бывалъ въ томъ краю, а край интересный; прокатился бы на пароходѣ по Волгѣ, Камѣ и Бѣлой, и поработалъ бы всласть, и отдохнулъ бы хорошо на пароходѣ. Но — увы! — все это „мечты, мечты, гдѣ ваша сладость!“ Надо съ этимъ помириться и не роптать: что дѣлать, „плетью обуха не перешибешь“.

С. Петино. 1902 г., марта 23.

Получилъ и еще два приглашенія на курсы—изъ Рязани и изъ Ярославля. Отвѣчалъ все то же, но съ большей откровенностью. А изъ Самары предлагаютъ мѣсто преподавателя педагогики и руководителя практическими занятіями въ мѣстной женской учительской семинаріи съ содержаніемъ въ 2.400 р., — въ семинаріи, которую хотятъ преобразовать и въ которую намѣреваются вдохнуть живую душу привлеченіемъ такого-де талантливаго и опытнаго педагога (это меня-то). Если самъ не соглашусь, просятъ кого-нибудь рекомендовать. Я, конечно, отказался, п. ч. не могу бросить своего живого дѣла въ Петинѣ.

У меня теперь идетъ дѣятельная и порядочно надоѣвшая мнѣ переписка съ Тверью, Владиміромъ, Тулой и Рязанью на счетъ курсовъ: изъ восьми городовъ, приглашавшихъ меня въ этомъ году, эти все высказываютъ увѣренность,

что я буду утвержденъ руководителемъ. А я все сомнѣваюсь и пишу: добьетесь, — откуда получу раньше такое увѣдомленіе, туда и поѣду. Самара, Уфа, Ярославль и Александровскъ, кажется, отступились. Я желалъ бы, чтобы отступились и всѣ. Говоря по правдѣ, мнѣ и не хочется опять приниматься за дѣло, отъ котораго я уже отсталъ—хотя поневолѣ, но охотно: я усталъ. А главное,— въ этомъ году мнѣ не слѣдовало бы уѣзжать на лѣто изъ Петина: съ марта у насъ началась постройка грандіознаго „народнаго дома“, который долженъ вмѣстить въ себѣ и школу, и театръ, и библіотеку, и чайную. С. А. Мысловскій составилъ превосходный проектъ. Нашелся хорошій подрядчикъ, который взялся выполнить дѣло за 13.000; съ разными добавками все дѣло мнѣ обойдется въ 16.000, — я продалъ старую усадьбу за 14.000, — значитъ, изъ своихъ средствъ придется добавить 2.000 рублей. Затрата порядочная, но зато дѣло выйдетъ грандіозное.

Нашъ театральный сезонъ прошелъ блистательно, но закончился очень тяжелой и горькой катастрофой. По обыкновенію, вношу сюда продолженіе нашей театральной лѣтописи.

Лѣтопись Петинскаго народнаго театра.

Годъ пятнадцатый. 1902.

(Въ томъ же помѣщеніи: 1 к., 10 к., 20 к.)

Ноября (1901 г.) 18 (99—1). Память Никитина. Литературно-вокальный вечеръ въ 23 разъ.

Января 6 (100—2). „Лѣкаръ поневолѣ“. Мольера, въ 6 разъ.

Января 13 (101—3) „Женитьба“. Гоголя, во 2 разъ.

Января 20 (102—4). „Майская ночь“, изъ повѣсти Гоголя, въ 3 разъ.

Января 27 (103—5). „Сидоркино дѣло“, въ 3 р.

Февраля 3 (104—6). „Женитьба Бальзамина“. Островскаго, въ 1 р.

Февраля 10 (105—7). „Майская ночь“, въ 4 р.

Февраля 17 (106—8). „Женитьба Бальзамина“, во 2 разъ.

Февраля 21. Юбилей Гоголя, по случаю 50 лѣтія со дня его смерти:

1) Литературно-вокальное утро ¹⁾. (107—9) 2) „Женитьба“, въ 3 разъ.

Марта 3 (108—10). Литературно-вокальный вечеръ, въ 24 разъ.

Марта 7 (109—11). Литературно-вокальный вечеръ, въ 25 разъ.

Марта 14 (110—12). Литературно-вокальный вечеръ, въ 26 разъ.

Сезонъ вышелъ обильный и очень удачный, но окончился плачевно. Особенно удачно шла комедія Островскаго „Женитьба Бальзамина“, въ которой главную роль съ необыкновеннымъ мастерствомъ, истинно-талантливо, выполнялъ И. К. Протопоповъ, вдругъ выдвинувшійся изъ всей труппы какъ пониманіемъ выпавшихъ на него ролей, такъ и художественно-правдивымъ, проникно-

¹⁾ Бъ сожалѣнію, не удалось раздать нашимъ грамотеямъ „Избранныя сочиненія Гоголя“, издаванныя редакціей „Рус. Нар. Уч.“, редактированныя мной, съ моей статьей и моими примѣчаніями: сто пятьдесятъ экземпляровъ книги я получилъ на другой день,—ну, раздадимъ послѣ.

веннымъ выполненіемъ ихъ. Это былъ такой Бальзаминовъ, такой Яичница въ „Женитьбѣ“ Гоголя, такой портной въ „Сидоркиномъ дѣлѣ“, что лучшаго исполненія этихъ ролей я никогда не видалъ, вѣроятно, и никогда не увижу, да и не только лучшаго, даже и равносильнаго. Но этотъ-то нашъ любимецъ, гордость и красота нашей труппы, и огорчилъ насъ напоследокъ, — огорчилъ страшно, непоправимо: онъ добровольно покончилъ съ собой и сошелъ не только съ нашей сцены, но и со сцены земной жизни. Еще въ концѣ того года въ немъ замѣчалось какое-то уныніе, какая-то растерянность. Напрасно мы спрашивали его о причинѣ этого унынія: умный, даровитый, очень развитой, онъ отличался всегда замкнутостью. По окончаніи театральнаго сезона уныніе и растерянность достигли крайняго развитія; „совсѣмъ здоровъ, говорилъ онъ, а точно потерялъ что, мѣста не нахожу“. Большую роль тутъ играла наслѣдственность: мать его умерла психически больной, отецъ алкоголикъ, но не менѣе большую—и неудовлетворенность жизнью, сѣрою и монотонною жизнью бѣднаго русскаго мужика. Какъ бы то ни было, въ одно прекрасное утро (марта 17-го) онъ выпроводилъ изъ хаты отца подъ какимъ-то предлогомъ—и повѣсилъ. Извѣстіе объ этомъ навело на всѣхъ насъ глубокое уныніе. Потеря невознаградимая,—и юношу жаль до смерти. До сихъ поръ не могу вспоминать о немъ безъ слезъ. Много передумалъ я о томъ, не повинны ли въ его печальномъ концѣ мы, которые такъ усердно стараемся вносить кое-какіе лучи свѣта въ наше обездоленное крестьянство, въ его горькую, темную, безрадостную жизнь. Думалъ-думалъ и пришелъ къ тому заключенію, что нѣтъ на насъ вины. Мы дѣлаемъ и даже должны дѣлать свое дѣло,—это нашъ нравственный долгъ, а что постепенное просвѣтленіе крестьянской массы будетъ сопровождаться неизбежными жертвами,—это не наша вина, это не должно останавливать насъ. Вотъ съ продажей моей Петинской усадьбы, включая сюда помѣщеніе школы и театра, я прибрѣлъ десятину земли у моей жены, рядомъ съ ея усадьбой, гдѣ живу и я, и приступилъ къ постройкѣ обширнаго и грандіознаго „народнаго дома“, въ которомъ предполагалась и школа, и театръ, и чайная, и бібліотека,—неужели такіе факты, какъ самоубійство одного талантливаго юноши, должны смутить меня?—Нѣтъ, оплачемъ жертву безотрадной и беспощадной жизни—и будемъ бодро, настойчиво, неуклонно идти все по той же дорогѣ, будемъ продолжать свое дѣло! Домъ мнѣ обойдется тысячъ въ 16 (за усадьбу я получилъ, вѣрнѣе долженъ получить, п. ч. на 5 тысячъ мнѣ дали вексель, 14 тысячъ), но зато и хорошъ будетъ этотъ домъ, проектъ котораго принадлежитъ творчеству талантливаго инженера С. Л. Мысловскаго. Конечно, дѣло вѣнчаетъ конецъ, но, судя по тому, что сдѣлано теперь (а сдѣлано довольно много), зданіе будетъ прекрасное.

Съ курсами дѣло, кажется, покончено: несмотря на согласіе попечителя округа, я не могу быть утвержденъ руководителемъ курсовъ, какъ выражается директоръ училищъ Тульской губерніи. Ну, и пусть. Я махнулъ рукой на всѣ курсы и теперь уже окончательно буду уклоняться отъ нихъ. Во-первыхъ, будетъ, пора остановиться. Во-вторыхъ, въ переживаемое время едва-ли и возможны сколько-нибудь живые курсы: вездѣ неспокойно, вездѣ волненія, и въ средѣ молодежи, особенно университетской, и въ средѣ рабочихъ, и въ крестьян-

ствѣ; правительство насторожѣ, всего опасается, всѣхъ подозрѣваетъ, живое свободное слово едва-ли возможно, а безъ этого какіе же могутъ быть курсы? Вести же дѣло по данному узкому шаблону—я не могу и не желаю.

Село Петиво. 1902 г., апрѣля 9-го.

Произошло событіе, сильно взволновавшее всю Россію: неизвѣстный господинъ (говорятъ, уже не молодой) ¹⁾ убилъ четырьмя выстрѣлами изъ револьвера министра внутреннихъ дѣлъ Сипягина. Дѣло совершилось въ Маріинскомъ дворцѣ, передъ засѣданіемъ комитета министровъ. Неизвѣстный пріѣхалъ въ каретѣ, одѣтый въ военную адъютантскую форму, одной рукой подалъ министру пакетъ съ прошеніемъ, а другой рукой пустилъ одну за другой четыре пули. Черезъ часъ министра не стало. Ужасное и въ то же время таинственное дѣло. Газетныя извѣстія очень кратки и неопредѣленны...

1902 г., мая 9-го.

Слѣдомъ за убійствомъ Сипягина произошла отставка Ванновскаго и Мѣщанинова ²⁾, говорятъ—подготовленная Сипягинымъ. Потеря, въ существѣ, небольшая, п. ч. трудно было ожидать дѣльныхъ и серьезныхъ реформъ отъ бывшаго и довольно тупого военнаго министра въ области народнаго просвѣщенія. Но все-таки надо ждать и вообще пріостановки всякихъ преобразованій, необходимость которыхъ всѣми сознается и чувствуется. Управление министерствомъ возложено на второго товарища Ванновскаго—Зенгера, бывшаго попечителя варшавскаго округа—говорятъ, заядлаго классика, котораго сейчасъ же взяли подъ свое покровительство „Московскія Вѣдомости“. Ждутъ быстро возвращенія вспять, о „коренной реформѣ“ и „сердечномъ отношеніи“ уже нѣтъ и рѣчи. Замѣчательна эта быстрая смѣна вѣяній, это метанье изъ стороны въ сторону, эта странная непослѣдовательность: явные признаки слабости, недоумѣнія, какихъ-то полудѣтскихъ страховъ...

Моя рѣчь о школьныхъ кассахъ попала въ журналы—„Образованіе“ и „Божій Міръ“, даже въ „Трезвость и Бережливость“ и вызвала немало комплиментовъ по моему адресу. „Божій Міръ“ даже произвелъ меня въ пророки, п. ч. появились гдѣ-то фактическія сообщенія о томъ, что мои предвидѣнія на счетъ правительственнаго вліянія школьныхъ кассъ уже оправдываются. Словомъ, моя рѣчь имѣла большой успѣхъ, произвела нѣкоторую сенсацію. Не менѣе того произвело нѣкоторый шумъ мое препирательство объ одесскихъ курсахъ 1900 года. Дѣло вотъ въ чемъ. Въ № 81 газеты „Донская Рѣчь“ за этотъ годъ я случайно прочиталъ статейку „По поводу педагогическихъ курсовъ подъ руководствомъ Н. О. Бунакова“. Оказалось, что это воспроизведены замѣчанія ученаго комитета Мин. Нар. Просвѣщенія, разсматривавшаго какой-то отчетъ о моихъ курсахъ въ Одессѣ (но не мой отчетъ, п. ч. въ томъ отчетѣ довольно-таки нахальнаго вранья: вѣрнѣе, что это былъ не отчетъ, а лакейскій доносъ). Это замѣчанія, достаточно глупыя и вздорныя, „Донская Рѣчь“ перепечатала

¹⁾ Вздоръ, оказалось, совсѣмъ молодой.

²⁾ Приглашенный Ванновскимъ товарищъ министра.

изъ „Одесскихъ Новостей“. Я воспользовался этою перепечаткой, какъ статьей „Донской Рѣчи“, и послалъ въ 5 газетъ очень рѣзкій отвѣтъ, указывая на нелѣпость и вздорность всѣхъ упрековъ по моему адресу. Если бы это былъ отвѣтъ Учен. Ком. Мин. Нар. Пр., его, конечно, не рискнула бы напечатать ни одна газета, да и цензура не пропустила бы: на этотъ счетъ теперь у насъ строго. Но я не упомянулъ ни Уч. Ком., ни Мин. Нар. Пр., а говорилъ только о статьѣ газеты, уличая ее въ глупости, вздорности и непониманіи дѣла. И вотъ моя рѣзкая статья, съ нѣкоторыми варіаціями, появилась, въ „Югѣ“, въ „Одесскихъ Новостяхъ“ (это было для меня особенно важно, п. ч. я хотѣлъ выяснитъ дѣло преимущественно для херсонскаго земства, одесскаго градоначальства и для людей того края: „Югъ“ № 1184: „О грѣхахъ Одесскихъ курсовъ 1900 года“. „Одесскія Новости“ (№ не помню), въ „Сѣверномъ Краѣ“ (№ 105, „Правда объ Одесскихъ курсахъ 1900 г.“), въ „Донской Рѣчи“ (№ 105, „Письмо въ Редакцію“). Только „Русскія Вѣдомости“ не рѣшились напечатать мою статью цѣликомъ (о, святая и мудрая осторожность!), а напечатали выдержки изъ „Одесскихъ Новостей“, но съ самыми лестными комплиментами по моему адресу (№ 119). Выбраны самыя многозначительныя и рѣзкія мѣста, но подъ предлогомъ перепечатки изъ „Одесскихъ Новостей“, мудрая московская газета оградила себя отъ всякой отвѣтственности. Характерный поступокъ! Но я вполне удовлетворенъ: и въ замѣчаніяхъ ученаго комитета, подъ видомъ упрековъ, высказаны (конечно—ненамѣренно и безсознательно) прямо похвалы по моему адресу, въ родѣ того, что я больше занимался вопросами „о воспитательно-образовательныхъ средствахъ воздѣйствія на учениковъ“, нежели вопросами „учительской техники“, и я отпарировалъ подобныя упреки достаточно сильно и рѣзко, т. е. въ сущности надавалъ хорошихъ щелчковъ и лжеученому комитету, и секретному репортеру, который постарался науськать на меня сей дурацкій ареопагъ. Говорятъ, что я, такимъ образомъ, самъ себѣ закрылъ дорогу, ну, и пусть. Лучше такимъ образомъ, т. е. съ нѣкоторымъ тріумфомъ, сойти со сцены, нежели „за негодностью“. Вотъ теперь тульское земство, получивъ увѣдомленіе, что меня не утверждаютъ руководителемъ курсовъ, а вмѣсто меня предлагаютъ (выборъ г. директора) какого-то г. Андреева, постановило: вовсе не устраивать курсовъ до болѣе благопріятнаго времени. А тверское ко мнѣ же обратилось съ просьбой—рекомендовать кого-нибудь на мое мѣсто. Я указалъ на Тихомирова и Вахтерова, но въ виду современныхъ обстоятельствъ посоветовалъ отказаться отъ курсовъ до лучшихъ временъ, а не бросать безъ пользы земскихъ денегъ, п. ч. Тихомирова и Вахтерова, вѣроятно, такъ же не допустятъ, какъ и меня. Живые, интересные и полезные курсы въ настоящее время невозможны, и бросанье денегъ на это дѣло—прямо преступленіе противъ земскихъ интересовъ. Я кончаю свою дѣятельность, какъ руководителя, какъ разъ въ-время... Кончаю, а тутъ представился такой соблазнъ, которому я поддался изъ злораднаго (т. е. безусловно дурного) желанія дать еще стрелка нашему Мин. Нар. лже-просвѣщенія. Главный наблюдатель церковно-приходскихъ школъ Пензенской губерніи прислалъ мнѣ самое любезное, почти трогательное, предложеніе руководить курсами для учителей церковно-приходскихъ школъ, мотивируя это предложеніе желаніемъ учителей и моей извѣстностью, моими заслугами и т. п. Правда, я

мало надѣюсь, чтобы это дѣло могло состояться, но вышесказанное злорадное желаніе побудило меня согласиться условно: если своевременно получу увѣдомленіе, что дѣло состоится. Вотъ тогда-то ужъ я напечаталъ бы отчетъ, отъ котораго не поздоровится Мин. Нар. Пр., да и послалъ бы его въ значительномъ количествѣ экземпляровъ всѣмъ лакеямъ, состоящимъ при этомъ министерствѣ. Между тѣмъ моя постройка быстро и хорошо подвигается впередъ, и я окончательно переселился въ усадьбу жены, гдѣ мнѣ и покойнѣе, и удобнѣе. Оба хозяйства мы соединили въ одно и пока живемъ припѣваючи. Книга моя тоже подвигается.

С. Петино. 1902 г., іюля 30-го.

Побывалъ я и въ Пензѣ на курсахъ для учителей и учительницъ церковно-приходскихъ школъ: препятствій для моего руководства здѣсь не встрѣтилось ни со стороны мѣстнаго архіерея, ни со стороны Синода: человекъ, котораго признаютъ вреднымъ и Мин. Нар. Пр., и Мин. Вн. Дѣлъ, не признанъ таковымъ духовными властями, которыя отнеслись къ нему съ полнымъ довѣріемъ. Чудеса! Вотъ образецъ послѣдовательности и единодушія правительственныхъ органовъ... Окончилась и моя постройка: можно перебираться въ новый домъ, устраивать въ немъ школу и театръ. Въ общемъ, постройка хороша, а мелкіе дефекты исправимъ постепенно. Предстоитъ много еще хлопотъ съ переселеніемъ въ этотъ домъ, который обошелся дороже, чѣмъ я предполагалъ. Но это не бѣда, лишь бы результаты получились хорошіе. Будемъ надѣяться. Въ Пензѣ я пробылъ ровно двѣ недѣли и уѣхалъ оттуда съ самыми отрадными впечатлѣніями, которыя попытаюсь изложить и провести въ печать черезъ посредство пяти-шести печатныхъ органовъ, которые сообщу въ Мин. Нар. Просвѣщенія. Это будетъ самый лучший отвѣтъ на его нападки на меня. Знаю, что этимъ я „сожгу корабли“, но это нужно для дѣла,—и останавливаться изъ-за этого было бы, право, грѣшно.

Отличительной чертой пензенскихъ курсовъ была полная свобода и независимость извнѣ и внутри. Это выгодная сторона этого вѣдомства, сравнительно съ земствомъ и мин. нар. просвѣщенія, что тутъ царитъ независимость: никого не боятся, никого не спрашиваютъ, дѣлаютъ все, что хотятъ, и такъ дѣлаютъ, какъ сами признаютъ нужнымъ. Приглашаютъ руководителей и лекторовъ, не справляясь о ихъ благонадежности ни у губернатора, ни въ департаментъ полиціи, и никто не смѣетъ имъ противодѣйствовать. Вздумали на курсахъ устроить литературно-вокально-музыкальный вечеръ въ залѣ семинаріи: никого не спрашивались, приготовились въ два дня, напечатали программы, и 2-го іюля вечеръ состоялся при большой публикѣ. Не такъ было бы дѣло на земскихъ курсахъ, тутъ понадобилось бы разрѣшеніе и губернатора, и попечителя округа, и врядъ ли состоялось бы дѣло. Да, эта независимость огромное преимущество, которое даетъ возможность проводить много добраго въ школу и въ жизнь, кто склоненъ къ этому, какъ С. А. Пономаревъ ¹⁾. Но такихъ мало, очень мало, и потому-то пензенская церковно-приходская школа—исключеніе,

¹⁾ Завѣдующій церк.-приход. школами въ Пензѣ.

по которому нельзя судить о русской церковно-приходской школѣ вообще. Свобода—великое дѣло, но великое для того, кто умѣетъ воспользоваться ею на благо. Та же свобода воронежскія церковно-приходскія школы не подняла, конечно, и это не источники свѣта, не школы, а чортъ знаетъ что... На литер.-вок.-музык. вечерѣ просили принять участіе и С. В. Зенченко ¹⁾, который мастерски читаетъ стихи, и меня, который потерялъ давно способность художественнаго чтенія. С. В. прочиталъ „Валерикъ“ и „Поэма“ Лермонтова. Я избралъ три крошечныя стихотворенія, „Тучу“ Пушкина, „Ночевала тучка“ Лермонтова и „Душно“ Некрасова, чтобы имѣть возможность сдѣлать сжатую характеристику творчества этихъ трехъ поэтовъ, принимая за исходную точку—отношеніе ихъ къ природѣ. Характеристика удалась и нѣсколько скрасила мое малохудожественное чтеніе. Воспроизвожу эту характеристику, на сколько не измѣнитъ мнѣ память: „Я предложу вашему вниманію три небольшія художественныя картинки трехъ русскихъ поэтовъ, три небольшія, но очень характерныя стихотворенія, въ которыхъ ярко сказалось различное отношеніе этихъ трехъ поэтовъ къ природѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и глубокое различіе въ содержаніи и характерѣ ихъ художественнаго творчества.

„Вотъ геніальный и жизнерадостный поэтъ-художникъ, для котораго природа—божественный храмъ. Онъ входитъ сюда съ чувствомъ благоговѣнія и восторга. Глубоко понимая и чувствуя красоту этого храма, онъ сливается съ природой своей жизнерадостной душой, и чудныя краски находитъ онъ на своей палитрѣ, чудные звуки извлекаетъ изъ своей лиры для изображенія ея явленій. Въ его удивительной живописи, въ музыкѣ его стиха живетъ и дышетъ эта божественная природа, но живетъ своей замкнутой и безстрастной жизнью, „равнодушно сіяя своей вѣчной красой“.

„Послѣдняя туча разсѣянной бури...“ и т. д.

Надобно ли говорить, что это Пушкинъ?

Вотъ другой поэтъ, тоже могучій, можетъ быть, еще болѣе могучій по силѣ своего художественнаго творчества, богатый образами, красками и звуками, но не жизнерадостный, а мрачный, угрюмый, замкнутый въ самомъ себѣ и глубоко несчастный. Для него, кажется, не существуетъ ничего въ мірѣ кромѣ своего я. Онъ и въ каждое свое художественное произведеніе вноситъ свою мрачную личность, свою личную душевную драму; и явленія природы въ его произведеніяхъ—только отраженіе этой личной душевной драмы, внѣ которой они для него не интересны и бессмысленны.

„Ночевала тучка золотая...“ и т. д.

Это, какъ догадались, конечно, вы сами,—Лермонтовъ.

Вотъ третій поэтъ, у котораго мало красокъ и словъ для изображенія явленій природы и личной душевной жизни, для котораго и эта божественная природа, съ ея вѣчною красой, и личная жизнь, съ ея драмою,—дѣло второстепенное, а на первомъ планѣ стоитъ жизнь общественная и особенно народная, съ ея страданіями и противорѣчіями. Зато когда его душу всколыхнетъ народное горе, имъ овладѣваетъ настоящая буря вдохновенія. Откуда берутся и яркіе

¹⁾ Читавшій на пензенскихъ курсахъ педагогическую психологію.

образы, и живыя краски, и могучіе звуки. Онъ и явленіями природы пользуется только какъ средствомъ для образнаго представленія народной скорби и гражданскаго негодованія на причины, производящія эту скорбь.

„Душно безъ счастья и воли“... и т. д.

Это—Некрасовъ“.

Такъ-то мы съ С. В. Зенченко и работали дружно, двѣ недѣли. Сперва проводили его, а черезъ день уѣхалъ и я. Прощаніе и здѣсь было сердечное, не обошлось безъ слезъ и задушевныхъ рѣчей. Сняли группу большую общую, сняли нѣсколько частныхъ небольшихъ группъ. Я получилъ отъ слушателей на память портретъ Ушинскаго съ приличной надписью на серебряной доскѣ рамы. Но особенно тронуло меня нѣсколько писемъ, полученныхъ мною вскорѣ, въ которыхъ дѣлается простая, сердечная, конечно преувеличенная оцѣнка меня, много грѣшнаго, какъ руководителя. Пусть „преувеличенная“, но все-таки искренняя, судя по тону, и я не могу отказать себѣ въ удовольствіи, чтобы не занести сюда кое-чего изъ этихъ писемъ: слабъ человѣкъ, хочется ему вѣрить въ то, что льститъ его человѣческому самолюбію:

„Послѣ первой же вашей бесѣды, пишетъ одна (М. Я. Геликонова), я почувствовала обаяніе вашей личности и это обаяніе росло съ каждымъ днемъ, потомъ оно уже чувствовалось каждый моментъ, въ каждомъ вашемъ словѣ“.

„Для меня вы стали такъ близки, такъ дороги, будто вы воспитали меня; ваши завѣты я хочу сохранить навсегда. И повѣрьте мнѣ, глубокоуважаемый Н. Ѳ., вашъ дорогой образъ будетъ неуклонно стоять передо мной, учить меня, указывать, какъ поступать въ томъ или другомъ случаѣ въ моемъ дѣлѣ; онъ строгій (судья)? и моимъ поступкамъ и моимъ дѣйствіямъ, онъ же и ободряющій, внушающій энергію и вѣру въ свое дѣло. Спасибо вамъ, большое спасибо“.

„Вѣрьте всѣ ваши добрые совѣты я навсегда сохраню въ своей памяти, пишетъ другая (В. А. Артоболевская),—вы подали намъ примѣръ, съ какой любовью и преданностью надо относиться къ этому дѣлу“. „Не говоря уже о себѣ одной, скажу о всѣхъ слушателяхъ, что послѣ этихъ курсовъ. всѣ мы себя чувствуемъ совершенно обновленными, съ запасомъ новыхъ силъ и знаній для дальнѣйшаго труда“.

„Мы всегда будемъ помнить, пишетъ третья (В. П. Перунова), ваши чудныя лекціи, ваши образцовые уроки и частныя совѣты и разговоры, въ которыхъ вы никогда никому не отказывали. Вашъ образъ навсегда запечатлѣлся въ нашихъ сердцахъ. Вы показали намъ, какимъ долженъ быть истинный народный учитель; вы вдохнули въ насъ новыя силы, вселили бодрость, энергію и вѣру въ свое дѣло. Съ какими чудными планами и свѣтлыми надеждами поѣду я теперь въ свой глухой, отдаленный уголокъ, въ свою бѣдную, но дорогую школу... Постараюсь сохранить ваши завѣты и, не щадя силъ, вложу свою посильную лепту въ дѣло народнаго образованія“...

Эти письма, безъ сомнѣнія, написанныя подъ впечатлѣніемъ минуты и общаго приподнятаго настроенія, тронули меня до глубины души и вызвали невольныя слезы. Какъ я долженъ благодарить Бога за такія свѣтлыя минуты, которыя, право же, не заслужены мной. Какъ бы я желалъ умереть съ такими

свѣтлыми впечатлѣніями: это была легкая и какъ разъ своевременная смерть. Вѣдь не только ничего лучшаго, но и подобнаго, вѣроятно, я уже никогда не испытаю: „уплыли годы, какъ вешнія воды“... Я воспользовался пензенскими курсами, чтобы надавать щелчковъ мин. нар. пр. Послѣ инцидента съ ученымъ комитетомъ по поводу одесскихъ курсовъ едва-ли можно сомнѣваться, что именно мин. нар. пр., а совсѣмъ не департаментъ полиціи, устранилъ меня отъ руководства земскими курсами: ненавистенъ имъ свободный, независимый руководитель, который не хочетъ знать ихъ дурацкихъ правилъ. Кромѣ замѣтокъ о курсахъ вродѣ отчета, которыя будутъ напечатаны въ журналѣ „Народное Образование“¹⁾, который издается въ вѣдомствѣ церковно-приходскихъ школъ, я уже напечаталъ рѣзкія и ядовитыя статейки по адресу мин. нар. пр. о пензенскихъ курсахъ въ нашемъ „Донѣ“ и въ херсонскомъ „Югѣ“, да послалъ въ „Сѣверный Край“ и въ „Рус. нач. уч.“. Не знаю, рѣшится ли напечатать мою статейку В. А. Латышевъ, теперь уже не директоръ училищъ, а помощникъ попечителя с.-петербургскаго учебнаго округа, хотя до сихъ поръ служебное повышение редактора не отзывалось на его журналѣ. Признаюсь, я отвелъ душу, всласть поглумился надъ мин. нар. пр. относительно его дѣятельности по народному образованію, которое оно всегда вело неумѣло и трусливо при Деяновѣ и при Боголѣповѣ, и при Ванновскомъ, такъ неожиданно слетѣвшемъ съ высоты величія,—едва-ли можетъ вести толково и при нынѣшнемъ министрѣ, завязатомъ классикѣ Зенгерѣ, замѣнившемъ стараго солдата Ванновскаго, мало-по-малу сметающемъ нововведенія своего предшественника и возстановляющемъ толстовскій классицизмъ. Статейка въ „Донѣ“ (№ 93 за этотъ годъ) называется „Размышленіе о томъ, чѣмъ жива и сильна школа“. Я оканчиваю ее вопросомъ: отчего случилось, что юная церковно-прих. школа въ пензенской епархіи такъ быстро ушла впередъ отъ старшей сестры, подвѣдомственной мин. нар. пр., а ея учительство такъ возвышенно, идеально настроено?

„Говоря откровенно“, пишу я, „то и другое явленіе только и можно объяснить тѣмъ исключительнымъ у насъ обстоятельствомъ, что во главѣ этой школы и ея учительства стоятъ истинные педагоги, умѣющіе создать для школы и учительства „педагогическую атмосферу“, безъ мертвящаго формализма, безъ подавляющаго насилія, безъ обиднаго недовѣрія, благопріятную для самодѣятельной педагогической мысли, для одушевленнаго учительскаго творчества. Именно такой-то „педагогической атмосферой“ только и можетъ быть жива и сильна школа“.

Статья въ „Югѣ“ (№ 1283) называется „Оправданные въ жизни грѣхи“; она связана съ моей статьей объ одесскихъ курсахъ по поводу замѣчаній ученаго комитета и отличается усиленною рѣзкостью. „Благо въ школѣ, заканчиваю я эту статью, гдѣ имѣется такая „педагогическая атмосфера“, гдѣ стремленія создать ее поощряются, а не преслѣдуются! Тамъ же, гдѣ таковыя стремленія встрѣчаютъ противодѣйствія и невѣжественное порицаніе, гдѣ школу захватили въ свои руки „человѣки въ футлярѣ“, тамъ она обречена на застой и постепенное умираніе. Да хранить Богъ русскую народную школу отъ „чело-

¹⁾ Напечатано въ № 10 за 1902 г. „Русск. нач. уч.“.

вѣковъ въ футлярѣ“! Въ статьяхъ „Сѣвернаго Края“¹⁾, „Народнаго Образованія“ и „Русскаго Начальнаго Учителя“ я сравниваю, между прочимъ, пензенскіе курсы съ воронежскими земскими²⁾, которые отличались чисто казарменнымъ режимомъ и полнымъ педагогическимъ невѣжествомъ, а по мин. нар. пр. бью еще откровеннѣе. Не знаю, пройдутъ—и какъ пройдутъ эти статьи. Да, я отвелъ душу—и „сжегъ корабли“.

С. Петино. 1902 г., сент. 18.

Открыты уѣздные и губернскіе „Комитеты о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности“. Я получилъ приглашеніе сперва на засѣданіе нашего уѣзднаго комитета 26 августа отъ предводителя И. Т. Алисова, а потомъ и на засѣданіе губернскаго комитета, которое будетъ 10 октября, отъ губернатора: такъ какъ въ это же время, съ 1-го октября, будетъ уѣздное земское собраніе, то я, вѣроятно, буду и на губернскомъ, какъ былъ на уѣздномъ. На послѣднемъ я произвелъ въ нѣкоторомъ родѣ скандалъ. Вздумалось мнѣ поглумиться надъ нашей русской мертвечиной, посмѣяться горькимъ смѣхомъ, я и разразился рѣчью тотчасъ послѣ открытія засѣданія, которая прямо опарашила и лжелиберальнаго предсѣдателя г. Алисова, который напрасно старался обуздать меня, приглашая „держаться поближе къ сельско-хозяйственной промышленности“, да и пеструю толпу собравшихъ имъ членовъ;—только публика (засѣданіе было публичное) была въ великомъ восторгѣ. Рѣчь моя, приблизительно, была такова:

„Просматривая внимательно программу возложенныхъ на уѣздный комитетъ занятій, я нахожу въ ней почти исключительно чисто практическіе вопросы о тѣхъ или другихъ мѣропріятіяхъ для поднятія въ Россіи сельско-хозяйственной промышленности.

— „Изъ этого ряда практическихъ вопросовъ, довольно детально обнимающихъ всѣ стороны сельско-хозяйственной промышленности, видно, что у насъ въ настоящее время сознали печальное положеніе этого дѣла и предвидятъ его угрожающіе результаты, но, къ сожалѣнію, безъ достаточнаго вниманія относятся къ причинамъ, его создавшимъ, или намѣренно закрываютъ глаза на эти причины; а безъ устраненія этихъ причинъ невозможно поправить дѣла и предупредить надвигающіяся грозныя послѣдствія современнаго положенія никакими частными практическими мѣропріятіями.

„Вѣдь упадокъ сельско-хозяйственной промышленности въ Россіи только одинъ изъ симптомовъ общей отсталости нашего отечества отъ другихъ Европейскихъ странъ, т. е. явленіе не самостоятельное, а необходимо вызываемое общимъ неудовлетворительнымъ строемъ государственной и народной жизни. Этотъ строй, чуждый всей Европѣ, за исключеніемъ Россіи и Турціи, характеризуется безправіемъ личности, подавленностью общественныхъ силъ, отсутствіемъ свободнаго слова и независимой печати, антагонизмомъ, даже взаимною враждою и во всякомъ случаѣ взаимнымъ недовѣріемъ сословій, произволомъ администраціи, стоящей выше суда, жалкимъ положеніемъ школы и ужасающимъ невѣжествомъ массы.

1) № 248 за 1902 г.: „Правда свѣтлѣ солнца“.

2) Я былъ на нихъ передъ отъѣздомъ въ Пензу.

„Четверть вѣка мы упорно стоимъ на одномъ мѣстѣ, а то и пятимся назадъ съ настойчивостью, достойной лучшаго дѣла въ то время, когда вокругъ насъ все движется впередъ по пути очеловѣченія и просвѣщенія народныхъ массъ, свободнаго развитія и расширенія общественной самодѣятельности, освобожденія и ограниченія личности. Но и стояніе на одномъ мѣстѣ, при общемъ стремительномъ движеніи впередъ, равносильно движенію назадъ, которое, такимъ образомъ, у насъ совершается даже успѣшнѣе, нежели того желаютъ.

„Общій застой русской жизни, какъ понятно само собою, не можетъ не сопровождаться и обѣдненіемъ народа, и пониженіемъ нравственности,—а, между прочимъ, и упадкомъ сельско-хозяйственной промышленности. При такихъ условіяхъ, толковать о какихъ-либо частныхъ мѣропріятіяхъ на пользу этой послѣдней, въ родѣ учрежденія сельско-хозяйственныхъ инструкторовъ, опытныхъ полей, кооперацій, укрѣпленія овраговъ и т. п., было бы дѣломъ празднымъ, не только не полезнымъ, но прямо вреднымъ, которое можетъ только отводить глаза отъ настоящаго дѣла, отнюдь не ограждая насъ отъ надвигающихся бѣдственныхъ послѣдствій несчастнаго режима. Вѣдь это все равно, какъ если бы домохозяинъ, домъ котораго не сегодня, такъ завтра долженъ обрушиться, собралъ бы специалистовъ и техникумовъ и предложилъ имъ обсудить, не слѣдуетъ ли въ этомъ домѣ поставить новыя петли въ дверяхъ, новыя стекла въ рамахъ, пожалуй,—новые ватерклозеты? Понятно, что добросовѣстные специалисты могли бы отвѣчать на эти предложенія одно: „что вы толкуете, милостивый государь, что тутъ думать о новыхъ петляхъ, стеклахъ и ватерклозетахъ, когда весь вашъ домъ надо скорѣе разбирать да строить заново“!

То же самое и въ нашемъ дѣлѣ. Тутъ надо думать и толковать не о сельско-хозяйственныхъ инструкторахъ да опытныхъ поляхъ, а о радикальныхъ измѣненіяхъ всего строя русской государственной и народной жизни.

Прежде всего необходимо немедленное возстановленіе въ полной мѣрѣ тѣхъ освободительныхъ начинаній, какими ознаменовалась первая половина царствованія Александра II-го, которыя, къ сожалѣнію, не были доведены до конца своевременно, а потомъ подвергались печальнымъ искаженіямъ и урѣзкамъ. Въ самомъ дѣлѣ, возьмете ли освобожденіе крестьянъ: развѣ оно было докончено? Что же это за освобожденіе безъ достаточнаго земельного надѣла, безъ гарантированнаго крестьянскаго самоуправленія, безъ хорошо поставленной народной школы, даже безъ избавленія отъ тѣлеснаго наказанія, унижающаго человѣческое достоинство освобождаемыхъ? Что это за освобожденіе, которое началось, сопровождалось и нынѣ сопровождается безпощадными порками?

Алисовъ останавливаетъ и проситъ держаться поближе къ сельско-хозяйственной промышленности.

„Къ ней-то я и веду... Возьмемъ ли такъ называемый новый судъ? Что осталось въ немъ нынѣ отъ того свѣтлаго идеала, который былъ начертанъ въ „Судебныхъ Уставахъ“ Александра II-го? Возьмемъ ли современное земство,—какіе признаки истиннаго самоуправленія сохранились теперь въ этомъ земствѣ, отданномъ на полный произволъ, на растерзаніе администраціи „съ руками загребущими, съ глазами завидущими“?

Алисовъ опять останавливаетъ съ тѣмъ же напомниманіемъ.

„Да прежде всего нужно полное возстановленіе освободительныхъ начинаній Александра II-го, а затѣмъ столь же необходимо неотложное, послѣдовательное и неуклонное, дальнѣйшее развитіе этихъ начинаній, въ смыслѣ полного освобожденія личности, слова, печати, школы, суда, промышленности отъ всякой административной опеки и всякаго полицейскаго надзора, въ смыслѣ возбужденія чистой инициативы и привлеченія къ государственному управленію свободныхъ общественныхъ силъ, чтобы въ Россіи создалось, наконецъ, дѣйствительное, а не призрачное самоуправленіе.

„Пока мы не двинемся впередъ въ этомъ направленіи, честному русскому человѣку приходится только уклоняться отъ всякихъ совѣщаній по частнымъ вопросамъ и оставаться въ безотрадномъ положеніи зрителя постепеннаго, но вѣрнаго обѣднѣнія и увяданія отечества. Это очень грустно и очень тяжело, но что же дѣлать? Какъ говорили въ старину русскіе люди—„противъ рожна трудно прати“.

Читалъ еще свою записку д-ръ С. В. Мартыновъ въ томъ же родѣ. Алисовъ, видимо, не зналъ, что дѣлать. Въ концѣ концовъ затѣялъ предложить избрать какую-то комиссію,—для чего, съ какой цѣлью?—неизвѣстно. Такъ какъ я заявилъ себя противъ всякихъ комиссій, то предпочелъ удалиться съ тѣмъ, чтобы больше въ этотъ комитетъ не возвращаться. Посмотримъ, что будетъ въ губернскомъ комитетѣ. Думаю, что ничего, кромѣ пустяковъ.

С. Петино. 1902 г. X—25.

Съ перваго октября по 9 продолжалось уѣздное земское собраніе, на этотъ разъ менѣе оживленное. Мнѣ пришлось горячо возражать Управѣ по поводу ея доклада по народному образованію, а именно: разбивать ея намѣреніе устраивать дешевенькія школки съ учителемъ цѣною въ 60 р. (за годъ); разбивать ея доводы противъ четырехгодичнаго курса. То и другое удалось. Вопросъ о мелкой земской единицѣ затормозился противодѣйствіемъ гласныхъ крестьянъ (волостныхъ старшинъ), очевидно мало сознательно относящихся къ проекту, выработанному экономическимъ совѣтомъ. Вопросъ оставили открытымъ. Параллельно съ земскимъ собраніемъ продолжались засѣданія уѣзднаго комитета о сельско-хозяйственной промышленности. Комиссія выработала очень либеральный и хорошо обоснованный докладъ, главнымъ образомъ предлагая общія мѣропріятія (расширеніе правъ земства, освобожденіе и огражденіе личности, установленіе свободы печати и т. п.). Комитетъ принялъ докладъ безъ всякихъ измѣненій. Словомъ, дѣло кончилось лучше, нежели можно было ожидать. Какой изъ этого выйдетъ толкъ, это другой вопросъ. Но все-таки отраднo, что было можно высказаться, отвести душу. Говорятъ, что моя рѣчь прошла не безъ вліянія, что я далъ тонъ и намѣтилъ желательное направленіе. Не знаю, такъ ли это, не преувеличено ли во много разъ, но, конечно, радуюсь, если говорилъ не тщетно. Октября 10-го состоялось первое засѣданіе губернскаго комитета, на которое отправился и я, благо лошади за нами должны были пріѣхать только 10-го. Собралось (въ залѣ губернатора) побольше 100 человѣкъ. Собраніе было не симпатичное, раздражающее. Я хотѣлъ сказать,

если представится удобный случай, разносную рѣчь. Къ счастью, случая не представилось, потому что весь день былъ посвященъ чтенію постановленій уѣздныхъ комитетовъ, начиная съ нашего. Это было довольно скучно и утомительно. Къ удивленію, сошлись въ выводахъ два діаметрально противоположныхъ уѣзда: Воронежскій, сѣверный и либеральный, и Новохоперскій, южный и ультра-консервативный, который предложилъ тоже рядъ радикальныхъ мѣропріятій, въ родѣ освобожденія личности, расширенія правъ земства, свободы слова и т. п., какъ и Воронежскій. Это было тѣмъ удивительнѣе, что этимъ уѣздомъ долго руководилъ Н. А. Звенгинцевъ, котораго я называю Расплюевымъ. Конечно, это всходы не тѣхъ сѣмянъ, которыя сѣялъ онъ. Онъ, говорятъ, какъ разъ въ это время пріѣзжалъ на нѣсколько дней въ Воронежскую губернію и, узнавши о постановленіи Новохоперскаго комитета, въ ужасѣ схватился за голову... Чтеніемъ все дѣло покончилось, а на другой день я уѣхалъ. Не знаю, что было дальше. Слышалъ, что сильно нападали на Воронежскій уѣздный комитетъ, который защищался слабо, такъ какъ редакторъ доклада, Ѳедоръ Андреевичъ Щербина (статистикъ) вовсе не обладаетъ даромъ слова, что много разглагольствовалъ неизбѣжный Евгений Марковъ. Послѣдній-де доказалъ, будто вся бѣда въ томъ, что предводители дворянства не живутъ въ своихъ имѣніяхъ и не даютъ благихъ примѣровъ ни дворянству, ни крестьянству. Хвалю себя, что уѣхалъ, несмотря на уговоры, съ которыми ко мнѣ обращались кое-какія лица, но обращались уже тогда, когда были поданы лошади. Если бы я остался, вышла бы потасовка—безъ пользы для дѣла, съ большими непріятностями для меня.

Октября 22 у насъ состоялся обычный школьный актъ—уже въ новомъ помѣщеніи. Это было обновленіе новаго дома. Актъ происходилъ въ театрѣ и закончился школьнымъ спектаклемъ съ пѣніемъ. Народу собралось очень много. Пѣли подъ управленіемъ новаго регента, псаломщика, который оказался мастеромъ дѣла. Вспоминали Гоголя и раздавали, кромѣ свидѣтельствъ окончившимъ курсъ, всѣмъ грамотеямъ „Избранныя сочиненія Н. В. Гоголя (изданіе „Рус. Нач. Уч.“, редакція и статья о Гоголѣ—моя). Вообще праздникъ удался. Обновили и „чайную“: здѣсь наши дѣти пили чай съ булками и получили пакеты съ лакомствами. Теперь надо приниматься за приготовленіе къ театральному сезону. Надо пополнить репертуаръ.

Г. Острогжскъ. 1903 г. X—7.

Почти годъ не принимался я за эти записки,—и при какихъ обстоятельствахъ у меня нашлось удобное время, чтобы возобновить и продолжать ихъ! Новыя условія, новое мѣстожителство, новое положеніе,—и только самъ я все тотъ же, съ тѣмъ же внутреннимъ міромъ, тѣми же убѣжденіями, стремленіями и мечтами. Съ Петинимъ я разстался, вѣроятно, навсегда. Предполагалъ жить въ Воронежѣ, а попалъ въ Острогжскъ,—на долго ли?—не знаю. Прежде, чѣмъ говорить о настоящемъ, о текущей жизни, необходимо хоть кратко рассказать о событіяхъ минувшаго года и о причинахъ моего поселенія въ г. Острогжскѣ.

Спокойно и беззаботно жилъ я въ Петинѣ послѣ засѣданій уѣзднаго и губернскаго комитетовъ для поднятія сельско-хозяйственной промышленности. Дѣло въ школѣ, въ роскошномъ новомъ помѣщеніи, наладилось, начались заботы о предстоящемъ театральномъ сезонѣ. Какъ вдругъ 27 октября пріѣзжаетъ исправникъ съ двумя не то урядниками, не то жандармами,—посидѣлъ, потолковалъ изъ пустого въ порожнее и, наконецъ, деликатно предъявилъ мнѣ бумажку: предписывается мнѣ, по распоряженію г. мин. вн. дѣлъ, въ 24 часа выѣхать въ г. С.-Петербургъ, а тамъ немедленно явиться къ г. директору департамента полиціи. вмѣстѣ съ тѣмъ, узнаю, что предводитель дворянства И. Тр. Алисовъ вызванъ въ Ливадію, гдѣ находился государь и пребываетъ г. мин. вн. дѣлъ, а С. В. Мартыновъ увезенъ въ Петербургъ съ жандармами послѣ произведеннаго у него обыска. Все это было для меня совершенною неожиданностью, которую я, однако же, принялъ довольно спокойно. Признаюсь, по своему оптимизму, я не предвидѣлъ ничего серьезнаго, и далъ подписку выѣхать завтра же. Исправникъ, добродушный и мягкій, Н. Н. Безбородовъ, тоже не предвидѣлъ ничего серьезнаго, успокаивалъ меня, хотя въ этомъ не было никакой надобности: я и такъ не беспокоился. Октября 28-го мы съ женой были въ Воронежѣ и въ 12 часовъ дня выѣхали въ Петербургъ, гдѣ и были 30-го утромъ. Въ тотъ же день я отправился къ г. Лопухину, директору департамента полиціи (изъ прокуроровъ харьковской судебной палаты). Приѣмъ былъ вполне приличный и деликатный. Г. Лопухинъ оказался благообразнымъ и корректнымъ чиновникомъ.

—Я пригласилъ васъ,—сказалъ онъ, указывая на кресло, чтобы вы мнѣ сказали, какую роль играли вы въ запискѣ одного изъ членовъ вашего уѣзднаго комитета, въ которой онъ требовалъ конституціи...

— Вы, вѣроятно, имѣете въ виду записку члена Мартынова...

— Ну, да...

— Такъ я долженъ сказать, во-первыхъ, что въ запискѣ этой я не игралъ никакой роли, да и не могъ играть, потому что Мартыновъ самъ достаточно зрѣлый человѣкъ... Во-вторыхъ, я вовсе не нахожу, что въ этой запискѣ шла рѣчь о конституціи. Я не читалъ этой записки, а только слышалъ, когда она читалась, и сужу по впечатлѣнію: въ ней говорилось о невозможности для комитета сдѣлать что-нибудь существенное, придумать какія-либо серьезныя мѣропріятія для поднятія сельско-хозяйственной промышленности, о некомпетентности комитета при его случайномъ составѣ и при отсутствіи у его случайныхъ членовъ надлежащихъ полномочій. Въ концѣ записки, помнится, проводилась мысль о необходимости земскаго собора съ достаточными полномочіями...—Ну, вотъ это-то и есть конституція... — Позвольте мнѣ съ вами не согласиться. Имѣлся въ виду земскій соборъ, какъ собраніе свѣдущихъ лицъ, приглашенныхъ верховною властью для совѣщанія по извѣстнымъ вопросамъ, для совѣта, каковы были земскіе соборы въ допетровской Руси...

— Въ такомъ случаѣ я долженъ буду поручить жандармскому управленію произвести дознаніе.

— Это какъ вамъ угодно. Я, какъ честный человѣкъ, и жандармскому управленію скажу то же, что сказалъ вамъ. Если у васъ есть докладъ Марты-

нова, я сейчас же доказалъ бы вамъ, что въ немъ нѣтъ рѣчи о конституціи; можетъ быть, дознаніе и не понадобилось бы.

— У меня сейчасъ нѣтъ его записки, но вамъ, конечно, предъявятъ ее..

— А позвольте васъ спросить: кто вознаградитъ меня за всѣ расходы, соединенные съ этимъ страннымъ вызовомъ меня въ Петербургъ,—меня, человѣка уже стараго и больного?

— Ну, ужъ этого я, право, не знаю...

— Что жъ, не процессъ же мнѣ начинать...

— Если хотите, начинайте, но скажу вамъ, что изъ этого ничего не выйдетъ кромѣ скандала...

— И долго вы меня продержите съ вашимъ дознаніемъ въ Петербургѣ? Вѣдь для меня эта поѣздка, эта жизнь въ Петербургѣ прямо разоренье. Я все сказалъ вамъ, какъ честный человѣкъ, искренно, правдиво, и не понимаю цѣли этого бесполезнаго издѣвательства надъ старымъ и больнымъ человѣкомъ, мирно проживавшимъ у себя въ имѣніи, за своимъ дѣломъ.

— Ну, что жъ, я ничего не могу сдѣлать...

— Очень жаль. И такъ, буду ждать жандармскаго дознанія.

Этимъ свиданіе окончилось. Затѣмъ слѣдовало дознаніе, происходившее въ жандармскомъ управленіи, куда мнѣ и пришлось ѣздить нѣсколько разъ. Судя по разговору у Лопухина, казалось, что я привлеченъ, какъ свидѣтель или подозрѣваемый участникъ въ запискѣ С. В. Мартынова, а не самостоятельный преступникъ. Но въ жандармскомъ управленіи оказалось не то. Здѣсь я оказался самостоятельнымъ подсудимымъ, котораго заставили писать о себѣ, о своей жизни, о комитетѣ и обо всемъ, въ немъ происходившемъ, начиная съ 11 час. утра до 5-ти... По окончаніи этого „дознанія“, мнѣ сказали: „вы, пожалуйста, никому не рассказывайте, о чемъ вы здѣсь говорили“... Я молчалъ въ удивленіи: что за секреты? „Вы отсюда куда поѣдете?“—„Къ помощнику попечителя округа, В. А. Латышеву, который звалъ меня обѣдать“. — „Такъ ужъ и Латышеву-то ничего не говорите“.

Дня черезъ два опять вызываютъ. Что такое? Получили подлинный протоколъ комитета съ моей рѣчью, понадобились кое-какія объясненія. Пришлось опять писать отвѣты на такіе вопросы: въ чемъ вы видите произволъ, на который жалуетесь?—во-первыхъ, въ моемъ настоящемъ дѣлѣ, когда мирно живущаго, стараго и больного человѣка требуютъ въ Петербургъ къ какому-то допросу за то, что онъ искренно и правдиво сказалъ то, что думалъ, когда его просили высказаться съ полною искренностью и правдивостью¹⁾; какихъ людей вы разумѣете подъ честными людьми въ концѣ своей рѣчи?—Людей, которые неспособны двоедушничать, дѣлаютъ то, что говорятъ, а говорятъ то, что дѣлаютъ.—Кого разумѣли вы подъ именемъ рожна, противъ котораго трудно прати?—Ту непреодолимую силу внѣшнихъ обстоятельствъ, которая не даетъ человѣку то говорить и такъ поступать, какъ онъ думаетъ:—Признаете ли себя виновнымъ въ томъ, что стремились измѣнить въ Россіи существующій порядокъ?—Не признаю, я только хотѣлъ выяснитъ трудное положеніе и указать

¹⁾ Во-вторыхъ... я привелъ факты изъ моей жизни: курсы и т. под.

возможный выходъ изъ него.—Ну, теперь, кажется, все кончено, могу я ѣхать домой—Нѣтъ, еще доставьте намъ вашу фотографію и пожалуйста для медицинскаго освидѣтельствванія. Все это было исполнено. „Теперь могу я ѣхать домой?“—Погодите. Мы свое дѣло окончили и передадимъ дѣло, куда слѣдуетъ. Тамъ на-дняхъ будетъ засѣданіе, и васъ уведомятъ о рѣшеніи.

Ждалъ дня три—четыре. Въ Петербургѣ Воронежская исторія быстро распространилась. Меня посѣщала масса народу: писатели, студенты, учащія лица и т. п. Всѣ заявляли свое уваженіе. Студентки женскихъ врачебныхъ курсовъ привезли мнѣ и женѣ почетные билеты—на свой концертъ. Получилось, наконецъ, рѣшеніе: жить мнѣ, какъ политически неблагонадежному, три года подъ гласнымъ полицейскимъ надзоромъ въ Новгородской губерніи.—Ну, что жъ, надо подчиниться: „противъ рожна трудно прати“. Но какъ же бросить Петино на три года? Вѣдь это раззоренье! Я подалъ заявленіе, что до переселенія на три года въ Новгородскую губернію мнѣ необходимо ликвидировать свои дѣла въ Воронежскомъ уѣздѣ, т. е. сельско-хозяйственныя дѣла, а въ Петербургѣ свои книжныя дѣла, а потому пробыть нѣсколько дней въ Петербургѣ и съѣздить на недѣлю въ имѣніе. Пока ожидался отвѣтъ, я успѣлъ выписать изъ Петина въ Новгородъ необходимыя вещи, бѣлье, платье, посуду и т. п., и приготовить себѣ благопріятныя условія для поселенія въ Новгородской губерніи (обѣщали оставить меня въ Новгородѣ), а также получить расчетъ и деньги отъ Плубояринова за 1902 г. Отвѣтъ получился такой: Г. Мин. Вн. Дѣлъ передумалъ и ссылаетъ меня подъ гласный надзоръ на три года въ мое имѣніе въ Воронежскій уѣздъ. Пришлось возвращать свой багажъ изъ Новгорода и ѣхать въ Петино. Оно бы и ничего. Но бѣда въ томъ, что лишили права принимать какое-либо участіе въ школѣ, даже посѣщать ее и устраивать народные спектакли. Я очутился въ Петинѣ безъ того дѣла, у котораго стоялъ 19 лѣтъ, которому отдавалъ свое время, свои силы, свои трудовыя деньги. Потерялся весь смыслъ жизни въ деревнѣ... Мало того, приходилось быть свидѣтелемъ разрушенія созданнаго мною дѣла: отъ инспектора Бараковскаго явное невѣжество и подвохи, отъ земской управы грубое пренебреженіе; учительницы вели дѣло черезъ пень въ колоду и явно бравировали, что теперь они меня и знать не хотятъ, какъ человекъ не у дѣлъ, безъ власти, безъ права голоса.. Все это дѣйствовало на меня такъ, что я рѣшилъ ликвидировать свои дѣла, продать имѣніе и переѣхать въ Воронежъ если разрѣшатъ. Не могу жаловаться, чтобы воронежскіе пріятели забыли меня: много было посѣщеній, всѣ уговаривали меня, чтобы я дѣла не бросалъ, что все это, молъ, будетъ продолжаться не долго, что мнѣ все возвратятъ, что я поведу дѣло по-старому. То же писали мнѣ и иногородніе друзья: кн. П. Д. Долгорукій, кн. Д. И. Шаховской, С. В. Мартыновъ изъ Архангельска, куда его сослали на три года. Но я не вѣрилъ этимъ предсказаніямъ и сознавалъ, что старое невозвратимо, т. е. невозвратима та свобода въ управленіи школой, которою я пользовался, что надъ школой прочно установится гнетъ инспектора-чиновника и подлеца въ родѣ Бараковскаго, который предлагаетъ учителямъ деньги, если они будутъ доносить на товарищей, и т. под. педагоговъ. Я видѣлъ, что дѣло школы, какъ живого педагогическаго и просвѣтительнаго учрежденія, дѣло народнаго театра, какъ живого помощника

школы, проиграно, что время скромныхъ культурно-просвѣдительныхъ предпріятій частныхъ лицъ прошло—и рѣшилъ безповоротно все покончить. Все лѣто и всю осень меня посѣщали покупатели, но дѣло не выгорало. Живя въ деревнѣ, какъ поднадзорный, я обработалъ и послалъ въ „Рус. Нач. Уч.“ мои лекціи: „Просмотръ русской литературы съ педагогической точки зрѣнія“, большую статью. „О томъ, какъ я сталъ и какъ пересталъ быть учителемъ учителей“ для журнала „Обозрѣнія“, гдѣ она и появилась въ № 7, 8, 9, и написалъ рассказъ для благотворительнаго Нижегородскаго Сборника „Рано погибшій талантъ“ (изъ исторіи народнаго театра), разумѣя И. К. Протопопова. Лѣто шло оживленно и безъ тоски, но предвидѣлась и придвигалась тоскливая осень. Я еще въ маѣ заявилъ земской управѣ, что даю новое назначеніе дому школы и школьному имуществу и отъ участія въ содержаніи Петинской школы отказываюсь, т. к. руководить ею не могу, а тратить свои средства на школу безъ живого руководства считаю непроизводительнымъ. Надо сказать, что я еще зимой предлагалъ управѣ ¹⁾ купить училищный домъ за полъ-цѣны и бесплатно классную мебель и всѣ учебныя пособія (тысячи на двѣ). Предсѣдатель уклонился и даже не заинтересовался ни домомъ, ни пособіями. Я махнулъ рукой, учебныя пособія раздѣлилъ на двѣ части: одну отдалъ Тамбовскому губернскому земству, другую Новоторжскому Тверской губерніи, классную мебель городу Воронежу для городскихъ школъ, и домъ рѣшилъ продать на свозъ. На переселеніе въ Воронежъ мнѣ согласія не дали, а предложили одинъ изъ уѣздныхъ городовъ Ворон. губерніи. Я запродавалъ имѣніе и выбралъ лучшей изъ Воронежскихъ городовъ—Острогожскъ; остались непроданными домъ, школа и театр. И вотъ я теперь живу въ Острогожскѣ—и порядочно скучаю. Мало жизни и живыхъ людей въ этомъ городѣ, да еще и погода отчаянная: дожди, небо сѣрое, грязь. Какъ-то мы вынесемъ здѣсь два года: срокъ моей ссылки оканчивается 6 ноября 1905 года, времени еще порядочно, а надежды освободиться раньше срока мало. Не таково настроеніе, хотя я не вѣрю, чтобы меня считали опаснымъ политическимъ агитаторомъ и дѣятелемъ.

XXI.

Въ Острогожскѣ. 1904 г.

Острогожскъ. 1904 г. Марта 9.

Опять пять мѣсяцевъ я не раскрывалъ моихъ записокъ, съ осени до весны. „Воротилась весна, воротилась... Пробуждаются силы земныя, а усталого клонить ко сну“ (Полонскій)... Да, усталъ я, но ко сну меня не клонить: я все еще хочу жить и дѣйствовать, неволя и вялая жизнь въ глухомъ, безлюдномъ городишкѣ меня томить... Петина и той деревенской дѣятельности, которой я отдалъ такъ много времени, силъ и средствъ, мнѣ не жаль, но и мертваго спо-

¹⁾ Т. е., собственно говоря, предсѣдателю управы, Н. А. Александрову.

койствія, безучастнаго отношенія къ русской общественной жизни, подневольнаго празднаго безпечальнаго созерцанія я выносить не могу.

Здѣсь жизнь болотная, бессмысленная и утомительно-скучная. Людей интересныхъ и живыхъ мало; большинство занято картами, кутежами и сплетнями. Мы сошлись съ весьма немногими лицами, живущими не исключительно низменными интересами мѣстной затхлои жизни. Посѣщали иногда спектакли, всю зиму происходившіе въ „народномъ домѣ“, гдѣ для народа почти ничего не дѣлается, п. ч. эти спектакли, и по содержанію, и по цѣнѣ, не для народа: земскій начальникъ Левицкій пригласилъ какую-то труппу, въ которой дѣйствующими лицами состоятъ—и онъ самъ, и жена его, и снялъ скверное, но единственное здѣсь, помѣщеніе для спектаклей у мѣстнаго комитета народной трезвости. Помѣщеніе ужасное, духота, грязь; исполненіе довольно жалкое, но все же развлеченіе. Замѣчательно, что Комитетъ о народной трезвости, сдавшій помѣщеніе г. Левицкому, уже ничего не дѣлалъ для народа—ни чтеній, ни вечеровъ съ туманными картинами. Замѣчательно также, что Левицкій, постоянно пребывая въ городѣ въ качествѣ антрепренера театра и профессиональнаго актера (довольно плохого), все-таки занимаетъ постъ земскаго начальника, но, конечно, исправно получая свое жалованіе, ужъ вовсе не исправно исполнялъ обязанности, за какія это жалованіе полагается.

Живя въ Острогожскѣ, я получилъ увѣдомленіе Уѣздной Воронежской земской управы, отъ 3 января, что „очередное уѣздное земское собраніе сессіи 1903 года, выслушавъ докладъ управы по поводу отказа Вашего принимать дальнѣйшее участіе въ содержаніи Петинской школы, постановило: „ввиду выдающихся педагогическихъ заслугъ Вашихъ и содержанія въ теченіе 19 лѣтъ на свои средства школы, выразить Вамъ отъ имени земскаго собранія благодарность и назвать будущую (?) школу въ селѣ Петинѣ Вашимъ именемъ“.

Черезъ нѣсколько времени (отъ 15 января) получилъ другое увѣдомленіе управы, что „очереднымъ земскимъ собраніемъ сессіи 1903 года Вы избраны на должность попечителя Петинской земской школы“. А между тѣмъ въ „Рус. Вѣдомостяхъ“ предсѣдатель управы г. Александровъ завелъ отъ имени управы нагло-лживую полемику съ корреспондентомъ, который, рассказывая о судьбѣ Петинской школы, между прочимъ, упрекалъ управу, вѣрнѣе его, г. Александрова, что онъ „проворонилъ“ мою богатую коллекцію учебныхъ пособій, отданную мною земствамъ другихъ губерній. Корреспондентъ ссылаясь на меня, и мнѣ пришлось сказать свое слово, т. е. подтвердить правдивость корреспонденціи въ „Рус. Вѣд.“ (№ 59 за 1904 г. „Письмо въ Редакцію“). Это было неприятно, но необходимо: письмо написано очень сжато, но правдиво и не безъ эффекта по адресу этого подлеца, земскаго челоуѣка изъ полицейскихъ крючковъ. Пришлось еще написать полемическую статью о школьныхъ кассахъ по поводу статьи о нихъ И. И. Янжула въ № 1 и 2 „Вѣстника самообразованія“. Я послалъ свою статью въ „Образованіе“¹⁾, а вызвана она была тѣмъ обстоятельствомъ, что кто-то прислалъ мнѣ почтой статью Янжула, словно вызывая меня на отзывъ: Не знаю, напечатаетъ ли ее „Образованіе“, но очень желалъ бы этого.

¹⁾ Напечатана въ 4 № за 1904 годъ: „О школьныхъ кассахъ и бережливости“.

январь мы съ женой съѣздили на двѣ недѣли въ Петербургъ и приращеніи недѣлю пробыли въ Воронежѣ. Я просился въ Петербургъ на три недѣли въ декабрѣ, думая возвратиться въ Острогжскъ къ Рождеству; но разрѣшеніе получилъ только въ январѣ. Въ Петербургѣ мало кого видѣлъ и осталась общее угнетенное состояніе интеллигенціи послѣ техническаго и Пироговскаго съѣздовъ, вызвавшихъ безпощадныя репрессіи. Потомъ послѣдовало объявленіе о войнѣ съ Японіей, сопровождавшееся шумными манифестаціями. Я бывалъ нѣсколько разъ въ оперѣ, видѣлся кое съ кѣмъ изъ знакомыхъ, совѣтовался съ врачомъ, Бертенсономъ, который нашелъ у меня признаки болѣзни почекъ и прописалъ лѣченіе. Въ Воронежѣ мы тоже пріѣхали на полосу манифестацій по поводу войны.

Тогда же меня занимала забота о лѣтѣ. Въ Острогжскѣ лѣто жить невозможно. Получивъ согласіе губернатора, я снялъ дачу на лѣвомъ берегу Дона, верстахъ въ 7—10 отъ Воронежа, гдѣ мы мечтаемъ хорошо прожить весну (съ мая), лѣто и осень (до октября или ноября), если не встрѣтятся какихъ-либо препятствій. Мѣсто хорошее, и будетъ очень хорошо, если это состоится. А осенью въ Петербургъ, или прямо въ Острогжскъ.

Острогжскъ. 1904 г., III/13.

Сегодня получилъ изъ Ярославля оттиски изъ „Вѣстника Ярославскаго Земства“ моихъ сжатыхъ очерковъ подъ общимъ заголовкомъ—„Замѣчательные деятели по народному образованію“ (Коменскій, Песталоцци, Дистервегъ, Золотовъ, Пироговъ, Ушинскій, Водовозовъ, 7 очерковъ), которые были написаны мною, по просьбѣ школьной комиссіи ярославскаго губернскаго земства, для выставленной въ Ярославлѣ выставки въ 1903 году. Это 7 отдѣльныхъ листочковъ. Подобные оттиски, пишетъ мнѣ секретарь комиссіи, были розданы всѣмъ учащимъ, посѣщавшимъ выставку“. Я при писаніи этихъ очерковъ, годъ тому назадъ, очень сожалѣлъ, что у меня не было подъ руками матеріаловъ для очерковъ о баронѣ Н. А. Корфѣ, о В. Я. Стоюнинѣ и гр. Л. Н. Толстомъ,—и не знаю, написалъ ли ихъ кто-нибудь другой.

Дача Волкова. 1904 г., мая 25.

Вотъ ужъ больше мѣсяца мы живемъ на дачѣ при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ. Погода все время отвратительная: холода, вѣтры, дожди. Одиночество полное: единственные сосѣди Федяевскіе относятся къ намъ съ какой-то подлой боязнью, и мы рѣшили не бывать у нихъ. Остальныя сосѣднія дачи пусты, по причинѣ ли скверной погоды, по причинѣ ли войны, или еще почему,—неизвѣстно. Удобства мало, холодно, скучно. Я отдаю большую часть времени (до обѣда) переработкѣ книги „Школьное дѣло“, а другую часть (послѣ обѣда) играю въ шахматы съ женой. Бѣдная, она терпѣливо переноситъ эту жизнь, которую мы съ нею искренно называемъ жизнью въ якутской области: тотъ же холодъ, то же одиночество, та же скука.

Дача Волкова, Іюля 24, 1904 г.

Обжились мы на дачѣ. Стало удобнѣе и оживленнѣе. Жена устроитъ нѣсколько литературно-вокальных вечеровъ и устраиваетъ спектакль, котораго состоится на-дняхъ. Все это, рядомъ съ прогулками, вноситъ въ жизнь разное образіе,—и время идетъ скоро, несмотря на весьма непріятную погоду. Газеты и вообще почту получаемъ раза три-четыре въ недѣлю. Я заявилъ желаніе и получилъ разрѣшеніе прожить зиму 1904—1905 года въ Петербургъ, чему, конечно, очень радъ. Въ половинѣ іюля получило страшное извѣстіе о трагическомъ концѣ министра вн. дѣлъ Плеве. Конецъ ужасный, событіе большой важности, но оно едва-ли будетъ имѣть значеніе для общаго строя русской жизни, которая, вѣроятно, и при другихъ лицахъ пойдетъ все той же дорогой: бомбами и револьверами ее едва-ли можно повернуть на другую дорогу, и такія катастрофы, какъ убійство Бобрикова ¹⁾ и Плеве, только усиливаютъ чувство ужаса, возбуждаемое русско-японской войной. Все кровь и кровь, убійства и убійства,—вотъ чѣмъ ознаменовывается первое десятилѣтіе 20-го вѣка: за сто лѣтъ человѣчество не стало человѣчнѣе и любвеобильнѣе. Какъ жестоко ошибся Бокль, утверждая, что войны больше не можетъ быть, кромѣ развѣ какъ между полудикими народами. Послѣ того нѣмцы воевали съ французами, англичане съ бурами, русскіе съ турками, а теперь воюютъ съ японцами,—и конца войнамъ не предвидится. Японская война, между прочимъ, унесла и непримиримаго врага войны—художника В. В. Верещагина, утонувшаго на одномъ броненосцѣ съ адмираломъ Макаровымъ,—на броненосцѣ, наскочившемъ на японскую мину. Когда и чѣмъ окончится война,—Богъ знаетъ, а кровь льется, страна разоряется, частныя лица страдаютъ. А къ этому еще такіе внутренніе ужасы, какъ трагическая смерть губернаторовъ, генераль-губернатора и все-сильнаго министра! Волосы встаютъ дыбомъ. Что будетъ, Боже мой, что будетъ?

Печатаніе книги „Живое Слово“ пошло было поживѣе, а съ іюля что-то опять стало: напечатаны 11 листовъ 2-ой части. Еще осталось напечатать листовъ 6 или 7. Дай Богъ, чтобы къ зимѣ книга была окончена. А что ее ждетъ? Богъ знаетъ.

Дача Волкова. 1904 г., августа 21.

Августъ ознаменовался рожденіемъ наслѣдника престола, Алексѣя Николаевича, и милостивымъ манифестомъ, въ которомъ я нашелъ статью, на мой взглядъ, прямо относящуюся ко мнѣ. Если я не ошибаюсь, срокъ моей неволи долженъ сократиться на одну треть,—и тогда съ 6 ноября этого года—я буду свободенъ. Былъ-бы очень доволенъ, если бы сомнѣнія не отравляли этою довольства. Подожду радоваться и предаваться мечтамъ...

¹⁾ Финляндскаго генераль-губернатора.